SEMINARIUM KONDAKOVIANUM

RECUEIL D'ÉTUDES.

ARCHÉOLOGIE. HISTOIRE DE L'ART.

ÉTUDES BYZANTINES.

III

»SEMINARIUM KONDAKOVIANUM«

PRAGUE 1929

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ ПО АРХЕОЛОГІИ И ВИЗАНТИНОВѢДѢНІЮ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

СЕМИНАРІЕМЪ ИМЕНИ Н. П. КОНДАКОВА.

III

»SEMINARIUM KONDAKOVIANUM«

ПРАГА 1929

Dédié à la mémoire

de

J. J. SMIRNOV

† 10 octobre 1918.

Посвящается памяти

Я. И. СМИРНОВА

† 10 октября 1918 г.

Типографія „Политика“, Прага.

Тиражъ 450 экз.

ЛЕВЪ ДІАКОНЪ О ГОДѢ ОТВОЕВАНІЯ ЦИМИСХІЕМЪ БОЛГАРІИ ОТЪ РУССКИХЪ

Какъ извѣстно, историки не согласны другъ съ другомъ въ вопросѣ о томъ, въ которомъ году Цимисхій отвоевалъ отъ Святослава Болгарское царство. Между западными учеными, одна группа, къ которой принадлежатъ и Г. Гельцеръ и К. Иречекъ, соглашается съ давно высказаннымъ мнѣніемъ Лебо, который это событіе датируетъ 971-мъ годомъ, въ то время какъ другая группа, къ которой относится и Г. Шлюмберже, придерживается мнѣнія Газе, считающаго въ отличіе отъ Лебо, что это событіе имѣло мѣсто въ 972-мъ году. На приверженцевъ 971 и 972 г. раздѣляются въ этомъ вопросѣ и русскіе историки, которые, естественно, болѣе всѣхъ были заинтересованы въ установленіи точной даты. Среди нихъ особенно поддерживалъ 972 годъ В. Г. Васильевскій. Насколько мнѣ извѣстно, осталась обособленной точка зрѣнія Пагіуса, по которому походъ Цимисхія въ Болгарію ради отвоеванія этой страны отъ русскихъ продолжался отъ 971-го до 973-го года.

Мнѣніе, по которому это событіе относится къ 972 г., основывается исключительно только на современномъ Цимисхію свидѣтельствѣ Льва Діакона и то только на тѣхъ его хронологическихъ данныхъ, которыя заключаются въ его описаніи борьбы Цимисхія съ русскими изъ-за Болгаріи. Какъ извѣстно, по смыслу этого свидѣтельства, Цимисхій отправился изъ Константинополя въ Болгарію только послѣ того, какъ въ ноябрѣ „второго" года своего царствованія женился на Багрянородной Ѳеодорѣ, послѣ того, какъ весь остатокъ той зимы онъ провелъ въ столицѣ, угощая, по случаю своей свадьбы, народъ пирами развлекая его состязаніями на ипподромѣ и заканчивая въ то же время послѣднія приготовленія къ походу на русскихъ въ Болгарію, и немного послѣ начала весны. Изъ дальнѣйшаго разсказа Льва Діакона видно, что императоръ въ ту же весну, еще до Пасхи, взялъ штурмомъ у военачальниковъ Святослава болгарскую столицу, Великій Преславъ, гдѣ въ его руки попалъ и болгарскій царь Борисъ II-ой. Послѣ этого, Цимисхій, спустя нѣсколько дней послѣ Пасхи, отправился оттуда на самаго Святослава въ Деристолъ, побѣдилъ его въ битвѣ подъ стѣнами этого города, заставилъ его запереться въ крѣпости и осадилъ его въ ней, сначала только со стороны суши, а вскорѣ и со стороны Дуная, т. к. въ это время подоспѣлъ сюда и византійскій флотъ, отрѣзавши русскимъ возможность отступленія изъ Деристола на лодкахъ. Наконецъ, описываются двѣ яростныя вылазки изъ Деристола попавшаго въ

тяжелое положеніе Святослава, которыя имѣли мѣсто 21-го и 22-го іюля и при которыхъ русскіе, какъ и раньше, послѣ кровавыхъ столкновеній, были загнаны назадъ въ крѣпость. 23-го іюля происходитъ военный совѣтъ Святослава съ его изнемогающей въ крѣпости дружиной. 24-го Святославъ предпринимаетъ послѣднюю вылазку изъ крѣпости, рѣшенную на военномъ совѣтѣ которая кончилась также несчастливо для русскихъ. 25-го Святославъ предложилъ миръ, подъ условіемъ свободнаго возвращенія русскихъ домой, что было принято Цимисхіемъ. Далѣе описывается краткое свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ на берегу Дуная, переправа Святослава съ остатками его дружины черезъ Дунай и гибель ихъ на пути отъ руки печенѣговъ, внезапно напавшихъ на нихъ изъ засады, возвращеніе Цимисхія изъ Болгаріи въ Царьградъ, его блестящій тріумфъ при въѣздѣ въ столицу, пожертвованіе храму св. Софіи лучшей изъ награбленныхъ болгарскихъ царскихъ коронъ, лишеніе Бориса II царскаго достоинства, возведеніе его въ чинъ византійскаго магистра и присоединеніе Болгарскаго царства къ Византіи. По свидѣтельству Льва Діакона, которое въ этомъ описаніи заключается, Цимисхій всю эту войну съ русскими въ Болгаріи, окончившуюся переходомъ послѣдней въ византійскія руки, продѣлалъ всего въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ.[1]

На основаніи всего этого, война, о которой идетъ рѣчь, продолжалась только отъ весны и, приблизительно, до конца іюля того года отъ Р. Хр., который слѣдовалъ за церковнымъ годомъ, бывшимъ „вторымъ" годомъ царствованія Цимисхія, въ ноябрѣ мѣсяцѣ котораго онъ вступилъ въ бракъ съ Ѳеодорой. Если, такимъ образомъ, намъ будетъ извѣстно, отъ какого времени по какое, согласно нашему счету годовъ отъ Рождества Христова, продолжался „второй" годъ царствованія Цимисхія и на который годъ послѣ Р. Хр. приходится ноябрь мѣсяцъ этого „второго" года царствованія Цимисхія, тогда намъ тотчасъ же само собою станетъ ясно и въ которомъ году послѣ Р. Хр. имѣла мѣсто упомянутая выше война Цимисхія съ русскими въ Болгаріи.

Если согласиться съ Газе,[2] издателемъ и комментаторомъ Льва Діакона, который считаетъ, что Цимисхій отнялъ Болгарію отъ Святослава въ 972 г. — „второй" годъ царствованія Цимисхія придется на время отъ праздника Рождества 970 г. до Рождества 971 г., такъ какъ Цимисхій короновался на Рождество 969 г. На этомъ основаніи время вѣнчанія Цимисхія съ Ѳеодорой пришлось бы на ноябрь 971 г., а изгнаніе русскихъ изъ Болгаріи на время отъ весны и приблизительно до конца іюля 972 г.

Мнѣ же кажется, что дѣло обстоитъ иначе. Не знаю точно, съ какого времени послѣ царствованія императора Ираклія, но безъ сомнѣнія уже, по крайней мѣрѣ, съ VIII вѣка и далѣе, византійцы стали считать первымъ, вторымъ и т. д. годами царствованія своихъ самодержцевъ календарные годы въ томъ порядкѣ, какъ они, продолжаясь каждый по 12 мѣсяцевъ отъ 1-го сентября и до слѣдующаго 31-го августа, слѣдовали въ теченіе царствованія того или другого императора. При этомъ, календарный годъ восшествія на престолъ

[1]) Leo Diac. ed. Bonn. 127,8 и сл.; 138,3 и сл.; 140,6 и сл.; 143,9 и сл.; 144,1 и сл.; 147,24 и сл.; 148,23 и сл.; 150,21 и сл.; 152,10 и сл.; 155,19 и сл.

[2]) Leo Diac. ed. Bonn. 473.

императора только тогда считался первымъ годомъ его царствованія, если отъ дня его воцаренія до конца того же календарнаго византійскаго года оставалось болѣе шести мѣсяцевъ.[1] На этомъ основаніи, первымъ годомъ царствованія Цимисхія былъ бы неполный 6478 календарный годъ, то есть время отъ его восшествія на престолъ 11 декабря 969 г. и до 31 августа 970 г.; вторымъ годомъ его царствованія былъ бы 6479 календарный византійскій годъ, т.-е. время отъ 1-го сентября 970 по 31-е августа 971-го года. Изъ этого слѣдуетъ, что ноябрь мѣсяцъ второго года царствованія Цимисхія, когда по выше приведенному свидѣтельству Льва Діакона онъ женился на дочери Константина VII Багрянороднаго, Θеодорѣ Багрянородной, приходился не на 971-й годъ, какъ утверждаетъ Газе, а на 970-й. А изъ этого далѣе слѣдуетъ, что Цимисхій, согласно и съ вышеприведенными свидѣтельствами Льва Діакона и съ такъ называемой Несторовой лѣтописью, отвоевалъ Болгарію отъ русскихъ во время похода, который длился отъ весны и приблизительно до конца іюля 971 года. Съ другой стороны, не существуетъ ни одного источника, по которому этотъ походъ имѣлъ бы мѣсто въ 972-мъ году.

Конечно, вопросъ о годѣ отвоеванія Цимисхіемъ отъ Святослава Болгаріи и о продолжительности похода, во время котораго онъ выполнилъ это свое предпріятіе, здѣсь мною даже приблизительно не рѣшается. Что касается года окончанія указаннаго похода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательнаго присоединенія Цимисхіемъ Болгарскаго царства къ Византіи, то самъ Левъ Діаконъ, кромѣ вышеприведенныхъ хронологическихъ указаній, для времени окончанія войны Цимисхія съ русскими даетъ еще двѣ другія даты, такъ что онъ въ этомъ вопросѣ самъ себѣ трижды противорѣчитъ.

По однимъ изъ этихъ данныхъ Льва Діакона, Цимисхій, по возвращеніи изъ Болгаріи изъ своего побѣдоноснаго похода противъ Святослава, провелъ зиму въ столицѣ, а затѣмъ отправился на лѣто изъ Царьграда въ свой первый, а въ слѣдующемъ году весною, также изъ Царьграда, въ свой второй азіат-

---

[1]) Ph. Krug, Kritischer Versuch zur Aufklärung d. byz. Chronologie, С.-Петербургъ, 1810 p. 13 и сл. и цитата, которую мы здѣсь находимъ изъ Пагіуса; также стр. 1, откуда видно, что, напримѣръ, по отношенію къ императору Θеофилу, который сталъ царемъ во второмъ мѣсяцѣ 6338-го календарнаго года (октябрь 829), этотъ 6338 г. разсматривался первымъ годомъ его царствованія. Наоборотъ, въ отношеніи Никифора II Фоки, который вступилъ на престолъ въ 6471 календарномъ году, но уже въ концѣ его (2-го іюля 963 г.), этотъ 6471 г. при счетѣ лѣтъ царствованія уже во вниманіе не принимался, а первымъ годомъ царствованія считался слѣдующій 6472 календарный годъ. Вслѣдствіе этого, у Cedr. (Skylitz) ed. Bonn. II 361,14 и сл. ошибочно указанъ при второмъ годѣ царствованія Фоки 7-ой индиктъ, т. к. этотъ индиктъ соотвѣтствуетъ 6472 кален. году, иначе говоря первому году царствованія Фоки. Здѣсь, слѣдовательно, долженъ быть указанъ 8-ой индиктъ, который въ дѣйствительности и отвѣчаетъ второму году царствованія Фоки, т.-е. 6473-му кален. году. Лучше всего это видно у самого Cedr. (Skylitz) ed. Bonn. II 372,3 гдѣ четвертый годъ царствованія Фоки правильно обозначенъ индиктомъ 10, т.-е. 6475 кален. годомъ. Если это четвертый годъ царствованія Фоки, то третій былъ 6474 — индиктъ 9, а второй 6473 — индиктъ 8. Указанная ошибка у Cedr. (Skylitz) повидимому произошла вслѣдствіе того, что первый киликійскій походъ Фоки дѣйствительно начался, какъ тамъ это и говорится, въ іюлѣ мѣсяцѣ индикта 7-го, или въ іюлѣ 6472 (964 г.), т.-е. только въ концѣ перваго года царствованія Фоки; но продолжался онъ и весь второй и часть третьяго года его царствованія.

скій походъ противъ арабовъ; однако, при возвращеніи изъ этого второго его азіатскаго похода въ столицу, онъ въ пути такъ сильно заболѣлъ, что едва успѣлъ добраться до Царьграда, гдѣ послѣ краткой болѣзни умеръ 10-го января, индикта 4-го, 977 (6485) года.[1] Нѣтъ сомнѣнія, что, какъ это показываетъ и индиктъ 4-й, въ данномъ свидѣтельствѣ 10-е января 977 (6485)-го г. стоитъ, вслѣдствіе ошибки переписчика, вмѣсто 10-го января 976 (6484)-го года. Къ тому же мы и изъ другихъ источниковъ совершенно достовѣрно знаемъ, что Цимисхій окончилъ свою жизнь въ январѣ 976-го г. Итакъ, согласно предыдущимъ свидѣтельствамъ Льва Діакона, второй походъ Цимисхія въ Азію долженъ имѣть мѣсто въ 975-мъ году, въ то время какъ его первый азіатскій походъ долженъ былъ бы занять періодъ времени отъ лѣта до зимы 974-го года, въ такомъ случаѣ Цимисхій изъ своего русскаго похода вернулся въ Царьградъ въ 973 г.!

Наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ тотъ же авторъ утверждаетъ, что борьба Цимисхія со Святославомъ продолжалась до іюля мѣсяца 974 г! Это утвержденіе мы находимъ въ томъ мѣстѣ текста, гдѣ разсказывается, что послѣднее сраженіе между Цимисхіемъ и Святославомъ подъ Деристоломъ произошло 24-го іюля. Кромѣ того, здѣсь сказано, что тогда былъ „шестой день недѣли", т. е. значитъ пятница.[2] Извѣстный хронологическій расчетъ приводитъ къ заключенію, что 24 іюля 971 г. былъ понедѣльникъ, въ 972 г. этотъ день былъ въ среду, въ 973 — въ четвергъ, а въ 974 г. въ пятницу.[3] Вслѣдствіе этого, не только это послѣднее сраженіе 24 іюля, но и тѣ, немного болѣе раннія и немного болѣе позднія іюльскія событія и эпизоды въ борьбѣ Цимисхія со Святославомъ, о которыхъ, какъ мы уже видѣли, разсказываетъ Левъ Діаконъ въ своемъ описаніи византійскихъ военныхъ операцій въ Болгаріи противъ русскихъ, никакъ не могли бы произойти въ іюлѣ 971 г., какъ на основаніи иныхъ хронологическихъ указаній этого автора мы выше заключили, но только въ іюлѣ 974 г.!

Таковы тѣ данныя о годѣ отвоеванія Цимисхіемъ Болгаріи отъ Святослава и о продолжительности самого похода противъ русскихъ, которыя можно найти у Льва Діакона. Что объ этомъ свидѣтельствуютъ остальные источники, и что изъ всего этого можетъ разсматриваться какъ историческая правда, я имѣю въ виду показать на основаніи всего существующаго матеріала въ другомъ мѣстѣ, какъ только закончу всю эту давно уже мною подготовляемую работу.

Д. Анастасіевичъ.

24 февраля 1928 г.
Бѣлградъ.

---

[1]) Leo Diac. ed. Bonn. 159,8; 160,1 и сл.; 163,3 и сл.; 165,17 и сл.; 176,14 и сл.; 177,11 и сл.; 178,13 и сл.

[2]) Leo Diac. ed. Bonn. 152,11 и сл.

[3]) Въ теченіе неполныхъ 974 лѣтъ, до 24 іюля включительно, всего прошло 355593 дня, или ровно 50799 недѣль, изъ которыхъ каждая начиналась субботой, т. к. и первый день нашей эры приходился въ субботу. Такимъ образомъ и та недѣля, которая наступила 25 іюля 974 г., началась также въ субботу. Поэтому 24 іюля 974 г. было въ пятницу. Ср. F. Rühl. Chronologie des Mittelalters u. d. Neuzeit. Berlin, 1897, стр. 62.

АЛТАРНАЯ ПРЕГРАДА XII ВѢКА ВЪ НЕРЕЗѢ

Въ большинствѣ современныхъ православныхъ храмовъ мы привыкли видѣть высокіе, многоярусные иконостасы, которые не только отдѣляютъ алтарь отъ остальной части церкви, но и почти совершенно закрываютъ отъ взоровъ молящихся алтарную апсиду, восточную пару подкупольныхъ столбовъ и боковыя отдѣленія алтаря. Уже семьдесятъ лѣтъ тому назадъ русскій ученый Филимоновъ впервые указалъ на то, что иконостасы такого вида возникли на Руси и въ сравнительно позднее время.[1] Основаніемъ для такого утвержденія ему послужило то обстоятельство, что въ церкви св. Николая на островѣ Липнѣ близъ Новгорода, возведенной въ 1292 году, существующій иконостасъ закрываетъ древнія фрески, сохранившіяся на западной сторонѣ восточной пары столбовъ. Изъ этого онъ совершенно правильно заключилъ, что первоначально бывшій здѣсь иконостасъ не стоялъ передъ этими столбами, а находился между ними; кромѣ того онъ былъ однояруснымъ, такъ какъ иначе закрывалъ бы живопись въ алтарѣ; на внутреннихъ сторонахъ столбовъ сохранились слѣды отъ стараго иконостаса только внизу.

Позднѣе, подтвержденія заключенію Филимонова были обнаружены и въ другихъ древнихъ русскихъ храмахъ. Древнія фрески были открыты на западной сторонѣ всѣхъ четырехъ восточныхъ столбовъ въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ послѣ того, какъ въ 1893 году былъ снятъ закрывавшій ихъ высокій иконостасъ XVIII вѣка.[2] Слѣды низкихъ иконостасовъ оказались и въ церкви св. Ѳеодора Стратилата въ Новгородѣ, 1360 г.,[3] и въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, 1484 г.[4] Въ московскомъ Успенскомъ соборѣ (1474 г.) „иконостасъ замѣняла каменная стѣнка, которая и до сихъ поръ находится за деревяннымъ иконостасомъ; она не высока, въ серединѣ ея проходъ, гдѣ, вѣроятно, помѣщались рѣзныя деревянныя царскія врата; на самой стѣнкѣ обнаружились пилястры, живопись въ круглыхъ медаліонахъ и орнаменты".[5]

Такимъ образомъ, устройство низкаго иконостаса-преграды, отдѣляющей

---

[1]) Г. Филимоновъ. Церковь св. Николая Чудотворца на Липнѣ близъ Новгорода. Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ. „Археологическія изслѣдованія по памятникамъ". Вып. I. Москва, 1859.

[2]) „Археологическія Извѣстія и Замѣтки", изд. Моск. Археол. Обществомъ, вып. 5. Москва. 1893, 174—175.

[3]) Н. Окуневъ. Вновь открытая роспись церкви св. Ѳеодора Стратилата въ Новгородѣ. „Извѣстія Имп. Археол. Коммиссіи", вып. 39. СПБургъ, 1911.

[4]) „Археол. изв. и зам.", вып. 2, Москва. 1893. 72.

[5]) А. М. Павлиновъ. Московскій Успенскій соборъ. „Археол. изв. и зам.". Москва, 1895. 1,6.

алтарь только въ пространствѣ между двумя восточными столбами, засвидѣтельствовано на Руси вплоть до конца XV столѣтія. Возможно, что низкіе иконостасы строились и позднѣе, но въ то же время возникаетъ и другая форма — начинаютъ дѣлать иконостасы въ нѣсколько ярусовъ и выносятъ ихъ въ пространство передъ восточными столбами. Причину этого, повидимому, надо видѣть въ томъ, что въ XV вѣкѣ въ средней Россіи въ большинствѣ случаевъ церкви оставались нерасписанными, вслѣдствіе ли отсутствія средствъ на этотъ довольно дорогой способъ украшенія храма, вслѣдствіе ли недостатка въ мастерахъ. При отсутствіи же церковной росписи, она стала замѣняться соотвѣтственными изображеніями на переносныхъ доскахъ — иконами, которыя, вмѣсто того, чтобы развѣшивать кругомъ по стѣнамъ, удобно было сосредоточить всѣ съ одной стороны, передъ глазами молящагося, ставя ихъ въ нѣсколько рядовъ однѣ на другія надъ иконостасомъ. Въ виду большого количества иконъ, онѣ уже не помѣщались въ пространствѣ между столбами, и иконостасы стали выдвигать нѣсколько впередъ и расширили во всю ширину церкви.

То, что схемы, принятыя въ росписяхъ, нашли себѣ примѣненіе въ многоярусныхъ иконостасахъ, заимствовавшихъ кругъ изображеній стѣнной живописи, установилъ уже Филимоновъ.[1] На иконостасѣ, въ четырехъ, пяти рядахъ иконъ сконцентрировалась почти вся стѣнная роспись храма, распредѣляясь по поясамъ, соотвѣтственно поясамъ и отдѣльнымъ частямъ стѣнописи.

Обычай устройства высокаго иконостаса привился въ Россіи настолько, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда церковь расписывалась, иконостасъ оставался многоярусньмъ, повторяя въ извѣстной мѣрѣ роспись. Въ ростовскихъ же церквахъ XVII в., гдѣ иконостасы исчезаютъ и замѣняются глухой каменной стѣной, отдѣляющей алтарь отъ церкви, на этой стѣнѣ стѣнная роспись копируетъ уже иконостасъ.[2]

Во всемъ остальномъ православномъ мірѣ низкія алтарныя преграды продолжаютъ существовать, повидимому, вплоть до конца XVII или до начала XVIII в., когда онѣ также начинаютъ замѣняться постепенно высокими иконостасами подъ вліяніемъ, идущимъ изъ Россіи черезъ Аѳонъ и черезъ славянскія страны на Балканахъ, гдѣ многіе монастыри въ это время пользовались постоянной матеріальной поддержкой со стороны русскаго правительства. Въ XVIII в. въ Македоніи возникаетъ довольно обширное и очень интересное съ художественной стороны собственное кустарное производство высокихъ рѣзныхъ иконостасовъ. Производство это сперва сосредоточивается въ лѣсистыхъ окрестностяхъ города Дебра, а позднѣе распространяется и въ Болгаріи, въ городѣ Самоковѣ.[3] Прекрасные высокіе иконостасы, очень тонко и искусно рѣзанные изъ твердаго моренаго дерева, сохранились во многихъ сербскихъ и болгарскихъ церквахъ.[4] Въ большинствѣ случаевъ они отражаютъ въ себѣ уже сильное

---

1) Г. Филимоновъ. о. с. Ср. Л. Никольскій. Аѳонскіе стѣнописцы, „Иконописный сборникъ“, II, СПБургъ, 1908. 59, прим. 1.

2) И. Грабарь. Исторія русскаго искусства. Москва, s. a., II, рис. на стр. 162.

3) Б. Филовъ. Старобългарското изкуство. София, 1924, 104—105.

4) Б. Филовъ. о. с., рис. 77, 81, 83; табл. XLI—XLVIII. Л. Милетичъ. Исторически и художествени паметници въ манастира св. Иванъ Бигоръ („Списание на Българ. Академия на

вліяніе западнаго орнамента барокко и рококо и могутъ быть сопоставлены съ подобными же иконостасами южно-русскихъ церквей.[1]

Несмотря на почти повсемѣстную замѣну въ юго-славянскихъ церквахъ старыхъ низкихъ алтарныхъ преградъ высокими иконостасами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранились все-же и старые иконостасы, обыкновенно закрытые теперь болѣе новыми иконостасами, поставленными передъ ними. Лучшій примѣръ такого стараго, совершенно въ неизмѣнномъ видѣ сохранившагося и къ тому же не закрытаго ничѣмъ иконостаса представляетъ алтарная преграда въ церкви св. Георгія села Старое-Нагоричино около Куманова, капитально обновленной королемъ Милутиномъ въ 1313 году. Преграда эта состоитъ изъ двухъ каменныхъ колонокъ, поставленныхъ въ промежуткѣ между восточными столбами и поддерживающихъ каменный же архитравъ, концами вдѣланный въ боковыя стороны этихъ же столбовъ.[2] Между колонками устроены царскія врата, а все пространство по сторонамъ вратъ, между колонками и столбами, забрано тонкой каменной стѣнкой, на которой съ лѣвой стороны написанъ фреской св. Георгій, а съ правой — Богородица съ ласкающимся къ ней Младенцемъ, названная въ надписи Пелагонитиссой. Деревянныхъ иконъ здѣсь, слѣдовательно, не было, и онѣ были замѣнены изображеніями, написанными на стѣнѣ.

Иконостасъ, сохранившійся въ церкви Дечанскаго монастыря, основанной въ 40-хъ годахъ XIV вѣка, и закрытый теперь новымъ деревяннымъ иконостасомъ, имѣетъ видъ низкой каменной стѣнки съ проходомъ посерединѣ; по сторонамъ прохода на стѣнкѣ стоятъ двѣ восьмигранныя колонки, поддерживающія архитравъ; колонки увѣнчаны рѣзными мраморными капителями, украшенными аканфовыми листьями съ сильно отогнутыми и свѣшивающимися концами. Такой же видъ имѣетъ и иконостасъ церкви св. Димитрія въ Марковомъ монастырѣ около Скопле, построенной во второй половинѣ XIV вѣка.[3] Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ пространство между колонками и столбами не заложено стѣной и оставлено свободнымъ. Въ эти отверстія были, повидимому, вставлены деревянныя иконы, но какимъ образомъ онѣ стояли и какъ были укрѣплены выяснить не удается, такъ какъ никакихъ слѣдовъ того, что онѣ здѣсь были, ни на столбахъ, ни на колонкахъ, ни на стѣнкѣ внизу, нѣтъ.

Топографически ближайшимъ образцомъ для этихъ иконостасовъ сербскихъ церквей является старый иконостасъ Нерезскаго храма, къ сожалѣнію, не сохранившійся полностью, но могущій быть на основаніи имѣющихся фрагментовъ реконструированнымъ. До послѣдняго времени онъ также былъ почти скрытъ отъ глазъ изслѣдователей новымъ высокимъ иконостасомъ, поставленнымъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Съ разрѣшенія просвѣщеннаго митрополита скопльскаго, Варнавы, я осенью прошлаго года, въ связи съ расчи-

---

наукитѣ", кн. XVI, клонъ ист. *фил. кн. 9). София, 1918, рис. 7—16.* П. Койчевъ. Рѣзбарското изкуство въ България. „Изв. на Българ. Археол. Дружество", I. София, 1910, табл. X—XX. Кромѣ того, такіе иконостасы существуютъ въ храмахъ Дечанскаго и Лесновскаго монастырей.

[1]) И. Грабарь. о. с., II, рис. на стр. 408.

[2]) Н. Кондаковъ. Македонія. Археологическое путешествіе. СПБ. 1909, 199, рис. 135.

[3]) Ib., 184, *рис. 120.*

стой древнихъ фресокъ храма, удалилъ этотъ новый иконостасъ и, благодаря этому, получилъ возможность вполнѣ выяснить форму иконостаса стараго.

Алтарь здѣсь также отдѣляется отъ средней части храма стѣнкой, довольно высокой (1.10 метр.) и довольно толстой (0.60 метр.). Она слѳжена изъ большихъ необработанныхъ камней на слабомъ растворѣ сѣраго цвѣта. Въ серединѣ оставленъ проходъ 1.11 метр. ширины. По сторонамъ прохода въ углы стѣнки, обращенные къ храму, вставлены двѣ колонки свѣтло-сѣраго мрамора плохѳго качества (табл. I, 1). Снизу, почти до высоты стѣнки, эти колонки имѣютъ квадратную форму, выше восьмигранную. Завершаются онѣ кубовыми, четырехгранными капителями. Сѣверная колонка сохранилась цѣликомъ, у южной недостаетъ куска, приблизительно, въ 0.14 мтр.[1] Со стороны прохода изъ колонокъ выступаютъ высѣченные изъ одного съ ними куска мрамора квадратные столбики, почти той-же высоты, что и квадратная часть колонки. Они завершаются шариками на невысокой, тонкой шейкѣ.

Съ наружной стороны колонки и столбики украшены рельефной орнаментальной рѣзьбой. На наружныхъ граняхъ восьмигранной части колонокъ вырѣзано плетенье изъ двухъ тройныхъ лентъ. Въ нижней части повторяется тоже плетеніе, но уже изъ трехъ тройныхъ лентъ; здѣсь оно заключено въ рамочку изъ двойного валика. Внизу и вверху этотъ валикъ отступаетъ отъ края, образуя сегментообразное поле. Внизу это поле не украшено ничѣмъ, вверху на немъ вырѣзанъ вѣерообразный листъ. На столбикахъ въ углубленномъ полѣ вырѣзанъ волнообразный стебель виноградной лозы. На лѣвомъ столбикѣ отъ стебля отвѣтвляются поочередно гроздья и листья, а на правомъ, кромѣ того, характерные виноградные усики. Очень плотно сбитыя гроздья похожи на шишки пиніи, а листья съ очень мелко раздѣланной структурой — на сосновыя вѣточки. Капители украшены вѣерообразными листьями, обращенными кверху.

Колонки, какъ и въ указанныхъ выше памятникахъ, поддерживали архитравъ, котораго теперь на мѣстѣ нѣтъ. На боковыхъ стѣнахъ видны замазанные новой штукатуркой слѣды тѣхъ мѣстъ, гдѣ этотъ архитравъ упирался въ эти стѣны. На дворѣ же монастыря можно видѣть остатки этого архитрава. Два довольно большихъ куска лежатъ на стѣнкѣ около колодца, а три другихъ, поменьше, валялись въ прошломъ году около южной стѣны церкви. Архитравъ имѣлъ форму невысокой, но довольно широкой мраморной балки съ косымъ срѣзомъ спереди. Этотъ срѣзъ украшенъ рѣзными пальметтами.

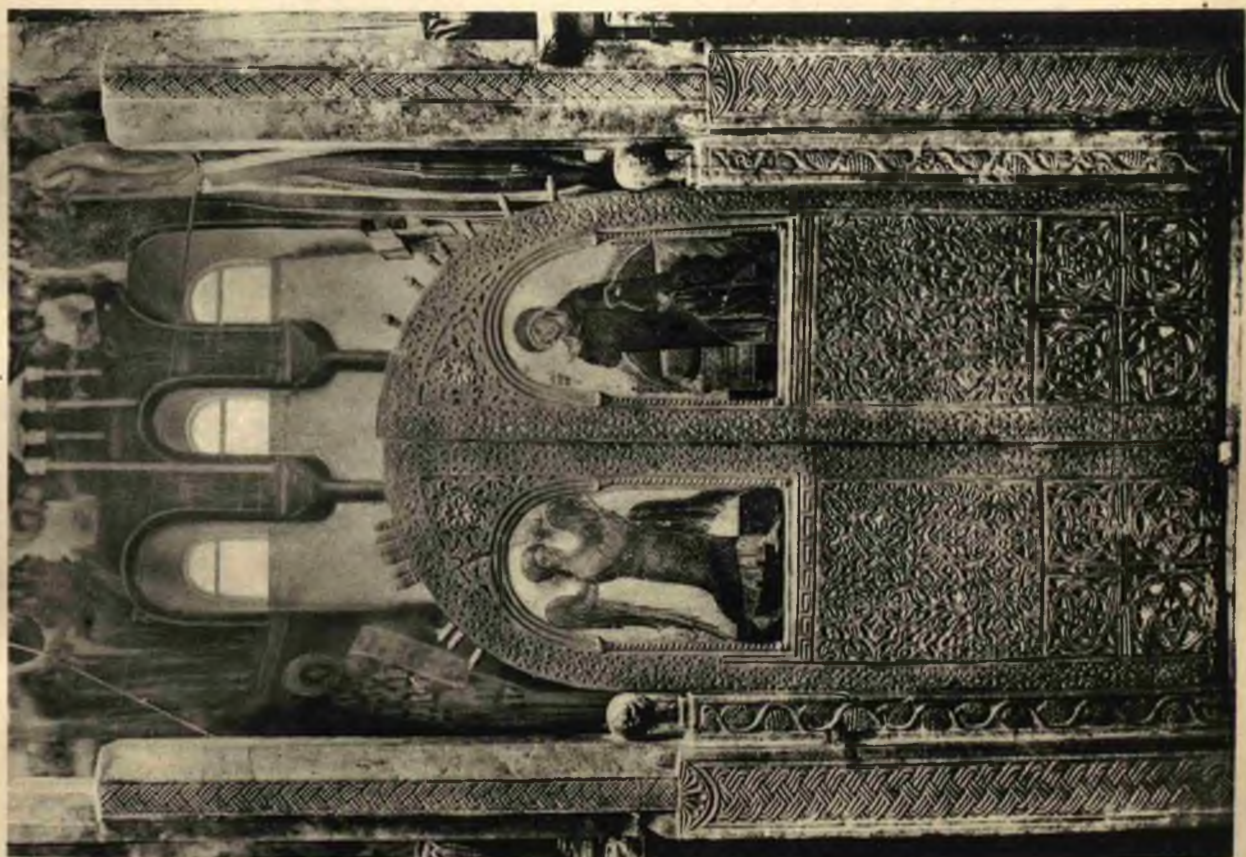
Этими частями, однако, не ограничивается декоративное цѣлое Нерезскаго иконостаса. Къ нему надо отнести и замѣчательный рельефъ, вдѣланный въ стѣну южнаго подкупольнаго столба (табл. III).

Рельефъ этотъ былъ изданъ впервые Кондаковымъ, который счелъ его частью рѣзного амвона или киворія, вставленной въ стѣну, чтобы служить кіотомъ для малярнымъ способомъ исполненнаго изображенія св. Пантелей-

---

[1]) Послѣ моего отъѣзда изъ Нереза въ прошломъ (1927) году эта колонка была при невыясненныхъ обстоятельствахъ разбита и сейчасъ на мѣстѣ стоитъ только нижняя ея часть. Верхняя же часть, распавшаяся на 4 куска, хранится въ церкви, (№№ 5—8, печатаемаго ниже списка фрагментовъ).

мона.[1] Однако, послѣ отмывки этого изображенія, подъ нимъ оказалось другое, прекрасное изображеніе этого святого — патрона церкви — исполненное фреской XII вѣка. Обслѣдованіе мѣстъ соприкосновенія рельефа и фресокъ XII в., какъ внутри рельефа, такъ и вокругъ него, показало, что онъ вставленъ въ штукатурку XII в., находящуюся подъ фресками, и что краски древнихъ фресокъ, покрывающія эту штукатурку, достигаютъ до самаго рельефа. Послѣдній, слѣдовательно, былъ вставленъ въ стѣну одновременно съ исполненіемъ росписи, т. е. въ XII же вѣкѣ.

Характеръ исполненія рельефа и декоративные мотивы его украшающіе вполнѣ подтверждаютъ предположеніе о его изготовленіи въ XII в. Онъ представляетъ собой довольно толстую гипсовую доску, въ которой вырѣзана трехлопастная арка (1.00 × 1.18 мтр.). Верхъ его увѣнчанъ выступающимъ карнизомъ, передняя сторона котораго имѣетъ косой срѣзъ съ уступомъ книзу. Этотъ срѣзъ украшенъ пальметтами, чередующимися съ двойными копьевидными листами. Края карниза поддерживаются двумя гладкими полуколонками, прилегающими къ боковымъ сторонамъ средней доски. Онѣ завершаются капительками, на которыхъ вырѣзаны также пальметты, подобныя пальметтамъ на карнизѣ, но безъ листковъ ихъ раздѣляющихъ. Базы имѣютъ классическую форму, т. е. состоятъ изъ плинѳа, валика и выкружки надъ ними.[2]

Полуколонки стоятъ въ свою очередь на капителяхъ, на которыя опираются и края средней доски. Эти капители имѣютъ кубовидную форму и украшены также пальметтами, отличающимися отъ пальметтъ карниза только тѣмъ, что ихъ крайніе листки и листы ихъ раздѣляющіе перевязаны. Нижняя доска этихъ капителей съ трехъ сторонъ орнаментирована высверленными дырочками. Она покоится на четырехъ маленькихъ капителькахъ, расположенныхъ въ два ряда и украшенныхъ распластанными по угламъ листиками аканѳа. Далѣе къ низу ничего не сохранилось, но нѣтъ сомнѣнія, что этими капительками завершался пучекъ изъ четырехъ тонкихъ и длинныхъ колонокъ, изъ которыхъ двѣ, ближайшія къ стѣнѣ, тѣсно къ ней прилегали, какъ можно судить по слѣду, сохранившемуся на стѣнѣ: во всю длину колонокъ, осталась выемка въ древней штукатуркѣ. Стояли эти колонки на каменномъ карнизѣ и сейчасъ еще выступающемъ изъ стѣны на уровнѣ высоты каменной стѣнки, отдѣляющей алтарь отъ средней части храма. Возможно, что на серединѣ своей высоты всѣ четыре колонки переплетались въ узелъ и этимъ нѣсколько сокращалось впечатлѣніе ихъ длины, которая по сравненію съ толщиной кажется слишкомъ большой. Данныхъ для подтвержденія этого предположенія мы, однако, не имѣемъ.

Наиболѣе интересной частью всей декораціи является, конечно, рельефъ верхней доски. Край трехлопастной арки украшенъ здѣсь нитью античныхъ бусинъ и обрамленъ широкой полосой плетенія изъ четырехъ тройныхъ лентъ.

---

[1]) Н. Кондаковъ. Македонія, 176, рис. 113. Тоже мнѣніе высказалъ и G. Millet: *L'ancien art serbe. Les églises.* Paris, 1919,145—146, fig. 152.

[2]) Лѣвый уголъ карниза и лѣвая колонка отломаны и держались только благодаря тому, что ихъ придерживалъ деревянный иконостасъ. Когда же послѣдній былъ снятъ, пришлось эти отломанныя части временно, до окончательнаго укрѣпленія на мѣстѣ, удалить. (№№ 1—3, печатаемаго ниже списка фрагментовъ.) Поэтому ихъ недостаетъ на снимкѣ.

Надъ зенитомъ арки довольно условно вырѣзано подобіе чаши, изъ которой на обѣ стороны расходятся два двойныхъ стебля лозы съ листьями. Образуя разводы, эти стебли заполняютъ все пространство между карнизомъ, аркой и колонками. На фонѣ этихъ разводовъ, нѣсколько болѣе низкимъ рельефомъ исполнены по обѣ стороны чаши два фазана, которые къ ней обращены.

Не смотря на то, что эти настѣнные рельефы исполнены изъ стука, въ то время, какъ сохранившіяся части иконостаса высѣчены изъ мрамора, нѣтъ причинъ сомнѣваться въ томъ, что тѣ и другіе возникли одновременно и взаимно связаны другъ съ другомъ, представляя одно декоративное цѣлое. Карнизъ рельефа въ точности повторяетъ профиль архитрава преграды и его рѣзную орнаментацію. Плетеніе на каймѣ трехлопастной арки совершенно сходно съ плетеніемъ на колоннахъ и въ обоихъ случаяхъ замѣчается одинъ и тотъ же характерный пріемъ исполненія: въ уголкахъ, образованныхъ переплетающимися лентами, сверломъ проверчены дырочки для болѣе рѣзкаго оттѣненія фактуры плетенія.

Полное же подтвержденіе того, что настѣнный рельефъ не является случайно вставленной въ стѣну частью какого либо другого церковнаго сооруженія, киворія или амвона, даетъ изслѣдованіе простѣнка, находящагося слѣва отъ алтарной преграды. По снятіи деревяннаго иконостаса, здѣсь обнаружилась прекрасно написанная фреска XII в., изображающая Богородицу въ ростъ, съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ (Табл. I, 2). Къ сожалѣнію, верхняя часть этой фрески разрушена: не сохранилась голова Богородицы и верхняя часть головы Младенца. Однако, рядомъ съ фигурой Іисуса, вправо отъ нея, ясно видно, какъ обрамленіе загибается влѣво, слѣдуя линіи срѣза правой капительки, находившейся подъ трехлопастной аркой рельефа, который нѣкогда здѣсь былъ. По сторонамъ же фрески мы видимъ такія же выемки въ штукатуркѣ на мѣстѣ прилеганія къ стѣнѣ четверныхъ колонокъ, какъ и ниже рельефа на правомъ простѣнкѣ. Кромѣ того, въ церкви сохранилась гипсовая капитель, тождественная капителямъ четверныхъ колонокъ праваго простѣнка и являющаяся единственнымъ остаткомъ рельефной декораціи лѣваго простѣнка. Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и на лѣвомъ простѣнкѣ первоначально существовалъ рельефъ совершенно соотвѣтствовавшій по формѣ и по назначенію сохранившемуся справа отъ алтарной преграды. Когда его выламывали изъ стѣны, была испорчена верхняя часть изображенія Богородицы.

До недавняго времени въ церкви хранился еще одинъ интересный памятникъ, очевидно также имѣвшій отношеніе къ декораціи стараго иконостаса. Это довольно высокая мраморная плита, изданная также Кондаковымъ.[1] Еще въ 1921 г. она была мною сфотографирована съ обѣихъ сторонъ, а при посѣщеніи монастыря въ слѣдующемъ году я нашелъ ее уже неизвѣстно кѣмъ разбитой на пять частей (Табл. II).[2]

На лицевой сторонѣ этой плиты, на шестнадцати продолговатыхъ четыреугольныхъ поляхъ, обрамленныхъ рамочками изъ двойной переплетающейся

---

[1]) Н. Кондаковъ, Македонія, 175, рис. 112.

[2]) Въ разбитомъ видѣ она хранится въ настоящее время въ Музеѣ Южной Сербіи въ гор. Скопле.

ленты, вырѣзаны животныя, листья и розетки. Въ четырехъ поляхъ верхняго ряда помѣщены изображенія птицъ — въ двухъ среднихъ онѣ обращены въ разныя стороны и, закинувъ головы назадъ, чистятъ клювами крылья, въ крайнихъ онѣ повернуты къ серединѣ и, склонивъ головы, чистятъ клювами лапы. Во второмъ ряду, въ крайнихъ поляхъ, изображены звѣрки, по формѣ ушей болѣе всего похожіе на зайцевъ, которые поѣдаютъ грозди винограда, свѣшивающіяся съ загибающагося стебля, отъ котораго ниже отвѣтвляется одинъ листочекъ. Въ среднихъ поляхъ, въ лѣвомъ вырѣзана птица, обращенная влѣво и похожая на голубя, въ правомъ — орелъ одноглавый, въ геральдическомъ положеніи, съ отогнутой влѣво головой и съ длиннымъ, вѣерообразнымъ хвостомъ. Въ третьемъ ряду, въ крайнихъ поляхъ помѣщены вертикально поставленные листы, кончики которыхъ симметрично загибаются къ центру плиты, въ среднихъ — вертящіяся розетки. Въ нижнемъ ряду всѣ четыре поля заняты разнаго вида розетками или звѣздами.

Задняя сторона плиты также орнаментирована, хотя и значительно проще и грубѣе. Здѣсь широкія ленты, переплетаясь, образуютъ четыреугольную раму, а внутри три круглыхъ поля — одно большое въ центрѣ и два маленькихъ — одно выше, а другое ниже средняго. Въ маленькихъ кругахъ помѣщены пальметки, въ большомъ — шестиконечный крестъ, стоящій на ступенчатомъ подножіи; отъ основанія креста подымаются кверху съ обѣихъ сторонъ два стебля съ загибающимися отростками.

Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что плита является частью иконостаса и относится къ тому же времени, что и другія сохранившіяся его части, достаточно сравнить рельефы на ея лицевой сторонѣ съ орнаментомъ, вырѣзаннымъ на столбикахъ по сторонамъ царскихъ вратъ. Виноградныя грозди, поѣдаемыя зайцами, имѣютъ туже сбитую форму шишекъ, а листочки также похожи больше на сосновыя вѣточки. Сходство этихъ деталей на плитѣ и столбикахъ столь велико, что можно съ увѣренностью предполагать въ обоихъ случаяхъ работу одного и того же мастера.

На основаніи сравненія съ другими сохранившимися древними иконостасами, о которыхъ рѣчь еще будетъ ниже, не трудно опредѣлить мѣсто, гдѣ въ нашемъ иконостасѣ она находилась. Вмѣстѣ съ другими, тремя, повидимому, подобными-же ей, но не сохранившимися плитами,[1] она составляла самую алтарную преграду, занимая пространство между колонной и стѣной. Такъ какъ задняя сторона плиты также орнаментирована, то должна была быть видна изъ алтаря и едва-ли была замурована въ существующую каменную стѣнку, которая въ настоящее время представляетъ собой преграду. На этомъ основаніи, а также въ виду того, что стѣнка сложена довольно небрежно изъ плохого матеріала, можно думать, что она возникла много позднѣе, а первоначально колонны стояли свободно.

Изъ всего только что сказаннаго объ иконостасѣ Нерезскаго храма видно,

[1]) Среди плитъ, которыми вымощенъ въ настоящее время полъ діаконника, находится фрагментъ другой плиты сюда же относящейся. Обращенная кверху сторона ея орнаментирована совершенно такъ же, какъ и задняя сторона плиты нами только что описанной.

что первоначально онъ имѣлъ слѣдующій видъ: по сторонамъ царскихъ вратъ двѣ колонны со столбиками, къ которымъ, очевидно, должны были быть придѣланы врата, на колоннахъ рѣзной архитравъ и между колоннами и стѣнами преграда изъ мраморныхъ, украшенныхъ рельефами плитъ; боковыя части иконостаса составляли двѣ высокія рельефныя рамы, вдѣланныя въ боковыя стѣны и заключавшія въ себѣ съ одной стороны образъ Богородицы, съ другой св. Пантелеймона, которому храмъ посвященъ (Табл. IV).

Такая рѣдкая въ томъ, что касается боковыхъ рельефныхъ частей, форма иконостаса не есть все же чѣмъ то небывалымъ въ византійскомъ искусствѣ. Нѣсколько древнихъ греческихъ церквей сохранили остатки подобныхъ, хотя и иначе въ деталяхъ выполненныхъ, алтарныхъ преградъ.

Древняя константинопольская церковь, извѣстная подъ турецкимъ названіемъ Календеръ-Хане-джами и основанная по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ не позднѣе начала VII вѣка,[1] такъ же, какъ и многіе другіе древнѣйшіе храмы византійской столицы, вся внутри до уровня начала сводовъ облицована разноцвѣтными мраморными плитами, заключенными въ рельефныя рамочки. Иконостасъ церкви, при передѣлкѣ ея въ мечеть, былъ, конечно, уничтоженъ турками, разрушившими и апсиду, но въ простѣнкахъ по сторонамъ его сохранились относящіяся къ нему рельефныя части. Эти части представляютъ собой отломанные концы архитрава, задѣланные въ стѣну и опирающіеся на мраморные пилястры, увѣнчанные капителями[2]. Пилястры эти стоятъ на выступающей изъ стѣны полкѣ, въ свою очередь опирающейся на двѣ полуколонки. Пилястры, нижняя полка и конецъ архитрава образуютъ четыреугольную раму, вся внутренность которой въ настоящее время раскрашена подъ красный мраморъ, но которая несомнѣнно заключала въ себѣ икону, написанную на doскѣ или мозаическую.

Другой примѣръ представляетъ константинопольская-же мечеть Кахріэ-Джами, бывшій храмъ монастыря Хора, реставрированный въ началѣ XII в. тещей Алексѣя Комнина.[3] Тутъ также сама алтарная преграда не сохранилась, но въ простѣнкѣ справа отъ нея, надъ мозаическимъ изображеніемъ Богородицы, въ стѣну вдѣланъ мраморный рельефъ съ погруднымъ образомъ Христа въ медаліонѣ.[4] Медаліонъ заключенъ въ полукругъ, обрамленный аканѳовыми листьями, а полукругъ въ четыреугольную раму, украшенную пальметтами, совершенно того-же рисунка, что и на карнизѣ нерезскаго рельефа.[5] Рельефъ опирается на плоскіе пилястры, увѣнчанные капительками и стоящіе на выступающей изъ стѣны полочкѣ, совершенно аналогично тому, какъ это мы видѣли въ Календеръ-Джами.[6] Въ лѣвомъ простѣнкѣ, подъ образомъ Христа, сохра-

---

¹) Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin. I. Paris, 1925, 332.

²) E. Freshfield. Notes on the Church now called the Mosque of the Kalenders at Constantinople. »Archaeologia«, vol. LV, part. 2. London, 1897, 433—434, pl. XXIX—XXXII.

³) Ch. Diehl, o. c., 463—464.

⁴) „Кахріэ-Джами", изданіе Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Мюнхенъ, 1906. Табл. LXXVII.

⁵) Ib., табл. LXXXVIII, 2.

⁶) E. Freshfield, o. c., pl. XXXV.

Нерезъ. Рельефная плита.

нился мраморный кронштейнъ съ рельефнымъ изображеніемъ Христа, который служилъ, повидимому, базой для одного изъ пилястровъ.[1] Вся декорація такимъ образомъ представляетъ собой рельефную раму для мозаическаго образа.

Наконецъ, церковь Богородицы въ монастырѣ св. Луки въ Фокидѣ, основанная, повидимому, во второй половинѣ XI вѣка,[2] сохранила свой древній иконостасъ, который также складывается изъ алтарной преграды и изъ рельефной декораціи въ боковыхъ простѣнкахъ. Преграда здѣсь состоитъ изъ четырехъ колонокъ, поддерживающихъ архитравъ; въ правый простѣнокъ, много выше того мѣста, гдѣ архитравъ упирается въ стѣну, т. е. совершенно такъ же, какъ и въ Нерезѣ, вдѣланъ рельефъ, состоящій изъ четыреугольной доски, увѣнчанной карнизомъ и заключающей въ себѣ двойной полукругъ. По краямъ нижней части доски, съ обѣихъ сторонъ сохранились по двѣ маленькія капительки, принадлежавшія первоначально парнымъ колонкамъ, поддерживавшимъ рельефъ.[3] Ниже ничего болѣе не сохранилось, но нѣтъ сомнѣнія, что рельефъ и колонки служили рамой для образа.

Слѣды подобныхъ рамъ для образовъ по сторонамъ алтарной преграды можно найти и въ древнѣйшихъ сербскихъ церквахъ. Такъ, въ Успенской церкви Студеницкаго монастыря, основанной Стефаномъ Неманей въ концѣ XII вѣка, на обращенныхъ къ средней части храма сторонахъ алтарныхъ столбовъ сохранились выступающіе изъ стѣны каменные треугольные фронтончики, которые нѣкогда несомнѣнно также опирались на колонки и обрамляли находившіеся внутри образа. Въ церкви Сопочанскаго монастыря, построенной около 1265 года, на восточныхъ пилястрахъ видны въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ на штукатуркѣ слѣды находившихся здѣсь первоначально рельефныхъ обрамленій. Внутри не осталось никакихъ признаковъ фресковой живописи и можно предполагать, что здѣсь могли быть образа, исполненные мозаикой. Здѣсь то, можетъ быть, и видѣлъ въ свое время остатки мозаикъ Гильфердингъ.[4]

Этого рода декорацію сохраняютъ затѣмъ и памятники XIV вѣка. Мы находимъ ее въ церквахъ Мистры: въ Метрополіи, основанной въ 1310 году Никифоромъ Мосхопуломъ, и въ Периблептѣ, возникшей во второй половинѣ XIV в. Въ обоихъ случаяхъ рельефы украшаютъ здѣсь обращенныя къ храму стороны восточной пары столбовъ, въ извѣстной степени продолжая орнаментацію архитравовъ преградъ жертвенника, алтаря и діаконника, и образуя рамы для иконъ.[5] Судя по сохранившемуся скульптурному изображенію Христа въ музеѣ Мистры,[6] и эти иконы въ нѣкоторыхъ случаяхъ были также исполнены рельефомъ.

¹) „Кахріэ-Джами“, табл. LXXXVIII, 4.

²) Ch. Diehl, o. c., 463.

³) O. Wulff. Altchristliche und byzantinische Kunst. »Handbuch der Kunstwissenschaft« von F. Berger. Berlin, s. a., 459, Abb. 389.

⁴) А. Гильфердингъ. Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. С. Петербургъ, 1859, 148. Г. указываетъ другое мѣсто нахожденія этихъ мозаикъ, на восточной стѣнѣ притвора, но такого рода ошибокъ и неясностей у него много.

⁵) L. Bréhier. Nouvelles recherches sur l'histoire de la sculpture byzantine. «Nouvelles archives des Missions scientifiques», nouvelle série, fasc. 9. Paris, 1913, 56. G. Millet. Monuments byzantins de Mistra. Paris, 1910, pl. 43, 45, 49.

⁶) L. Bréhier. Nouvelles recherches, 57, fig. 21. G. Millet, Mistra, pl. 51, 11.

Отражается этотъ способъ декораціи и въ живописи XIV в. Въ храмѣ св. Георгія въ Старомъ Нагоричинѣ и въ церкви Богородицы въ Матейчѣ, напримѣръ, помѣщенныя въ прилегающихъ къ иконостасу простѣнкахъ изображенія Христа и Богородицы заключены въ рамку, состоящую изъ арочки на колонкахъ.

Сравненіе нерезскихъ рельефовъ съ рельефами Календеръ-Хане-Джами, Кахріэ-Джами и монастыря св. Луки приводитъ насъ къ убѣжденію, что первые являются младшими современниками послѣднихъ.[1] При этомъ, для опредѣленія времени матеріалъ рельефовъ не играетъ никакой роли, такъ какъ стукъ или гипсъ употреблялся для этой цѣли съ древнѣйшихъ временъ; достаточно вспомнить стуковые рельефы въ равеннскомъ баптистеріи и въ соборѣ Паренцо,[2] гипсовыя украшенія, найденныя при раскопкахъ дворца въ Ани,[3] или гипсовые орнаменты изъ Самарры.[4] Не могутъ помочь въ этомъ смыслѣ и орнаментальные мотивы, исполненные въ рельефахъ. Двѣ птицы по сторонамъ чаши представляютъ распространеннѣйшій мотивъ христіанскаго искусства вплоть до новаго времени. Пріемъ раздѣлки плиты изъ преграды мы встрѣчаемъ на амвонѣ Аніелла, VI в., въ Равеннѣ,[5] и на плитѣ въ базиликѣ св. Петра въ Тосканеллѣ, IX в.,[6] и на рельефѣ XI в. въ миланской базиликѣ св. Амвросія,[7] и на плитѣ, вдѣланной въ южный фронтонъ церкви Панагіи Горгоепикосъ въ Аѳинахъ, XII в.[8] Плетеніе совершенно такого же вида, какъ въ Нерезѣ, повторяется и на киворіи св. Елевкадія, конца IX в., въ храмѣ св. Аполлинарія во флотѣ,[9] и на рельефѣ XI в. въ соборѣ Торчелло[10] и на многихъ памятникахъ еще болѣе позднихъ. То же можно сказать и относительно волнообразнаго винограднаго стебля на столбикахъ царскихъ вратъ, и относительно пальметочнаго фриза на архитравѣ и на карнизѣ стуковаго рельефа. Ихъ наличіе или отсутствіе не является свидѣтельствомъ въ пользу того или иного времени изготовленія скульптуры. Одна только форма могла бы быть въ этомъ отношеніи характерной — это трехлопастная арка нашего рельефа. Эта форма представляетъ явленіе рѣдкое въ византійской скульптурѣ, однако, нельзя думать, чтобы она совсѣмъ не имѣла примѣненія. Появленіе ея на скульптурномъ амвонѣ въ церкви св. Пантелеймона въ Равелло, работы Варѳоломея изъ Фоджіи,[11] не кажется намъ случайнымъ — она сюда явилась вмѣстѣ со

---

1) Мраморы Календеръ-Джами по мнѣнію Диля относятся къ началу XII вѣка (о. с., 333).

2) L. Bréhier. Nouvelles recherches, 9.

3) I. Орбели. Каталогъ Анійскаго музея древностей. I. С.-Петербургъ 1910.

4) Fr. Sarre. Die Aufstellung der Ergebnisse des Ausgrabungen von Samarra im Kaiser-Fridrich-Museum. »Berliner Museen«, Berichte aus den Preussischen Kunstsammlungen. XLII Jahrgang, Heft 5—6, 1922, 49—60, Abb. 41—56.

5) G. Rivoira. Le origini della architettura lombarda. Milano, 1908, fig. 46.

6) Ib., fig. 138, 139.

7) Ib., fig. 290.

8) K. Michel und A. Struck. Die mittelbyzantinischen Kirchen Athens. »Athenische Mitteilungen d. deutschen Archäol. Instituts«, Band XXXI. Athen, 1906, Abb. 15.

9) G. Rivoira, Origini, fig. 155.

10) O. Dalton. Byzantine art and archaeology. Oxford, 1911, 159, fig. 91.

11) A. Venturi. Storia dell'arte italiana. III. Milano, 1904, 677, fig. 634.

всѣмъ комплексомъ орнаментальныхъ формъ, принятыхъ въ это время въ Италіи, который имѣетъ, конечно, восточное происхожденіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ трехлопастная арка охридскаго амвона.[1]

Главнымъ основаніемъ для сужденія о времени нашихъ рельефовъ долженъ быть ихъ стиль. Уже Кондаковъ отмѣтилъ въ настѣнномъ рельефѣ сухость рѣзьбы. Эта сухость въ извѣстной степени должна быть отнесена на счетъ матеріала — рѣзьба на мраморныхъ частяхъ нашего иконостаса значительно сочнѣе, но она далека еще отъ сухости исполненія рельефовъ собора Хиландарскаго монастыря на Аѳонѣ,[2] амвона архіепископа Григорія въ охридской св. Софіи[3] или рѣзьбы сербскихъ церквей конца XIV и начала XV в.в.[4] Здѣсь главнымъ образомъ нужно отмѣтить другую черту нашего рельефа, а именно то обстоятельство, что изображенные на немъ птицы, чаша и лоза сохранили свои реальныя очертанія только въ силуэтѣ, всѣ же детали и отдѣлка пріобрѣли всецѣло условно-орнаментальный характеръ. Если мы сравнимъ рельефы съ тѣмъ же сюжетомъ — на архитравѣ въ Данѣ,[5] на равеннскомъ саркофагѣ,[6] на плитѣ парапета въ базиликѣ св. Аполлинарія Новаго[7] или на передней доскѣ кресла епископа Максиміана,[8] то всюду здѣсь, въ тѣхъ случаяхъ, когда изображена чаша, она представлена совершенно реально, листья лозы имѣютъ всѣ отличительныя особенности винограднаго листа, птицы — особенности ихъ оперенія. На нашемъ рельефѣ листья лозы превратились въ пальметты и полупальметты, чаша совершенно утратила реальный характеръ, у птицъ опереніе изображено чисто ораментально[9] — у основанія крыльевъ вырѣзаны розетки, перья показаны дырочками и черточками, расположенными параллельно и подъ угломъ другъ къ другу.

Эта схематизація и стилизація элементовъ, взятыхъ изъ реальнаго міра, замѣчается въ византійской скульптурѣ особенно въ концѣ комненовскаго періода, когда на нее все сильнѣе и сильнѣе стало оказывать свое вліяніе декоративное искусство мусульманскихъ народовъ. Рельефы нерезскаго храма характерны для переходнаго времени, предварительной стадіи состоянія скульптуры передъ болѣе полнымъ подчиненіемъ этому вліянію, для времени, которое соотвѣтствуетъ второй половинѣ XII вѣка. Съ полнымъ правомъ, поэтому, они могутъ быть отнесены къ тому „украшенію" храма, которое имѣло мѣсто въ 1164 году и о которомъ говоритъ надпись, вырѣзанная надъ входомъ въ церковь.[10] Это украшеніе состояло изъ установки новаго иконостаса и изъ

---

[1]) Б. Филовъ. Старобългарското изкуство, табл. III.
[2]) G. Millet. L'art serbe, 146, fig. 154, 155, 159.
[3]) Н. Кондаковъ. Македонія, 233, рис. 161, табл. II; G. Millet, L'art serbe, fig. 156, 160.
[4]) G. Millet. L'art serbe, fig. 185, 186, 192—200, 205—207, 213, 215, 220—234.
[5]) Ch. Diehl. Manuel, fig. 13.
[6]) Ib., fig. 140.
[7]) Ib., fig. 142.
[8]) Ib., fig. 148.
[9]) Столь же условно—орнаментальный характеръ имѣетъ этотъ мотивъ и на рельефѣ съ тѣмъ же сюжетомъ въ церкви Панагіи въ Ѳивахъ. J. Strzygowski. Inedita der Architectur und Plastik aus der Zeit Basilios I (867—886). »Byzantinische Zeitschrift«, III, 1894. Taf. III, 2.
[10]) Н. Кондаковъ, Македонія, 174.

расписанія стѣнъ храма фресками, которыя недавно только удалось освободить отъ покрывавшей ихъ малярной живописи.[1]

Какъ видно изъ самаго устройства иконостаса, боковыя части котораго служили обрамленіемъ для исполненныхъ фреской изображеній, онъ тѣсно связанъ со стѣнописью въ одно декоративное цѣлое. Выше было уже указано на то, что правый настѣнный рельефъ вставленъ въ тотъ же слой штукатурки, на которомъ написаны фрески, такъ что и то и другое произошло одновременно, но достаточно взглянуть на открытую мною внутри рельефа фигуру св. Пантелеймона, чтобы убѣдиться въ томъ, что живописецъ, ее писавшій, явно сообразовался съ очертаніями рамы для нея предназначенной (Таб. III): такъ удивительно искусно помѣщена голова въ нимбѣ внутри верхней арочки, такъ тонко отмѣчено отношеніе силуэта покатыхъ плечъ къ кривымъ линіямъ боковыхъ лопастей трифолія, такъ подчеркнутъ параллелизмъ линій праваго локтя съ одной стороны и наружнаго края шкатулки съ лекарствами съ другой и скошенныхъ линій капителекъ, такъ мастерски вписана вся фигура въ обрамленіе. Совершенно то же самое можетъ быть сказано и про лѣвый простѣнокъ, если дать себѣ трудъ мысленно возстановить недостающій рельефъ съ его боковыми частями и разрушенныя головы Богородицы и Младенца.

Фресковое изображеніе св. Пантелеймона является не только однимъ изъ лучшихъ въ древней росписи Нерезскаго храма, но и представляетъ одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній византійской живописи комненовской эпохи вообще. Прекрасная голова святого (Табл. V), окаймленная копной густыхъ вьющихся каштановыхъ волосъ, отличается чрезвычайно нѣжнымъ продолговатымъ оваломъ лица, еще юношески безусаго и безбородаго, съ длиннымъ тонкимъ носомъ, маленькимъ ртомъ и большими глазами, глядящими въ сторону изъ подъ высокихъ, дугообразныхъ бровей. Тонкій слой бѣлилъ, смѣшанныхъ съ охрой, положенный на густо-желтый основной тонъ нимба, сообщаетъ лицу мягкій цвѣтъ старой слоновой кости, съ которымъ поразительно сливаются воздушныя, дымчато-зеленыя тѣни. Щеки оживлены расплывчатыми пятнами свѣтло-розоваго румянца, усиленными на каждой щекѣ нѣсколькими параллельными ярко-красными черточками. Тонкая шея подъ подбородкомъ и съ правой стороны покрыта болѣе густыми зелеными тѣнями и выдѣляется на фонѣ желтаго ворота туники и темнаго пурпура плаща, спускающагося на грудь. Стройную фигуру облегаетъ свѣтло-зеленая туника съ бѣлыми рефлексами на освѣщенныхъ мѣстахъ и густымъ зеленымъ тономъ въ глубинѣ складокъ. Плечи покрываетъ желтое оплечіе, а рукава у кистей рукъ стянуты желтыми поручами. Правую руку святой прижимаетъ къ груди, а въ лѣвой, покрытой концомъ плаща держитъ раскрытый желтый ящикъ съ медикаментами. На голубомъ фонѣ надъ правымъ плечомъ сохранилась только одна первая буква отъ греческой надписи — ὁ...

Нижняя часть фигуры почти до пояса обновлена бурыми, легко смывающимися красками. Время этого поновленія точно опредѣляетъ сдѣланная на фонѣ

[1]) N. Okounev. La découverte des anciennes fresques du monastère de Nérez. »Slavia«, VI, 2—3. Praha, 1927. 603—609, pl. I—VI.

по сторонамъ ногъ бѣлой краской надпись: снеобразь обнӧви | бѵрько ∸ а ниже годъ: зр̃п̃в (7182), т. е. 1674.

Такими же достоинствами, несомнѣнно, отличалось и полуразрушенное, къ сожалѣнію, изображеніе Богородицы съ Младенцемъ въ лѣвой боковой части иконостаса (Таб. I, 2). Богородица облачена въ синюю тунику и пурпурный маѳорій, правую руку ладонью внутрь держитъ у груди. Младенецъ сидитъ на ея лѣвой рукѣ; протянутой правой рукой онъ благословляетъ, въ лѣвой держитъ свернутый свитокъ, опирая его о колѣно. На немъ одежда оранжеваго цвѣта съ желтыми свѣтами и красными тѣнями въ складкахъ.

Нижняя часть фигуры Богородицы до высоты колѣнъ также реставрирована, такими же красками, что и Пантелеймонъ, и, вѣроятно, въ то же время. У ногъ читается надпись: ѡ҃бновї-сѧ҃ | ѡбразъ петре. Сквозь тонкій слой красокъ реставраціи видно красное подножье, на которомъ стоитъ Богородица и которое по наружному краю украшено бѣлыми жемчужинами.

Выяснивъ древнюю форму иконостаса нерезскаго храма, необходимо коснуться также вопроса о томъ, былъ ли это иконостасъ въ полномъ смыслѣ слова, т. е. заключалъ ли онъ въ себѣ также деревянныя иконы, или же это была только алтарная преграда, на которой первоначально иконъ не было. Цѣлый рядъ древнихъ церквей Италіи сохранилъ алтарныя преграды, которыя состоятъ только изъ мраморнаго парапета и изъ колоннъ, стоящихъ по сторонамъ средняго прохода и поддерживающихъ архитравъ. Такую преграду мы видимъ въ церкви Богородицы in Valle въ Чивидале, основаніе которой относятъ къ VIII вѣку,[1] въ архіепископской капеллѣ неаполитанскаго собора, IX в.,[2] въ соборѣ Монтекассинскаго монастыря,[3] въ церкви Богородицы in Valle Porclaneta въ Rosciolo, XII в.,[4] въ церкви св. Петра въ Альба Фучензе, XII в.,[5] въ церкви св. Іоанна въ Argentella, XII в.,[6] и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ на парапетѣ иконъ нѣтъ и не было. Только въ соборѣ Торчелло вмѣсто архитрава на колоннахъ мы видимъ рядъ иконъ, заключенныхъ въ рамки въ видѣ аркатуры и изображающихъ Деисусъ.[7]

Въ православныхъ церквахъ, сохранившихъ древніе иконостасы, на парапетъ обыкновенно бываютъ поставлены иконы, заполняющія отверстіе между колоннами и боковыми стѣнами. Однако, если мы разсмотримъ внимательно эти иконостасы, то должны будемъ придти къ заключенію, что въ большинствѣ случаевъ иконы въ нихъ имъ не современны и вставлены въ болѣе позднее время. Такъ въ иконостасѣ бокового придѣла храма св. Луки въ Фокидѣ иконы значительно шире пространства между колоннами, а потому нѣсколько выдвинуты впередъ и закрываютъ собою отчасти колонны.[8] Въ то же время онѣ не

¹) »Italia Artistica«, N 23. Cividale. Рис. на стр. 69.
²) E. Bertaux. L'art dans l'Italie Méridionale. I. Paris, 1904. 76—79, fig. 12, 16—18.
³) Ib., 161.
⁴) Ib., 556, fig. 252.
⁵) E. Agostinoni. Il. Fùcino. »Italia Artistica«, N 39, Bergamo, 1908. 109—117.
⁶) »Italia Artistica«, N 21. L'Aniene. 25, 32.
⁷) W. de Grüneisen. Sainte Marie Antique. Rome, 1911. 460, fig. 360.
⁸) E. Freshfield, o. c., pl. XXXIV.

достигаютъ по высотѣ до архитрава и тамъ остается довольно широкая и некрасивая щель. Такую же совершенно ненужную щель мы видимъ и въ иконостасѣ церкви Богородицы въ томъ же монастырѣ св. Луки.[1] Въ иконостасѣ придѣла св. Николая Ватопедскаго собора на Аѳонѣ иконы уже не занимаютъ пространства между колоннами, а вынесены впередъ и прикрѣплены къ нимъ *съ наружной стороны*, при помощи желѣзныхъ прутьевъ, самымъ примитивнымъ способомъ.[2]

Въ то же время, въ Нерезѣ не удалось найти никакихъ признаковъ того, какимъ образомъ иконы, если онѣ нѣкогда стояли между колоннами и простѣнками, были прикрѣплены къ этимъ колоннамъ и простѣнкамъ. Не оказалось и слѣдовъ примыканія или прикосновенія иконъ къ колоннамъ и къ боковымъ стѣнамъ, сохранившимъ неприкосновенной свою древнюю окраску. Въ случаѣ, если онѣ все же тамъ были, то между иконой и колонной, въ виду того, что колонны значительно тоньше вверху, должна была бы тамъ образоваться очень некрасивая щель. Мало того, мы не можемъ себѣ представить иконъ въ нерезскомъ иконостасѣ и потому, что пространства, для нихъ предназначенныя, слишкомъ широки для одной иконы и слишкомъ узки для двухъ (1.30 × 1.20 метр.).

Все это вмѣстѣ взятое приводитъ насъ къ убѣжденію, что и въ православныхъ церквахъ Балканскаго полуострова, а можетъ быть и всего православнаго востока, подобно древнимъ церквамъ Италіи, алтарныя преграды очень долгое время, возможно вплоть до XIV вѣка, иконъ въ себѣ не заключали и пространства, куда ихъ позднѣе начали ставить, оставались открытыми; въ извѣстные же моменты литургіи задергивалась завѣса, протянутая отъ одной стѣны алтаря до другой.

Къ этому надо прибавить еще одно замѣчаніе, касающееся устройства царскихъ вратъ въ этихъ древнихъ алтарныхъ преградахъ. Изслѣдованіе столбиковъ, выпущенныхъ изъ колоннъ нерезской преграды внутрь прохода между ними, не обнаружило никакихъ слѣдовъ того, какимъ способомъ царскія врата, если онѣ здѣсь въ древности существовали, были къ этимъ столбикамъ прикрѣплены. Существующія, болѣе позднія царскія врата повѣшены на желѣзныя петли, очень небрежно вбитыя прямо въ столбики. При этомъ кусочки мрамора были отбиты, а одна петля, на лѣвомъ столбикѣ, прошла насквозь и концы ея, какъ это видно на снимкѣ, загнуты снаружи.

Хотя фактъ существованія царскихъ или святыхъ вратъ въ алтарныхъ преградахъ засвидѣтельствованъ въ описаніяхъ церковныхъ обрядовъ,[3] весьма возможно все-же, что онѣ устраивались не всегда и не всюду, несмотря на то, что столбики по сторонамъ прохода и кажутся сами собою предназначенными для того, чтобы къ нимъ прикрѣплялись врата. Нѣтъ и не было, повидимому, вратъ и въ придѣлѣ ватопедскаго собора.[4] Въ иконостасахъ же монастыря св. Луки не только нѣтъ вратъ, но отсутствуютъ и столбики.[5]

---

[1]) O. Wulff, o. c., Abb. 389.

[2]) Н. Кондаковъ. Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ. С.-Петербургъ, 1902. 45, рис. 19.

[3]) Д. Ѳ. Бѣляевъ. Byzantina. II. Петербургъ, 1893. 154.

[4]) Н. Кондаковъ. Аѳонъ, l. c.

[5]) O. Wulff, o. c., Abb. 389. E. Frechfield, o. c., pl. XXXIV.

Изъ этого можно заключить, что и въ нерезской преградѣ вратъ первоначально не было, а столбики появились лишь по традиціи.

Въ заключеніе нужно сказать нѣсколько словъ и о тѣхъ царскихъ вратахъ, которыя въ настоящее время находятся въ нерезскомъ иконостасѣ. Хотя онѣ представляютъ продуктъ мастерства значительно болѣе поздняго, чѣмъ самый иконостасъ, однако привлекаютъ къ себѣ вниманіе, какъ къ лучшему памятнику этого рода изъ сохранившихся на Балканскомъ полуостровѣ (табл. I, 1).

Врата состоятъ изъ двухъ половинокъ, вырѣзанныхъ каждая изъ цѣльной доски; задняя ихъ сторона отесана топоромъ. На верхнемъ полукругломъ ихъ краю сохранилось нѣкоторое количество точеныхъ фигурныхъ катушекъ, набитыхъ лучеобразно. Наружная сторона почти вся покрыта рѣзьбою вглубь. Рѣзьба болѣе мелкаго рисунка образуетъ вокругъ каждой половинки вратъ полосу обрамленія. Внутри этой рамы въ верхней части вырѣзаны углубленныя поля для живописныхъ изображеній, а ниже все пространство занято рѣзьбой болѣе крупнаго рисунка, которая продолжается и въ уголкахъ надъ иконами. Здѣсь поверхъ этой рѣзьбы помѣщены еще двѣ многолепестковыя двойныя розетки съ пуговкой въ центрѣ. Въ нижней части каждой половинки вратъ двойная выпуклая лента, переплетаясь, образуетъ по четыре квадратныхъ поля, въ которыя заключены круги и шестиконечныя звѣзды, составленныя также изъ ленточнаго плетенія. Выпуклыя части рѣзьбы носятъ слѣды позолоты, а углубленныя — окраски, причемъ вдоль рамы эта окраска была красная, а внутри синяя. Позолота и окраска были выполнены поверхъ коричневой подмалевки, положенной прямо на дерево, безъ левкаса. Эта подмалевка въ настоящее время представляетъ въ большинствѣ мѣстъ единственный красочный слой на рѣзьбѣ.

Невыразительный характеръ рѣзьбы и запутанность орнаментальныхъ мотивовъ свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ упадкѣ этого рода искусства. Однако рамочки, въ которыя заключены иконы, имѣютъ еще старыя и благородныя формы. Онѣ состоятъ изъ тройной арочки, опирающейся на высокія и тонкія витыя колонки. Подъ обѣими иконами вырѣзана полоса меандра.

О неиспорченности вкуса мастера, хорошей техникѣ и прекрасныхъ живописныхъ традиціяхъ говоритъ икона Благовѣщенія, написанная внутри арочекъ. Особенно въ этомъ отношеніи надо отмѣтить фигуру ангела на лѣвой половинкѣ вратъ. Его стройная фигура съ широко отставленными крыльями, съ величавой и свободной поступью прекрасно выдѣляется на золотѣ фона. Густыя, падающія на спину, вьющіеся волосы перевязаны бѣлой съ синими полосками лентой тороковъ. Глаза обращены къ Богородицѣ, правая рука съ жестомъ благословенія, спокойно и изящно протянута впередъ, въ лѣвой, покрытой свѣшивающимся черезъ нее концемъ гиматія, онъ держитъ длинное мѣрило.

Хуже исполнена фигура Богородицы на правой половинкѣ вратъ. Голова ея кажется слишкомъ большой, а все тѣло слишкомъ широкимъ и сутулымъ. Она стоитъ на подножіи кресла, съ котораго только что встала, смотритъ въ сторону зрителя и держитъ передъ собою закутанную концемъ мафорія руку съ раскрытой ладонью.

Чтобы выдѣлить на золотомъ фонѣ нимбы, мастеръ украсилъ ихъ наколо-

тымъ рисункомъ въ видѣ спиралевидныхъ стеблей съ профильными пальметтами. Самъ по себѣ древній и часто употребляемый именно для украшенія нимбовъ на металлическихъ окладахъ, мотивъ этотъ нѣсколько измельченъ здѣсь и самимъ способомъ исполненія и нетвердой уже рукой исполнителя.

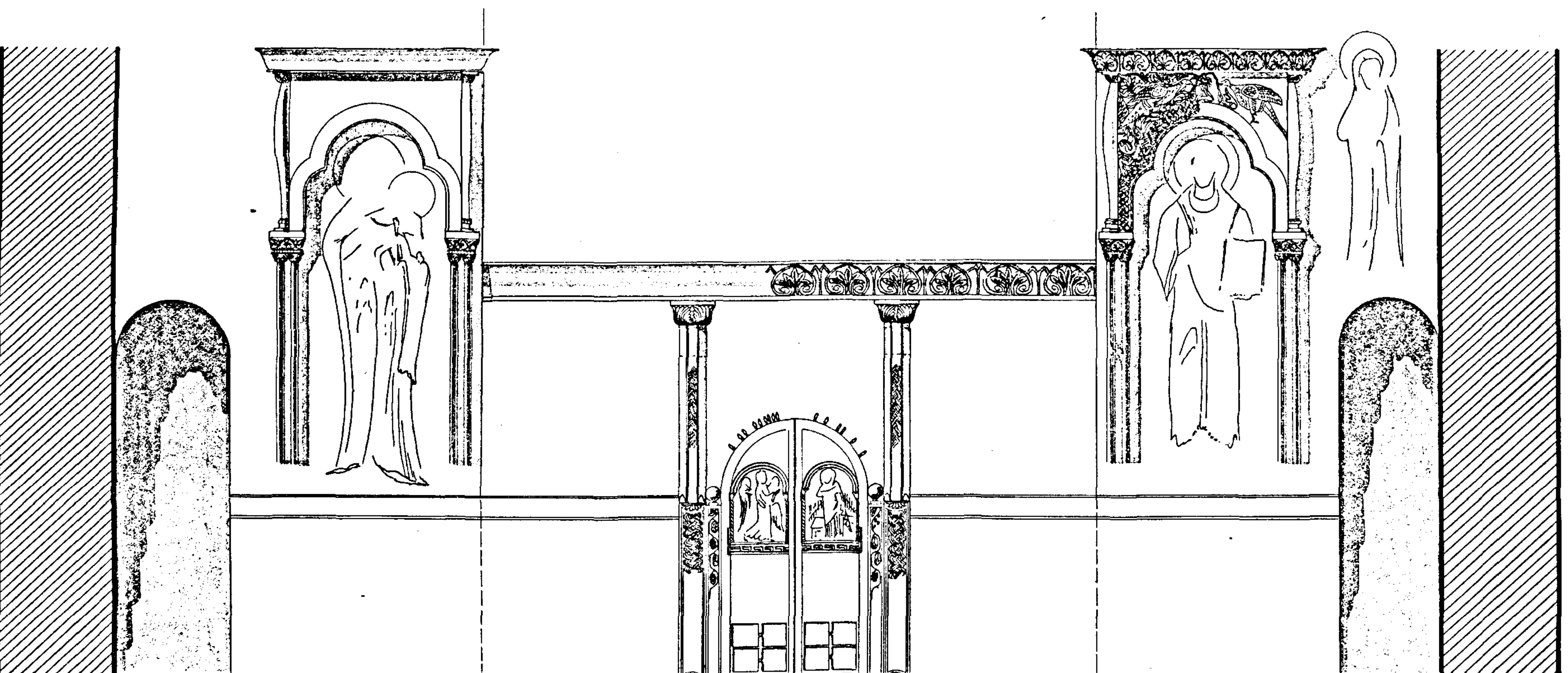
Ближайшую аналогію нерезскимъ вратамъ мы находимъ въ Охридѣ. Это врата св. Климента.[1] Почти та же форма, почти тотъ же рисунокъ орнамента, только еще болѣе измельченный и невыразительный, почти такія же арочки надъ иконами, по два квадрата вмѣсто четырехъ внизу и вторая полоса меандра, замѣняющая верхній рядъ квадратовъ. Очень похожа и живопись иконъ Благовѣщенія, хотя ангелъ и не отличается здѣсь такими изящными формами, какъ въ Нерезѣ. Изображеніе же Богородицы почти совсѣмъ тождественно нерезскому. Эти два памятника несомнѣнно вышли изъ одной и той же мастерской.

Такъ какъ Македонія сохранила цѣлый рядъ древнихъ памятниковъ рѣзьбы, то по сравненіи съ этими памятниками можно съ большой вѣроятностью опредѣлить время изготовленія обоихъ царскихъ вратъ. Во главѣ этого ряда надо поставить рѣзной амвонъ Архіепископа Григорія въ охридской базиликѣ св. Софіи, какъ памятникъ, датированный 1317-ымъ годомъ.[2] Къ нему примыкаютъ рѣзныя деревянныя двери Рыльскаго монастыря и Слепченскаго монастыря, сходныя по содержанію, но отличныя по манерѣ исполненія рѣзьбы. Оба эти памятника по извѣстному сходству съ охридскимъ амвономъ могутъ быть такъ же, какъ и двери церкви монастыря Трескавацъ, относимы хъ XIV вѣку. Рѣзьба Слепченскихъ дверей суше исполненія Рыльскихъ дверей, но болѣе похожа на рельефы охридскаго амвона, повторяя отчасти и тѣ же мотивы и отчетливость работы. Въ то же время, царскія врата церкви св. Петки въ Тырновѣ и по формѣ, и по орнаментаціи, и по характеру рѣзьбы не могутъ относиться ко времени болѣе раннему, чѣмъ конецъ XV или начало XVI вѣка.[3] Врата нерезскія и церкви св. Климента должны быть вставлены въ рядъ между дверями XIV вѣка и тырновскими вратами и тогда ихъ можно было бы датировать концомъ XIV или началомъ XV вѣка.

Отчасти для подтвержденія этой датировки можно указать на манеру украшенія верхняго края нерезскихъ вратъ фигурными катушками. Эта манера была, повидимому, очень распространена въ это время, такъ какъ мы находимъ совершенно также украшенными деревянныя издѣлія даже на ихъ изображеніяхъ въ живописи. Фигурными катушками декорированъ верхній край деревяннаго кресла, въ которомъ сидитъ Христосъ на фрескѣ 1349 года въ притворѣ Лесновскаго монастыря,[4] и кресла, въ которомъ сидитъ Богородица въ композиціи „Поклоненія волхвовъ" въ росписи Маркова монастыря, второй половины XIV в.[5] Такъ же укращено и кресло, стоящее за Богородицей въ „Благовѣщеніи" на нашихъ же вратахъ.

---

[1]) Б. Филовъ. Старобългарското изкуство, табл. XXXVIII, 1.
[2]) Ib., 25, рис. 17, 18, табл. III.
[3]) Б. Филовъ. о. с., табл. XXXVIII, 2.
[4]) N. Okunev. Lesnovo. «L'art byzantin chez les Slaves» = Mélanges Uspenskij (Orient et Byzance, IV), I, Paris, 1928.
[5]) N. Okunev. Monumenta artis serbicae, I, Pragae, 1928, pl. XI.

Нерезъ. Проэктъ реконструкціи алтарной преграды.

Повидимому, въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка, нерезскій храмъ подвергся большому ремонту, во время котораго верхнія части стѣнъ и своды были вновь расписаны. При этомъ, какъ показало послѣднее изслѣдованіе стѣнъ храма, въ этихъ мѣстахъ была сбита штукатурка съ живописью XII вѣка и новая роспись была исполнена уже по новой штукатуркѣ. Въ связи съ этой реставраціей храма, возможно, были сдѣланы и царскія врата для алтарной преграды. Основанія, которыя имѣются у насъ для того, чтобы считать эту часть росписи нерезскаго храма исполненной на рубежѣ XIV и XV вѣковъ, будутъ высказаны нами уже въ другомъ мѣстѣ.

Ник. Окуневъ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ:

СПИСОКЪ ФРАГМЕНТОВЪ ДРЕВНЯГО ИКОНОСТАСА ЦЕРКВИ СВ. ПАНТЕЛЕЙМОНА ВЪ С. НЕРЕЗЪ, ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ САМОЙ ЦЕРКВИ

3 фрагмента гипсоваго рельефа (наличникъ надъ образомъ Св. Пантелеймона):
№ 1 угловая часть карниза,
№ 2 капитель колонки,
№ 3 стволъ колонки.
1 фрагментъ такого же, но несохранившагося рельефа съ другой стороны (наличникъ надъ образомъ Богоматери):
№ 4 капитель.
5 фрагментовъ правой мраморной колонки, ок. царскихъ вратъ:
№№ 5, 6, 7, 8 части ствола колонки.
№ 9 капитель.
1 фрагментъ такой же колонки съ другой стороны (лѣвой):
№ 10 капитель.
2 фрагмента мраморнаго столба:
№№ 11, 12.
5 фрагментовъ мраморнаго антаблемента:
№№ 13, 14, 15, 16, 17.

L'ICONOSTASE DU XIIe S. À NÉRÈZ

On a depuis longtemps indiqué que les hautes iconostases superposées des églises orthodoxes ne sont pas d'origine ancienne et qu'on les avait commencées à construire en Russie dans une époque assez récente. Quant aux anciennes iconostases, elles avaient ordinairement un seul étage et n'occupaient que l'espace entre les piliers de l'Est. Des iconostases superposées parurent au XVe siècle dans la Russie centrale; les murs des églises furent depourvus de peinture et cette peinture fut remplacée par des icones portatives qu'on disposait en plusieurs étages devant les fidèles. Dès le XVIIe siècle cette forme de l'iconostase se répand aussi dans les autres pays orthodoxes et remplace l'ancienne forme basse. Dans la Serbie du Sud et en Bulgarie se développe même une industrie spéciale qui fabrique des iconostases sculptées en bois (les écoles de Debar et de Samokov).

Dans quelques anciennes églises serbes, derrière les hautes iconostases, on trouve quelquefois des iconostases anciennes à forme basse. Le plus ancien exemple d'une pareille forme présente l'iconostase à l'église du monastère de Nérèz aux environs de Skoplé. On a pu étudier ses restes après que la nouvelle iconostase fut enlevée, l'année dernière, pour le nettoyage des fresques.

La clôture en question est formée maintenant par un mur en pierres (1.10 m. de haut) avec au milieu un passage flanqué de deux colonnes en marbre. Celles-ci, ainsi que les petits piliers de la porte, sont couvertes d'un ornement sculpté — de tresses et de tiges ondulées de vigne. Les colonnes couronnées de chapiteaux cubiques soutenaient une architrave également en marbre, dont les extrémités entraient dans les murs. Actuellement ces chapiteaux sont enlevés et se conservent dans l'église, et l'architrave est brisée en 5 morceaux qui se trouvent dans la cour du monastère. Le devant de cette architrave est ornée de palmettes sculptées.

A l'ensemble décoratif de l'iconostase de Nérèz appartient aussi un relief en stuc, enchâssé dans le mur à droite du sanctuaire. Il fut pour la première fois décrit par Kondakov, qui le considérait comme faisant partie d'un ancien ambon ou d'un ciborium. Pendant le nettoyage des fresques on découvrit au milieu de ce relief une excellente image de St. Pantéleimon (pl. III) et on constata que ce relief était enchâssé dans la couche d'enduit préparée pour les fresques. Il en résulte que le relief fut placé sur ce mur en même temps que la peinture — c'est á dire au XIIe siècle. On constata ensuite que le relief ne s'était pas conservé entièrement. Les chapiteaux cubiques qui terminent à présent le relief en bas sont à leur tour posés sur quatre petits chapiteaux, disposés en deux rangées. Ces derniers couronnaient un ensemble de quatre minces colonnettes, dont deux, les plus proches du mur, le touchaient. On en voit les traces en forme d'enfoncement dans l'ancien enduit. Ces colonnettes s'appuyaient sur une corniche en pierre qui ressort du mur. Le relief servait donc de cadre à l'image peinte au milieu.

A gauche de l'iconostase, sur l'espace correspondant du mur, on trouve les traces d'un relief analogue qui encadrait l'image de la Sainte Vierge portant l'enfant Jésus (pl. I, 2).

En outre, jadis on pouvait voir dans l'église une dalle en marbre sculptée, maintenant brisée, dont les fragments se trouvent dans le musée de Skoplé. Cette dalle avait évidemment fait part de la cloison, posée avec d'autres dalles pareilles entre les colonnes et les murs (pl. II).

La comparaison des motifs ornementaux sur les colonnes, sur le relief en stuc et sur cette dalle et de la manière d'exécution prouvent que tous ces reliefs sont contemporains et qu'ils faisaient un ensemble décoratif de l'iconostase et furent exécutés en même temps que la peinture, c'est à dire au XIIe siècle.

Des décorations analogues se trouvent dans plusieures églises byzantines, telles que Kalender-Chané-Djami et Kahrié-Djami à Constantinople, l'église de la Sainte Vierge au monastère de Saint Luc en Phocide et les églises du XIVe s. de Mistra — Métropole et Peribleptos. Les traces de l'encadrement des deux côtés de l'iconostase se retrouvent dans les anciennes églises serbes, par exemple à l'église de l'Assomption à Studenica et à l'église du monastère de Sopočani. Ce motif décoratif se répète dans la peinture: à Nagoričino et à Matejč, par exemple, les images du Christ et de la Sainte Vierge des deux côtés de l'iconostase ont un cadre peint qui se compose d'un arc soutenu par des colonnettes.

L'habileté avec laquelle la figure de Saint Pantéléimon est placée dans le cadre prouve que le cadre sculpté correspond à la peinture (pl. III): la tête nimbée est adroitement placée au milieu de l'arc supérieur, la silhouette des épaules est conforme aux feuilles du trèfle, qui s'alignent des deux côtés. Le parallélisme des lignes du coude droit d'un côté et du bord extérieur de la cassette aux médicaments de l'autre avec les lignes obliques des chapiteaux est surtout accentué. L'image même du Saint présente une des œuvres les plus accomplies de l'art byzantin de l'époque des Comnènes. La belle tête du Saint (pl. V) est encadrée de cheveux bruns bouclés, le visage oblong a un ovale fin et délicat. C'est un visage imberbe d'un adolescent au nez long et fin, à la petite bouche, aux grands yeux et aux sourcils arqués. Une légère couche de céruse mêlée à de l'ocre, passée sur le ton jaune foncé du nimbe, prête au visage la couleur délicate de l'ancien ivoire qui se perd dans de légères ombres vert-gris. L'incarnat clair des joues est rehaussé de chaque côté par quelques traits parallèles d'un rouge vif. Le cou fin est recouvert, sous le menton et du côté droit, d'ombre d'un vert plus foncé. La taille svelte du Saint est vêtue d'une tunique vert clair aux reflets blancs sur les parties éclairées et vert foncé dans le creux des plis. Les épaules sont recouvertes d'une collerette jaune.

Les mêmes traits parfaits caractérisaient sans doute l'image, maintenant à demi détruite, de la Sainte Vierge dans la partie gauche de l'iconostase (pl. I, 2). La Sainte Vierge porte une tunique bleue et un manteau rouge. L'enfant est revêtu d'une robe orange aux ombres rouges dans le creux des plies.

La porte en bois qui se trouve actuellement dans l'iconostase de Nérèz présente aussi un certain intérêt (pl. I, 1). Oeuvre d'une époque beaucoup plus récente, elle est néanmoins un des meilleurs monuments de ce genre, conservés sur la péninsule Balcanique. Chaque vantail est fait d'une seule planche, dont le côté postérieur est taillé à la hache. La face est presque entièrement sculptée et porte l'image peinte de l'Annonciation.

L'ornement peu expressif et confus témoigne de la décadence de ce genre d'art, mais l'image de l'Annonciation et surtout la figure de l'Ange font preuve d'une technique avancée et d'excellentes traditions artistiques. En comparant cette porte à d'autres monuments du même genre on peut la rapporter à la fin du XIVe ou à la première moitié du XVe siècle.

N. Okunev.

ILLUSTRATIONS:

Pl. I. 1. Nérèz. Porte de l'iconostase.
2. L'Image de la Ste Vierge.
Pl. II. Nérèz. Dalle en marbre, actuellement au Musée de Skoplé.
Pl. III. Nérèz. L'Image de St Pantéléimon.
Pl. IV. Nérèz. Reconstruction de l'iconostase.
Pl. V. Nérèz. St Pantéléimon (détail).

DER URSPRUNG DES KONTINUIERENDEN STILS IN DER RUSSISCHEN IKONENMALEREI

In der späteren russischen Ikonenmalerei des XVI.—XVIII. Jahrhunderts ist bekanntlich eine Bildgestaltung verbreitet, die man als »zusammengesetzte Fassung« (Сложный переводъ) bezeichnet und die sich von der aus Byzanz überkommenen, neben ihr fortlebenden älteren Darstellungsweise wesentlich unterscheidet. Die mittelbyzantinische und die altrussische Kunst kannte außer dem eigentlichen Andachtsbilde, das eine der göttlichen oder eine Heiligengestalt in strenger Frontansicht — manchmal auch eine Mehrzahl von solchen — wiedergibt oder einander entsprechende Nebenfiguren hinzunimmt, noch das der altchristlichen Zeit entstammende Historienbild, d. h. die Darstellung eines einzelnen Vorganges aus der Heilsgeschichte oder Heiligenlegende. Sie pflegte auch Bilderfolgen dieser Gestaltungsweise zusammenzustellen und dem Andachtsbilde beizugeben. Für die spätmittelalterliche Ikonenmalerei der Paläologenzeit erscheint die geschlossene Bildgestaltung vollends geradezu maßgebend.[1] Einheit der Handlung und Einheit der Zeit bleibt bis in das XV. Jahrhundert das Grundgesetz der Ikone.[2] Die »zusammengesetzte Fassung« der spätrussischen Kunst bietet im Gegensatz dazu eine Art Sammelbild dar, das im einheitlichen Bildfelde mehrere, inhaltlich nicht einmal immer in unmittelbarem gegenständlichen Zusammenhange stehende Szenen vereinigt. Vielmehr besteht zwischen ihnen oft nur eine symbolische Beziehung. Eine kleine Ikone der Darstellung im Tempel aus einer Moskauer Werkstatt des XVII. Jahrhunderts, die ich vor drei Jahren in Petrograd für das Berliner K. Friedrich Museum erwarb,[3] möge hier zur Veranschaulichung eines verbreiteten Bildtypus dieser Art dienen (Tafel VI, Abb. 1), dessen Bestandteile durchgehends festgehalten werden und in anderen, z. T. älteren und feineren Beispielen nur eine etwas reichere Ausgestaltung in den Nebenszenen aufweisen.[4] Unter der Hauptdarstellung, auf die die beiden in den unteren Ecken sitzenden und umblickenden Propheten bezogen sind — den rechts befindlichen weist zum Überfluß ein hinter ihm stehender Engel auf den heilsgeschichtlichen Vorgang hin, gähnt im Felsgestein der Höllenschlund und harren im Rachen der ihn fast ausfüllenden Teufelsfratze die Gerechten der Erlösung. Daß sie ihnen durch den in Simeons

---

[1]) Vgl. O. Wulff u. M. Alpatoff, Denkmäler des Ikonenmalerei. Dresden 1927, S. 114 f. u. 178 f.

[2]) P. Muratow, L'ancienne peinture russe. Praha & Roma, 1925, p. 18 s.

[3]) J. 9356 Die Masse betragen H. 31,5 × B. 26,5. Abgesehen von leichter Beschädigung der r. o. Bildecke gut erhalten und nur wenig aufgefrischt.

[4]) Vgl. z. B. zwei Ikonen bei Lichačew. Materialien zur Gesch. d. russ. Ikonenmalerei. Petersburg 1906, II, Taf. CCXXVI, Nr. 408 u. Taf. CCLV, Nr. 474.

Armen über dem Altar emporgehaltenen Gottessohn nach dem ewigen Ratschluß des Vaters bevorsteht, bezeugt die Gestalt des thronenden Gott Zebaoth mit zwei Engeltrabanten hoch oben im Himmelsausschnitt. Bringt doch ein dritter, in dem wir Gabriel erkennen dürfen, schon die Botschaft seines vorbestimmten Opfertodes dem erschreckten Kinde und der Mutter, die in der linken oberen Bildecke mit ihm unter einem Baldachin sitzt. Wir erkennen in dieser Gruppe sogleich den Ikonentypus der sogen. Passionsmadonnen[1] wieder, zumal die fehlenden Leidenswerkzeuge in den o. a. älteren Beispielen des Sammelbildes noch in Gabriels Händen zu sehen sind. Haben wir es demnach hier mit einer Anleihe bei der italo-byzantinischen Schule zu tun, der dieser Madonnentypus seinen Ursprung verdankt, so ist der tierische Höllenrachen eine verbreitete Schreckgestalt mittelalterlicher abendländischer Ikonographie. Wo haben sich so verschiedenartige Bestandteile zu einem Ganzen zusammengefunden? Bei der Darstellung im Tempel wird man wenigstens die Möglichkeit offen halten müssen, daß ihre zusammengesetzte Fassung eine Schöpfung der russischen Ikonenmalerei sein mag, da sie meines Wissens nur in Rußland vorkommt.

Entschieden ist freilich die Frage dadurch noch nicht, da das auch für manchen anderen Bildvorwurf von solcher Zusammensetzung zutrifft, den wir dennoch aus inneren Gründen auf die italo-byzantinische oder kretische Schule[2] zurückführen müssen. Dahin gehören vor allem die neuen Bildallegorien, die ihre Wurzel, wie schon Brockhaus erkannt hat,[3] in der kirchlichen Hymnendichtung haben, die allem Anschein nach in der späteren Paläologenzeit und noch unter dem türkischen Joch eine reiche Nachblüte in den Klöstern erlebt. Die Athosfresken, in denen sie eine außerordentliche Verbreitung fanden, sind jedoch nicht unter der unmittelbaren Anregung der liturgischen Texte entstanden. Sie schöpfen vielmehr aus der griechischen Ikonenmalerei des XV/XVI. Jahrhunderts. Daß diese neue mystische und didaktische Bildsymbolik der spätbyzantinischen Mönchskunst entstammt und daß sie in Rußland nur eine Fortbildung in gleicher Richtung erfährt, hat Kondakow eingehend nachgewiesen.[4] Die figürlichen Typen zu ihren gestaltenreichen Neuschöpfungen entlehnt sie z. T. der älteren Überlieferung, so z. B. für die Verbildlichung der Hymne »Alles, was Atem hat, lobe den Herrn« dem illustrierten Psalter die Darstellung der Tierwelt zum Lobe der Schöpfung aus Psalm 148.[5] Die Festbilder der Feier des Indikts (als Illustration des Neujahrstextes Lukas IV, 16—19) und des Wunders der Blachernenkirche, das die Quelle der Schutzmantelmadonna (in Rußland Pokrow) ist, sowie der Kreuzesprozession weisen unzweifelhaft auf mittelbyzantinische Ikonen solcher Kirchenfeste als Vorbilder zurück,[6] wenngleich in reicherer Ausgestaltung. Dazu kommen aber mancherlei Entlehnungen aus der abendländischen Ikonographie, so vor allem die Darstellung der Dreieinigkeit,[7] der Schmerzensmann

¹) Vgl. zu diesem N. Kondakow, Die Christl. Kunstdenkm. d. Athos. Petrograd 1902, S. 144; Wulff u. Alpatoff, a. a. O. S. 222 f. u. 291 und zuletzt C. M. Henze, Mater de perpetuo succursu. Bonnae 1926.

²) N. P. Kondakow, The Russian Icon, translated by Ellis H. Minns. Oxford 1927, p. 101 f.

³) H. Brockhaus, Die Kunst in den Athosklöstern. Leipzig 1891, S. 102 f. u. 106 ff.

⁴) Kondakow, a. a. O. p. 102 ff.

⁵) Kondakow, a. a. O. p. 106 zu pl. XXVIII.

⁶) Kondakow, a. a. O. p. 108 u. 115 f. zu pl. XXXI u. XXXVI.

⁷) Kondakow, a. a. O. p. 105 f.

u. a. m. Aus der Umdeutung unverstandener Bildvorwürfe gingen sogar einzelne neue Allegorien hervor wie das sogen. »schlummerlose Auge« als Abbild der Ruhe auf der Flucht nach Ägypten.[1] Den eigentlichen Herd dieser Verschmelzung alten Erbguts und neuer Leihstücke erblickt Kondakow gewiß mit Recht in den venezianischen Werkstätten der italo-byzantinischen Schule, aus denen auch die neuen Typen der Passionsmadonna, der Madre della Consolazione, der Glykophilusa und Galaktotrephusa[2] hervorgegangen sind.

Wenn demnach die russische und zwar besonders die jüngere moskowitische Ikonenmalerei ihre Bildallegorien zusammengesetzter Fassung zum guten Teil der sogenannten kretischen Schule — vielleicht durch Vermittlung der serbischen und der Athoskunst—verdankt, so wird man ihr gleichwohl eine fruchtbare Anwendung dieser Bildgestaltung auf neue Aufgaben, zumal der einheimischen Liturgik, nicht absprechen dürfen. Aber auch einzelne heilsgeschichtliche Vorwürfe scheint sie selbständig und mit Verwertung weiterer Anleihen bei der mitteleuropäischen Kunst in solcher Auffassung ausgestaltet zu haben. Obenan steht hier die Zusammenfassung der abendländischen Auferstehungsszene, der die Kreuzigung und Grablegung als Nebenszenen vorausgehen, mit der frei ausgesponnenen byzantinischen Höllenfahrtsdarstellung (Tafel VII), die durch den Aufstieg der Erlösten zum Paradiese mit Engelgeleit und ihre Begrüssung durch Henoch und Elias erweitert worden ist.[3] Im byzantinischen Weltgerichtsbilde war zwar mitunter, z. B. im großen Mosaik von Torcello, die Anastasis enthalten und das Paradies durch die Pforte, der sich der gute Schacher, wie hier, als erster naht, und die Gestalten Abrahams, Marias u. a. m. veranschaulicht, nicht aber eine solche Verbindung der Schauplätze hergestellt. Dieser zusammengesetzte Bildtypus scheint nicht vor dem XVII. Jahrhundert belegt zu sein und hat noch in der zweiten Hälfte desselben in mehrfachen Wiederholungen in der sogenannten fränkischen Ikonenmalerei [Фрязь] eine üppige Entfaltung genommen,[4] während er in der neugriechischen meines Wissens nicht nachzuweisen ist. Von den vorerwähnten allegorischen Ikonen unterscheidet er sich jedoch in einem sehr wesentlichen Zuge. Die dargestellten Vorgänge stehen hier nicht bloß in einem symbolischen, sondern auch in engerem zeitlichen Zusamenhange und drängen sich auf einem geschlossenen, wenngleich Himmel, Welt und Hölle umfassenden Schauplatz zusammen. Die Darstellung gewinnt dadurch erzählende Kraft. Sie bietet ein Beispiel des völlig ausgebildeten kontinuierenden Stils. Bleibt sie das einzige in der russischen Ikonenmalerei? Keineswegs, — bei weiterer Umschau begegnen wir in dieser einer ansehnlichen Gruppe von Bildstoffen, welche derselben Behandlung unterworfen wurden. Dieser Abart der zusammengesetzten Fassung hat Kondakow, der vom ikonographischen Gesichtspunkt ausging, keine besondere Beachtung geschenkt. Und doch verdient auch die ästhetische Frage eine nähere Prüfung, ob die russische Kunst selbständig zu dieser Darstellungsweise herangereift ist oder ob sie dieselbe vielleicht auch nur ererbt und fortgebildet hat.

---

[1]) Kondakow, a. a. O. p. 108 zu pl. XXXII.
[2]) Vgl. die Beispiele bei Wulff u. Alpatoff, a. a. O. Abb. 95—97 u. 105.
[3]) Vgl. Wulff u. Alpatoff, a. a. O. Abb. 104 u. S. 244 u. 294 mit weiteren Hinweisen.
[4]) Vgl. die Belege bei Lichačew, a. a. O. II, Taf. CCXXXIII, Nr. 425/6.

Fragen wir zunächst nach dem Wesen des kontinuierenden Stils und den Vorbedingungen seiner Entstehung, so kann ein flüchtiger Rückblick auf ältere Kunstkreise, in denen er auftritt, schon einen gewißen Anhalt bieten. Seinen Begriff verstehen wir mit dem Forscher, der ihm den Namen geprägt hat,[1] als diejenige Vortragsweise der Handlung in der bildenden Kunst, welche die ununterbrochene Zeitfolge des Geschehens auf einheitlichem oder doch auf zusammenhängendem Schauplatz ohne scharfe Trennung der einzelnen Szenen wiedergibt. Ihren Ursprung suchte er in der Buchmalerei der christlichen Spätantike, von der uns als reinstes Erzeugnis dieser Art wenigstens eine Kopie des VI. Jahrhunderts in der vatikanischen Josuarolle erhalten blieb. Mit Recht hat ein russischer Gelehrter das Vorbild solcher christlichen Illustration biblischer Bücher schon in Bildrollen antiker Epen erschlossen.[2] Einen inneren Zusammenhang mit dem dichterischen Schaffen und der dadurch bestimmten literarischen Geisteslage einer Zeit wird man überhaupt als unentbehrliche Voraussetzung ansehen dürfen, damit ein solcher Stil in der bildenden Kunst entstehen kann, wie andrerseits schon eine gewisse Reife der letzteren in der räumlichen Bildgestaltung. Beides trifft für die hellenistische Zeit mit ihrer epischen Nachblüte und ihrem malerischen Illusionismus zu. Vorstufen der Bildrollen sind in den Ilischen Tafeln, im Telephosfries von Pergamon u. a. m. erkennbar. Unter Anregung orientalischer Bilderchroniken dürften auch Reliefsäulen von der Art der Trajanischen schon in vorrömischer Zeit im hellenistischen Orient aufgekommen sein, wie sie noch in Byzanz von Theodosius d. Gr. und Arkadius errichtet wurden.

Eine gleichartige Buchmalerei hat — wieder im Zusammenhange mit der epischen oder historischen Literatur — auf dem weit entfernten Boden Ostasiens ihre reiche Entfaltung gewonnen, von der noch zahlreiche Bildrollen in dortigen Tempeln und Bibliotheken ruhen und nicht wenige ihren Weg in europäische und amerikanische Museen gefunden haben.[3] Aber auch im Abendlande erblüht der kontinuierende Stil noch einmal in der italienischen Frührenaissance. Auch hier erscheint er durch die gotische Buchillustration vorbereitet,[4] wenngleich er weder in der französischen noch in der italienischen selbst zu vollkommener Ausbildung gediehen ist. Um so erstaunlicher ist es, daß er in der Monumentalmalerei, beginnend in Giottos Schule durch das Trecento hindurch ein immer kräftigeres Wachstum bewährt, das bis in die Hochrenaissance anhält und im Quattrocento auch auf die Reliefkunst übergreift. Und war es nicht in Italien die Dichtung der Franciskaner und die Verbreitung der erzählten Heiligenlegende, was der Kunst »im Zeitalter Dantes« den ersten Antrieb zu solcher Gestaltung gegeben hat und die freie Schilderung alt- und neutestamentlicher Geschichten in die gleiche Bahn lenkte? Von den Anfängen bei dem Meister der Magdalenenkapelle in Assisi können wir die Entwicklung dieser Darstellungsweise über T. Gaddis Marienleben der Cap. Baroncelli in Sta Croce und die Hiobfresken des Fr. da Volterra im C^{po}-S^{to} zu Pisa sowie Spinellos Bilder-

[1]) F. Wickhoff (u. Hartel), Die Wiener Genesis. Wien 1898, S. 59 f.

[2]) D. Ainalow, Die hellenistischen Grundlagen der byzantinischen Kunst. Petrograd. 1900, S. 85.

[3]) K. Woermann, Die Kunst aller Zeiten u. Völker. 2. Aufl. 1915, II, S. 240 u. 326 ff.

[4]) A. Schmarsow, Kompositionsgesetze in der Kunst des Mittelalters. III, Darstellende Kunste. Bonn u. Leipzig, 1922, S. 181 f.

1.

3.

2.

4.

folgen durch das Chiostro Verde zu Gozzoli und Ghiberti und weiter bis in die Sixtinafresken der 80ger Jahre, ja selbst bis in die Deckenbilder Michelangelos und in Tizians und Veroneses Gemälde verfolgen.

Nur schwache Ansätze zu solcher Bildgestaltung bietet die byzantinische Kunst des hohen Mittelalters. Wenn sie von der Geburt Christi ein Sammelbild besitzt, das mit dem Hauptvorgange die Anbetung der Hirten und die Ankunft der Magier vereinigt, so hat sie nur bewahrt, was schon die altchristliche Kunst geschaffen hatte.[1] Das Gleiche gilt für die Szene des Gebets in Gethsemane, wo Christus zweimal, die Jünger weckend und zu Gott flehend dargestellt wird.[2] So hat sie noch Duccio offenbar aus der Maniera greca übernommen. Schwieriger ist die Entscheidung darüber, ob die Schilderung einander folgender Ereignisse des Marienlebens auf einheitlichem Schauplatz in den Miniaturen zu den Homilien des Jakobos von Kokkinobaphos aus dem XII. Jahrhundert nur auf freier Nachbildung einer altchristlichen Vorlage beruht oder reichere Ausgestaltung durch eigne Erfindung des Illustrators im Archetypus vermuten läßt, doch fehlen für die zweite Annahme zum mindesten sichere Beweise.[3] Die Steigerung der erzählenden Vortragsweise aber erfolgte auch hier keinesfalls voraussetzungslos aus rein literarischem Antrieb.

Erst in den kirchlichen Malereien des Athos stoßen wir auf neue Erweiterung heilsgeschichtlicher Szenen zur Darstellung des gesamten Ablaufs der Handlung. Das bedeutsamste Beispiel ergibt die Freske der Verklärung in der Georgskapelle von A. Pawlu.[4] Dem althergebrachten Bildtypus ist hier beiderseits zwischen dem oberen Dreiverein des Herrn und der Propheten und dem unteren der Apostel nochmals Christus in Begleitung der letzteren, links im Aufstieg zum Berge Tabor, rechts im Abstieg, hinzugefügt. In übereinstimmender Bildgestaltung taucht die Szene aber schon auf einer Nowgoroder Ikone der Sammlung Morosow auf (Fig. 1), die nach paläographischen Merkmalen eher dem XIV. als dem XV. Jahrhundert entstammt.[5] Das fehlende Zwischenglied werden wir schwerlich in der hauptstädtischen Kunst der Paläologenzeit vermuten und ihr die Schöpfung des neuen Bildtypus zuerkennendürfen, sondern nur seinen steilen Aufbau und die gesteigerten Bewegungsstellungen der unteren Apostelgruppe, da eine nur wenig altere Handschrift aus kaiserlichem Besitz die Szene noch ohne die symmetrischen Nebengruppen aufweist.[6] Vielmehr erlaubt die Athosfreske, mit hoher Wahrscheinlichkeit das Vorbild in einem Ikonentypus der kretischen Schule zu vermuten. Ist doch der letzteren die Ausmalung dieser und anderer Athoskirchen im XVI. Jahrhundert unzweifelhaft zuzu-

---

[1]) Vgl. H. Kehrer, Die hl. drei Könige in Lit. u. Kunst. Leipzig 1909, II, S. 81 ff. Mehrere Beispiele aus der italo-byzantinischen und südslawischen Ikonenmalerei bietet Lichačew, a. a. O. I, Taf. LXII, Nr. 101—103.

[2]) N. Pokrowskij, Das Evangelium in d. Denkmälern d. Ikonographie. Petrograd 1892, S. 299 f.

[3]) Vgl. Die Spezialliteratur bei J. Ebersolt, La miniature byzantine. Paris et Bruxelles 1926, p. 41.

[4]) G. Millet, Mon. de l'Athos. I. Les Peintures. Paris 1927, pl. 188, 4 und seine Ausführungen über den Bildtypus. Recherches sur l'iconogr. de l'Evangile, p. 192.

[5]) Wulff u. Alpatoff, a. a. O. Abb. 70. u. S. 282 sowie zwei weitere Beispiele bei Lichačew, a. a. O. I. Taf. CXXVII, N 225/6 und eine Moskauer Ikone des XVII Jahrh. bei Kondakow, a. a. O. pl. LVII. u. p. 157 u. 176, der den Bildtypus schon auf Rublews Werkstatt zurückführt und seine Entstehung in der Miniaturmalerei des XIV Jahrh. vermutet.

[6]) Ainalow, Die byzant. Malerei des XIV. Jahrhunderts, S. 144 ff. u. Taf. X.

schreiben.[1] Damit aber rückt diese Ausgestaltung des Bildtypus in den Bereich des Einflußes der italobyzantinischen Malerei.

Innerhalb der russischen Ikonenmalerei bleibt es anscheinend bei diesem vereinzelten Fall der Darstellung einer Evangelienszene im kontinuierenden Stil, mag seine Wurzel nach Byzanz oder nach Venedig reichen. Die herkömmlichen Typen der Festbilder setzten solcher Erweiterung wohl allenthalben einen stärkeren Widerstand entgegen. Gleichwohl kommen auch gewiße Bereicherungen allhergebrachter Bildtypen vor, die sich bisher nur in Rußland nachweisen lassen. So taucht auf russischen Ikonen der alttestamenlichen Dreieinigkeit bei dem Gastmahl der drei Engel die Nebengruppe der Schlachtung des Kalbes (1 Mose 18, 7) auf, die nicht einmal dem Malerbuch (§ 34) und den Athosfresken bekannt ist.[2]

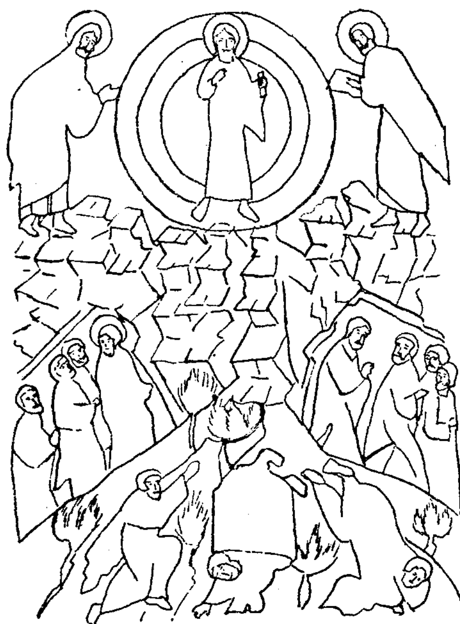

Fig. 1. Verklärung Christi (nach einer Nowgoroder Ikone des XIV/XV Jahrhunderts).

Mehr Klarheit über den Ausgangspunkt und die Ausbreitung dieser Darstellungsweise kann uns vielleicht eine Überschau über anderweitige Bildstoffe verschaffen, die ihr unterworfen werden. Das sind die Legenden, die sich auch um alt- und neutestamentliche Heilige, vor allem aber um solche der Kirche und des Mönchslebens gesponnen haben. In der mittelbyzantinischen Kunst war dafür ein festes Schema ausgebildet worden, dasselbe, welches für die Darstellung Christi oder Marias in der Umrahmung der Festbilder durch Arbeiten der Kleinkunst bezeug ist.[3] Die altrussische Kunst hat es mit der italienischen des Ducento und Trecento gemein, die es nur von der Maniera greca übernommen haben kann.[4] Noch Pietro Lorenzetti bediente sich seiner für die Ancona der hl. Umiltá in Florenz, nur war diese wohl, wie schon ältere italienische Bildtafeln, durch einen giebelförmigen Abschluß dem gotischen Altarblatt angeglichen. Durchweg besteht die Umrahmung solcher Ikonen aus einer Bilderfolge von Einzelszenen, deren Handlung auf einen Augenblick oder ganz kurzen Zeitablauf auf geschlossenem Schauplatz beschränkt bleibt und demnach dem sogen. distinguierenden Stil zuzurechnen ist. So erhebt sich die Frage, ob und wo zuerst eine Zusammenfassung mehrerer gesonderter Vorgänge im einheitlichen Bildraum erfolgt ist.

[1]) Millet, a. a. O. p. 2 u. 44.

[2]) Vgl. die Beispiele bei Lichačew, a. a. O. I., Taf. CXVI, Nr. 207 in dem Hauptbild einer Ikone der Galerie Tretjakow sowie in derse ben Szene innerhalb der umrahmenden Bilderfolge aus der Genesis und II., Taf. CCCXXVII, Nr. 633.

[3]) Vgl. das Specksteindiptychon (Barberini) im K. Friedrich Museum bei Wulff, Altchristl. u. mittelalt. Bildwerke. 1. Aufl. III, 2, N. Ikonen verschiedener Heiliger in Vollgestalf oder Halbfigur mit der Legende in der Umrahmung bietet Lichačew, a. a. O. II, Taf. CLXX ff., Nr. 299, 300, 304 u. 310.

[4]) Vgl. die Belege bei O. Sirén, Toskanische Malerei im XIII Jahrhundert. Berlin 1922, Abb. 24, 47, 98 u. a. m.

Ein frühes Beispiel des kontinuierenden Stils bietet in Rußland ein Randbildchen einer Ikone der Stroganowschule des ausgehenden XVI. Jarhunderts in der Sammlung Ostrouchow, deren Hauptdarstellung die Hymne der Lobpreisung Marias »Über Dich freuet sich usw.« veranschaulicht. Es stellt die Leidensgeschichte des Täufers in fünf Auftritten dar, und zwar beginnend mit der Enthauptung, die Übergabe seines Hauptes an Salome, die es dann über dem Kopfe erhebt, Herodes und seinen Gästen zuträgt und schließlich ihrer Mutter übergiebt (Tafel VI, Abb. 4). Wie schon bei der ersten Veröffentlichung dieses Sammelbildes bemerkt wurde, entbehrt es der strengen Anordnung der Vorgänge nach der zeitlichen Folge.[1] Das erklärt sich freilich doch nicht völlig aus der freien künstlerischen Auffassung dieser Meister, sondern scheint mir noch auf die Vereinigung verschiedener Vorbilder der Einzelszenen zurückzuweisen, da der dritte an sich sehr wirkungsvolle Vorgang sogar überflüssig erscheint, während nach seiner Ausschaltung die Handlung durchaus folgerichtig verläuft. In der Tat begegnet uns die Enthauptungsszene auch für sich sowie vereinigt mit der Gefangenschaft und Hinausführung aus dem Gefängnis in zwei kleinen russischen Ikonen des XVII. Jahrhunderts.[2] Das erlaubt den Rückschluß, daß in Rußland auch eine Bilderfolge der Legende des Täufers verbreitet war, beweist aber noch nicht, daß die Zusammenfassung der ganzen Leidensgeschichte zu einem Sammelbilde erst von der Stroganowschule vollzogen wurde, wenngleich diese bekanntlich aus verschiedenen Quellen, vor allem auch aus Miniaturen schöpft. Es bleibt hier zum mindestens die Möglichkeit bestehen, daß wieder die italo-byzantinische Schule darin vorgegangen war. Denn die Maniera greca besaß zweifellos eine vollständige Bilderreihe des Johanneslebens, die alle diese Vorgänge und dazu noch die Beisetzung des Täufers umfasste. Am gründlichsten hat sie der Meister des äußersten Streifens des Kuppelmosaiks im Baptisterium von Florenz ausgeschöpft.[3] Einen Auszug, der dieselben Bildtypen in ziemlich entsprechende Reliefdarstellungen übersetzt, bietet schon der Türsturz des Baptisteriums von Pisa.[4] Ungefähr dieselbe Auswahl finden wir noch ein Jahrhundert später im Mosaikschmuck der Taufkapelle von S. Marco in freier Abwandlung wieder.[5] Von dem Samelbilde der Stroganowikone weichen die einzelnen Szenen vollends ab, zumal die bereits vollzogene Enthauptung. Nur in den russischen Ikonen findet diese vor einer Höhle statt, in der das Haupt schon vor dem noch lebend dastehenden Täufer in einer Schale liegt. Diese eigenartige Auffassung aber findet ihre Erklärung aus dem Reliquienkult von Sebaste, der nicht nur den Anspruch erhob, die Gebeine des Täufers (mit Ausnahme des Kopfes und der Arme) zu beherbergen, sonden sogar daselbt ein unterirdisches Verließ für die Leidensstätte ausgab.[6] Die Übertragung der Szene in die typische

---

1) Wulff u. Alpatoff, a. a. O. Abb. 86 u. S. 195 f. u. 288.

2) Lichačew, a. a. O. I, Taf. CLVIII, N. 275 u. 276.

3) Vgl. Venturi, Storia dell'arte italiana. V, p. 222 ss. u. Fig. 181—185 u. P. Toesca, Storia dell'arte italiana. I, p. 1002.

4) Venturi, a. a. O. III., p. 949, Fig. 847.

5) Vgl. darüber Ainalow, a. a. O. S. 116 ff. u. Taf. XXIII und meinen Aufsatz im Münchener Jahrbuch für K. Wiss. 1927, S. 370 f.

6) Du Cange, Traité hist. du Chef de S. Jean Baptiste. Paris 1665, p. 9. Vgl. dazu Wulff, a. a. O. S. 377 f.

Felslandschaft wird daher schwerlich erst in der russischen, vielmehr bereits in der spätbyzantinischen Ikonenmalerei erfolgt sein. Solche Landschaft zum umfassenden Schauplatz mehrerer Vorgänge zu machen, entspricht aber, wie wir weiter unten sehen werden, einem beliebten Verfahren der italo-byzantinischen (bzw. kretischen) Schule.

Ein oft wiederholter Vorwurf der russischen Ikonenmalerei ist die Geschichte des Propheten Elias. Der glückliche Zufall spielte mir im Herbst 1926 bei Gelegenheit der Ausstellung russischer Monumentalmalerei in Berlin nicht weniger als drei solcher Bilder aus deutschem Privatbesitz in die Hände, die auch ihrem Kunstwert nach wohl die Veröffentlichung verdienen und zur Erhellung der uns beschäftigenden Frage ihr Teil beizutragen vermögen. Das feinste Stück, vielleicht eine Arbeit der zarischen Malstube in Moskau aus dem XVII. Jahrhundert, vereinigt die wichtigsten Begebenheiten des biblischen Berichts auf einheitlichem landschaftlichem Schauplatz (Tafel VI, Abb. 3). Inmitten desselben öffnet sich eine Höhle, in der die Gestalt des Propheten in doppelter Größe wie in den kleinfigurigen Nebenszenen fast in Vorderansicht dasitzend und nach links zum herabfliegenden Raben, der ihm ein Brot zuträgt, umblickend dargestellt ist, bekleidet mit langem Gewande und um die Schultern geknüpftem offenen, pelzähnlichen Mantel. Zu beziehen ist die Darstellung also auf den ersten Aufenthalt in einer Höhle (I. Kön. 17), nicht auf die spätere Flucht (I. Kön. 19, 9). Daran schließt sich links unten der Schlaf des Propheten unter dem Wachholderbusch während der letzteren und seine Erweckung und Speisung durch den Engel (I. Kön. 19, 5) an. Über dieser Nebenszene sehen wir Elias, gefolgt von Elisa, den vom Gebirge herabfließenden und sich stauenden Jordan durch den Schlag mit dem Mantel teilen, um ihn zu durchschreiten (I. Kön. 28). Ihr Ziel ist die gegenüberliegende Stätte von Elias Himmelfahrt (II. Kön. 2, 11—13). In der feurigen Lohe, die fast das ganze obere Drittel der Bildfläche füllt, fährt er auf dem von zwei Paaren geflügelter Rosse gezogenen Wagen dem goldgelichteten Gewölk in der linken oberen Bildecke zu, in dem der greise Gott Zebaoth in Vollgestalt erscheint. Die rechte füllt ein fliegender Engel, der die Zügel des Gespanns hält. Elias wendet sich, mit der Rechten vorwärts weisend, zu Elisa zurück, ihm den Mantel mit der Linken herabwerfend. Der empfängt ihn mit ausgebreiteten Armen. Darunter erblicken wir noch einmal Elisa auf dem Rückwege nach Jericho den Jordan wie vorhin Elias zerteilend (I. Kön. 2, 14). Man wird geneigt sein, ein so wohlgeordnetes Ganze für das Endergebnis einer Entwicklung anzusehen, die auf die Zusamenfassung mehrerer in einer umrahmenden Bilderfolge gegebener Einzelbilder abzielte. Ist uns doch sogar noch eine größere Ikone etwas älteren Stils erhalten[1], die als Mittelstück die für sich dargestellte Himmelfahrt aufweist, in der oberen Reihe der bilderreichen Legende aber den Propheten in der Höhle sitzend, in der unteren den schlafenden mit Engel (sämtliche Szenen jedoch im Gegensinne angeordnet). In dieser Annahme wird man noch durch den Umstand bestärkt, daß das Hauptereignis der Himmelfahrt uns in der Tat recht häufig in gesonderter Darstellung begegnet. Zwei Fassungen lassen sich unterscheiden, von denen die eine die Fahrt in rechtsläufiger Bewegung wiedergibt und ungeflügelte

[1] In der Sammlung Ostrouchow; vgl. die Abbildung bei I. Grabar (Muratow), Gesch. d. russ. Kunst. VI., S. 34.

Rosse zeigt,[1] die andere geflügelte in umgekehrter Bewegung.[2] In allen diesen Fällen aber ist noch die Gotteshand (in einem Himmelssegment) an Stelle der Erscheinung Gottvaters dargestellt, wie auch auf der Ikone der Sammlung Ostrouchow, von den beiden Engeln der letzteren hingegen nur einer über Elias. Die erste Fassung entspricht dem älteren, bis in altchristliche Zeit zurückreichenden Bildtypus[3] und mag wohl auf solche Vorbilder der Einzelszene zurückgehen, wenngleich auch sie neben dem (manchmal zum Ornament umstilisierten) Jordan am unteren Bildrande einmal sogar den Erdspalt mit dem Busch, also wohl einen Hinweis auf die Höhle enthält. Die zweite aber erweist sich vollends durch einzelne Nebenzüge unverkennbar als ein vereinfachter Ausschnitt aus einem Sammelbilde. Bietet sie doch in mehreren Beispielen noch die Gruppe des schlafenden Propheten mit dem Engel. Eine solche Ikone, die wohl auch der Moskauer Schule nahe steht, etwa aus dem Anfang des XVII. Jahrhunderts war ebenfalls in Berlin ausgestellt (Tafel VI, Abb. 2). Sie wiederholt im übrigen ziemlich getreu die Darstellung der Ikone Ostrouchows mit dem Unterschiede, daß sie nur den einen Engel über Elias bewahrt und den Jordan in der rechten unteren Ecke durch jene Nebenszene ersetzt hat. Ein weiteres Beispiel in der Sammlung Rjabušinskij zeigt beide Vorgänge in verschobener und zwar die Himmelfahrt schon in linksläufiger Anordnung und in freier ornamentaler Umbildung,[4] hält jedoch beide Engel des Stammtypus fest und setzt sogar den Raben dazwischen, der zu keiner der dargestellten beiden Szenen gehört. Hier liegt es auf der Hand, daß der nordrussische Ikonenmaler schon aus einem Sammelbilde geschöpft haben muß, dessen Zusammenhang ihm nicht völlig verständlich war. Es muß also einen solchen Bildtypus schon im XVI. Jahrhundert gegeben haben, dem sein Werk entstammt.

So eröffnet sich wieder die Möglichkeit, daß die Zusammenfassung der Einzelszenen im kontinuerenden Stil nicht erst in Rußland erfolgt ist. Zwei weitere Denkmäler weisen in der Tat auch bei diesem Bildstoff auf die italo-byzantinische (bezw. kretische) Schule zurück. Daß die letztere die Gestalt des sitzenden und von dem Raben gespeisten Propheten als selbständigen Vorwurf kannte, verbürgt uns eine erhaltene griechische Ikone des XV. Jahrhunderts von hoher künstlerischer Vollendung (im Russischen Museum zu Petrograd), in der schon Kondakow das Urbild der russischen abgeschwächten Wiederholungen dieser Gestalt erkannte.[5] Mit ihrer geschlossenen Bildgestaltung und feinen malerischen Durchbildung spiegelt sie zweifellos eine Schöpfung der Päläologenkunst wider. Von ihren Nachbildungen weicht sie in zwei wesentlichen Zügen ab, einmal darin, daß der Prophet nicht in eine Höhle eingeschlossen, sondern von zwei zerklüfteten Bergen umgeben ist, außerdem aber in dessen Körperhaltung. Daß diese auf allen russischen Ikonen mehr aufgerichtet und dem

---

[1]) Lichačew, a. a. O. II., Taf. CLXXXVI, N. 326/7.

[2]) Lichačew, a. a. O. II., Taf. CLXXVI, N. 328/9. Die Unterschiede der beiden Fassungen wurden schon von Alpatoff, a. a. O. S. 286 hervorgehoben, der auf ein weiteres mir unzugängliches Beispiel (bei Morosow) hinweist.

[3]) Vgl. dazu im allgemeinen Kondakow, a. a. O. p. 98, der den Zusammenhang des Bildtypus mit der altchristlichen Kunst feststellt, ihn jedoch schon in der älteren Fassung aus der italo-byzantinischen Schule ableitet, was mir verfehlt scheint.

[4]) Wulff u. Alpatoff, a. a. O. Abb. 82 u. S. 185 von meinem Mitarbeiter besprochen.

[5]) Kondakow, a. a. O. pl. IX. u. p. 49 s.

Beschauer zugewandt ist, erklärt sich offenbar aus dem Bestreben nach Umprägung der Darstellung zum Andachtsbilde. Als solches wurde die Gestalt zum Mittelstück eines Sammelbildes der Legende gemacht, wie wir es noch in der Moskauer Ikone des XVII. Jahrhunderts in freier Nachbildung besitzen. Denn diese ist nicht die einzige geblieben.

In etwas veränderter Fassung erblicken wir dieselbe Szenenfolge inmitten anderer Bilder auf dem linken Flügel einer Königstür (Tafel VIII), die ebenfalls 1926 in Berlin ausgestellt war.[1] Mustern wir schnell ihre ganze Bilderreihe, so überzeugen wir uns bald davon, daß der russische Maler nach mehreren italo-byzantinischen Vorlagen gearbeitet hat. Aus der russischen Ikonographie allein konnte er höchstens den thronenden Pantokrator über und den Zug der Heiligen unter dem Eliasbilde entnehmen, wenngleich die figurenreichen Nebengruppen des ersteren auch an neugriechische Weltgerichtsbilder gemahnen. Unter unverkennbarem Einfluß italienischer Bilder der Hochrenaissance aber stehen vor allem die beiden in eine perspektivische Architekturszenerie eingegliederten Szenen der Einführung Marias in den Tempel und der Verkündigung in den oberen beiden Bildfeldern. Die anschliessende Grablegung des rechten Flügels gehört demselben Mischtypus an, den das vorbesprochene Sammelbild der Auferstehung Christi (Taf. VII) verwertet. Der berittene Erzengel Michael darunter ist ein der byzantinischen und altrussischen Kunst ganz fremder Typus. Die Darstellung des Drachenkampfes des hl. Georg zuunterst endlich zeigt wiederum eine Raumkomposition, die nicht nur ähnliche Bildarchitekturen enthält wie die beiden Marienszenen oben, sondern auch den Reiter in einer verkürzten Dreiviertelansicht wiedergibt, die zur byzantinischen Ikonographie in vollem Widerspruch steht, in Venedig hingegen seit Jacopo Bellini sehr beliebt ist. Wir sind demnach wohl berechtigt, auch für das Eliasbild eine ältere italo-byzantinische Vorlage anzunehmen, mag diese Königstür auch ihre Entstehung erst der »fränkischen« oder einer späten Provinzialschule verdanken, was Kenner der russischen Paläographie vielleicht nach den Namensbeischriften zu entscheiden vermögen. Das uns beschäftigende Sammelbild umfaßt dieselben Vorgänge wie das Eingangs besprochene, wenngleich in abweichender Anordnung, und läßt nur den zurückkehrenden Elisa weg. Der sitzende Prophet ist aber nach der Seite verschoben und kaum größer gehalten als in den unteren Nebenszenen. Im Zusamenhange der Erzählung war ja seine Hervorhebung zwecklos. Er blickt im Gegensinne um, obgleich der Rabe anscheinend fortgeblieben ist und er das Brot schon in den Händen hält. Die Schlafszene ist nach rechts verschoben, die Durchschreitung des Jordan in die Mitte gerückt, die übrige Bildfläche durch die Himmelfahrt ausgefüllt. Daß diese von demselben Stammtypus abhängt wie das entsprechende Andachtsbild, bestätigt die Verdoppelung der Flügelpferde auf vier und das beiden Ikonen gemeinsame Langgespann. Ob in der linken oberen Bildecke auch hier Gottvater dargestellt war, läßt die starke Zerstörung der Farbschicht an dieser Stelle leider nicht erkennen. Die Abweichungen in den Bewegungsstellungen zumal in der Szene am Jordan überschreiten nicht das den russischen Ikonenmalern zustehende Maß freier Gestaltung. In der Tat scheint uns die beiden Denkmälern

[1]) Byzantinisch-russische Monumentalmalerei. Berlin 1926. Veröffentl. d. Kunst-Archivs, N. 22/23, S. 46, N. 42.

zugrunde liegende Fassung in einer dritten russischen Ikone des XVII. Jahrhunderts noch getreuer bewahrt zu sein.[1] Sie stimmt in der Anordnung der Szenen und in einzelnen Zügen mit dem Bilde der Königstür (Tafel VIII) überein, in anderen aber mit dem Andachtsbilde (Tafel VI, Abb. 3) und bietet etwas, was beiden fehlt. In der durch den Jordan diagonal aufgeteilten Felslandschaft spielt sich die Himmelfahrt ganz entsprechend ab und erblicken wir nicht nur Christus als Vertreter Gottvaters mit Engeltrabanten in der linken oberen Bildecke, sondern auch rechts unten Elisa am Jordan. Nur die Vorszene seiner ersten Durchschreitung fehlt auf der linken Seite. Hier ist aber Elias in der Schlafszene zweimal dargestelt, wie die italienische Kunst des Trecento in solchen Fällen Erweckungen darzustellen liebt. In der Höhle ist er darüber nach links umblickend wiedergegeben, aber noch im gleichen Maßstabe. Das legt die Vermutung nahe, daß seine Vergrößerung zur Hauptgestalt und Verschiebung, m. a. Worten die Entstehung des Andachtsbildes, erst in Rußland erfolgt ist, zumal er nur in diesem den Stock des Asketen führt. Hatte aber ein solches Gesamtbild der Legende schon im XVI. Jahrhundert seinen Weg von Venedig nach Rußland gefunden, wie die Ikone der Sammlung Rjabušinskij zu folgern erlaubt (s. o.), so erklärt sich aus seiner Rückwirkung auch die Umkehrung des älteren Bildtypus der Himmelfahrt, wie sie die o. e. russischen Einzelikonen bereits zeigen, sowie die Hinzufügung der Schlafszene in einigen Fällen. Weiter aber gaben die Maler dem Anstoß zur Zusammenfassung der überlieferten Sondertypen vor dem XVII. Jahrhundert anscheinend nicht nach.

In dem Sammelbilde der Eliaslegende steht uns ein echtes Erzeugnis des kontinuierenden Stils, nicht das Ergebnis einer äußerlichen Verquickung feststehender Einzelbilder vor Augen. Es ist vielmehr augenscheinlich unter der lebendigen Anregung der biblischen Erzählung aus den älteren Bildtypen entstanden. Das beweist die Einflechtung der vorbereitenden und nachfolgenden Übergangsszenen am Jordan. Um so eher aber dürfen wir es als eine Schöpfung der italo-byzantinischen Schule ansehen, die in unmittelbarer Berührung mit der Malerei der Frührenaissance stand. Es kann heute durch die Forschungen Kondakows, Ainalows und Lichačews als erwiesen gelten, daß sie schon im XIV. Jahrhundert in voller Entfaltung begriffen ist und Anregungen von der Schule Giottos in der Romagna und anderen gotischen Kunstströmungen empfängt. Andererseits kann es keinem Zweifel unterliegen, daß sie mit der Paläologenkunst, sei es unmittelbar, sei es durch Vermittlung kretischer Klosterwerkstätten, in Wechselwirkung verbleibt. Von dieser Seite hat sie jedenfalls die reich ausgestattete Felslandschaft aufgenommen, die als umfassender Schauplatz zur eigentlichen Trägerin des kontinuierenden Stils in der Ikonenmalerei geworden ist.

Wie eifrig die kretische Schule an der Vervielfältigung und Häufung der stilisierten Felsklippen zur Ertäuschung räumlicher Tiefe durch eine allerdings ganz irrationale Linearperspektive arbeitete, bezeugen die jüngeren Freskenfolgen der Peribleptos und Pantanassa u. a. Kirchen von Mistra.[2] Die Eliaslegende ist in diese Ideallandschaft übertragen worden, deren Ausbildung bereits in einer anderen, wenngleich ihr wesensverwandten, Reihe von Bildstoffen erfolgt war. Das müssen die in der Klosterkunst besonders beliebten Heiligengeschichten berühmter Asketen gewe-

[1]) Lichačew, a. a. O. II., Taf. CCXXVII, Nr. 413.
[2]) Vgl. dazu meine Bemerkungen im Handb. d. K. Wiss. Altchristl. u. byzantinische Kunst, T. II, S. 595.

sen sein, in denen die griechische Ikonenmalerei vielleicht schon einen selbständigen Anlauf zum kontinuierenden Stil genommen hatte. Das bekannteste und schon öfters behandelte Denkmal dieser Art ist die Darstellung der Totenliturgie des antiocherischen Bischofs und Styliten Ephraim des Syrers (nicht zu verwechseln mit dem Kirchenvater) der Vatikanischen Pinakothek.[1] Verdankt auch diese italo-byzantinische Ikone ihre Entstehung, erst dem XVI. Jahrhundert, so ist doch unlängst der Beweis dafür erbracht worden, daß ihr ein allgemeiner Bildtypus zugrunde liegt, der schon ein volles Jahrhundert früher den Gegenstand einer literarischen Bildbeschreibung des Markos (oder Johannes?) Eugenikos abgegeben hat.[2] Trotz der vielfältigen Übereinstimmungen in einzelnen Motiven wäre es jedoch ein Irrtum, wenn wir darin eine vollgiltige und erschöpfende Inhaltsangabe des vatikanischen und ähnlicher Sammelbilder erblicken wollten. Eine solche kann nur von Fall zu Fall aus den Quellen der einzelnen Legenden erschlossen werden, die in den Menologien und Menäen enthalten sind. Denn es liegt auf der Hand, daß das bildliche Grundschema eine ihnen entsprechende Abwandlung erfahren mußte. Nur seine allgemeine Verbreitung können wir aus dieser Ekphrasis erschließen, die hier zufälligerweise denselben Bildstoff zu deuten unternimmt, der uns noch vorliegt. Weitere Beispiele sind leider noch nicht gesammelt. Aber wir können einerseits an das berühmte Asketenleben in den Fresken des Campo Santo zu Pisa[3] erinnern, andererseits wenigstens in der russischen Ikonenmalerei ein Beispiel in einem Sammelbilde der Legende der Maria von Aegypten (bezw. Magdalena) aufweisen, die ja auch in jenes italienische Wandgemälde des Trecento eingegangen ist.[4] Diese kleine Ikone der ehemaligen Sammlung der Geistlichen Akademie in Kiew ist aus stilistischen Gründen wohl noch dem XVI. oder frühen XVII. Jahrhundert zuzuteilen und nur als mittelmaßige provinziale Arbeit anzusehen. Um so bedeutsamer erscheint aber das zähe Fortleben der Felslandschaft in ihrem einförmigen steilen, wie auf der vatikanischen Tafel von zahlreichen Höhlen durchsetzten Aufbau, in denen sich die Einzelszenen des Besuches des hl. Antonius bei der Büßerin und ihres letzten Abendmahls u. a. m. abspielen. Auch in Pisa findet sich bei freierer Ausgestaltung des Ganzen die Felshöhle wieder, wenngleich nur in sparsamer Verwendung. Wir erkennen nunmehr auch, wo zu ihrer Einführung in das Sammelbild der Eliaslegende das Vorbild gegeben war.

Die russische Ikonenmalerei bietet zwar kein so reines Beispiel mehr eines Heiligenlebens auf solchem Schauplatz dar, wohl aber noch manches andere von kontinuierendem Stil, wie z. B. des Johannes Damascenus.[5] Die kleinlichen und sehr ornamental stilisierten Bildarchitekturen desselben werden gleichwohl noch immer durch den Felsboden miteinander verbunden. Obschon ein italo-byzantinisches oder neugriechisches Vergleichsstück fehlt, werden wir ein solches auch in diesem Falle

---

[1]) Wulff u. Alpatoff, a. a. o. Abb. 99 u. S. 232 u. 292 mit Angabe älterer Literatur.

[2]) Vgl. A. Muñoz, Le ΕΚΦΡΑΣΕΙΣ nella lett. bizant. etc. Recueil à la mem. de N. P. Kondakov. Prague 1926, p. 138.

[3]) Venturi, a. a. O. V, p. 727, Fig. 588 ss.

[4]) Lichačew, a. a. O. II, Taf. CCXLIV, Nr. 448 u. ein weiteres Beispiel Taf. CCCLII, Nr. 691. Daß die Legende der Maniera græca geläufig war, beweist die vereinfachte Bilderfolge auf der bekannten Ancona der Akademie in Florenz; vgl. Sirén, a. a. O. Abb. 98.

[5]) Lichačew, a. a. O. II, Taf. CCLXIX, Nr. 483, jedenfalls schon aus dem XVII. Jahrhundert.

wegen der allgemeinen Bedeutung des Heiligen für die orthodoxe Kirche voraussetzen dürfen. War doch das Schema der Gebetstellung in Seitenwendung, in dem hier die Hauptgestalt wiedergegeben und mit den kleinen Legendenszenen verknüpft ist, zweifellos schon der Paläologenkunst geläufig.[1] Von der russischen Ikonenmalerei ist es jedenfalls noch in der älteren einfachen Fassung nebst umrahmender Bilderfolge aus Byzanz entlehnt worden.[2]

Die Zusammenfassung einer Folge von Einzelszenen zum Sammelbilde mag also zuerst in der italo-byzantinischen Schule erfolgt sein, hat aber in Rußland bereitwillige Nachahmung und reichliche Anwendung gefunden, vor allem in der Stroganowschule. Davon zeugt z. B. eine feine Ikone vom Rogožskij Friedhof bei Moskau, welche die hl. Katharina schon in der Nationaltracht einer russischen Zarentochter darstellt,[3] wie sie zu Christus im Himmelsgewölk aufblickend, aus dem ihr ein Engel das Weihrauchfaß zur Begrüßung der Märtyrerin entgegenschwenkt, den links vor ihr knieenden Philosophen von Alexandria predigt, während auf der Gegenseite der Henker neben der in kleinem Maßstabe widerholten Heiligen das Schwert zückt und darüber die Engel sie auf dem Sinai bestatten. In der rechten oberen Bildecke ist augenscheinlich ein ihr geweihtes Kloster dargestellt. So beliebt auch die Katharinenlegende in der Wandmalerei des Trecento ist, erinnert doch keine der Szenen, vielleicht mit alleiniger Ausnahme der Bestattung, an italienische Bildgestaltung. Der Künstler arbeitet hier vielmehr sichtlich ganz frei mit den ihm vertrauten Typen. So schreitet diese Schule schließlich zu selbständiger Neuschöpfung in kontinuierendem Stil fort, wenn sie einen Bildstoff wie die Ermordung und Beisetzung des heilig gesprochenen Zarewitsch Dimitrij in dem gleichen Schema mit der großen Hauptgestalt vereinigt (Fig. 2).[4] Auch hier ist Christus mit seiner Engelschaar in der oberen linken Bildecke als Empfänger der Fürbitte gegenübergestellt. Diese zusammengesetzte Fassung aber erfährt noch im XVIII. Jahrhundert in engem Anschluß an den Bericht der Chronik eine beträchtliche Vermehrung durch Nebenszenen.[5]

Fig. 2. Der hl. Dimitrij-Zarewič (nach einer Moskauer Ikone des XVII Jahrhunderts).

Bei anderen Ikonen aus der ersten Hälfte des XVII. oder gar aus dem XVI. Jahrhundert, die eine altbekannte Legende in kontinuierender Bildgestaltung wiedergeben, bleibt die Entscheidung schwierig, ob diese noch auf Rechnung der italo-byzanti-

[1]) Vgl. Wulff u. Alpatoff, a. a. O. S. 260, doch entstammt es fraglos der byzantinischen Ikonographie, in der es von Alters her für die Darstellung der Gottesmutter als Fürbitterin üblich ist, wie z. B. auf einer kleinen griechischen Ikone des XV. Jahrh. bei N. Petrow, Album der Sehenswürdigkeiten der Samml. der Geistlichen Akademie in Kiew. 1912, S. 12 u. Abb. 16.

[2]) So z. B. für die Ikone des hl. Barlaam bei Lichačew, a. a. O. II, Taf. CLXXXI, Nr. 314.

[3]) Lichačew, a. a. O. II, Taf. CCLXXI, Nr. 500.

[4]) Lichačew, a. a. O. II, Taf. CCLXX, Nr. 498 aus der Samml. des altgläubigen Priesters Wlassow.

[5]) Vgl. die Ikone der Schule Ušakows bei Kondakow, a. a. O. Abb. LXI. u. p. 185 f.

nischen oder der russischen Ikonenmalerei zu setzen ist. Dahin gehört eine kleine Tafel mit dem Drachenkampf des hl. Georg der Sammlung Lichačew (Fig. 3), die wohl noch der älteren Stroganowschule zuzuteilen ist.[1] Die (von der Legende umrahmte) Hauptszene ist schon der altrussischen Kunst wohlvertraut. Sie ist auf der Freske der Georgskirche von Ladoga aus dem XII. Jahrhundert und auf einer Ikone des Russischen Museums der Nowgoroder Schule des XIII. Jahrhunderts in übereinstimmender Auffassung wiedergegeben. Der Drache, der (nach der Legende) von dem Heiligen durch einen Lanzenstoß verwundet worden ist, wird unter seinem Geleit von der Königstochter Jelissawa an einer Leine in die Stadt geführt. Von einem über deren Tor in der rechten oberen Bildecke dargestellten Altan blickt das Königspaar mit Gefolge herab. An diesem Bildtypus hält die Nowgoroder Ikonenmalerei noch im XVI. Jahrhundert fest.[2] Auf der jüngeren Ikone spielt sich der Vorgang hingegen viel ausführlicher in einer Landschaft ab, deren hohen Aufbau wieder das typische Felsgestein bildet. Oben erblicken wir den Drachenkampf in Gegenwart der Prinzessin. Zeugen sind nicht nur die in größerer Anzahl aus der gebäudereichen Stadt zusehenden Insassen derselben, sondern auch eine von rechts heransprengende Reiterschar, in der wir wohl das kriegerische Gefolge des Heiligen erkennen dürfen. Am unteren Bildrande aber sehen wir ihn zum zweiten mal, wie er vom Roß gestiegen ist, um den aus der Höhle hervorschauenen Drachen mit dem Schwert zu bekämpfen, mit der Königstochter zusammenstehend, die ihren Gürtel gelöst hat, um ihn dem Drachen um den Hals zu legen (Fig. 3). Offenbar hat also unter Anregung einer neuen Schriftquelle eine Umbildung und Erweiterung des älteren Bildtypus stattgefunden[3] und nicht nur, wie bei manchen Darstellungen der Himmelfahrt des Elias (s. o.), eine Zusammenfassung mehrerer überlieferten Einzelbilder der Legende. Eine gewisse Unklarheit über den Sinn des Drachenkampfes ist freilich durch die Erweiterung des alten Bildtypus entstanden. Vielleicht bot eine Miniatur die Vorlage für den unten dargestellten Vorgang. Schöpfte doch die Stroganowschule gern aus der Buchmalerei.[4] Dann wäre die Neuschöpfung der russischen Kunst zu verdanken. Das ist um so wahrscheinlicher, als die italo-byzantinische Malerei noch im XVI. Jahrhundert den Bildtypus des Drachenkampfes für sich abwandelt.[5] Gleichwohl ist auch bei dieser Legende die Entstehung der zusammengesetzten Fassung in der letzteren so wenig ausgeschlossen, wie bei der des Täufers (s. o.).

Und doch scheint uns ein Meisterwerk der Stroganowschule, dessen Urheber vielleicht der geschätzte Ikonenmaler Nikifor war, den vollgültigen Beweis zu bieten, wie tief sie sich in die neue Art der Bildgestaltung eingelebt hatte und wie frei sie mit ihr schon zu schalten wußte. Das ist eins der miniaturartig feinen kleinen Tafel-

---

[1]) Lichačew. a. a. O. II, Taf. CLXXXIII, N. 316.

[2]) Vgl. die Freske von Ladoga bei Tolstoi u. Kondakow, Russ. Altertümer in den Kunstdenkmälern. VII. S. 150, Abb. 192, sowie die beiden Nowgoroder Ikonen bei Kondakow, a. a. O. S. 68 u. 97 zu Abb. XII u. XXV, doch kann ich auch in der zweiten noch keinen italo-byzantinischen Einfluß gewahren.

[3]) Vgl. K. Krumbacher, der Drachenkampf d. hl. Georg in d. griechischen Überlieferung. Kgl. Bayr. Akad. d. Wiss. 1911. Phil. hist. Kl. XXV.

[4]) P. Muratow, La peinture ancienne russe, p. 160 s.

[5]) So z. B. in einer Ikone des XVI—XVII Jahrh. im Museum zu Palermo; vgl. Mauceri, Boll. d'arte 1913, p. 224.

bilder, die für sie so bezeichnend sind, im Russischen Museum in Petrograd.[1] Es schildert die Legende von dem heiligen Theodoros Tiron in allen ihren Hauptwendungen. Die Einzelszenen sind hier wieder ohne strenge Ordnung nach zeitlicher Folge in der Felslandschaft verteilt, in der sich zweimal die Drachenhöhle öffnet, um uns die Mutter des Heiligen in der Gefangenschaft der Schlangenteufel und deren Besiegung durch ihn zu zeigen. Daran schließen sich nicht nur zwei Nebenszenen an, sondern auch die Krönung des Märtyrers durch einen Engel und eine Prozession zu seiner Kirche. Inhalt und Stil sprechen hier schon eine ganz russische Sprache.

Fig. 3. Drachenkampf des hl. Georg (nach einer Ikone der Stroganowschule des XVII Jahrhunderts).

Trotz der Vollendung des nationalen Stils hört aber der fremde Einfluß im XVII. Jahrhundert nicht fortzuwirken auf. Daß noch die »fränkische Malweise« (фрязь) des späten XVII. Jahrhunderts unter ihren abendländischen Vorbildern vielfach solche der italo-byzantinischen Schule verwertet, lehrt mancher in ihr auftauchende Bildstoff. Einen Beleg dafür bot uns schon die oben betrachtete Königstür (Tafel VIII) in der Gestalt des berittenen Engels. Dazu gehört anscheinend auch die Petruslegende, wie sie auf einer in der ehemaligen Sammlung der Kiewer Geistlichen Akademie befindlichen signierten Ikone von der Hand des Fedor Sawin wiedergegeben ist.[2] Schon daß der landschaftliche Hintergrund gänzlich fehlt, weist auf eine fremdländische Vorlage zurück. Wir haben hier ein Sammelbild vor Augen, das fünf (bezw. drei) Szenen umfaßt und sichtlich in enger Beziehung zum römischen Reliquienkult der Verehrung der Ketten von S. Pietro in Vincoli steht. Die Vorgeschichte seiner im letzten Bilde dargestellten Einführung ist in einer geschlossenen Einzelszene, dem Verhör des Apostels vor dem Hohen Rat, und drei auf zusammenhängendem Schauplatz einander folgenden Auftritten, der Einkerkerung, der Erweckung und Befreiung aus dem Gefängnis durch den Engel, dargestellt. Anfangs- und Endszene nehmen die obere, die dreiteilige Hauptszene die Unterhälfte der Bildtafel ein. Den Kern der ganzen Folge bildet zweifellos die Doppelhandlung der wunderbaren Hinausführung, die uns bereits auf der bekannten Petrusancona aus der Schule des Guido da Siena begegnet.[3] Die Erweckung des Apostels war schon im XVI. Jahrhundert von der Nowgoroder Ikonenmalerei in eine andere Fassung der Darstellung des Reliquienkults aufgenommen worden.[4] Die Bildgestaltung der neu hinzugekommenen Nebenszenen sowie der Figurenstil aber weisen unverkennbar auf eine spätere italo-byzantinische

[1]) **Kondakow**, a. a. O. pl. LIII u. p. 170.
[2]) **Lichačew**, a. a. O. II, Taf. CCLXI, Nr. 485.
[3]) Vgl. **Venturi**, a. a. O. p. 91 Fig. 72 u. R. **van Marle**, The Schools of Ital. painting. I. p. 378. m. Tafel.
[4]) **Kondakow**, a. a. O. p. 130 u. pl. XLIII, 1.

Ikone als Mittelglied zurück. Ein echt trecentistischer Zug ist auch hier die Widerholung der Hauptgestalt in der Erweckungsszene.

In der Regel hat die Moskauer Schule Ušakows und seiner Zeitgenossen die abendländischen Vorbilder viel gründlicher in den nationalen Ikonenstil eingeschmolzen. Sie scheut sich auch nicht, den überlieferten und bereicherten Bildstoff zu szenenreichen Sammelbildern auszuspinnen und verquickt in diesen, wie wir es schon bei der Ikone des Joh. Damascenus gesehen haben, die typische Felslandschaft mit echtrussischen Bildarchitekturen. Wenn in solchen Arbeiten der fränkischen Malweise sowohl die Marienlegende und das Jugendleben Christi als auch die Geschichte des Täufers zu breitester Entfaltung kommt und in dieser zusammengesetzten Fassung noch im XVIII. Jahrhundert im sogenannten Stil von Jarosslaw fortlebt,[1] so bedeutet das bereits die vollbewußte selbständige Anwendung des kontinuierenden Stils. In dem eingangs betrachteten Auferstehungsbilde dürfen wir demnach um so mehr auch eine russische Schöpfung erblicken. Mit dieser bildkünstlerischen Entwicklung muß eine Blüte der kirchlichen Erbauungsliteratur Hand in Hand oder ihr schon etwas vorausgegangen sein.

So stellt sich der kontinuierende Stil der russischen Ikonenmalerei gewißermaßen als der letzte Trieb einer in der spätbyzantinischen einerseits und in der italienischen Gotik andrerseits wurzelnden Entwicklung dar. Die Vereinigung der hier und dort gegebenen Keime hat sich, wenn nicht alles Gesagte trügt, in der italo-byzantinischen und kretischen Schule vollzogen. Auch in dieser Sonderart der Bildgestaltung tritt ihre Bedeutung für die Stilbildung der malerischen Kunstentwicklung Rußlands seit dem XVI. Jahrhundert, die Kondakow vom ikonographischen Gesichtspunkt nachgewiesen hat, in helleres Licht. Es wird freilich noch vieler Kleinarbeit im einzelnen bedürfen, um diese Zusammenhänge völlig zu klären. Was hier geboten werden konnte, soll nur die Fragestellung begründen. Ich bin mir wohl bewußt, vielleicht mit meiner Beweisführung nicht durchweg das letzte Wort behaupten zu können. Daß die Ergebnisse unserer Forschung selten zu eindeutigem Abschluß zu bringen sind, sondern immer nur eine mehr oder weniger vorläufige Lösung bedeuten können, war ja stets der Grundsatz des zu früh dahingegangenen russischen Forschers, dessen Gedächtnis ich diesen Versuch als Dankeszeichen für reiche Belehrung und Förderung darbringe.

Berlin, im April 1928. *O. Wulff.*

VERZEICHNIS DER ABBILDUNGEN.

[1]) Vgl. die Belege bei Lichačew, a. a. O. I, Taf. CXXII, Nr. 216 u. II. Taf. CCLXXXIII/IV, Nr. 527/8 u. Taf. CCLXXXVII/VIII 531/2.

1

2

Украшеніе изъ могильника въ „Старомъ Мѣстѣ“ на Моравѣ.

ИЗЪ МОГИЛЬНИКА ВЪ СТАРОМЪ МѢСТѢ НА МОРАВѢ

Въ 1927 году я написалъ для журнала »Památky archeologické« статью о ввозѣ византійскихъ серегъ въ Ср. Европу. Въ ней было указано, что ввозъ серегъ и вообще вещей византійскаго происхожденія въ Чехію и Моравію былъ невеликъ. Само собою разумѣется, что въ Моравію нѣсколько больше, чѣмъ въ Чехію. И только въ придунайской области и въ южной половинѣ Моравіи можно въ будущемъ ждать больше слѣдовъ византійской торговли.

Нынѣшній годъ далъ этому подтвержденіе тѣмъ, что на Южной Моравѣ былъ обнаруженъ новый могильникъ, который относительно богатъ византійскими и восточными вещами, и среди нихъ нѣсколькими, неизвѣстными изъ другихъ мѣстъ. Разборъ находокъ я дамъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь, хочу, пока что, опубликовать только предварительное сообщеніе, въ частности, объ одномъ предметѣ, которому я до сихъ поръ не знаю аналогіи и который интересенъ своей техникой и украшеніемъ.

Могильникъ, о которомъ говорю, находится на землѣ общины »Staré Město« (въ переводѣ „Старый Городъ"), отдѣленной отъ города »Uherské Hradiště« (въ переводѣ „Угорское Городище") теченіемъ рѣки Моравы, которая здѣсь сливается съ рѣкой Ольшавой, текущей съ востока, изъ долины Бларскаго перевала.

На отмели, омываемой теченіемъ Моравы, находилось первоначальное славянское поселеніе, отъ котораго позднѣе отдѣлилось новое поселеніе на другомъ берегу, названное Угорскимъ Городищемъ. Отъ первоначальнаго поселенія осталось только названіе — Старый Городъ.

На то, что здѣсь издавна было поселеніе человѣка, указываютъ различныя неолитическія находки. Также и Славяне поселились здѣсь, очевидно, сразу по приходѣ своемъ на Мораву. Объ этомъ свидѣтельствуютъ погребенія, которыя здѣсь были найдены въ разныхъ мѣстахъ, въ частности большой могильникъ времени IX—X в. в., открытый систематически въ этомъ году. Въ немъ усерднымъ изслѣдователемъ учителемъ, г. A. Zelnitius было открыто значительное число погребеній, какъ вовсе безъ сопровождающихъ вещей, такъ и частью съ вещами, достойными вниманія и въ общемъ обильными. Это — вещи, съ одной стороны, обычныя: керамика, украшенная волнистой линіей, кресала, серпы, мечъ, пряжки, топорики, стекляныя бусы, но также и менѣе

привычныя, напримѣръ, рядъ бронзовыхъ, серебряныхъ и золотыхъ серегъ, восточной и византійской работы и позолоченныхъ пуговицъ. Нѣкоторыя вещи — прекрасной работы лучшихъ византійскихъ мастерскихъ, дѣйствительно уники. Къ нимъ относится предметъ, найденный въ могилѣ № 96.

Въ этой могилѣ былъ найденъ костякъ, лежавшій нормально съ запада на востокъ. При немъ, кромѣ пряжки, около лѣваго плеча, лежалъ подъ головой, у правой ключицы, служившій украшеніемъ, серебряный предметъ, лицевая и оборотная стороны котораго воспроизведены на прилагаемомъ рисункѣ (табл. IX, 1, 2.) въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ. Трудно сказать, каково было назначеніе этого предмета, т. к. на немъ нѣтъ слѣдовъ того, чтобы онъ былъ къ чему-нибудь прикрѣпленъ, или самъ скрѣплялъ что-либо въ качествѣ застежки. Передняя сторона пластинки богато украшена, какъ объ этомъ будетъ рѣчь ниже. На другой, задней, сторонѣ наложена тонкая, съ плоской орнаментаціей, бляшка, зубчатыя края которой были просто загнуты по краю и прижаты. Орнаментація лицевой стороны исполнена рельефомъ, тогда какъ оборотная сторона представляетъ собой гладкую поверхность, безъ всякихъ выступовъ, безъ ушка или иглы, такъ что прикрѣпленіе всего украшенія, а тѣмъ самымъ и его назначеніе загадочны. Это тѣмъ болѣе, что при другомъ, лѣвомъ, плечѣ была найдена обыкновенная бронзовая пряжка, а украшеніе, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы искать какъ разъ на другой сторонѣ. Я предполагаю, что скорѣе это украшеніе было пришито или къ діадемѣ, повязкѣ вокругъ головы, или къ каймѣ какого-либо головного убора (шапки), и при этомъ такимъ образомъ, что приходилось надо лбомъ и прикрывало эгретку, которая выходила изъ мѣховой каймы.Когда въ могилѣ истлѣли тѣло и шапка, украшеніе упало со лба къ правому плечу.

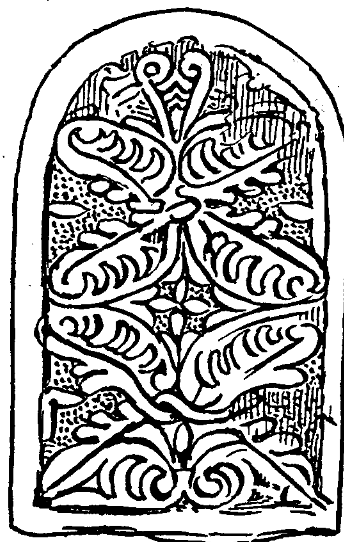
Весьма интересна декорація нашего украшенія какъ съ точки зрѣнія технической, такъ и стилистической. Передняя сторона раздѣлена витой проволокой на три большихъ поля (см. табл. IX, 1), въ которыхъ посажены всего двѣнадцать цвѣтныхъ камней, выпукло - шлифованныхъ, сидящихъ въ низкихъ гнѣздахъ, основанія которыхъ окружены гранулированной проволокой (псевдо - филигрань).[1] Оставшаяся свободной между кабошонами поверхность цѣликомъ заполнена припаянной витой проволочкой, въ завиткахъ которой посажены гвоздики съ головкой въ видѣ розетки такъ, что головка окружена проволочкой. Нижній поясъ раздѣленъ на 5 малыхъ полей, въ которыхъ всегда по 5 гвоздиковъ (quincunx). Въ общемъ, передняя сторона украшенія переполнена гвоздиками и проволочками, и работа совсѣмъ не выдѣляется ни въ смыслѣ композиціи, ни въ смыслѣ тонкости композиціи. Мастеръ, ее сработавшій, былъ невысокаго качества.

Болѣе занимательна въ стилистическомъ отношеніи оборотная сторона украшенія. Ея поверхность заполняетъ растительный орнаментъ, слагающійся изъ стилизованныхъ аканѳовыхъ листьевъ, связанныхъ со средней осью такъ, какъ показываетъ рис. на стр. 43 (т. IX, 2). Листья выбиты на гладкой серебряной поверхности, гладко же обрамленной. Фонъ около листвы мелко пунцованъ.

---

[1]) Какіе это камни, до сихъ поръ не установлено твердо. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ тамъ имѣются гранаты, горный хрутсаль, рубины и хризолиты.

Происхожденіе этого украшенія не вполнѣ ясно, и аналогіи ему я не знаю. Техника, примѣненная на лицевой сторонѣ, есть старая византійская техника, какъ въ камняхъ, такъ и въ заполненіи сканью. Камни, окруженные у основанія кольцомъ гранулированной или витой проволоки, мы находимъ на вещахъ IV ст. изъ Керчи или на фибулахъ изъ Szilágy-Somlyó, и затѣмъ вплоть до XI вѣка. Припаянные проволочные усики, въ видѣ С или S, или ꝏ и т. п., вмѣстѣ съ вбитыми гвоздиками съ розетовидной головкой мы находимъ также на византійскихъ вещахъ отъ V в. (въ особенности въ VII и VIII, напримѣръ, въ погребеніяхъ Castel-Trosino, Nocera-Umbra и т. д.) вплоть до X вѣка; позднѣе появляется выполненіе припаянными проволочными завитками и растительными побѣгами. Эту технику въ украшеніяхъ напоминаютъ, напримѣръ, серьги и серебряная круглая фибула изъ клада, найденнаго въ 1820 году въ Кремонѣ въ Ливоніи, или подвѣски изъ Náměstí и изъ клада X в. въ Гнѣздовѣ. Вообще же, лицевая сторона украшенія по своему характеру не противорѣчитъ предположенію, что это — византійская работа, хотя довольно грубая и поздняго времени, но еще до XI в.

Рисунокъ задней стороны.

Напротивъ того, оборотная сторона стилемъ своей декораціи указываетъ скорѣе на восточный характеръ, болѣе всего, родственный, насколько мнѣ это извѣстно, выбитому растительному орнаменту, который мы находимъ (хотя и съ иной листвой) на серебряномъ окладѣ сумки изъ мадьярскаго погребенія въ Tarczal,[1] или на окладѣ рога изъ Черной Могилы, или меча изъ Ст. Города въ Кіевѣ,[2] т. е. на вещахъ турко-татарскаго, (хазарскаго турецкаго, печенѣжскаго) происхожденія. Отголоски его идутъ отъ сасанидскаго времени вплоть до кургановъ у станицы Бѣлорѣченской. Также и пунцованіе фона вокругъ листьевъ является типичнымъ для подобныхъ восточныхъ вещей, напримѣръ, на серебряныхъ сумкахъ изъ Bezdéd и Bodrog-Vécse, на капторгахъ изъ Holm, на украшеніяхъ изъ Želenky, на бармахъ изъ Болгаръ и цѣломъ рядѣ азіатскихъ сосудовъ, опубликованныхъ Я. Смирновымъ.

Изъ этого я бы заключилъ, что украшеніе было сдѣлано или въ восточной мастерской, знакомой съ византійской техникой, или въ такой византійской мастерской, которая была подъ сильнымъ вліяніемъ востока, напримѣръ, гдѣ-нибудь около Хвалынскаго (Каспійскаго) моря, въ понтійской (причерноморской) Хазаріи или въ Предкавказьи. Хронологически наше украшеніе относится, какъ на это указываютъ весь характеръ техники и остальныя найденныя въ могильникѣ драгоцѣнности,[3] къ концу IX или началу X вѣка. Оно могло

[1]) I. Hampel, Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, III, 403.

[2]) Ханенко Древн. V. т. XX, Самоквасовъ Основанія Хрон. Класс. 64 № 3272.

[3]) Въ могилахъ былъ найденъ, напримѣръ, цѣлый рядъ серегъ византійскихъ и восточныхъ безъ типовъ XI вѣка. А также поучительно то, что до сихъ поръ не было найдено мѣстныхъ славянскихъ монетъ.

быть принесено на Мораву или византійскимъ торговцемъ, который пришелъ черезъ Балканскій полуостровъ съ вещами разныхъ восточныхъ земель, или, могло придти по сѣверному торговому пути, идущему черезъ Ю. Россію, Польшу и Германію. На этотъ путь указываетъ въ могилахъ Стараго Мѣста еще серія серегъ, принадлежащихъ тому же сѣверному пути.

Л. Нидерле.

1928.

ИЛЛЮСТРАЦIИ.

Табл. IX. Украшеніе изъ могильника въ Старомъ Мѣстѣ на Моравѣ.
1. Лицевая сторона.
2. Оборотная сторона.

PARURE PROVENANT DE LA NÉCROPOLE DE STARÉ MĚSTO EN MORAVIE

par
Mr L. NIEDERLE.

En 1928, au cours des fouilles de la nécropole (IXe—Xe ss.) de Staré Městо en Moravie, fut trouvée une plaque en argent décorée de cabochons, de granulation (à l'avers) et d'ornement gravé (au revers). Cette plaque se trouvait dans le tombeau N° 96 sous le crane du squelette auprès de son épaule droite. Il est probable qu'elle ait servie d'ornement du devant de la coiffure du défunt (couronne, bonnet, etc.) et après s'en être détachée a pris la position indiquée (v. p. 42).

Le style et la technique de la décoration de l'avers (pl. IX, 1) correspondent aux ouvrages byzantins, mais dépourvus de finesse et se rapportant à une époque assez récente, quoique antérieure au XIe siècle. Au contraire le caractère de l'ornement végétal du revers (pl. IX, 2) présente une analogie avec des objets de l'industrie orientale, trouvés en Hongrie, à Kiev, etc. (v. p. 45). La date la plus probable de cette parure est la fin du IXe ou le commencement du Xe s.

Il est possible que notre plaque ait été ouvrée dans quelque atelier où l'on connaissait les procédés byzantins mais ayant subi l'influence orientale, atelier situé, peut-être, quelque part aux confins de la Khazarie pontique ou aux bords de la Caspienne. Elle aurait pu être apportée par quelque marchand ambulant venu des Balkans ou par la voie du Nord traversant la Russie méridionale, la Pologne et l'Allemagne.

ILLUSTRATIONS.

Pl. IX. Plaque provenant de la nécropole de Staré Město en Moravie.
1. Avers.
2. Revers.

МОГИЛА МИГРИ ВЪ АМАСІИ

Когда весной 1906 года я, еще будучи студентомъ нынѣ упраздненнаго Факультета Восточныхъ языковъ, получилъ отъ Петербургскаго Университета и другихъ научныхъ учрежденій командировку на поѣздку въ Малую Азію, профессоръ баронъ В. Р. Розенъ, тогдашній деканъ Факультета, направилъ меня къ Я. И. Смирнову, сказавъ, что его указанія, вѣроятно, будутъ мнѣ особенно полезны. Съ Яковомъ Ивановичемъ еще раньше познакомилъ меня Н. И. Веселовскій и мнѣ уже неоднократно приходилось работать у Я. И. въ Эрмитажѣ. Предположенія барона Розена болѣе чѣмъ оправдались. Совѣты и указанія Я. И., который незадолго передъ этимъ самъ побывалъ въ Малой Азіи, оказались для меня цѣннѣе, чѣмъ всѣ инструкціи профессоровъ и свѣдѣнія, почерпнутыя изъ спеціальной литературы, хотя Я. И. тогда оффиціально не числился въ составѣ Факультета и вошелъ въ его среду значительно позже.

Кромѣ практичныхъ наставленій Я. И. снабдилъ меня еще многими цѣнными трудами по Малой Азіи, изъ коихъ чрезвычайно полезна на мѣстѣ оказалась работа Huart'a по мусульманской эпиграфикѣ; не довольствуясь этимъ, Я. И. заставилъ меня проштудировать съ нимъ трудъ моего нынѣшняго друга Sarre.

Когда я, продѣлавъ маршрутъ Константинополь, Ески-Шегиръ, Ангора, Кесарея, Конія, Афьюнъ-Кара-Гисаръ, Смирна, вернулся въ Петербургъ съ лингвистическимъ, фольклорнымъ и историко-археологическимъ матеріаломъ, Я. И., пожуривъ меня слегка, что я слѣдовалъ обычной дорогой и не заглянулъ въ глухіе уголки, просмотрѣлъ интересовавшую его часть матеріала и горячо рекомендовалъ декану ее издать. Но вскорѣ баронъ Розенъ умеръ, я занялся другими вопросами, а потому только часть была напечатана, часть же была отдана въ Русскій Этнографическій Музей Александра III. Въ глухіе уголки я не попалъ по очень простой причинѣ — по недостатку средствъ и времени.

Много лѣтъ спустя судьба опять повернула меня въ сторону Малой Азіи и, какъ разъ, одного изъ ея глухихъ мѣстъ, хотя, правда, лично я туда не попалъ. Я заинтересовался творчествомъ турецкой поэтессы XV вѣка Мигри-хатунъ.

Мы болѣе или менѣе знаемъ общественное и семейное положеніе женщины въ мусульманскихъ странахъ, каковымъ оно было до самаго послѣдняго времени. Прикидывая разницу во времени, а также нѣкоторыя, хотя бы частичныя, реформы въ Турціи въ теченіе прошлаго столѣтія, мы можемъ себѣ представить въ какихъ условіяхъ жила турчанка въ XV вѣкѣ. И вотъ на этой неблагодарной почвѣ появилась совершенно необычная личность. Мигри-хатунъ („хатунъ“ нѣчто вродѣ англійскаго „лэди“) родилась въ Амасіи и происходила изъ строгой му-

сульманской семьи; ея дѣдъ Ильясъ былъ „шейхъ“, т. е. настоятель общины дервишей, и „пиръ“, т. е. „старецъ“ въ религіозномъ смыслѣ; ея отецъ Белаи былъ уважаемымъ судьей, т. е. тоже богословомъ, ибо тогда юриспруденція и законъ составляли часть богословія и судъ былъ въ рукахъ религіозно-образованныхъ людей.

По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, Мигри получила блестящее по тому времени образованіе и даже свѣтское, п. ч. основательно знала исторію, литературу и иностранные (восточные) языки. Она отличалась любовью къ чтенію прочла массу сочиненій и, благодаря прекрасной памяти, могла многое цитировать наизусть. Въ ея время Амасія была своего рода литературнымъ центромъ, вслѣдствіе того, что губернаторомъ тамъ былъ царевичъ Ахмедъ, сынъ султана Баязида, большой покровитель искусства. Около него создался литературный кружокъ видныхъ турецкихъ поэтовъ, блестящую роль среди которыхъ играла Мигри. Она принимала дѣятельное и видное участіе въ дебатахъ кружка и поражала своей начитанностью оппонентовъ. Свою литературную дѣятельность она начала подражаніемъ лучшему поэту того времени Неджати, что тоже указываетъ на ея вкусъ. Постепенно развивая свой талантъ, она въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ достигла такой высоты, что всѣ, какъ современные, такъ и позднѣйшіе, турецкіе литературные критики, а равно и всѣ европейскіе востоковѣды ставятъ ее на одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи турецкой литературы.

Но, помимо этого, и личная жизнь Мигри совершенно необычна для того времени. Проживъ болѣе полувѣка, представляя собой въ молодости блестящую партію, и соціально и матеріально, и обладая выдающеюся красотой, она сознательно не вышла замужъ. Сватались за нее многіе — и крупные государственные сановники, и выдающіеся поэты, и ученые, и просто блестящіе молодые люди — она всѣхъ отвергла. Восточные историки, чтобы уберечь для потомства чистоту ея имени, увѣряютъ, что она поступила такъ, давъ обѣтъ дѣвства. Но это невѣрно. Истинную причину мы знаемъ изъ ея собственныхъ произведеній, да и у самихъ восточныхъ авторовъ это проскальзываетъ. Совершенно напрасно, также, нѣкоторые европейскіе изслѣдователи хотятъ видѣть въ ней турецкую Сафо. Это тоже неточно. Мигри въ своей жизни увлекалась серьезно нѣсколько разъ до конца и всегда разочаровывалась: ея герои оказывались ниже ея. Одинъ разъ, повидимому, она увлеклась особенно серьезно; открытая связь продолжалась нѣкоторое время, скандализуя все (особенно мусульманское) общество, но въ концѣ концовъ (это неясно) или она предпочла остаться свободной и независимой, или была покинута. Во всякомъ случаѣ въ продолженіи своего романа она гордо несла свою голову и рѣзко обрывала своихъ хулителей и насмѣшниковъ. Причину насмѣшекъ она однажды публично объяснила завистью, сказавъ слѣдующіе стихи:

Многихъ Искендеровъ роса моего рубиноваго рта
Влекла къ источнику, но отослала ихъ прочь жаждущими.

(Имя героя, за романъ съ которымъ надъ ней издѣвались, было Искендеръ = Александръ.)

Почти всю свою жизнь Мигри провела въ Амасіи (кажется, впрочемъ, разъ

побывала въ Константинополѣ), гдѣ умерла въ началѣ XVI вѣка, имѣя отъ роду около 60 лѣтъ.[1]

Заинтересовавшись, какъ я сказалъ выше, ея личностью и творчествомъ, я сталъ тщательно собирать матеріалъ. Отрывки ея произведеній были разбросаны въ разныхъ антологіяхъ. Цѣликомъ же ея произведенія, оставаясь ненапечатанными и непереведенными, заключались въ одной рукописи, которая до сихъ поръ считалась unicum и сохранялась въ частной библіотекѣ въ Петербургѣ. Мнѣ удалось отыскать второй полный экземпляръ рукописи произведеній Мигри. Обо всемъ этомъ я упомяну въ свое время въ другомъ мѣстѣ. Пока же могу сказать, что располагаю нынѣ копіей первой рукописи и фотографіею второй и надѣюсь когда нибудь издать произведенія Мигри полностью.

Мы уже говорили, что Мигри умерла въ Амасіи. Изъ восточныхъ авторовъ удалось выяснить даже мѣсто ея погребенія. Мнѣ самому не довелось ни въ 1906 году, ни потомъ, добраться до Амасіи. Но вотъ въ прошломъ (1927) году мой пріятель профессоръ New York University, R. M. Riefstahl, уѣзжалъ для занятій исторіей турецкой архитектуры въ Малую Азію. Воспользовавшись этимъ благопріятнымъ случаемъ, я далъ ему точныя указанія о мѣстонахожденіи могилы Мигри и просилъ, если возможно, сдѣлать мнѣ снимки, что онъ и исполнилъ. Мигри погребена въ тюрбе, т. е. усыпальницѣ, носящей имя ея дѣда Пира Ильяса, причемъ ея могила лежитъ въ ногахъ могилы дѣда. Самое тюрбе расположено на горѣ, господствующей надъ городомъ Амасіей. На рис. 1 изображенъ внѣшній видъ такъ-называемаго „тюрбе Пиръ-Ильясъ“; на рис. 2 — внутренній видъ усыпальницы, причемъ средній изъ трехъ катафалковъ есть могила Мигри-хатунъ; рис. 3 — общій видъ города Амасіи, снятый съ горы, гдѣ находится тюрбе.

Такъ какъ этотъ матеріалъ былъ до сихъ поръ неизвѣстенъ и неизданъ, то думаю, что опубликованіе его можетъ быть полезнымъ.

Н. Мартиновичъ.

1928 г.
Columbia University.

ИЛЛЮСТРАЦІИ:

Табл. X. Общій видъ города Амасіи.
Внѣшній видъ тюрбе Пиръ Ильясъ.
Внутренній видъ усыпальницы.

---

[1]) Главнѣйшую на европейскихъ языкахъ литературу о ней можно указать слѣд.: E. J. W. Gibb. A History of Ottoman Poetry. v. II, pp. 123—135. J. Hammer-Purgstall. Geschichte der Osmanischen Dichtkunst. B. I. SS. 306—309. T. Chabert. Latifi oder Biographische Nachrichten. SS. 285—287. E. Servan de Sugny. La Muse Ottomane. Pp. XIV, 43—49, 360. Basmadjian. Essai sur l'histoire de la littérature Ottomane. P. 38. D'Istria. La poésie des Ottomans. Pp. 158—160. В. Д. Смирновъ. Очеркъ исторіи турецкой литературы. Стр. стр. 478—481. (Всеобщ. Истор. Литер. Корша и Кирпичникова, т. IV). А. Е. Крымскій. Исторія Турціи и ея литературы. Стр. стр. 59—69. (Труды Лазар. Инст. Восточ. Яз., вып. XXIX, № 1).

THE TOMB OF MIHRI IN AMASIA

Mihri-Khatun was the most celebrated poetess in the Ottoman-Turkish literature. After passing her life in Amasia she died in the beginning of the XVIth century and was buried in her native city. We have learned from Oriental authorities the exact place of her tomb. It is in the "turbe" or sepulchre of Pir Ilyas.

N. Martinovitch.

ILLUSTRATIONS.

Pl. X. The general view of Amasia.
The outside of the "turbe" Pir Ilyas.
The inside of the "turbe" (the tomb of Mihri is in the middle).

ОЧЕРКИ ПО ВИЗАНТІЙСКОЙ АРХЕОЛОГІИ

I. ФИБУЛА ВЪ ВИЗАНТІИ

Любору Генриховичу Нидерле
дань преданности и ученичества.

Задачи работы и источники.

Изученіе исторіи фибулы въ Византіи нужно разсматривать, какъ отдѣльный частный вопросъ изъ области, съ одной стороны, культурно-бытовой исторіи Византіи, съ другой — исторіи византійской художественной промышленности, именно, ея отдѣла работъ по металлу (торевтики). Такой подходъ къ вопросу обусловленъ самимъ характеромъ матеріала и обусловливаетъ также и методъ его изслѣдованія. Какъ и большинство культурныхъ формъ, Византія унаслѣдовала фибулу отъ греко-римскаго міра,[1] но и ея форму и характеръ она переработала на основѣ элементовъ, заимствованныхъ изъ другихъ культуръ. Такимъ образомъ были созданы вполнѣ оригинальныя формы, послужившія затѣмъ сами образцами для подражанія. На иныхъ примѣрахъ изъ близкой къ исторіи фибулы области исторіи одежды пришлось мнѣ прослѣдить процессъ заимствованія и распространенія чужихъ формъ, а затѣмъ путемъ, если можно такъ выразиться, регламентаціи и переработки приданія имъ оригинальнаго характера.[2] A priori то же можно сказать и о металлическихъ украшеніяхъ,[3] въ число которыхъ входитъ и фибула. Одной изъ задачъ настоящей работы, такимъ образомъ, и явится прослѣдить этотъ процессъ и въ исторіи фибулы.

Въ древней Греціи фибула была существенной принадлежностью одежды (такъ, какъ въ настоящее время пуговица). При драпировочномъ характерѣ одежды, дѣлавшейся изъ одного куска ткани, некроеной и нешитой, было очень удобно сдерживать ее въ разныхъ мѣстахъ фибулами, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ безъ фибулы и вовсе нельзя было обходиться.[4] Въ Римѣ, въ городской жизни, значеніе фибулы, казалось бы, нѣсколько уменьшилось; этому причиной могло быть

¹) Византійская традиція связывала золотую фибулу съ пурпурной хламидой и введеніе ихъ въ употребленіе возводила къ легендарнымъ временамъ Тирскаго царя Феникса и философа Геракла, изобрѣвшаго пурпуръ; та же традиція относила установленіе этихъ украшеній въ Римѣ ко времени царя Нумы Помпилія. См.: Ioannis Malalae Chronographia, lib. II, Migne, P. G. 97, col. 100—104.

²) См. мою статью объ украшеніяхъ поздне-античной и ранне-византійской одежды въ Сборникѣ памяти Н. П. Кондакова, стр. 208—228.

³) См.: Толстой—Кондаковъ, Русскія древности, в. III, стр. 2, 3.

⁴) О значеніи фибулы въ греческой одеждѣ см.: L. Heuzey: Histoire du costume antique. Paris 1922, p. p. 62, 106, 115 и др.; S. Reinach: Fibula, in Daremberg-Saglio, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, s. v.

введеніе болѣе сложныхъ драпировокъ (тога), держащихся и безъ фибулы, и, вѣроятно, шитой туники. Но все же фибула имѣла широкое распространеніе и большое значеніе, въ особенности же въ военно-походномъ быту.[5] Въ Византіи почти полное вытѣсненіе одеждъ-драпировокъ — одеждами шитыми и кроеными, узкими и облегающими тѣло, должно было умалить значеніе фибулы, какъ застежки, и ограничить ея употребленіе. Примѣненіе фибулы къ той или иной одеждѣ могло и должно было вліять и на ея форму, и на ея устройство, и на ея величину. Иногда связь фибулы съ одеждой настолько сильна, что фибула становится какъ бы принадлежностью этой одежды и кладетъ отпечатокъ на названіе такой одежды. Въ такихъ случаяхъ изъ терминологіи можно почерпнуть указаніе на характеръ фибулы или хотя бы на способъ ея употребленія. Исчезновеніе какой либо одежды могло повлечь за собой и исчезновеніе связанной съ ней фибулы. Такимъ образомъ, наряду съ изслѣдованіемъ самихъ фибулъ, возникаетъ необходимость изученія способовъ ихъ примѣненія, т. е. связи исторіи самой фибулы съ исторіей одежды, а также и ея терминологіи.

Если значеніе фибулы, какъ застежки, въ Византіи уменьшилось вслѣдствіе характера одежды, то, наоборотъ, другое значеніе фибулы — какъ украшенія — достигло необычайнаго расцвѣта. Еще въ древней Греціи фибула несомнѣнно являлась украшеніемъ, рядъ обильно орнаментированныхъ фибулъ тому подтвержденіе.[6] Письменныя свидѣтельства, а также и изображенія фибулъ на многочисленныхъ памятникахъ римской портретной скульптуры, указываютъ на существенное значеніе, которое имѣла фибула, какъ украшеніе.[7] Въ Византіи эта сторона значенія фибулы усилилась настолько, что получила самостоятельность: фибула стала украшеніемъ, отличіемъ различныхъ чиновъ, начиная съ самого императора. Все только что изложенное ясно указываетъ на необходимость, для того, чтобы понять исторію развитія фибулы въ Византіи, разсмотрѣнія памятниковъ и свѣдѣній, такъ или иначе вскрывающихъ ея значеніе и роль.

Роль фибулы, какъ украшенія, сдѣлала ее предметомъ художественной промышленности и золотыхъ дѣлъ мастерства. Стоитъ только взглянуть на изображенія фибулъ на византійскихъ императорахъ, чтобы понять, что терминъ „художественной" не является въ данномъ случаѣ преувеличеніемъ. Естественно вполнѣ, что техническіе пріемы мастерства, схемы и элементы орнаментаціи и общій характеръ, или то, что принято называть *стилемъ*, отразились на фибулахъ въ той же мѣрѣ, въ какой — и на другихъ предметахъ византійской художественной

---

[5]) См. у Reinach, ibidem, перечисленіе одеждъ, застегивавшихся фибулами, въ особенности всевозможныхъ плащей, носившихся гл. обр. военными, также статью Fibel — in Pauly-Wissowa: Real-Encyclopädie der class. Alterthumswissenschaft, Neue Bearbeitung, Stuttgart 1918, suppl. III, S. 495.

[6]) См. напр. эллинистическую фибулу найденную въ ст. Зеленской Кубанской области (Archäologischer Anzeiger, Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, B. XXVIII, 1913, Fig. 2, S. 178. Къ сожалѣнію мнѣ недоступна работа: Chr. Blinkenberg: Fibules grecques et orientales (Kgl. Danske Vid. Selsk., Hist.-fil. Medd. XIII, I. Kopenhagen 1926) и я не знаю обращено ли въ ней достаточно вниманія на эту сторону изученія классической фибулы.

[7]) См. тексты объ украшеніи фибулъ геммами и т. под.: Notae in l. II, De laud Iustini, 122, p. 368 (F. C. Corippi op., ed. Bonn.) также у Reinach, fibula, и изображенія фибулъ въ римской портретной скульптурѣ, напр. Вальдгауэръ: Римская портретная скульптура въ Эрмитажѣ, рис. 21, 27, 28, 30 и др.

индустріи. Отсюда ясно, что основанія для опредѣленія той или иной фибулы, какъ византійской, можетъ дать только изученіе вещи сравнительно съ другими предметами, уже квалифицированными, какъ византійскіе. Естественно также, что наибольшее количество общихъ чертъ, какъ въ техникѣ, такъ и въ орнаментикѣ, можно найти въ области промышленности, работающей на одномъ и томъ же матеріалѣ. Фибула, какъ украшеніе, сдѣланное всегда изъ металла (золота, серебра, бронзы или желѣза), входитъ въ подотдѣлъ „металлическихъ украшеній“ отдѣла торевтики. Такимъ образомъ, одной изъ задачъ настоящей работы и должна стать попытка опредѣленія византійскихъ фибулъ на основаніи сравнительнаго изученія византійской торевтики.

Подводя итоги изложенному, можно такъ опредѣлить основныя задачи работы:

1) Опредѣленіе характерныхъ для Византіи формъ (типовъ) и орнаментаціи фибулы, а равно и ихъ происхожденія.

2) Разсмотрѣніе примѣненія фибулы въ Византіи; разъясненіе ея терминологіи и ея значенія, какъ предмета одежды и украшенія.

3) Разсмотрѣніе византійскихъ фибулъ, ихъ классификація, установленіе критерія для опредѣленія византійской фибулы.

Изъ поставленныхъ задачъ вытекаетъ необходимость пользоваться всѣми видами источниковъ, т. е. 1) свѣдѣніями о фибулахъ, ихъ употребленіи и т. п., сохраненными въ письменныхъ источникахъ, 2) изображеніями фибулъ на памятникахъ искусства и иконографіи и, наконецъ, 3) матеріаломъ, добытымъ изъ раскопокъ или сохранившимся въ коллекціяхъ — самими фибулами. Не буду (за недостаткомъ мѣста) останавливаться въ настоящихъ замѣткахъ на указаніяхъ о значеніи тѣхъ или иныхъ источниковъ, какъ равно и не смогу въ полной мѣрѣ выполнить поставленныхъ задачъ. Остановлюсь здѣсь лишь кратко на тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаются при изслѣдованіи археологическаго матеріала, т. е. самихъ фибулъ.

Если при разсмотрѣніи источниковъ письменныхъ и иконографическихъ почти не возникаетъ сомнѣній въ принадлежности памятника къ Византіи, то того же нельзя сказать объ археологическихъ источникахъ. Фибулъ, принадлежащихъ историческимъ лицамъ, почти нѣтъ, за исключеніемъ очень небольшого количества снабженныхъ надписями, причемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо точно выяснить кому такая фибула могла принадлежать, что далеко не всегда удается. Прочное основаніе для опредѣленія византійскихъ фибулъ могло бы дать обслѣдованіе погребеній всѣхъ византійскихъ земель и провинцій съ цѣлью установленія типовъ характерныхъ для опредѣленныхъ мѣстностей и эпохъ. Къ сожалѣнію сдѣлать этого въ настоящее время не представляется возможнымъ. Больше того, невозможно этого сдѣлать даже для Константинополя, что дало бы твердую базу для опредѣленія вещей, сдѣланныхъ и носившихся въ столицѣ. Константинополь планомѣрнымъ раскопкамъ никогда не подвергался; если же таковыя въ немъ и производились, то, главнымъ образомъ, съ цѣлью открытія архитектурныхъ памятниковъ (работы Русскаго Археологическаго Института, Ebersolt'a и Thiers'a, Паспати, Мордтманна и др.).[8] Такимъ образомъ бытовыя мелочи,

[8]) См. напр.: Ekh. Unger: Die Grabungen an der Seraispitze von Konstantinopel, Arch. Anz., Jahrb. d. D. Ar. Inst. XXXI, 1916, S. S. 1—48, — упоминаній о фибулахъ нѣтъ. Мнѣ не извѣстно также, были ли найдены фибулы при послѣднихъ раскопкахъ на ипподромѣ.

найденныя въ почвѣ Константинополя, — явленіе случайное, а упоминаній о фибулахъ, найденныхъ тамъ, мнѣ извѣстно лишь одно.[9] Въ музеяхъ Салоникъ, Софіи (др. Сердики), Бѣлграда и Сплита (Спалато) мнѣ удалось видѣть рядъ фибулъ, главнымъ образомъ, такъ называемаго крестообразнаго римско-провинціальнаго типа; нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно принадлежатъ византійскому времени (на что есть иногда указанія — напр., вмѣстѣ найденныя монеты и т. п.), и по нимъ можно было бы судить о византійскихъ разновидностяхъ этого типа. Для выясненія обстоятельствъ находокъ, времени и т. д. этихъ фибулъ необходима довольно продолжительная музейная работа, на что пока я не имѣю возможности. Я былъ принужденъ лишь отмѣтить себѣ отдѣльныя, имѣющія какое либо значеніе детали конструкціи или орнаментики, о чемъ намѣренъ сказать кратко въ отдѣлѣ, посвященномъ фибуламъ такъ называемаго римско-провинціальнаго типа въ Византіи. Обзоровъ найденныхъ фибулъ указанныхъ мѣстъ въ литературѣ, насколько мнѣ извѣстно, еще не имѣется. Въ византійскихъ провинціяхъ некрополей, отдѣльныхъ погребеній и кладовъ, откуда можно бы почерпнуть наибольшее количество матеріала для изученія фибулы, извѣстно тоже немного, главнымъ образомъ въ Египтѣ,[10] Сиріи,[11] Палестинѣ,[12] Херсонесѣ[13] и Сициліи.[14] При этомъ нужно указать, что далеко не весь найденный матеріалъ (въ особенности въ двухъ послѣднихъ) можно подводить подъ терминъ „византійскій“. Однако область распространенія византійскихъ вещей не ограничивается только провинціями Византіи. И за предѣлами ихъ погребенія и клады, несомнѣнно не византійскія по принадлежности, могутъ быть названы по своему инвентарю византійскими. Такіе погребенія и клады извѣстны въ Россіи,[15]

[9]) См. упоминаніе о фибулѣ, найд. при раскопкахъ (въ одной изъ гробницъ) въ Студійской базиликѣ, Извѣстія Русск. Арх. Инст. въ К-лѣ, т. XIV, стр. 257. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось выяснить дальнѣйшей судьбы этой фибулы.

[10]) У: A. Gayet: L'exploration des nécropoles greco-byzantines d'Antinoë, Annales du Musée Guimet t. XXX, 2 Paris 1902 — указаній на фибулы я не нашелъ. Краткій обзоръ найденныхъ фибулъ дается у: R. Forrer: Die frühchristliche Alterthümer aus dem Gräberfelde von Achmim-Panopolis, S. 19, Taf. X, 7—10, 14; XIII, 9, 13.

[11]) Отчеты о раскопкахъ въ Сиріи и Финикіи см. въ журналѣ: Syria, t. I, p. p. 16—55, 108—154, 198—229; t. IV, p. p. 261—281, — Сидонъ; t. III, p. p. 1—26, 116—133, — Тиръ; t. III, p. p. 89—115, — Tell-Nebi-Mend и друг. Были найдены: остатки фресокъ римско-эллинистическаго времени въ погребальныхъ камерахъ, мозаичные полы, всевозможныя мелочи изъ золота, серебра, бронзы, слоновой кости, стекло, керамика, но нигдѣ я не нашелъ указаній на фибулы.

[12]) См. указаніе на фибулу, найденную въ Іерусалимѣ (nº 257) въ: A guide to the early christian and byzantine antiquities. British Museum 1921, p. 185. См. также рецензію Б. В. Фармаковскаго на книгу (мнѣ недоступную) E. Sellin und C. Watzinger: Jericho, die Ergebnisse der Ausgrabungen, Leipzig 1913, гдѣ упоминаются: „византійскій слой“ и бронзовые и желѣзные византійскіе предметы, но указаній на фибулы нѣтъ (Ханаанъ и Израиль, журн. Новый Востокъ, кн. 2, стр. 516, 519).

[13]) Указанія на фибулы, найденныя въ Херсонесѣ см.: Отчеты Имп. Археологич. Комиссіи за: 1892 г., стр. 108, рис. 65; стр. 123, рис. 75; 1893, стр. 71; 1897, стр. 30, р. 90; 1900, стр. 24, р. 57; 1902, стр. 44, р. 76; 1905, стр. 54; и др. Также: Извѣстія Арх. Ком., в. 9, стр. 10; в. 25, стр. 154.

[14]) Обзоръ византійскихъ древностей Сициліи см.: P. Orsi: Byzantina Siciliae, in Byzantinische Zeitschrift, B. XIX, 1910. S. S. 63—90, 462—475, гдѣ имѣется одно указаніе на фибулу въ видѣ птички (fig. 13), найденную въ погребеніи (nº 16) некрополя Caltagirone, относимаго къ VI в. Также: P. Orsi: Giojelli byzantini della Sicilia, in Mélanges offertes à G. Schlumberger. Paris 1924, t. II, p. p. 391—398.

[15]) См. напр.: Отч. Арх. Ком. за 1904 г., стр. 130 (фибула, найденная въ Сочинскомъ уѣздѣ Черноморской губ.), рисунокъ другой такой фибулы сообщилъ мнѣ А. П. Калитинскій (О нѣко-

Венгріи,[16] Германіи, Швейцаріи и др. странахъ.[17] Наконецъ, *большая часть* матеріала относится къ такъ называемымъ случайнымъ находкамъ, разбросаннымъ по разнымъ музеямъ, о происхожденіи и обстоятельствахъ извлеченія которыхъ изъ земли неизвѣстно ничего или очень мало.[18] Вещи двухъ послѣднихъ категорій могутъ быть опредѣлены и квалифицированы какъ византійскія *лишь* послѣ сравнительнаго изслѣдованія ихъ формы, техники и характера (орнаментики и т. п.).

Здѣсь же слѣдуетъ указать, что извѣстное затрудненіе для изученія такъ называемыхъ „реалій" Византіи вообще представляетъ и до сихъ поръ неизжитое въ научной литературѣ *(въ особенности нѣмецкой или отъ нея зависящей)* предубѣжденіе противъ термина „византійскій". Чтобы его избѣжать, охотно вводятся иногда ничего не обозначающіе: „поздне-римскій", „послѣ-римскій" (spätrömisch, nachrömisch) „готскій", „меровингскій" и т. п. включительно до того, что иногда меровингское (или „ранне-меровингское" — sic) время, при этомъ для территорій никогда во владѣнія Меровинговъ не входившихъ, опредѣляется золотой монетой имп. Аркадія. Не слѣдуетъ забывать, что: во первыхъ — терминъ „византійскій" не означаетъ обязательно Константинопольскаго изготовленія, онъ разумѣетъ также всю сложную и разнообразную массу художественныхъ теченій всей имперіи, какъ столицы, такъ и провинціи[19]; и во вторыхъ — Константинополь

торыхъ формахъ фибулы изъ Южной Россіи, Seminarium Kondakovianum, I Prague 1927, p. p. 208—211, pl. XVIII); см. также: Спицынъ: Могильникъ V в. въ Черноморьѣ, Изв. Арх. Ком., в. 23, стр. 103—107. См. бронзовую фибулу V в., найд. въ Финляндіи, Изв. Арх. Ком., в. 38, стр. 37. См. также великолѣпную фибулу въ видѣ креста, украшенную камнями, несомнѣнно византійскаго происхожденія, найд. въ Пермской губ. (пос. Верхне-Березовскій) — Матеріалы по археологіи Россіи, т. 26, стр. 26. Обзору подражательныхъ Византіи формъ фибулъ посвящена печатающаяся статья А. П. Калитинскаго, долженствующая появиться на французскомъ языкѣ въ Mélanges—Uspenskij. Не изданы еще фибулы некрополя IV—V вв. Госпитальной улицы въ Керчи, изобилующаго византійскими вещами. См. Л. Мацулевичъ, Серебряная чаша изъ Керчи, Памятники Эрмитажа II, стр. 40—43.

[16]) Напр. фибула, найд. въ Apahida, см. A. Riegl: Spätrömische Kunstindustrie, I. Wien 1901, S. S. 144, 151, Taf XVI, 1—3. Hampel: Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, B. III, T. 35, B. II, S. S. 41—42. Также часть фибулъ кладовъ изъ Szilágy—Somlyó, Hampel, id. B. III, 20—7; Riegl, id., T. II, IV. B. de Baye: Le Trésor de Szilágy—Somlyó. Paris 1892. Для датировки (главнымъ образомъ по монетамъ IV вѣка) разновидностей фибулъ крестовиднаго римско-провинц. типа имѣетъ значеніе матеріалъ, опубликованный: St. Paulovics. Die römische Ansiedlung von Dunapentele (Intercisa). Archaeologia Hungarica II. Budapest 1927, S. S. 114 ff., Fig. 29, 37, 48, 51, 56, Taf. IV.

[17]) *Напр. фибула, найд. въ Lengerich (Hannover), см.: Fr. Hahn:* Der Fund von Lengerich im Königsreiche Hannover. 1854, S. S. 34—35, T. I. Также: M. Besson: Les relations commerciales du pays de Vaud avec l'Orient au VIe et au VIIe siècles, extrait de la Revue historique vaudoise, Lausanne 1915. и E. Brenner: Der Stand der Forschung über die Kultur der Merowingerzeit, in Ber. d. Röm.-Germ. Komm. VII. 1912, S. S. 319—322.

[18]) См. напр. E. Sacken und F. Kenner: Die Sammlungen des k. k. Münz- und Antiken-Cabinettes. Wien 1866, S. S. 352—3 nº nº 77—87. Также Arneth: Monumente des k. k. Münz und Antiken-Cabinettes in Wien. W. 1850, nº nº 26, 40, 114, 115, 118, 207, 209 и др. Эти фибулы и сейчасъ находятся въ Вѣнѣ, въ Kunsthistorisches Museum и имъ соотвѣтствуютъ, какъ мнѣ любезно сообщилъ Dr. Fr. Eichler, инвентарные №№ VII a 92; VIIв 299—305, 310—312, 314, 349, 355, См. Übersicht der Kunsthistorischer Sammlungen. Wien 1925, S. S. 188—190.

[19]) См. O. M. Dalton: Byzantine art and archaeology, Oxford 1911, ch. I, introductory: general considerations.

съ самаго момента перенесенія столицы былъ крупнымъ центромъ художественной индустріи, работавшимъ не только на себя, но и на окружавшихъ имперію „варваровъ“.[20]

Далѣе приходится добавить, что въ условіяхъ полной недоступности нужной музейной работы, сколь либо полный обзоръ археологическихъ памятниковъ невозможенъ. Совершенно несомнѣнно, что въ различныхъ музеяхъ Европы, а главнымъ образомъ въ музеяхъ ближняго Востока (Константинополь, Кипръ, Бейрутъ, Іерусалимъ и др.), Балканскаго полуострова (см. выше) и Египта (Каиръ) можно было бы найти матеріалъ, такъ или иначе причастный къ поставленнымъ задачамъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи ограничусь приведеніемъ, по необходимости сжато, результатовъ нѣкотораго пересмотра свѣдѣній, касающихся фибулы въ Византіи и ея изображеній, лишь иллюстрируя отдѣльные пункты перечисленіемъ извѣстнаго намъ вещественнаго матеріала, дабы не слишкомъ отрываться отъ дѣйствительности.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что спеціальной литературы фибула въ Византіи еще не имѣетъ. Нѣкоторыя сводки главнымъ образомъ свѣдѣнія о фибулѣ въ Византіи даны все въ тѣхъ же словаряхъ — греческихъ и римскихъ древностей Daremberg-Saglio и реальной энциклопедіи Pauly-Wissowa, къ которымъ можно еще прибавить статью H. Leclercq'a — Fibule — въ словарѣ по христіанской археологіи Cabrol'я. Ея отдѣльныя главы даютъ и обзоры археологическаго матеріала, имѣющаго отношеніе къ Византіи (напр. V. Fibules gréco-latines, VI. Fibules impériales и т. д.). Къ сожалѣнію авторъ этой статьи задался цѣлью настолько широко охватить матеріалъ, что далеко вышелъ за предѣлы своей темы, благодаря чему его обзоры страдаютъ полнымъ отсутствіемъ системы, а разбираемые памятники подчасъ не имѣютъ ничего общаго съ фибулами. Вся остальная литература касается главнымъ образомъ или отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, или даже отдѣльныхъ памятниковъ; указанія на нее будутъ даны въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

Фибула по письменнымъ источникамъ: Терминологія. Роль въ одеждѣ. Фибула какъ украшеніе и знакъ отличія.

Въ греческомъ языкѣ для обозначенія фибулы существовало 2 термина: περόνη и πόρπη.[21] Оба имѣютъ — каждый совершенно опредѣленное значеніе, на что имѣются указанія. Свида въ поясненіе περόνη приводитъ стихъ: καὶ δίβολον περόνην καὶ στεγγίδα τάνυσθεν τόξον.[22] Такое примѣненіе эпитета δίβολον (двойной, duplex) вмѣстѣ съ сопоставленіемъ съ натянутымъ лукомъ и скребницею не можетъ быть случайнымъ. Оно относится къ классическимъ дуговымъ фибу-

[20]) См. J. Ebersolt: Les arts somptuaires de Byzance, Paris 1923, p. p. 3—6. Ch. de Linas: Les origines de l'orfévrerie cloisonnée, Paris 1877, t. I, p. p. 300—301.

[21]) Suidae: Lexicon, s. v.; ed. Bernhardy 1853, t. II, p. p. 239—40, 342. Hesychii Alexandrini: Lexicon, π, 1985, 3052; ed. M. Schmidt, Jena 1858—64, vol. III, p. p. 324, 362. Также: Thesaurus linguae, graecae, ed. Didot, Paris 1865. t. VI, p. p. 995, 1501.

[22]) Suidae, id., p. 239—40. Ср. Δίβολον περόναν, Anthol. Pal. VI, 282 у S. Reinach, fibula Daremberg-Saglio. Dictionnaire, и тамъ же попытку объясненія — не слишкомъ удачную.

ламъ, у которыхъ дуга, т. е. самый корпусъ фибулы, вмѣстѣ съ иглой напоминаетъ по формѣ натянутый лукъ, а пріемникъ — скребницу. На значеніе слова πόρπη можно почерпнуть указаніе изъ того, что этимъ словомъ или производными отъ него обозначалась также ручка щита на внутренней его сторонѣ.[23] Явно, что подъ этимъ терминомъ могли разумѣться только фибулы, подражавшія по формѣ щиту, т. е. такъ называемыя филубы щитовиднаго типа »Scheibenfibeln«. Какъ увидимъ ниже, свидѣтельства о примѣненіи фибулъ подтверждаютъ это раздѣленіе.

У римлянъ fibula соотвѣтствовало греческому πόρπη, какъ прямо указываетъ на то Свида[24]; терминъ этотъ былъ единственный, и иногда встрѣчаются предположенія о его греческомъ происхожденіи.[25] У византійскихъ писателей φίβλα вполнѣ замѣнила слово πόρπη, которое не встрѣчается вовсе, и въ позднихъ текстахъ (напр. X в.) является единственнымъ обозначеніемъ фибулы (иногда въ производныхъ, напр. τὸ φιβλίον[26] или т. п.). Въ текстахъ IV—VI вв. встрѣчается также и слово περόνη въ обозначеніи фибулы, равно и производныя отъ него, напр. τὸ ἐμπερόνημα.[27] Наконецъ, пышныя императорскія фибулы назывались спеціально κορνοκόπιον, что иногда толкуютъ какъ передѣлку cornus copium.[28] Здѣсь же отмѣтимъ, что περόνη иногда обозначаетъ поясную пряжку,[29] а у Константина Порфиророднаго и скрѣпы или скобы.[30]

Въ текстахъ мы встрѣчаемся еще съ однимъ терминомъ, касающимся фибулы, обозначающимъ тоже не всегда одно и то же. Это фивлаторій — φιβλατώριον, fibulatorium. Въ поздне-римскихъ текстахъ (напр. III—IV вѣка) fibulatorium имѣетъ значеніе имени прилагательнаго (напр. sagum fibulatorium[31]) и означаетъ, что одежда, которую оно опредѣляетъ, носилась съ фибулой.[32] Но очень скоро слово пріобрѣтаетъ характеръ существительнаго и само по себѣ становится названіемъ одежды. Такія одежды разныхъ сортовъ и качествъ упоминаются въ извѣстномъ эдиктѣ Діоклетіана, изданномъ въ цѣлью нормировать цѣны.[33]

---

[23]) Hes. Al.: Lex. π. 3052: πόρπη· ὁ ἀνοχεὺς τῆς ἀσπίδος, εἰς ὃ ὁ πῆχυς ἀνίεται, ἡ φίβλα..., также π. 3051, πόρπαξ; t. III, p. 362.

[24]) Suidae, id. s. v.: πόρπη· ἡ παρὰ Ῥομαίοις φίβλα; подъ римлянами здѣсь могли разумѣться „римляне" — современники Свиды, т. е. византійцы. См. также Hes. Al., Lex. π, 3052, t. III, p. 362. и φ, 435, t. IV, p. 242.

[25]) Isidori Hispalensis episcopi: Etymologiarum l. XIX, 33, 4: Fibula graecum est, quam ille φιβλὴν dicunt, quod ligat. Migne, P. L. t. 82, col. 703. Cp. Pauly-Wissowa, suppl. III, S. 491.

[26]) Напр. въ латино-греческихъ глоссахъ, приписывавшихся Филоксену (Gl. lat.-gr., ed. ex. cod. Paris. 7651 — IX вѣка). См. G. Goetz. Corpus glossariorum latinorum, t. II, p. 71,49.

[27]) S. Ioannis Chrysostomi: De perfecta caritate, 6; Migne, P. G. t. 56, col. 287. Procopii Caesariensis: Historia arcana VII, 4; De aedificiis III, 1. Ioannis Lydi: De magistratibus imperii romani II, 4. Agathiae Scholastici, Historiarum III, 15. G. Goetz: Corp. Gloss. II. 406,20 — греко-лат. глосс. припис. Кириллу (Gl. gr. lat. ed. ex cod. Harleiano 5792 — VII в.).

[28]) Ioannis Lydi: id. II, 4, cp. S. Reinach, in D. S., Dictionnaire.

[29]) I. L., id. II, 13, p. 179.

[30]) De cerimoniis aulae byzantinae. II, 45: περόνας τῶν χελανδίων, p. 676 и περόνια σιδερᾶ μεγάλα τοῦ ξυλοκάστρου, p. 677; въ первомъ случаѣ — скобы для барокъ, во второмъ, видимо — скрѣпы для палатокъ.

[31]) Trebellii Pollionis, Tyranni triginta — Regilianus, 10; in Scriptores Historiae Augustae, ed. Teubneri, Leipzig 1884, t. II, p. 108.

[32]) Reinach, o. c., p. p. 1103—4.

[33]) Edictum Diocletiani, XIX, 15, 16, 53—56; XXII, 18, 19; ed. Mommsen-Blümner, Berlin 1893, S. S. 35, 37, 38; также объясненія H. Blümner'a, ibidem, S. S. 150—151, 155, 161.

Свида даетъ слѣдующее объясненіе: Φιβλατώριον· περιβόλαιον Περσικόν.[34] Весьма любопытно, что въ IX вѣкѣ плащъ, застегивающійся фибулой, считали персидской одеждой; возможно, что здѣсь подразумѣвалась мантія, или мандій — ὁ μανδύης или τὸ μαντίον, заимствованная отъ персовъ.[35] Однако то же слово φιβλατώριον не всегда означало одежду. Такъ большинство изслѣдователей сходятся на томъ, что упоминаемый атриклиномъ Филоѳеемъ въ его „клиторологіи" (приведенномъ въ уставѣ Константина Порфиророднаго) φιβλατώριον, даваемый какъ отличіе царскимъ веститорамъ, есть просто фибула,[36] можетъ быть снабженная кускомъ ткани (pretiosi panni lorum vel corrigiam), какъ то изображается на нѣкоторыхъ памятникахъ.[37] Этому значенію соотвѣтствуетъ упоминаніе въ записяхъ Анастасія библіотекаря Папскаго Престола (IX в.) золотыхъ фибулаторіевъ (»fibulatorium nihilominus aureum«).[38] То же подтверждаетъ свидѣтельство Константина Порфиророднаго (въ исторіи Херсонеса) о дарованной Херсонитамъ имп. Константиномъ Великимъ, въ благодарность за военную помощь, золотой статуѣ царя въ вѣнцѣ и хламидѣ μετὰ καὶ φιβλατούρας,[39] т. е. съ фибулой, т. к. естественно, что на статуѣ не могло быть второго плаща, разъ была уже хламида. Наконецъ глоссы: fibulatorium: πόρπη ὑποκοριστικῶς[40] и limbus fibulatorium[41] тоже говорятъ въ пользу объясненія фибулаторія, какъ фибулы, украшенной кускомъ ткани.

Перейдя къ служебному значенію фибулы въ одеждѣ, сразу же придется натолкнуться на строгое различіе, которое дѣлалось (въ до-византійское время) между περόνη и πόρπη. Первая имѣла служебное значеніе при хитонѣ, который закалывала на плечахъ, и была плечевой (ἐπώμιος) фибулой.[42] Вторая напротивъ того носилась на груди на хитонѣ, но была принадлежностью хламиды, что отпечатлѣлось на названіяхъ послѣдней.[43] Обычай застегивать хитонъ на плечахъ не-щитовидными фибулами сохранился до поздне-римскаго времени, какъ о томъ можно судить по рельефамъ средне-европейскихъ римскихъ про-

---

[34]) Suidae: Lex., t. II, p. 1460. Тамъ же примѣчанія G. Bernhardy и L. Küster.

[35]) См. Recueil-Kondakov, стр. 225, прим. 4. Ср.: Ioannis Malalae: Chronographia, II, Migne, P. G. t. 97, col. 101; Hes. Al., Lex., μ. 231, t. III, p. 70.

[36]) C. P. De cerim., II, 52, p. 708; см. также J. Reiske: Commentarii ad de cerim., p. 827—8; Д. Ф. Бѣляевъ „Матер. и замѣтки" (Byzantina I) въ Зап. Арх. О-ва, т. V (н. с.) 1892, стр. 171 и прим. I; и J. Ebersolt: Mélanges d'histoire et d'archéologie byzantines. Revue de l'histoire des religions, t. LXXVI, s. 1917, p. 71.

[37]) См.: J. Reiske, op. c., p. 828; а также изображеніе такой фибулы напр. на Бамбергской ткани, Ebersolt. Les arts somptuaires, f. 40.

[38]) См.: Du Cange: Gloss. med. lat. t. IV, p. 482, s. v. fibulatorium.

[39]) C. P. De administrando imperio, 53, p. 251.

[40]) G. Goetz. Corp. gloss. lat. t. II, 414, 3.

[41]) Ibidem, t. IV, 361, 10. О значеніи слова limbus (кайма, нашивка) см. Daremberg-Saglio, Dict. s. v. и Recueil-Kondakov, p. 212.

[42]) Pollux: Onomasticum VII, 54: ὁ σχιστὸς χιτὼν περόναις κατὰ τοὺς ὤμους διεῖρτο... Thesaurus linguae graecae, t. VI, p. 1501 s. v. πόρπη. Ср. L. Heuzey: Histoire du costume antique, p. 155. Также S. Reinach o. c.

[43]) Pollux, ibidem ...ἡ δε πόρτη κατὰ τὰ στέρνα ἐνήπτετο. Хламида называлась: πορπάμα — Hes. Al.: Lex. π. 3050, t. III, p. 362; — ἐπιπορπὶς, ἐπιπόρπημα — см. L. Stephani, in Compte-rendu de la Commission Imperiale Archéologique, 1875 S. Pétersbourg, p. p. 105—106.

винцій.[44] Рядъ изображеній на памятникахъ классическаго или эллинистическаго времени показываетъ, что хламида всегда застегивалась щитовидной фибулой.[45] Въ византійскихъ источникахъ VI вѣка (см. выше ссылки на Прокопія, Іоанна Лидійца, Агаѳія) περόνη служитъ застежкой хламиды, что противорѣчитъ классическому ея употребленію, въ лексиконѣ же Гезихія есть прямое указаніе, что περόνη — хламидійная фибула.[46] Если сопоставить это указаніе съ матеріаломъ изобразительнымъ (указанія см. въ слѣдующей главѣ), то противорѣчіе разъяснится. Въ эпоху, когда составлялся Лексиконъ Гезихія — въ V в. — дѣйствительно хламида застегивалась не щитовидной фибулой, а главнымъ образомъ т. н. римско-провинціальнаго крестообразнаго или Т-образнаго типа и при этомъ на плечѣ. Такимъ образомъ περόνη византійскихъ источниковъ соотвѣтствуетъ плечевой фибулѣ при хламидѣ, т. н. Armbrustfibel, при этомъ не щитовиднаго типа. Принадлежность фибулы къ хламидѣ объясняется также и тѣмъ, что иного типа одеждъ въ Византіи (въ особенности послѣ VI в.) фибулами не застегивали. Перемѣна въ характерѣ одежды не могла не отразиться и на употребленіи фибулы; шитые хитоны — рубашки или всевозможные византійскіе кафтаны не было нужды закалывать фибулой. Для хламиды же фибула продолжала быть и удобной и красивой застежкой.

Въ поздне-римское время фибулой застегивались главнымъ образомъ всевозможные плащи и накидки (chlaena, chlamys, lacerna, palla — pallium, sagum etc.).[47] Все это были такъ называемые »fibulatoria«, и въ Діоклетіановомъ эдиктѣ поражаетъ обиліе сортовъ этихъ одеждъ съ мѣстными эпитетами.[48] Однако полнаго признанія въ Римѣ хламида не получила, строгихъ римлянъ шокировало появленіе императора не въ тогѣ, а въ хламидѣ.[49] Какъ извѣстно, римляне III—IV в. в. были весьма строги и консервативны въ смыслѣ правилъ одежды, и т. н. Historia Augusta изобилуетъ любопытными съ бытовой стороны анекдотами о скандальныхъ нарушеніяхъ этихъ правилъ.[50]

Иконографическіе источники указываютъ, что иногда фибула примѣнялась и при тогѣ-трабеѣ,[51] а также и пэнулѣ (paenula).[52] При послѣдней фибула но-

[44]) См.: M. Abramič: Spätrömischer Grabfund zu Velm bei Guttendorf, Jahrbuch für Alterthumskunde B. I, 1902. Wien S. 121 b, Fig. 50. Громадное количество аналогичныхъ рельефовъ мнѣ удалось видѣть въ лапидаріи Венгерскаго Національнаго Музея. Матеріалъ, представляемый этими рельефами, столь значителенъ, что безъ него изслѣдованіе современныхъ ему мѣстныхъ формъ фибулы будетъ неполнымъ.

[45]) См. L. Heuzey: o. c., p. p. 70, 124, 128.

[46]) Hes. Al., Lex. π. 3052 s. v. πόρπη: ... καὶ τῆς χλανίδος ἡ περόνη, t. III, p. 362.

[47]) Перечни см. у Reinach'a, o. c. и въ R. Enc. Pauly-Wissova, S. 495. Упоминанія — Trebellii Pollionis: Galienus, 16; Regilianus, 10; Flavii Vopisci: Probus, 4, 5. Scr. H. Aug. (ed. Teubneri), t. II, p. p. 93—4, 108, 203 etc.

[48]) Edictum D—i: XIX, 16: φ. Λαδικηνὸν, 53—56: φ. Ῥαιδικᾶνον, Τρεβερικὸν, Πετουβιωνικὸν, Ἄφρον и т. д. Объясненія этихъ терминовъ см. H. Blümner, ibidem, S. 155.

[49]) Trebellii Pollionis: Galienus, 16: »cum chlamyde purpurea... Romae visus est, ubi semper togati principes videbantur«, p. 93—4.

[50]) См. напр. Aelii Lampridii, Antoninus Heliogabalus, 26, гдѣ разсказывается какъ двое юношей были — „ad corrigendos mores" — родителями публично водимы въ далматикахъ. Sc. H. Aug. I, 239. Эпизодъ приводится въ порицаніе Геліогабалу, носившему далматику наперекоръ правиламъ.

[51]) Статуя съ головой (которая можетъ быть и не принадлежитъ ей) имп. Валентіана II въ Оттоманскомъ Музеѣ, G. Mendel Catalogue II, C-ple 1914, p. p. 199—202, nº 506.

[52]) J. Wilpert: Römische Mosaiken, B. III, Taf. 8, 17, 22.

силась на груди и могла имѣть служебное назначеніе, дабы сдерживать поднятую переднюю часть одежды при дѣйствіяхъ (paenula по покрою — колоколъ одинаково длинный спереди и сзади и снабженный только прорѣзомъ для шеи). Такимъ путемъ фибула проникла въ одежду духовныхъ лицъ и ее часто можно видѣть на т. н. монашескихъ мантіяхъ (с. г. видоизмѣненныхъ пэнулахъ) всегда на груди.[53] Упоминанія мантій съ фибулами также нерѣдки,[54] при этомъ нужно однако помнить, что подъ мантіей могло разумѣться нѣсколько разныхъ одеждъ, напр. парадная мантія, перешедшая затѣмъ и къ духовенству, и спеціально военная одежда, которую можно было одѣвать и въ рукава.[55] Таковъ именно былъ древній персидскій κάνδυς — царскій плащъ, видимо, родоначальникъ мантій[56]; подобные плащи-кафтаны можно видѣть на средневѣковыхъ восточныхъ памятникахъ (сассанидскихъ главнымъ образомъ).[57] Наконецъ какъ современные пережитки (сохранившіе также и названія) обоихъ видовъ одежды можно указать мантію православныхъ архіереевъ, сохранившую всѣ характерныя черты описанія парадной мантіи Іоанна Лидійца,[58] и гусарскій ментикъ — короткую накидку съ рукавами. Для насъ въ данномъ случаѣ важно, что эти одежды застегивались фибулой на груди и можно предположить, что таинственный φιβλατώριον — περιβόλαιον Περσικόν Свиды и былъ такимъ сравнительно короткимъ плащомъ (вѣроятно изъ твердой ткани — парчи), застегивавшимся фибулой на груди, подобно изображеннымъ на византійскихъ чиновникахъ на извѣстной миніатюрѣ Никифора Вотаніата.[59]

Гораздо значительнѣе было значеніе фибулы, какъ украшенія. Несомнѣнно, что еще въ Римѣ она стала таковымъ и постепенно проникла въ войско и высшіе круги общества. Еще въ эпоху Плинія фибула считалась женскимъ украшеніемъ, но онъ же говоритъ о томъ, что фибулы трибуновъ стали дѣлать изъ золота.[60]

---

[53]) На Западѣ священникамъ запрещалось носить плащи съ фибулами. См. декреталію папы Иннокентія II (Decretales III, 1, 15) и интересное объясненіе этого, Heuzey: Hist. du cost. ant., p. 54.

[54]) Ioann. Malal. Chronogr. II, Migne P. G. t. 97 col. 101. Ioann. Lyd. de magistr. II, 13, p. 178. Также Recueil-Kondakov, p. 225.

[55]) Ср. Hes. Al. Lex. μ., 231: μανδύας· εἶδος ἱματίου Περσῶν πολεμικόν· ἢ μαντείας (ed. Schmidt, t. III, p. 70) съ указанымъ въ предыдущемъ примѣчаніи мѣстомъ изъ Іоанна Лидійца и глоссой Свиды (s. v., t. II, 1 p. 682): Μανδύας εἶδος ἱματίου, ὅπερ καλεῖται λωρίκιον. Подъ loricum обычно разумѣется панцырь. Глосса Свиды можетъ быть объяснена изображеніемъ на одной буддійской фигурѣ VI—VIII в. в. панцыря, застегнутаго на груди круглой фибулой, см. A. von Lecoq: Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien, I Teil, Berlin 1922, Taf. 28, S. 25. Такой панцырь долженъ былъ быть мягкимъ (ременнымъ?). См. также два слѣдующихъ примѣчанія.

[56]) Описаніе у Ксенофонта: Κύρου παιδεία, VIII, 3, 13 (ed. Teubneri, p. 298); изображеніе см. Fr. Sarre: Die Kunst des Alten Persien, T. 57. Также Recueil-Kondakov, p. 206 и 211—12. Написанія κάνδυς и μάνδυς или μάνδυης очень близки и могли путаться; подразумѣваютъ же они всегда подражаніе царскому персидскому плащу. Въ византійскихъ источникахъ мнѣ извѣстно лишь одно упоминаніе формы κάνδυς — на Мануилѣ Комнинѣ у Киннама, Hist., IV, 21, p. 187 (ср. Ebersolt, Les arts sompt., p. 88), причемъ вмѣстѣ съ панцыремъ; ср. предыдущее примѣчаніе.

[57]) См.: Sarre, o. c., Abb. 14 и Я. И. Смирновъ: Восточное серебро №№ 56—60, 287, 309 и др.

[58]) De magistr. II, 13, p. 178.

[59]) См.: Ebersolt, Les arts sompt. fig. 42. Также см.: Н. П. Кондаковъ. Очерки по исторіи средневѣковаго искусства и культуры. V. Византійскія одежды, стр. 268.

[60]) C. Plinii, Historia Naturalis, XXXIII, 12, 3: »fibulas tribunicias ex auro geri... общее заглавіе параграфа очень показательно: »De reliquo usu auri feminarum«.

Въ III вѣкѣ очень часты упоминанія о фибулахъ, сдѣланныхъ изъ золота или серебра, позолоченныхъ, украшенныхъ геммами и т. п.[61] При дворѣ Александра Севера былъ спеціальный чинъ, вѣдавшій фибулами — praepositus a fiblis.[62] Авреліанъ позволяетъ солдатамъ имѣть золотыя фибулы.[63] Въ Византіи фибула пріобрѣла значеніе отличія — раньше всего царской регаліи. Произошло это, такъ какъ пурпурная хламида стала считаться отличіемъ и принадлежностью царскаго облаченія, съ нею же была тѣсно связана золотая фибула.[64] Введеніе пурпурной хламиды (царской багряницы — βασιλικὴ ἁλουργίς) въ качествѣ царскаго облаченія вѣроятно произошло при Константинѣ Великомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Евсевій.[65] Св. Іоаннъ Златоустъ упоминаетъ и фибулу въ числѣ предметовъ царскаго убора.[66] Въ VI вѣкѣ царская филула была такъ богато украшена, что называлась рогомъ изобилія (κορνοκόπιον).[67] Поэтъ Флавій Кориппъ описываетъ въ панегирикѣ Юстину Младшему золотую царскую фибулу, отъ которой на цѣпочкахъ свѣшивались геммы — добыча счастливыхъ войнъ и подношенія покоренныхъ городовъ.[68] Въ качествѣ отличія царской власти отправлялись фибулы царямъ и правителямъ подчиненныхъ (если можно такъ выразиться вассальныхъ) государствъ. Царю Лазовъ Цаѳису, пріѣзжавшему для инвеституры въ Константинополь въ 4-ый годъ царствованія Юстина,[69] т. е. въ 522 г., въ числѣ царскихъ регалій была дана, вмѣстѣ съ великолѣпной бѣлой съ золотыми украшеніями хламидой, царская фибула (βασιλικὸν ἐμπερόνημα), выдѣляющаяся своими висящими камнями и другими украшеніями.[70] Нѣсколько подробнѣе описываетъ подобную же фибулу (περόνη), дававшуюся въ качествѣ отличія каждому изъ пяти наслѣдственныхъ сатраповъ Арменіи, Прокопій въ книгѣ о сооруженіяхъ Юстиніана. Золотая фибула была украшена посрединѣ драгоцѣннымъ камнемъ, отъ него свѣшивались три яхонта на трехъ тонкихъ

---

[61]) Trebellii Pollionis: Galienus, 16 (p. 93—4); Claudius, 14: »fibulas argenteas inauratas duas, fibulam auream cum acu Cyprea gemmam unam« (p. 143—4); Flavii Vopisci: Carinus, 17: »gemmata fibula« (p. 242).

[62]) S. Reinach, o. c.

[63]) Flavii Vopisci: Aurelianus, 46, 5: »ut fibulas aureas gregarii milites haberent, idem primus concessit, cum antea argenteas habuissent« (p. 182).

[64]) Ioannis Lydi: De magistratibus II, 4, p. 169. Также Ioannis Malalae: Chronographia, l. II (M. P. G., 97, 101).

[65]) Eusebii Caesariensis: De laudibus Constantini, 5 (M. P. G. 20, col. 1337). Ср. J. Ebersolt: Les arts somptuaires, p. 20.

[66]) S. Ioannis Chrysostomi, De perf. carit., 6, Migne. P. G., t. 56, c. 287.

[67]) Ioann. Lydi: De magistr. II, 4: χρυσῇ περόνῃ λιθοκολλήτῳ ἀναρπαζόμεναι τοῖς ὤμοις· ἡμεῖς μὲν φίβουλαν ὡς Ἰταλοὶ καλοῦμεν, κορνοκόπιον δὲ ἰδίᾳ πως ἐν τοῖς βασιλείοις ἔτι καὶ νῦν λέγουσιν (p. 169).

[68]) Flavii Cresconii Corippi: De laudibus Iustini Augusti Minoris, II v. v. 121—5;

»aurea iuncturas morsu praestrinxit adunco
fibula, et a summis gemmae nituere catenis,
gemmae quas Getici felix victoria belli
praebuit atque favens dominis Ravenna revexit,
quasque a Vandalice Belisarius attulit aula.« Ed. Bon. p. 179.

[69]) Ioann. Malalae: Chronogr. XVII, ed. Bonn. p. 412—13. Chronicon Paschale: IV, Ind. XV, ed. Bonn. p. 613—14. Recueil-Kondakov, стр. 218, прим. I.

[70]) Agathiae Scholastici: Histor. l. III, 15: βασιλικὸν δὲ καὶ ἐμπερόνημα τῆς χλαμύδος λίθοις τε ἐκκρεμέσι καὶ τῇ ἄλλῃ κατασκεύῃ διαπρέπον", ed. Bonn. p. 172.

золотыхъ цѣпочкахъ.[71] Вмѣстѣ же съ хламидой фибула была отличіемъ византійскихъ патриціевъ.[72] Фибулы дѣлались изъ золота и во время безпорядковъ (напр. передъ возстаніемъ „Ника") становились предметомъ грабежа; шайки бунтовщиковъ останавливали по ночамъ прохожихъ и отнимали у нихъ золотыя фибулы. Прокопій говоритъ, что это даже вызвало то, что въ подражаніе золотымъ фибуламъ стали носить гораздо болѣе дешевыя бронзовыя (χαλκαῖς περόναις).[73] Это любопытное указаніе на то, что одновременно дѣлались и были въ употребленіи дорогія золотыя фибулы и подражанія имъ (какъ бы поддѣлки) изъ бронзы (можетъ быть даже золоченой для большаго сходства), подтверждается археологическимъ матеріаломъ. Есть цѣлый рядъ фибулъ совершенно аналогичныхъ и по формѣ и по орнаменту изъ золота и изъ золоченой бронзы. Наконецъ нужно еще упомянуть о пряжкѣ (περόνη), называвшейся у римлянъ фибулой, застегивавшей пурпурный поясъ — отличіе епарха преторія (τοῦ ἐπάρχου τῶν πραιτωρίων).[74] Видимо это была круглая кольцевидная пряжка — фибула съ острымъ штифтомъ — булавкой, протыкавшей ремень посрединѣ. Этимъ заканчиваются наши свѣдѣнія для VI вѣка.

Большая часть свѣдѣній для дальнѣйшаго времени заключается въ книгѣ о церемоніяхъ византійскаго двора, составленной, или, вѣрнѣе, скомпилированной, императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ, и касается исключительно церемоній византійской „инвеституры". Однако, хотя общая редакція и принадлежитъ серединѣ X вѣка (а вставныя части и еще позднѣе), отдѣльныя свѣдѣнія и описанія церемоній восходятъ къ болѣе древнему времени, такъ напр. свѣдѣнія о короновaніи авгу́сты (кн. I, гл. 41) и возведеніи въ санъ (рукоположеніи) кесаря и новелиссима (кн. I, гл. 43 и 44) могутъ восходить ко времени императоровъ иконоборцевъ, т. е. къ VIII вѣку.[75] Такимъ образомъ перерывъ времени заполняется, а при помощи иконографическихъ данныхъ можно установить и полную послѣдовательность по вѣкамъ (о чемъ ниже). Относительно фибулы самаго императора мы не имѣемъ свѣдѣній въ Уставѣ, однако этотъ пробѣлъ заполняется. Въ чинѣ царскаго вѣнчанія, опубликованномъ Goar'омъ можно найти указаніе, что въ числѣ царскихъ регалій (τὰ βασιλικὰ ἱμάτια) была и фибула (ἡ φίβλα). Послѣ прочтенія надъ ними молитвы, Патріархъ передавалъ хламиду и фибулу веститорамъ, которые надѣвали ее на царя.[76] При вѣнчаніи царицы

---

[71]) **Procopii Caesariensis**: De aedificiis, III, 1: περόνη χρυσῆ τῇ χλαμύδι ἐπίκειτο λίθον ἐπὶ μέσης περιφράττουσα τινα ἔντιμον, ἀφ'οὗ δὴ ὑακίνθοι τρεῖς χρυσαῖς τε καὶ χαλαραῖς ταῖς ἁλύσεσιν ἀπεκρέμαντο", ed. Bonn. p. 246—7.

[72]) **Ioannis Lydi**: De magistratibus I, 17, 134: Ἐπίσημα δὲ τοῖς πατρᾶσιν, ἤτοι πατρικίοις ἧς δίπλακες μὲν, ἤτοι χλαμύδες,… περόναις χρυσαῖς ἀνεσταλμέναι…

[73]) **Procopii Caesariensis**: Historia arcana VII, 4, ed. Didot 1856, p. 82—4.

[74]) **Ioannis Lydi**: De magistr. II, 13, p. 179: περόνης καὶ αὐτῆς χρυσῆς ἐνδακούσης τὸν ἱμάντα… φίβουλαν αὐτὴν πατρίως οἱ Ῥομαῖοι… λέγουσι.

[75]) См. **Bury**: The Ceremonial book of Constantine Porphyrogenetos in: The English Historical Review, t. XXII, p. p. 429, 431; и **Ch. Diehl**, Études byzantines p. 304, 298; предполагается, что въ основу этихъ главъ легли описанія церемоній: брака и вѣнчанія Ирины и Льва IV — 17 декабря 748 г. (гл. 41) и рукоположенія Константиномъ V своихъ сыновей Христофора и Никифора въ кесари и Никиты въ новелисимы (гл. 43—44) — 2 апрѣля 768 г.

[76]) **J. Goar**: Εὐχολόγιον sive rituale graecorum etc., ed. secunda in Venetiis 1730. p. 726: καὶ μετὰ τὸ ἀμὴν ἐπαίρει τὸ χλαμύδιον ὁ Πατριάρχης, καὶ ἐπιδίδωσιν αὐτὸ τοῖς βεστύτορσι καὶ τὴν φίβλαν.

(авгу́сты) царь (или цари — владыки) самъ закалывалъ фибулой хламиду, одѣваемую на царицу.[77] При рукоположеніи кесаря въ тривуналіи (одной изъ залъ дворца) ставился переносный столикъ или антимисій, на которомъ лежали знаки кесарскаго сана: хламида съ фибулой и вѣнецъ кесарикій; фибула клалась на хламиду. Патріархъ послѣ молитвы поднималъ хламиду съ лежащей на ней фибулой и передавалъ ее веститорамъ, которые, развернувъ ее, держали передъ царемъ. Царь же самъ бралъ хламиду и надѣвалъ ее на поставляемаго кесаря.[78] Та же церемонія происходила при рукоположеніи новелиссима, также фибула и хламида лежали на антимисіи, также патріархъ ихъ передавалъ веститорамъ и также царь съ помощью послѣднихъ облекалъ въ нее новелиссима.[79] При производствѣ въ чинъ куропалата (своего рода дворцоваго коменданта или мажордома) владыки (т. е. цари) надѣваютъ и собственноручно застегиваютъ фибулой хламиду производимаго, при чемъ помогаютъ имъ примикирій и остіаріи.[80] Такимъ образомъ мы узнаемъ, что фибула входила въ число инсигній или знаковъ инвеституры: 1) самого царя, 2) царицы — авгу́сты и высшихъ чиновъ имперіи: 3) кесаря, 4) новелиссима и 5) куропалата. Однако во всѣхъ этихъ случаяхъ она не имѣла самостоятельнаго значенія, а лишь была принадлежностью къ хламидѣ. Сама же по себѣ фибула, можетъ быть снабженная еще кускомъ драгоцѣнной ткани или т. н. φιβλατώριον, служила отличіемъ (βραβεῖον) — веститоровъ — третьей ступени по восходящей лѣстницѣ царскихъ достоинствъ, которыя были несмѣняемы и давались путемъ инвеституры, т. е. по царской рукой даваемому знаку отличія.[81] Такихъ достоинствъ было 18 и высшія изъ нихъ и были уже упомянутые кесарь, новелиссимъ и куропалатъ.[82] Всѣ эти свѣдѣнія заключаются въ т. н. Клиторологіи атриклина Филоѳея, написанномъ ок. 900 года.[83] Обязанности веститоровъ заключались въ томъ, что они облачали и разоблачали царя, а во время различныхъ церемоній, выходовъ, процесій и т. п. надѣвали на него и снимали хламиду. Они же помогали царю при инвеституръ возводимыхъ имъ въ тотъ или иной чинъ или достоинство. Такъ какъ при надѣваніи хламиды ее нужно было заколоть фибулой, то вполнѣ естественно, что фибула стала отличіемъ чина веститоровъ, напоминающимъ и обозначающимъ ихъ обязанности.[84] Можно

[77]) De cerim. I, 41, p. 208—209: καὶ λαμβάνει ὁ πατριάρχης τὴν χλαμύδα καί ἐπιδίδωσι τοῖς δεσπόταις,... καί φιβλώνουσιν αὐτὴν οἱ αὐτοί.

[78]) De cer. I, 43: καί τιθέασιν ἀντιμίσιον ἐν τῷ τριβουναλίῳ, ἐν ᾧ κεῖνται αἱ χλαμύδες μετὰ τῶν φιβλῶν... τὰ γὰρ χλανίδια καὶ τὰ φιβλία ἐπάνω τῶν χλανιδίων... ἐπίκεινται εἰς τὸ ἀντιμίσιον... Далѣе: ἐπαίρει ὁ πατριάρχης τὸ ἐπικείμενον εἰς αὐτὸ τὸ φιβλίον, καὶ ἐπίδιδωσι τοὺς βεστήτορας, εὐθέως ἁπλοῦσιν αὐτὸ οἱ βεστήτορες, κρατοῦντες αὐτὸ ἔμπροσθεν τῶν δεσποτῶν. Затѣмъ: καὶ ἐφαπλοῦσιν οἱ δεσπόται τὰς χεῖρας καὶ κρατοῦσι τὴν χλαμύδα, καὶ περιβάλλουσι τοὺς καίσαρας... (p. p. 218—220).

[79]) De cer. I, 44: καὶ τίθεται ἀντιμίσιον, ἔνθα κεῖται ἥ τε χλαμὺς καὶ ἡ φίβλα... (p. 227) и далѣе такъ же, какъ и при хиротоніи кесаря.

[80]) De cer. I, 45: καὶ λαμβάνουσιν οἱ πριμικήριοι καὶ οἱ ὀστιάριοι τήν χλαμύδα καὶ βάλλουσιν αὐτὴν αὐτῷ οἱ δεσπόται καὶ ἵστανται αὐτοὶ ὀρθοὶ καὶ φιβλοῦσιν αὐτὴν ἰδίαις χερσί... (p. 230).

[81]) De cer. II, 52: τρίτη ἡ τῶν βεστητόρων ἀξία, ἧς βραβεῖον τὸ φιβλατώριον, διὰ βασιλικῆς χειρὸς επιδίδοται (p. 708); id., p. 707: Εἰσὲ δὲ πᾶσαι ὁμοῦ αἱ διὰ βραβείων διδόμεναι τὸν ἀριθμὸν ὀκτωκαίδεκα, αἵτινες ἅπαξ διδόμεναι οὐδαμῶς ἀναστρέφονται.

[82]) De cer. II, p. 711.

[83]) De cer. II, 52, 702; Bury, o. c., p. p. 214, 216.

[84]) О веститорахъ см.: Д. Ѳ. Бѣляевъ: Матеріалы и замѣтки по исторіи византійскихъ чиновъ;

предположить, что веститоры не носили свой знакъ отличія, т. е. фибулу, отдѣльно, вѣроятно они закалывали ею какой нибудь плащъ, на покрой и названіе котораго впрочемъ у насъ нѣтъ никакихъ указаній.[85]

Этимъ органичиваются наши свѣдѣнія о фибулѣ въ Византіи, для болѣе поздняго времени мы не знаемъ упоминаній о ней. Византійская іерархія съ теченіемъ времени сильно измѣнилась, измѣнился конечно и внѣшній аппаратъ отличій различныхъ ступеней этой іерархіи. Въ теченіе XII—XIV в. в. въ царскомъ парадномъ облаченіи произошли перемѣны, хламида почти совсѣмъ была вытѣснена лоромъ и въ позднихъ изображеніяхъ царей мы никогда не видимъ ихъ въ хламидѣ, но всегда въ лорѣ.[86] Съ исчезновеніемъ или замѣной хламиды другимъ облаченіемъ должна была исчезнуть и фибула; на царскихъ и королевскихъ мантіяхъ, потомкахъ византійской императорской хламиды, она всегда замѣнена болѣе сложными аграфами. Съ теченіемъ времени исчезъ и чинъ веститоровъ, замѣненный другимъ; также и знакъ отличія ихъ чина могъ замѣниться другимъ.[87]

Рис. 1. Рельефъ изъ Пальмиры. Лувръ.

Фибула по иконографическимъ и археологическимъ даннымъ. Конструкція. Форма. Орнаментація. Хронологія.

Основная классификація фибулъ, бывшихъ въ ходу въ Византіи, дается терминологіей. Намѣчаются 2 основныя группы: щитовидныхъ (Scheibenfibeln) и нещитовидныхъ. Въ этомъ порядкѣ мы и будемъ вести наше разсмотрѣніе, стараясь опредѣлить детали конструкціи, формы и орнаментаціи и по возможности обосновать датировку отдѣльныхъ разновидностей.

приложеніе къ „Обзору главныхъ частей Большого Дворца византійскихъ царей", (Byzantina I) въ Зап. Р. Арх. О-ва, т. V (н. с.) 1893, стр. 167—178.

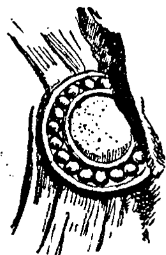
[85]) Былъ ли это тотъ самый φιβλατώριον, о которомъ говоритъ Свида, я рѣшать не берусь.

[86]) См. Ebersolt: Les arts somptuaires, fig. 50, 55, 56 и т. д.

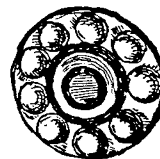
[87]) О замѣнѣ чина веститоровъ чиномъ вестіаритовъ (ὁ βεστιαρίτης), по обязанностямъ и характеру своему отличавшимся отъ перваго, см. Бѣляевъ. о. с., стр. 174.

Самое названіе первой изъ группъ (=πόρπη) разумѣетъ существованіе дощечки — щитка и снизу прикрѣпленной къ нему булавки. По изображеніямъ судить о способѣ прикрѣпленія булавки конечно не приходится, а нужно ограничиться лишь формой и украшеніемъ внѣшней части фибулы, т. е. самого щитка.

Простѣйшая форма щитовидной фибулы — это клуглая, гладкая бляха; такія фибулы мы знаемъ еще изъ изображеній на памятникахъ греческаго классическаго[88] и римскаго искусства.[89] Были онѣ конечно въ употребленіи и въ восточныхъ частяхъ Римской имперіи, а затѣмъ и Византіи.[90] Простѣйшая орнаментація заключается въ нанесеніи на плоскую бляшку — концентрическихъ круговъ, одного или нѣсколькихъ. Иногда подражаніе щиту продолжается и фибула въ серединѣ дѣлается выпуклой на подобіе щитового умбона. Такая раздѣлка извѣстна также въ Греціи, Римѣ, Пальмирѣ (рис. 1) и Византіи.[91]

Рис. 2.

Наряду съ круглыми фибулами и въ Греціи и въ Римѣ, мы встрѣчаемъ продолговатыя (овальныя) фибулы гладкія или съ аналогичной орнаментаціей.[92] На римскихъ памятникахъ можно встрѣтить и болѣе сложную орнаментацію: дѣленіе выпуклой поверхности фибулы крестъ на крестъ,[93] звѣздообразное дѣленіе,[94] украшеніе листьями или лепестками цвѣтка,[95] а также и изображенія на щиткахъ.[96] Въ восточно-эллинистической группѣ памятниковъ, представляемой главнымъ образомъ погребальными рельефами изъ Пальмиры, мы находимъ болѣе обильную, богатую и тонкую орнаментацію. Такъ фибулы на женскомъ бюстѣ въ Луврѣ (№ 4147; рис. 2) и на мужскомъ въ Берлинскомъ Музеѣ (№ 1785; рис. 3) окружены бордюромъ изъ маленькихъ шариковъ или зеренъ — на первомъ — и болѣе крупныхъ — на второмъ, что воспроизводитъ орнаментацію жемчугомъ. На другомъ Пальмирскомъ бюстѣ, въ Луврѣ же (рис. 4), мы видимъ большую круглую фибулу съ такой же орнаментаціей и широкимъ бордюромъ

Рис. 3.

---

[88]) Рельефъ Пареенона — L. Heuzey : Hist. du cost. ant., fig. 35. Фибулы щитовиднаго типа были находимы въ древнѣйшихъ греческихъ колоніяхъ юга Россіи, напр. на о-вѣ Березани среди вещей VI вѣка до Р. Х. См. Отч. Имп. Арх. Комм. за 1906 г., стр. 55.

[89]) Бюсты Септимія Севера и Тиберія Клавдія Помпеяна — О. Вальдгауэръ: Римская портретная скульптура. Петербургъ 1923, рис. 22, 27.

[90]) Изображеніе имп. Валеріана — рельефъ Накш-Рустема — Fr. Sarre und E. Herzfeld Iranische Felsreliefs Berlin 1910. Упомянутая уже статуя изъ Афродисіи въ Оттоманскомъ Музеѣ.

[91]) Греція — рисунокъ на вазѣ — Heuzey, fig. 65; Римъ — бюстъ Геты въ Эрмитажѣ — Вальдгауэръ, рис. 28; Пальмира — Луврскій погребальный рельефъ, Recueil-Kondakov, стр. 208, рис. 5; Византія — диптихъ Барберини — R. Delbrueck : Consulardiptychen und verwandte Denkmäler, № 48, тамъ же новую датировку: ок. 500 г.

[92]) Heuzey: o. c., fig. 60, 63. Вальдгауэръ, рис. 11.

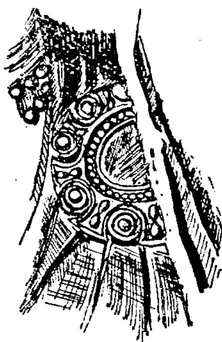
[93]) Статуя Траяна въ Ватиканѣ, Haeckler: Die Bildnisse der Grichen und Römer, T. 232.

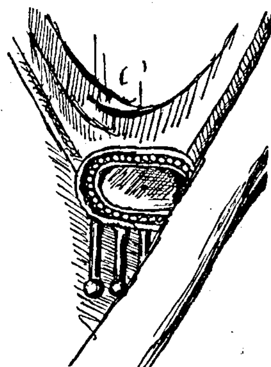
[94]) Бюстъ Антонина Пія — Вальдгауэръ, рис. 21.

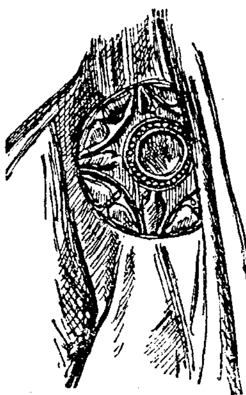
[95]) Статуя Цезаря въ Palazzo dei Conservatori, Haeckler, o. c., Taf. 157.

[96]) Бюстъ Адріана (nº 67) въ Вѣнскомъ Kunsthistorisch. Museum. На фибулѣ изображена рельефомъ женская голова. Извѣстны и самыя фибулы съ изображеніями, напр. Invicta Roma — варварская имитація музея въ Висбаденѣ Lindenschmidt: Röm. Germ. Centr. Mus., T. III, 2. Также Cabrol. Dictionnaire d'archéologie chrétienne t. V, 2; fig. 4439, 4454.

изъ кружковъ съ другими концентрическими кружками внутри, можетъ быть воспроизводящими цвѣтки.[97] На томъ же рельефѣ на груди помѣщена овальная фибула съ жемчужнымъ бордюромъ и тремя подвѣсками съ шариками (тоже жемчугами) на концахъ (рис. 5). Близкую, къ первой изъ описанныхъ фибулъ, орнаментику представляетъ фибула на рельефѣ (№ 8193) Женевскаго Музея (рис. 6).[98] На другихъ рельефахъ (№№ 8189, 8192) того же музея изображены небольшія фибулы въ видѣ пятилепестныхъ и четырехлепестныхъ цвѣтковъ (рис. 7, 8).[99] Фибула рельефа № 8192 имѣетъ въ видѣ подвѣски продолговатый кусокъ (видимо) орнаментированной растительнымъ узоромъ ткани (вышивки, парчи), окаймленной жемчугомъ (рис. 8). Любопытной формы подвѣски въ формѣ листиковъ (плюща?) имѣетъ фибула на рельефѣ (№ Va 48) въ передне-азіатскомъ отдѣлѣ Фридрихъ-Музея въ Берлинѣ (рис. 9). Богатыя фибулы изображены на груди женщины (Bithnanaïa) на открытыхъ въ 1920 г. фрескахъ въ Сирійской пустынѣ (Dura Europos). Одна изъ фибулъ овальной формы окаймлена бордюромъ съ пирамидками изъ жемчуга вершинами наружу, другая — круглая и снабжена наборомъ четырехугольной формы изъ камней или бусъ краснаго и бѣлаго цвѣтовъ и еще подвѣсками (рис. 10).[100] Возможно, что второе украшеніе (круглая фибула), подвѣшенное къ первой фибулѣ, и не является с. г. фибулой, а лишь подвѣснымъ медальономъ. Овальный камень первой фибулы лиловаго цвѣта и авторъ ея описанія полагаетъ, что аметистъ.[101] Пальмирскія фрески показываютъ украшенія того же характера: такъ на женскихъ портретахъ въ катакомбахъ Мегаретъ-Абу-Схейль въ Пальмирѣ мы имѣемъ не менѣе двухъ изображеній овальныхъ фибулъ съ подвѣсками (рис. 11).[102]

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Въ Британскомъ музеѣ имѣется цѣлый рядъ вещей, могущихъ иллюстрировать только что сказанное; нѣкоторыя изъ нихъ были найдены въ Сиріи, Египтѣ (Александріи), Тунисѣ и т. д.[103] Къ этой же группѣ вещей слѣдуетъ отнести и из-

---

[97]) Воспроизведенъ Fr. Cumont въ Syria, t. III, 1922, pl. L, 2.

[98]) W. Déonna *Monuments orientaux du Musée de Genève*, Syria, t. IV, pl. XXI, 1.

[99]) Ibidem, pl. XXI, 3, 4.

[100]) J. H. Breasted: Peinture d'époque romaine dans le désert de Syrie, Syria, t. III, pl. XLI—XLII, XXXVIII, XLV.

[101]) Ibidem, p. 194.

[102]) См. Б. В. Фармаковскій: Живопись въ Пальмирѣ, Извѣстія Русск. Археол. Инст. въ Константинополѣ., т. VIII, табл. XXIII, 2, 3, и XXV, 1. О датѣ ихъ (конецъ II в. или I-ая половина III в.), см. стр. 177 и 192.

[103]) T. H. Marschall: Catalogue of jewellery. British Museum. London. 1911, №№ 2862—5, 2867, 2872—76 — фибулы, 2745, — цѣпь съ медальономъ.

вѣстную фибулу съ ониксомъ, изъ Островянъ (Osztropátaka) въ Словакіи, въ Вѣнскомъ художественно-историческомъ музеѣ (табл. XI, 4).[104]

Рис. 7.

Фибула — овальной формы и представляетъ собой большой гладко отполированный ониксъ въ золотой оправѣ.[105] Оправа эта образуетъ довольно широкій плоскій рѣзной бортъ, украшенный растительнымъ орнаментомъ (побѣгами плюща или винограда). Задняя сторона представляетъ собой параллельную борту оникса золотую пластинку, къ которой прикрѣплялись игла и пріемникъ; она также украшена каймой растительнаго орнамента, какъ и лицевая. Обѣ пластинки соединены по краямъ скрѣпами въ видѣ 8-и вертикально поставленныхъ дельфиновъ.[106] Къ обрамленію задней стороны прикрѣплены 4 цѣпочки (парныя) съ подвѣсками. Датировка Riegl'я (1-ая половина III в.) пожалуй слишкомъ высока, ее слѣдуетъ понизить до конца III в. можетъ быть даже начала IV в., тѣмъ болѣе, что въ погребеніяхъ были найдены монеты (середины III в.) съ вещами болѣе простого характера.[107] Аналогіи вещамъ этого характера имѣются и въ южной Россіи, главнымъ образомъ на Кавказѣ.[108] Подчеркнемъ въ данномъ случаѣ, что для аналогій въ изобразительномъ искусствѣ почти всегда приходится обращаться къ пальмирской скульптурѣ и т. п.[109]; собственно римское искусство или искусство европейскихъ римскихъ провинцій не даетъ въ данномъ случаѣ столь обильнаго матеріала.

Рис. 8.

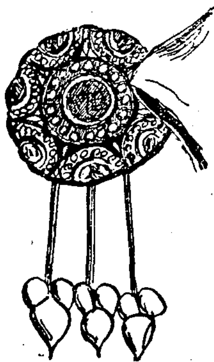

Рис. 9.

Что въ восточныхъ и африканскихъ провинціяхъ имперіи подобное богатство украшеній продолжалось и въ византійское время свидѣтельствуетъ матеріалъ, опубликованный prof. W. Dennison.[110]

[104]) Воспроизведеніе въ краскахъ — A. Riegl. Spätrömische Kunstindustrie, B. I. Wien 1901. Taf. II.

[105]) Аналогичные этой фибулѣ медальоны съ ониксами имѣются: въ Брит. Муз. № 2745, см. примѣчаніе 103 на стр. 64; среди находокъ Чми, опубликованныхъ гр. П. С. Уваровой, Матер. по арх. Кавказа, т. VIII, табл. CXXIV; и въ Берлинскомъ Антикваріи (Inv. 30.099) подвѣсной медальонъ — съ овальнымъ ониксомъ нѣсколько меньшаго размѣра — къ цѣпочкѣ съ монетами III в., происходящей изъ Сиріи.

[106]) Мотивъ дельфина распространенъ въ орнаментикѣ эллинистическаго золотыхъ дѣлъ мастерства. См. напр. серьги Каирскаго Музея. W. Dennison. A gold treasure of the late Roman period, p. 152—3, f. 45. Для византійскаго серебра можно указать: фрагментъ блюда изъ Tépe въ Венгріи — G. Supka. Ein Schatzfund der Völkerwanderungszeit aus Tépe, Archaeologiai Ertesitö XXXIII, 395—408 — и амфору Перещепинскаго клада — гр. А. А. Бобринской. Перещепинскій кладъ. М. А. Р. № 34, т. VIII, рис. 17 а, стр. 113.

[107]) См. S. Reinach. A Herpalyi paisdudor in Archaeologiai Ertesitö, XIV, 1894 S. 400; также Mittheilungen der K. K. Centr. Kommission XI, 1866, S. 394, Taf. II.

[108]) См. обзоръ распространенія круглой фибулы — броши: M. J. Rostovtzeff: Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate, Monuments Piot, t. 26, p. p. 155—8.

[109]) См. Marschall, ibidem, p. p. 320 и 339.

[110]) A gold treasure of the late Roman period from Egypt. Studies in east christian & roman art, part II. New York 1918 (University of Michigan Studies, hum. s., XII).

Византія входила въ кругъ восточно-эллинистическаго міра и мода на подобныя украшенія была принесена туда именно изъ его богатыхъ городовъ и центровъ. Первые императоры не только заботились объ устройствѣ всевозможныхъ мастерскихъ художественной индустріи въ новой столицѣ, но и принимали рядъ ограничительныхъ мѣръ для того, чтобы обезпечить первенство въ данномъ отношеніи именно столицѣ и двору.[111]

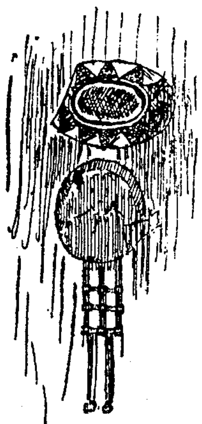

Рис. 10.

На византійскихъ мозаикахъ обычно фибула составляется изъ кубиковъ мозаики краснаго или оранжеваго (середина = средній камень, иногда наружный бортъ), золотого (окаймленіе средняго камня) и чернаго (наружное окаймленіе — можетъ быть показывающее ребро бляхи, для приданія рельефности) цвѣтовъ, или же просто изъ золотыхъ съ темной серединой.[112] Форма фибулъ большею частью — овальная частью круглая. Иногда большія фибулы составлены изъ голубыхъ (средній камень), золотыхъ (оправа) и крупныхъ бѣлыхъ (наружное окаймленіе) кубиковъ, воспроизводящихъ характерную орнаментацію жемчугомъ, или еще снабжены подвѣсками.[113]

Рис. 11.

Въ Византіи, какъ мы уже знаемъ изъ текстовъ, подвѣски стали принадлежностью царской фибулы, и дѣйствительно, на изображеніяхъ византійскихъ императоровъ мы видимъ фибулы, украшенныя жемчугами и подвѣсками. Примѣры такихъ фибулъ можно видѣть на императорскихъ медальонахъ и оффиціальныхъ изображеніяхъ императоровъ, напр. рельефахъ базы Ѳеодосіева обелиска въ К-лѣ. Лучше всего можно составить себѣ представленіе о такихъ фибулахъ по воспроизведеніямъ ихъ въ круглой пластикѣ. Два императорскихъ торса изъ порфира, происходящихъ изъ Египта и относящихся, вѣроятнѣе всего, къ IV вѣку, представляютъ круглую фибулу (на плечѣ), окаймленною сверху

[111]) См. J. Ebersolt: Les arts somptuaires, ch. I: Les ateliers de Constantinople et les trésors impériaux. Тамъ же указанія и литература. Что касается ограниченій и запретительныхъ мѣръ, то возможно, что онѣ были связаны съ соображеніями, происходящими отъ того, что тотъ или иной знакъ или предметъ считался отличіемъ „инвеституры“. Прокопій приводитъ интересное свидѣтельство о томъ, что „въ Персіи не позволено никому носить ни перстня золотого, ни пояса, ни пряжки, ни чего либо подобнаго, если это не пожаловано царемъ“. См. Procopii Caes. Bell. pers. I, 17; p. 86. Переводъ С. Дестуниса въ Запискахъ Ист. Фил. Фак. СПб. Университета, I, 1876, стр. 224. Тамъ же, примѣч. 22 (Г. Дестуниса), приводится текстъ Ксенофонта, указывающій на существованіе того же обычая въ болѣе древнее время. Слово пряжка въ греческомъ текстѣ передано περόνη — что можетъ означать въ данномъ случаѣ и спеціально фибулу.

[112]) Jos. Wilpert. Römische Mosaiken und Malereien, B. III, Taf. 8, 17, 22, 23, 24 — т. н. мозаики папы Либерія въ ц. S^a Maria Maggiore въ Римѣ.

[113]) Wilpert, o. c., мозаики папы Сикста: Поклоненіе волхвовъ — Taf. 61—62, 63—65 и эпизодъ съ Афродисіемъ — Taf. 59—60 и 66—68.

и снизу рядами изъ 3-хъ крупныхъ жемчужинъ и снабженною подвѣсками, соединенными между собою, тоже съ жемчужинами на концахъ (рис. 12).[114] На Мадридскомъ блюдѣ имп. Ѳеодосія фибулы на немъ и его сыновьяхъ представляютъ собой большіе цвѣтки изъ жемчуговъ и снабжены подвѣсками (рис. 13). Такую же фибулу носитъ иногда и императрица.[115] Того же типа фибулы появляются и на мозаикахъ, изображающихъ Христа, Михаила Архангела и т. д.[116]

Обиліе жемчуга, камней и т. п. тоже является указаніемъ на происхожденіе этого стиля украшеній. Въ греко-римскій міръ жемчугъ приносился съ Востока. Если вспомнить обильныя легенды, ходившія о жемчугѣ у грековъ и римлянъ (переданныя напр. Плиніемъ, о происхожденіи жемчуга и жемчугахъ Клеопатры, и Прокопіемъ, о жемчужинѣ персидскаго царя Пероза[117]), то не будетъ возникать сомнѣній о восточномъ происхожденіи жемчужныхъ украшеній.[118] Чрезвычайное обиліе жемчуга во всевозможныхъ украшеніяхъ (на подвѣсныхъ медальонахъ — энколпіяхъ, серьгахъ, ожерельяхъ, украшеніяхъ головныхъ уборовъ и т. п.) показываютъ намъ фрески въ Индіи, гдѣ можно видѣть и характерную форму, которую часто имѣетъ фибула въ Византіи, именно круглый камень (или пластинка), окаймленный жемчугомъ.[119] Среднеазіатская буддійская пластика тоже даетъ рядъ примѣровъ украшеній этой формы, въ томъ числѣ и фибулъ.[120] Подражаніе той же орнаментикѣ есть и въ Персіи въ различныхъ отрасляхъ искусства, металлѣ, камнѣ, тканяхъ и т. д.[121] Появленіе фибулъ съ жемчугомъ на волхвахъ (персидскихъ царяхъ — магахъ по тогдашнему представленію) тоже указаніе на происхожденіе этой манеры украшенія. Не исключена также возможность, что форма круглой бляхи (камня), окруженной жемчугомъ, могла имѣть какое либо амулетическое или талисманическое значеніе. Въ пользу этого говоритъ ея частое наличіе на груди первосвященниковъ, волхвовъ, а также и на нѣкоторыхъ буддійскихъ статуэткахъ.

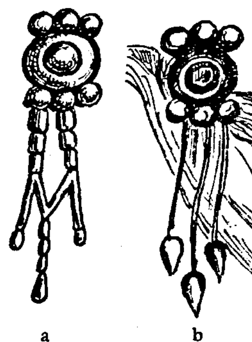

Рис. 12.

114) Одинъ (рис. 12, a) — въ Вѣнѣ Kunsthist. Mus., залъ IX, шкафъ X, nº 137. См. Übersicht, S. 174. Другой (рис. 12, b) — въ Берлинѣ Kaiser-Friedrich-Museum, См. O. Wulff: Altchristliche und Mittelalter. Byzantin. und Italien. Bildwerke, T. I (B. III) Berlin 1909, nº 1624.

115) Солидъ имп. Евдоксіи (437—455), Н. П. Кондаковъ, Иконографія Богоматери, т. I, рис. 198. Створка диптиха (въ Вѣнѣ) съ изображеніемъ сидящей императрицы. Fr. Eichler. Führer durch die Antikensammlung. Wien 1926. Taf. VII, 2 c; S. 43.

116) Мозаика архіепископской капеллы (S. Pietro Chrisologo) въ Равеннѣ, Wilpert, o. c., Taf. 89. Мозаика S. Appollinare in Classe, Colasanti: L'art byzantin en Italie, Milano, s. a., pl. 96.

117) Plinii, Hist. nat. IX, 54—59. Procopii Caes.: De bello persico, I, 4.

118) Историческій очеркъ происхожденія торговли и употребленія въ качествѣ украшенія жемчуга далъ проф. Страсбургскаго Университета P. Perdrizet въ докладѣ, читанномъ на II международномъ конгрессѣ византологовъ въ Бѣлградѣ 1927. Насколько намъ извѣстно эта весьма значительная и интересная работа въ печати еще не появилась.

119) Напр. въ пещерахъ Ajanta. См. Ajanta Frescoes. India Society 1915, pl. I, III, VII, XXIV — подвѣсные медальоны съ жемчугомъ; pl. X — серьги; pl. IV, VI, XVI — круглые подвѣсные медальоны; pl. V — богатая сложной формы подвѣска; pl. X — ромбоидальная подвѣска; pl. IX — овальная фибула.

120) A. von Lecoq: Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien. I Teil, Berlin 1922, фибулы: Taf. 28, 47, иныя украшенія: Taf. 30—33, 37.

121) Sarre, o. c., T. T. 95, 103, 2, 110.

Рис. 13.

Возвращаясь къ щитовиднымъ фибуламъ, слѣдуетъ перечислить различныя формы ихъ (с. г. щитковъ), встрѣчающіяся на византійскихъ памятникахъ. Это, во-первыхъ — фибулы съ ромбоидальнымъ щиткомъ, иногда еще украшеннымъ жемчугомъ,[122] затѣмъ въ видѣ крестиковъ изъ 4-хъ жемчужинъ,[123] или круглаго камня посрединѣ и 4-хъ жемчужинъ по сторонамъ,[124] въ видѣ звѣздочки,[125] плоскаго закругленнаго сверху продолговатаго камня,[126] наконецъ, въ видѣ остроконечнаго, сильно выпуклаго щитка.[127] Всѣ эти формы встрѣчаются на памятникахъ главнымъ образомъ послѣ-иконоборческаго періода.

Особаго вниманія заслуживаютъ фибулы въ видѣ треугольныхъ щитковъ съ подвѣсками (рис. 14), изображенныя на груди у аллегорическихъ фигуръ городовъ Рима и Константинополя на извѣстномъ диптихѣ Вѣнскаго художественно-историческаго Музея.[128] По счастливой случайности въ томъ же залѣ этого музея хранится и аналогичная изображеннымъ фибула, найденная въ 1852 г. въ Б. Михайловцахъ (Nagy-Mihály), на Подкарп. Руси. Фибула (табл. XI, 1) представляетъ собой золотую треугольную пластинку, украшенную инкрустаціей гранатами, зеленой пастой, аметистами и овальной вставкой сѣрой пасты посрединѣ. На задней сторонѣ (табл. XI, 2) растительный орнаментъ и пріемникъ въ видѣ цилиндра съ гранатами.[129] Отъ нижняго

---

[122]) Фибулы: на пророкѣ Даніилѣ въ рукописи Христіанской Топографіи Козьмы Индикоплова, обычно относимой къ VII в., Ch. Diehl, Manuel, t. I, p. 240, fig. 115; на изображеніи спящаго имп. Константина Великаго въ изображеніи чуда видѣнія креста въ рукописи проповѣдей Григорія Назіанскаго (Ms. gr. 510 Парижск. Нац. Библ.), fol. 440. Omont. Facsimilés des miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale, pl. LIX.=Уваровскій альбомъ, текстъ, табл. XXI; на миніатюрѣ Ватиканскаго Менологія Василія II, Dalton, Byz. art, fig. 286.

[123]) Миніатюра Христ. Топогр., изобр. эпизодъ съ вавилонскимъ царемъ. Garrucci, Storia del arte cristiana, III, t. 148, 1.

[124]) На пророкѣ Захаріи — выходная миніатюра Христ. Топогр. J. Ebersolt, La miniature byzantine, 1926, pl. IX. Въ Псалтири Пар. Нац. Библ. (Ms. gr. 139), fol. 5r., Omont, pl. V. На царѣ, въ изображеніи вселенскаго собора на миніатюрѣ Менологія Василія II, Dalton, o. c., fig. 287; на св. Филадельфіи въ той же рукописи J. Ebersolt, Min. byz., pl. XXXIII, 2, та же форма часто встрѣчается на святыхъ въ изображеніяхъ XI—XII в. в.

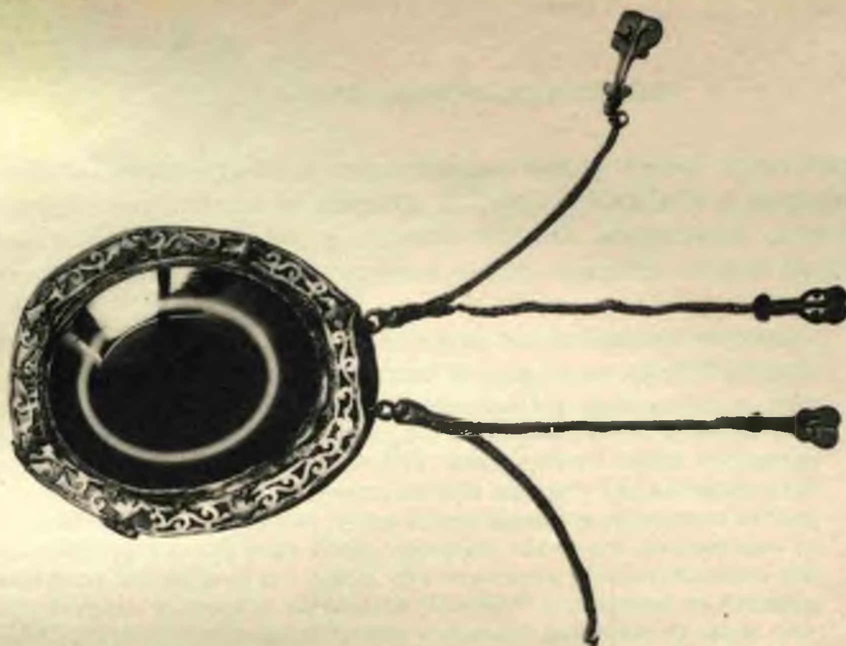
[125]) Пластинка слоновой кости собр. L. Rosenberg въ Парижѣ. См. H. d'Ardenne de Tizac: Les collections de Mr. L. Rosenberg, Parisia, 3e année, p. 12.

[126]) См.: Ms. gr. 510, fol. 239, 355, 374: Omont, pl. XLI, L, LVII. Уваровск. альб. т. XX; изображеніе Никифора Вотаніата въ рукописи поученій Іоанна Златоуста, Ebersolt, Les arts sompt., fig. 42, ср. также fig. 44; такая же фибула на св. Ѳеофано въ Ватик. Менологіи, ibidem, fig. 31.

[127]) На шиферной иконѣ изъ Херсонеса въ Эрмитажѣ, см. С. М. Гайдинъ: Рѣзная шиферная икона св. Димитрія и Георгія (Госуд. Эрмитажъ, Сборникъ II, Петербургъ 1923, стр. 31—43), т. II, авторъ считаетъ, что икона Солунскаго происхожденія.

[128]) R. Delbrueck. Cons. Diptychen... № 38, тамъ же датировку ок. 470 г., S. S. 163—165.

[129]) Описаніе фибулы и опредѣленіе фибулы, какъ византійскаго издѣлія см.: E. Sacken

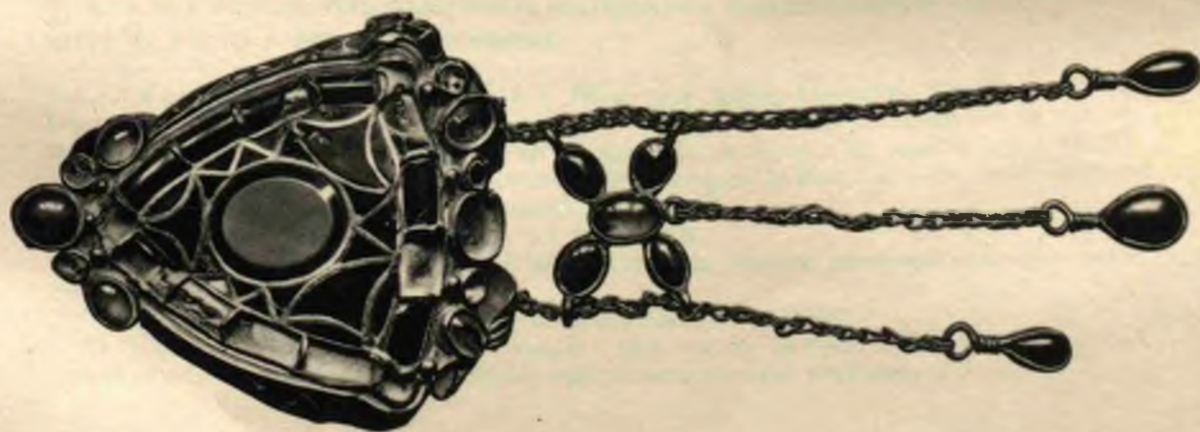
4.

3.

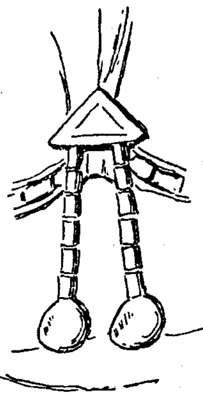
2.

1.

края свѣшиваются цѣпочки, соединенныя между собой крестовидной скрѣпой изъ камней, съ гранатами на концахъ. Датировку Riegl'я IV в. приходится признать слишкомъ высокой. Стиль, а главное техника инкрустацій (гладкимъ полемъ) и въ особенности конструкція (о чемъ ниже), говорятъ скорѣе въ пользу V в. или даже VI в.

Извѣстны также фибулы, подражающія византійскимъ формамъ, напр., окаймленію жемчугомъ, иногда въ довольно грубой формѣ.

Рис.14.

Характерную форму круглой фибулы, окаймленной по краю крупнымъ жемчугомъ, воспроизводитъ бронзовая фибула, найденная въ сел. Ottenküll Эстляндской губерніи (теперь Эстонія).[130] Она представляетъ собой бронзовый щитокъ съ 3-мя бортиками, изъ которыхъ средній состоитъ изъ маленькихъ шариковъ, расположенныхъ группами по три (треугольниками, вершинами внутрь). По внѣшнему краю идетъ рядъ болѣе крупныхъ шариковъ, посаженныхъ не на поверхность щитка, а на его ребро. Это отличаетъ разсматриваемую фибулу отъ фибулъ Чегемскаго могильника (Осетія)[131] и некрополя въ Keszthely (Венгрія),[132] гдѣ аналогичная орнаментація исполнена штампомъ на самой пластинкѣ и шарики имѣютъ собственно говоря лишь полусферическую поверхность. Средній выступъ нашей фибулы имѣетъ крестообразную форму и укрѣпленъ на тонкомъ стебелькѣ. Каждый конецъ креста украшенъ шариками. Единичность находки позволяетъ предполагать привозной характеръ предмета; скорѣе всего фибула является византійскимъ же подражаніемъ богатымъ фибуламъ съ жемчугомъ (но уже меньшаго размѣра) эпохи Македонской династіи, въ родѣ той, что изображена на императорѣ Василіи Болгаробойцѣ.[133]

Среди многочисленныхъ средневѣковыхъ фибулъ-брошей несомнѣнно часть должна принадлежать Византіи.[134] Матеріалъ этотъ еще ждетъ разработки. Укажу далѣе, что извѣстно довольно большое количество круглыхъ щитовидныхъ фибулъ съ изображеніями религіознаго характера и рѣже, такъ сказать, „свѣтскаго", такъ или иначе восходящихъ по своему происхожденію къ Византіи или (что по существу то же) восточно-христіанскимъ провинціямъ, или же явно воспроизводящихъ византійскій оригиналъ. Устройства эти фибулы слѣдующаго: обычно онѣ имѣютъ болѣе или менѣе выступающій бортъ и вставную пластинку съ изображеніемъ, иногда пластинка съ изображеніемъ просто покрываетъ всю основу (или нижнюю часть) фибулы. Пластинка съ изображеніемъ большею частью по матеріалу отличается отъ основы фибулы, она дѣлается золотой при серебряной и бронзовой основѣ, или вызолачивается, если она серебряная или бронзовая. Игла большею частью прикрѣпляется шарниромъ и дѣлается изъ бронзы или желѣза. Изъ содержанія изображенія иногда можно почерпнуть указанія на мѣсто и время изготовленія.

---

und Fr. Kenner: Die Sammlungen des k. k. Münz- und Antiken-Cabinettes. W. 1866, p. 352—3, De Linas. Les origines de l'orfévrerie cloisonnée, p. 361—2. Растительный орнаментъ виденъ на рисункѣ у Linas'a, pl. VII. Воспроизведеніе въ краскахъ: A. Riegl: Sp. Röm. K. Ind. I, taf. IV.

[130]) Katolog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga, Taf. 8. См. также статью А. П. Калитинскаго въ Mélanges Uspenskij.

[131]) Матеріалы по археологіи Кавказа, т. I, табл. XXIII.

[132]) Hampel, o. c., B. III, Taf. 170, 7; и на Кавказъ и въ Венгрію указанный орнаментъ могъ проникнуть и помимо Византіи.

[133]) См. выше, а также J. Ebersolt. La miniature byzantine pl. XXIV.

[134]) Напр., Н. П. Кондаковъ, Русскіе клады I, 1896, стр. 56—60 и рис. 38, считаетъ 4 броши, найденныя около Майнца въ 1880-хъ годахъ, византійскими издѣліями X вѣка.

Прилагаю списокъ извѣстныхъ мнѣ фибулъ этого типа:

1) Круглая фибула, состоящая изъ бронзоваго ободка съ вставленной въ середину золотой пластинкой съ изображеніемъ Богоматери на тронѣ съ Младенцемъ-Христомъ. въ овальномъ щитѣ, на рукахъ; надъ трономъ изображена звѣзда; въ нимбахъ надписи: MA[RIA] и I [ESYS] C [HRISTYS]. Найдена въ некрополѣ Ахмима, въ Египтѣ; опубликована R. Forrer'омъ.[135] Типъ изображенія Богоматери, подобный представленному на фибулѣ, извѣстенъ намъ изъ памятниковъ греко-восточной иконографіи VI—VII в. в.[136] Н. П. Кондаковъ называетъ его „торжественный образъ Божіей Матери на престолѣ, держащей обѣими руками овальный щитъ или медальонъ съ изображеніемъ Спаса Эммануила".[137] Совершенно аналогичный разбираемому памятнику золотой медальонъ, видимо служившій украшеніемъ креста или иконы (какъ предполагаетъ Н. П. Кондаковъ), а м. б. и фибулы, какъ наше изображеніе, опубликованъ Garrucci,[138] который датируетъ его временемъ близкимъ къ ампулламъ Монцы (т. е. VI в.). Н. П. Кондаковъ считаетъ, что памятникъ принадлежитъ VIII—IX в. в.[139] Однако, если сравнить наши медальоны съ аналогичной же композиціей на фрескѣ Бауита, въ Египтѣ,[140] мы убѣдимся, что датировку Н. П. Кондакова слѣдуетъ измѣнить во всякомъ случаѣ на VII—VIII в. в., если не на VI—VII в. в. Наша фибула несомнѣнно одновременна съ указаннымъ медальономъ.

2) Фибула по устройству совершенно аналогичная предыдущей, лишь нѣсколько меньшаго размѣра. Найдена также въ Ахмимѣ.[141] На средней пластинкѣ изображены головы Св. Св. Апостоловъ Петра и Павла въ профиль, повернутыя другъ къ другу. Посрединѣ надъ ними крестъ, по сторонамъ звѣзды. Аналогичныя изображенія ап. Петра и Павла можно видѣть на донышкахъ древне-христіанскихъ стеклянныхъ сосудовъ (V—VI в. в.).[142] Эта фибула одновременна съ предыдущей.

3) Фибула, найденная тамъ же и по устройству аналогичная предыдущимъ, но нѣсколько большаго размѣра, съ серебряной пластинкой, на которой изображено поклоненіе волхвовъ съ летящимъ надъ ними ангеломъ въ обычномъ для древне-христіанскаго искусства типѣ.[143] Внизу изображено въ меньшемъ размѣрѣ поклоненіе пастырей Христу, лежащему въ ясляхъ; такое соединеніе сюжетовъ тоже извѣстно въ древнемъ христіанскомъ искусствѣ.[144] Ободокъ нашей фибулы украшенъ орнаментомъ изъ концентрическихъ кружковъ съ точкой посрединѣ[145] Наиболѣе подходящимъ временемъ изготовленія нашей фибулы является VI—VII вв.

4) Послѣдняя изъ круглыхъ фибулъ съ изображеніями, найденныхъ въ Ахмимѣ, бронзовая гораздо болѣе грубой работы. На ней изображенъ мужчина въ позѣ оранта — Святой, по

---

[135]) R. Forrer: Die frühchristliche Alterthümer aus dem Gräberfelde von Achmim-Panopolis, S. 19, Taf. XIII, 3.

[136]) Н. П. Кондаковъ, Иконографія Богоматери, т. I, стр. 304, рис. 206—7 — фреска Бауита, 208 — фреска ц. Св. Маріи Антиквы, 212—13 — миніатюра Эчміадзинскаго Евангелія и др.

[137]) Тамъ же, стр. 304.

[138]) R. Garrucci. Storia dell'arte christiana, t. 479, 4; воспроизведено у Н. П. Кондакова, рис. 216.

[139]) Тамъ же, стр. 319.

[140]) Тамъ же, рис. 206—7, стр. 304; жемчужные уборы престола, которые по мнѣнію Кондакова „требуютъ отнесенія вещи къ VIII—IX в. в.", изображены также и на фрескѣ Бауита, по его же датировкѣ VI—VII в. в.

[141]) R. Forrer, o. c. S. 19. Taf. XIII, 2.

[142]) Garrucci, o. c. t. 179, 2, 4; 181, 1—6 и др.

[143]) Forrer, o. c. Taf. XIII, 4; ср. изображенія: на серебряной пиксидѣ изъ Бривіо, Кондаковъ, рис. 37; на Латеранскомъ саркофагѣ, рис. 19. Ангелъ появляется также съ IV—V вв., см. рельефъ V в., найденный въ Карѳагенской базиликѣ (Музей Лавижери), тамъ же, рис. 26, гдѣ ангелъ стоитъ на землѣ. Летящій ангелъ указываетъ на нѣсколько болѣе позднюю дату (VI—VII вв.).

[144]) Напр. на ампулахъ Монцы, но въ иной композиціи, имѣющей спеціально Палестинскій характеръ, см. Кондаковъ, рис. 121—24, стр. 203.

[145]) Орнаментъ вполнѣ обычный на вещахъ, найденныхъ въ египетскихъ некрополяхъ, см.: Catalogue général du Musée de Caire, t. XII на деревѣ, №№ 8826—28; 8830—32, 8838; на кости: №№ 8909, 8918, 8922, 8926, 8929—31, 8944, 8946, 8951.

сторонамъ котораго можно разобрать двѣ фигурки птицъ (рисунокъ, изданный Forrer'омъ, весьма теменъ и неразборчивъ).[146] Forrer указываетъ на аналогію съ изображеніями св. Мины и видитъ и въ этомъ изображеніи Св. Мину.[147] Однако, можно замѣтить, что Св. Мина обычно изображается съ 2-мя верблюдами, а не птицами.[148] По характеру своему изображеніе несомнѣнно близко къ распространеннымъ въ христіанскомъ мірѣ штампованнымъ образкамъ Святыхъ съ животными на ампулахъ, амулетахъ и т. п., къ которымъ относятся и упомянутыя изображенія Св. Мины. Тутъ же можно упомянуть, что H. Leclerq (въ словарѣ Cabrol'я, t. V, 2, col. 1578, fig. 4453) считаетъ круглую серебряную бляху (сохранившуюся фрагментарно) съ изображеніемъ бюста оранты и бордюромъ изъ мелкихъ шариковъ — принадлежавшей фибулѣ.

5) Близкой по изображенному сюжету и его характеру къ фибулѣ съ поклоненіемъ волхвовъ изъ Ахмима (№ 3 этого списка) является фибула, найденная въ 1911 г. въ Attalens, въ Швейцаріи, и изданная Монсиньоромъ M. Besson.[149] Фибула бронзовая съ накладной золотой пластинкой; бронзовый ободокъ уже, чѣмъ на Ахмимскихъ фибулахъ. Изображеніе Поклоненія волхвовъ близко иконографически къ тому, что мы видѣли на Ахмимской фибулѣ, но композиція расположена въ обратномъ направленіи, т. е. Богоматерь находится направо (отъ смотрящаго), волхвы идутъ слѣва. Такое расположеніе фигуръ тоже извѣстно въ христіанской иконографіи.[150] Внизу греческая надпись КЕ ВОНΘΙ = (Κύριε βοήθει), вполнѣ обычная на византійскихъ издѣліяхъ. Фибула была найдена на шеѣ маленькаго ребенка, погребеннаго вмѣстѣ со своей матерью; это показываетъ, что она служила образкомъ — энколпіемъ, аналогичнымъ нашимъ тѣльникамъ, а не собственно фибулой, и булавка въ данномъ случаѣ явилась лишь удобнымъ средствомъ для ношенія его на одеждѣ, какъ въ другихъ случаяхъ служило ушко.

6) Въ Швейцаріи же въ Oron-le-Châtel найдена другая фибула, подобной же техники и устройства въ погребеніи VII—VIII в.[151] На золотой пластинкѣ мы видимъ изображеніе Святого — всадника, поражающаго змѣя. Подобныя изображенія весьма часты на византійскихъ амулетахъ и вещахъ, могшихъ имѣть подобное же значеніе. Монсиньоръ Besson считаетъ, что изображенный всадникъ Соломонъ, на основаніи сопоставленія съ амулетами, содержащими въ надписяхъ это имя.[152] Въ такомъ же видѣ изображали и Св. Сизиннія, почитавшагося въ Египтѣ, парѳянскаго по происхожденію, Святого.[153] Подъ всадникомъ находится надпись ESA, относительно которой M. Besson высказываетъ предположеніе, что это имя собственное. Изображеніе всадника было окружено бордюромъ бѣгущихъ звѣрей и птицъ, сохранившимся только въ частяхъ. Датируется эта фибула, равно, какъ и предыдущая, VI—VII в.[154]

7) Круглая серебряная фибула съ сильно выступающимъ бортомъ, обрамленнымъ насѣченнымъ кантикомъ, подражающимъ зерни. Бортъ переходитъ къ внутренней средней пластинкѣ 8-ю полукруглыми ячейками, окруженными снаружи волнистымъ пояскомъ съ 8-ю остроконечными шишечками. Внутри на вызолоченномъ (бронзовомъ) кружкѣ изображеніе Святого всадника, поражающаго дракона. Средняя пластинка также окаймлена пояскомъ мелкой насѣчки подъ филигрань. Фибула болѣе тонкой работы, чѣмъ предыдущая. Изображеніе всадника представляетъ гораздо болѣе сходства съ подобными же на византійскихъ вещахъ. Все это заставляетъ предположить для разсматриваемой фибулы дату болѣе раннюю, чѣмъ для предыдущей, т. е. скорѣе V—VI вв., чѣмъ VI—VII вв. Найдена фибула въ некрополѣ въ Fenék (Com. Zala) въ

[146]) Forrer, Taf. XIII, 12.

[147]) Ibidem, S. 19.

[148]) Kaufmann, Die Menasstadt (Leipzig 1910), Taf. 90—95.

[149]) M. Besson. La fibule d'Attalens. Revue Charlemagne, I, 1911, p. 185, по указанію у Brenner'a, o. c., S. 319—20, (мнѣ недоступно). Также: M. Besson: Les relations commerciales du pays de Vaud avec l'Orient au VIe et au VIIe s. s., extr. de la Revue Historique Vaudoise, Lausanne 1915, p. 5, planche.

[150]) См. Кондаковъ, ук. соч., рис. 16, 22, 23, 27.

[151]) M. Besson, L'art barbare de l'ancien diocèse de Lausanne. L. 1909, p. p. 136—142, fig. 79.

[152]) Ibidem, fig. 81—83.

[153]) См. Браслетъ-амулетъ Британскаго музея, O. M. Dalton. A gold pectoral cross & an amuletic bracelet of the sixth century, Mélanges-Schlumberger II, p. 390, pl. XVII, 3.

[154]) M. Besson. Les relations commerciales etc. p. 8.

Венгріи; опубликована Hampel'емъ.[155] Наиболѣе вѣроятнымъ мѣстомъ изготовленія фибулъ съ изображеніями Св. Св. всадниковъ является христіанскій Египетъ, гдѣ было особенно распространено поклоненіе имъ и часты ихъ изображенія.[156]

8) Круглая серебряная фибула, состоящая изъ двухъ пластинокъ, нѣсколько выступающаго борта и внутренней позолоченной пластинки съ изображеніемъ. Средняя пластинка сильно попорчена. Игла желѣзная. Найдена въ дѣтской могилѣ (ср. съ фибулой изъ Attalens) некрополя въ Keszthely (Com. Zala) въ Венгріи; опубликована Hampel'емъ.[157] На средней пластинкѣ ясно видно изображеніе креста на холмикѣ и слѣва (отъ смотрящаго) очертанія фигуры, видимо, ангела, Hampel говоритъ, что справа изображеніе женской фигуры, которую онъ принимаетъ за Богоматерь, всю же сцену онъ толкуетъ какъ Благовѣщеніе. Несомнѣнно такое толкованіе неправильно, ибо въ сценѣ Благовѣщенія не можетъ быть изображенъ крестъ или фигуры ангела и Дѣвы Маріи расположены по сторонамъ креста. Такой композиціи Благовѣщенія христіанское искусство не знаетъ. Въ разсматриваемомъ изображеніи по всей вѣроятности нужно видѣть вполнѣ опредѣленную иконографическую тему; Кондаковъ назвалъ ее „Славою Креста" и опредѣлилъ ея палестинскій характеръ.[158] Наиболѣе характерный примѣръ подобной композиціи извѣстное серебряное блюдо собранія гр. Строганова, которое обычно считается издѣліемъ сирійской мастерской.[159] Обычно по сторонамъ креста изображаются два ангела,[160] но извѣстно также изображеніе двухъ апостоловъ[161] и двухъ святыхъ[162] Что было изображено на нашей фибулѣ, сказать трудно (рисунокъ у Hampel'я этого сдѣлать не позволяетъ), но, если даже и изображена женская фигура, то все же вѣроятнѣе всего мы имѣемъ дѣло съ новымъ варіантомъ композиціи „Славы Креста", а не съ Благовѣщеніемъ. Другое возможное толкованіе изображенія — тема Мvроносицъ у Гроба.[163] И то и другое объясненія говорятъ въ пользу предположенія, что фибула была тоже скорѣе всего образкомъ и можетъ быть была принесена откуда нибудь изъ святыхъ мѣстъ, гдѣ наличіе подобной индустріи (очень своеобразной по своимъ сюжетамъ, иконографіи и специфически народному характеру) въ настоящее время не оставляетъ мѣста сомнѣніямъ.

Въ настоящее время описаннаго медальона уже не существуетъ (онъ разсыпался) и я не могъ провѣрить своихъ соображеній объ изображенной композиціи во время моей работы въ Нац. Муз. въ Будапештѣ въ декабрѣ 1926 г. Съ утратой наиболѣе значительной своей части памятникъ конечно потерялъ свой интересъ, тѣмъ болѣе, что и оправа представлена въ очень фрагментарномъ видѣ.

Въ заключеніе списка укажу 2 фибулы съ изображеніями, не носящими религіознаго (христіанскаго) характера:

---

155) Hampel, o. c., B. II, S. 221, B. III, Taf. 177, 2.

156) См. изображенія Св. Св. всадниковъ: фреска Бауита, Ch. Diehl, Manuel, I, fig. 23; рельефъ Каирскаго музея, Dalton, fig. 26 и вышеупомянутый браслетъ.

157) Hampel, B. II, S. 211; B. III, Taf. 170, 1.

158) Н. П. Кондаковъ: Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ, Приложеніе, стр. 285—301.

159) Кондаковъ—Толстой, Русскія древности, в. IV, рис. 166; Я. И. Смирновъ, Восточное серебро, т. XV; O. M. Dalton, East Christian art, pl. LIX, I, p. 325.

160) Строгановское блюдо; Ватиканскій реликварій (Capsella Sancta-Sanctorum), Monuments Piot, t. XV, 1906 (Lauer. Le trésor du S. S.) pl. XV; рѣзные камни, Кондаковъ, Иконографія Богоматери, I, рис. 196 и 197.

161) Одинъ изъ окладовъ Антіохійсхой находки 1910 г., если только онъ не поддѣльный. W. F. Volbach. Der Silberschatz von Antiochia, Zeitschrift für bildende Kunst, B. 32, 1921, S. S. 110—113. Ch. Diehl. Un nouveau trésor d'argenterie syrienne, Syria, VII, 1926, p. 121.

162) См. обломокъ черепичной формы, найд. въ Херсонесѣ, Отч. Арх. Ком. за 1898 г. р. 16; В. В. Латышевъ (Мат. по арх. Россіи № 23, стр. 36) считаетъ, что одинъ изъ изображенныхъ святыхъ Георгій и возстанавливаетъ надпись соотвѣтствующимъ образомъ; онъ же датируетъ памятникъ не позднѣе VII вѣка.

163) Женская фигура въ такомъ случаѣ была бы одной изъ женъ мvроносицъ, а вторая — ангеломъ, какъ того хочетъ Hampel. Ср. изображеніе на сирійскомъ блюдѣ, Я. И. Смирновъ, Вост. сер. т. XV (внизу), гдѣ внутри Гроба Господня изображенъ крестъ.

1) Круглая серебряная фибула съ изображеніемъ двухъ симметрично расположенныхъ по сторонамъ дерева звѣрей. Фонъ въ видѣ довольно тонко сработанной сѣточки. Найдена въ могилѣ, вѣроятно алеманской, около Illingen; издана P. Goessler'омъ.[164] Brenner относитъ ее къ вещамъ, не носящимъ на себѣ характера германской стилизаціи и считаетъ ее импортированной съ Востока.[165] Изображеніе звѣрей по сторонамъ „древа" излюбленная тема въ „восточной" художественной индустріи. Какъ классическій примѣръ можно указать серебряное, вѣроятно сассанидское, блюдо съ изображеніемъ двухъ барановъ по сторонамъ дерева, обвитаго змѣей.[166] Звѣри разсматриваемой фибулы скорѣе всего львы (судя по гривамъ) и не носятъ реалистическаго характера изображенія на блюдѣ. Это даетъ возможность предположить, что по времени фибула, во всякомъ случаѣ, позднѣе блюда.

2) Круглая бронзовая, сильно попорченная, фибула съ аналогичнымъ предыдущему изображеніемъ. Только вмѣсто звѣрей по сторонамъ дерева помѣщены птицы. Найдена въ могилѣ около Herbrectigen въ Вюртембергѣ; опубликована также P. Goessler'омъ.[167] Обѣ фибулы могутъ быть, какъ предметами восточнаго импорта, что наиболѣе вѣроятно, такъ и мѣстными подражаніями восточнымъ образцамъ.

Въ группу фибулъ, имѣющихъ на своихъ щиткахъ изображенія, входятъ также и фибулы, украшенныя перегородчатою эмалью. Вотъ ихъ краткое перечисленіе:

1) Такъ называемая „фибула Castellani", найденная въ Каносѣ (Италія), находящаяся въ Британскомъ музеѣ.[168] Фибула была въ свое время снабжена подвѣсками, какъ то видно изъ имѣющихся для нихъ петель. Фибула вѣроятно сдѣлана въ Италіи; O. M. Dalton указываетъ, что ея золотая оправа па характеру аналогична извѣстному кресту лангобардскаго короля Агилульфа, хранящемуся въ Монцѣ.[169] M. Rosenberg датируетъ ее около 600 года.[170] Оба автора сходятся на томъ, что фибула — подражаніе византійскимъ вещамъ того же характера. Rosenberg объединяетъ съ этой фибулой въ одну группу еще нѣсколько памятниковъ, на которыхъ онъ видитъ одну и ту же иконографическую композицію, которой онъ даетъ довольно сложное толкованіе. Ключъ къ разъясненію сюжета даетъ, по его мнѣнію, такъ называемый »Cumberland-Medaillon«, находящійся въ Вѣнѣ и датируемый концомъ VIII в., — мѣдная эмаллированная бляха съ изображеніемъ Христа, на что указываютъ A и ω и кресчатый нимбъ; по сторонамъ изображены двѣ дующія человѣческія головы съ графическимъ воспроизведеніемъ струи воздуха, выходящаго изо рта; внизу — дуга.[171] Смыслъ композиціи Rosenberg толкуетъ такъ: Христосъ изображенъ во вселенной, по его сторонамъ боги вѣтровъ (»Windgöter«), у его ногъ дуга — радуга, символизирующая небо, подобно тому, какъ иногда на саркофагахъ подъ ногами Христа изображается аллегорическая фигура языческаго небеснаго божества (»Coelus«). Тотъ же смыслъ видитъ Rosenberg и въ изображеніи на разсматриваемой фибулѣ и еще на нѣсколькихъ памятникахъ.[172] Однако мнѣ кажется, что описаніе, которое Rosenberg приводитъ въ началѣ своего разсужденія и считаетъ невѣрнымъ, гораздо болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, чѣмъ столь сложная гипотеза.[173] Головной уборъ, подвѣски, круглая бляха съ подвѣсками на груди совершенно неумѣстны въ изо-

---

[164]) P. Goessler. Museographie. VII Bericht der Römisch-Germanischer Kommission, 1912 (Fr. a. M. 1915), S. 120, Abb. 48.

[165]) Brenner, o. c., S. 332. Не берусь здѣсь точнѣе опредѣлять неопредѣленный Востокъ автора.

[166]) Я. И. Смирновъ, Восточное серебро, табл. X, № 95.

[167]) O. c., S. 119, Abb. 119.

[168]) Изображеніе см.: Dalton. Byzantine art, fig. 301. M. Rosenberg. Zellenschmelz (Geschichte der Goldschmiedenkunst auf technischen Grundlagen) III, Abb. 9, 12.

[169]) Dalton, p. p. 503—4. East Chr. art, p. 337.

[170]) M. Rosenberg. S. 5—6. Erster Zellenschmelz nördlich den Alpen, in Jahrbuch d. K. Pr. Kunstsammlungen 1918, S. 7.

[171]) Rosenberg. Erster Zellenschmelz u s. w., Abb. 36, S. 17.

[172]) Rosenberg. Erster Zellenschmelz u. s. w. S. 17—18. Zellenschmelz, III, S. 5—6.

[173]) Erster Zellenschmelz u. s. w., S. 7: »Man sieht einen weiblichen Kopf mit auffallender Haartracht. Unter dem Halsabschnitt spannt sich ein Bogen, an dessen Unterseite eine kleine Scheibe mit drei hängenden Blättern zu bemerken ist, rechts und links vom Kopf je eine Palmblatt in der üblichen Halbansicht. Ich weiss, dass diese Beschreibung falsch ist.«

браженіи Христа и заставляютъ считать, что изображена женщина, и видѣть черты вліянія византійскихъ портретныхъ изображеній. Пальмовыя вѣтви, которыя Rosenberg все же предпочитаетъ толковать какъ изображенія божествъ вѣтра, напоминаютъ такія же пальмовыя вѣтви на фибулѣ изъ Keszthely (см. ниже)[174] или гирлянды, которыми окружались погрудныя изображенія божествъ на памятникахъ „восточно-эллинистической" художественной промышленности.[175] Любопытно замѣтить, что на груди изображенной женщины мы видимъ фибулу съ тремя подвѣсочками подобную тѣмъ, что помѣщались на пальмирскихъ рельефахъ (см. выше). Съ точки зрѣнія изученія христіанской иконографіи новая тема, придуманная Rosenberg'омъ, кажется просто напросто фантазіей, не имѣющей подъ собой къ тому же никакихъ основаній.

Къ одной группѣ (по сюжету) съ предыдущей фибулой Rosenberg относитъ:

2) Бронзовую золоченую фибулу съ перегородчатою эмалью (причемъ перегородки серебряныя) музея въ Копенгагенѣ. Относя ее къ одной группѣ съ предыдущей, Rosenberg оговаривается, что памятники могутъ не совпадать по времени.[176] Н. П. Кондаковъ датировалъ фибулу XI—XII в.[177] Изображеніе можно считать аналогичнымъ предыдущему; что касается толкованій, то они проблематичны. Фибула ромбоидальной формы, закругленія по угламъ, соотвѣтствующія жемчужинамъ, заполнены эмалью.

3) Такъ наз. «Dowgate Hill brooch» — круглая фибула съ эмалевымъ медальономъ и очень богатымъ и сложнымъ окаймленіемъ изъ филиграни и т. п. — Британскаго Музея. Rosenberg относитъ къ той же иконографической группѣ и датируетъ X вѣкомъ; изображеніе въ медальонѣ скорѣе мужское.[178]

Перечисленныя фибулы являются несомнѣнными подражаніями византійскимъ вещамъ, работанными, повидимому, на Западѣ. Подобныя, но еще болѣе грубыя подражанія — бронзовыя фибулы съ эмалевымъ изображеніемъ Спасителя имѣются въ музеяхъ Дармштадта, Бонна и Кельна.[179]

4) Болѣе тонкой работы круглая фибула съ изображеніемъ грифа (т. наз. »Campanafibel«), находится въ Луврѣ. Rosenberg относитъ ее къ сицилійскимъ издѣліямъ послѣ IX в.[180]

5) Наконецъ къ этой же группѣ фибулъ слѣдуетъ отнести и великолѣпную фибулу съ орломъ, найденную въ Майнцѣ въ 1880 г., изданную и подробно описанную de Linas'омъ.[181] Отдѣльныя детали орнаментаціи (напр. ср. бѣлые трилистники на зеленомъ фонѣ 8-и пуговокъ окаймленія съ орнаментомъ на одеждѣ императора Бамбергской ткани),[182] характеръ, исполненіе филиграни, а главное чистота и высокое качество эмали, на которыхъ особенно настаиваетъ de Linas, заставляютъ причислить и эту фибулу къ памятникамъ византійскаго искусства, не предрѣшая этимъ мѣста ея изготовленія.

Укажу далѣе еще одинъ типъ византійскихъ круглыхъ щитовидныхъ фибулъ, имѣющій многочисленныя аналогіи и въ личныхъ украшеніяхъ иного типа (напр. ожерельяхъ, цѣпяхъ, подвѣсныхъ буллахъ къ гривнамъ и т. п.), именно представляющихъ собою монету или медальонъ въ оправѣ. Такихъ оправленныхъ медальоновъ и монетъ, служившихъ личнымъ украшеніемъ, извѣстно большое количество.[183] Такія фибулы, одна — съ монетой имп. Гонорія, окаймленной

---

174) Hampel, III, Taf. 170, 2.

175) См. свинцовую патеру, воспроизводящую, несомнѣнно, болѣе роскошный оригиналъ, Fr. Cumont. Une patère d'époque parthe, Mélanges-Schlumberger II, p. p. 356—8, fig. 56.

176) Rosenberg. Erster Zellenschmelz, S. 7—8, fig. 18—20.

177) N. P. Kondakov, Geschichte und Denkmäler des bysantinischen Zellenschmelzes, S. 261 ff. Rosenberg, S. 9.

178) Rosenberg. Erster Zellenschmelz. Abb. 22, 26, S. 11; нѣкоторые изслѣдователи полагали, что изображенъ англо-саксонскій король Альфредъ или его отецъ.

179) Rosenberg. Zellenschmelz, III, Abb. 84—88, S. 59.

180) Ibidem, S. 30, Abb. 51—52.

181) Ch. de Linas. Émaillerie etc. Paris 1881, p. p. 128—130, planche.

182) J. Ebersolt. Les arts somptuaires de Byzance, fig. 40.

183) Н. П. Кондаковъ. Русск. кл. I, т. XIX, 19 — цѣпь VII в. изъ Тарса, рис. 103 — ц. изъ

бордюромъ крупной зерни, имитирующей жемчужную обнизь (табл. XI, 3), другая съ монетой имп. Льва Исавра и Константина Копронима, имѣются въ Британскомъ Музеѣ.[184] Здѣсь же можно упомянуть, какъ грубоватую подѣлку, подражающую болѣе тонкимъ столичнымъ издѣліямъ, фибулу, найденную въ гробницѣ некрополя въ Keszthely (Comit. Zala) въ Венгріи и опубликованную впервые Hampel'емъ.[185] Фибула представляетъ собою круглую бронзовую позолоченную пластинку, воспроизводящую типъ монетнаго изображенія апоѳеоза римскаго императора (человѣческій бюстъ на орлѣ, по сторонамъ котораго — пальмовыя вѣтви).[186] Оправа серебряная, довольно грубой работы и, вѣроятно, мѣстнаго провинціальнаго происхожденія, образуетъ сильно выступающій бортъ, украшенный насѣчкой.

Въ Британскомъ Музеѣ имѣется пара золотыхъ пластинокъ, можетъ быть и служившихъ когда либо фибулами или иного рода застежками. Состоятъ эти пластинки изъ медальона, имитирующаго монету, окруженнаго шариками на подобіе жемчуга, и 6-и (по 3 сверху и снизу) выпуклыхъ бляшекъ миндалевидной формы, изъ которыхъ 2 среднія раздѣланы въ видѣ листиковъ. Найдены онѣ въ Малой Азіи съ золотыми монетами Констанція и отнесены издателемъ ихъ къ IV вѣку.[187] По своей формѣ онѣ напоминаютъ нѣсколько фибулы изображеній нѣкоторыхъ византійскихъ императоровъ. Однако вполнѣ увѣреннымъ, что это именно фибулы, быть нельзя. То же нужно сказать и объ извѣстной золотой ажурной пластинкѣ съ изображеніемъ охотящейся амазонки, найденной вмѣстѣ съ пре-

Бейрута, рис. 104, 106 — ц. изъ Анапы. Цѣпь изъ Кериніи, Кипръ, опубликована J. Strzygowski. Altai-Iran und Völkerwanderung, Taf. VII. Такія ожерелья съ медальонами имѣются въ Вѣнскомъ Худож. Истор. Музеѣ и Антикваріи Берлинскаго Фридрихъ-Музеума. См. также многочисленныя украшенія подобнаго характера въ упомянутой уже работѣ W. Dennison, имъ спеціально посвященной.

[184]) Marshall, Catalogue of the jewellery, № 2860, pl. LXIII. O. M. Dalton. Catalogue of the early Christian antiquities, № 281, p. 46. Того же типа украшенія извѣстны и въ римской художественной индустріи II—III вв., Marshall, o. c., №№ 2868—71.

[185]) Hampel. Alterthümer, B. II, S. 211; B. III, Taf. 170, 2. Fettich Nandor. Das Kunstgewerbe der Avarenzeit in Ungarn. Archaeologia Hungarica, I. Budapest 1926. Taf. II, 24.

[186]) Возможно, однако, и другое толкованіе изображенія. Извѣстенъ цѣлый рядъ изображеній сирійскихъ солнечныхъ боговъ на орлахъ. См.: алтарь Малахбела изъ Пальмиры (надпись: Soli sanctissimi etc.) въ Римѣ, музей Капитолія, E. Herzfeld: Das Thron des Khozrô. Jahrbuch d. Pr. Kunstsammlungen, B. 41, Taf. zu S. 122; рельефъ изъ Баальбека въ Берлинѣ, Kaiser-Friedrich Museum; ibidem Abb. 24; перечисленіе подобныхъ изображеній см. R. Dussaud: Notes de mythologie syrienne. Revue archéologique, IVe série, t. I (1903, I), p. 139 s. s. Ср. изображеніе на лампочкѣ, найденной въ Керчи, Извѣстія Археологической Комиссіи, в. 9, рис. 58, стр. 178 (№ 515). Нѣкоторыя изображенія весьма напоминаютъ находящееся на нашей фибулѣ (напр. упомянутое изображеніе Пальмирскаго бога). Изъ жизнеописанія имп. Авреліана мы узнаемъ, что у персовъ былъ обычай изображать солнечное божество на чашахъ. Fl. Vopisci: Aurelianus, 5: »Data... patera qualis solet imperatoribus dari a rege Persorum, in qua insculptus erat Sol eo habitu quo colebatur in eo templo in quo mater eius fuerat sacerdos.« Ed. Teubneri, p. 151. De Linas. Les origines etc. I, p. p. 226—7. Рѣчь идетъ несомнѣнно объ одномъ изъ храмовъ Сиріи и изображеніе, видимо, было по типу сходнымъ съ упоминавшимися выше. Нѣтъ ничего удивительнаго въ появленіи того же сюжета и на фибулѣ. Нося въ видѣ фибулы амулетъ съ изображеніемъ бога солнца, его почитатель снискивалъ тѣмъ самымъ покровительство своего божества. Въ такомъ случаѣ наиболѣе подходящимъ временемъ для изготовленія подобнаго медальона былъ бы III или начало IV вѣка.

[187]) O. M. Dalton. Catalogue of early christian antiquities etc, №№ 253, 254, p. 4, pl. IV.

дыдущими.[188] Изданное воспроизведеніе не даетъ возможности судить о ея задней сторонѣ, а потому считать ее фибулой или же какой либо частью пряжки, какъ это дѣлаетъ H. Leclerq (въ словарѣ Cabrol'я), не видавъ оригинала, трудно.

Наконецъ въ Британскомъ же музеѣ имѣется одна золотая фибула съ камеей, имѣющей греческую надпись: ΕΥΤΥΧΩΣ ΠΡΟΚΟΠΤΕ Ο ΦΟΡΩΝ.[189]

Ромбоидальную форму щитка съ жемчугами, подобную той, что мы видѣли и на изображеніяхъ, представляетъ фибула (поломанная) Брюссельскаго музея, реконструкцію которой опубликовалъ de Linas.[190] Фибула украшена 4-мя большими жемчужинами по угламъ, 4-мя красными четырехугольными инкрустаціями въ серединѣ и 2-мя монетами Леонтія (или бляшками штампованными съ монеты) по сторонамъ инкрустацій. Бортики состоятъ: внѣшній изъ филиграни, внутренній изъ мелкаго жемчуга. Датируется фибула монетами, ее украшающими; императоръ Леонтій царствовалъ 695—698.

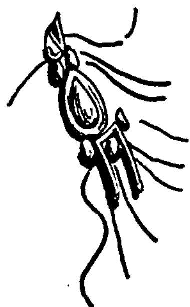

Рис. 15.

Серебряная фибула съ камнями, найденная въ поселкѣ Верхне-Березовскомъ (Камская Чудь), опубликованная Спицынымъ,[191] воспроизводитъ обычный для Византіи IX—X вв. (на иконографическихъ памятникахъ) типъ въ видѣ креста съ концами округленной формы. Центръ и концы креста украшены 5-ю камнями въ золотой оправѣ.

Выше говорилось, что подвѣски, обычно, принадлежность императорской фибулы. Не всѣ императорскія фибулы съ подвѣсками можно причислить по ихъ конструкціи къ разряду щитовидныхъ. Фибулы, изображенныя на нѣкоторыхъ медальонахъ и на равеннскихъ мозаикахъ, изображающихъ Юстиніана, не представляютъ простой щитовидной конструкціи. На большомъ медальонѣ Валента (№ 295, въ Вѣнскомъ Худож. Истор. Музеѣ) фибула овальной формы снабжена снизу поперечною перекладиною, тремя гнѣздами съ камнями, сверху и снизу, и, наконецъ подвѣсками (рис. 15).[192] На другомъ медальонѣ Валента овальная фибула съ подвѣсками имѣетъ снизу три жемчужины, а сверху еще отростокъ неопредѣленной формы.[193] Но вполнѣ разъясняетъ типъ изображенныхъ на медальонахъ фибулъ небольшой бронзовый позолоченный бюстъ (служившій вѣроятно „эмблемою" чаши)[194] императора въ Будапештскомъ музеѣ. Фибула, застегивающая на его плечѣ хламиду, состоитъ изъ большого четырехугольнаго камня съ жемчужинами по угламъ и верхняго отростка — пріемника, тоже съ камнемъ на концѣ.[195] Воспроизведенія на табл. XII даютъ возможность

---

188) Ibidem, № 252, p. 39—40. pl. IV.

189) Dalton. Catalogue, № 280, p. 46, pl. V.

190) De Linas: Les origines de l'orfévrerie cloisonnée, t. III (Paris 1887), pl. XVIII, 10.

191) Матеріалы по археологіи Россіи № 26, табл. II, 6, стр. 26. См. также упомянутую статью А. П. Калитинскаго въ Mélanges-Uspenskij.

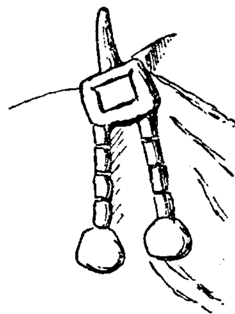
192) Hampel, o. c. Taf. 18. F. Kenner. Die Goldmedaillons Röm. Kaiser, Jahrb. d. K. K. Kunstsammlungen, B. XI, Taf. III.

193) Arneth: Monumente, Taf. 15 (G. XIV), 12. Kenner, Taf. IV.

194) Чаши съ горельефными изображеніями въ эмблемахъ извѣстны изъ кладовъ Боскореале и Гильдесгейма.

195) См. A. Heckler: Römische Bronzene Denkmäler in Ungarischen Nationalmuseum, Archaeo-

и судить о фибулѣ, и представить себѣ положеніе бюста въ эмблемѣ чаши. Того же типа фибула, какъ только что описанная на Будапештскомъ бюстѣ, изображена также на упоминавшемся диптихѣ съ аллегоріями Рима и Константинополя, гдѣ она снабжена подвѣсками и длиннымъ остроконечнымъ отросткомъ (рис. 16).[196] На исчезнувшемъ медальонѣ Юстиніана (по копіи Британскаго музея) ясно видно, что этотъ верхній отростокъ пріемникъ фибулы, украшенный тремя гнѣздами съ камнями, помѣщенными одно за другимъ (т. XIII, 7); кромѣ того спереди фибула снабжена жемчужинами и подвѣсками.[197] Наконецъ, великолѣпная фибула, изображенная на Юстиніанѣ въ ц. св. Виталія въ Равеннѣ, представляетъ собой круглый оранжевый камень въ золотой оправѣ, окаймленный девятью крупными жемчужинами, съ тремя большими слезовидными жемчужинами на золотыхъ цѣпочкахъ; сверху фибула имѣетъ еще золотую полукруглую (или круглую) пластинку съ тремя торчащими кверху синими камнями (сапфирами).[198] Фибула на изображеніи въ ц. Св. Аполлинарія во флотѣ аналогична описанной, лишь верхняя пластинка ея круглая и не имѣетъ торчащихъ кверху камней, да цвѣта самыхъ камней иные.[199]

Рис. 16.

Наиболѣе характерный примѣръ фибулы, подобной только что описаннымъ по изображеніямъ, представляетъ собою большая фибула (одиночная, а не парная, какъ большая часть остальныхъ) клада въ Szilágy—Somlyó.[200] На конструкцію ея несомнѣнно оказало вліяніе устройство фибулы „римско-провинціальнаго“ крестообразнаго типа, части которой — поперечную перекладину съ тремя головками и ножку-пріемникъ — сохранила и разсматриваемая фибула (табл. XIV, 1). Дужка, характерная для римско-провинціальнаго типа, замѣнена большимъ сардониксомъ, составляющимъ основу всей фибулы и сближающимъ ее съ описаніемъ Прокопія (De aedific. III, 1; см. выше) и фибулами Юстиніана. Ножка фибулы, состоящая изъ

logiai Ertesitő, 1913, s. s. 210 ff. Въ данномъ случаѣ насъ не можетъ занимать точное опредѣленіе какого именно императора изображаетъ бюстъ. Heckler считаетъ, что Констанція, чему противорѣчитъ приводимый имъ же матеріалъ, въ особенности медальонъ — Abb. 4 и бюстъ въ Римѣ, Palazzo dei Conservatori, — Abb. 5, а также и керченскія чаши, Мацулевичъ, Серебряная чаша изъ Керчи 1926, тт. I и II, 3—4. По нашему мнѣнію изображенъ тотъ же императоръ, котораго голова придѣлана къ тогатной статуѣ изъ Афродисіи въ Оттоманскомъ музеѣ. G. Mendel опредѣлялъ его, какъ Валентиніана II, Catalogue des sculptures, t. II, p. p. 199—202, № 506, Воспроизведеніе статуи по фотографіи см. O. Wulff, Altchristliche und byzantinische Kunst. I, fig. 144. На то, что голова, повидимому, статуѣ, на которой она находится, не принадлежитъ, указалъ мнѣ Prof. R. Delbrueck. Фотографіями съ Будапештскаго бюста я обязанъ любезности Dr. N. Fettich'a.

[196]) R. Delbrueck. Cons. Diptychen. № 38.

[197]) W. Wroth: Catalogue of the imperial Byzantine coins in the British Museum. London 1908, t. I, frontispiece.

[198]) См. великолѣпное воспроизведеніе R. Delbrueck: Denkmäler spätantiker Kunst. Antike Denkmäler, B. IV H. 1 (Berlin 1927), Taf. 8.

[199]) Ebersolt, Les arts sompt., f. 8.

[200]) Hampel, o. c., B. II, S. S. 35—37; B. III, Taf. 26—27; въ краскахъ — Riegl, o. c., Taf. III. См. также Brenner, o. c., 1. 273.

гнѣздъ съ камнями, въ точности (см. профиль на табл. XIV, 2) воспроизводитъ верхнюю часть фибулы, изображенной на медальонѣ Юстиніана (табл. XIII, 7). Фибула имѣла подвѣски, какъ о томъ свидѣтельствуютъ колечки на нижней сторонѣ поперечной перекладины. Если сопоставить находку подобнаго украшенія въ Венгріи съ вышеприведенными свидѣтельствами Прокопія и Агаѳія (см. выше) о посылкахъ подобныхъ украшеній варварамъ, то сомнѣній о происхожденіи фибулы быть не можетъ.

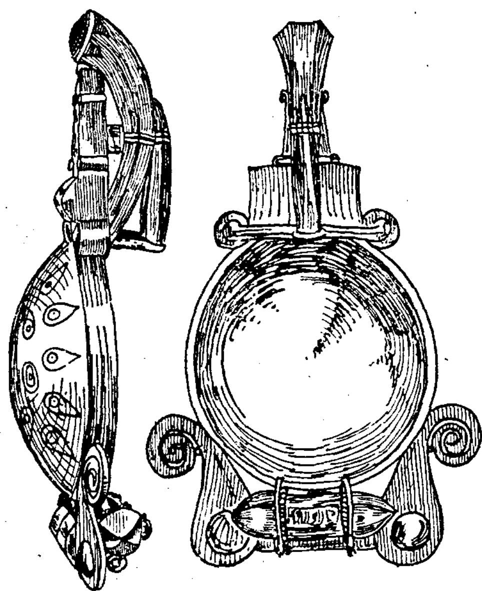

Рис. 17.

Здѣсь же кратко укажемъ, что вышеупомянутая треугольная фибула изъ Михайловцевъ (въ Вѣнѣ, см. выше) и фибулы Петросскаго клада (въ Бухарестѣ) по своей конструкціи примыкаютъ къ этому типу фибулъ. Всѣ онѣ одного устройства и подъ верхнимъ щиткомъ имѣютъ поперечныя перекладины съ двумя головками и характерный (съ щелью сбоку) пріемникъ (рис. 17), типичный для крестовидной римско-провинціальной фибулы. Замѣтимъ еще, что въ особенности маленькая фибула Петросскаго клада (рис. 17) и по своей формѣ очень напоминаетъ изображенныя на медальонахъ. Не имѣя возможности останавливаться сейчасъ болѣе подробно на разсмотрѣніи всѣхъ этихъ памятниковъ, ограничусь указаніемъ, что наиболѣе вѣроятнымъ мѣстомъ возникновенія подобнаго сложнаго типа, представляющаго смѣшеніе щитовиднаго и т. н. крестовиднаго римско-провинціальнаго (бывшихъ въ одинаковой мѣрѣ въ ходу въ Византіи), является именно Византія, разумѣя въ данномъ случаѣ мастерскія Константинополя, поставлявшія на варваровъ подобные знаки отличія.[201]

Остановимся теперь кратко на изображеніяхъ фибулъ на памятникахъ, дающихъ возможность точно датировать тотъ или иной типъ. Въ этомъ смыслѣ наибольшее значеніе имѣютъ изображенія на монетахъ и императорскихъ медальонахъ. Монеты и медали Константина Великаго и его ближайшихъ преемниковъ представляютъ простыя круглыя фибулы безъ особой орнаментаціи.[202] Только на медаляхъ и монетахъ Валента († 378) появляются иногда жемчуга,

---

[201]) О фибулахъ Петроссы см.: A. Odobesco: Le trésor de Pétrosse, t. II (Paris 1896) p. p. 67—89, fig. 78—82, 87—90, 100—101, pl. III. Въ описаніи Mr. Soden Smith, фибулы опредѣляются какъ: Byzantine-Gothic, probably latter part of fifth century, см. p. 67 п. 1, p. 77 п. 1, p. 85, п. 1. На нашъ взглядъ это вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Типологическій анализъ частей конструкціи (поперечины, пріемника) въ связи съ таковымъ же произведеннымъ для крестовиднаго типа, разновидности котораго можно датировать по монетамъ съ ними находимымъ и сравненію съ изображеніями (см. ниже), дадутъ, вѣроятно, возможность опредѣлить и дату фибулъ сложной конструкціи съ точностью хотя бы до полувѣка.

[202]) Медаль Констанція (монетный типъ), напр. A. Venturi: Storia del' arte italiana, fig. 429.

подвѣски и фибулы сложной конструкціи.[203] Однако первыми памятниками, на которыхъ есть изображенія фибулы съ подвѣсками — на одномъ (табл. XIII, 4) — и фибулы сложной конструкціи (табл. XIII, 6) — на другомъ — являются серебряныя чаши съ изображеніями императора Констанція 343 г., найденныя въ 1904 г. въ Керчи.[204]

Если принять, вслѣдъ за Л. А. Мацулевичемъ, положеніе о томъ, что эти чаши изготовлены въ самой Керчи, то эти памятники могутъ служить указаніемъ, откуда приходили въ Византію формы украшеній; вопросъ о происхожденіи этихъ чашъ нельзя, однако, считать рѣшеннымъ. На монетахъ и медаляхъ фибула съ подвѣсками устанавливается окончательно, начиная съ Ѳеодосія Великаго и его сыновей Аркадія и Гонорія.[205] Орнаментація фибулъ достигаетъ своего расцвѣта въ VI в., однако и въ дальнѣйшемъ императорская фибула сохраняетъ свою характерную форму. De Linas указываетъ, что описаніе Кориппа, относящееся ко времени Юстина II (565—578), послѣднее по времени свидѣтельство объ императорской фибулѣ.[206] Но если для послѣдующихъ вѣковъ мы не имѣемъ письменныхъ свидѣтельствъ, то пробѣлъ заполняется иконографическимъ матеріаломъ. Бронзовый бюстъ импер. Фоки (602—610)[207] въ Брит. Музеѣ показываетъ ту же круглую фибулу съ подвѣсками (табл. XIII, 5). Фибулы на монетахъ Ираклія (610—641) и его сыновей тоже сохраняютъ подвѣски, но иногда бываютъ снабжены еще какимъ то отросткомъ наверху (иногда въ видѣ петли), что, повидимому, передаетъ вторую пластинку надъ пріемникомъ и указываетъ, что изображенная фибула не была просто щитовидной, а какъ и фибулы Юстиніана имѣла еще какія то части (табл. XIII, 1, 2).[208] На мозаикѣ церкви Св. Аполлинарія во Флотѣ въ Равеннѣ, изображающей Константина Погоната (668—685), отчасти реставрированной, мы видимъ на нереставрированной части лишь подвѣски, тогда какъ фибула, благодаря неумѣлой реставраціи, помѣщена отдѣльно отъ нихъ выше. Это дало поводъ J. Ebersolt'у сказать, что фибула не имѣетъ подвѣсокъ, что однако невѣрно.[209] На монетахъ Константина Погоната изображается фибула съ подвѣсками.[210] Подвѣски сохраняются также и на монетахъ императоровъ иконоборцевъ Льва Исавра и Константина Копронима.[211] Однако позднѣе фибула съ подвѣсками должна была замѣниться простой круглой, какъ то можно видѣть на изображеніяхъ императоровъ Македонской династіи,[212]

[203]) Медаль Валента, ibidem, fig. 430; большіе медальоны его же, см. выше.

[204]) Шкорпилъ, отч. о раскопкахъ въ Керчи въ 1904 г., Изв. Арх. Ком., в. 25, стр. 33, рис. 8. Также: Отч. Имп. Арх. Ком. за 1904 г. и Л. А. Мацулевичъ: Серебряная чаша изъ Керчи, т. II, 3 и 4.

[205]) См. напр.: Venturi, o. c., fig. 431—433.

[206]) De Linas, o. c., p. 314.

[207]) Dalton, Byz. art., fig. 6.

[208]) W. Wroth: Catalogue etc. I, pl. XXIII, 8, 12, 13. Наши воспроизведенія въ двукратномъ увеличеніи.

[209]) Ebersolt, Les arts sompt., p. 50—52, fig. 18, ср. съ репродукціей у Wilpert: Röm. Mos. III, Taf. 112.

[210]) Wroth, o. c., II, pl. XXXVIII, 2, 3, 4, 5.

[211]) Ibidem, pl. XLII, 20, 21, 23.

[212]) Изображеніе Льва Мудраго (886—912) въ Св. Софіи, Ebersolt, o. c., fig. 30 — по Зальценбергу; монеты Романа Лекапина (919—944) — Wroth, II, pl. LII, 11; изображеніе Василія II, (976—1025) въ Псалтыри Марціанской библ. въ Венеціи, Ebersolt. La min. byz., pl. XXIV.

и сохраненіе ея на нѣкоторыхъ монетахъ и печатяхъ можетъ являться слѣдствіемъ копированія установленнаго образца.[213] Пластинка съ изображеніемъ, какъ считалось раньше, Романа Діогена (1067—1071), а теперь Романа II (959—963), показываетъ, что, когда хламида въ императорскомъ облаченіи замѣнилась лоромъ, императрица все же ее носила вмѣстѣ съ фибулой, окаймленной жемчугами, но безъ подвѣсокъ.[214] На позднихъ портретныхъ памятникахъ фибулы рѣдки, встрѣчаются онѣ, главнымъ образомъ, на женщинахъ, гдѣ ихъ роль уже приближается къ роли современной брошки[215]; на Святыхъ же, въ особенности воинахъ, круглыя фибулы продолжаютъ застегивать ихъ плащи и въ поздневизантійской живописи.[216]

*

Перейдемъ теперь къ фибуламъ щитовидной конструкціи (=περόνη) и прежде всего постараемся опредѣлить ихъ форму или типъ. Памятники конца IV и начала V вв. позволяютъ это сдѣлать. Обычно фибула состоитъ изъ 3-хъ шаровидныхъ головокъ, поперечной перекладины, средней шейки и торчащей кверху ножки, расположенныхъ такъ, что по своей формѣ дѣйствительно напоминаетъ т. н. латинскій крестъ (или Т, если головокъ всего 2), однако перевернутый, такъ какъ длинное колѣно приходится наверху. Это обстоятельство исключаетъ возможность намѣреннаго подражанія въ формѣ кресту. Всѣ перечисленныя части вполнѣ хорошо различимы на изображеніяхъ.[217]

Описанный типъ фибулы извѣстенъ обычно подъ названіемъ „римско-провинціальнаго“ или крестовиднаго, и существующіе памятники вполнѣ соотвѣтствуютъ изображеннымъ фибуламъ. Изображенія фибулъ этого типа представляютъ мало разнообразія, но о нѣкоторыхъ деталяхъ мы все же можемъ судить. Такъ на порфировой статуѣ, найденной въ Египтѣ (Каирскій Музей) и изображающей, какъ полагаетъ Strzygowski, Максиміана (304—310), на правомъ плечѣ можно видѣть часть обломанной фибулы — именно конецъ ея поперечной перекладины, на которомъ можно замѣтить орнаментацію двумя рядами крупной зерни кругомъ перекладины, въ мѣстѣ ея перехода въ чуть выступающую полукруглую головку.

---

[213]) На монетахъ до Василія и Константина, W. Wroth, II, pl. LVI, 7, 8; послѣднее появленіе фибулы съ подвѣсками — на печати Михаила Дуки (1071—1078), G. Schlumberger: Sigillographie byzantine, p. 419.

[214]) См.: H. Peirce et R. Tyler: Deux mouvement dans l'art byzantin du X[e] s. extr. du № 16 d'Arethuse, juillet 1927, p. p. 2 etc.

[215]) Напр. Фреска Лесново. Марія Ливерина, жена деспота Оливера, Ebersolt. Les arts s., fig. 57.

[216]) Интересная фибула овальной формы съ жемчугомъ застегиваетъ плащъ архангела Гавріила на фрескѣ въ Каленичѣ. См. Dr. B. P. Петковић и Арх. Ж. Татић. Манастир Каленић (Народни Музеј у Београду. Српски споменици. IV) 1926, сл. 64.

[217]) См. фибулы: на блюдѣ Θеодосія (чиновникъ, подходящій къ императору), Recueil-Kondakov, табл. XX. На базѣ его же обелиска въ Константинополѣ, Dalton, East Christ. art, pl. XXXII. На диптихахъ: въ соборѣ въ Novara, Гальберштадтѣ, въ Museo Civico въ Болоньѣ, въ Эрмитажѣ (Ареобинда), въ Берлинской Библіотекѣ (Пробіана) и т. д., R. Delbrueck. Cons. Dipt. №№ 2, 34, 47, 64, 65. На крышкѣ серебряной шкатулки Эсквилинскаго клада, Guide to the early christian & byzantine antiquities, Brit. Mus. 1921, pl. VII. На иконографическій матеріалъ обратилъ вниманіе Salin, Die Altgermanische Tierornamentik, S. S. 32 ff., при разборѣ фибулъ этого типа.

1.

2.

3.

Къ страницѣ 80-й: опечатка, искажающая смыслъ:

Строка 11-я сверху

напечатано: фибуламъ щитовидной конструкціи

нужно: фибуламъ нещитовидной конструкціи.

4.

6.

5.

7.

8.

и сохраненіе ея на нѣкоторыхъ монетахъ и печатяхъ можетъ являться слѣдствіемъ копированія установленнаго образца.[213] Пластинка съ изображеніемъ, какъ считалось раньше, Романа Діогена (1067—1071), а теперь Романа II (959—963), показываетъ, что, когда хламида въ императорскомъ облаченіи замѣнилась лоромъ, императрица все же ее носила вмѣстѣ съ фибулой, окаймленной жемчугами, но безъ подвѣсокъ.[214] На позднихъ портретныхъ памятникахъ фибулы рѣдки, встрѣчаются онѣ, главнымъ образомъ, на женщинахъ, гдѣ ихъ роль уже приближается къ роли современной брошки[215]; на Святыхъ же, въ особенности воинахъ, круглыя фибулы продолжаютъ застегивать ихъ плащи и въ поздневизантійской живописи.[216]

*

ютъ изображеннымъ фибуламъ. Изображенія фибулъ этого типа представляютъ мало разнообразія, но о нѣкоторыхъ деталяхъ мы все же можемъ судить. Такъ на порфировой статуѣ, найденной въ Египтѣ (Каирскій Музей) и изображающей, какъ полагаетъ Strzygowski, Максиміана (304—310), на правомъ плечѣ можно видѣть часть обломанной фибулы — именно конецъ ея поперечной перекладины, на которомъ можно замѣтить орнаментацію двумя рядами крупной зерни кругомъ перекладины, въ мѣстѣ ея перехода въ чуть выступающую полукруглую головку.

---

[213]) На монетахъ до Василія и Константина, W. Wroth, II, pl. LVI, 7, 8; послѣднее появленіе фибулы съ подвѣсками — на печати Михаила Дуки (1071—1078), G. Schlumberger: Sigillographie byzantine, p. 419.

[214]) См.: H. Peirce et R. Tyler: Deux mouvement dans l'art byzantin du Xe s. extr. du № 16 d'Arethuse, juillet 1927, p. p. 2 etc.

[215]) Напр. Фреска Лесново. Марія Ливерина, жена деспота Оливера, Ebersolt. Les arts s., fig. 57.

[216]) Интересная фибула овальной формы съ жемчугомъ застегиваетъ плащъ архангела Гавріила на фрескѣ въ Каленичѣ. См. Dr. В. Р. Петковић и Арх. Ж. Татић. Манастир Каленић (Народни Музеj у Београду. Српски споменици. IV) 1926, сл. 64.

[217]) См. фибулы: на блюдѣ Θеодосія (чиновникъ, подходящій къ императору), Recueil-Kondakov, табл. XX. На базѣ его же обелиска въ Константинополѣ, Dalton, East Christ. art, pl. XXXII. На диптихахъ: въ соборѣ въ Novara, Гальберштадтѣ, въ Museo Civico въ Болоньѣ, въ Эрмитажѣ (Ареобинда), въ Берлинской Библіотекѣ (Пробіана) и т. д., R. Delbrueck. Cons. Dipt. №№ 2, 34, 47, 64, 65. На крышкѣ серебряной шкатулки Эсквилинскаго клада, Guide to the early christian & byzantine antiquities, Brit. Mus. 1921, pl. VII. На иконографическій матеріалъ обратилъ вниманіе Salin, Die Altgermanische Tierornamentik, S. S. 32 ff., при разборѣ фибулъ этого типа.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

3.

4.

2.

1.

Самая перекладина имѣетъ ребра,[218] и представляетъ какъ бы граненую поверхность. На извѣстномъ диптихѣ собора въ Монцѣ,[219] изображающемъ, какъ то принято считать въ настоящее время, Стилихона, на фибулахъ можно видѣть орнаментъ, бѣгущій по краю ножки. Орнаментъ состоитъ изъ выпуклыхъ шариковъ, соединенныхъ между собою развалистой дужкой; по всей вѣроятности это т. н. Peltenornament, т. е. развалистые завитки съ шаровыми утолщеніями на концахъ, загнутыхъ вовнутрь, идущіе отъ деформированной и упрощенной пальметты. Орнаментъ этотъ извѣстенъ и на самихъ фибулахъ.[220] На мозаикахъ ц. Св. Виталія въ Равеннѣ, на придворныхъ, сопровождающихъ Юстиніана и Өеодору, фибулы имѣютъ граненыя головки.[221] По изображенію фибулы на Св. Өеодорѣ, въ церкви Св. Св. Козьмы и Даміана въ Римѣ, можно судить, что головки въ основѣ своей были жемчугами (онѣ переданы бѣлыми кубиками). Ножка той же фибулы украшена продолговатымъ крестикомъ, что тоже воспроизводитъ характерную орнаментацію, имѣющую аналогіи на вещахъ.[222] Этотъ крестикъ окончательно разрѣшаетъ вопросъ о томъ, гдѣ верхъ и гдѣ низъ фибулы, т. к. естественно, что крестъ не могъ быть изображенъ вверхъ ногами. Рядъ фибулъ того же типа указываетъ на сильное расширеніе конца ножки.[223] Любопытное не вполнѣ обычное изображеніе фибулы этого типа можно видѣть на одномъ стеклянномъ донышкѣ. Головки, которыхъ только двѣ боковыхъ (средней нѣтъ), имѣютъ форму плоскихъ листиковъ, поперечная перекладина имѣетъ двѣ маленькія продольныя перекладинки, въ мѣстѣ соединенія ножки съ шейкой находится еще одна поперечная перекладина меньшаго размѣра, наконецъ ножка закруглена (рис. 18).[224] Другое донышко, найденное въ

Рис. 18.

Рис. 19.

---

[218]) Strzygowski: Koptische Kunst. Catalogue général du Musée du Caire, t. XII, p. p. 6—7, taf. II; № 7257.

[219]) R. Delbrueck: Cons. Dipt. № 63.

[220]) См. объ этомъ статью Longpérier, Fibules antiques à pas de vis, въ Revue Archéologique, 1866, гдѣ приведены рисунки такихъ фибулъ.

[221]) Wilpert, o. c., III, Taf. 109, 110.

[222]) Wilpert, o. c. B. III, Taf. 106—7. Крестикъ на ножкѣ имѣютъ: фибула № 257 Брит. Музея изъ Іерусалима, фибула изъ Apahida въ Венгріи (Hampel, o. c., III, Taf. 35) и найд. на Палатинѣ въ Римѣ (A. Riegl, o. c., Abb. 52).

[223]) Напр. на Пилатѣ въ миніатюрѣ Россанскаго Евангелія, см. Ebersolt, La min. byz. pl. VII.

[224]) Garrucci, o. c., III, t. 202, 4.

1928 г. въ Dunaszekeső (Kom. Baranya) въ Венгріи, даетъ изображеніе фибулы съ 2-мя головками и ножкой раздѣленной надвое (рис. 19).[225]

Для опредѣленія времени появленія этого типа фибулъ иконографическій матеріалъ даетъ немного. На монетахъ изображеній подобныхъ фибулъ нѣтъ, или, если и есть, то такъ нечетки, что опредѣлить типъ невозможно. Въ Византіи появляется эта фибула въ IV в., о чемъ говорятъ изображенія на Θеодосіевомъ блюдѣ и базѣ его же обелиска. Наконецъ нужно замѣтить, что и этого типа фибулы иногда носились съ подвѣсками.[226]

Уже при разсмотрѣніи иконографическаго матеріала, приходилось говорить, что интересующія насъ фибулы соотвѣтствуютъ типу извѣстному въ археологіи подъ названіемъ „римско-провинціальнаго крестовиднаго". Выше я далъ уже его описаніе въ общихъ чертахъ. Названіе свое типъ получилъ отъ того, что подобныя фибулы встрѣчаются обычно въ развалинахъ римскихъ сооруженій, гробницахъ поздне-римскаго времени и т. п.[227] Однако иногда высказываются предположенія, что типъ возникъ не на римской почвѣ.[228] Не имѣя возможности входить въ разсмотрѣніе вопросовъ, связанныхъ съ происхожденіемъ и развитіемъ типа, скажу только, что фибулы, изображенія которыхъ были приведены и перечислены выше, соотвѣтствуютъ наиболѣе развитымъ и законченнымъ формамъ этого типа.[229] Появленіе этихъ формъ обычно относится къ III вѣку.[230] Изъ найденныхъ въ Херсонесѣ фибулъ нѣкоторыя можетъ быть тоже восходятъ къ III вѣку.[231] Этого же типа фибулы извѣстны изъ Египта (некрополи Ахмима) и сѣв. Африки,[232] а также Сиріи[233] и Балканскаго полуострова.[234] Весьма вѣроятно, что подобныя фибулы были распространены въ концѣ III—IV вв. по всей Имперіи, м. б. кромѣ Рима, въ которомъ, какъ мы видѣли, могло существовать предубѣжденіе противъ подобныхъ украшеній. Фибулъ подобнаго

---

225) Рисункомъ я обязанъ любезности Dr. N. Fettich'a. Памятникъ находится въ Dunaszekesó, у мѣстнаго учителя г-на Fr. Halácz'a.

226) См. одно изъ серебряныхъ блюдъ, найд. въ Кериніи на Кипрѣ, Dalton, East Chr. art, pl. LIX.

227) См. указанія на подобныя фибулы у: K. Schwerzenbach, Ein Gräberfeld von Brigantium; Em. Riedl und Ot. Cuntz: Kranje in Steiermark, römische Bauten und Grabmälern; G. bar. Kaschitz und M. Abramič: Funde aus der Völkerwanderungszeit bei Kirchdorf-Micheldorf; M. Abramič: Funde aus der Völkerwanderungszeit in Mistelbach. Jahrbuch für Alterthumskunde. Wien, 1909, B. III, S. S. 5, 100, 110, 220, 222; о фибулахъ найд. въ Dernovo (Noviodunum) на берегу старого русла Савы, см. Archiv für Kunde Österreichischer Geschichts-Quellen, B. XXIX, 1863, S. S. 246—7, Abb. 18, 19. Бронзовую фибулу, найд. въ каменной насыпи въ Васкской губ. (Финляндія). Изв. Арх. Ком. в. 38, стр. 37. Также см. литературу у O. Almgren, Studien über Nordeuropäische Fiebelformen, Leipzig 1923, S. 210.

228) Almgren, o. c., S. 129.

229) Ibidem, S. 89, Abb. 190—191.

230) Ibidem, S. 89.

231) Напр. серебряная, находящаяся въ Москов. Истор. музеѣ, (см. статью А. П. Калитинскаго, въ Mélanges-Uspenskij), и бронзовая — Отч. Арх. Ком. 1897, стр. 30, рис. 90.

232) R. Forrer, o. c., S. 19. O. Wulff: Altchristl. u. s. w. Bildwerke, № 847.

233) Marschall, Catalogue № 2859, p. 337, pl. LXII; изъ Александретты, также относится къ III в.

234) Б. Филовъ. Римското сокровище отъ Николаево, Извѣстия на Блъгарското Археологическо Дружство, IV, 1914, табл. IV, 1 стр. 12 — серебряная фибула аналогичная херсонесскимъ (см. выше, прим. 231). Кладъ, судя по монетамъ и его характеру, повидимому относится къ концу III вѣка.

типа, найденныхъ съ монетами IV в. извѣстно довольно много; всѣ онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ изображеннымъ и по формѣ и по величинѣ. Однако, среди нихъ необходимо произвести какую то выборку, дабы установить какія дѣйствительно могутъ являться издѣліями византійской промышленности. Нѣкоторыя основанія для этого даютъ намъ приведенныя уже свѣдѣнія и изображенія. Такъ мы знаемъ, что фибулы дѣлались главнымъ образомъ изъ благородныхъ металловъ, что существовали подражанія имъ изъ болѣе дешеваго матеріала — золоченой бронзы. Это указываетъ, среди какихъ вещей могутъ находиться византійскія, и совпаденія въ формѣ и орнаментаціи фибулъ изъ того и другого матеріала есть существенный доводъ въ пользу признанія византійскаго происхожденія. Изображенія фибулъ указываютъ на нѣкоторыя детали орнаментаціи; совпаденія и аналогіи въ подобныхъ деталяхъ съ другими предметами византійской промышленности могутъ окончательно рѣшить вопросъ о происхожденіи той или иной фибулы.

Ни письменныя извѣстія, ни изображенія не даютъ намъ возможности разобраться въ конструкціи фибулы, однако начать разборъ фибулъ разсматриваемаго типа приходится именно съ ихъ конструкціи и первую, основную и наиболѣе грубую классификацію сдѣлать именно по этому признаку. Таблица VIII неоднократно упоминавшагося сочиненія Almgren'а достаточно ясно объясняетъ и показываетъ пружинную конструкцію фибулы этого типа съ пріемникомъ, открывающимся сбоку.[235]

Такую конструкцію имѣетъ большая часть фибулъ этого типа. Разновидности же ея можно различать по матеріалу, способу ея обработки, отдѣльнымъ деталямъ конструкціи и, наконецъ, орнаментаціи. По матеріалу фибулы бываютъ золотыя, серебряныя и бронзовыя. По способу обработки — массивныя сплошныя, выкованныя изъ металлическаго стержня (напр. золотого — фибула Будапештскаго Національнаго Музея № 5/1886 — табл. XV, 8), или литыя — бронзовыя, и дутыя для достиженія легкости при значительной величинѣ фибулы.

Въ качествѣ деталей конструкціи можно отмѣтить устройство *поперечины* и приспособленій для удержанія иглы въ пріемникѣ. Поперечина бываетъ дутая, если въ ней помѣщается пружина. При простомъ (глухомъ) шарнирѣ (въ отличіе отъ шарнирно-винтовой конструкціи, о которой рѣчь будетъ итти ниже, поперечина могла представлять и сплошной стержень, съ болѣе узкой средней частью. На поперечинѣ мы иногда замѣчаемъ ступенчатое утолщеніе, имѣющее) повидимому, цѣлью укрѣпить мѣсто сцѣпленія дужки съ поперечиной.[236] I другихъ фибулъ это утолщеніе теряетъ свое конструктивное значеніе, становится украшеніемъ и пріобрѣтаетъ либо растительную форму, въ видѣ побѣга (рис. 23), либо схематическую — ряда колечекъ.[237] Наконецъ у третьихъ ступенчатое

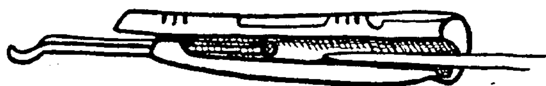
235) См. въ особенности № 190 и № 187; совершенно аналогичная — найдена въ Херсонесѣ; Отч. Арх. Ком. 1905 г., стр. 54.

236) Напр. фибулы Эсквилинскаго клада въ Британскомъ Музеѣ, №№ 227, 228. O. M. Dalton, Catalogue. p. 36. Также фибулы Вѣнскаго Худ. Ист. Музея №№ VII B 303 и VII B 305. См. ниже и табл. XV, 2, 4.

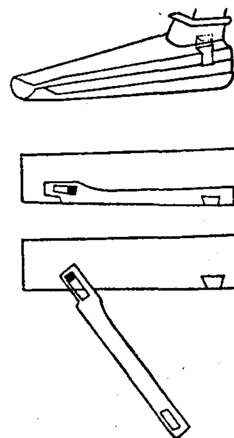
237) Фибулы Вѣнскаго Музея №№ VII B 310, VII B 301 и 302, VII B 299. Фибула Музея St Germain en Laye № 17631. О нихъ ниже и табл. XV, 10, 11, 12. Также Riegl, o. c., Abb. 55.

утолщеніе занимаетъ всю ширину поперечины и принимаетъ форму ряда цилиндриковъ, положенныхъ ступенчато въ видѣ лѣстницы.[238] Самый характеръ этой детали позволяетъ предположить эволюцію отъ конструктивнаго значенія къ орнаментальному и далѣе схематизаціи, хотя конечно послѣдовательность двухъ вторыхъ фазъ труднѣе безоговорочно установить, чѣмъ ихъ соотношеніе съ первой; онѣ могли и совпадать по времени.

Приспособленія для удержанія иглы въ пріемникѣ извѣстны двоякаго устройства: въ видѣ вилки, выдвигающейся изъ конца пріемника — ножки, въ закрытомъ видѣ наглухо задвинутой и держащей иглу (рис. 20),[239] и въ видѣ спеціальной пластинки, двигающейся на штифтикѣ и снабженной зубомъ, захватывающимъ верхній край ножки (рис. 21).[240] Чтобы вложить иглу въ пріемникъ слѣдуетъ сначала откинуть въ сторону пластинку, а затѣмъ, когда игла вложена, закрыть ею щель, защелкнувъ зубъ.

Рис. 20.

Эти приспособленія указываютъ тенденцію мастеровъ выработать закрытый пріемникъ, изъ котораго не могла бы выпадать игла, во первыхъ, и симметрія котораго, въ особенности если его покрывали орнаментомъ или украшеніями, не была бы нарушена, находящейся на одной сторонѣ, щелью. Мы знаемъ наряду съ пружинной конструкціей также и шарниръ, при помощи котораго иногда прикрѣплялась игла, какъ и у щитовидныхъ фибулъ. Примѣнивъ однажды шарнирную конструкцію къ фибуламъ римско-провинціальнаго крестовиднаго типа, мастера, совершенствуясь, выработали т. наз. шарнирно-винтовую фибулу. Ножка или пріемникъ такой фибулы представляетъ собой закрытое со всѣхъ сторонъ тѣло и имѣетъ только дырку для продѣванія иглы. Поперечная перекладина (дутая) не имѣетъ внутри пружины, а лишь продолговатое отверстіе для помѣщенія туда ушка иглы. Игла держится особаго рода шарниромъ, въ ея ушко вставляется штифтъ прикрѣпленный къ одной изъ боковыхъ головокъ поперечной перекладины. Боковая головка съ штифтомъ снабжена, еще винтомъ, и, чтобы открыть фибулу, нужно вывинтить головку и вытянуть изъ пріемника иглу. Наиболѣе ясно устройство подобной фибулы видно на гравюрѣ изображающей извѣстную фибулу Хильдерика въ разобранномъ и собранномъ видѣ. Любопытно, что авторъ перваго изслѣдованія о гробницѣ Хильдерика I. I. Chiflet не понялъ назначенія предмета и назвалъ

Рис. 21.

[238]) Фибула Британскаго Музея № 256 и большая часть дутыхъ бронзовыхъ фибулъ этого типа, см. ниже и табл. XVI, 8—11.

[239]) См. Mittheilungen der K. K. Central-Kommission, XVI. 1871, S. CLXXX, фибула найд. въ Hörnstein въ Сѣв. Австріи. Подобнаго устройства серебряная фибула имѣется въ Бѣлградскомъ Народн. Музеѣ; точнаго происхожденія ея къ сожалѣнію установить не удалось, возможно, однако, что она была найдена въ районѣ римской крѣпости.

[240]) Фибулы Нац. Муз. въ Будапештѣ №№ С. R. 713. и 721. См. табл. XV, 13; XVI, 3.

его „graphiarium regis aureum" и даже изобразилъ какъ его держали въ рукѣ, когда писали (рис. 22).[241] Это недоразумѣніе довольно быстро разсѣялось и въ XVIII вѣкѣ

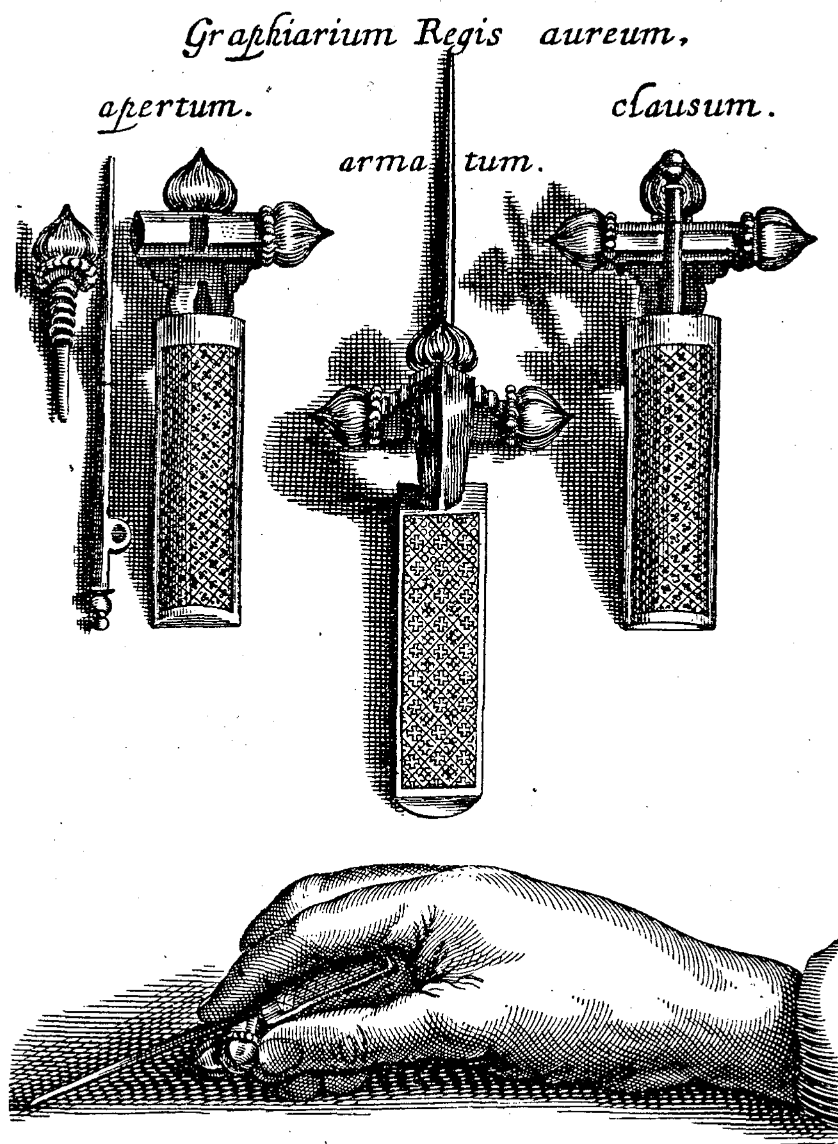

Рис. 22. Конструкція шарнирновинтовой фибулы; фибула Хильдерика по гравюрѣ изъ сочиненія I. I. Chiflet.

уже знали, что это фибула (boucle), служившая для закалыванія одежды, а не писанія.[242] Сказанное выше показываетъ, что появленію шарнирно-винтовой

[241]) I. I. Chifletii: Anastasis Childerici I. francorum regis, sive Thesaurus sepulchralis. Antverpiae 1655, p. 182.

[242]) Montfaucon. Antiquité expliquée et reprisentée en figures. Paris 1719, t. III, p. p. 46—49.

конструкціи предшествовала переработка пружинной или шарнирной простой, что и опредѣляетъ ихъ послѣдовательность.[243]

Шарниръ былъ извѣстенъ грекамъ еще въ классическую эпоху[244]; извѣстны также римскія фибулы болѣе раннихъ типовъ съ шарнирной конструкціей, иногда нѣсколько напоминающей разсматриваемую.[245] Что касается винта, то можно указать, что аналогичнымъ способомъ прикрѣпляется ушко полаго золотого креста — вѣроятно реликварія, найденнаго въ 1863 г. въ гробницѣ въ церкви Св. Лаврентія въ Римѣ. Крестъ этотъ снабженъ латинской надписью и монограммой; онъ м. б. и принадлежалъ знатному германцу конца V начала VI в. в.,[246] что вовсе не исключаетъ его несомнѣнной принадлежности къ византійской художественной промышленности. Повидимому подобное устройство было распространеннымъ въ издѣліяхъ тонкой работы гл. обр. изъ благородныхъ металловъ, откуда перешло и на болѣе грубыя подражанія. Какъ варіантъ конструкціи фибулы съ винтомъ можно отмѣтить золотую фибулу, найд. въ Писторіи и находящуюся въ Этнографическомъ Музеѣ въ Берлинѣ, у которой винтовая нарѣзка находится на самой иглѣ.[247]

Хронологическія рамки перечисленныхъ видовъ фибулъ даются отчасти иконографическимъ матеріаломъ, отчасти монетами или предметами, сопровождавшими отдѣльныя находки фибулъ, главнымъ же образомъ сопоставленіемъ этихъ данныхъ. Выше уже говорилось, что для простѣйшей разновидности типа, т. ск. прототипа, есть основанія принять въ качествѣ даты III вѣкъ. Для наиболѣе близкой къ протопипу разновидности съ утолщеніемъ поперечины конструктивнаго характера и открытымъ пріемникомъ естественнѣе всего принять время непосредственно за симъ слѣдующее, конецъ III вѣка или начало IV вѣка. Появленіе шарнирно-винтовой конструкціи не приходится относить древнѣе, чѣмъ къ концу IV в. или даже началу V в. Наконецъ иконографическій матеріалъ заставляетъ продолжить бытованіе этихъ фибулъ и на VI, а м. б. и начало VII вѣка. Ниже мы приведемъ перечисленіе разновидностей типа,[248] которыя намъ удалось установить, съ указаніемъ ихъ характерныхъ особенностей и данныхъ для да-

---

[243]) Нѣкоторыя фибулы этого типа сопровождались монетами, напр. фибула, найд. въ Poitou (364—408) Longpérier, o. c.; списки фибулъ, подобной конструкціи приводятъ: F. M. Feldhaus: O šroubových fibulích. Zprávy Waldesova Musea knoflíků, r. III, s. 3—4, str. 62—3. H. Mötefindt; Zur Geschichte der Schraube. Studien zur vorgeschichtl. Arch. A. Götze u. s. w. gewidmet, S. S. 199—202; оба списка не совпадаютъ, послѣднему автору остались неизвѣстными работы предыдущихъ.

[244]) См. статью А. П. Калитинскаго въ Recueil-Kondakov, стр. 58—59.

[245]) Riegl, o. c. S. 151, Abb. 58 — серебряная фибула изъ Костолца (Viminacium) на Дунаѣ; золотая фибула, найд. въ 1859 г. въ Oláh-Pian (Kr. Hermannstadt, Bez. Mühlbach) Archiv f. Kunde Ost. Gesch.-Quell., B. 29, 1863, S. 321, Abb. 60—61.

[246]) H. Mötefindt, Abb. 10, S. 205, № 13, тамъ же литература и M. Rosenberg. Niello (Gesch. d. Goldschm. K. auf techn. Grundl.) Fr. a. M. 1924, S. 52.

[247]) Feldhaus, o. c., str. 63, obr. 68, относитъ ее къ серединѣ IV вѣка.

[248]) Списки, которыми снабжено это перечисленіе, не могутъ претендовать на полноту и служатъ лишь для иллюстраціи и характеристики соотвѣтствующей разновидности. Цѣль его выяснить типы, могшіе быть въ ходу въ Византіи, а также и ихъ хронологическую послѣдовательность. Равно далеко не весь приводимый или упоминаемый матеріалъ можно безоговорочно относить къ Византіи, даже въ самомъ широкомъ смыслѣ.

тировки и той или иной идентификаціи. Въ основу дальнѣйшаго дѣленія мы кладемъ признаки формы и орнаментики.

I. Фибулы, характерными признаками которыхъ являются слѣдующія черты: поперечная перекладина, обычно граненая, не имѣетъ украшеній; утолщеніе около ея соединенія съ дужкой имѣетъ конструктивное значеніе; головки на концахъ перекладины по діаметру приблизительно ей равны и имѣютъ шаровидную или близкую къ ней форму; отдѣляются головки отъ перекладины особымъ выпуклымъ ободкомъ или двумя ободками; орнаментація — грубоватой техники: ободки, ребро дужки и ножка украшаются насѣчкой, иногда выполненною чернью, или т. н. псевдо-филигранью. Фибулы этой группы соотвѣтствуютъ изображенной на упоминавшейся уже статуѣ Каирскаго музея, изображающей Максиміана (304—310). Это является даннымъ (зависящимъ впрочемъ отъ правильности идентификаціи бюста) для датировки этой группы, подтверждающейся фактомъ нахожденія монетъ того же времени съ бронзовыми издѣліями того же типа. Указаніе на бытованіе въ предѣлахъ имперіи можно видѣть въ томъ, что одна изъ фибулъ носитъ на себѣ надпись „Costanti vivas". Вмѣстѣ съ этой фибулой было найдено кольцо съ надписью „Desiderie vivas".[249] На основаніи этихъ данныхъ и вышесказаннаго для этой группы вѣроятнѣе всего принять въ качествѣ даты начало IV вѣка м. б. даже конецъ III. в. Никакихъ указаній на точное мѣсто изготовленія матеріалъ не даетъ.

Къ этой группѣ принадлежатъ:

1) Золотая фибула съ надписью „Costanti vivas" (№ VII B 303 Вѣнскаго музея), изданная Kubitschek'-омъ[250]; ребро ея дужки украшено насѣчкой въ видѣ маленькихъ треугольниковъ, линія которыхъ продолжается и на ножкѣ, на которой замѣтны еще насѣченныя горизонтальныя линіи. Мѣсто находки неизвѣстно, вѣроятнѣе всего — Венгрія (табл. XV, 4).

2) Золотая фибула неизвѣстнаго происхожденія (№ VII B 305 того же музея). Головки ея не имѣютъ округлой формы. Ободки, ребро дужки и линія, вертикально раздѣляющая ножку, орнаментированы насѣчкой грубо подражающей филиграни (табл. XV, 2).

3) Двѣ серебряныхъ фибулы Эсквилинскаго клада въ Британскомъ Музеѣ (№№ 227, 228, см. выше прим. 236). Обычно считается, что кладъ былъ закопанъ передъ какимъ либо варварскимъ нашествіемъ (Алариха въ 410 г.?).[251]

4) Крупная серебряная фибула № 103/1864 Венгерскаго Національнаго Музея. На боковыхъ ребрахъ дужки орнаментъ чернью въ видѣ зубцовъ и схематическихъ побѣговъ. О мѣстѣ и обстоятельствахъ находки ничего опредѣленнаго выяснить не удалось (т. XV, 3). На другой фибулѣ (№ C. R. 731) того же типа и въ томъ же Музеѣ имѣется падпись VTERE на лѣвой сторонѣ дужки, что слѣдуетъ дополнить FELIX, почему то пропущенное мастеромъ.[252]

5) Нѣкоторый варіантъ устройства поперечины — гладкой, но особымъ способомъ фасетированной — даютъ 2 серебряныхъ фибулы Венг. Нац. Музея (№№ C. R. 723, 724). Ихъ обработка и орнаментація вполнѣ выдержана въ характерѣ данной группы и лишь отсутствіе утолщенія поперечины связываетъ съ „прототипомъ". Шейка (соединеніе дужки съ ножкой) обмотана проволокой (о значеніи этой черты ниже; табл. XV, 1).

Какъ примѣры бронзовыхъ издѣлій, соотвѣтствующихъ болѣе богатымъ образцамъ этого типа, можно указать фибулы: найденную въ Butzbach (Provinz Starkenberg) и находящуюся

---

[249]) Kubitschek, Ein anderer Gesamtfund in Kunsthistorischen Hofmuseum (Gabfunde in Untersiebenbrunn, III). Jahrb. f. Alt. K., V, 1911. S. 68, датируетъ всю находку концомъ IV в. (для фибулы это слишкомъ поздняя дата, т. к. въ то время онѣ носятъ иной характеръ) и указываетъ, что ему неизвѣстно совпаденіе этихъ двухъ именъ до Константинова дома. Нельзя быть увѣреннымъ въ принадлежности этой фибулы опредѣленному лицу, т. к. для этого данныхъ въ надписи нѣтъ (ср. съ № 10). Если бы пришлось выбирать между Констанціемъ Хлоромъ и имп. Констанціемъ II, то нашъ выборъ склонился бы въ пользу перваго. Что же касается территоріальной принадлежности римской имперіи, то тутъ врядъ ли можетъ быть мѣсто сомнѣніямъ.

[250]) Kubitschek, o. c., Taf. IV, 4.

[251]) O. M. Dalton, Catalogue, p. 61.

[252]) Соотвѣтствуетъ нашему: „Носи на счастье".

въ музеѣ Дармштадта, — бронзовую позолоченную[253] и бронзовую, найд. въ 1926 году въ Intercisa (Dunapentele) въ гробницѣ съ монетами Констанція Хлора и Лицинія — отца.[254]

II. Слѣдующая группа примыкаетъ къ предыдущей,[255] но носитъ на себѣ зачатки чертъ, характерныхъ для послѣдующихъ. Утолщеніе поперечины принимаетъ болѣе развитой характеръ, хотя не утрачиваетъ еще вполнѣ конструктивнаго значенія. Вокругъ шейки, т. е. въ мѣстѣ сцѣпленія дужки съ ножкой появляется каемка псевдо-филиграни, замѣняющая м. б. обмотку проволокой, которую мы видѣли на нѣкоторыхъ фибулахъ предыдущей группы (№ 4). Форма головокъ нѣсколько мѣняется, иногда принимая заостренную форму, какъ бы предвѣщая дальнѣйшую эволюцію къ „луковичной“.

Къ этой группѣ относятся:

6) Двѣ золотыхъ фибулы, найд. въ Петрянцѣ ок. Вараздина въ Хорватіи (№№ VII B 300 и 312 Вѣнскаго Музея). Онѣ принадлежатъ къ довольно большому кладу, содержавшему браслеты и подвѣски, въ видѣ оправленныхъ золотыхъ монетъ, а также и просто монетъ римскихъ императоровъ, вплоть до послѣднихъ десятилѣтій III вѣка (табл. XV, 5).[256]

7) Серебряная фибула (№ VII a 92), изданная въ рисункѣ Arneth'-омъ.[257] По сторонамъ дужки имѣетъ надписи: „Vivas“ и „Utere Felix“. На ножкѣ замѣтенъ орнаментъ изъ расходящихся пучками, отъ середины къ краямъ, насѣченныхъ линій. Средняя головка снабжена еще шишечкой; головки пріобрѣтаютъ граненую форму — оставаясь все же круглыми (табл. XV, 7).

8) Золотая фибула съ орнаментомъ чернью на средней грани дужки и ножки (№ 5/1886, 1) Венг. Нац. Муз. приближается по характеру утолщенія поперечины, ставшимъ уже украшеніемъ, къ слѣдующей группѣ (табл. XV, 8).

9) Двѣ серебряныхъ фибулы (разной величины и происхожденія — №№ 22/1906 и 31/1913, 367) В. Н. Муз. Первая имѣетъ на шейкѣ обмотку, а на правой сторонѣ дужки надпись Utere Felix. У другой — граненыя головки (табл. XV, 9).

Дли какой либо локализаціи предметовъ этой группы также основаній не имѣется.

III. А. Эта группа характеризуется болѣе развитой орнаментаціей, чѣмъ у вещей предыдущихъ. Головки теряютъ шарообразную форму, онѣ обычно граненыя и понемногу пріобрѣтаютъ форму, которую лучше всего назвать „луковичной“.[258] Ступенчатое утолщеніе перекладины получаетъ здѣсь характерную растительную форму (иногда схематизованную) въ видѣ побѣга; этимъ оно пріобрѣтаетъ орнаментальный характеръ. Дужка становится болѣе высокой, ребро ея украшается обычно цѣпью завитковъ, волнистой линіей и т. п. Окаймленіе шейки получаетъ характерную орнаментальную форму пластинки въ видѣ остроконечнаго листика, въ свою очередь еще расчлененнаго и орнаментированнаго. Наконецъ и ножка тоже украшается развалистыми завитками очень характерной формы съ загнутыми вовнутрь нѣсколько утолщенными концами. Для датировки этой группы могутъ имѣть значеніе: надписи на двухъ фибулахъ, говорящія (правда съ извѣстными оговорками въ одномъ случаѣ) о ихъ принадлежности къ царствованіямъ Константина Великаго и Юліана Отступника,[259] монеты, найденныя съ двумя другими изъ фибулъ этой группы (до 361 г.)[260] и наконецъ разительныя аналогіи въ орнамен-

---

[253]) Lindenschmidt. Römisch-Germanisches Central-Muzeum, Mainz. 1889. Taf. XVII, 22.

[254]) Paulovics, o. c., Abb. 29, S. 114.

[255]) Хронологически обѣ группы должны тѣсно примыкать другъ къ другу, если не совпадать. Конечно отдѣльныя детали не всегда точно слѣдуютъ схемѣ и имѣются какъ бы переходныя экземпляры, напр. типа I гр. съ чертами второй (напр. золотая фибула № 23/1906, 1 въ В. Н. Муз. т. XV, 6) или наоборотъ. Тѣмъ не менѣе общей картины это не мѣняетъ и укладывается въ предѣлахъ половины вѣка. См. также Paulovicz, o. c., Taf. IV, S. 121.

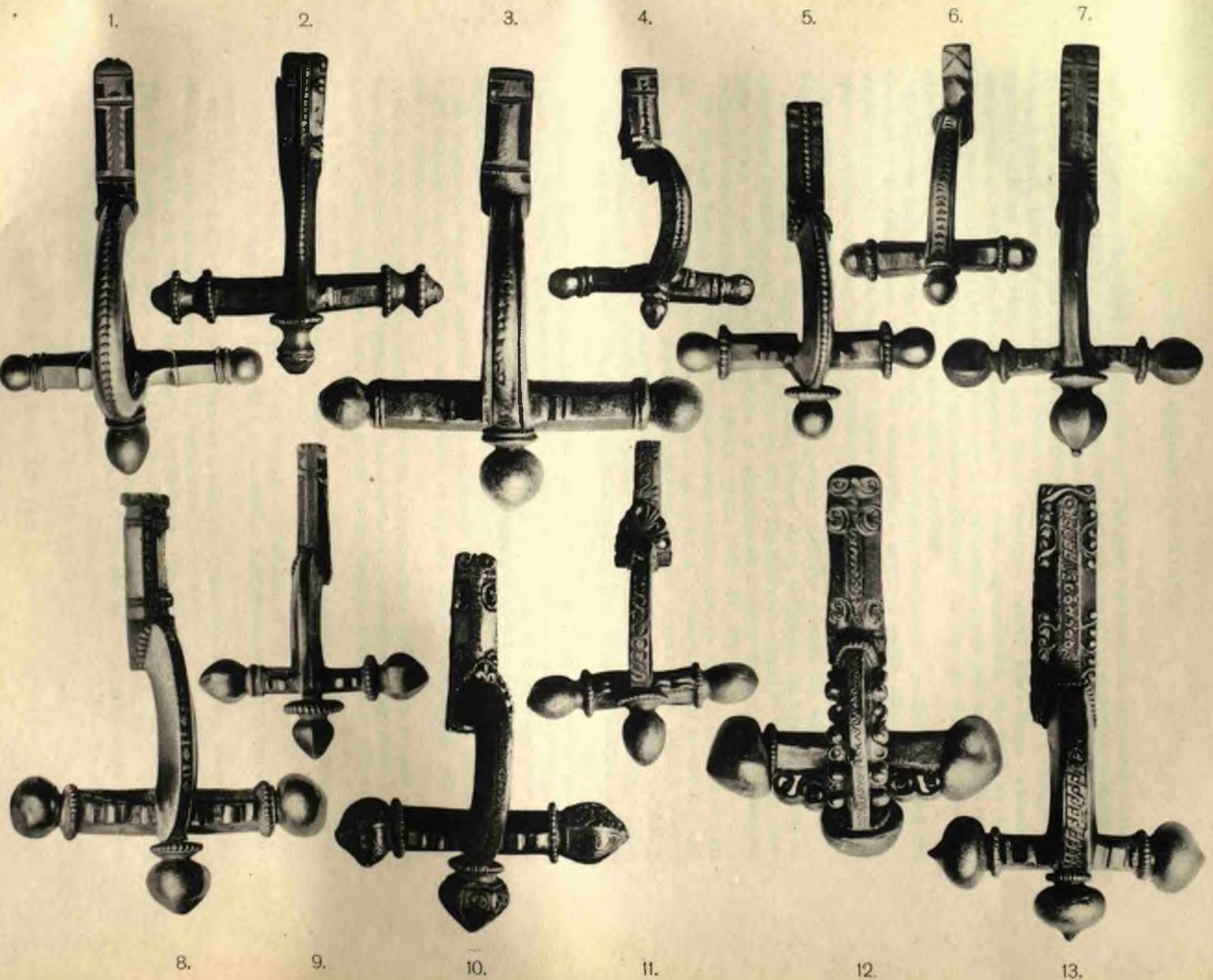
[256]) О составѣ клада см.: Übersicht der Kunsthistorischen Sammlungen, Wien 1925, S. 188. Также J. Hampel: Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós. S. S. 160, 162—3 (Fig. 104—111).

[257]) Arneth, o. c. Taf. 28 (S. VI), № 40, S. 76.

[258]) По аналогіи съ названіемъ главокъ русскихъ церквей, которыя очень близки къ этой же формѣ.

[259]) Cabrol, Dictionnaire, V, 2, c. 1489. Riegl, o. c., S. S. 149—150.

[260]) Hahn, Der Fund von Lengerich, S. 8. Kenner, Fundchronik. Archiv f. Oest. Gesch., B. 38, S. S. 335—336.

XV.

тикѣ съ извѣстнымъ блюдомъ Өеодосія (388 г.).[261] На немъ мы находимъ (по скатамъ крыши фронтона) тотъ развалистый завитокъ, который мы встрѣчаемъ на всѣхъ фибулахъ этой группы, и ту же форму упрощенной пальметки (въ ключѣ тимпана), или, вѣрнѣе, цвѣтка *полевой лиліи* — т. н. крина, что можно видѣть и на фибулахъ разсматриваемой группы. Основываясь на этихъ данныхъ, можно датировать всю группу серединой и 2-ой половиной IV в. (точнѣе отъ царствов. К. В. до конца вѣка). Такъ какъ блюдо Өеодосія скорѣе всего было сдѣлано въ придворной мастерской въ Константинополѣ,[262] то можно предполагать, что тамъ же могли выдѣлываться и подобныя фибулы. Съ этой группой связывается также одна изъ фибулъ, имѣющихъ пластинку — приспособленіе для закрыванія пріемника. Въ этой же группѣ впервые появляетяя шарнирно-винтовая конструкція. Сюда относятся:

10) Золотая фибула Музея въ Туринѣ. По утолщенію поперечины и окаймленію шейки она примыкаетъ къ предыдущей группѣ. По орнаментикѣ дужки и ножки цѣпочкой волютъ — аналогична послѣдующимъ фибуламъ. Головки ея имѣютъ луковичную форму. Интересъ памятника заключается въ надписяхъ по сторонамъ дуги: съ одной стороны читается Constantine)(Caes)(Vivas)(, съ другой — Herculi)(Caes)(Vincas. Принимается, что Константинъ надписи — Константинъ Великій.[263] Повидимому данная фибула наиболѣе древняя изъ всей группы.

11) Такъ наз. фибула Юліана (по надписи Iuliane vivas), найденная въ Vád bei Fogáras въ Семиградьи и издававшаяся неоднократно (№ VII B 310 Вѣнскаго музея).[264] Ея головки украшены чернью — растительными побѣгами съ характернымъ трилистникомъ. Фибула является наиболѣе полно развитымъ образцомъ данной группы (табл. XV, 10).

12) Золотая фибула неизвѣстнаго происхожденія, находящаяся въ музеѣ *St Germain en Laye* (№ 17631). Фибула представляетъ ближайшую аналогію въ деталяхъ формы къ предыдущей, но нѣсколько болѣе груба по характеру и сработана въ иной техникѣ (табл. XV, 11).

13) Двѣ золотыхъ фибулы, найденныхъ въ Старчовѣ ок. Панчова на Дунаѣ (Банатъ) (№№ B 301 и 302 Вѣнскаго музея).[265] На боковыхъ граняхъ дужки посажены довольно крупныя зерна, чередующіяся съ углубленіями. Съ фибулами были найдены монеты до имп. Констанція († 361) (табл. XV, 12).

14) Золотая фибула, найд. въ Lengerich, въ Ганноверѣ, съ монетами византійскихъ императоровъ до 361 года.[266] Украшенія поперечной перекладины имѣютъ нѣсколько болѣе схематизированную форму, чѣмъ у предыдущихъ. На задней сторонѣ поперечной перекладины имѣется надпись наколомъ, въ которой можно разобрать Romanus и еще MP, остальное неразборчиво.

15) Обломокъ большой золотой фибулы, найденной въ Degoj (Хорватія) въ 1857 г. (№ VII B 299 Вѣнскаго музея).[267] Фибула найдена была въ цѣломъ видѣ.[268] Конструкціи она шарнирной съ винтомъ (рис. 23).

16) Къ этой же группѣ примыкаетъ по формѣ и орнаментаціи фибула изъ красной мѣди въ Венг. Нац. Муз. (No C. R. 713). Пріемникъ ея закрывается особой пластинкой (см. выше и рис. 21). Окаймленіе шейки сохраняетъ типъ предыдущей группы. Фибула сохранила на себѣ слѣды позолоты (табл. XV, 13).

В. Бронзовыя издѣлія, находимыя съ монетами императоровъ Константина Великаго, Констанція

---

[261]) См. Delbrueck, Cons. Dipt., № 62. Recueil — Kondakov, pl. XX.

[262]) См. у R. Delbrueck, o. c., № 62 о возможности Константинопольскаго или Солунскаго происхожденія.

[263]) Cabrol, t. V, 2, fig. 4358, 3—5. Тамъ же с. 1489, см. литературу. Въ пользу предположенія, что въ надписи упомянутъ именно К. В., высказался Mommsen.

[264]) Hildebrand, Studier i jamförande formforskning, Fig. 127. O. Almgren, o. c., Taf. VIII, 191, S. S. 89, 242. *Arneth, o. c.*, Taf. 12 (G. S. XII), No 26, S. 23. Riegl, o. c., Abb. 55 (a., b.), S. S. 149—150. Относительно толкованія и использованія надписи см. выше, прим.

[265]) Kenner, Fundchronik, Archiv f. O. G., B. 38, S. 336, Abb. 63, c.; упомянуты три золотыхъ фибулы, одна поломанная. О составѣ находки см.: Uebersicht d. K. H. Samml., S. 188.

[266]) Hahn, Der Fund von Lengerich, S. S. 34-5, Taf. I, a, b.

[267]) Riegl, o. c., Abb. 56 S. 150.

[268]) Archiv f. K. O. G. Q., B. 29. S. 305-6, Abb. 58.

и далѣе вплоть до Граціана (до 375 г.) представляютъ черты развитія типа, соотвѣтствующія нашей III группѣ.[269] Мы находимъ тѣ же головки луковичной формы, ту же ступень развитія поперечины, однако въ схематичной обработкѣ превратившейся въ сплошной стержень, ступеньчато расчлененный. На ножкѣ видимъ характерный орнаментъ глазками, о которомъ уже приходилось говорить выше. Эти фибулы носятъ ремесленный и шаблонный характеръ; въ отличіе отъ перечисленныхъ выше, являющихся ювелирными издѣліями и предназначенными для высшихъ классовъ общества, носились онѣ вѣроятно средними слоями городского населенія. Для нашей задачи имѣетъ интересъ находка такой фибулы въ Херсонесѣ.[270]

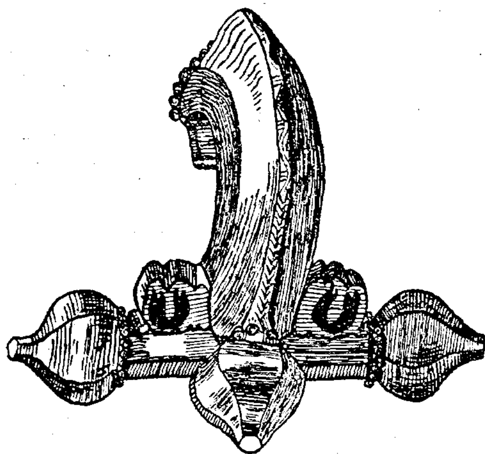

Рис. 23.

Другая бронзовая позолоченная фибула изъ Херсонеса еще ближе примыкаетъ къ III группѣ; въ то же время она уже носитъ черты слѣдующей, именно ея ножка украшена по краямъ цѣпью развалистыхъ завитковъ, описанныхъ выше, бѣгущей вдоль всей ея длины. Найдена она въ некрополѣ Карантинной бухты.[271]

IV. Фибулы этой группы представляютъ дальнѣйшее развитіе и схематизацію формъ предыдущей. Растительныя формы украшенія поперечной перекладины становятся рядомъ цилиндриковъ, расположенныхъ ступеньчато въ видѣ лѣстницы, которая иногда настолько схематизуется, что получаетъ видъ ступенчатой дужки. Эта лѣстничка занимаетъ по ширинѣ всю поперечную перекладину, что отличаетъ фибулы этой группы отъ первой. Фибулы этой группы по конструкціи дѣлятся на 2 подгруппы: съ пріемникомъ въ видѣ щели и шарнирно-винтовой конструкціи съ закрытымъ пріемникомъ. Орнаментація ножки упомянутыми развалистыми завитками (Peltenornament) обща обѣимъ подгруппамъ и, вѣроятно, говоритъ о приблизительной одновременности. Для датировки всей группы имѣютъ значеніе: находка съ одной изъ фибулъ монетъ 364—408 г.[272]; присутствіе упоминавшихся уже развалистыхъ завитковъ, бѣгущихъ вдоль всей длины ножки на фибулахъ, изображенныхъ на диптихѣ собора въ Монцѣ (см. выше).[273]

А. Фибулы этой подгруппы очень характерны по своему стилю и техникѣ выполненія. Онѣ — дутыя и при большой величинѣ (7—8 cm. длины) довольно легкія. По своей формѣ онѣ производятъ впечатлѣніе массивности, дужка и ножка у нихъ очень широкія, головки — крупныя. Отличительной чертой является и обиліе украшеній, кромѣ „пельтовъ“ мы находимъ геометрическіе орнаменты, растительные побѣги, иногда съ гроздьями винограда, изображенія человѣческихъ головъ и бюстовъ въ медальонахъ, наконецъ — христіанскія эмблемы. Эта орнаментика вполнѣ выдержана въ формахъ и стилѣ эллинистической художественной индустріи IV—V в. в. Большая часть подобныхъ фибулъ носитъ на себѣ слѣды позолоты. Характеръ ихъ говоритъ за то, что мы имѣемъ дѣло со св. р. „эрзацомъ“, вещами, долженствующими производить впечатлѣніе своей пышной внѣшностью и доступными по дешевизнѣ матеріала. Для нашей за-

---

[269]) Фибула, найд. въ Херсонесѣ съ монетой Константина Великаго, Отч. Имп. Арх. Комм. за 1892 г., стр. 108, рис. 65. Фибулы, найд. въ Intercisa, S. Paulovicz, o. c., Abb. 48, 5. 121; Abb. 51, S. 121—122 (монета Констанція); Abb. 56, S. 122 (монеты Іовіана, Валентиніана, Валента, Граціана). Того же типа фибула (№ она не имѣетъ) есть въ Бѣлградскомъ Музеѣ. Она была найдена, вмѣстѣ съ монетой Константина II, въ саркофагѣ на территотіи римской крѣпости.

[270]) См. предыдущее примѣчаніе и статью А. П. Калитинскаго въ Mélanges — Uspensky.

[271]) Отч. Имп. Арх. Комм. за 1904 г., стр. 44. рис. 76. Изв. Имп. Арх. Комм., б. 9, стр. 26. Также статью А. П. Калитинскаго въ Mélanges — Uspensky.

[272]) Въ Poitou, см. Longpérier, o. c., p. 106—107.

[273]) Къ мнѣнію Longpérier присоединялся также O. M. Dalton, Catalogue, p. 41. R. Delbrueck, Cons. Dipt. No 63, датируетъ диптихъ ок. 395 г.

дачи эта группа представляетъ особый интересъ, въ виду ея специфически городского характера и т. к. распространеніе ея захватываетъ и собственно византійскую территорію. Кромѣ Италіи и Венгріи, откуда извѣстно довольно много такихъ фибулъ, были онѣ находимы и на Балканскомъ полуостровѣ. Въ музеяхъ Салоникъ и Софіи мнѣ удалось видѣть фибулы именно этого типа, происходящія изъ раскопокъ мѣстныхъ некрополей. Три изъ изображенныхъ на табл. XVI, 9—11 фибулъ находятся въ Венг. Нац. Муз.,[274] это типичные образцы группы. Одна изъ нихъ (№ 100/1912, 173) не имѣетъ обычныхъ „пельтовъ". Наконецъ четвертая (В. Н. М. No C. R. 721; *табл.* XVI, 3), примыкая по типу къ III группѣ, по своему орнаменту вполнѣ входитъ въ данную. Выполненъ этотъ орнаментъ гравировкой по серебрянымъ накладнымъ пластинкамъ (фибула бронзовая). Эта фибула была снабжена приспособленіемъ для закрыванія пріемника (см. выше рис. 21). Къ той же группѣ относятся:

17) Бронзовая золоченая фибула Британскаго музея (№ 256),[275] украшенная кромѣ упомянутаго орнамента на ножкѣ маленькими медальонами съ христіанскими монограммами и погрудными изображеніями; на концѣ ножки погрудное изображеніе Святого въ нимбѣ. Развалистые завитки очень похожи на завитки Өеодосіева блюда. Орнаментація медальонами со священными изображеніями хорошо извѣстна (въ болѣе монументальной формѣ) по серебрянымъ вещамъ, найденнымъ на Кипрѣ, въ Сиріи и Херсонесѣ. Все это позволяетъ отнести фибулу къ началу V вѣка (или самому концу IV вѣка) и считать ее византійскимъ издѣліемъ (т. XVI, 8).

Того же типа бронзовая позолоченная фибула, найденная въ окрестностяхъ Бонна (находится въ Боннскомъ музеѣ), издана Lindenschmidt'омъ.[276] Другая съ христіанской монограммой на концѣ ножки изъ Крайны — Salin'омъ.[277]

B. Фибулы съ тѣмъ же орнаментомъ на ножкѣ, но вырѣзаннымъ изъ полоски металла и поставленнымъ на боковыя плоскости ножки. По Longpérier эти фибулы наиболѣе точно воспроизводятъ орнаментацію фибулъ, изображенныхъ на Монцскомъ диптихѣ.[278] Въ отличіе отъ предыдущей подгруппы, онѣ по своей формѣ стройны и какъ бы сжаты. Въ особенности это замѣтно на дужкѣ — сплющенной съ боковъ и очень крутой и короткой. Всѣ фибулы данной подгруппы шарнирно-винтовой конструкціи. По монетамъ судя, онѣ относятся къ первой половинѣ V вѣка. Монцскій диптихъ (изображаетъ Стилихона) указываетъ, что такія фибулы носились въ то время въ Западной Имперіи. Весьма вѣроятно поэтому, что и выдѣлывались такія фибулы тоже въ Западной Имперіи (Римѣ, Равеннѣ, Миланѣ?),[279] что не исключаетъ возможности бытованія такихъ предметовъ и въ Восточной Имперіи.

Сюда относятся:

18. Золотая фибула изданная Longpérier,[280] принадлежавшая M. de Beaulieu.

19. Обломки подобной же фибулы, найденныя въ Poitou съ монетами 364—408 г. г.[281]

20. Бронзовая со слѣдами позолоты фибула въ Венг. Нац. Музеѣ (№ не имѣетъ, табл. XVI, 7). Аналогичныя фибулы извѣстны изъ алламанскаго некрополя въ Kaiseraugst (находится въ музеѣ Цюриха)[282] и изъ Brigetio (№ VI 2751 Вѣнск. Худ. Ист. Музея).[283]

V. Дальнѣйшая группа ни формально ни по конструкціи не отличается отъ послѣдней изъ разобранныхъ, по орнаментикѣ же разбивается опять на подгруппы. Стиль этой орнаментики имѣетъ уже явно византійскій характеръ и находитъ аналогіи въ издѣліяхъ художественной промышленности, какъ столичныхъ, такъ и „греко-восточныхъ" провинцій, или же въ памятни-

---

[274]) Двѣ изъ нихъ не имѣютъ №№.

[275]) O. M. Dalton, Catalogue, p. 40—41. Guide etc., f. 53, p. 85. Byz. art. 8 arch., p. 541.

[276]) Röm. Germ. Centr. Mus., Taf. XVII, 8.

[277]) Die Altgermanische Tierornamentik, Abb. 68, S. 32—33.

[278]) Longpérier, o. c., p. 104-5; о датѣ Монцскаго диптиха — ок. 395 г. см. R. Delbrueck, o. c., No 63.

[279]) О мѣстѣ изготовленія М. диптиха — Миланъ? — см. тамъ же. Однако стилистически авторъ относитъ диптихъ къ Константинопольскому искусству.

[280]) Въ Revue archéologique, 1866, p. p. 104—105.

[281]) Ibidem, p. p. 106-7.

[282]) H. Mötefindt. Zur Geschichte der schraube, Abb. 2, S. 201.

[283]) По любезному указанію Dr Fr. Eichler'a.

кахъ, въ принадлежности которыхъ византійскому искусству врядъ ли кому придетъ въ голову сомнѣваться.

А. Группа фибулы Хильдерика; характеризуется рѣзнымъ орнаментомъ на ножкѣ, состоящимъ изъ чередующихся крестиковъ и звѣздочекъ, расположенныхъ по косымъ линіямъ; на происхожденіе подобнаго орнамента указываетъ золотое кольцо Британскаго музея (№ 49) съ надписью „Accipe dulcis multis annis", найденное въ Египтѣ.[284] Относятся фибулы ко второй половинѣ V вѣка (Хильдерикъ умеръ въ 481 г.). Сюда принадлежатъ:

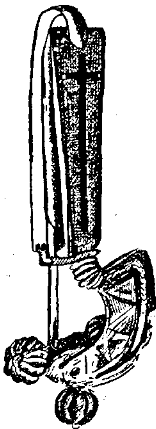

Рис. 24.

21. Фибула Хильдерика — золотая, исчезнувшая и извѣстная по гравюрѣ въ сочиненіи I. I. Chiflet (см. выше и рис. 22).

22. Подражаніе изъ золоченой бронзы — фибула Фердинандеума въ Инсбрукѣ; фибула не имѣетъ средней головки, а лишь двѣ боковыя.[285]

В. Группа фибулъ, ножка которыхъ украшена крестикомъ. На происхожденіе этой манеры украшенія указываетъ подвязная бронзовая фибула, найденная на мѣстѣ „Гробницы Пророковъ" въ Іерусалимѣ и находящаяся въ Британскомъ музеѣ (№ 257).[286] Фибула (табл. XVI, 2, рис. 24) представляетъ собой грубоватую подѣлку и не является предметомъ художественной промышленности, что служитъ указаніемъ на ея мѣстное производство и распространенное примѣненіе характерной орнаментаціи. Фибулу эту обычно относятъ къ концу V вѣка. Другимъ указаніемъ на время ношенія такихъ фибулъ является изображеніе фибулы съ крестикомъ на ножкѣ на мозаикѣ церкви Св. Св. Козьмы и Даміана въ Римѣ, исполненной при папѣ Феликсѣ IV (526—530).[287] Такимъ образомъ, наиболѣе подходящимъ временемъ для разбираемой группы фибулъ является конецъ V в. и первая половина VI в. Къ этой группѣ относятся:

23. Золотая фибула, найденная въ Apahida, въ Венгріи.[288] Ея ножка украшена крестикомъ на фонѣ тонкой работы сѣточки; задняя сторона ножки украшена растительнымъ орнаментомъ въ видѣ побѣговъ, исполненныхъ характерной техникой ажурной рѣзьбы, производящей впечатлѣніе долбленія вовнутрь. Орнаменты аналогичные по формѣ и характеру можно видѣть на каменныхъ рельефныхъ украшеніяхъ христіанскаго Востока.[289] Это заставляетъ предполагать, что фибула происходитъ изъ византійской мастерской, можетъ быть даже столичной, такъ какъ она является издѣліемъ высокой ювелирной техники. Датируютъ ее обычно второй половиной V вѣка. Наконецъ любопытно, что фибула сохранила деталь фибулъ „подвязной" конструкціи — обмотку тонкой проволоки на дужкѣ, которая въ настоящемъ случаѣ не имѣетъ никакого конструктивнаго назначенія.

24. Золотая фибула, найденная на Стадіумѣ Палатина въ Римѣ въ 1895 г.[290] Ножка ея украшена крестикомъ той же формы, что и на предыдущей на фонѣ орнамента въ видѣ побѣговъ, на которыхъ посажены симметрично расположенныя птицы, чередующіяся съ пятиконечными листиками. Декоративная скульптура христіанскаго Востока тоже даетъ примѣры подобной орнаментаціи.[291] Весьма вѣроятно поэтому, что фибула византійскаго или „греко-восточнаго" происхожденія. Для ея датировки имѣетъ значеніе указаніе на то, что въ Римѣ подобныя фибулы

---

[284]) O. M. Dalton. Catalogue of the Finger-Rings, 1912, n⁰ 3, p. 2. Guide, fig. 30, p. 54.

[285]) Riegl, o. c., S. 146, Abb. 53.

[286]) O. M. Dalton, Catalogue, p. 41; Guide, p. 185.

[287]) J. Wilpert, Röm. Moz. u. s. w., III, Taf. 106-7.

[288]) Hampel, Alt. d. fr. Mittelalt. in Ungarn, II, S. 41-2; III, Taf. 35. Riegl, o. c., Taf. 1—3; S. S. 144, 151. H. Mötefindt, o. c., Abb. I, S. 199.

[289]) Главнымъ образомъ Египта, см. напр., каменный фризъ IV—V в. Каирскаго музея (№ 7308), Dalton, Byz. art. arch., fig. 23; также № 7902 того же музея — ibidem, fig. 24; и Guide, fig. 7, 8. (№№ 944, 945 — Британ. музея).

[290]) Riegl, S. 145-6, Abb. 52. Mötefindt, S. 202.

[291]) См. рельефъ Каирскаго музея № 7638 — Dalton, f. 27; и такъ назыв. „pilastri Acritani" въ Венеціи, гдѣ встрѣчается та же форма пятиконечнаго листа; ibidem, fig. 449. Dalton считаетъ ихъ сирійской работой VI в.

были въ ходу въ срединѣ первой половины VI вѣка, которое можно почерпнуть изъ факта ея изображенія на мозаикѣ церкви Св. Св. Козьмы и Даміана, сдѣланной, какъ уже указывалось, при папѣ Феликсѣ IV (526—530 г. г.).

Въ заключеніе нашего списка слѣдуетъ упомянуть о двухъ фибулахъ — св. р. уникахъ, которыя не могутъ быть отнесены ни къ одной изъ перечисленныхъ группъ:

25. Небольшая фибула съ греческой надписью на ножкѣ, находящаяся въ Британскомъ музеѣ (№ 264).[292] Надпись, гласящая ΘY ΧΑΡΙC (= Θεοῦ χάρις), что значитъ Благодать Божія, встрѣчается на византійскихъ вещахъ, напр. Бейрутской цѣпи.[293] Надъ надписью помѣщенъ маленькій крестикъ. Изъ особенностей формы можно отмѣтить расширяющуюся кверху ножку, заканчивающуюся небольшой пирамидкой, и расширяющуюся посрединѣ дужку, принявшую изъ-за этого ромбоидальную форму; изъ особенностей орнаментаціи — крупныя зерна, окаймленныя еще бордюромъ филиграни, посаженныя на поперечную перекладину. Dalton датируетъ эту фибулу V вѣкомъ; формула надписи, форма крестика, да наконецъ и самый типъ фибулы на нашъ взглядъ говорятъ скорѣе въ пользу VI—VII в. в. (т. XVI, 1).

26. *Серебряная позолоченная фибула неизвѣстнаго происхожденія, находящаяся въ музеѣ* S[t] Germain en Laye (№ 35805). Конецъ ея ножки снабженъ круглой пластинкой, на которой мы видимъ хризму ☧[294]; ребро дужки украшено двумя фигурками звѣрей; по боковой грани дужки идетъ орнаментъ витой линіей, который мы видѣли на фибулахъ III группы; головки граненой формы. По времени фибула не позднѣе конца IV в., въ пользу чего также говоритъ и форма хризмы (т. XVI, 5).

Мы надолго задержались надъ разсмотрѣніемъ фибулъ римско-провинціальнаго типа. Причины тому не только обиліе матеріала, возможность его сопоставленія съ изображеніями и сравнительно прочныя данныя для датировки, но и наглядность хода развитія византійской индустріи личныхъ украшеній. Какъ мы видѣли этапы его — отъ обще-имперскаго (провинціальнаго, а не столично-римскаго), довольно туманнаго въ стилистическомъ отношеніи и невысокаго *по художественнымъ качествамъ*, ремесла — черезъ придворныя мастерскія — къ выработкѣ своеобразной, эллинизованной по стилю, индустріи, вполнѣ подходящей подъ терминъ „византійскій" и могущей претендовать въ лучшихъ своихъ представителяхъ на извѣстную художественность.

Результаты классификаціи даннаго типа даютъ возможность указать на нѣкоторое родство отдѣльныхъ его группъ съ вещами иныхъ типовъ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть группу золотыхъ фибулъ, двѣ, — изъ перваго клада (1790), найденнаго въ Островянахъ (Osztropataka) въ Словакіи[295] и одну — неизвѣстнаго происхожденія въ Вѣнскомъ Худ. Ист. Музеѣ (№ VII B 311, 314, 355).

Ихъ характерной чертой является обильное украшеніе филигранью, золотой ниткой и зернью. Типологически фибулы связываются съ нашими I-й и II-й группами, что позволяетъ считать, что онѣ имъ и современны. На то же приблизительно время указываетъ также и монета Эриніи Этрусциллы (249—251), найденная во второмъ кладѣ (1865) оттуда же, въ которомъ также была фибула съ аналогичной по характеру, но болѣе бѣдной, орнаментаціей, по типу же

---

[292]) Dalton, Catalogue, p. 43; Guide, p. 187; Byz. art & arch., 541.

[293]) Н. П. Кондаковъ, Русскіе клады, т. I, рис. 103. Дальнѣйшія указанія у Dalton'a, Catalogue, p. 43.

[294]) На изображеніи en face (открытое письмо музея № 346) хризма (☧) видна вполнѣ явственно.

[295]) Воспроизведенія см. Seminarium Kondakovianum, II, табл. XXXII, 3, 5, 6, Arneth, o. c., Taf. 9 (G. IX. S.) № 114, 115; S. 31. Hampel. Der Goldfund von N.-S.-M., S. 152—154. А. П. Калитинскій въ S. K. II, стр. 307.

менѣе развитая и потому м. б. болѣе древняя.[296] Характеръ украшенія этихъ фибулъ распространяется и на вещи иныхъ типовъ. Я имѣю въ виду, во первыхъ, третью фибулу изъ того же перваго клада изъ Островянъ. Это золотая ажурная фибула „колѣнчатаго“ типа, обильно украшенная рѣзьбой и филигранью (табл. XVI, 4). На одной изъ граней дужки читаемъ надпись Utere Felix. Датируютъ эту фибулу обычно IV вѣкомъ.[297] Аналогію по конструкціи она имѣетъ въ серебряной фибулѣ тоже колѣнчатаго типа съ прорѣзной дужкой, найденной въ Херсонесѣ.[298]

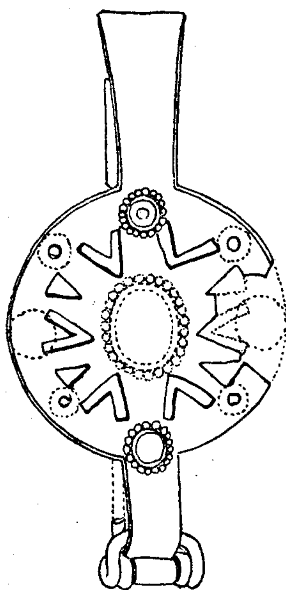

Рис. 25.

Во вторыхъ, слѣдуетъ упомянуть фибулы съ пластинкой надъ поперечиной или пружиной. Одна изъ нихъ (золотая, Вѣнск. Худ. Ист. Муз. № VII B. 304) имѣетъ полукруглую пластинку, по формѣ близкую къ колѣнчатой фибулѣ клада изъ Островянъ. Другія детали связываютъ ее съ двумя другими фибулами того же клада, а дужка, покрытая рядами нитей витой филиграни (скани) — съ нѣкоторыми двупластинчатыми фибулами извѣстнаго склада изъ Szilágy-Somlyó, о которыхъ рѣчь впереди. Ребро дужки и середина ножки украшены рядомъ зерни, что имѣетъ аналогію въ упоминавшейся уже фибулѣ изъ Александретты (см. выше, прим. 231). Пластинка украшена филигранными разводами съ зернами на концахъ и такимъ же „пельтомъ“. Ножка ея остроконечная. Фибула (т. XVI, 6) считается происходящей изъ одной находки съ упоминавшейся уже — съ надписью Costanti vivas (№ 1 нашего списка). Kubitschek[299] датируетъ находку концомъ IV вѣка, хотя аналогіи говорятъ скорѣе въ пользу начала того же вѣка. Другая фибула съ круглой пластинкой надъ пружиной не сохраняетъ въ столь ясномъ видѣ чертъ римско-пров. типа. Она происходитъ изъ Венгріи (Felegyha), находится въ Брит. Музеѣ и также украшена филигранью. По своей датѣ она м. б. и старше предыдущей.[300] Развитіе этого характера орнаментаціи приведетъ насъ къ извѣстной Эрмитажной фибулѣ (изъ Кіевской губерніи) двупластинчатаго типа, о которой упомянемъ ниже. Гдѣ работались подобныя издѣлія, сказать довольно трудно. Для какой либо ихъ локализаціи большихъ основаній нѣтъ. Однако интересна преемственная зависимость отъ нихъ стиля такихъ предметовъ, какъ напр. большая пряжка Перещепинскаго клада, о византійскомъ происхожденіи которыхъ можно строить предположенія.[301]

Выше уже приходилось упоминать подвязную бронзовую фибулу, найденную въ Іерусалимѣ (№ 257 Британскаго Музея). Она сохраняетъ всѣ черты под-

[296]) E. Henszelmann. Die Alterthümer von Osztropataka. M. H. d. k. k. Centr. Komm. XI. 1866, S. 39 f. f. Taf. II. S. Reinach. A herpalyi paisdudor, Archaeologiai Értesitő, XIV, 1894, S. 395—464. Hampel, o. c., S. 155.

[297]) Riegl, o. c. S. S. 143—4; воспроизведеніе — Taf. XVI, 4—6.

[298]) Отч. Имп. Арх. Комм. за 1892 г., рис. 75, стр. 123.

[299]) Kubitschek, o. c., S. S. 69—70; Taf. VI, 3 a—b.

[300]) См. Seminarium Kondakovianum, стр. 307 и рис. 7 на стр. 308.

[301]) См. статью Л. А. Мацулевича въ Seminarium Kondakovianum, I, стр. 127—140.

вязной конструкціи въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ по болѣе древнимъ ея типамъ, извѣстнымъ гл. обр. изъ Черноморскихъ греческихъ колоній.[302] Так. обр. приходится сдѣлать выводъ, что и подвязная конструкція была извѣстна въ Византіи. Византійскія подвязныя фибулы разбиваются на двѣ группы: 1) подражающія по формѣ римско-провинціальному крестообразному типу и 2) ему неподражающія.

Въ первую группу входитъ фибула съ крестикомъ на ножкѣ изъ Іерусалима, найд. около мѣста „Могилы пророковъ". По формѣ она соотвѣтствуетъ группамъ, датируемымъ V вѣкомъ (IV B, V B). Ножка ея представляетъ собою пластинку, покрывающую обычный подвязанный пріемникъ и украшенную крестикомъ на фонѣ зигзаго-образнаго орнамента. Какъ особенность можно указать какъ бы канелированную поверхность головокъ и треугольныя выемки на дужкѣ, м. б. предназначенныя для накладныхъ пластинокъ (табл. XVI, 2; рис. 24).[303]

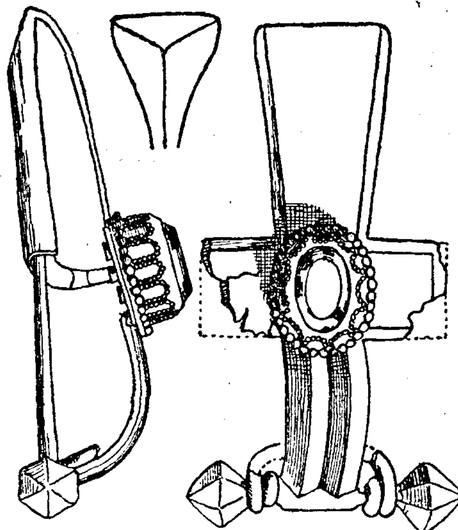

Рис. 26.

Того же типа — бронзовая фибула, съ серебряной пластинкой на ножкѣ, музея въ Сплитѣ. Пріемникъ ея не сохранился, но, принимая во вниманіе полную аналогію въ формѣ съ предыдущей фибулой, можно считать, что онъ былъ устроенъ такимъ же способомъ. На серебряной пластинкѣ помѣщена надпись EMMANVEL и небольшой крестикъ. Датируютъ эту фибулу обычно тоже V вѣкомъ.[304]

Ту же конструкцію (но по своей формѣ не подражая римско-провинціальному крестообразному типу) имѣютъ серебряныя фибулы, найденныя въ сел. Веселомъ, около Гагръ, Черноморской губерніи и изданныя Спицынымъ, который считаетъ ихъ издѣліями привозными.[305] Найдены онѣ были съ монетой имп. Гонорія, что позволяетъ относить ихъ къ V вѣку. Сохраняя подвязную конструкцію въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ предыдущія, эти фибулы комбинируютъ съ ней элементы щитовиднаго типа. Весьма возможно, что онѣ немного старше предыдущихъ. Всего этихъ фибулъ четыре и всѣ онѣ варьируютъ одну и ту же форму.

Простѣйшая изъ этихъ фибулъ представляетъ собой пластинку изъ толстаго серебрянаго листа крестообразной формы. Другая — имѣетъ посрединѣ пластинки круглый прорѣзной щитокъ съ дробничками и камнями, часть которыхъ обломана; дробнички окаймлены псевдо-филигранью (рис. 25). Третья имѣетъ видъ крестика съ темнолиловымъ камнемъ въ золотой дробницѣ, украшенной зернью и псевдо-

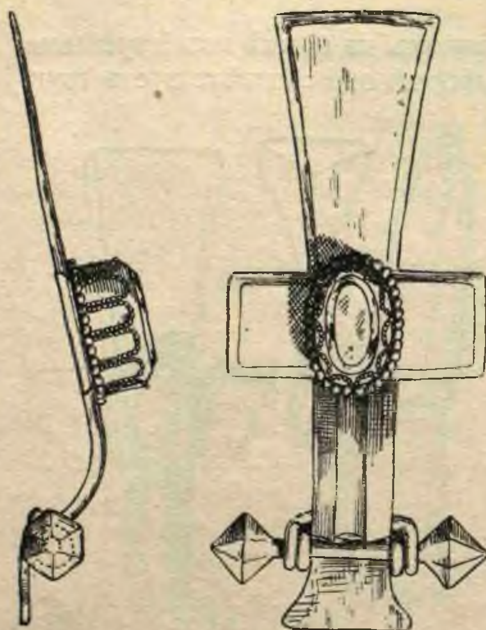
[302]) По всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ подвязной конструкціей, ея распространеніемъ и эволюціей, см. статью А. П. Калитинскаго въ Semin. Kondak. I, стр. 197—211.

[303]) O. M. Dalton, Catalogue, № 257, p. 43.

[304]) Riegl, o. c., S. 151, Abb. 57.

[305]) А. А. Спицынъ: Могильникъ V в. въ Черноморьѣ; Изв. Имп. Арх. Ком., в. 23, стр. 103—107., рис. 13, 15.

филигранью, на перекрестьи (рис. 26). Фибула имѣетъ поперечную перекладину, на которую намотана пружина, съ двумя гранеными головками.[306] Наконецъ послѣдняя, происходящая оттуда же, отличается отъ предыдущей тѣмъ, что ея пластинка не заканчивается у пружины, а проходитъ далѣе и нѣсколько расширяется, благодаря чему фибула пріобрѣтаетъ форму креста съ расширенными концами (рис. 27).[307] Сравнительно тонкая работа, украшеніе шлифованными камнями и примѣненіе зерни и филиграни, позволяютъ считать эти фибулы византійскими, тѣмъ болѣе, какъ мы видѣли, въ предѣлахъ имперіи фибулы этой конструкціи были въ ходу.

Рис. 27.

*

Остается группа фибулъ двупластинчатаго типа, который несомнѣнно существовалъ въ Византіи и который мы знаемъ и по изображеніямъ, однако, не вполнѣ яснымъ, обосновывать какія либо сужденія на которыхъ очень трудно. Поэтому ограничусь только ихъ бѣглымъ перечнемъ. Такъ, на упоминавшейся уже пластинкѣ слоновой кости Трирскаго собора, фибулы нѣкоторыхъ фигуръ, напр. придворныхъ свиты императора (рис. 28, b) или кучера на повозкѣ (рис. 28, c) несомнѣнно передаютъ двупластинчатый типъ,[308] а фибула самого императора нѣсколько напоминаетъ фибулу т. наз. „готскаго“ типа (рис. 28, a).[309] Возможно, что подобныя же фибулы изображены и на монетахъ Ираклія съ подвѣсками (табл. XIII, 1, 2), и Льва Мудраго, безъ подвѣсокъ (табл. XIII, 3).[310] На одной изъ дощечекъ ящичка собора въ Troyes, на изображенныхъ конныхъ императорскихъ фигурахъ мы довольно ясно видимъ типъ двупластинчатой фибулы, приближающійся къ т. наз. „готскому“, т. е. симметричный по одной оси. Фибула состоитъ изъ полукруглой передней пластинки и закругленной ножки (рис. 28).[311] Сопоставляя это съ монетой Льва VI (табл. XIII, 3)

---

306) Отч. Арх. Ком. за 1904 г., стр. 130.

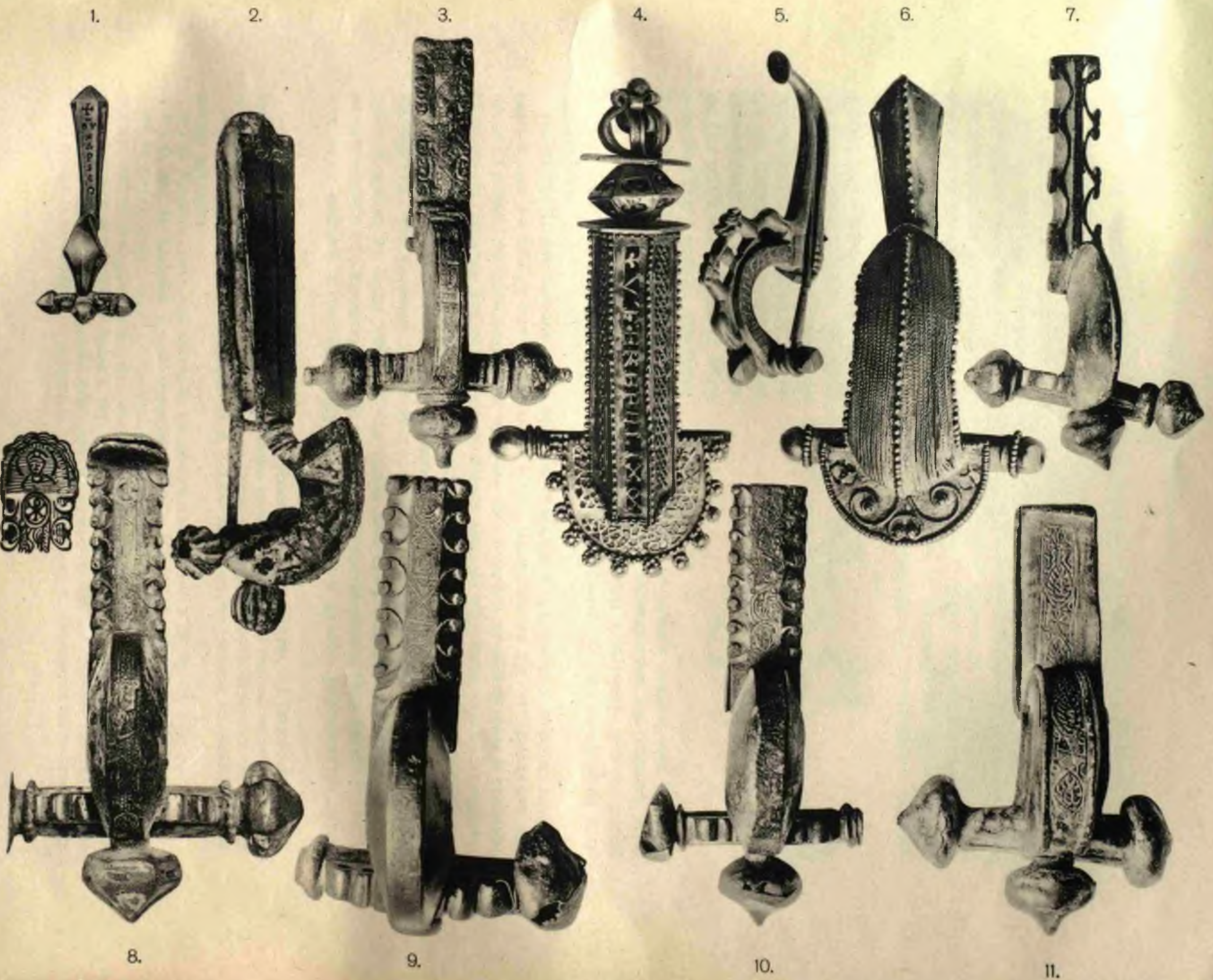
307) См. статью А. П. Калитинскаго, въ S. K. I, стр. 209—210 и табл. XVIII. Также его статью въ Mélanges-Uspensky.

308) Въ формѣ симметричной по 2-мъ осямъ, примѣръ хотя бы фибула изъ Charnaye, Cabrol, V, 2, fig. 4450. Фибулы такого типа извѣстны и изъ Италіи, см. N. Aberg. Die Goten und Langobarden in Italien. Объ устройствѣ и развитіи типа двупластинчатой фибулы см. статью А. П. Калитинскаго въ S. K. II, стр. 279—308.

309) B. Delbrueck, Cons. D., № 67. Датируется она началомъ VII вѣка, что, однако, м. б. оспариваемо. Объ этомъ въ слѣд. очеркѣ.

310) Wroth, I pl. XXIII, 13; II pl. LI, 8.

311) Dalton: East. Ch. art. pl. XXXVIII. Обычно относятъ этотъ памятникъ къ XI в., см. Ch. Diehl, Manuel II f. 659, хотя несомнѣнно онъ старше. H. Peirce et R. Tylor, o. c. относятъ его къ серединѣ X в. Отмѣтимъ, что тѣ же фибулы повторяются и на всей группѣ памятниковъ (створка диптиха въ Дрезденѣ, триптихъ въ Harbaville, триптихъ въ Берлинѣ) ibidem, pl. XVII, 2, 3, XVIII, 2, XIX, 2.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.

приходится предположить, что фибулы двупластинчатаго типа носились въ Византіи въ эпоху Македонской династіи.

Если мы будемъ искать вещественныхъ аналогій перечисленнымъ изображеніямъ, то придется, во первыхъ, значительно подняться по времени и, во вторыхъ выйти за предѣлы имперіи и даже ея временныхъ провинцій. По формѣ изображенному наиболѣе соотвѣтствуютъ: фибулы, происходящія одна изъ Кіевской губ. украшенная крупной зернью и филигранью,[312] другая изъ Нѣжина, усѣянная по своей поверхности гранатовыми инкрустаціями.[313] Далѣе укажемъ 2 фибулы изъ Карѳагена, опубликованныя М. И. Ростовцевымъ.[314] Несомнѣнно такую фибулу воспроизводитъ по формѣ бронзовая пластинка, украшенная шариками и красной пастой или коралломъ, происходящая изъ Каира и находящаяся въ Берлинскомъ Kaiser-Friedrich-Museum (№ 1172).[315] О томъ, что это не фибула,[316] а лишь подражаніе ей, свидѣтельствуютъ совершенно гладкая оборотная сторона (ни иглы, ни пріемника нѣтъ и не было) и 4 кольца, помѣщенныхъ по 3-мъ сторонамъ круглой пластинки и 1 на концѣ ножки; при помощи именно этихъ колецъ предметъ и прикрѣплялся, повидимому, къ одеждѣ, хоть роль его и непонятна. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно пластинка эта по своей формѣ воспроизводитъ фибулу какъ разъ той формы, что мы видѣли на изображеніяхъ.

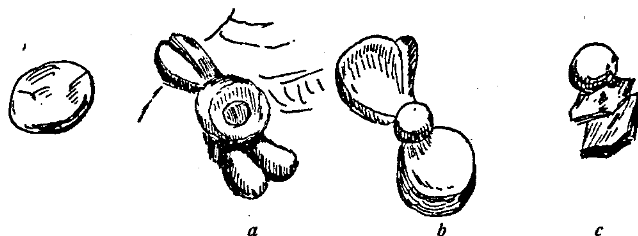

Рис. 28.

Наконецъ въ заключеніе этого перечисленія скажу, что фибулы хорошо извѣстнаго клада въ Szilágy-Somlyó до сихъ поръ, несмотря на то, что издавали ихъ неоднократно, по настоящему не изучены ни съ точки зрѣнія формы и орнаментики, ни со стороны ихъ техники исполненія. Весьма вѣроятно, что въ отношеніи многихъ изъ нихъ можно будетъ ставить вопросъ о ихъ, если не византійскомъ происхожденіи, то по крайней мѣрѣ зависимости отъ византійскихъ типовъ или мастерства. Что касается нѣкоторыхъ, однако, то характеръ ихъ говоритъ за себя. Я имѣю въ виду двѣ фибулы (одна изъ нихъ парная), по стилю сильно отличающіяся отъ прочихъ.[317] Обѣ фибулы двупластинчатаго типа. Одна (т. XIV, 3) изъ нихъ имѣетъ 3 головки, округленную ножку и дужку, украшенную витой

---

312) Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой. Русскія древности, в. III, рис. 182. Также Sem. Kond., II, табл. XXXII, 2, стр. 307. Въ пользу византійскаго происхожденія этой фибулы, кромѣ ея формы, говоритъ еще и ея стиль, имѣющій общее со стилемъ большой пряжки Перещепинскаго клада.

313) Русск. др. III, рис. 175; Sem. Kond. II, т. XXV, 36 и тамъ же указанія на новѣйшую литературу предмета.

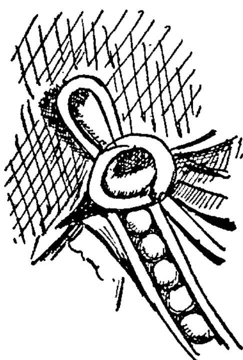
314) M. Rostovtzeff, Une trouvaille etc. Monuments Piot, t. 26, fig. 23.

315) O. Wulff. Altchristl. u. s. w. Bildwerke, № 1172, Taf. LVI, S. 238.

316) H. Leclerq въ словарѣ Cabrol'я, t. V, 2, col. 1492, fig. 4364, относитъ ее къ фибуламъ. Нужно сказать, что, если судить по воспроизведенію или фотографіи только лицевой стороны, то ни за что иное и не возможно принять эту пластинку. Гладкая, отполированная задная сторона и довольно значительная толщина пластинки показываютъ, что она фибулой никогда не была.

317) Riegl, o. c., Taf. IX, 2. 3. Возможно, что одна изъ нихъ не составляла части этого клада.

филигранью (деталь, которую уже приходилось упоминать, см. выше, стр. 94). На полукруглой пластинкѣ и на ножкѣ посажено по 3 камня и 2 жемчужины.

Рис. 29.

У другой (т. XIV, 4) — парной — 1 головка, ножка ромбической формы, пластинка и ножка окаймлены болѣе широкой филигранной плетенкой,[318] дужка орнаментирована аналогично съ фибулами изъ клада, найденнаго въ Островянахъ (см. выше, стр. 93), на пластинкѣ посажено 2 камня, на дужкѣ — 1 и на ножкѣ 1 шлифованный бóльшаго размѣра, кромѣ того на пластинкѣ помѣщенъ кружокъ съ зеленой эмалью и орнаментомъ въ видѣ 3-хъ развалистыхъ завитковъ, аналогіи чему имѣются на византійскихъ издѣліяхъ.[319] Rosenberg датируетъ послѣднюю фибулу V вѣкомъ и считаетъ „варварской" работой.[320] Не имѣя возможности подробно останавливаться на этомъ вопросѣ, скажу только, что стиль этихъ фибулъ на мой взглядъ стоитъ гораздо ближе къ византійскимъ украшеніямъ,[321] чѣмъ даже къ стилю остальныхъ фибулъ того же клада. Послѣднее, повидимому, позволяетъ предположить, что онѣ греческой работы.

*

Этимъ мы закончимъ[322] очеркъ судьбы фибулы въ Византіи и безъ того разросшійся. Въ качествѣ подведенія итоговъ позволимъ себѣ предложить вниманію читателя хронологическую таблицу (стр. 99) распредѣленія типовъ.

Бытованіе фибулы въ Византіи эпизодъ изъ общей исторіи этого украшенія — звено цѣпи, послѣдовательное построеніе которой можетъ помочь найти путь въ труднопроходимыхъ дебряхъ археологіи личныхъ уборовъ и украшеній. Звено это помѣщается на перекрестьи и связываетъ традиціи, идущія изъ классической древности, съ нахлынувшимъ міромъ вліяній Востока и простоватымъ мастерствомъ европейскихъ „варварскихъ" народовъ. Промышленность провинціально-имперская, стиль восточно-эллинистическихъ городовъ — дѣйственные этапы пути. Роль Византіи и заключается въ сплавленіи разнородныхъ эле-

[318]) Ср. цѣпи — анапскую, Н. П. Кондаковъ, Р. Кл., рис. 104, и изъ Египта, Dalton, East chr. art, pl. LVIII. Подражанія такой плетенкѣ, въ болѣе грубой формѣ и, конечно, крупномъ масштабѣ, весьма часты въ византійскихъ серебряныхъ издѣліяхъ; см. вазу Эмесы, капселлы африканскую, изъ Brivio, въ Sancta Sanctorum, Эсквилинскіе ларцы и т. д.). Ср. также Эрмитажную фибулу съ филигранью изъ Кіевской губ.

[319]) Напр. на серьгѣ изъ Таормины въ Сициліи, см. P. Orsi: Giojelli bizantini della Sicilia. Mélanges-Schlumberger, II, p. 396, f. 67.

[320]) M. Rosenberg. Zellenschmelz, S. 3, Abb. 5.

[321]) Напр. найденнымъ въ Египтѣ, см. подвѣсной медальонъ, Dalton, East Chr. art. Также упоминавшуюся уже работу W. Denison'a.

[322]) Считаю долгомъ принести здѣсь благодарность г. г. Директору и хранителямъ средневѣковаго отдѣленія Британскаго Музея O. M. Dalton и R. Smith, Директору Музея въ S^t. Germain en Laye Prof. S. Reinach, за разрѣшеніе воспроизвести и предоставленіе фотографій съ хранящихся въ Музеяхъ памятниковъ, Prof. R. Delbrueck за любезное предоставленіе корректуръ еще невышедшаго текста къ труду о консульскихъ диптихахъ, Dr. N. Fettich за многочисленныя услуги по доставкѣ фотографій, справокъ о памятникахъ Венгерск. Нац. Муз. и Dr. Fr. Eichler за помощь по полученію фотографій Вѣнскаго Kunsthist. Museum.

Таблица хронологическаго распредѣленія типовъ фибулъ въ Византіи

Типы по изображеніямъ	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Типы и детали по вещамъ
	Вѣка									
I *Щитовидныя:*										
A. Круглыя простыя . . .	+	+	+	+		+	+	+	+	
			■	■						Круглыя: съ изображеніями
				▲			■▲		▲	эмалевыя
		■			■					съ монетами и т. п.
Круглыя съ жемчугомъ	+	+	+	+			+▲	?■ +	+	Круглыя съ жемчугомъ.
Въ видѣ крестика . . .				+		+	■+	+	+	Въ видѣ крестика.
Ромбоидальныя . . .				+■						Ромбоидальныя.
Продолговатыя*) . . .						?	+	+		
Въ видѣ звѣздочки, .						+				
остроконечнаго щитка									+	
и т. п.										*) Въ формѣ „камары“.
B. Съ подвѣсками:										
Круглыя	+	+		+	+	+	+	+		
	■									Овальныя (кладъ Островянъ).
Круглыя съ жемчугомъ	+	+	+	+						
Треугольныя		+								
			■							Треугольныя (Б. Михайловцы).
II *Сложной конструкціи:*										
Круглыя		■	+	+						Малая фибула Петросскаго клада.
Овальныя	+	■								Большая фибула Szilágy-Somlyó.
Квадратныя	+	+								
III *Римско-провинціальныя крестообразныя:*										
Безъ орнамента	?■+	+	+							I, II. Вилка?
	■									III. Пластинка; шарниръ съ винтомъ.
Съ орнаментомъ въ видѣ пельта		■								IV A. Пластинка; хризмы; эллинист. орнаментъ.
		+■								IV B. Шарниръ съ винтомъ.
		■								V A. „ (фиб. Хильдерика).
Съ крестикомъ			+■							V B. „
Съ расширеннымъ концомъ			+■							№ 264 Брит. Музея.
	?■									Фибулы съ филигранью (Островяны).
	■									Колѣнчатыя (Островяны).
	■?									Съ пластинкой надъ поперечиной.
										Подвязныя:
		■								Подраж. римск. пров.
		■								Съ элементами щитовидн.
IV *Двупластинчатыя:*										
Т. наз. готскія		■		▲+?		+	+			Двупластинчатыя, т. н. готскія.
Симметричныя по 2-мъ осямъ				+?						

наличіе: + изображеній ■ вещей ▲ подражаній

ментовъ въ однородную массу — цѣльную въ своемъ содержанiи и обладающую опредѣленнымъ художественнымъ лицомъ. Здѣсь совершенствуются типы и создается стиль, а издѣлiя мастерскихъ, можетъ быть самые мастера, вновь пойдутъ туда же, откуда былъ взятъ матерiалъ для переработки, и всевозможные „варвары“, вплоть до медвѣжьихъ угловъ, получатъ новые образцы для подражанiя и новый стиль художественной промышленности.

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦIЙ.

Въ текстѣ:

На таблицахъ:

Табл. XIII: 1. Монета имп. Ираклія и Константина. } Брит. Музей (Двукратное увеличеніе).
2. Монета импер. Ираклія. } Брит. Музей (Двукратное увеличеніе).
3. Монета импер. Льва Мудраго. } Брит. Музей (Двукратное увеличеніе).
4. Медальонъ съ изображеніемъ имп. Констанція въ эмблемѣ чаши изъ Керчи. Эрмитажъ.
5. Бронзовый бюстъ-гиря имп. Фоки. Британскій Музей.
6. Медальонъ съ изображеніемъ имп. Констанція въ эмблемѣ чаши изъ Керчи. Эрмитажъ.
7. Большой золотой медальонъ имп. Юстиніана по копіи Британскаго Муз. Лицевая сторона.
8. То же, оборотная сторона.

Табл. XIV: 1. Большая фибула II клада, найд. въ Szilágy-Somlyó (профиль). Будапештъ. Венг. Нац. Музей.
2. То же, лицевая сторона.
3. Фибула неизвѣстной находки изъ Венгріи (кладъ Szilágy-Somlyó?). Тамъ же.
4. Фибула (парная) клада Szilágy-Somlyó. Тамъ же.

Табл. XV: 1. Серебряная фибула изъ Венгріи. Будапештъ. Венѓер. Нац. Музей (№ C. R. 723).
2. Золотая фибула неизв. происх. Вѣна. Kunsthistorisches Museum (№ VII B 305).
3. Серебряная фибула изъ Венгріи. Будапештъ. В. Н. Музей (№ 103/1864).
4. Золотая фибула съ надписью Costanti vivas. Вѣна. K. H. Museum (№ VII B 303).
5. Золотая фибула изъ клада, найд. въ Петрянцѣ ок. Вараздина въ Хорватіи. Вѣна K. H. Museum (№ VII B 300).
6. Золотая фибула изъ Венгріи. Будапештъ. В. Н. Музей (№ 23/1906, 1).
7. Серебряная фибула. Вѣна. K. H. Museum (№ VIIa 92).
8. Золотая фибула изъ Венгріи. Будапештъ. В. Н. Музей (№ 5/1886, 1).
9. Серебряная фибула изъ Венгріи. Тамъ же (№ 31/1913, 367).
10. Золотая фибула съ надписью Iuliane vivas, найд. въ Vád bei Fogáras. Вѣна. K. H. Museum (№ VII B 310).
11. Золотая фибула неизвѣстнаго происхожденія. Музей въ St Germain en Laye (№ 17631).
12. Золотая фибула изъ клада, найд. въ Старчовѣ ок. Панчова (Банатъ). Вѣна K. H. Museum (№ VII B 301).
13. Мѣдная фибула изъ Венгріи. Будапештъ. В. Н. Музей (№ C. R. 713).

Табл. XVI: 1. Золотая фибула съ надписью Θῦ χάρις. Британскій Музей (№ 264).
2. Бронзовая фибула, найд. на мѣстѣ Гробницы Пророковъ въ Іерусалимѣ. Британскій Музей (№ 257).
3. Бронзовая фибула изъ Венгріи. Будапештъ. В. Н. Музей (№ C. R. 721).
4. Золотая колѣнчатая фибула изъ клада, найд. въ Островянахъ. Вѣна. K. H. Museum.
5. Серебряная позолоченная фибула. Музей St Germain en Laye (№ 35805).
6. Золотая фибула. Вѣна. K. H. Museum (№ VII B 304).
7. Бронзовая (со слѣдами позолоты) фибула. Будапештъ. В. Н. Музей.
8. Бронзовая золоченая фибула. Британскій Музей (№ 256).
9.–11. } Бронзовыя фибулы. Будапештъ. В. Н. Музей. (№ 100/1912, 173).

DIE FIBEL IN BYZANZ

RESUMÉ

Aufgaben und Quellen.

Gleich der Mehrzahl seiner Kulturformen hat Byzanz die Fibel von der griechisch-römischen Welt ererbt, sie aber durch anderen Kulturen entnommene Elemente umgestaltet, so daß neue, eigenartige Typen entstanden. Auch sonst läßt sich in der Geschichte der Kleidung der gleiche Prozeß der Aneignung und Verarbeitung fremder Formen verfolgen.

Im Griechenland war die Fibel ein wesentlicher Bestandteil der Kleidung, wie es heute der Knopf ist, da die Gewänder meist aus einem Stück nicht zugeschnittenen und ungenähten Stoffes bestanden. In Rom verliert sie an Bedeutung; die Toga bedurfte ihrer nicht und genähte Gewänder waren stärker verbreitet. Doch wurde sie mit dem militärischen Paludamentum stets weiter getragen.

In Byzanz ist, wie schon in Rom, bei der fast vollständigen Verdrängung der ungenähten Gewänder durch zugeschnittene und genähte Kleidungsstücke für den Gebrauch der Fibeln an sich wenig Platz. Soweit sie getragen werden, sind für die verschiedene Kleidungsstücke auch verschiedene Fibelformen üblich, wobei die Kleidungsstücke öfter nach diesen benannt werden und das Verschwinden eines Kleidungsstückes aus der Mode auch das Verschwinden der mit ihm verbundenen Fibel bedingt. Neben der Gestalt der Fibeln selbst ist also auch ihr spezifischer Gebrauch an bestimmten Kleidungsstücken zu untersuchen. Wenn die Verwendung der Fibel als Spange infolge der byzantinischen Tracht gering ist, so ist ihre Bedeutung als Schmucksache ungewöhnlich groß. Als Schmucksache war sie schon im antiken Griechenland verwendet worden, wie die erhaltenen reich ornamentierten Fibeln zeigen. Schriftquellen und Darstellungen von Fibeln auf römischen Skulpturen belegen das Fortleben dieser Tradition. In Byzanz ist diese Bedeutung der Fibel, wie gesagt, noch gestiegen; sie wird ferner im spätantiken Klassenstaat zum Abzeichen verschiedener Würden, mit der Kaiserwürde selbst angefangen.

Die wichtigsten Aufgaben einer Untersuchung über die Fibel in Byzanz bestimmen sich also wie folgt:

1. Analyse der charakteristischen Typen und Verzierungen, sowie deren Ursprungs.
2. Die Verwendung der Fibel.

Als Material kommen in Betracht:

1. Schriftquellen; 2. Bildliche Darstellungen; 3. Erhaltene Fibeln. Die Auswertung des Materials stößt allerdings auf gewisse Schwierigkeiten.

Wenn die schriftlichen und bildlichen Quellen fast niemals Zweifel über den byzantinischen Charakter der betreffenden Fibel hervorrufen, so steht es um die archäologischen Quellen ganz anders. Es gibt fast keine Fibeln, die nachweislich historischen Persönlichkeiten der byzantinischen Welt gehört hätten. Eine planmäßige Ausgrabung byzantinischer Grabstätten ist selbst in Konstantinopel nocht nicht vorgenommen worden.

In den Museen von Saloniki, Sofia (alt. Serdika), Belgrad und Spalato sind Fibeln des sogen. kreuzförmigen provinzial-römischen Typus vorhanden; von diesen gehören einige zweifellos der byzantinischen Zeit an, und manche können durch mitgefundene Münzen u. a. datiert werden. Doch bleiben byzantinische Gegenstände keineswegs auf die römischen Provinzen beschränkt. Sie sind z. B. auch aus Rußland, Ungarn, Deutschland, der Schweiz und anderen Ländern bekannt.

Aber der größte Teil des Materials stammt aus Funden, welche in verschiedenen Museen zerstreut liegen und über deren Herkunft wenig oder gar nichts bekannt ist.

Es ist hier am Platz, darauf hinzuweisen, daß in der wissenschaftlichen Literatur (besonders der deutschen und der von ihr abhängigen) der Begriff byzantinisch allzuhäufig durch Worte wie spätrömisch, nachrömisch, gothisch, merovingisch, ersetzt wird. Nicht zu vergessen ist erstens, daß der Ausdruck »byzantinisch« keineswegs Konstantinopolitanische Ausführung bedeutet, gemeint ist vielmehr die ganze komplizierte und mannigfaltige Menge der künstlerischen Strömungen des ganzen Reiches, sowohl der Hauptstadt wie auch der Provinzen; und zweitens, daß Konstantinopel vom Augenblick der Verlegung

der Hauptstadt an als ein bedeutender Mittelpunkt der künstlerischen Industrie erschien, der nicht sich allein, sondern auch die das Reich umgebenden »Barbaren« versorgte.

Zum Schluß will ich bemerken, daß eine vollständige Übersicht archäologischer Denkmäler bei gänzlicher Unzugänglichkeit der nötigen Museumsforschung unmöglich ist. Zweifellos wäre in verschiedenen Museen Europas und vor allem des Nahen Ostens (Konstantinopel, Cypern, Beyrut, Jerusalem), der Balkanhalbinsel (s. oben) und Ägyptens (Kairo) Material zu finden, das die gestellten Probleme fördern könnte.

In den weiteren Ausführungen wollen wir uns auf die notwendigerweise kurz gefaßte Schilderung der Ergebnisse einer Revision der die Fibel in Byzanz und ihre Abbildungen betreffenden Kenntnisse beschränken, indem wir einzelne Stellen durch das uns bekannte sachliche Material illustrieren, um das Gebiet der Wirklichkeit nicht allzusehr zu verlassen.

Die Fibel nach Schriftquellen: die Terminologie. Die Fibel in der Tracht. Die Fibel als Schmuckstück und Abzeichen.

Im Griechischen gab es zwei Ausdrücke für Fibel: περόνη und πόρπη. Jeder dieser Ausdrücke hat eine ganz bestimmte Bedeutung. Suidas führt zur Erklärung der περόνη folgenden Vers an: καὶ δίβολον περόνην καὶ στεγγίδα τάνυσθεν τόξον. Diese Anwendung des Prädikats δίβολον (doppelt, duplex), sowie der Vergleich mit dem gespannten Bogen und der Strigel ist nicht zufällig. Das Gleichnis bezieht sich auf die klassischen Bogenfibeln, deren Bogen, d. h. der Körper der Fibel selbst, samt der Nadel, der Form nach an einen gespannten Bogen erinnert, ihr Nadelhalter aber an eine Strigel. Die Bedeutung des Wortes πόρπη kann daraus ersehen werden, daß das Wort oder die von ihm abgeleiteten Formen auch den Griff auf der Innenseite des Schildes bezeichnen. Es ist klar, daß man als πόρπη diejenigen Fibeln bezeichnete, welche die Schildform nachahmten, d. h. die sogen. »Scheibenfibeln«. Wie wir weiter sehen werden, bestätigen die Zeugnisse über die Anwendung der Fibeln diese Unterscheidung. Bei den Römern entsprach »fibula« dem griechischen πόρπη, wie das Suidas direkt ausspricht; dieser Ausdruck war der einzige, und man nimmt für ihn manchmal griechische Herkunft an. Bei den byzantinischen Schriftstellern hat φίβλα bezw. φιβλίον das Wort πόρτη vollkommen ersetzt. In den Schriften des V. und VI. Jahrhunderts kommt auch der Ausdruck περόνη oder ἐμπερόνημα vor. Endlich hießen die prachtvollen kaiserlichen Fibeln κορνοκόπιον, was manchmal als eine Gräzisierung des »cornus copium« gedeutet wird. Es ist hier zu bemerken, daß περόνη häufig eine Gürtelschnalle bezeichnet, bei Constantinus Porphyrogenitus aber auch eine Befestigung oder einen Griff.

In den Schriftquellen begegnen wir noch einem sich auf die Fibel beziehenden Ausdruck, der gleichfalls nicht immer dieselbe Bedeutung hat: »fibulatorium«, φιβλατώριον. In den spätrömischen Texten hat das fibulatorium (z. B. im III.—IV. Jahrhundert) die Bedeutung eines Beiwortes, z. B. »sagum fibulatorium«, und soll bedeuten, daß die Kleidung, welche es bezeichnet, mit der Fibel getragen wurde. Aber bald erhält das Wort den Charakter eines Hauptwortes und wird selbst zur Benennung der Kleidung. Solche Gewänder verschiedener Arten und Eigenschaften werden in dem bekannten Edikt Diokletians erwähnt, das zum Zwecke der Preisnormierung erlassen wurde. Suidas gibt folgende Erklärung: Φιβλατώριον περιβόλαιον Περσικόν. Höchst interessant ist, daß der durch die Fibel festgehaltene Mantel im IX. Jahrhundert für eine persische Tracht gehalten wurde; möglich ist, daß darunter ein Mantel ὁ μανδύης oder τὸ μαντίον verstanden wurde, der von den Persern übernommen worden ist. Doch bedeutete das Wort φιβλατώριον nicht immer eine Kleidung; so sind die meisten Forscher darüber einig, daß das bei Philotheus im Klétorologion erwähnte φιβλατώριον, das den kaiserlichen Vestitoren als Auszeichnung erteilt wurde, nichts anderes als eine Fibel ist, die vielleicht mit einem Stück Gewebe versehen war (»pretiosi panni loram vel corrigiam«), wie es auf manchen Denkmälern dargestellt ist. Dieser Bedeutung entspricht die Erwähnung goldener fibulatoria (»fibulatorium nihilominus aureum«) in den Notizen des Anastasius, des Bibliothekars am Päpstlichen Hofe (IX. Jahrhundert) Dasselbe bestätigt die Aussage Constantinus Porphyrogenitus (in der Geschichte des Chersonesos) über die den Chersoniten durch Constantinus den Großen zum Danke für erwiesene Kriegsdienste gestiftete Statue des Kaisers in Krone und Chlamys μετὰ καὶ φιβλατούρας, d. h. mit einer Fibel, da es selbstverständlich scheint, daß an der Statue kein zweiter Mantel sein konnte, wenn einer schon vorhanden war.

Sobald wir zur Dienstrolle der Fibel in der Kleidung übergehen, stoßen wir auf die strenge Diffe-

renzierung, welche in vorbyzantinischer Zeit zwischen περόνη und πόρπη bestand. Erstere diente dem Chiton, der an der Schulter festgehalten wurde, als Schnalie und war eine Schulterfibel, ἐπώμιος. Letztere wurde im Gegenteil an der Brust des Chitons getragen, war aber ein Attribut der Chlamys, was sich in der Benennung dieser Tracht abgeprägt hat. Der Brauch, den Chiton an den Schultern vermittels einer nicht scheibenartigen Fibel festzuhalten, hat sich bis in die spätrömischen Zeiten erhalten, wie man nach den Reliefdarstellungen der mittelrömischen Provinzen urteilen kann. Eine Reihe von Abbildungen auf Denkmälern klassischer oder hellenistischer Zeit beweist, daß die Chlamys immer durch eine scheibenartige Fibel festgehalten wurde. In der byzantinischen Literatur des VI. Jahrhunderts (Procopius, Johannes Lydus, Agathias) dient περόνη als Mantelschnalle, was ihrem klassischen Gebrauche widerspricht; im Lexikon des Hesichius findet sich aber die direkte Angabe, daß περόνη eine Chlamydenfibel ist. Vergleicht man diese Angabe mit dem darstellenden Material (s. folg. Kap.), so wird der Widerspruch aufgehoben. In der Zeit, wo Hesichius Lexikon verfaßt worden ist, im V. Jahrhundert, wurde der Mantel in der Tat nicht durch die scheibenartige, sondern durch die sogen. provinzial-römische kreuzförmige oder t-förmige Art, und zwar an der Schulter festgehalten. So entspricht die περόνη der byzantinischen Quellen der Schulterfibel der Chlamys, der sogen. Armbrustfibel eines nicht scheibenartigen Typus.

Die Zugehörigkeit der Fibel zur Chlamys wird auch dadurch bestätigt, daß Gewänder anderer Arten in Byzanz (besonders nach dem VI. Jahrhundert) mittels Fibeln nicht befestigt wurden. Die Veränderung des Charakters der Kleidung konnte auf den Gebrauch der Fibel nicht ohne Einfluß bleiben; die genähten Hemden-Chitons und verschiedene byzantinische Röcke bedurften der Fibel nicht. Doch für den Mantel blieb die Fibel eine bequeme und schöne Schnalle. In spätrömischen Zeiten wurden vor allem verschiedene Mäntel und Umhänge (chlaena, chlamys, lacerna, palla-pallium, sagum etc.) durch Fibeln zusammengehalten. Das waren alles die sogen. »Fibulatoria«, die Menge dieser Kleiderarten mit lokalen Bezeichnungen überrascht uns im Edikt Diokletians. Doch gewann die Chlamys in Rom keine volle Anerkennung, die strengen Römer waren durch das Erscheinen des Kaisers in einer Chlamys anstatt der Toga schokiert. Bekanntlich waren die Römer des III.—IV. Jahrhunderts in bezug auf Kleidungsregeln u. a. höchst spröde und konservativ. Die Historia Augusta ist reich an sittengeschichtlich höchst interessanten Anekdoten über skandalöse Verletzungen dieser Regeln. Ikonographische Quellen zeigen, daß die Fibel manchmal auch bei der Toga-Trabea, so wie auch bei der Paenula verwendet wurde. Zu dieser wurde die Fibel an der Brust getragen und konnte dazu dienen, um den vorderen gehobenen Teil des Gewandes bei Bewegungen festzuhalten (die Paenula ist ihrem Schnitte nach eine vorne und hinten gleich lange Glockenform, die nur mit einem Halsausschnitt versehen ist). Auf diesem Wege ist die Fibel in die Tracht der Geistlichkeit eingedrungen, und man erblickt sie oft an den sogen. mönchischen Mänteln, (d. h. umgeformten Paenula), und zwar immer an der Brust. Nicht selten werden auch Fibelmäntel erwähnt, man muß aber im Auge behalten, daß unter dem Namen Mantel mehrere verschiedene Kleidungen gemeint werden konnnte, z. B. der Parade-Mantel, der später von der Geistlichkeit übernommen worden ist, und eine speziell militärische Tracht, welche auch mit Ärmeln getragen werden konnte. Von dieser Art war auch der antike persische κάνδυς — der Kaiser-Mantel und wahrscheinliche Stammvater des Mantels; ähnliche Mäntel-Röcke kann man an mittelalterlichen Denkmälern des Ostens beobachten (insbesondere den sassanidischen). Endlich kann man den Mantel orthodoxer Bischöfe, der alle charakteristischen Eigenschaften der Beschreibung des Parade-Mantels bei Johannes Lydus und sogar dieselbe Benennung beibehalten hat, und den Mantel (»Mentik« in Rußland genannt) der Husaren — einen kurzen Umhang mit Ärmeln — als gegenwärtige Reste beider Arten der Gewänder betrachten. Für uns ist von Bedeutung, daß diese Gewänder an der Brust durch Fibeln befestigt wurden, und wir halten es für möglich, anzunehmen, daß der geheimnisvolle φιβλατώριον—περιβόλαιον Περσικόν des Suidas eben solchein verhältnismäßig kurzer Mantel gewesen ist (wahrscheinlich aus hartem Gewebe-Brokat), der an der Brust von einer Fibel zusammengehalten wurde, gleich den Mänteln, in welchen die byzantinischen Beamten auf der bekannten Miniatur des Nicephorus Botaniates dargestellt erscheinen.

Viel bedeutender ist die Rolle der Fibel als eines Schmuckgegenstandes gewesen. Zweifellos ist sie noch in Rom zu einem solchen geworden und ist allmählich in das Heer und die höheren Gesellschaftskreise eingedrungen. In Byzanz gewann die Fibel die Bedeutung einer Auszeichnung, vor allem die einer Kaiserlichen Regalie. Das geschah, weil der Purpurmantel, mit dem die goldene Fibel eng verbunden war, als Zeichen und Attribut des Kaiserlichen Gewandes angesehen wurde. Die Er-

hebung des Purpurmantels (des Kaiserlichen Purpurs — βασιλικὴ ἁλουργίς) in den Rang eines Kaiserlichen Gewandes hat wahrscheinlich in den Zeiten Konstantins des Großen stattgefunden, wie Eusebius berichtet. Der Dichter Flavius Corippus beschreibt in dem Lobgedicht auf Justin den Jüngern eine goldene Kaiserfibel, von welcher Gemmen an Ketten herabhingen — Beute glücklicher Kriege und Gaben eroberter Städte. Als Attribute der kaiserlichen Würde wurden Fibeln an Könige und Regenten der untergebenen Reiche (wenn der Ausdruck gestattet ist — der Vassalen) versandt. Dem Lasen-Könige Zathis, der im vierten Jahre der Regierung Kaisers Justins (522) seiner Investitur halber nach Konstantinopel gekommen war, ist in der Reihe Kaiserlicher Regalien neben einer prachtvollen goldverzierten *weißen Chlamys eine* Kaiserliche Fibel (βασιλικὸν ἐμπερόνημα) verliehen worden, die sich durch hängende Edelsteine und andere Verzierungen auszeichnete. Etwas ausführlicher beschreibt eine ähnliche Fibel (περόνη), welche jedem von den fünf erblichen Satrapen Armeniens als Auszeichnung verliehen worden ist, Procopius in seinem Buche über die Stiftungen Justinians. Die Goldfibel war in der Mitte mit einem Edelstein geschmückt, von welchem drei Hyacinthe an drei goldenen Ketten herabhingen. Mit der Chlamys verbunden erschien die Fibel als Insignie byzantinischer Patrizier. Die Fibeln wurden aus Gold gearbeitet und waren während der Unruhen (z. B. des Aufstandes »Níka«) ein Gegenstand des Raubes; Banden von Rebellen hielten nachts die Passanten an und raubten ihnen die goldenen Fibeln. Procopius behauptet, daß diese Zwischenfälle es gewesen sind, die den Ersatz der Goldfibeln durch billigere Bronzeimitationen verursachten (χαλκαῖς περόναις).

Diese interessante Aussage, daß gleichzeitig teure Goldfibeln und Imitationen (sozusagen Fälschungen) aus Bronze (welche, der größeren Ähnlichkeit halber, auch vergoldet sein konnte) — gearbeitet und getragen wurden, wird durch das archäologische Material bestätigt. Es gibt eine Reihe der Form und dem Ornament nach ganz ähnlicher Fibeln aus Gold und aus vergoldeter Bronze.

Endlich wäre noch die Schnalle (περόνη) zu erwähnen, welche den Purpurgürtel — das Abzeichen des Prätorianerpräfekten (τοῦ ἐπάρχου τῶν πραιτωρίων) — zierte, und von den Römern Fibel genannt wurde. Es war allem Anschein nach eine runde ringformige Schnalle, eine Fibel mit scharfer Nadel, welche den Riemen in der Mitte durchstach. Damit endigen unsere Kenntnisse über das VI. Jahrhundert. Der größte Teil der Nachrichten über die späteren Zeiten ist in dem Buche über die Zeremonien des byzantinischen Hofes enthalten, das durch den Kaiser Constantinus Porphyrogenitus verfaßt, oder, richtiger, kompiliert worden ist, und vor allem die Zeremonien der byzantinischen »Investitur« betrifft. Obgleich die allgemeine Redaktion der Mitte des X. Jahrhunderts angehört (einige Einschaltungsteile sind allerdings noch später), beziehen sich einzelne Schilderungen und Beschreibungen der Zeremonien auf viel ältere Zeiten, so können z. B. die Mitteilungen über die Krönung der Augusta (L. I. Cap. 41) und die Erhebung (Einweihung) in den Rang des Caesars (Καῖσαρ) und Nobelissimus (L. I., C. 43 und 44) in die Zeiten der bilderstürmenden Kaiser zurückverlegt werden, d. h. in das VIII. Jahrhundert. Auf diese Weise wird die Unterbrechung ausgeglichen, und mit Hilfe ikonographischer Angaben läßt sich von Jahrhundert zu Jahrhundert eine vollkommen kontinuierliche Entwicklung verfolgen. Wir haben in dem Zeremonienbuch keine Mitteilungen über die Fibel des Kaisers selbst, doch wird diese Lücke dadurch ausgefüllt, daß man in der Zeremonie der Kaiserkrönung, welche von Goar veröffentlicht worden ist, die Angabe findet, daß die Fibel zu den Kaiserlichen Regalien (τὰ βασιλικὰ ἱμάτια) gehörte. Nachdem der Patriarch sie eingeweiht hatte, übergab er die Chlamys und die Fibel den Vestitoren, welche sie dem Kaiser auflegten. Bei der Krönung der Kaiserin (Augusta) steckte der Kaiser (oder die Kaiser — δεσπόται) selbst den um die Schultern der Kaiserin gelegten Mantel mit der Fibel zu. Während der Weihe des Caesars wurde im Tribunalium (einem der Säle des Palastes) ein übertragbares Tischchen oder Antimensium aufgestellt, auf dem die Abzeichen der Kaiserlichen Würde lagen: der Mantel mit der Fibel und die Krone des Caesars (Καισαρίκιον); die Fibel wurde auf den Mantel gelegt. Nach dem Gebet hob der Patriarch den Mantel samt der auf ihm liegenden Fibel auf und überreichte ihn den Vestitoren, welche ihn entfaltet dem Kaiser hinhielten. Der Kaiser nahm den Mantel und legte *ihn eigenhändig dem zu investierenden Caesar um.* Dieselbe Zeremonie begleitete die Einweihung des Nobelissimus, ebenso lagen Mantel und Fibel auf dem Antimensium, ebenso überreichte der Patriarch dieselben den Vestitoren, mit derer Hilfe der Kaiser den Nobelissimus damit bekleidete. Bei der Investitur des Kuropalaten (eine Art Majordomus) legen die Herrscher (d. h. die Kaiser) den Mantel dem zu Investierenden um und stecken ihn eigenhändig mit der Fibel zu, wobei ihnen der Primikyrios und die Ostiarien behilflich sind. So erfahren wir, daß die Fibel zu den Insignien oder Investiturzeichen gehört hat, 1. des Kaisers selbst, 2. der

Kaiserin-Augusta und der höheren Würdenträger des Reichs: 3. des Caesars, 4. des Nobelissimus und 5. des Kuropalaten. Doch in allen diesen Fällen hatte sie keine selbständige Bedeutung — sie war vielmehr ein Attribut des Mantels. An und für sich, oder vielleicht mit irgend einem Stück kostbaren Gewebes versehen, diente die Fibel oder das s. g. Fiblatorion als Auszeichnung (βραβεῖον) der Vestitoren — die dritte Stufe in der steigenden Leiter kaiserlicher Würden, die unablösbar waren und auf dem Wege der Investitur verliehen wurden, d. h. durch aus kaiserlicher Hand empfangene Abzeichen. Solcher Würden gab es 18 und die höchsten unter ihnen waren die bereits genannten Caesar, Nobelissimus und Kuropalat. Alle diese Mitteilungen sind in dem ungefähr im Jahre 900 geschriebenen sogen. Klêtorologion des Atriklinus Philotheus enthalten. Die Pflichten der Vestitoren bestehen darin, daß sie den Kaiser an- und auskleideten und während verschiedener Zeremonien, Ausgängen, Prozessionen u. a. ihm den Mantel bald umlegten bald abnahmen. Auch waren sie dem Kaiser bei der Investitur verschiedener Personen in diese oder jene Würde behilflich. Da der Mantel bei seinem Anlegen mit der Fibel angesteckt werden mußte, so erscheint es möglich, daß diese zum Zeichen der Vestitorenwürde geworden ist, welches sie an ihre Pflichten erinnern sollte. Die Vermutung ist statthaft, daß die Vestitoren ihr Abzeichen, d. h. die Fibel, nicht einzeln getragen haben, vielmehr mußten sie damit irgend einen Mantel zustecken, über dessen Name und Schnitt uns die Angaben fehlen.

Darauf beschränken sich unsere Kenntnisse über die Fibel in Byzanz, für spätere Zeiten treffen wir keinerlei Erwähnungen mehr. Die byzantinische Hierarchie hat sich mit der Zeit stark verändert, wie sich auch der äußere Apparat der Auszeichnungen verschiedener Stufen dieser Hierarchie verändern mußte. Im Laufe des XII.—XIV. Jahrhunderts sind in der kaiserlichen Kleidung Veränderungen eingetreten, die Chlamys wurde durch den Loron fast gänzlich verdrängt und in den späteren Darstellungen der Kaiser sehen wir sie niemals mit der Chlamys, sondern immer mit dem Loron bekleidet. Mit dem Verschwinden der Chlamys oder nach ihrer Verdrängung durch eine andere Tracht mußte auch die Fibel verschwinden; an den kaiserlichen und königlichen Mänteln, den Nachkommen des byzantinischen Kaisermantels, ist sie immer durch komplizierte Agraffen ersetzt. Mit der Zeit ist auch der Rang der Vestitoren verschwunden, er wurde durch einen anderen ersetzt; so konnte auch das Abzeichen ihrer Würde durch ein anderes ersetzt werden. (Die Belege s. Anmerkungen 21—87 des Russischen Textes.)

Die Fibel nach ikonographischen und archäologischen Quellen. Konstruktion. Form. Ornamentation. Chronologie.

Die Grundklassifikation der in Byzanz üblichen Fibeln wird durch die Terminologie gegeben. Es ergeben sich zwei Hauptgruppen: die Scheibenfibeln und die nicht scheibenartigen Fibeln. In dieser Reihenfolge wollen wir unsere Untersuchung verfolgen, indem wir versuchen, die Einzelheiten der Konstruktion, Form und Ornamentation zu bestimmen und wo möglich die Datierung einzelner Typen zu geben.

Die Benennung der ersten Gruppe (= πόρπη) setzt schon das Vorhandensein einer Tafel, einer Scheibe voraus und einer darunter befestigten Nadel. Die Darstellungen gestatten nicht, darüber zu entscheiden, auf welche Weise die Nadel befestigt wurde — wir müssen uns auf die Prüfung von Form und Schmuck des äußeren Teiles der Fibel, d. h. der Scheibe selbst, beschränken. Die einfachste Form der Scheibenfibel ist ein rundes glattes Blech; solche Fibeln kennen wir noch aus den Darstellungen auf Denkmälern klassischer griechischer und römischer Kunst. Selbstverständlich waren sie auch in den östlichen Teilen des römischen Reiches, später auch in Byzanz üblich. Die einfachste Ornamentation besteht aus einem oder mehreren in das flache Blech eingravierten konzentrischen Kreisen. Manchmal wird die Imitation des Schildes weiter geführt und die Fibel wird in der Mitte gewölbt — in der Art des Umbo am Schilde. Diese Bearbeitung war auch in Griechenland, Rom, Palmyra (Abb. 1) und Byzanz bekannt. Neben den runden Fibeln begegnen wir sowohl in Griechenland als auch in Rom ovalen Fibeln, die bald glatt sind, bald eine analoge Ornamentation besitzen. Auf römischen Denkmälern ist auch eine mehr kompliziertere Ornamentation anzutreffen: kreuzförmige Teilung der gewölbten Fläche der Fibel oder eine sternformige Teilung, Blätter- oder Blumenverzierungen, sowie Figuren auf den Scheiben.

In der osthellenistischen Denkmälergruppe, welche hauptsächlich durch die Grabstättenreliefs von Palmyra vertreten ist, finden wir eine reichere und feinere Ornamentation. So sind die Fibeln einer

Frauenbüste (Louvre, Nr. 4147) mit einem Streifen kleinerer (Abb. 2) und einer männlichen Büste im Kaiser-Friedrich Museum (Abb. 3) mit größeren Kugeln umgeben, was eine Perlenornamentation wiedergiebt. An einer anderen Palmyra-Büste erblicken wir eine große runde Fibel mit eben solcher Ornamentation und breiter Kante mit doppelten konzentrischen Kreisen, die Blumen darstellen können (Abb. 4). Auf demselben Relief ist eine ovale Fibel mit einer Perlenkante und drei angehängten Kugeln (ebenfalls Perlen) an den Enden an der Brust angebracht (Abb. 5). Eine der ersten der geschilderten Fibeln ähnliche Ornamentik zeigt die Fibel (Abb. 6) an dem Relief des Genfer Museums (Nr. 8193). An andern Reliefs desselben Museums (Nr. 8189, Nr. 8192) sind kleine Fibeln in Form von fünf- und vierblätteriger Blumen dargestellt (Abb. 7, 8). Die Fibel des Reliefs Nr. 8192 (Abb. 8) hat als Anhängsel ein Stück (wahrscheinlich) mit Pflanzenmuster ornamentierten Gewebes (Stickerei, Brokat), mit einer Perlenkante. Die Anhängsel der Fibel eines Reliefs der Vorderasiatischen Abteilung des Kaiser-Friedrich-Museums haben die Form von Blättern (Abb. 9). Endlich sind reiche Fibeln an einer Frauenbrust der im Jahre 1920 in der Syrischen Wüste (Dura-Europas) entdeckten Fresken dargestellt (Abb. 10). Eine ovale Fibel ist mit einem Streifen von Perlen-Pyramiden eingekantet — die Gipfel nach außen, eine andere — runde — ist mit viereckiger Verzierung aus rotweißen Steinen oder Perlen und Anhängseln geschmückt. Möglicherweise ist die zweite Schmucksache (die runde Fibel), welche an der ersten herunterhängt, keine eigentliche Fibel, sondern ein Medaillon. Der ovale Stein der ersten Fibel ist violett und wird von dem Verfasser der Beschreibung für einen Amethyst gehalten. Die Palmyra-Fresken zeigen Schmucksachen derselben Art: an den Frauen-Bildnissen in den Katakomben Megaret-Abu-Sheil (Abb. 11) zu Palmyra erblicken wir mindestens zwei runde Fibeln mit Anhängseln dargestellt. Im Britischen Museum befindet sich eine ganze Reihe von Gegenständen, die das oben Ausgeführte illustrieren können, einige unter ihnen sind in Syrien, Ägypten (Alexandria), Tunis u. s. w. gefunden worden. Zur selben Gruppe gehört auch die bekannte Onyx-Fibel aus Osztropataka (»Ostroviany« in der Slovakei) im Wiener Kunsthistorischen Museum (Taf. XI., 4; S. 65). Ähnliche Gegenstände sind auch in Südrußland, vor allem im Kaukasus vorhanden. Wir wollen an dieser Stelle betonen, daß man Analogien in der bildenden Kunst fast immer in der Palmyra-Skulptur und dgl. suchen muß; die eigentliche römische Kunst, wie auch die Kunst der europäischen römischen Provinzen bietet kein so reiches Material. Daß dieser Schmuckreichtum sich in den orientalischen und afrikanischen Provinzen des Reiches auch in byzantinischer Zeit erhalten hat, zeigt das von Prof. Dennison veröffentlichte Material (s. Anm. 88—110).

Byzanz stand in dem Kreise der ost-hellenistischen Welt, und die Mode auf Schmucksachen dieser Art ist eben aus den reichen Städten dieser Welt nach Byzanz gebracht worden. Die ersten Kaiser haben nicht nur für die Errichtung verschiedener Werkstätten für Kunstindustrie in der neuen Hauptstadt gesorgt sondern auch eine Reihe Beschränkungsmaßregeln ergriffen, in der Absicht, der Hauptstadt und dem Hofe den Vorzug zu sichern. Auf byzantinischen Mosaiken wird die Fibel aus Mosaikwürfeln so gebildet, daß die Mitte (der mittlere Stein, manchmal auch die Aussenkante) rot oder orangenfarbig, die Einrahmung des Mittelsteines goldfarbig, die äußere Einkantung (welche vielleicht die Wölbung des Bleches angeben und sein Relief erhöhen soll) schwarz ist; die einfachere aber nur golden mit dunkler Mitte sind. Die Form der Fibeln ist gewöhnlich oval, zum Teil rund. Zuweilne sind große Fibeln aus hellblauen (der Mittelstein), goldenen (die Einfassung) und großen weißen (die äußere Einfassung) Würfeln zusammengesetzt, welche die eigenartige Perlenornamentation reproduzieren, manchmal sind sie mit Anhängseln versehen. In Byzanz, wie uns schon aus den Schriften bekannt ist, sind die Anhängsel zu Attributen der Kaiserlichen Fibel geworden, und in der That erblicken wir auf den Abbildungen byzantinischer Kaiser perlengeschmückte Fibeln mit Anhängseln. Solche Fibeln kann man auf kaiserlichen Medaillons betrachten, auch auf offiziellen Bildnissen der Kaiser, wie z. B. auf dem Relief der Basis des Theodosius-Obelisken in Konstantinopel. Die beste Vorstellung von solchen Fibeln vermitteln die Reproduktionen der Rundplastik. Zwei kaiserliche Torso aus Porphyr, aus Ägypten stammend und aller Wahrscheinlichkeit nach dem IV. Jahrhundert angehörend, bieten je eine runde Fibel (an der Schulter), welche oben und unten von drei großer Perlen eingerahmt und mit Anhängseln versehen ist, die miteinander verbunden sind und gleichfalls Perlen an den Enden haben (Abb. 12). Auf der Schale des Theodosius zu Madrid tragen der Kaiser und dessen Söhne Fibeln, welche große Perlenblumen darstellen und mit Anhängseln versehen sind (Abb. 13). Eine gleiche Fibel wird manchmal auch von der Kaiserin getragen. Fibeln dieser Art erscheinen auch an Mosaiken, welche Christus, den Erzengel Michael u. s. w. darstellen (s. Anm. 111—116).

Die Menge von Perlen, Steinen und dgl. gibt ebenfalls die Herkunft dieser Art Schmuck an. Perlen sind in die griechisch-römische Welt aus dem Orient versetzt worden. Wenn wir der zahlreichen Sagen gedenken, die unter Griechen und Römern verbreitet waren (z. B. die von Plinius wiedergegebenen über den Ursprung der Perlen und die Perlen der Kleopatra und von Procopius — über die Perle des Perserkönigs Perosos), so wird die orientalische Herkunft des Perlenschmuckes keinerlei Zweifel erregen. Eine ausserordentliche Menge Perlen an allerlei Schmucksachen (an Medaillons-Enkolpien, Ohrringen, am Halsschmuck, Kopfputz u. dgl.) bieten die Fresken in Indien, wo auch die eigenartige Form, welche der Fibel in Byzanz oft eigen ist, zu beobachten ist — d. h. ein runde Stein (oder eine Platte) von Perlen umringt. Die mittelasiatische buddhistische Plastik bietet ebenfalls mehrere Beispiele dieser Art Verzierungen, unter anderem auch Fibeln. Imitationen derselben Ornamentik werden auch in Persien in verschiedenen Kunstgebieten auf Metall, Stein, Gewebe u. s. w. angetroffen. Das Vorhandensein der Perlenfibeln bei den Magiern (den Perserkönigen, die nach der damaligen Anschauung Magier sind) ist auch eine Kundgebung für die Herkunft dieser Schmuckart. Auch ist es nicht ausgeschloßen, daß die runde perlumsäumte Form die Bedeutung eines Amuletts besaß. Dafür spricht ihr häufiges Erscheinen an der Brust der Oberpriester, der Magier, sowie auch an einigen buddhistischen Statuetten (s. Anm. 117—121).

Wenn wir uns wieder den Scheibenfibeln zuwenden, müssen wir vor allem die verschiedenen Formen jener Scheiben aufzählen, welche auf byzantinischen Denkmälern angetroffen werden. Es sind erstens die rhombusförmigen Scheiben, die manchmal auch mit Perlen geschmückt werden, ferner solche in Form eines Kreuzes aus vier Perlen oder eines runden Steines in der Mitte und vier Perlen an den Seiten, in Sternform, eines flachen nach oben gerundeten Steines (in Form einer καμάρα) und, endlich, in Form eines gespitzten, stark gewölbten Schildes. Alle diese Formen werden hauptsächlich an Denkmälern der nach ikonoklastischen Periode angetroffen.

Besonders beachtenswert sind jene Fibeln in Form dreieckiger Platten mit Anhängseln, die an der Brust der allegorischen Figuren der Städte Rom und Konstantinopel auf dem bekannten Diptychon des Wiener Kunsthistorischen Museums dargestellt sind (Abb. 14). Glücklicherweise befindet sich zufällig in demselben Saal dieses Museums eine analoge Fibel, die im Jahre 1852 in Nagy-Mihály (Michailovce in Karpatho-Rußland) gefunden worden ist (Taf. XI., 1). Sie stellt ein goldenes dreieckiges Blech dar, das mit Granateninkrustation, grüner Pasta, Amethysten und einem ovalen Einsatz grauer Pasta in der Mitte verziert ist. An der Rückseite ist ein Pflanzenornament angebracht und ein Nadelhalter in Zylinderform mit Granaten. Vom unteren Rande hängen Ketten herab, die mittels einer kreuzförmigen Steinbefestigung mit Granaten an den Enden miteinander verbunden sind. Riegls Datierung auf das IV. Jahrhundert scheint zu früh zu sein. Der Stil, vor allem die Technik der Inkrustation (auf glattem Felde), insbesondere aber die Konstruktion (s. unten) sprechen eher für das V. oder sogar VI. Jahrh. (s. Anm. 122—129).

Ferner sind Fibeln bekannt, welche die byzantinischen Formen imitieren, so sind sie z. B. mit Perlen eingekantet, manchmal in ziemlich grober Ausführung (s. auch S. 69 und Anm. 130—138). Unter den vielen mittelalterlichen Broschenfibeln wird ein Teil zweifellos Byzanz angehören. Dieses Material wartet noch auf die Bearbeitung. Weiter wollen wir andeuten, daß eine recht große Anzahl runder Scheibenfibeln mit Darstellungen religiösen, seltener weltlichen Charakters bekannt ist, die ihrem Ursprung nach auf Byzanz oder (was im Wesentlichen dasselbe ist) auf die östlich-christlichen Provinzen zurückzuführen ist, oder aber das byzantinische Original deutlich reproduziert (eine Liste dieser Fibel s. S. 70—73; auch Anm. 134—167).

Zu dieserer Gruppe gehört der größte Teil der mit Zellenschmelz verzierten Fibeln (s. das Verzeichnis dieser Art Fibeln S. 73—74, Anm. 165—182). Wir wollen noch eine Art runder byzantinischer Scheibenfibeln hervorheben, die in Schmucksachen anderer Art (Halsschmuck, Ketten u. dgl.) vielfache Analogien finden, welche eine Münze oder ein eingefaßtes Medaillon darstellen. Wir kennen eine große Anzahl solcher eingefaßter Münzen und Medaillons, die als Schmucksachen gebraucht wurden. Solche Fibeln, die eine mit einer Honorius-Münze (Tab. XI., 3), die von einer Filigranbordüre eingekantet ist, die andere mit einer Münze Leos III. und Konstantins V., befinden sich im Britischen Museum (s. Anm. 183—184; über die Fibel von Keszthely des Ungarisch. National-Museums und andere Fibeln des Brit. Mus. S. 75—76, Anm. 185—189). Eine rhombenförmige Scheibe mit Perlen, derjenigen ähnlich, welche wir auf den Abbildungen betrachtet haben, bietet die (zerbrochene) Fibel des Brüsseler Museums, deren Rekonstruktion De Linas veröffentlicht hat. Die Fibel ist an den Ecken

mit vier großen Perlen geschmückt, vier rote viereckige Inkrustationen liegen in der Mitte, während zwei Leontius-Münzen (oder nach Münzen geprägte Bleche) sich an den Seiten der Inkrustation befinden. Der Aussenrand ist aus Filigran, der Innenrand aus kleinen Perlen. Die Fibel ist nach den sie schmückenden Münzen zu datieren, Kaiser Leontius herrschte 695—698. Die Silberfibel mit Edelsteinen, welche im Dorfe Ober-Beresovskoje (Kamskaja Tschud) gefunden worden ist und von Spizyn veröffentlicht wurde, gibt einen für das Byzanz des IX.—X. Jahrh. (auf ikonographischen Denkmälern) üblichen Typus in Kreuzform mit gerundeten Enden. Die Mitte und die Enden des Kreuzes sind mit 5 goldgefaßten Steinen geschmückt (s. Anm. 190—191).

Nicht alle kaiserlichen Fibeln mit Anhängseln können zu den Scheibenfibeln gerechnet werden. Die auf einigen Medaillons und den Mosaiken von Ravenna dargestellten Fibeln mit Justinians Bildnis bieten keine einfache scheibenartige Konstruktion. Auf dem großen Medaillon des Valens (N° 295, im Wiener Kunsthistorischen Museum) ist eine ovale Fibel (Abb. 15) mit zwei Querstangen versehen (oben und unten). Auf einem andern Medaillon des Valens hat die ovale Anhängsel-Fibel unten drei Perlen, oben aber einen Ansatz unbestimmter Form. Doch wird der Typus der auf den Medaillons dargestellten Fibeln durch eine kleine vergoldete Bronze-Büste (die wahrscheinlich als Schalenemblem diente) eines Kaisers im Budapester Museum (Taf. XII.) vollkommen erklärt. Die Fibel, welche den Mantel an der Schulter festhält, besteht aus einem großen viereckigen Stein, mit Perlen an den Ecken und einem oberen Ansatz-Nadelhalter, gleichfalls mit einem Stein am Ende.

Eine Fibel derselben Art wie die eben geschilderte der Budapester Büste ist auch auf dem schon erwähnten Diptychon mit den Allegorien Roms und Konstantinopels zu finden (Abb. 16), wo sie mit Anhängsel und einem langen gespitzten Nadelhalter versehen ist. An dem verschwundenen Medaillon Justinians (nach der Kopie des Britischen Museums) läßt sich ganz deutlich wahrnehmen, daß dieser obere Ansatz einen Nadelhalter der Fibel darstellt, der mit drei hinter einander angebrachten Steingruppen geschmückt ist; außerdem ist die Fibel vorne mit Perlen und Anhängseln versehen (Taf. XIII, 7, 8). Endlich stellt die prachtvolle Fibel, die Justinian in der Kirche San Vitale in Ravenna trägt, einen runden orangefarbigen Stein in Goldfassung dar, der von neun großen Perlen eingekantet ist, mit drei tropfenförmigen Perlen an Goldketten; oben hat die Fibel noch eine goldene halbrunde (oder runde) Platte mit drei hervorstechenden blauen Steinen (Saphire). Die Fibel der Darstellung von Apollinare in Classe ist der geschilderten ähnlich, nur ist die obere Platte rund und hat keine hervorstechenden Steine, auch ist die Farbe der Steine eine andere (s. Anm. 192–199).

Ein besonders charakteristisches Beispiel der eben geschilderten Fibelart bietet eine große (einzelne, nicht doppelte, wie der größe Teil der übrigen) Fibel des Szilágy-Somlyó Schatzes (Taf. XIV., 1, 2). Ihre Konstruktion ist zweifellos durch den provinzial-römischen kreuzförmigen Typus beeinflußt worden, dessen einzelnen Teile — die Querstange mit den drei Knöpfen und den Nadelhalter-Fuß — die zu untersuchende Fibel beibehalten hat. Der für provinzial-römischen Typus charakteristische Bogen ist durch einen großen Sardonyx ersetzt, der die Grundlage der ganzen Fibel bildet und sie der Beschreibung des Procopius (De aedefic. III., 1; s. oben) und den Fibeln Justinians näherrückt. Der Fibelfuß, der aus Steingruppen besteht, gibt genau (s. das Profil. Taf. XIV., 1) den oberen Teil der Fibel wieder, die auf dem Medaillon Justinians dargestellt ist (Taf. XII., 7). Die Fibel hatte Anhängsel, wie die an der unteren Seite der Querstange vorhandenen Ringe beweisen. Wenn wir den Fund dieser Art Schmuckes in Ungarn den oben angeführten Berichten des Procopius und Agathias (s. oben) über die Versendung derartiger Schmuckgegenstände an Barbaren gegenüberstellen, können über die Herkunft der Fibel keine Zweifel entstehen.

An dieser Stelle wollen wir kurz darauf hinweisen, daß die oben erwähnte dreieckige Fibel aus Nagy-Mihály (in Wien s. oben und Taf. XI., 1, 2) und die Fibeln des Fundes von Petrossa (in Bukarest) sich ihrer Konstruktion nach diesem Typus nähern. Sie sind alle gleicher Konstruktion und haben unter der oberen Scheibe Querstäbe mit zwei Knöpfen (Abb. 17 und Taf. XI., 2), sowie auch einen eigenartigen Nadelhalter mit einer Spalte an der Seite in Form des sogen. Fußes, was für die kreuzförmige provinzial-römische Fibel typisch erscheint. Auch ist zu bemerken, daß besonders die kleine Fibel (Abb. 17) des Fundes von Petrossa an die auf Medaillons dargestellten Fibeln auch der Form nach sehr erinnert. Wir haben keine Möglichkeit, uns gegenwärtig mit der ausführlichen Untersuchung aller dieser Denkmäler zu befassen, und wollen uns auf die Bemerkung beschränken, daß wir Byzanz für den wahrscheinlichsten Ort der Vermischung dieser beiden Typen (des scheibenartigen und des sogen. kreuzförmigen provinzial-römische), welche in Byzanz gleich üblich waren,

halten, — indem wir Konstantinopels Werkstätten meinen, welche solche Abzeichen an die Barbaren lieferten (s. Anm. 200—202).

Jetzt wollen wir uns kurz den Fibeldarstellungen auf solchen Denkmälern zuwenden, welche die Möglichkeit bieten, diese oder jene Art genau zu datieren. In dieser Hinsicht haben Darstellungen auf Münzen und kaiserlichen Medaillons die größte Bedeutung. Münzen und Medaillen Konstantins des Großen und seiner nächsten Nachfolger stellen einfache runde Fibeln ohne besondere Ornamentation dar. Erst auf den Medaillen und Münzen des Valens (T. 378) erscheinen zuweilen Perlen, Anhängsel und Fibeln komplizierter Konstruktion. Doch sind die ersten Denkmäler, auf denen Darstellungen der Fibel mit Anhängseln (Taf. XIII., 6) und der Fibel komplizierter Konstruktion (Taf. XIII., 5) anzutreffen sind, die Silberschalen mit dem Bild des Kaisers Constantius von 343, die im Jahre 1904 in Kertsch gefunden worden sind. Wenn wir mit L. A. Matzoulevitch annehmen, daß diese Schalen in Kertsch angefertigt wurden, so können diese Denkmäler als Angabe dafür dienen, von wo die Schmuckformen nach Byzanz gelangten; doch kann die Frage nach der Herkunft dieser Schalen nicht als entschieden betrachtet werden. Auf Münzen und Medaillen läßt sich die Anhängsel-Fibel seit Theodosius dem Großen und seinen Söhnen Arcadius und Honorius feststellen. Die Ornamentation der Fibeln erreicht im VI. Jahrhundert ihre Blütezeit, doch behält die kaiserliche Fibel auch später ihre eigenartige Form. De Linas behauptet, daß die Beschreibung des Corippus, die sich auf die Zeit Justins II. bezieht (565—578), chronologisch die letzte Aussage über die kaiserliche Fibel sei. Doch wenn wir für folgende Jahrhunderte auch keine schriftlichen Bestätigungen besitzen, so wird die Lücke durch das ikonographische Material ausgefüllt. Die Bronzebüste des Kaisers Phocas (602—610) im Brit. Mus. bietet dieselbe runde Fibel mit Anhängseln (Taf. XIII., 5). Die Fibeln auf den Münzen des Heraclius (610—641) und seiner Söhne (Taf. XIII., 1, 2) behalten ebenfalls die Anhängsel, sind aber zuweilen oben mit einem Ansatz versehen (manchmal in Schlingenform), der die zweite Platte oder den Nadelhalter wiederzugeben scheint und zeigt, daß die dargestellte Fibel nicht bloß scheibenartig gewesen ist, sondern gleich den Fibeln Justinians noch andere Teile besaß. Auf dem Mosaik des S. Apollinare in Classe zu Ravenna, das Constantinus Pogonatus (668—685) darstellt und zum Teil restauriert ist, erblicken wir an dem nichtrestaurierten Teil nur die Anhägsel, während die Fibel, dank der ungeschickten Restauration, von ihnen getrennt erscheint und höher angebracht ist. Das hat J. Ebersolt den Anlaß gegeben, zu behaupten, daß die Fibel keine Anhängsel besitzt, was aber falsch ist. Auf den Münzen des Constantinus Pogonatus ist eine Fibel mit Anhängseln dargestellt. Anhängsel sind auch auf Münzen der ikonoklastischen Kaiser Leo III. und Konstantin V. erhalten. Doch sollte später die Anhängsel-Fibel wieder durch eine einfache runde ersetzt werden, wie man es an Kaiserdarstellungen der Macedonischen Dynastie sieht, und ihr Verbleiben auf einigen Münzen und Siegeln kann die Folge eines Kopierens bestimmter Vorbilder sein. Die, früher Romanus Diogenes (1067—1071) zugeschriebene, heute aber auf Romanus II (959—963) bezogene, Elfenbeinplatte zeigt, daß die Kaiserin den Mantel mit perlenumrahmter Fibel doch ohne Anhängsel getragen hat, während der Mantel in der Tracht der Kaiser schon durch das Lorum ersetzt war. Auf späteren Bildnis-Denkmälern sind die Fibeln selten, sie werden hauptsächlich bei Frauen angetroffen, und ihre Rolle steht schon derjenigen der heutigen Brosche nahe; doch bleiben runde Fibeln bei Heiligen, besonders den Kriegern, auch in spätbyzantyscher Malerkunst üblich, wobei sie deren Mäntel festhalten (s. Anm. 203—216).

Wir wollen jetzt zu den Fibeln nicht scheibenartiger Konstruktion übergehen, wobei wir vor allem versuchen werden, Form und Typus derselben zu bestimmen. Die Denkmäler aus dem Ende des IV. und dem Anfang des V. Jahrhunderts gestatten diesen Versuch. Gewöhnlich besteht die Fibel aus drei kugelartigen Knöpfen, einem Querstab, einem Mittelbogen und einem oben hervorsteckenden Fuß, die so disponiert sind, daß sie ihrer Form nach ein sogen. lateinisches Kreuz bilden, doch ein umgekehrtes, denn das längere Glied ist nach oben gerichtet. Dieser Umstand schließt eine Imitierung des Kreuzes aus. Der geschilderte Fibeltypus ist unter dem Namen eines provinzial-römisch oder »kreuzförmig« bekannt, und die vorhandenen Denkmäler entsprechen vollkommen den dargestellten Fibeln. Die Fibeldarstellungen dieser Art bieten wenig Abwechslung, doch über manche Einzelheiten können wir dennoch urteilen. So erblickt man an der rechten Schulter der Porphyr-Büste, die in Ägypten gefunden worden ist (Museum Kairo) und nach Strzygowskis Meinung Maximianus (304—310) darstellen soll, einen Teil einer zerbrochenen Fibel — eben das Ende ihres Quergliedes, an dem eine zweireihige Filigran-Ornamentation um das Glied herum sichtbar ist, an der Stelle, wo dieses in den schwach hervotretenden halbrunden Knopf übergeht. Das Querglied selbst besitzt Kanten und bietet

eine sozusagen eckige (facettierte) Fläche. An dem bekannten Diptychon in Monza, das, wie jetzt angenommen wird, Stilicho darstellt, erblickt man am Fuß der Fibeln ein Ornament; es ist das sogen. Peltenornament, das den Fibelfuß ziert. Dieses Ornament findet sich auch auf den Fibeln selbst. Auf den Mosaiken von S. Vitale in Ravenna tragen die Justinian und Theodora begleitenden Hofleute Fibeln mit facettierten Knöpfen. Nach der Darstellung der Fibel des heil. Theodorus in der S. Cosmas und Damianus Kirche in Rom kann man schließen, daß die Knöpfe im Grunde Perlen waren (sie sind durch weiße Würfel wiedergegeben). Der Fuß derselben Fibel ist mit einem länglichen Kreuzchen geschmückt, was gleichfalls die charakterische Ornamentation wiedergibt, die bei den Fibeln selbst Analogien findet. Dieses Kreuzchen entscheidet vollkommen die Frage nach dem oberen und unteren Teil der Fibel, da das Kreuz nicht verkehrt dargestellt werden konnte. Eine Reihe Darstellungen gleichartiger Fibeln weist auf die starke Erweiterung des Fußendes hin. Endlich kann man eine merkwürdige Fibeldarstellung auf einem Glasboden sehen (Abb. 18). Die Knöpfe, von denen nur zwei vorhanden sind (der mittlere fehlt), haben die Form flacher Blätter, das Querglied besitzt zwei kleine längliche Stäbchen, an der Verbindungsstelle des Fußes und Bogens befindet sich noch ein Querglied kleinerer Dimension, der Fuß ist gerundet. Ein anderes Stück (Abb. 19) gleicher Art (gefunden 1928 in Dunaszekeso, Kom. Baranya in Ungarn) zeigt eine Zweiknopf-Fibel mit einem ebenfals in zwei geteiltem Fuß.

Für die Bestimmung der Zeit der Erscheinung dieser Fibelart bietet das ikonographisches Material wenig. Auf Münzen werden Darstellungen solcher Fibeln nicht angetroffen, wo sie aber vorhanden sind, erscheinen sie so undeutlich, daß es unmöglich ist, den Typus zu bestimmen. In Byzanz erscheint diese Fibel im IV. Jahrhundert, wie die Darstellungen der Theodosius-Schale und der Basis der Theodosius-Säule zeigen. Zu bemerken ist, daß auch diese Fibelart mit Anhängsel getragen wurde (s. Anm. 217—228).

Fibeln dieser Art, die manchmahl in Überresten römischer Bauten und Gräbern Mittel- und Westeuropas gefunden worden sind, finden wir heutzutage auch in Ausgrabungen der Balkanhalbinsel, des Schwarzmeerstrandes, des Kaukasus, Syriens und Ägyptens.

Ihrer Konstruktion nach sind es entweder Feder- oder Scharnierfibeln, welche dem Charakter des Materials nach massiv (aus Bronze gegossen) oder hohl erscheinen. Was den Nadelhalter betrifft, so ist dieser entweder offen spaltenartig, oder aber geschlossen. Zum Verschlusse dient entweder eine schiebbare Gabel (Abb. 20) oder eine Klapplatte (Abb. 21). Aus diesen Vorrichtungen ist zu ersehen, auf welche Weise der von allen Seiten geschlossene, durchaus symmetrische Nadelhalter der sogen. Scharnier-Schraubenfibeln entstanden ist. Die Konstruktion dieser Fibeln ist auf dem die bekannte Childerich-Fibel darstellenden Kupferstich zu sehen (Abb. 22).

Die kreuzförmigen Fibeln können ihrer Form und Verzierungsart nach in Gruppen eingeteilt werden, welche nach gleichzeitig entdeckten Münzen teils auch durch Heranziehung ikongraphischer Analogien zu datieren sind. Die zwei ersten der (S. 87—88, Anm. 250—257) angedeuteten Gruppen (Taf. XV., 1—9) zeigen einen Typus, der dem gesamten Reich allgemein-eigen ist. Sie sind auf einigen Kunstdenkmälern dargestellt, was mit Hilfe gewisser epigraphischer Beweismittel die Annahme gestattet, daß sie schon im frühen Byzanz, jedenfalls aber in den Provinzen, welche dasselbe später gebildet haben, üblich gewesen sind und die byzantinische Kunstindustrie einigermassen beeinflußt haben. Mit der III. Gruppe angefangen (Taf. XV., 10—13, XVI.) besitzen die Fibeln auch ornamentale oder technische Analogien in Denkmälern der byzantinischen Kunst- und Metallindustrie. Die Chronologie dieser Gruppen, sowie die der Erscheinung gewisser Einzelheiten der Form, der Verzierungsart oder der Konstruktion ist in den beigelegten Tabellen am Ende dieses Artikels angegeben. (S. 88—93 und Anm. 258—294).

Mit einzelnen Gruppen der kreuzförmigen Fibeln sind durch gewisse Details oder Stilverwandtschaften noch andere Fibelarten verbunden. Es sind die filigranverzierten, manchmal die Zweischeibenfibel imitierenden Fibelgruppen. Diese aus den Funden Mitteleuropas (Ostropataka-Ostrovjany in der Slovakei, in Siebenbürgen u s. w.) stammenden Fibeln haben ihre ornamentalen, wie auch typologischen Analogien (die rechteckige Bogen-Fibel des Schatzes aus Ostropataka) unter den oben angeführten kreuzförmigen Fibeln (S. 93—94 Anm. 295—301).

Ferner ist zu bemerken, daß in Byzanz die »angebundene« (sog. Fibel mit umgeschlagenem Fuß) Konstruktion üblich gewesen ist, welche, wie Prof. Kalitinsky gezeigt hat, für die griechischen Schwarzmeer-Kolonien charakteristisch war. Einzelheiten dieser Konstruktion, welche zuweilen in Fibeln anderer Arten erhalten bleiben und keine konstruktive Bedeutung haben, sind auch ein Beweis mehr

Chronologisches Verzeichnis der Fibeltypen in Byzanz

Typen nach Darstellungen	Jahrhunderte IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Typen und Details nach den Sachen
I. *Scheibenfibeln:*										
A. Runde einfache . . .	+	+	+	+		+	+	+	+	
		■	■							Runde: mit Darstellungen
			▲			■	▲		▲	mit Email
		■			■		?			mit Münzen u. s. w.
Runde mit Perlen . .	+	+	+	+			+▲■	+	+	Runde mit Perlen.
Kreuzförmige				+		+■+		+	+	Kreuzförmige.
Rombenförmige . .				+■						Rombenförmige.
Längliche*)						?	+	+		
In Sternform u. s. w. .						+			+	
										*) In Form, einer καμάρα.
B. Mit Anhängseln:										
Runde	+	+		+	+	+	+	+		
	■									Ovale (Fund von Osztropataka).
Runde mit Perlen . .	+	+	+	+						
Dreieckige		+								
		■								Dreieckige (Fund von Nagy-Mihály).
II. *Komplizierte Konstruct.:*										
Runde		■	+	+						Kleine Fibel des Fundes von Petrossa.
Ovale	+	■								Große Fibel aus Szilágy-Somlyó.
Viereckige	+	+								
III. *Provinzial-römische kreuzfömige:*										
Ohne Ornament	?■+	+	+							I. II. Gabel?
	■									III. Klapplatte; Scharnier mit Schraube.
	■									IV. A. Klapplatte; Chrysmen; Hellenistische Ornamenten.
Mit Pelten-Ornament .	+	■								IV. B. Scharnier mit Schraube.
		■								V. A. Scharnier mit Schraube (Fibel des Childerich).
Mit Kreuzchen			+■							V. B. Scharnier mit Schraube.
Mit erweitertem Fusse .			+	■						№ 264 des British Museums.
	?■									Filigran-Fibeln (Fund von Osztropataka).
	■									Rechteckige Bogen-Fibel (Osztropataka).
	■?									Mit einer Scheibe am Querglied.
										Angebundene:
		■								In Form d. provinzial-römischen kreuzförmigen Typus.
		■								Mit Elementen der Scheibenfibeln.
IV. *Zweischeibenfibeln:*										
S. g. gothische		■		▲+?		+	+			Zweischeibenfibeln, s. g. gothische.
Symmetrische nach zwei Achsen				+?						

\+ Vorhandensein ■ Vorhandensein der Fibel ▲ Vorhandensein der Imitationen

zu Gunsten, daß auch solche Fibeln in Byzanz gebraucht waren. Endlich ist eine Fibelgruppe (Abb. 25—27) »angebundener« Konstruktion von besonderem Interesse (an der Kaukasischen Küste des Schwarzen Meeres gefunden und dem V. Jahrhundert angehörend) wegen der kombinierten Elemente des scheibenartigen Typus und ihr Stein- und Filigran-Ornamentation (s. Anm. 302—307).

Es bleibt die Gruppe der Zweischeibenfibeln, die in Byzanz zweifellos existiert hatten, doch sind die Darstellungen undeutlich und es ist schwer, irgendwelche Urteile an ihnen zu begründen. Ich will mich deshalb auf eine kurze Aufzählung beschränken. Auf der schon erwähnten Elfenbeinplatte des Trierer Doms geben die Fibeln (Abb. 28 b, c) einiger Figuren (z. B. der Hofleute des kaiserlichen Gefolges oder des Wagenlenkers) zweifellos die sogen. Zweischeibenfibel wieder, während die Fibel des Kaisers (Abb. 28a) einigermaßen an die sogen. »gothische« Art errinnert. Es ist möglich, daß gleichartige Fibeln auch auf den Münzen des Heraclius (Taf. XIII., 1, 2) (mit Anhängseln) und Leo des Weisen (ohne Anhängsel) (Taf. XIII., 3) dargestellt sind. An einer der Kistenplatten im Dom zu Troyes erblicken wir bei den dargestellten kaiserlichen Reitergestalten ziemlich deutlich den sich dem sogen. »gothischen« nähernden Typus (Abb. 29). Die Fibel besteht aus einer halbrunden Vorderplatte und einem gerundeten Fuß. Wenn wir für die eben aufgezählten dargestellten Fibeln archäologisches Material suchen wollen, muß zuerst die Fibel eines Fundes des Gouv. Kiew angegeben werden, ferner zwei Fibeln aus Carthago, die von Rostovtzeff veröffentlicht wurden. Eine aus Kairo stammende Bronzeplatte im Kaiser-Friedrich Museum ist eine Nachahmung dieser Fibelart. Zuletzt wollen wir darauf hinweisen, daß auch einige Fibeln (Taf. XIV., 3, 4) aus ungarischen Funden (der Schatz von Szilágy-Somlyó u. a.) byzantinische Herkunft vermuten lassen (s. Anm. 308—321).

ABBILDUNGEN.

Text:

Tafeln:

Taf. XI., 1. Fibel aus Michailovcy (Nagy-Mihály) in Karpatho-Rußland. W. K. H. M.
2. Rückseite derselben Fibel.
3. Fibel mit Honorius-Münze. British Museum (№ 2860).
4. Fibel des II Fundes aus Ostroviany (Osztropataka) in Slowakien. W. K. H. M.

Taf. XII., Bronzene vergoldete Büste (Schalenembleme) eines Kaisers des IV Jahrh. B. U. N. M.

Taf. XIII., 1. Münze der Kais. Heraclius und Constantinus.
2. Heraclius-Münze.
3. Münze Leo des Weisen.
(1.–3.: British Museum. (Doppelte Größe).)
4. Kais. Constantius. Schale aus Kertsch. Ermitage.
5. Bronzene Büste (Gewicht) des Phocas. Br. M.
6. Kais. Constantius. Schale aus Kertsch. Ermitage.
7. Iustinianus-Medaillon (nach der Kopie des Br. M.) Vorderseite.
8. Dasselbe. Rückseite.

Taf. XIV., 1. Die große Fibel vom Szilágy-Somlyó-Funde. B. U. N. M. Profil.
2. Dasselbe. Vorderseite.
3. Fibel in U. N. M. B. (Fund von Szilágy-Somlyó?).
4. Fibel (eine aus einem Paar) vom Szilágy-Somlyó-Funde.

Taf. XV., 1. Silberne Fibel aus Ungarn. U. N. M. B. (№ C. R. 723).
2. Goldene Fibel unbekannter Herkunft. K. H. M. W. (№ VII B 305).
3. Silberne Fibel aus Ungarn. U. N. M. B. (№ 103/1864).
4. Gold. Fibel mit Inschrift Constanti vivas. K H. M. W. (№ VII B 303).
5. Gold. Fibel aus dem Schatze von Petrianec bei Warazdin (Kroatien). K. H. M. W (№ VII B 300).
6. G. Fibel aus Ungarn. U. N. M. B. (№ 23/1906, 1).
7. S. Fibel unbekannter Herkunft. K. H. M. W. (№ VII a 92).
8. G. Fibel aus Ungarn. U. N. M. B. (№ 5/1886, 1).
9. S. Fibel aus Ungarn. U. N. M. B. (№ 31/1913, 367).
10. G. Fibel mit Inschrift Iuliane vivas, gef. in Vád bei Fogáras. K. H. M. W. (№ VII B 310).
11. G. Fibel unbekannter Herkunft. Museum zu St Germain en Laye (№ 17631).
12. G. Fibel aus dem Funde von Starčova bei Pančevo (Banat). K. H. M. W. (№ VII B 301).
13. Kupferne Fibel aus Ungarn. U. N. M. B. (№ C. R. 713).

Taf. XVI., 1. G. Fibel mit Inschrift Θῦ Χάρις. British Museum. (№ 264).
2. Bronzene Fibel, gef. in Jerusalem. Brit. Mus. (№ 257).
3. Br. Fibel aus Ungarn. U. N. M. B. (№ C. R. 721).
4. G. Fibel aus dem Schatz von Ostroviany (Osztropataka) in Slowakei. K. H. M. W.
5. S. vergoldete Fibel unbekannter Herkunft. Museum zu St Germain en Laye (№ 35805).
6. G. Fibel. K. H. M. W. (№ VII B 304).
7. Br. Fibel mit Spuren von Vergoldung. U. N. M. B.
8. Br. vergoldete Fibel. Brit. Mus. (№ 256).
9. 10. 11. Br. Fibeln aus Ungarn. U. N. M. B. (№ 100/1912, 173).

II. ХЕРСОНЕССКАЯ МОЩЕХРАНИТЕЛЬНИЦА.

Памяти Якова Ивановича Смирнова.

Я. И. Смирновъ — основатель собственно научнаго изученія восточнаго серебра. Его атласъ неисчерпаемый кладъ и ни одинъ работающій въ этой области не можетъ пройти мимо него. Несмотря на то, что матеріалъ этотъ не снабженъ томомъ капитальнаго изслѣдованія, все же основная классификація дана и этапы работы указаны во введеніи къ атласу. Будущимъ исполнителямъ этой части неоконченной Я. И. Смирновымъ работы придется больше итти по указаннымъ путямъ, чѣмъ искать новыхъ, провѣрять и обосновывать отдѣльныя положенія, группировки, опредѣленія и даты Якова Ивановича. Т. обр. эта область археологическаго знанія неразрывно связана съ его именемъ.

Для изученія византійской торевтики Я. И. сдѣлано не меньше, хотя въ спискѣ печатныхъ трудовъ его мы и не найдемъ ни одной статьи или работы изъ этой области. Докладъ Я. И. „О нѣкоторыхъ золотыхъ и серебряныхъ предметахъ кипрскаго происхожденія“, прочитанный 18 декабря 1900 г. въ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ,[1] служитъ и по сейчасъ исходнымъ пунктомъ для работъ по византійскому серебру. Значеніе этого доклада заключается въ раскрытіи точнаго смысла клейменія серебра путемъ истолкованія, пользующагося въ настоящее время довольно большой извѣстностью, текста о чудѣ превращенія свинца и олова въ серебро 1-го и 2-го сорта, а также и въ указаніи того факта, что клейма б. ч. даютъ возможность установить точную дату памятника, на которомъ они находятся. Свои наблюденія Я. Ив. производилъ надъ серебрянымъ ковчежцемъ, найденнымъ въ Херсонесѣ — памятникомъ, который и служитъ предметомъ настоящихъ замѣтокъ. Несмотря на точность и обоснованность опредѣленія Я. Ив., оно не было вполнѣ принято въ литературѣ предмета. Въ настоящее время новый матеріалъ, аналогичный Херсонесской мощехранительницѣ, съ одной стороны, и новыя и систематическія наблюденія надъ клеймами серебряныхъ сосудовъ, съ другой, съ ясностью подтверждаютъ правоту мнѣнія Я. И. Поэтому мы и позволяемъ себѣ заняться пересмотромъ этихъ новыхъ данныхъ, а вмѣстѣ съ ними коснуться и вообще этого рода памятниковъ въ сборникѣ памяти Я. И.

Въ 1897 г. въ Херсонесѣ при раскопкахъ основаній крестообразнаго храма („внутри монастырской ограды, между малой церковью, гостиницей и конюшней“) подъ фундаментомъ престола въ алтарѣ была найдена серебряная мощехранительница (табл. XVIII—XIX) въ видѣ саркофажца, нынѣ хранящаяся въ Эрмитажѣ.

[1]) Протоколы засѣданій отдѣленія археологіи древне-классической и западно-европейской за 1900 г. Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, н. с., т. XII, стр. 505—510.

Размѣры ея: длина 0,134 м., ширина 0,085 м. и высота 0,115 м. (отъ основанія до вехняго ребра крышки). Стѣнки саркофажца украшены изображеніями въ медальонахъ: Христа между апостолами Петромъ и Павломъ (табл. XVIII справа), Богоматери между двумя ангелами (табл. XIX справа) — на длинныхъ сторонахъ — и двухъ молодыхъ Святыхъ (табл. XVIII—XIX слѣва) — на короткихъ, а крышка — крестами извѣстнаго въ византійскомъ искусствѣ типа съ расширенными концами. На оборотной сторонѣ дна и крышки находится по 4 клейма, при чемъ всѣ они въ извѣстной мѣрѣ повреждены. Помѣщалась мощехранительница въ спеціально устроенной небольшой гробничкѣ, сложенной изъ черепицы и крытой мраморной плитой, на мраморной дощечкѣ, какъ то видно изъ прилагаемаго чертежа (рис. 1). Ковчежецъ былъ въ свое время завернутъ въ кусокъ ткани, истлѣвшей ко времени его открытія, какъ о томъ свидѣтельствовали ея остатки, найденныя на той же дощечкѣ.[2] Наконецъ нужно сказать, что ковчежецъ содержалъ въ себѣ частицы мощей, для сохраненія которыхъ онъ и предназначался.

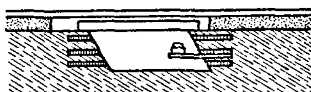

Рис. 1.

Съ тѣхъ поръ Херсонесская мощехранительница издавалась[3] и упоминалась[4] въ научной литературѣ неоднократно — какъ характерный примѣръ реликварія въ типѣ саркофага,[5] или какъ точное указаніе на время построенія церкви, въ которой она была найдена,[6] при перечисленіи продуктовъ художественной индустріи Сирійскихъ мастерскихъ,[7] наконецъ, съ цѣлью установить фактъ клейменія серебра до окончательной отдѣлки предмета.[8]

Содержимое ковчежца и его помѣщеніе въ спеціально устроенной гробничкѣ подъ престоломъ указываетъ на особое богослужебное (литургическое) назначеніе предмета и извѣстную роль его въ церковномъ обиходѣ. Изъ „чина“ и „послѣдованія“ освященія новаго храма мы узнаемъ о томъ, что Святыя мощи,

---

²) Объ обстоятельствахъ находки см: Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1897 г. стр. 97—103.

³) Отч. Имп. Арх. Ком. 1897, рис. 87, 88 или 213, 214. Альбомъ рисунковъ, воспроизведенныхъ въ Отч. И. А. К. за 1882—1898, №№ 754а и 754б. Н. В. Покровскій. Древняя ризница Софійскаго Новгородскаго собора. Труды XV археологическаго съѣзда въ Новгородѣ. I. Москва 1914, табл. XIII.

⁴) См. упоминанія у: W. Fr. Volbach. Metalarbeiten des christlichen Kultes. Mainz 1921, 15, 64, 66.

⁵) Н. В. Покровскій, ук. соч., стр. 94—95.

⁶) Д. В. Айналовъ. Памятники христіанскаго Херсонеса, вып. I, Развалины храмовъ, Москва 1905, стр. 78. Ср. E. H. Minns. Scythians and Greeks, Cambridge 1913, p. 512.

⁷) L. Bréhier. Les trésors d'argenterie syrienne et l'école artistique d'Antioche. Gazette des Beaux-Arts, 1920, I, p. 194. Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin, I, 1925, p. 314. L'école artistique d'Antioche et les trésors d'argenterie syrienne. Syria II 1921, p. 91. O. Wulff. Altchristliche und byzantinische Kunst, I, S. 198 (неправильно указано мѣсто находки — Керчь). O. M. Dalton. Byzantine art and archaeology, Oxford 1911, p. 564—565. Ср. East Christian art, Oxford 1925, p. 328.

⁸) См. вышеуказанный докладъ Я. И. Смирнова, въ Зап. Р. Арх. О-ва, XII, стр. 506. На крышкѣ клейма видны на вогнутой поверхности крестовъ и на полѣ вокругъ. Это и дало возможность установить, что клейма были поставлены до выбитія крестовъ. Клейма изданы: M. Rosenberg. Der Goldschmiede Merkzeichen. Frankfurt a. M. 1911 (Anhang Byzanc) n⁰ n⁰ 5966—5969 (дно), 5970—5973 (крышка), S. S. 1170—1171.

по чтеніи соотвѣтствующихъ молитвъ, полагаются въ алтарѣ въ спеціально для того приготовленный ящикъ (Καὶ εἰσερχομένων τοῦ τε ἀρχιερέως καὶ τῶν ἱερέων ἐν τῷ ἁγίῳ βήματι, ἀποτίθενται τὰ ἅγια λείψανα εἰς τὴν ἠτοιμασμένην αὐτοῖς θήκην).[9] Изъ перечисленія же предметовъ, необходимыхъ при совершеніи освященія храма, видно, что ящикъ этотъ бываетъ обычно малымъ и серебрянымъ (Λείψανα ἁγίων Μαρτύρων, καὶ θήκη μικρὰ ἀργυρᾶ).[10] *Ящикъ съ мощами помѣщается подъ* полъ съ восточной стороны престола, причемъ мѣсто его предусмотрѣно очень точно.[11] Въ тотъ же ящикъ кладется еще и сосудикъ съ мνромъ, а затѣмъ закрывается его крышка и онъ запечатывается (замазывается воскомъ, гипсомъ или заливается свинцомъ).[12] Обрядъ „положенія мощей" составляетъ одну изъ важнѣйшихъ частей чина освященія храма, и понынѣ соблюдаемаго Православной Церковью, и хорошо знакомъ всякому, кто хоть разъ при таковомъ присутствовалъ.

Археологическій матеріалъ превосходно иллюстрируетъ данныя церковнаго обряда.[13] Извѣстно большое количество мощехранительницъ различныхъ ти-

[9]) *Εὐχολόγιον τὸ μέγα περιέχον τὰς τῶν ἑπτὰ μυστηρίων ἀκολουθία...* ἐν Βενετίᾳ 1851, p. p. 290—310. Ἀκολουθία καὶ τάξις εἰς ἐγκαίνια ναοῦ. Наканунѣ вечеромъ архіерей приготовляетъ три частицы Святыхъ мощей, кладетъ ихъ на дискосъ и покрываетъ звѣздицею и воздухомъ. (Τῇ δὲ ἐρχομένῃ ἑσπέρᾳ ἀπέρχεται ὁ Ἀρχιερεὺς μετὰ τοῦ κλήρου εἰς τὸν νέον ναόν, καταρτίζει ἐπὶ τῆς ἁγίας τραπέζης τὰ ἅγια λείψανα εἰς μερίδας τρεῖς καὶ τεθέντων τούτων ἔνδον τοῦ Δισκαρίου, καὶ ἄνωθεν τοῦ Ἀστερίσκου τεθέντος, καὶ καλυφθέντων μετὰ τοῦ Ἀέρος, ἢ βλατίου καλύμματος... — p. 291.) Затѣмъ мощи переноситься въ другой, уже освященный, храмъ (καταρτίσας δὲ ὁ Ἀρχιερεὺς τὰ ἅγια λείψανα, ὡς προείπομεν, εἰσφέρει ταῦτα μετὰ τοῦ κλήρου ἐν ἑτέρῳ ἐντεθρονισμένῳ ναῷ πρὸ τοῦ Ἑσπερινοῦ, καὶ τίθησιν αὐτὰ ἐν τῇ ἁγίᾳ τραπέζῃ καὶ ἅπτεται κηρὸς δι' ὅλης τῆς νυκτός· ψάλλεται δὲ λυχνικόν καὶ παννυχὶς εἰς τὸν ναὸν, τὸν ἀποδεξάμενον τὰ λείψανα τῶν ἁγίων, ὑπὸ τῶν ἐκεῖσε διατλούντων. — p. 292—293). Утромъ передъ обѣдней ящикъ для мощей среди другихъ предметовъ кладется въ алтарѣ (τὸ δὲ σάβανον τοῦ αρχιερέως, καὶ τὸ κατασάρκιον τῆς τραπέζες, καὶ τὰ τέσσαρα ὑφάσματα, καὶ τὰ ἀντιμίνσια, τό τε ἅγιον μύρον, καὶ ἡ *θήκη τῶν ἁγίων λειψάνων*, ἔν τινι ταῦτα πάντα τοῦ βήματος ἀποτίθενται τόπῳ· καὶ ἕκαστον ἐν καιρῷ τῷ ἀνήκοντι λαμβανόμενον, τίθεται ὅπου ἂν ᾖ χρεία. — p. 303—304). По совершеніи проскомидіи и облаченіи архіерея мощи переносятся въ освящаемый храмъ съ исполненіемъ особыхъ церемоній. Ὅταν πάλιν φθάσωσιν ἔμπροσθεν τῶν πυλῶν τοῦ ναοῦ, τίθενται τὰ ἱερὰ λείψανα ἐπὶ τετραπόδου — p. 306. Послѣ чтенія Апостола и Евангелія: Ἐν δὲ τῷ ψάλλεσθαι τὸ τροπάριον, ἀποτίθεται ὁ ἀρχιερεὺς τὰ ἅγια λείψανα ἐν τῷ ἑτοιμασθέντι τετραποδίῳ, ἔμπροσθεν τῶν πυλῶν τοῦ ναοῦ... p. 308. Послѣ чего и слѣдуютъ чтеніе молитвъ и положеніе мощей въ алтарѣ (p. 310). Ср. J. Goar. Εὐχολόγιον sive rituale graecorum etc. Venetiis 1730, p. p. 655 sqq. Разница вышеприведеннаго „чина" съ опубликованнымъ у Goar'a та, что *по послѣднему положеніе мощей* происходитъ до чтенія Апостола и Евангелія при пѣніи спеціальныхъ пѣснопѣній (καὶ ψάλλουσιν ἰδιόμελα τῶν ἐγκαινίων, τὰ πρῶτα. ζήτει αὐτὰ ἐν μηναίῳ. Τούτων δὲ ψαλλομένων τὰ σεβάσμια λείψανα παρὰ τοῦ Ἀρχιερέως εἰς ἠτοιμασμένην ἀποτίδεντα θήκην. — p. 663. Ср. Покровскій, ук. с. 99—101.

[10]) Εὐχολόγιον τὸ μέγα, p. 290.

[11]) Εἶτα κατὰ τὸ ἔδαφος μεταξὺ πρὸς ανατολὰς κιόνων, εἴγε τὴν τράπεζαν ὑπερείδουσι κίονες. εἴτε βωμοῦ ταύτην βαστάζοντος κατὰ τὸ μέσον αυτοῦ μέρος τὸ σύνθρονον. Goar. p. 663. Этотъ текстъ представляетъ еще интересъ и съ той точки зрѣнія, что въ немъ отпечатались два способа устройства престола — на 4-хъ столбахъ или на 1-й подставкѣ.

[12]) Μῦρον δε τούτοις τοῦ Ἀρχιερέως ἐπιχέοντος, ἐπιτίθεται παρ' αὐτοῦ τὸ πῶμα τῇ θήκῃ, καὶ κατασφαλίζονται πάντοθεν αἱ τουτοῦ ἁρμογαὶ διὰ κηρομαστίχης, ἢ γύψου, ἢ μολύβδου... Goar p. 663. Ср. Εὐχολόγιον τὸ μέγα, p. 310: καὶ τούτοις ἐπιχέεται ἅγιον Μύρον, καὶ ἀσφαλίζουσι ταῦτα μετὰ πάσης ασφαλείας, καὶ προσοχῆς μεγάλης...

[13]) Это обстоятельство говоритъ въ пользу большой неизмѣнности обряда Православной Церкви. Археологическій матеріалъ, какъ увидимъ ниже, д. б. относимъ къ V—VII в. в. Приведенныя данныя евхологіевъ — по времени много позднѣйшему. Впрочемъ упоминаніе о серебряныхъ ковчежцахъ есть и у церковнаго историка Созомена, см. Покровскій, ук. с., стр. 97.

повъ,[14] изъ коихъ многія были найдены именно при обстоятельствахъ точно воспроизводящихъ предписанія „чина“ освященія церкви.[15] Въ древне-христіанскихъ церквахъ византійскихъ городовъ IV—V в.в. довольно часты находки реликваріевъ подъ престоломъ въ алтарѣ. Для Балканскаго полуострова можно назвать Стоби[16] и Салону.[17] Выше уже говорилось, что и Херсонесская мощехранительница могла бы служить въ данномъ случаѣ образцомъ. Мы займемся здѣсь только примѣрами, рѣже другихъ приводимыми въ научной литературѣ, наиболѣе близкими къ нашему, какъ по типу и формѣ предмета, такъ и географически, по мѣсту находки.

Въ томъ же Херсонесѣ въ 1891 г. при раскопкахъ небольшого храмика (около новой восточной монастырской стѣны, отъ главной улицы вправо на востокъ), служившаго „костницей“, т. е. построеннаго надъ усыпальницей, внутри апсиды подъ поломъ было найдено четырехугольное углубленіе, обложенное плитками, въ которомъ находилась мощехранительница тоже въ видѣ саркофажца (рис. 2а). На этотъ разъ ковчежецъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора и крышка его не откидывающаяся, а выдвижная.[18] Саркофажецъ, кромѣ горизонтальнаго члененія стѣнокъ и акротеріевъ на крышкѣ, никакихъ украшеній не имѣетъ.

Другой ковчежецъ — болѣе грубой работы и худшаго качества матеріала — находится въ Музеѣ Кіевской Духовной Академіи и происходитъ тоже изъ Крыма, хотя и неизвѣстно откуда точно.[19] Его украшеніе состоитъ изъ выби-

---

[14]) Напр. овальныя или круглыя коробки — т. наз. capsellae — перечисляемыя обычно въ обзорахъ металлическихъ издѣлій V—VI в.в. во всѣхъ общихъ руководствахъ. О нихъ см. J. B. de Rossi. Le insigni capselle reliquiarie scoperte in Grado. Bullettino di archeologia cristiana 1872, 155—158. Ph. Lauer. La capsella di Brivio. Monuments Piot, t. XIII, 229—240. Le trésor du Sancta Sanctorum, ibid., t. XV, p. 71—73. О т. н. capsella africana см. F. Cabrol. Dictionnaire d'archéologie chrétienne, s. v. cassette, capsa. col. 2343—2344. Тамъ же и о значеніи отдѣльныхъ терминовъ. Извѣстный четырехугольный ящикъ церкви Св. Назарія въ Миланѣ въ настоящее время снова превосходно изданъ и описанъ, см. R. Delbrueck. Denkmäler Spätantiker Kunst. Antike Denkmäler herausgegeben vom Deutschen Archaeologischen Institut, B. IV, Erstes Heft. Berlin 1927. Taf. 1—4. Той же формы мощехранительница, найденная въ ц. Св. Софіи въ Софіи (нынѣ въ Болгарскомъ Народномъ Музеѣ). О ней см. Б. Филовъ. Софийската църква Св. София. Материали за историята на София, IV, 70—72, т. VIII, 1—4. Послѣдняя не находилась въ особой гробничкѣ подъ престоломъ, а была найдена между двумя костяками подъ апсидой; ср. также Cabrol, ibidem, col. 2347. О серебряномъ реликваріи VI в., найденномъ въ Pola см.: H. Swoboda: Frühchristliche Reliquiarien des k. k. Münz-und Antiken-Cabinetes. Mittheilungen der k. k. Central-Kommission, N. F. XVI, 1890, 1—22. См. также: C. M. Kaufmann, Handbuch der christlichen Archaeologie. Padeborn, 1913, S. 55. R. de Lasteyrie, L'architecture religieuse en France à l'époque romane. IIe éd. Paris, 1929, p. 97.

[15]) Весьма интересный матеріалъ одной изъ церквей Сѣв. Африки (Henchir Akhrib) приведенъ въ словарѣ Cabrol, ibid., col. 2344—2346. Подъ престоломъ была спеціальная гробничка съ нѣсколькими мощехранительницами, надписи на которыхъ указываютъ мощи какихъ Святыхъ онѣ содержали. Надпись на одной изъ плитъ, покрывавшихъ гробничку, говоритъ, что мощи были положены въ 582 г.

[16]) Въ криптѣ подъ пресвитеріемъ базилики былъ нѣкогда реликварій, не сохранившійся. См. Српска Краљевска Академија. Годишњак. XXXIV, 1925. Београд—Земун, 1926, стр. 323.

[17]) Въ базиликѣ Свв. Мучениковъ Манастирины. См. Forschungen in Salona veröffentlicht vom Österreichischen Archäologischen Institut. I. Wien, 1917, S. 91.

[18]) См.: Отч. Имп. Арх. Комм. за 1891 годъ (Спб. 1893), стр. 9.

[19]) Н. В. Покровскій. Указ. соч., стр. 96—97, рис. 33—34.

тыхъ во внутрь крестовъ на стѣнкахъ съ длинныхъ сторонъ и на крышкѣ — съ короткихъ. Кресты довольно характерной формы, концы ихъ заканчиваются перпендикулярной къ вѣтви креста чертой (☩). Подобной формы кресты извѣстны также и на византійскихъ монетахъ.[20]

Сравнительно больше матеріала извѣстно изъ Болгаріи. Во время моихъ занятій въ Софійскомъ музеѣ въ 1927 я видѣлъ тамъ 6 такихъ мощехранительницъ, изъ нихъ 4 мраморныхъ и 2 изъ известняка.[21] Далеко не у всѣхъ оказалось возможнымъ установить точное происхожденіе. Тѣмъ не менѣе имѣются экземпляры, происходящіе изъ оффиціальныхъ раскопокъ и найденные in situ. Для остальныхъ же вполнѣ вѣроятно аналогичное происхожденіе и нѣтъ большихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что всѣ ковчежцы происходятъ изъ развалинъ древнихъ церквей, какъ и въ томъ, что тамъ они помѣщались именно подъ престоломъ. Эти мощехранительницы представляютъ намъ 2 типа.

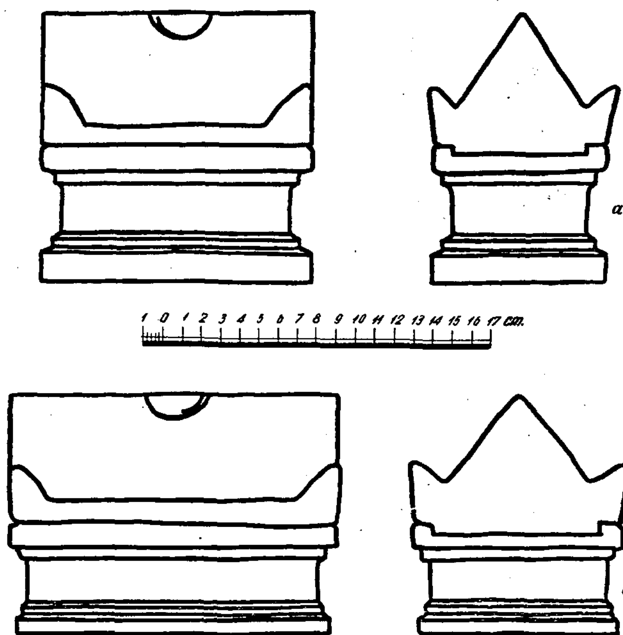

Рис. 2.

I — саркофажцы изъ бѣлаго мрамора съ выдвижной крышкой, по формѣ вполнѣ аналогичные найденному въ 1891 г. въ Херсонесѣ и отличающіеся отъ него лишь размѣрами и пропорціями (см. рис. 2b). Такой саркофажецъ былъ найденъ въ 1914 году при раскопкахъ основаній базилики ок. Чобанъ-дере (Ески-Джумайско). Находился онъ въ спеціальной гробничкѣ подъ престоломъ въ апсидѣ, какъ разъ между (нѣсколько къ западу отъ нихъ) двумя базами колоннъ, вѣроятно поддерживавшихъ престолъ (ср. прим. 11). Опубликована эта находка П. Мутафчіевымъ.[22] Ковчежецъ былъ запечатанъ оловомъ и содержалъ частицы мощей. Считается, что базилика построена не позднѣе VII вѣка.

II — ковчежцы изъ болѣе грубаго матеріала (известняка) тоже въ видѣ саркофага, но болѣе схематической формы — безъ горизонтальнаго члененія стѣнокъ и съ акротеріями по угламъ крышки, теряющими, однако, какъ свою

[20]) Ближе всего на монетахъ Тиверія II, Маврикія, Фоки и Ираклія, см. W. Wroth, Catalogue of imperial byzantine coins. I., pl., XVI, 16, 17, 18; XVIII, 12, 13; XX, 7, 8; XXII, 12; XXIII, 3, 5, 7, 13, 14, 16, 17.

[21]) См. Водачъ за Народния Музей въ София. София 1923, стр. 205 (гдѣ упомянуто 4 каменныхъ саркофажца; при моемъ посѣщеніи на томъ же окнѣ ихъ было 6) и рис. 103.

[22]) П. Мутафчіевъ. Базилика при Чобанъ-дере, Ески-Джумайско. Изв. на Бълг. Арх. Друж. VII, стр. 30 и слѣд., рис. 24. В. Иванова. Стари църкви и монастири въ Българскитѣ земли (IV—XII в.). Годишникъ на Народния Музей, 1922—25, стр. 473.

естественную форму, такъ и архитектоническій смыслъ своего размѣщенія. По формѣ эти саркофажцы ближе серебряному изъ Херсонеса, чѣмъ вышеописаннымъ мраморнымъ. Крышка у нихъ не выдвижная, а поднимающаяся (для чего на короткой сторонѣ имѣются особыя углубленія). Наконецъ, орнаментація крышки (по ея длиннымъ сторонамъ) состоитъ изъ креста, упомянутаго выше типа, съ нѣсколько расширенными концами и удлиненнымъ нижнимъ концомъ, и двухъ побѣговъ плюща, исходящихъ отъ нижняго конца креста и заканчивающихся сердцевидными листиками, т. е. темы, извѣстной подъ названіемъ процвѣтшаго креста. Одинъ такой ковчежецъ происходитъ изъ сел. Гюзекенъ, Варненскаго округа (на Черноморскомъ побережьи), обстоятельства его находки точно неизѣстны, въ настоящее время онъ находится въ Софійскомъ Музеѣ (рис. 3).[23]

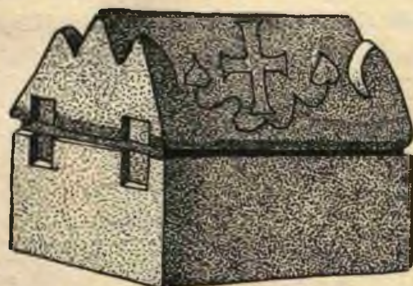

Рис. 3.

Но наиболѣе замѣчательная находка мощехранительницы была сдѣлана около Варны въ развалинахъ церкви на вершинѣ Иланъ-тепе, называемой также Джанаваръ-тепе или еще Шкорпиловой могилой. Особенность находки заключается въ томъ, что были найдены 3 ящичка, вложенные одинъ въ другой. Внѣшній ящикъ представляетъ собой саркофажецъ изъ бѣлаго мрамора, подобный выше упомянутымъ изъ Херсонеса и Чобанъ-дере (рис. 4). Второй — серебряный ковчежецъ — аналогиченъ Херсонесскому 1897 г., но безъ изображеній на стѣнкахъ (табл. XVII наверху). Наконецъ, внутри него находилась золотая шкатулка, украшенная гнѣздами съ сильно выпуклыми камнями (кабошонами), выступающіе края которой орнаментированы рядами свастикъ (табл. XVII внизу), она и содержала частицы мощей. Найдена мощехранительница была подъ престоломъ въ специальномъ углубленіи, выдолбленномъ въ блокѣ камня, искусственно для того приготовленномъ. Находится эта находка въ Варненскомъ Музеѣ.[24]

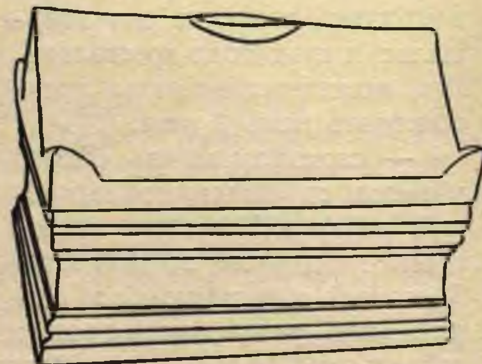

Рис. 4.

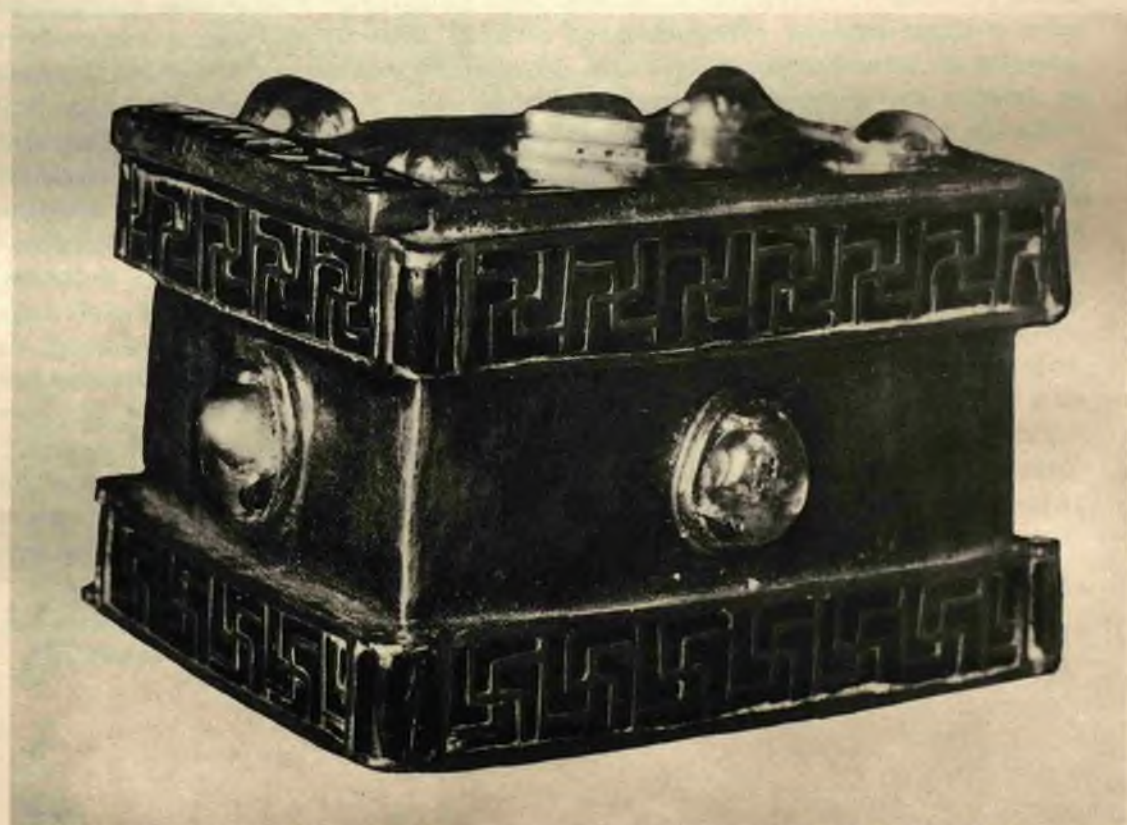
Въ заключеніе нашего перечисленія памятниковъ этого рода слѣдуетъ упо-

---

[23]) Инвент. кн. Соф. Нар. Муз. № 2047. Длина 20 см., шир. 14 см., высота съ крышкой 17 см. Въ Музей поступилъ черезъ Министерство Народн. Просвѣщ. Рисунокъ на крышкѣ съ одной стороны наклона крышки выдолбленъ, на другой сторонѣ глубоко нацарапанъ. Рисункомъ ковчежца и наведеніемъ справокъ о немъ я обязанъ любезности С. И. Покровскаго, которому и считаю долгомъ принести здѣсь искреннюю благодарность.

[24]) Всѣми свѣдѣніями объ этой находкѣ, а равно и фотографіями ковчежцевъ, я обязанъ директору Варненскаго Археологическаго Музея К. Шкорпилу, котораго и прошу принять мою глубокую благодарность. Этихъ и подобнаго рода памятниковъ касается статья К. Шкорпила о „христіанскихъ памятникахъ Черноморской области Балканскаго полуострова“ въ изданіи проф. T. Whittemore'а, о времени выхода въ свѣтъ котораго къ сожалѣнію свѣдѣній у меня не имѣется.

мянуть двѣ мощехранительницы, изъ грубаго мрамора съ орнаментированными стѣнками, въ видѣ саркофажцевъ, происходящія: одна изъ — Малой Азіи, нынѣ въ Kaiser-Friedrich-Museum, въ Берлинѣ,[25] другая — изъ сѣверной Африки (см. прим. 15). Стѣнки первой и наклонныя плоскости ея крышки обильно украшены растительнымъ орнаментомъ въ грубоватой и схематизованной трактовкѣ. Мы находимъ: на крышкѣ — пальметки съ двумя листьями аканѳа (въ профиль) по сторонамъ, на длинныхъ сторонахъ стѣнокъ — чередующіеся овы и листья аканѳа (en face) и — на короткихъ — цвѣтки „крина", повернутые попеременно вверхъ и внизъ. На вертикальномъ срѣзѣ короткой стороны крышки, снабженной, кстати сказать, акротеріями, мы видимъ ту же форму креста, что и на ковчежцѣ Музея Кіевской Духовной Академіи (см. выше). Относятъ эту мощехранительницу къ VI—VII в. Африканскій саркофажецъ любопытенъ тѣмъ, что воспроизводитъ форму дома съ колонками по угламъ и посрединѣ, по сторонамъ входа, и высокой двускатной крышей. Крышка его выдвижная, какъ у саркофажцевъ изъ бѣлаго мрамора. Датируется находка по надписи 582-го года (см. выше прим. 15).

Н. В. Покровскій попытался прослѣдить послѣдовательную смѣну типовъ мощехранительницъ въ видѣ саркофажцевъ, датировавъ отдѣльныя его разновидности. Для Херсонесской серебряной мощехранительницы (1897 г.) въ качествѣ даты принимается — VII вѣкъ, для Херсонесской мраморной (1891 г.) — VII—VIII в., наконецъ, для ковчежца Музея Кіевской Духовной Академіи — IX—X в.[26] Можно сразу же замѣтить, что ни матеріалъ, использованный Н. В. Покровскимъ, ни тотъ, что ему не былъ извѣстенъ, въ столь стройную схему не укладывается. О датѣ Херсонесскаго саркофажца мы намѣрены говорить ниже. Что же касается остальныхъ, то схема рисуется нѣсколько иная. Прежде всего въ смыслѣ формы приходится объединить серебряные саркофажцы съ тѣми, что сдѣланы изъ болѣе грубаго камня, они одного типа. Первые представляютъ издѣліе дорогое и богатое, вторые — дешевое имъ подражаніе. Мраморные саркофажцы съ выдвижной крышкой образуютъ другую группу, отличную по формѣ отъ первой, но бывшую въ употребленіи въ одно время съ первой, по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми ея серебряными представителями. На это прямо указываетъ Варненская находка. Въ своемъ горизонтальномъ члененіи мраморные ковчежцы въ точности передаютъ члененіе византійскихъ большихъ саркофаговъ, образцовъ которыхъ немало и сейчасъ въ Константинополѣ. Стиль этихъ саркофажцевъ вполнѣ въ духѣ большихъ саркофаговъ эллинистическаго періода, что выражается хотя бы въ формѣ акротеріевъ, правильно размѣщенныхъ по угламъ. Весьма вѣроятно, что подобныя издѣлія носили, такъ сказать, фабричный характеръ и изготовлялись гдѣ либо около ломокъ мрамора въ мастерскихъ, работавшихъ также и на столицу. Для датировки этого типа находки Херсонесская 1891 г. и болгарская въ Чобанъ-дере данныхъ не даютъ, наоборотъ изъ Варненской кое что почерпнуть представляется возможнымъ. Находка эта, повидимому, наиболѣе ранняя изъ всѣхъ перечисленныхъ. Планъ церкви носитъ черты извѣстной архаики, свой-

[25]) O. Wulff. Altchristliche und Mittelalterliche Byzantinische und Italienische Bildwerke. I. Berlin 1909. S. 308, № 1627. Размѣры: длина 23,5 ст. высота 16,5 ст.

[26]) Покровскій, о. с., стр. 95—97.

ственной египетской, мало-азіатской и гл. обр. сирійской архитектурѣ IV—V в.[27] Кромѣ того въ подстилкѣ пола была найдена монета Константина Великаго. Все это говоритъ именно въ пользу даты постройки церкви не позднѣе конца IV — начала V в. в.

Изъ всѣхъ трехъ реликваріевъ Варненской находки наиболѣе архаическій характеръ, хотя бы по своей единичности, представляетъ золотая коробка съ кабошонами (табл. XVII внизу). Среди остального (намъ извѣстнаго) реликварнаго матеріала въ качествѣ аналогіи ей можно указать только мѣдный ящичекъ ризницы св. Софіи Новгородской,[28] крышка котораго тоже украшена сильно выпуклыми кабошонами. Издатель этого реликварія Н. В. Покровскій его не датируетъ, а лишь указываетъ на связь рельефовъ, украшающихъ его боковыя стороны, съ рельефами древне-христіанскихъ саркофаговъ. Къ этому можно добавить, что горощатыя украшенія и бордюры ковчежца имѣютъ аналогіи въ византійской торевтикѣ.[29] Поэтому нѣтъ большихъ основаній сомнѣваться въ древне-христіанскомъ происхожденіи этого памятника, м. б. только претерпѣвшаго въ дальнѣйшемъ передѣлки и исправленія (позолота, новые кабошоны вмѣсто выпавшихъ и т. п.).

Возвращаясь къ кабошонамъ скажемъ, что характеръ ихъ заставляетъ вспомнить также такіе предметы личнаго убора, какъ извѣстная діадема Новочеркасскаго клада[30] и большая фибула клада Szilágy-Somlyó (см. выше стр. 77—78 и табл. XIV, 1, 2).[31] Это ведетъ насъ къ IV в. (самое позднее, а м. б. и времени нѣсколько старшему) какъ возможной датѣ коробки.[32] Не противорѣчитъ этому и характеръ орнаментаціи бордюровъ свастиками (crux gammata), обычной и характерной для мало-азіатскихъ саркофаговъ и погребальныхъ камней.[33]

---

[27]) Напр. прямая восточная стѣна безъ выступающей апсиды. См. O. Wulff. Altchristliche und Byzantinische Kunst (Handbuch der Kunstwissenschaft), I, Abb. 205, 207, 209, 210, 211, 213, 215, 219 и т. д. Также соотвѣтствующія библіографическія указанія.

[28]) Покровскій, ук. с., табл. XII, стр. 87—91. Часть этихъ кабошоновъ происхожденія позднѣйшаго.

[29]) Л. А. Мацулевич, Серебряная чаша из Керчи. 1926, стр. 23—28, перечисляетъ памятники украшенные горощатымъ орнаментомъ.

[30]) Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Русскія древности, III, рис. 152, 153. E. H. Minns, Scythians and Greeks, fig. 138, p. 235. Датировка Г. І. Боровка Новочеркасскаго клада I в. до Р. Х. — I в. по Р. Х. представляется намъ чрезмѣрно высокой (G. Borovka, Scythian art. London 1928, p. p. 100—101, 71—72). Прежняя датировка III и даже началомъ IV в. (Русск. др. III, стр. 136) для даннаго случая была бы болѣе подходяща. Впрочемъ, конечно, манера украшать вещи сильно выпуклыми кабошонами могла держаться довольно долго.

[31]) Объединяющимъ признакомъ является устройство гнѣздъ, въ которыхъ посажены камни. Они держатся гладкимъ ободкомъ. У реликварія Св. Софіи Новгородской камни удерживаются въ гнѣздахъ зубцами.

[32]) Нужно отмѣтить, что коробка не носитъ никакихъ спеціальныхъ признаковъ своей принадлежности къ предметамъ христіанскаго обряда, если не считать свастикъ (crux gammata), не могущихъ, впрочемъ, помочь разрѣшенію вопроса въ ту или иную сторону. Весьма возможно, что коробка служила раньше совсѣмъ иному назначенію и лишь впослѣдствіи была примѣнена какъ драгоцѣнная оболочка не менѣе драгоцѣнныхъ реликвій.

[33]) См. A. M. Ramsay: Isaurian and east-phrygian art in the third and fourth centuries after Christ, (Studies in the History and Art of the Eastern Provinces of the Roman Empire, ed. by W. M. Ramsay. London 1906), fig. 12, 16, 17. 19, 20, 26. Examples of Isaurian art. (Anatolian Studies presented to Sir W. M. Ramsay edited by W. H. Buckler and W. M. Calder. Manchester 1923), p. p. 323—338.

Второй ковчежецъ — серебряный саркофажецъ (табл. XVII наверху) — ближайшій сородичъ по типу херсонесской мощехранительницы. Весьма вѣроятно, что по времени онъ старше ея. Въ пользу этого говорятъ отчасти акротеріи крышки, которые хотя и деформированы, но сохраняютъ свое естественное положеніе на углахъ, тогда какъ на херсонесской мощехранительницѣ они становятся просто выступами крышки, отчасти — отсутствіе всякой иной орнаментаціи, кромѣ крестовъ на крышкѣ, хоть длинная сторона стѣнокъ и расчленена на три поля, какъ бы для помѣщенія въ нихъ изображеній. Кресты на крышкѣ исполнены не рельфомъ, а лишь насѣчены контуромъ. Говорить о болѣе точной датѣ Варненскаго саркофажца мы, до выясненія вопроса имѣются ли на немъ клейма или нѣтъ, не можемъ.[34]

Такимъ образомъ мы подошли вплотную къ вопросу, связанному также и съ датой херсонесской мощехранительницы.

На наружной сторонѣ дна и на внутренней сторонѣ крышки Херсонесскаго ковчежца имѣется по 4 клейма. Количество 4 указываетъ, какъ извѣстно, на то, что серебро не было перваго сорта.[35] Клейма довольно сильно попорчены, но кое что на нихъ разобрать все же можно.

Клейма[36] и на днѣ и на крышкѣ слѣдующихъ формъ: 1) продолговатыя съ закругленной верхней частью, т. е. въ формѣ „камары“ (№№ 5966 и 5970 по Rosenberg'у), 2) крестовидныя (№№ 5967 и 5971 тамъ же), 3) квадратныя — (№№ 5968 и 5972) и 4) круглыя (№№ 5969 и 5974). Надписи и монограммы на клеймахъ первыхъ двухъ формъ сохранились лишь во фрагментахъ, неподдающихся возстановленію. Въ продолговатомъ клеймѣ имѣется погрудное человѣческое изображеніе, голова котораго окружена нимбомъ, а съ обѣихъ сторонъ головного убора свисаютъ двойныя подвѣски. То и другое позволяютъ считать изображеніе императорскимъ.

На кругломъ клеймѣ голова изображенія окружена также нимбомъ, чертъ лица разобрать невозможно, отъ надписи сохранились лишь отдѣльныя буквы. Наиболѣе значительны квадратныя клейма, такъ какъ монограмму, на нихъ находящуюся, можно и возстановить и прочесть. На клеймѣ крышки сохранилась почти вся монограмма безъ верхняго лѣваго угла, наоборотъ, на клеймѣ дна мы находимъ только недостающую въ первомъ случаѣ часть. Монограмма клейма крышки: , дна: , въ возстановленномъ видѣ: Чтеніе этой монограммы: IOVCTINIANOV.[37]

На аналогію этой монограммы съ монограммами на капителяхъ Св. Софіи въ Константинополѣ и указалъ Я. И. Смирновъ (см. выше). Дѣйствительно эти

---

[34]) Отсутствіе клеймъ говорило бы, пожалуй, въ пользу даты не позднѣе конца IV вѣка. Древнѣйшія извѣстныя клейма относятся по времени императоровъ Валента, Валентиніана и Граціана.

[35]) См. вышеупомянутый (стр. 115, пр. 1) текстъ о чудѣ превращенія въ серебро свинца и олова, первосортное серебро называется пятипечатнымъ (πεντασφράγιστος).

[36]) Всѣ наблюденія надъ клеймами провѣрены компетентнымъ лицомъ по оригиналу.

[37]) Чтеніе NAVTOV, приведенное у Rosenberg'a (ibidem, S. 1170), не является въ сущности чтеніемъ, т. к. не даетъ имени.

монограммы имѣются на капителяхъ, причемъ повторены дважды, посрединѣ корзинки капители въ кругу и на бронзовомъ кольцѣ, окружающемъ базу капители, на спеціальной прямоугольной пластинкѣ.[38] Рисунки (по Salzenberg'у) этихъ монограммъ привожу:

Сомнѣваться въ томъ, что это именно монограммы Юстиніана, не приходится, такъ какъ изъ стихотворнаго описанія Св. Софіи Павла Силенціарія извѣстно, что — во первыхъ — такія монограммы существовали[39] и — во вторыхъ — колонны имѣли бронзовыя кольца.[40]

Л. А. Мацулевичу путемъ систематическихъ наблюденій и сравнительнаго изученія изображеній на клеймахъ удалось установить въ нихъ типы, извѣстные по монетамъ различныхъ императоровъ.[41] Какъ общее правило изъ этого прежде всего вытекаетъ, что погрудныя изображенія: большія — на круглыхъ клеймахъ и малыя — на продолговатыхъ и шестиугольныхъ, всегда императорскія и соотвѣтствуютъ тому или иному монетному типу. Независимо отъ работъ Л. А. Мацулевича, разбирая монограммы на квадратныхъ клеймахъ, мнѣ пришлось убѣдиться, что имена, въ нихъ заключенныя, какъ разъ всегда соотвѣтствуютъ именамъ тѣхъ императоровъ, типы изображенія которыхъ устанавливаются Л. А. Мацулевичемъ. Въ качествѣ примѣровъ укажу: 1. Вѣнское ведро — на кругломъ клеймѣ изображеніе Ираклія, на квадратномъ монограмма, читаемая HPAKΛIOV (Rosenberg, №№ 5907 и 5909), 2. Кипрскія блюда съ изображеніями изъ жизни Давида — то же изображеніе и та же монограмма (№№ 5865, 5866, 5869, 5870, 5873, 5874, 5877, 5878, 5881, 5882, 5885, 5889, 5890 5893, и др. по Rosenberg'у), 3. блюдо съ изображеніемъ силена и менады и дискосъ съ крестомъ въ вѣнкѣ изъ Калгановскаго клада (Пермская губернія) — тѣ же изображенія и монограммы (Rosenberg, №№ 5916, 5917, 5899, 5901), 4. Кипрское кадило — фрагменты клеймъ съ изображеніемъ и монограммою Фоки (Rosenberg, №№ 5947, 5948), 5. блюдо изъ д. Климова Пермской губерніи — тѣ же изображеніе и монограмма (Rosenberg, №№ 5932, 5934). Перечисленіе это можно было бы увеличить, но для нашихъ цѣлей этого достаточно. Выводъ напрашивается самъ собой — несомнѣнно во всей этой группѣ клеймъ квадратныя клейма содержатъ императорскія монограммы подобно тому, какъ круглыя — императорскія изображенія.

Круглыя клейма Херсонесской мощехранительницы не даютъ возможности уста-

---

[38]) W. Salzenberg. Altchristliche Baudenkmäler von Konstantinopel. Berlin 1854. Taf. XV, Fig. 1.

[39]) Pauli Silentiarii, Descriptio S. Sophiae, v. 712 sqq. in R. Egger, Forschungen in Salona I, S. 91, Anm. 1; тамъ же указанія аналогичныхъ монограммъ.

[40]) Idem, v. 385 ((Migne. P. G. t. 86, 2, col. 2134 B.), говорится о мѣдныхъ узахъ, скрѣпахъ, кольцахъ въ мѣстѣ соединенія колонны съ капителью.

[41]) См. статью Л. А. Мацулевича (L. Maculevič) Argenterie byzantine en Russie, въ Mélanges-Uspenskij (L'art byzantin chez les slaves. Recueil des memoires dédiés a Théodore Uspenskij), а также его книгу: Byzantinische Antike von L. Matzulewitsch. Archäologische Mitteilungen aus Russischen Sammlungen. B. II., 1929; о клеймахъ: блюда съ изобр. силена и менады см. S. 18, 21. ff., Вѣнскаго ведра — S. 15.

новить типъ находящагося на нихъ изображенія, однако есть данныя (подвѣски), чтобы считать его императорскимъ. Л. А. Мацулевичъ въ упомянутой уже статьѣ (см. прим. 41) указываетъ, что на круглыхъ клеймахъ нимбъ бываетъ только въ изображеніяхъ императоровъ VI вѣка. Такимъ образомъ можно предполагать, что на кругломъ клеймѣ былъ изображенъ императоръ VI вѣка.[42] Монограмма квадратнаго клейма даетъ его имя — Юстиніанъ. Этимъ опредѣляется дата Херсонесской мощехранительницы.

Остаются вопросы, связанные съ локализаціей происхожденія Херсонесской мощехранительницы. Основныя данныя даетъ для этого стилистическій анализъ орнаментаціи саркофажца. Стѣнки его украшены медальонами съ изображеніями Христа, Богоматери, архангеловъ, апостоловъ Петра и Павла и 2-хъ молодыхъ Святыхъ. Подобныя изображенія (imagines clipeatae) хорошо извѣстны во всѣхъ видахъ древне-христіанскаго искусства, начиная мозаиками и кончая издѣліями изъ слоновой кости или, подобно нашему памятнику, изъ серебра. Перечислять ихъ нѣтъ нужды. Но на наиболѣе близкихъ къ Херсонесской мощехранительницѣ серебряныхъ предметахъ мы все же остановимся; это: 1) извѣстная capsella въ Sancta Sanctorum, 2) Кипрское кадило Британскаго Музея и 3) ваза изъ Эмесы въ Луврѣ. Всѣ украшены медальонами съ изображеніями и среди нихъ имѣются аналогичные, сравненіе которыхъ не можетъ не быть поучительнымъ.

Медальоны съ изображеніями на Херсонесскомъ саркофажцѣ сработаны штампомъ (au repoussé) и только кое гдѣ рисунокъ отдѣланъ рѣзцомъ. Такая техника придаетъ рисунку характеръ нечеткости, схематичности, а всему изображенію — грубоватой ремесленности. Типы Христа и первоверховныхъ апостоловъ соотвѣтствуютъ тѣмъ, что мы видимъ на Латеранской капселлѣ и Кипрскомъ кадилѣ.[43] Разница заключается лишь въ мелкихъ деталяхъ рисунка, на капселлѣ и кадилѣ больше штриховъ — ударовъ рѣзцомъ, чѣмъ на саркофажцѣ, но всѣмъ тремъ общъ ремесленный характеръ изображенія.

Изображеніе Богоматери саркофажца нѣсколько отличается отъ такого же на кадилѣ, именно по типу, а не деталямъ рисунка, которыя иногда точно повторяются. На Херсонесской мощехранительницѣ мы видимъ эллинистическій типъ полнаго овала лица и хорошо извѣстное по мозаикамъ V—VI вв. женское головное покрывало изъ легкой матеріи, падающее сзади прямыми складками.

[42]) Клейма съ изображеніемъ и монограммою Юстиніана имѣются на Эрмитажномъ блюдѣ съ изображеніемъ Венеры у Анхиза (найд. въ 1925 г.), на ковшѣ изъ Cherchel, въ Луврѣ, на фрагментѣ блюда изъ Tépe, въ Венгріи. См. L. Matzulewitsch, Byz. Ant. S. S. 29- 30, 33, 75, 111. См. также клейма блюдъ изъ Климовой и Усть-Кишерти (тамъ же, S. S. 113, 115), гдѣ такая же монограмма даетъ имя Юстиніана или Анастасія (ср. монограммы на клеймахъ блюда епископа Патерна, S. 102). Въ данномъ случаѣ играетъ, повидимому, роль присутствіе треугольнаго клейма (о нихъ см. S. S. 75—76), сопровождающаго всегда клейма Анастасія. Отстутствіе его говоритъ за принадлежность Юстиніану. Какъ аналогію монограммѣ Юстиніана на клеймѣ мощехранительницы можно еще указать стеклянное клеймо, найд. въ гробницѣ въ Kunszentmárton на Тиссѣ въ Венгріи (по сообщенію Dr. N. Fettich). Монограммы на монетахъ Юстиніана нѣсколько отличаются. См. W. Wroth, Catalogue, I, p. p. 72—73, №№ 410, 414, 428, 429; pl. X, 14, 15, 16. Къ сожалѣнію точныя даты ихъ не поддаются опредѣленію.

[43]) Воспроизведеніе см.: O. M. Dalton. Catalogue of Early Christian Antiquities. Br. Mus. London 1901, n° 399; также: Byzantine Art and Archaeology, fig. 351—352; Guide to the early Christian and Byzantine Antiquities, fig. 68; East Christian Art, p. p. 327—328.

На кадилѣ это покрывало уже замѣнилось типичнымъ мафоріемъ изъ плотной матеріи, общая форма головы, благодаря этому, нѣсколько полнѣе и по сторонамъ лика появились характерныя зигзагообразныя складки. Овалъ лица, наоборотъ, съужается въ нижней своей части, теряетъ свою полноту и пріобрѣтаетъ овальную или ововидную форму. Эта перемѣна соотвѣтствуетъ той перемѣнѣ, которую можно наблюсти въ монументальномъ искусствѣ, напр., на фрескахъ и мозаикахъ IV—V и VI—VII вв.[44] Если это сопоставить съ датами обоихъ памятниковъ, то общность нѣкоторыхъ художественныхъ явленій для всѣхъ областей византійскаго искусства станетъ очевидной. Такимъ образомъ въ изображеніи Богоматери на Херсонесской мощехранительницѣ можно видѣть черты, свидѣтельствующія объ эллинистической традиціи и пожалуй извѣстномъ архаизмѣ, на кадилѣ же мы находимъ установившійся затѣмъ въ византійскомъ искусствѣ типъ, идущій изъ греко-восточной (сиро-египетской) иконографіи.

Медальоны вазы, найденной въ Эмесѣ,[45] нынѣ въ Луврѣ, представляютъ существенныя отличія отъ медальоновъ Херсонесскаго саркофажца. Отличія эти касаются деталей техническаго и художественнаго выполненія памятника и его стиля, и — тѣмъ разительнѣе, что общія схемы изображеній и иконографическіе типы несомнѣнно одни и тѣ же. Изображенія также сдѣланы со штампа (au repoussé), но работа рѣзцомъ въ нихъ гораздо сложнѣе, рука имъ работавшая гораздо вѣрнѣе и выше въ художественномъ отношеніи. Волосы разработаны плавными (у Христа) или короткими (у Павла) линіями, или же рядами точекъ (у Петра); также детально разработаны и бороды, причемъ всюду видно глубокое раздвоеніе посрединѣ. Подобная разработка рисунка даетъ ему четкость, а общее впечатлѣніе отъ изображенія это бóльшая, по сравненію со всѣми остальными сродными памятниками, свобода художественной трактовки. Если же обратиться къ формальной сторонѣ изображеній, то въ изображеніяхъ молодыхъ и безбородыхъ лицъ бросится въ глаза прежде всего неиспорченность основного юнаго и полнаго овала лица, характернаго для эллинистическаго искусства, превратившагося на Херсонесскомъ ковчежцѣ въ одутловатость и пухлость (см. изображенія на короткихъ сторонахъ). То же можно наблюдать и въ драпировкахъ одеждъ. На Эмесской вазѣ складки довольно разработаны и слѣдуютъ опредѣленной схемѣ, давая возможность разобрать, что именно имѣлъ въ виду мастеръ. На Херсонесской мощехранительницѣ эта же схема дана правильно, но въ самыхъ общихъ обрисахъ. На Кипрскомъ кадилѣ то же трактовано

---

[44]) Въ мозаикахъ архіепископской капеллы въ Равеннѣ (ок. 500 г.) можно видѣть и легкое покрывало (Св. Перепетуя — Perpetua) и мафорій (Св. Фелицата — Felicitas); J. Wilpert Römische Mosaiken und Malereien, B. III. T. T. 94, 95. Наиболѣе характерный примѣръ легкаго головного покрывала см. въ изображеніяхъ процессіи мучeницъ въ S. Apollinare Nuovo въ Равеннѣ, ibidem, T. 78 (Св. Агнесса). Въ изображеніяхъ Богоматери примѣръ легкаго покрывала см.: Н. П. Кондаковъ. Иконографія Богоматери I, рис. 47, 48, 91, табл. II; типичныя головы въ мафоріи: рис. 89, табл. I, рис. 95, 98, 101, 107, табл. IV, рис. 154, 159, 160 и т. д. Ср. также форму головы, овалъ лица и складки мафорія на мозаикахъ Равенны, Паренцо, Солуни, фрескахъ Рима и т. п. (рис. 95, 98, 101, 236, 237, 238, 239) съ фресками Египта, мозаиками Кипра и т. п. (рис. 89, 154, 159, 160, 149, табл. IV и т. д.).

[45]) Воспроизведеніе см.: Ch. Diehl. L'école artistique d'Antioche et les trésors d'argenterie syrienne. Syria, II, 1921, pp. 81—95; литературу: Manuel, I, 314—315.

подробнѣе, но зато рисунокъ уже спутанъ. Все сказанное указываетъ, что Эмесская ваза стоитъ выше остальныхъ памятниковъ по художественнымъ достоинствамъ и м. б. дата ея нѣсколько старше.[46] Въ пользу этого говоритъ и эллинистическій характеръ орнамента, заполняющаго пространство между медальонами. Обычно вазу считаютъ типичнымъ издѣліемъ сирійскихъ серебряныхъ дѣлъ мастерскихъ.

Эллиптическая мощехранительница въ Sancta Sanctorum, изданная не вполнѣ удовлетворительно,[47] тоже представляетъ своими медальонами Христа и апостоловъ Петра и Павла аналогію Херсонесской. Будучи по формѣ и характеру орнаментаціи (бордюры) родственной остальнымъ представителямъ этого типа (см. прим. 14), она связывается также и съ памятниками, сирійское происхожденіе которыхъ обычно не вызываетъ сомнѣній. Я имѣю въ виду извѣстное Строгановское блюдо, найденное въ Березовѣ,[48] и упоминавшуюся уже вазу изъ Эмесы. Съ первымъ — общая иконографическая композиція крышки, которую можно толковать только какъ тему „Славы креста".[49] Крестъ, украшенный воспроизведеніями драгоцѣнныхъ камней и дѣлящій крышку на четыре поля, несомнѣнно Голгоѳскій крестъ, которому поклоняются ангелы. Символы — Десница Божія и Голубь съ вѣнцомъ — даютъ возможность вскрыть какъ бы новый аспектъ смысла этой композиціи; „Слава Креста" есть епифанія всѣхъ трехъ лицъ Пресвятой Троицы (Десница Божія — Богъ Отецъ, Крестъ — Сынъ, Голубь — Духъ Святой). Такія детали, какъ Голгоѳскій крестъ въ формѣ латинскаго[50] (а не византійскаго — съ расширенными концами, какъ на Строгановскомъ блюдѣ) креста и, затѣмъ, тонзура у апостола Петра, позволяютъ поднять вопросъ, не является ли эта капселла мѣстнымъ римскимъ подражаніемъ приносившимся съ Востока образцамъ болѣе высокаго мастерства. Сравненіе медальоновъ капселлы и Эмесской вазы говоритъ, что первую слѣдуетъ отнести къ предметамъ ремесленнаго характера, работанныхъ гл. обр. по штампу безъ той тонкой гравировки рѣзцомъ, которую мы видимъ на вазѣ изъ Эмесы. Рисунокъ медальоновъ тоже много грубѣе и схематичнѣе, чѣмъ на вазѣ, но болѣе разработанъ, чѣмъ на Херсонесскомъ ковчежцѣ. Типы Христа и апостоловъ (за исключеніемъ тонзуры у Петра) ближе всего, пожалуй, именно къ Херсонесскому саркофажцу. Вотъ почему, какъ намъ кажется, дата капселлы изъ Sancta Sanctorum[51] должна быть близка къ датѣ Херсонесской мощехранительницы, а можетъ быть и датѣ Кипрскаго кадила.

---

[46]) Общепринятая дата вазы — VI вѣкъ.

[47]) Ph. Lauer. Le trésor du Sancta Sanctorum, Monuments et Mémoires, Fondation E. Piot, t. XV 1906, p. p. 71—73, pl. XII, 3; повидимому на днѣ имѣются какія то клейма, судить о которыхъ, впрочемъ, по описанію Lauer'a (p. 71) безъ воспроизведенія невозможно.

[48]) Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ. Русскія древности IV, рис. 166. Я. И. Смирновъ. Восточное серебо, табл. XV, 37.

[49]) Н. П. Кондаковъ. Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ, стр. 285 и слѣд.

[50]) См. Кресты: на мозаикѣ того же сюжета въ церкви S. Stephano Rotondo, тамъ же рис. 75, и на мозаикѣ ц. св. Пудентіаны, O. Wulff. Altchr. и Byz. K. I, Taf. XIX, 1.

[51]) Lauer датируетъ капселлу S. S. нѣсколько болѣе позднимъ временемъ, чѣмъ африканскую (изъ Henchir-Zirara, см. выше прим.), которую De Rossi отнесъ къ V вѣку. Н. В. Покровскій (Др. ризница Софійск. Нов. собора, стр. 94) безъ большихъ основаній считаетъ капселлу S. S. не древнѣе X в.

Наконецъ, чтобы закончить сравненіе перечисленныхъ выше памятниковъ, скажемъ, что схема тонкаго и разработаннаго рисунка медальоновъ Эмесской вазы болѣе всего отразилась въ изображеніяхъ Кипрскаго кадила, что можетъ быть указываетъ на извѣстную общность традицій и нѣкоторую разницу во времени.

Если попытаться подвести итогъ сказанному, то прежде всего придется ограничить время разсмотренныхъ памятниковъ приблизительно однимъ, или немного болѣе, вѣкомъ. По всей вѣроятности наиболѣе древнимъ — нужно считать вазу изъ Эмесы, за это говоритъ ея стиль, сохранившій черты эллинизма въ наиболѣе чистомъ видѣ. Далѣе только за Эмесской вазой можно признать извѣстныя художественныя достоинства, дѣлающія ее оригинальнымъ памятникомъ и выдѣляющія ее изъ группы ремесленныхъ подѣлокъ. Мѣсто находки и характеръ иконографическихъ типовъ указываютъ на происхожденіе. О вазѣ можно говорить какъ о произведеніи сирійской, а можетъ быть спеціально Антіохійской художественной школы, признавая ее при этомъ издѣліемъ мастера высокой художественной квалификаціи. Остальные три памятника, какъ мы видѣли, являются ремесленными издѣліями, воспроизводящими принятую декорацію въ болѣе грубыхъ и схематическихъ формахъ, менѣе совершенными техническими средствами и не передающими художественныхъ достоинствъ оригинальнаго памятника. Такъ какъ всѣ они не даютъ совпадающей въ деталяхъ схемы рисунка и нѣсколько разнятся между собой, то можно предположить и различное происхожденіе. Относительно капеллы мы уже говорили, что нѣкоторыя детали позволяютъ думать о Римѣ. Что касается саркофажца и кадила, то вопросъ о нихъ можетъ быть разрѣшенъ окончательно только послѣ того, какъ будетъ рѣшено, могли ли изготовляться предметы клейменные по византійской системѣ гдѣ либо кромѣ Константинополя или нѣтъ.[52] Если могли, то для кадила можно предположить происхожденіе изъ какой либо сирійской мастерской, для саркофажца же — мѣстное Херсонесское или изъ какого либо центра Балканскаго полуострова.

Изображенія на короткихъ сторонахъ саркофажца представляютъ двухъ молодыхъ Святыхъ въ патриціанскихъ облаченіяхъ (хламидахъ, застегнутыхъ на плечѣ фибулами). Вопросъ о томъ, какіе это именно Святые, рѣшался бы довольно просто, если можно было бы установить для саркофажца происхожденіе изъ сирійскихъ мастерскихъ. Въ такихъ именно типахъ обычно изображаются Святые мученики Сергій и Вакхъ, почитаніе которыхъ было сильно распространено въ Сиріи.[53] Однако для Херсонеса мы не имѣемъ указаній на почитаніе этихъ Святыхъ, а также и сирійское происхожденіе мощехранительницы не можетъ быть прочно установлено. Зато въ Херсонесѣ можно найти слѣды почи-

[52]) Даже если принять, что клейменіе серебра происходило обязательно въ Константинополѣ, то окончательная отдѣлка и орнаментація предмета могла происходить и на мѣстахъ. Клейма почти всегда бываютъ попорчены именно отъ окончательной отдѣлки (выбиванія орнамента, крестовъ, напримѣръ, на Херсонесскомъ саркофажцѣ).

[53]) См. извѣстную икону Музея Кіевской Духовной Академіи. Н. П. Лихачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. СПБ. 1906, I, табл. II. Изображеніе одного изъ этихъ Святыхъ есть на блюдѣ изъ Лампсакскаго клада въ Британскомъ Музеѣ, Guide etc., pl. IX.

таній двухъ другихъ Святыхъ, изображавшихся тоже въ томъ же типѣ, именно мучениковъ Георгія и Димитрія.[54] Центромъ почитанія этихъ Святыхъ была Солунь. Такимъ образомъ встаетъ вопросъ, не является ли Херсонесская мощехранительница памятникомъ раннихъ сношеній и духовныхъ связей будущей Корсуни со вторымъ центромъ Византійской имперіи на Балканахъ. Выше уже говорилось, что по своей формѣ ковчежецъ вполнѣ входитъ въ группу аналогичныхъ памятниковъ Балканскаго Причерноморья. Связываетъ съ ними его и орнаментація крышки крестами. Дѣйствительно и на Варненскомъ серебряномъ (табл. XVII наверху) и на каменномъ изъ Софійскаго музея (рис. 3) мы видимъ кресты характерной и весьма распространенной въ византійскомъ искусствѣ формы.[55] На каменномъ саркофажцѣ изображенъ „процвѣтшій крестъ“, т. е. отъ нижняго его конца отходятъ два побѣга съ листками плюща. Самое наличіе этой „темы“ (имѣющей извѣстный символическій смыслъ, по аналогіи съ жезломъ процвѣтшимъ) говоритъ въ пользу того, что памятникъ, ее носящій, позднѣе тѣхъ, на которыхъ изображенъ только крестъ. Подражательный характеръ саркофажца это предположеніе подтверждаетъ. Съ другой стороны Варненскій серебряный саркофажецъ повидимому старше Херсонесскаго (начертанные или награвированные кресты, а не выбитые снизу, какъ на Херсонесскомъ, отсутствіе медальоновъ). Такимъ образомъ для церквей Причерноморья — Балканскаго полуострова и Крыма — создается довольно ясная картина примѣненія въ IV—VII вв. (приблизительно) опредѣленной детали православнаго обряда освященія церкви, связанной съ мощехранительницами (см. выше). Опредѣляются и типы самихъ мощехранительницъ, бывшихъ тогда въ употребленіи.

Мы закончимъ свои замѣтки о Херсонесской мощехранительницѣ указаніемъ на памятникъ, рисующій намъ наглядную картину того, какъ происходила хотя бы часть церемоній, связанныхъ съ освященіемъ храма. На довольно извѣстной пластинкѣ слоновой кости въ соборѣ города Трира[56] представленъ моментъ, когда императоръ и императрица со свитой встрѣчаютъ колесницу, везущую

[54]) В. В. Латышевъ (Мат. по арх. Россіи № 23, стр. 36) считаетъ, что на обломкѣ черепичной формы, найденной въ Херсонесѣ (Отч. Арх. Ком. за 1898 г., р. 16) и служившей, вѣроятно, штампомъ для отпечатыванія изображеній Святыхъ на просфорахъ (евлогіяхъ), одинъ изъ Святыхъ по сторонамъ креста — мученикъ Георгій (другой тогда никѣмъ, кромѣ Димитрія, не можетъ быть), и соотвѣтственно возстанавливаетъ надпись, окружающую изображеніе; онъ же датируетъ памятникъ не позднѣе VII вѣка. Если это такъ, то мы имѣемъ очень характерное указаніе на существованіе въ Херсонесѣ въ эпоху, недалекую отъ даты мощехранительницы, почитанія Свв. Георгія и Димитрія. Другой памятникъ — шиферная икона въ Эрмитажѣ — много позднѣе; см. С. М. Гайдинъ. Рѣзная шиферная икона свв. Димитрія и Георгія (Госуд. Эрмитажъ. Сборникъ II. Петербургъ 1923, стр. 31—43, т. II). Авторъ относитъ икону къ XII вѣку и считаетъ ее Солунскаго происхожденія.

[55]) Мы намѣренно не входимъ въ разсмотрѣніе вопросовъ, связанныхъ съ различными формами крестовъ, такъ какъ это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Весьма возможно, что смыслъ помѣщенія креста на крышкѣ мощехранительницы находился въ связи съ тѣмъ, что внутри нея находилась частица Животворящаго Древа.

[56]) Лучшее воспроизведеніе: R. Delbrueck. Konsular—Diptychen und verwandte Denkmäler, № 67. Профессору R. Delbrueck я обязанъ фотографіей съ памятника, послужившей оригиналомъ для таблицы его изданія, за что считаю долгомъ принести ему свою глубокую благодарность.

двухъ духовныхъ лицъ,[57] держащихъ въ рукахъ ковчежецъ съ мощами. Изображеніе это интересно не только съ обрядовой и бытовой точекъ зрѣнія. Для насъ оно даетъ въ данномъ случаѣ указаніе, что ковчежцы съ мощами по большей части привозились, и встрѣча мощей являлась торжественнымъ моментомъ въ чинѣ освященія храма. Само по себѣ вѣроятное положеніе, что мощи привозились изъ центровъ почитанія Святыхъ, получаетъ наглядное подтвержденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, въ какихъ именно хранилищахъ привозились мощи. Для Херсонесскаго саркофажца это еще доводъ въ пользу его Солунскаго происхожденія. Ковчежецъ на пластинкѣ не имѣетъ античной крышки съ акротеріями, характерной для группы разсмотрѣнныхъ саркофажцевъ. Крышка его просто двускатная. Мы видимъ здѣсь, какъ деталь формы, сначала деформировавшаяся, ставшая затѣмъ ненужной и непонятной, просто исчезла. Дата Трирской пластинки могла бы указать (хотя бы приблизительно) до какого времени были въ ходу саркофажцы съ акротеріями. Къ сожалѣнію мнѣнія изслѣдователей пластинки далеко не сходятся въ этомъ отношеніи, какъ не сходятся и толкованія изображеннаго событія.[58] Не имѣя возможности входить здѣсь въ детальное обсужденіе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ пластинкой, заслуживающей спеціальной работы, укажу только на особое значеніе, которое играетъ на изображеніи императрица. Прежде всего у нея въ рукахъ крестъ, тогда какъ у императора свѣча, какъ и у всѣхъ сопровождающихъ его лицъ. Затѣмъ именно императрица, а не императоръ, дѣлаетъ привѣтственный жестъ рукой. Несомнѣнно, что въ церемоніи, воспроизведенной на пластинкѣ, первую роль играетъ императрица, а не императоръ.[59] Кто эта императрица? Первое имя, которое приходитъ въ голову, это, конечно, Ирины, возстановительницы почитанія иконъ, супруги Льва IV и матери Константина VI.[60] Не будучи въ состояніи въ данное время представить точнаго объясненія всѣхъ деталей пластинки, а главное указать событіе, къ которому было бы можно пріурочить ея изображеніе, я ограничусь слѣдующими указаніями. Разборъ такой мелкой детали, какъ фибулы,[61]

[57]) По всей вѣроятности епископовъ, ибо на нихъ изображены омофоры, нѣсколько узкіе — на подобіе ораря, но въ характерномъ именно для омофора положеніи.

[58]) См. J. Strzygowski. Orient oder Rom, S. S. 85—89. Перечисленіе высказанныхъ предположеній см. R. Delbrueck, ibidem (Literatur).

[59]) Врядъ ли для объясненія этого достаточно только того обстоятельства, что освящается церковь, построенная императрицею (Delbrueck, o. c.).

[60]) См. монеты Константина VI и Ирины (780—797), Wroth, Catalogue, II, pl. XLVI, 5, 6, 8, 9; pp. 597—599. Константинъ VI всегда безбородый. Ирина всегда изображается съ крестомъ той же, что и на пластинкѣ, формы, причемъ держитъ крестъ какъ разъ такъ, какъ представлено на пластинкѣ. Корона Ирины напоминаетъ въ схематической формѣ корону на пластинкѣ. Лицо передаетъ типъ полнаго, нѣсколько одутловатаго лица императрицы на пластинкѣ. Ср. монеты Ирины (797—801), ibidem, pl. XLVI, 10, 11. Изображеніе императрицы Ѳеодоры, на монетахъ ея и Михаила III (842—856), ibidem, pl. XLIX, 14, 15, 16, даютъ лицо менѣе похожее на императрицу пластинки. Можно бы еще подумать о Софіи, женѣ Юстина II (565—578), см. Wroth, I, pl. XI, XII, XIII. Однако, она изображается не съ крестомъ, какъ указываетъ Delbrueck, а со скипетромъ, увѣнчаннымъ крестомъ (Wroth, p. 78); при этомъ онъ не въ лѣвой какъ на пластинкѣ и монетахъ Ирины, а въ правой рукѣ. Къ тому же первая роль императрицы на пластинкѣ въ данномъ случаѣ все же не нашла бы своего объясненія. Наконецъ ср. черты лица по портрету Софіи на крестѣ Юстина, см. Dalton, East Chr. art, pl. LXI.

[61]) См. I очеркъ, стр. 96 и рис. 28.

приводитъ къ убѣжденію, что принятую дату[62] пластинки слѣдуетъ понизить. Форма изображеннаго ковчежца укрѣпляетъ въ этомъ предположеніи. Наконецъ, замѣтимъ, что возраженія противъ поздней даты (конецъ VIII в.) основаны не столько на сравнительномъ изученіи стиля пластинки, сколько на невозможности сравнить ее съ чѣмъ либо за отсутствіемъ памятниковъ. Именно стилистически пластинка весьма мало напоминаетъ, какъ извѣстные диптихи VI вѣка, такъ и хотя бы такіе памятники VII вѣка, какъ Кипрскія серебряныя блюда.[63] Что касается послѣдующаго времени, то, конечно, иконоборческій періодъ приходится исключить,[64] а для предлагаемой мною даты указанныя выше монеты единственный пока что объектъ для сравненія. На этомъ мы принуждены остановиться, держась въ предѣлахъ лишь вѣроятнаго предположенія.

Н. Бѣляевъ.

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ

LE RELIQUAIRE DE CHERSONÈSE

RÉSUMÉ

Le reliquaire de Chersonèse fut trouvé en 1897 au cours des fouilles des fondements d'une église à plan cruciforme. C'est un petit sarcophage en argent, dont les flancs sont ornés de médaillons avec les effigies du Christ, de la Vierge, des saints apôtres Pierre et Paul et de deux jeunes saints martyrs. Le couvercle du sarcophage porte deux croix d'un type byzantin (v. pl. XVIII, XIX). Le reliquaire se trouvait dans un petit tombeau au-dessous de l'autel (fig. 1). Le rite de l'inauguration d'une église, observé jusqu'à ce jour par l'Église orthodoxe, contient des cérémonies spéciales qui concernent les saintes reliques. La plus importante est celle de la déposition des reliques sous l'autel, renfermées dans un reliquaire, qui est ordinairement en argent. Cela explique suffisamment le rôle qu'ont joué les petits sarcophages, pareils à celui de Chersonèse, dans les rites ecclésiastiques, ainsi que leur emplacement spécial et bien déterminé dans l'église (v. p. 127, notes 9—13).

La forme du sarcophage est celle qui caractérise les reliquaires posés sous l'autel, dans les églises de la région pontique. A Chersonèse même à côté du reliquaire déjà mentionné, on connaît un autre trouvé en 1891. Il est en marbre et imite la forme des grands sarcophages de l'époque hellénistique. Son couvercle a des rallonges (fig. 2 a). Un sarcophage analogue, mais plus grossier, provenant également de Crimée, est conservé au Musée de l'Académie Ecclésiastique de Kiev. Plusieurs sarco-

[62]) Strzygowski (см. прим. 58) пріурачиваетъ пластинку къ событію 552 года; Delbrueck относитъ пластинку къ VII вѣку.

[63]) Упоминаю ихъ, такъ какъ считаю, что событія изъ жизни Давида аллегорически передаютъ событія придворной жизни того времени и во всякомъ случаѣ отпечатлѣли на себѣ черты тогдашняго быта.

[64]) Совершенно справедливо указываетъ проф. R. Delbrueck (ibid.), что погрудное изображеніе Христа на одномъ изъ зданій исключаетъ возможность отнесенія пластинки къ иконоборческому періоду. Къ царствованію Ирины это, конечно, относиться не можетъ.

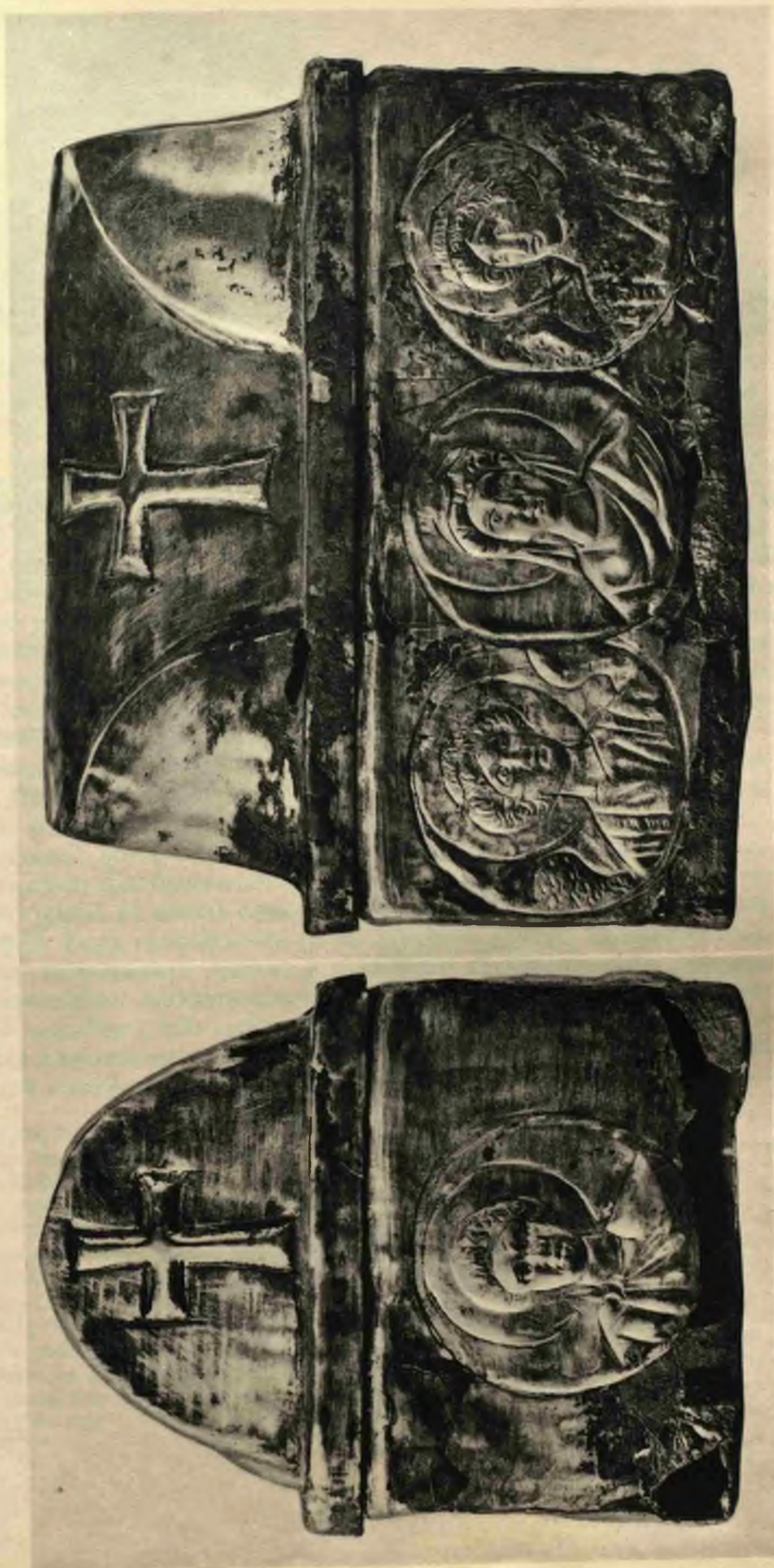
phages du même genre ont été trouvés en Bulgarie. Le Musée de Sofia en possède six exemplaires, dont quleques-uns trouvés in situ. On peut distinguer parmi ces reliquaires deux types: I. sarcophage en marbre avec couvercle à rallonges apparenté à celui de Chersonèse, trouvé en 1891 (fig. 2 b) II. sarcophage en calcaire imitant la forme des reliquaires en argent et pareil à celui de Chersonèse, trouvé en 1897 (fig. 3). Dans cette série bulgare, la pièce la plus intéressante est un sarcophage-reliquaire trouvé sous l'autel d'une église près de Varne. C'est un sarcophage en marbre (du Ier type), renfermant un autre qui est en argent et ressemble au reliquaire de Chersonèse. A son tour il contenait une boîte en or ornée des svastikas le long des bords et de cabochons sur le couvercle (pl. XVII). Ces trois pièces datent probablement de la fin du IVe siècle ou du commencement du Ve (v. p. p. 120 et 122).

La date du reliquaire de Chersonèse est déterminée par les poinçons qui se trouvent sur le côté intérieur du couvercle et sur le fond du sarcophage. Ces poinçons ont été frappés avant que l'ornementation ne fut terminée, car sur le couvercle ils sont abîmés par l'orfèvre qui exécuta les croix en relief. Le poinçon rond renferme une effigie impériale. Sa tête est nimbée trait qu'on ne retrouve pas après le VIe siècle, dans les images analogues. Le poinçon rectangulaire porte un monogramme qui se lit IOVCTINIANOV et rejoint certains monogrammes de Sainte-Sophie de Constantinople signalés par feu J. J. Smirnov (fig. p. 124). Les recherches récentes de M. L. A. Macułevič sur le poinçonnage byzantin permettent de considérer comme une règle que les poinçons ronds contiennent des effigies des empereurs et les poinçons rectangulaires — leurs monogrammes (p. 124 et note 42).

L'analyse stylistique des médaillons qui décorent le reliquaire de Chersonèse et surtout leur comparaison avec les pièces analogues — à savoir le vase d'Emèse, l'encensoir de Kerynia et la *capsella* du *Sancta Sanctorum* — ne permettent pas de supposer la même origine pour tous ces monuments. Les médaillons du reliquaire sont loin d'offrir le dessin fin et précis de ceux du vase. Oeuvres d'artisans et non d'artistes, le reliquaire, la *capsella* et l'encensoir se ressemblent, quant à la médiocrité de l'exécution, et ne se distinguent que par les détails du dessin. Si le vase d'Emèse peut être considéré comme un représentant de l'école artistique d'Antioche, les trois autres monuments seraient des imitations issues d'ateliers locaux: l'encensoir de Chypre provient peut-être de quelque atelier syrien du commencement du VIIe s. (effigie et monogramme de Phocas), la *capsella* est probablement d'origine romaine et notre reliquaire a été travaillé à Chersonèse même ou dans quelque centre de la péninsule Balkanique. Dans les deux jeunes saints, représentés sur le reliquaire, on doit reconnaître, avec le plus de vraisemblance, saint George et saint Démétrius. La vénération de ces deux saints à Chersonèse est prouvée par d'autres monuments (v. p. 129, note 54). Le centre du culte de ces deux saints se trouvait à Salonique. Aussi est-il probable que le reliquaire fut apporté à Chersonèse de cette ville. L'ivoire conservé au trésor de la cathédrale de Trèves nous offre l'image d'une cérémonie d'inauguration d'une église de Constantinople. Le rôle prépondérant dont jouit l'impératrice sur l'ivoire, aussi bien que la comparaison de son portrait avec les effigies monétaires d'Irène (780—797 avec Constantin VI, 797—801 seule) nous permettent d'émettre l'hypothèse que l'événement représenté sur l'ivoire doit se rapporter à son règne. Les deux ecclésiastiques, qui avancent dans un char, tiennent un reliquaire dans leurs mains. Une fois de plus cette image nous apporte la preuve que les reliques ont été apportées des centres de la vénération d'un saint. Dans le cas qui nous intéresse, on doit peut-être y voir une nouvelle preuve de l'origine du reliquaire de Chersonèse, qui serait une œuvre de Salonique.

N. Bělaev.

ILLUSTRATIONS

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ БОГОСЛОВІЕ ВЪ УЧЕНІИ ДІОНИСІЯ АРЕОПАГИТА

§ 1. Апофатическое (отрицательное) богословіе съ раннихъ временъ является въ святоотеческой мысли въ видѣ двухъ различныхъ теченій. Одно изъ нихъ рѣзко отрицаетъ возможность какого бы то ни было знанія о Богѣ, по природѣ непостижимомъ. Мы можемъ постигать Бога не въ томъ, что̀ Онъ есть, а въ томъ, что̀ Онъ не есть,[1] отвлекая отъ Него всякія опредѣленія и имена. Таково ученіе св. Климента Александрійскаго. Имена обозначающія Бога — Единый, Благой, Разумъ, Сущій, Богъ, Творецъ, Господь — не имѣютъ значенія именъ въ примѣненіи къ Нему и употребляются лишь во избѣжаніе другихъ обозначеній, еще болѣе унижающихъ абсолютную Непостижимость.[2] Самое знаніе о непостижимости „Невѣдомаго Бога“ (Дѣян., 17,23) дается лишь благодатью — „богодарованной премудростью, которая есть сила Отца“[3]; получившіе ее Моисей и ап. Павелъ испытали невозможность познать Бога, первый — вступивъ во мракъ, который есть непостижимость Божества, второй — услышавъ „несказуемыя слова“, которыя означаютъ Его неизреченность.[4] Другое теченіе, вступившее въ сферу христіанскаго богословія черезъ Оригена, учившагося одновременно съ Плотиномъ въ школѣ Аммонія Саккоса, связывается съ неоплатоновской философіей. Богъ непостижимъ не по природѣ, а лишь въ силу немощи нашего разума, затемненнаго плотью и связаннаго съ чувственными образами и множественностью. Апофатическое богословіе Оригена носитъ интеллектуалистическій характеръ; оно сводится къ отрицанію о Богѣ всего, что относится къ матеріи и множественности, дабы познать въ Его абсолютной простотѣ, исключающей всякую сложность, „чистѣйшій Духъ“, „умную Природу“, μονάς или ἑνάς.[5]

---

1) .. „οὐχ ὅ ἐστιν, ὅ δε μή ἐστι γνωρίσαντες“. — Clemens Alexandrinus, Stromata, l. V, c. XI. — Auftrage der Kirchenväter Kommission der Königl. Preuss. Akad. der Wissensch., Leipzig, 1906. — II Bd., S. 374.

2) .. „κἂν ὀνομάζωμεν αὐτό ποτε, οὐ κυρίως καλοῦντες ἤτοι ἕν ἢ τἀγαθὸν ἢ νοῦν ἢ αὐτὸ τὸ ὄν ἢ πατέρα ἢ θεὸν ἢ δημιουργὸν ἢ κύριον, οὐχ ὡς ὄνομα αὐτοῦ προφερόμενοι λέγομεν, ὑπο δὲ ἀπορίας ὀνόμασι καλοῖς προσχρώμεθα, ἵν' ἔχῃ ἡ διάνοια, μὴ περὶ ἄλλα πλανωμένη, ἐπερείδεσθαι τούτοις.“ — Ib., c. XI, p. 380 s.

3) „θεόσδοτος ἡ σοφία, δύναμις οὖσα τοῦ πατρὸς“. — Ib., c. XIII, p. 381.

4) Ib., c. XII, pp. 377—381.

5) Migne, Patrologia graeca, t. XI. — Περὶ ἀρχῶν, I, 1, § 5, p. 124. — „Non ergo aut corpus aliquod, aut in corpore esse putandus est Deus, sed intellectualis natura simplex, nihil omnino in se adiunctionis admittens; uti ne majus aliquid et interius in se habere credatur, sed ut sit ex omni parte μονάς, et ut ita dicam ἑνάς, et mens, ac fons ex quo initium totius intellectualis naturae vel mentis est“. — Ib., § 6, p. 124—125.

Оригенъ близокъ къ ученіямъ Плотина и его школы о познаніи абсолютнаго Единства (ἕν), путемъ отвлеченія отъ всего сущаго и отъ себя, дабы въ состояніи экстаза, ставъ „выше сущности“, созерцающій не противостоялъ Созерцаемому, но пребывало бы одно божественное Единство (ἕν).[6] Эта апофатика сводится къ отрицанію всего что препятствуетъ познанію божественной Природы, положительно опредѣлимой какъ ἕν.

„Великіе Каппадокійцы“ — свв. Василій Великій, Григорій Назіанзскій и Григорій Нисскій, воспитанные на твореніяхъ Оригена, въ вопросѣ объ апофатическомъ богословіи колеблются между двумя теченіями. Возражая Евномію, утверждавшему познаваемость божественной Сущности въ понятіяхъ, св. Григорій Нисскій, рѣшительно отстаивая непостижимость Бога, доходитъ до отрицанія всякой реальности именъ, видя въ нихъ лишь искусственныя обозначенія. Такія полемическія крайности не соотвѣтствуютъ, однако, духу ученій великихъ Каппадокійцевъ.[7] Уже Василій Вел., утверждая непостижимость Сущности, отличаетъ отъ Нея „дѣйствованія“ Бога, которыя до насъ нисходятъ и въ которыхъ Онъ познается.[8] Св. Григорій Назіанзскій, отрицая возможность познанія „первой“ и „несообщимой“ Природы, признаетъ постижимость „послѣдней“, „до насъ достигающей“; это — то, что видѣлъ Моисей, „Задняя Божія“, „великолѣпіе“ являемое въ твореніяхъ, „послѣ Бога давая познаніе о Богѣ“.[9] Григорій Нисскій, наряду съ утвержденіями о полной непостижимости Бога, приводящими къ номинализму въ вопросѣ о божественныхъ именахъ, развиваетъ ученія Василія Вел. и Григорія Назіанзскаго о теофаніи, приближаясь къ устраненію противорѣчія непостижимой Сущности и имѣющихъ реальное значеніе именъ Божіихъ.[10] Однако, не ему суждено было разграничить отрицательное и положительное богословіе. Эта задача выпала на долю таинственнаго автора „Ареопагитическихъ твореній“, соединившаго въ своемъ богословствованіи оба отмѣченныхъ нами теченія.

Въ отличіе отъ неоплатониковъ и Оригена, для которыхъ отрицательное богословіе не противополагается положительному, служа путемъ къ соединенію съ „ἕν“, которое, какъ „Единство“, все же можетъ быть положительно опредѣлено, авторъ „Ареопагитикъ“ отрицаетъ всякую опредѣленность Бога, даже характеръ предмета познанія или незнанія. Съ другой стороны, въ отличіе отъ Климента

---

6) Plotinus, Enneas VI, l. IX, конецъ § 9 и §§ 10 и 11. — Ed. Teubner, p. 522 ss.

7) Подробный разборъ спора съ Евноміемъ см. у В. Несмѣлова, „Догматическая система Григорія Нисскаго, Казань, 1887.

8) Epistola CCXXXIV, »Ad. Amphilochium«, Migne, t. 32, col. 869. — См. также Ep. CCXXXIII и CCXXXV, связанныя съ Евноміанскими спорами.

9) Επεὶ δὲ προσέβλεψα, μόλις εἶδον Θεοῦ τὰ ὀπίσθια· καὶ τοῦτο, τῇ πέτρᾳ σκεπασθεὶς, τῷ σαρκωθέντι δι'ἡμᾶς λόγῳ. Ἱκαὶ μικρὸν διακύψας, οὐ τὴν πρώτην τε καὶ ἀκήρατον φύσιν, καὶ ἑαυτῇ, λέγω δὴ τῇ Τριάδι, γινωσκομένην, καί ὅση τοῦ πρώτου καταπετάσματος εἴσω μένει, καὶ ὑπὸ τῶν χερουβὶμ συγκαλύπτεται, ἀλλ' ὅση τελευταία καί εἰς ἡμᾶς φθάνουσα. Ἡ δέ ἐστιν, ὅσα ἐμὲ γινώσκειν, ή εν τοῖς κτίσμασι, καὶ τοῖς ὑπ' αὐτου προβεβλημένοις καὶ διοικουμένοις μεγαλειότης, ἤ, ὡς ὁ θεῖος Δαβιδ ὀνομάζει, μεγαλοπρέπεια. Ταῦτα γὰρ Θεοῦ τὰ ὀπίσθια, ὅσα μετ' ἐκείνον ἐκείνου γνωρίσματα... „Oratio theologica secunda“, Migne, t. XXXVI, col. 28—29.

10) О системѣ Гр. Нисск. см. Несмѣловъ, op. cit. — Для апофатическаго богословія особенный интересъ представляютъ „De vita Moysis“, Migne, t. XLIV, col. 298—430, и VI oratio „De beatitudinibus“, ib. col. 1264—1277.

Александрійскаго и, отчасти, великихъ Каппадокійцевъ, онъ настаиваетъ на реальномъ значеніи божественныхъ именъ, обосновывая положительное богословіе.

Противоположность отрицательнаго и положительнаго богословія не обозначаетъ недостовѣрности одного изъ этихъ путей; она имѣетъ реальнымъ основаніемъ различіе между божественными Соединеніями (ἑνώσεις) и Раздѣленіями (διακρίσεις), между сокровенной Сущностью (ὕπαρξις, οὐσία) и открывающими Происхожденіями (πρόοδοι). Ἑνώσεις суть „тайныя и не являющіяся во внѣ основанія болѣе чѣмъ несказаннаго и непознаваемаго Пребыванія“[11]; это сверхсущностная Природа Бога, покрытая мракомъ незнанія, не являющаяся никому, божественный Покой (Ἡσυχία), Молчаніе (Σιγή), Безмолвіе (ἀφθεγξία) Бога, не проявляющаго Себя никакимъ выхожденіемъ. Διακρίσεις, напротивъ, суть „божественныя Происхожденія“ (πρόοδοι) и Обнаруженія (ἐκφανσεῖς), поскольку Богъ открывается въ нихъ и можетъ быть познанъ.[12]

Прежде всего διακρίσεις обозначаютъ Лицъ Святой Троицы; Они — „Раздѣленія“ въ глубинахъ Самого сверхсущностнаго божественнаго „Соединенія“ (ἕνωσις), „Происхожденія“, пребывающія внутри Самой Сущности,[13] одновременно и „ἑνώσεις“ и „διακρίσεις“.[14] Поэтому, откровеніе Св. Троицы, будучи вершиной катафатическаго богословія, принадлежитъ въ равной мѣрѣ и къ апофатическому.[15] „Таковы соединенія и раздѣленія въ несказанномъ Соединеніи и Сущности“, заключаетъ Діонисій свой краткій и не вполнѣ ясный очеркъ о διάκρισις въ Святой Троицѣ.

Иная διάκρισις — та, которой Богъ исходитъ во внѣ. Это — „Происхожденіе божественнаго Соединенія, сверхсоединенно Себя умножающаго и разнообразящаго“.[16] Благая Причина всего сущаго исходитъ въ Силахъ (δύναμεις), творя все и проявляясь во всемъ; отдаваясь въ Своихъ дарахъ, Она становится познаваемой, поскольку все сущее въ той или иной мѣрѣ причаствуетъ божественнымъ Силамъ.[17] Говоря „Богъ“, „Премудрость“, „Жизнь“, „Сущій“, — мы разумѣемъ Силы обоготворяющія, умудряющія, животворящія, существорящія.[18] Эти и иныя божественныя имена открытыя въ Священномъ Писаніи обозначаютъ различныя Силы или „Провидѣнія“ (προνοίαι ἐκφαντορικαί), какъ ихъ еще называетъ Діонисій, тѣмъ обозначая отношеніе Бога къ твари. Имя Благость (ἀγαθωνυμία) есть наиболѣе полное выраженіе Провидѣнія, въ Его основѣ[19]; остальныя имена выражаютъ лишь частичныя Провидѣнія.[20] Все сущее призвано

---

11) „Καλοῦσι γὰρ... οἱ τῆς καθ' ἡμᾶς θεολογικῆς παραδόσεως ἱερομύσται τὰς μὲν ἑνώσεις τὰς θείας, τὰς τῆς ὑπεραῤῥήτου καὶ ὑπεραγνώστου μονιμότητος, κρυφίας καὶ ἀνεκφοιτήτους ὑπεριδρύσεις“. — De divinis nominibus, II, 4. — Migne, t. 3, col. 640.

12) ..„τὰς διακρίσεις δὲ, τὰς ἀγαθοπρεπεῖς τῆς θεαρχίας προόδους τε καὶ ἐκφάνσεῖς“.— Ibid.

13) „Αὗται μὲν αἱ κατὰ τὴν ἄφθεγκτον ἕνωσιν τε καὶ ὕπαρξιν ἑνώσεις τε καὶ διακρίσεις“ — Ib., § 5, col. 641.

14) ... ἡνωμένα τῇ διακρίσει, καὶ τῇ ἑνώσει διακεκριμένα“, Ib., § 4, col. 641.

15) Ib., § 7, col. 645.

16) „Εἰ δὲ καὶ θεία διάκρισίς ἐστιν ἡ ἀγαθοπρεπὴς πρόοδος τῆς ἑνώσεως τῆς θείας ὑπερηνωμένως ἑαυτὴν ἀγαθότητι πληθυούσης τε καὶ πολλαπλασιαζούσης“. — Ib., § 5, col. 644.

17) Ibidem.

18) Ib., § 7, col. 645.

19) Ib., II, 1, col. 636; IV, 1—4, col. 693—700.

20) Ib. V, 2, col. 817.

причаствовать божественнымъ Силамъ, отъ которыхъ оно получаетъ свое бытіе и совершенство, въ мѣрѣ предназначенной для каждаго творенія.[21] Различные образы причастія Силамъ, предреченные для каждой твари, суть божественныя идеи (παραδείγματα), — „сущетворящія словеса (λόγοι) вещей, единокупно предсуществующія въ Богѣ“, „предначертанія“ (προόρισμοί), „благія воленія“ (θεῖα καὶ ἀγαθὰ θελήματα) которыми Богъ предначерталъ и сотворилъ все сущее“.[22] Многообразіе идей существуетъ единокупно (ἑνιαίως) въ божественныхъ Силахъ, не нарушая ихъ простоты и впервые является какъ многое — въ твореніяхъ причаствующихъ Силамъ; подобнымъ же образомъ всякое число содержится въ единствѣ и умножается его покидая, всѣ радіусы едины въ центрѣ и многочисленны на окружности.[23] Въ себѣ божественныя Силы просты и непричастны ничему, хотя все имъ причаствуетъ.[24] Діонисій нерѣдко называетъ ихъ „сверхсущностнымъ Лучемъ (ὑπερούσιος ἀκτίς), въ которомъ несказанно предсуществуютъ вершины всѣхъ познаній“,[25] „Лучемъ божественнаго Мрака“.[26] Употребленіе то множественнаго — δύναμεις, то единственнаго числа — ἀκτίς, соотвѣтствуетъ опредѣленію Силъ, какъ „Происхожденія божественнаго Соединенія, болѣе чѣмъ едино Себя умножающаго“.[27] Въ Своемъ Происхожденіи (πρόοδος) Божество не умаляется: божественныя Силы, Лучъ нисходящій къ твари, есть подлинное и неумаленное все Божество, не будучи однако Природой Бога (ὕπαρξις, οὐσία), Которая непознаваема и пребываетъ во Мракѣ, неприступномъ отъ чрезмѣрности изливающагося изъ Него Свѣта.[28] Одновременно „скрываемое“[29] исходящими Лучами и открывающееся черезъ нихъ въ твореніяхъ Божество „соединенно раздѣляется, умножается единокупно и многообразится не покидая единства“.[30] Всякая Сила, исходящая къ твари, всякій Лучъ есть весь Богъ, нераздѣльно, ибо „въ божественномъ Соединенія превышаютъ раздѣленія, предшествуютъ имъ и пребываютъ не менѣе едиными послѣ не покидающаго единства простого раздѣленія“.[31]

Своимъ ученіемъ о „божественныхъ соединеніяхъ и раздѣленіяхъ“, о „Сверхсущностной Природѣ“ Бога и Его „Происхожденіяхъ“ или „Силахъ“, неизвѣстный авторъ Ареопагитическихъ твореній, жившій на грани V и VI столѣтій,[32] завершаетъ исканія великихъ Каппадокійцевъ и, одновременно, ученія гностиковъ

---

21) De coelesti hierarchia, IV, 1, col. 177.
22) Div. Nom., V, 8, col. 824.
23) Ib., V, 6, col. 820 s.
24) Ib., II, 5, col. 644.
25) Ib., I, 4, col. 592.
26) De mystica theologia, I, 1, col. 1000.
27) Div. nom., II, 5, col. 643.
28) Epistola V, col. 1073.
29) Ep. I, col. 1065; Ep. V, col. 1073 s.
30) ... „ἡνωμένως μὲν διακρίνεται, πληθύεται δὲ ἑνικῶς, καὶ πολλαπλασιάζεται ἐκ τοῦ ἑνὸς ἀνεκφοιτήτους“, Div. Nom., II, 11, col. 649.
31) „Καὶ γὰρ ἐπὶ τῶν θείων αἱ ἑνώσεις τῶν διακρίσεων ἐπικρατοῦσι, καὶ προκατάρχουσι, καὶ οὐδὲν ἧττόν ἐστιν ἡνωμένα καὶ μετὰ τὴν τοῦ ἑνὸς ἀνεκφοίτητον καὶ ἑνιαίαν διάκρισιν“. — Ib., 652.
32) Stiglmayr, S. I. Das Aufkommen der areopagitischen Schriften, 1895. — Сводку и критику различныхъ мнѣній о времени появленія „Ареопагитикъ“ и объ ихъ авторѣ, см. во введеніи къ труду Durental'я „S. Thomas et le pseudo-Denys“, Paris, 1919.

и неоплатониковъ. Различая Сущность и Силы, онъ утверждаетъ реальность божественныхъ именъ и возможность богопознанія, не нарушая тѣмъ непознаваемость Сущности, къ чему лишь приближались Каппадокійцы, въ ученіяхъ о теофаніи. Съ другой стороны, уча о „нераздѣльности божественнаго раздѣленія", о томъ, что Богъ пребываетъ всецѣлымъ и нераздѣльнымъ въ каждой Силѣ, исходящей во внѣ, Діонисій обезвреживаетъ неоплатоновскія ученія объ эманаціяхъ,[33] — частичныхъ и умаленныхъ происхожденіяхъ изъ божественнаго Первоначала.

Завершивъ и сомкнувъ воедино обѣ традиціи, Діонисій Ареопагитъ, или „лже-Діонисій", открываетъ новую эпоху въ богословствованіи и, въ этомъ смыслѣ, можетъ назваться отцомъ византійскаго богословія. Св. Максимъ Исповѣдникъ, св. Іоаннъ Дамаскинъ, св. Θеодоръ Студитъ, св. Симеонъ Новый Богословъ, Михаилъ Пселлъ, Пахимеръ, наконецъ — св. Григорій Палама, послѣдовательно развиваютъ ученіе о различіи Сущности, Силъ и Дѣйствій и о связанномъ съ нимъ апофитическомъ богословіи.[34]

§ 2. Ученіе объ отрицательномъ богопознаніи развито Діонисіемъ Ареопагитомъ въ трактатѣ „Περὶ μυστικῆς θεολογίας" и въ двухъ посланіяхъ (I и V) служащихъ поясненіями къ нему. Кромѣ того, отрицательному методу удѣлено особое вниманіе въ трактатахъ „Περὶ θείων ὀνόματων" (гл. I, §§ 4, 5 и 6; гл. VII, §§ 1 и 3 и гл. XIII, § 3) и „Περὶ τῆς οὐρανίας ἱεραρχίας" (гл. II, § 3).

Всякое познаніе относится къ сущему и имъ ограничивается. Богъ, превышающій всякую сущность, не есть сущее и, слѣдовательно, не можетъ быть познанъ.[35] Непознаваемый въ Своей Природѣ, Богъ познается однако нами „изъ порядка всего сущаго, Богомъ произведеннаго и содержащаго образы

---

[33]) О связи терминологіи Діонисія съ неоплатоновской философіей и языческимъ міромъ см. — H. Koch, „Pseudo-Dionysius Areopagita in seinen Beziehungen zum Neoplatonismus und Mysterienwesen" (Forschungen zur christlichen Litteratur und Dogmengeschichte, t. 86, Bd. I., Hefte 1 u. 2) Майнцъ, 1900. — H. F. Müller. Dionysios, Proclos, Plotinos (Beiträge z. Gesch. der Philosophie d. Mittelalters, Bd. XX, Hf. 3—4) Münster, 1918. — Оба автора переоцѣниваютъ неоплотоновскія вліянія, совершенно игнорируя самую основу богословія Ареопагита. Для нихъ онъ лишь неудачный подражатель Прокла и Плотина.

[34]) Это различеніе всегда было предметомъ непониманія для западныхъ богослововъ, отмѣчавшихъ лишь одинъ моментъ различія ἑνώσεις и διακρίσεις, относящійся къ Сущности и Лицамъ Св. Троицы. Современные историки слѣдуютъ обычно ихъ примѣру и, проходя мимо самаго ядра діонисіевскаго богословія, не способны увидѣть въ „Ареопагитикахъ" ничего, кромѣ неоплатоновской метафизики. Весьма понятны, при такихъ условіяхъ, обычныя заявленія о „пантеизмѣ" или „эманатизмѣ" Діонисія. Siebert (Die Methaphysik und Ethik des pseudo-Dionysius Areopagita, Jena, 1894) легкомысленно приписываетъ Діонисію „dynamische Pantheismus", повторяя выраженіе Zeller'а, справедливо отнесенное къ системѣ Плотина. Weertz (Die Gotteslehre des ps. D. Areop. u. ihre Einwirkung auf Thomas v. Aquin, Köln, 1908) отвергаетъ это мнѣніе, но, пройдя мимо ученія о „ἑνώσεις" и „διακρίσεις", впадаетъ въ ошибки того же порядка: такъ, вслѣдъ за Niemeyer'омъ („Dionysii Areopagitae doctrinae", Halle, 1869), считая что „ἀγαθωνυμία" — опредѣленіе самой божественной Природы, онъ приписываетъ Діонисію ученіе о необходимости творческаго акта, заключенной въ самой Сущности Божества, — мысль, свойственную неоплатоновскимъ ученіямъ.

[35]) „Εἰ γὰρ αἱ γνώσεις πᾶσαι τῶν ὄντων εἰσί, καὶ εἰς τὰ ὄντα τὸ πέρας ἔχουσιν, ἡ πάσης οὐσίας ἐπέκεινα καὶ πάσης γνώσεως ἐστιν ἐξῃρημένη". — D. N., I, 4, col. 593.

и подобія божественныхъ идей, — поскольку мы восходимъ особымъ путемъ и послѣдованіемъ къ Превышающему всяческая, воспринимая Его въ отвлеченіи отъ всего, въ превосходствѣ, какъ Причину всего".[36] Такимъ образомъ, мы можемъ познавать (γιγνώσκειν) Бога въ твореніяхъ, поскольку они суть образы и подобія являющія Его идеи, и восходить (ἄνειεν) къ Нему, какъ запредѣльной Причинѣ сущаго. Отсюда два метода въ богословіи: положительный (катафатическій), идущій путемъ утвержденій и приводящій къ нѣкоторому знанію о Богѣ, поскольку Онъ открывается въ твореніи, и отрицательный (апофатическій), идущій путемъ отрицаній и приводящій къ совершенному незнанію по отношенію къ Тому, Что за предѣлами сущаго. „Такимъ образомъ, Богъ познается во всемъ и внѣ всего; познается Богъ въ знаніи, познается и въ незнаніи, есть о Немъ и разумѣніе, и слово, и вѣденіе, касаніе и чувство, мнѣніе и представленіе, имя и все прочее, и въ то же время Онъ не постигается, остается неизреченнымъ, не именуется; Богъ не есть что либо сущее и не познается въ чемъ либо сущемъ; Онъ есть всяческая во всемъ и не есть что-либо ни въ чемъ; познается всѣми изъ всего, и никѣмъ ни изъ чего; справедливо говоримъ сіе о Богѣ, — Онъ прославляется изъ всего сущаго, черезъ сообразность всѣхъ вещей, коихъ Онъ есть Причина. Но все же высочайшее познаніе Бога то, которое достигается черезъ незнаніе, путемъ превышающаго разумъ соединенія, когда разумъ, отдѣлившись отъ всего сущаго и затѣмъ покинувъ самъ себя, соединяется съ лучами, сіяющими горе, откуда и гдѣ онъ просвѣщается въ непостижимой безднѣ Премудрости".[37]

Отрицательное богопознаніе противоставляется положительному, какъ болѣе совершенное; незнаніе (ἀγνωσία) къ которому оно приводитъ ставится выше знанія, какъ „немудрое Божіе", которое „стало мудрѣе человѣковъ" (I Кор., 25).[38] „Слѣдуетъ знать, что нашъ разумъ обладаетъ способностью къ познанію, благодаря которой созерцаетъ умопостижимое; соединеніе же, черезъ которое онъ пріобщается къ тому что выше его, превосходитъ природу разума. Путемъ этого соединенія божественное постигается не нашими силами, но мы сами всецѣло выходимъ изъ самихъ себя и становимся Божьими, ибо лучше принадлежать Богу, чѣмъ самимъ себѣ; такимъ образомъ, божественное будетъ

---

[36]) „Ἐπὶ δὲ τούτοις ζητῆσαι χρὴ, πῶς ἡμεῖς Θεὸν γινώσκομεν, οὐδὲ νοητὸν, οὐδὲ αἰσθητὸν, οὐδέ τι καθόλου τῶν ὄντων ὄντα. Μήποτε οὖν ἀληθὲς εἰπεῖν, ὅτι Θεὸν γινώσκομεν οὐκ ἐκ τῆς αὐτοῦ φύσεως (ἄγνωστον γὰρ τοῦτο, καὶ πάντα λόγον καὶ νοῦν ὑπεραῖρον·), ἀλλ' ἐκ τῆς πάντων τῶν ὄντων διατάξεως, ὡς ἐξ αὐτόῦ προβεβλημένης, καὶ εἰκόνας τινὰς καὶ ὁμοιώματα τῶν θείων αὐτοῦ παραδειγμάτων ἐχούσης, εἰς τὸ ἐπέκεινα πάντων ὁδῷ καὶ τάξει κατὰ δύναμιν ἄνεμεν ἐν τῇ πάντων ἀφαιρέσει καὶ ὑπεροχῇ, καὶ ἐν τῇ πάντων αἰτίᾳ. — D. N., VII, 3, col. 869 et 872.

[37]) „Διὸ καὶ ἐν πᾶσιν ὁ Θεὸς γινώσκεται, καὶ χωρὶς πάντων· καὶ διά γνώσεως ὁ Θεὸς γινώσκεται, καὶ διὰ ἀγνωσίας, καὶ ἔστιν αὐτοῦ καὶ νόησις, καὶ λόγος, καὶ ἐπιστήμη, καὶ ἐπαφὴ, καὶ αἴσθησις, καὶ δόξα, καὶ φαντάσία, καὶ ὄνομα, καὶ τὰ ἄλλα πάντα, καὶ οὔτε νοεῖται, οὔτε λέγεται, οὔτε ὀνομάζεται· καὶ οὐκ ἔστι τι τῶν ὄντων, οὐδὲ ἐν τινι τῶν ὄντων γινώσκεται· καὶ ἐν πᾶσι πάντα ἐστὶ, καὶ ἐν οὐδενὶ οὐδὲν, καὶ ἐκ πάντων πᾶσι γινώσκεται, καὶ ἐξ οὐδενὸς ουδενὶ· καὶ γὰρ ταῦτα ὀρθῶς περὶ Θεοῦ λέγομεν, καὶ ἐκ τῶν ὄντων ἁπάντων ὑμνεῖται κατὰ τὴν πάντων ἀναλογίαν ὧν ἔστιν αἴτιος. Καὶ ἔστιν αὖθις ἡ θειότατη τοῦ Θεοῦ γνῶσις, ἡ δι' ἀγνωσίας γινωσκομένη, κατὰ τὴν ὑπὲρ νοῦν ἕνωσιν, ὅταν ὁ νοῦς, τῶν ὄντων πάντων ἀποστὰς, ἔπειτα καὶ ἑαυτὸν ἀφεὶς, ἑνωθῇ ταῖς ὑπερφαέσιν ἀκτῖσιν, ἐκεῖθεν καὶ ἐκεῖ τῷ ἀνεξερευνήτῳ βάθει τῆς σοφίας καταλαμπόμενος". — Div. Nom., VII, 3, col. 872.

[38]) D. N., VII, 1, col. 865 et 868.

даровано тѣмъ, кто стали едины съ Богомъ. Сію безсловесную, безумную, немудрую Премудрость превознесенно славословя, скажемъ что Она есть Причина всякаго разума и слова, всякой премудрости и постиженія".[39]

Изъ приведенныхъ текстовъ мы видимъ, что апофатическое богословіе путемъ отрицанія всякаго знанія, относящагося необходимо лишь къ сущему, путемъ отрѣшенія познающаго отъ самого себя, приводитъ къ божественной Премудрости, которая для человѣковъ есть „незнаніе" (ἀγνωσία); совершается таинственное „соединеніе" (ἕνωσις) съ божественными Лучами — цѣль отрицательнаго богопознанія. Очевидно, что отрицательное богословіе не есть познаніе: всякое знаніе относится къ сущему, Богъ — не сущее, можетъ быть постигнутъ лишь незнаніемъ.[40] Цѣль отрицательнаго пути — превышающее разумъ соединеніе съ Богомъ; для его достиженія нужно выйти за предѣлы знанія и за предѣлы сущаго, которому всякое знаніе соотносительно. Такимъ образомъ, отрицательный путь въ богословіи есть исхожденіе, т. е., буквально, экстазъ (ἔκστασις).

§ 3. Отрицательному методу посвященъ трактатъ „О мистическомъ богословіи". Самое заглавіе показываетъ, что для автора отрицательное богопознаніе есть мистическій опытъ.[41]

Діонисій начинаетъ свой трактатъ, посвященный Тимоѳею, молитвеннымъ возваніемъ къ Св. Троицѣ, прося направить его „къ высочайшей вершинѣ тайныхъ словесъ" (τῶν μυστικῶν λογίων) гдѣ простыя, совершенныя и неизмѣнныя тайны „открываются въ блистающемъ Вракѣ тайноучительнаго молчанія" исполняя свѣтомъ „умы, закрывшіе глаза" (τοὺς ἀνομμάτους νόας). Затѣмъ Ареопагитъ призываетъ Тимоѳея къ „мистическимъ созерцаніямъ" (μύστικα θεάματα): онъ долженъ отрѣшиться отъ чувствъ и умственныхъ дѣйствій, отъ всего чувственнаго и умопостигаемаго, отъ не сущаго и сущаго, дабы въ незнаніи достигнуть соединенія съ Тѣмъ что превышаетъ всякую сущность и знаніе; „въ совершенномъ исхожденіи изъ себя и изъ всего сущаго, онъ долженъ возвыситься до надсущностнаго Луча божественнаго Мрака".[42] „Благая Причина всѣхъ вещей" одновре-

[39]) „...δέον εἰδέναι τὸν καθ' ἡμὰς νοῦν, ἔχειν τήν μὲν δύναμιν εἰς τὸ νοεῖν, δι' ἧς τὰ νοητὰ βλέπει, τὴν δὲ ἕνωσιν ὑπεραίρουσαν τὴν τοῦ νοῦ φύσιν, δι ἧς συνάπτεται πρὸς τὰ ἐπέκεινα ἑαυτοῦ. Κατὰ ταύτην οὐν τὰ θεῖα νοητέον, οὐ καθ' ἡμᾶς, ἀλλ' ὅλους ἑαυτοὺς ὅλων ἑαυτῶν ἐξισταμένους, καί ὅλους Θεοῦ γιγνομένους· κρειττον γὰρ εἶναι Θεοῦ, καὶ μὴ ἑαυτῶν· οὕτω γὰρ ἔσται τὰ θεῖα δοτὰ τοῖς μετὰ Θεοῦ γινομένοις. Ταύτην οὖν τὴν ἄλογον καὶ ἄνουν καὶ μωρὰν σοφίαν ὑπεροχικῶς ὑμνοῦντες, εἴπωμεν, ὅτι παντός ἐστι νοῦ, καὶ λόγου, καὶ πάσης σοφίας, καὶ συνέσεως αἰτία". — D. N., VII, 1, col. 868.

[40]) ...„καὶ αἴτιον μὲν τοῦ εἶναι πᾶσιν, αὐτὸ δὲ μὴ ὂν, ὡς πάσης οὐσίας ἐπέκεινα, καὶ ὡς ἂν αὐτὴ περὶ ἑαυτης κυρίως καὶ ἐπιστητῶς ἀποφαίνοιτο", D. N., I, 1, col. 588.

...„αὖτὸς δὲ [Θεὸς] ὑπὲρ νοῦν καὶ ὑπὲρ οὐσίαν ὑπεριδρυμένος, αὐτῷ τῷ καθόλου μὴ γινώσκεσθαι, μηδὲ εἶναι, καὶ ἔστιν ὑπερουσίως καὶ ὑπὲρ νοῦν γινώσκεται. Καὶ ἡ κατὰ τὸ κρεῖττον παντελὴς ἀγνωσία γνῶσις ἔστι τοῦ ὑπὲρ πάντα τὰ γινωσκόμενα", Epistola I, col. 1065.

[41]) Прилагательное „μυστικός" употребляется Діонисіемъ обычно для обозначенія особаго ѳпыта, который превышаетъ разумѣніе; прежде всего слѣдуетъ отмѣтить въ этомъ смыслѣ то мѣсто „Божественныхъ Именъ" (II, 9), гдѣ Діонисій говоритъ о своемъ учителѣ, который получилъ богословскія знанія частью отъ предшественниковъ, частью изслѣдуя Писаніе, частью же, не учась божественному, но испытывая его (οὐ μόνον μαθὼν, ἀλλὰ καὶ παθὼν τὰ θεῖα), достигая „мистическаго соединенія" (μυστικὴν ἕνωσιν).

[42]) ...„τῇ γὰρ ἑαυτοῦ καὶ πάντων ἀσχέτῳ καὶ ἀπολύτῳ καθαρῶς ἐκστάσει πρὸς τὴν ὑπερούσιον τοῦ θείου σκότους ἀκτῖνα, πάντα ἀφελὼν καὶ ἐκ πάντων ἀπολυθεὶς, ἀναχθήσῃ". — M. Th. I., 1, col. 997—1000.

менно многословесна и безсловесна. Въ истинномъ своемъ видѣ, безъ покрововъ, Она можетъ явиться лишь тѣмъ, кто „миновавъ все нечистое и чистое, превзойдя въ восхожденіи всѣ священныя вершины, покинувъ всѣ божественные свѣты, звуки и небесныя словеса, войдутъ во Мракъ, гдѣ, какъ говоритъ Писаніе, истинно обитаетъ Тотъ, Кто внѣ всего."[43]

Діонисій подтверждаетъ все сказанное описаніемъ восхожденія Моисея на Синай въ срѣтеніе Богу, которое онъ толкуетъ какъ экстазъ (Исх., гл. 19). Прежде всего Моисей очищается и отдѣляется отъ неочищенныхъ; тогда онъ „слышитъ многозвучныя трубы и видитъ многіе свѣты, блистающіе чистыми и преизобилующими лучами; затѣмъ онъ отдѣляется отъ всѣхъ и поспѣшаетъ съ избранными іереями къ вершинѣ божественнаго восхожденія; однако и здѣсь еще не сообщается съ Самимъ Богомъ и созерцаетъ не Его (ибо Онъ несозерцаемъ), но мѣсто гдѣ Онъ пребываетъ. Это означаетъ, какъ я полагаю, что высочайшее и самое божественное изъ всего видимаго и умозримаго суть основоположныя словеса вещей подлежащихъ Тому, Кто превосходитъ всяческая; черезъ нихъ явствуетъ присутствіе Превышающаго всякую мысль, покоющееся на умопостигаемыхъ высотахъ Своихъ священнѣйшихъ мѣстъ. Наконецъ [Моисей] покидаетъ созерцаемое и созерцающихъ и входитъ въ поистинѣ мистическій мракъ незнанія, гдѣ закрывъ глаза для всякихъ умственныхъ воспріятій приступаетъ къ совершенно неосязаемому и незримому, внолнѣ принадлежа Тому, кто внѣ всего и нимало себѣ или кому иному, будучи въ бóльшей мѣрѣ соединенъ съ совершенно Непознаваемымъ, при бездѣствіи всякаго познанія, и, тѣмъ самымъ что ничего не познаетъ, познавая превыше разума".[44]

Во второй главѣ путь отрѣшеній отъ всего сущаго, приводящій къ божественному Мраку, сравнивается съ искусствомъ ваятеля, который, удаляя все что скрываетъ статую въ глыбѣ матерьяла, обнаруживаетъ ея сокровенную красоту единственно путемъ „отрѣшеній". Путь „отрѣшеній" (ἀφαιρέσεις) долженъ быть восхожденіемъ отъ низшаго къ высшему, при которомъ, отрѣшившись ото всего, „неприкровенно познаютъ Непознаваемое, скрываемое всѣмъ, что можетъ быть познано во всемъ сущемъ". Этотъ путь противоположенъ пути „положеній" (θέσεις), который есть нисхожденіе отъ высшихъ ступеней бытія къ низшимъ.[45]

---

43) M. Th. I, 3, col. 1000.

44) „Καὶ γὰρ οὐχ ἁπλῶς ὁ θεῖος Μωϋσῆς ἀποκαθαρθῆναι πρῶτον αὐτὸς κελεύεται, καὶ αὖθις τῶν μὴ τοιούτων ἀφορισθῆναι, καὶ μετὰ πᾶσαν ἀποκάθαρσιν ἀκούει τῶν πολυφώνων σαλπίγγων, ὁρᾷ φῶτα πολλὰ, καθαρὰς ἀπαστράπτοντα καὶ πολυχύτους ἀκτῖνας· εἶτα τῶν πολλῶν ἀφώρισται, καὶ κατὰ τῶν ἐκκρίτων ἱερέων ἐπὶ τὴν ἀκρότητα τῶν θείων ἀναβάσεων φθάνει. Κἂν τούτοις αὐτῷ μὲν οὐ συγγίνεται τῷ Θεῷ, θεωρεῖ δὲ οὐκ αὐτὸν (ἀθέατος γάρ), ἀλλὰ τὸν τόπον οὗ ἐστι. Τοῦτο δὲ οἶμαι σημαίνειν τὸ τὰ θειότατα καὶ ἀκρότατα τῶν ὁρωμένων καὶ νοουμένων ὑποθετικούς τινας εἶναι λόγους τῶν ὑποβεβλημένων τῷ πάντα ὑπερέχοντι, δι' ὧν ἡ ὑπὲρ πᾶσαν ἐπίνοιαν αὐτοῦ παρουσία δείκνυται, ταῖς νοηταῖς ἀκρότησι τῶν ἁγιωτάτων αὐτοῦ τόπων ἐπιβατεύουσα· καὶ τότε καὶ αὐτῶν ἀπολύεται τῶν ὁρωμένων καὶ τῶν ὁρώντων, καὶ εἰς τὸν γνόφον τῆς ἀγνωσίας εἰσδύνει τὸν ὄντως μυστικὸν, καθ' ὃν ἀπομυεῖ πάσας τὰς γνωστικὰς ἀντιλήψεις, καὶ ἐν τῷ πάμπαν ἀναφεῖ καὶ ἀοράτῳ γίγνεται, πᾶς ὢν τοῦ πάντων ἐπέκεινα, καὶ οὐδενὸς οὔτε ἑαυτοῦ οὔτε ἑτέρου, τῷ παντελῶς δὲ ἀγνώστῳ τῆς πάσης γνώσεως ἀνενεργησίᾳ, κατὰ τὸ κρεῖττον ἑνούμενος, καὶ τῷ μηδὲν γινώσκειν, ὑπὲρ νοῦν γινώσκων". — M. Th. I, 3, col. 1000—1001. — Интересно сравнить этотъ текстъ съ «De vita Moysis» и «De beatitudinibus», VI oratio, св. Григорія Нисскаго, гдѣ говорится о „невѣденіи превышающемъ всякое знаніе".

45) M. Th., II, col. 1025.

Въ третьей главѣ Діонисій перечисляетъ свои произведенія, относящіяся къ „утвердительному богословію", изъ которыхъ многія до насъ не дошли, и располагаетъ ихъ въ порядкѣ ихъ „многословія", возрастающаго по мѣрѣ нисхожденія отъ высшихъ теофаній къ низшимъ. „Мистическое богословіе", являющееся восхожденіемъ, самый краткій изъ всѣхъ трактатовъ, ибо оно приводитъ къ „безсловесности".[46]

Главы IV и V перечисляютъ цѣлый рядъ аттрибутовъ и свойствъ чувственнаго и умопостигаемаго характера, отрицая ихъ присущность Богу. „О Причинѣ всяческаго не можетъ быть ни утвержденія, ни отрицанія; утверждая или отрицая то, что ниже Ея, мы не утверждаемъ о Ней и не отрицаемъ, ибо превыше всякаго утвержденія совершенная и единая Причина всѣхъ вещей и превыше всякаго отрицанія превознесенность вполнѣ отрѣшившагося отъ всего, пребывающая внѣ всѣхъ вещей."[47] Этими словами заканчивается трактатъ „О мистическомъ богословіи".

Постоянное именованіе Бога „причиной" (αἰτία) должно быть пояснено изъ ученія о причинности, свойственнаго Діонисію и болѣе опредѣленно выраженнаго св. Максимомъ Исповѣдникомъ въ его „Схоліяхъ" къ твореніямъ Ареопагита.[48] Отношеніе причины къ причиненному есть явленіе (ἔκφανσις): невидимыя и сокровенныя (αὄρατα καὶ μυστικὰ) причины являются какъ видимыя и познаваемыя въ причиненномъ. Богъ является въ твореніяхъ (= θεοφάνεια). Отношеніе причиненнаго къ своей причинѣ есть причастность (μέθεξις) или подражаніе (μίμεσις), благодаря которому причиненное становится образомъ (εἰκών) причины. Богоподражаніе (θεομίμεσις), причастность Богу свойственная всѣмъ твореніямъ; черезъ него они получаютъ свой образъ и богоподобіе. Совершенная причастность Творцу возможная для твари есть обо́женье (θέωσις).

Различіе положительнаго и отрицательнаго богословія сказывается въ самой противоположности ихъ направленія. Утвердительный путь соотвѣтствуетъ божественному нисхожденію, обнаруженію божественной Причины въ причиненномъ: о твореніяхъ утверждается ихъ теофаническій характеръ, въ мѣру ихъ аналогіи непознаваемой Причинѣ;[49] они становятся „провозвѣстниками божественнаго Молчанія", „сіяющими свѣтами, указующими присутствіе Обитающаго въ неприступныхъ мѣстахъ".[50] Отрицательный путь, слѣдующій противоположному направленію, соотвѣтствуетъ восхожденію твари къ Богу, — отъ извѣстныхъ и познаваемыхъ причиненныхъ къ невѣдомой и непознаваемой Причинѣ; о Богѣ отрицается все познаваемое и, слѣдовательно, все сущее, начиная съ низшихъ и кончая самыми высшими опредѣленіями.[51] Этотъ путь, въ против-

---

[46]) Ib., III., col. 1032 s.

[47]) ... „οὐδὲ ἔστιν αὐτῆς καθόλου θέσις, οὔτε ἀφαίρεσις· ἀλλὰ τῶν μετ' αὐτὴν τὰς θέσεις καὶ ἀφαιρέσεις ποιοῦντες, αὐτὴν οὔτε τίθεμεν, οὔτε ἀφαιροῦμεν· ἐπεὶ καὶ ὑπὲρ πᾶσαν θέσιν ἐστὶν ἡ παντελὴς καὶ ἑνιαία τῶν πάντων αἰτία, καὶ ὑπὲρ πᾶσαν ἀφαίρεσιν ἡ ὑπεροχὴ τοῦ πάντων ἁπλῶς ἀπολελυμένου καὶ ἐπέκεινα τῶν ὅλων." — M. Th. V, col. 1048.

[48]) См., напр., «Scholia in Eccl. Hier.», c. III, § III, 2. «Ἀπὸ τῶν αἰτιατῶν» ; Migne, t. IV, col. 137.

[49]) Объ „аналогіяхъ" и, въ связи съ ними, о положительномъ богословіи Ареопагита см. нашу статью «La notion des analogies chez Denys le pseudo-Aréopagite», долженствующую выйти въ томѣ V «Archives d'histoire doctrinale et littéraire du moyen âge», P., 1930.

[50]) Div. Nom., IV, 2, col. 696.

[51]) См. IV и V гл. „Мистическаго богословія."

ность утвердительному богословію, не есть познаніе Причины открывающейся въ причиненномъ, но исхожденіе изъ причиненнаго, т. е. изъ всего сотвореннаго, къ скрытой Причинѣ, пребывающей внѣ своихъ обнаруженій, мистическій опытъ о Богѣ внѣ твореній, внѣ Его теофаній, достижимый лишь путемъ экстаза, предвосхищающаго θέωσις.

§ 4. Въ описаніи „экстаза“ Моисея, который, какъ мы видѣли, является для Діонисія примѣромъ отрицательнаго богопознанія, слѣдуетъ отмѣтить, что достигнувъ „вершины восхожденія“ Моисей еще не сообщается съ Богомъ, но созерцаетъ лишь „мѣсто, гдѣ пребываетъ Богъ“. Это высочайшее изъ всего что можетъ быть познано, „основоположныя словеса“ всего сотвореннаго, черезъ которыя явствуетъ присутствіе Бога.[52] Нетрудно убѣдиться, что „ὑποθετικοὶ λόγοι“ обозначаютъ божественныя идеи, опредѣленныя въ другомъ мѣстѣ, какъ „сущетворящія словеса вещей, единокупно предсуществующія въ Богѣ“.[53] Идеи, соразмѣрно которымъ божественныя Силы многообразно явствствуютъ въ мірѣ, суть основанія теофаній; въ этомъ смыслѣ онѣ „высшее изъ всего видимаго и умозримаго“,[54] „нѣчто у Бога, что существуетъ и познается“.[55] Отрѣшившись и отъ нихъ, Моисей „вступаетъ во мракъ незнанія“ и достигаетъ „соединенія превыше разума“ со сверхсущностнымъ Лучемъ.

Апофатическій путь не приводитъ къ божественной Природѣ, но къ соединенію съ Силами. Какъ раздѣленныя, божественныя Силы познаются въ положительномъ богословіи, путемъ знанія, поскольку имъ въ разной степени причаствуетъ все сущее; но „въ божественномъ соединенія превышаютъ раздѣленія“ и тѣ же Силы могутъ быть постигнуты, какъ соединенныя и не покидающія простого единства, въ отрицательномъ богословіи, путемъ экстаза. Раздѣленныя силы познаются въ твореніяхъ раздѣлительнымъ, дискурсивнымъ разумомъ, „спиралевиднымъ движеніемъ души“ (ἑλικοειδής κίνησις), какъ говоритъ Ареопагитъ, повторяя выраженіе неоплатониковъ[56]; соединенный въ самомъ раздѣленіи и пребывающій внѣ твореній, несмотря на исхожденіе къ нимъ, божественный Лучъ постигается въ таинственномъ „соединеніи“ (ἕνωσις), ангелоподобнымъ „круговымъ движеніемъ“ (κυκλική κίνησις).[57]

Достижимое лишь путемъ экстаза и „незнанія“ соединеніе со сверхсущностнымъ Лучемъ есть предвосхищеніе вѣчнаго блаженства ангеловъ и сыновъ Божіихъ, „сыновъ воскресенія“.[58] Обóженье (θέωσις), удѣлъ праведниковъ, есть уподобленіе Богу и „соединеніе“ („πρὸς Θεὸν ἀφομοίωσις τε καὶ ἕνωσις), содѣлываемое въ Церкви дѣйствіемъ Святаго Духа.[59] Въ нераздѣльномъ но и несліян-

---

52) См. цитату на стр. 110 (примѣч. 44).

53) D. N., V, 2, col. 817.

54) См. прим. 44.

55) »Καὶ εἴ τις ἰδὼν Θεὸν, συνῆκεν ὃ εἰδέν, οὐκ αὐτὸν ἑώρακεν, ἀλλὰ τι τῶν αὐτοῦ τῶν ὄντων καὶ γινωσκομένων“. — Ep. I, col. 1065.

56) D. N., IV, 9, col. 705.

57) Ibidem.

58) D. N., I, 4, col. 592 s.

59) Eccl. Hier., I, 3—4, col. 376.

номъ соединеніи съ божественными лучами твореніе уподобляется Творцу, причиненное становится подобнымъ Причинѣ, являя Ее въ мѣру своей аналогіи, „совершая благодатью и богодарованной силой то, что принадлежитъ Божеству по природѣ и сверхъ мѣры“.[60]

„Причина всего и все наполняющая есть Божество Іисуса“.[61] Скрытая Причина вполнѣ открылась въ Боговоплощеніи: „въ человѣчествѣ Христа Сверхсущностное явилось въ человѣческой сущности, но Оно пребыло скрытымъ и послѣ обнаруженія, или, говоря болѣе боголѣпно, въ самомъ Своемъ обнаруженіи“.[62] Будучи полнотою Богоявленія и вершиной всѣхъ теофаній въ твореніяхъ,[63] а слѣдовательно и основаніемъ утвердительнаго богословія, воплощенное Слово пребываетъ однако непознаваемымъ и „утвержденія о человѣчествѣ Іисуса имѣютъ силу превосходящаго отрицанія“.[64] Такимъ образомъ, оба пути относятся къ Богочеловѣку одновременно. Утвердительный путь соотвѣтствуетъ нисхожденію Божества, въ которомъ Оно Само открывается, становясь „всяческимъ во всемъ“, тогда какъ отрицательный соотвѣтствуетъ восхожденію твари къ своей Причинѣ, т. е. обо́женью, совершаемому силою Святаго Духа; первымъ путемъ Божество свидѣтельствуетъ о Себѣ постижимо, вторымъ — творенія, исполненныя благодатью Святаго Духа, свидѣтельствуютъ о непостижимости божественной Природы.

Θέωσις совершающійся силою Святаго Духа въ Церкви можетъ быть предвосхищенъ въ состояніи экстаза. Такъ же какъ θέωσις, экстазъ не можетъ быть достигнутъ собственнымъ усиліемъ. „Соединеніе превыше разума“ съ божественнымъ Лучемъ, совершающееся въ незнаніи и выхожденіи изъ всего сущаго, предполагаетъ „единящую силу“ (ἑνοποιὸς δύναμις),[65] благодаря которой разумъ соединяется съ тѣмъ, что превышаетъ его природу и познаетъ божественное покидая себя и становясь Божьимъ.[66]

Діонисій говоритъ, что ап. Павелъ восклицалъ: „уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. II, 20), ставъ причастнымъ „экстатической Силѣ“ (δύναμις ἐκστατική) божественной Любви, Которая требуетъ чтобы любящіе принадлежали не себѣ, но тѣмъ кого любятъ.[67] Любовью Богъ исходитъ изъ Своей Сущности въ Силахъ, творя міръ; какъ Причина любви Онъ движетъ къ Себѣ все сотворенное, заставляя его исходить изъ себя къ Богу.[68] Божественная Любовь является какъ „вѣчный кругъ“,[69] нисходя до крайнихъ предѣловъ сущаго и оттуда вновь возвращаясь черезъ все сущее, „изъ Себя, черезъ Себя, въ Себѣ Себя кругообращая и къ Себѣ всегда такъ же обращаясь“.[70]

---

[60]) Ib., III, 3, col. 168.
[61]) „Ἡ πάντων αἰτία, καὶ ἀποπληρωτική, τοῦ Ἰησοῦ θεότης“. — D. N., II, 9, col. 648.
[62]) *Ep. III, col. 1069.*
[63]) Coel. Hier. VII, 2, col. 208.
[64]) Ep. IV, col. 1072.
[65]) C. H., I, 1, col. 120.
[66]) D. N., VII, 1, col. 865 s.; XI, 2, col. 949.
[67]) D. N., IV, 13, col. 712.
[68]) D. N., IV, 13—14, col. 712.
[69]) Ib., § 14, col. 712 s.
[70]) Ib., § 17, col. 713.

Этотъ „гимнъ любви“, приписываемый Діонисіемъ своему учителю — святому Іероѳею, невольно уводитъ мысль отъ церковнаго богословія въ міръ неоплатоновской философіи, которой широко воспользовался авторъ „Ареопагитикъ“. Однако это сходство представится намъ лишь внѣшнимъ, если мы соотнесемъ съ круговымъ путемъ божественной Любви два пути въ богословіи — утвердительный, отвѣчающій нисхожденію Божества въ Силахъ и явленію Его міру черезъ Іисуса Христа (θεοφάνεια), и отрицательный, соотвѣтствующій восхожденію твореній къ обо́женью (θέωσις) или восхищенію ихъ въ экстазѣ, совершаемому, также какъ и θέωσις, силою Святаго Духа.

Утвердительный и отрицательный путь, одновременно свидѣтельствующіе о Богочеловѣчествѣ Іисуса Христа, приводятъ „сыновъ воскресенья“ къ созерцанію Свѣта Божества тѣлесными очами. Обо́женныя творенія достигаютъ „христоподобнаго и блаженнаго удѣла, въ коемъ, по слову Писанія, всегда съ Господомъ будемъ, исполняемые въ чистыхъ созерцаніяхъ видимымъ Его Богоявленіемъ, которое будетъ просвѣщать насъ блистающими сіяніями, подобно какъ учениковъ при божественномъ Преображеніи, и въ то же время причастные безстрастнымъ и нематерьяльнымъ умомъ Его умному Свѣту и соединенію превыше разума въ невѣдомыхъ и блаженныхъ устремленіяхъ болѣе чѣмъ свѣтлыхъ лучей, божественно уподобившись наднебеснымъ духамъ, ибо, по истинному слову Писанія, будемъ равными ангеламъ и сынами Божьими, будучи сынами воскресенія.[71]

Вл. Лосскій.

Meudon, 1929.

---

[71]) „Τότε δὲ, ὅταν ἄφθαρτοι καὶ ἀθάνατοι γενώμεθα, καὶ τῆς χριστοειδοῦς καὶ μακαριωτάτης ἐφικώμεθα λήξεως, πάντοτε σὺν Κυρίω, κατὰ τὸ λόγιον, ἐσόμεθα, τῆς μὲν ὁρατῆς αὐτοῦ θεοφανείας ἐν παναγνοις θεωρίαις ἀποπληρούμενοι, φανοτάταις μαρμαρυγαῖς ἡμας περιαυγαζούσης, ἃς τοὺς μαθητὰς ἐν ἐκείνῃ τῃ θειοτατῃ μεταμορφώσει · τῆς δὲ νοητῆς αὐτοῦ φωτοδοσίας ἐν ἀπαθεῖ καὶ ἀΰλῳ τῷ νῷ μετέχοντες, καὶ τῆς ὑπὲρ νοῦν ἑνώσεως ἐν ταῖς τῶν ὑπερφανῶν ἀκτίνων ἀγνώστοις καὶ μακαρίαις ἐπιβολαῖς, ἐν θειοτέρᾳ μιμήσει τῶν ὑπερουρανίων νοῶν · ἰσαγγελοι γὰρ, ὡς ἡ τῶν λογίων ἀλήθεια φησιν, ἠσόμεθα, καὶ υἱοὶ Θεοῦ, τῆς ἀναστάσεως υἱοὶ ὄντες“. — D. N., I, 4, col. 592.

КЪ ВОПРОСУ О ВѢРОИСПОВѢДАНІИ МОНГОЛЬСКИХЪ ПОСЛОВЪ 1223 г.

I.

Разсказъ о послахъ, отправленныхъ къ русскимъ князьямъ начальниками монгольской рати въ 1223 г., слѣдующимъ образомъ излагается въ Никоновской лѣтописи: „Князи же Русстіи мнози совокупльшеся со всею землею Русскою поидоша противу Татаромъ. Пришедшимъ же имъ къ Днѣпру на Зарубъ ко острову Варежскому, слышавши же Татари, послаша къ нимъ послы своя глаголюще сице: „*вси есмя человѣци и вси Адамово племя*,[1] почто всуе и туне кровь свою проливаемъ, которающеся и біющеся; мы убо не на васъ пріидохомъ, а вашего не заяхомъ ничто же, но пріидохомъ на рабы своя Половци, понеже Половци истаринные наши конюхи, да по что идете на насъ съ ратью и съ кровопролитіемъ; аще хощете въ благихъ быти, имѣйте съ нами миръ, а Половцевъ отъ себя отжените и не пріимайте ихъ. Князи же Русстіи того не послушаша, но и послы ихъ избиша а сами поидоша противу ихъ. И не дошедше Отшелъя и сташа отъ Днѣпрѣ, и ту послаша къ нимъ иныя послы Татарове глаголюще сице: аще естя послушали Половцевъ и послы наша избили и противу насъ идете съ ратью и съ кровопролитіемъ, а мы васъ не обидѣхомъ ничимъ же, то судить Богъ межи нами и вами, понеже Богъ есть всѣмъ творецъ и питатель.“[2]

Сочувствіе автора разсказа явно на сторонѣ татаръ. Доводы татарскихъ пословъ представляются справедливыми и разумными. Едва ли не обращенію русскихъ князей съ татарскими послами приписанъ въ Никоновской лѣтописи и несчастный исходъ битвы на Калкѣ: „и бысть сѣча зла грѣхъ ради нашихъ“;[3] и дальше: „всѣ побіени быша гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи наша отъ Татаръ“.[4]

II.

Центральнымъ аргументомъ первыхъ монгольскихъ пословъ является заявленіе о единствѣ происхожденія русскихъ и татаръ: — „вси есмя человѣци и вси Адамово племя“. Разумѣется, не этническое единство здѣсь могло имѣться

¹) Курсивъ мой. Г. В.
²) П. С. Р. Л., X, стр. 90.
³) Тамъ же, стр. 91.
⁴) Тамъ же стр. 92.

въ виду, а единство другого порядка — политическаго, нравственнаго или религіознаго.[1]

Формула о единомъ происхожденіи отъ Адама нѣсколько разъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ въ той же Никоновской лѣтописи, только въ примѣненіи не къ комплексу народовъ (русскіе — татары), а къ одному русскому, христіанскому народу. Такъ, по поводу мирнаго договора тверскихъ князей съ московскимъ 1336 г. въ Никоновской лѣтописи говорится: „И радовахуся бояре ихъ и вси вельможи ихъ, такоже гости и купцы и вси работніи людіе, роды и племяна Адамови. Вси бо сіи единъ родъ и племя Адамово, цари, и князи, и бояре, и вельможи, и гости, и купцы, и ремественицы и работніи людіе, единъ родъ и племя Адамово, и забывшеся, другъ на друга враждуютъ и ненавидятъ и грызутъ и кусаютъ, отстояше отъ заповѣдей Божіихъ, еже любити искренняго своего яко самъ себѣ".[2] Подобными же словами выражаетъ свои мысли великій князь Дмитрій Ивановичъ, держа рѣчь къ полкамъ передъ Куликовской битвой: „вси бо есмы отъ мала до велика братіа едини, внуци Адамли, родъ и племя едино, едино крещеніе, единая вѣра христіанскаа, единаго Бога имѣемъ Господа нашего Іисуса Христа"...[3]

Влагая въ уста татарскимъ посламъ передъ битвой на Калкѣ слова о единомъ происхожденіи отъ Адама русскихъ и татаръ, разсказчикъ заставляетъ татарскихъ пословъ говорить языкомъ не только убѣдительнымъ для древне-русскаго христіанскаго сознанія, но прямо языкомъ христіанской морали.

III.

Разсказъ о татарскихъ послахъ, помѣщенный въ Никоновскую лѣтопись, можетъ служить косвеннымъ указаніемъ на вѣроисповѣданіе этихъ татарскихъ пословъ. Весьма соблазнительна была бы мысль о томъ, что монгольскіе послы 1223 г. не только говорили языкомъ, понятнымъ христіанскому сознанію, но просто были христіане. Такое предположеніе вполнѣ подходитъ ко всей исторической обстановкѣ. Передъ тѣмъ, какъ произвести нападеніе на чью либо страну, монголы всегда производили возможно болѣе тщательную предварительную развѣдку и, несомнѣнно, должны были быть точно освѣдомленными о христіанскомъ вѣроисповѣданіи русскихъ. Въ такомъ случаѣ вполнѣ естественнымъ представляется рѣшеніе отправить на Русь пословъ-христіанъ. Мысль эта была легко осуществима, т. к. значительная часть монгольскихъ армій этого времени, и въ частности отряда Джебе и Субутая, состояла изъ христіанъ —

¹) Если бы слова монгольскихъ пословъ были выраженіемъ мысли объ единомъ происхожденіи всего человѣческаго рода отъ Адама, то они не могли бы не включать и половцевъ въ это единство, между тѣмъ какъ именно противъ половцевъ направлены рѣчи монгольскихъ пословъ.

²) П. С. Р. Л., XI, стр. 8—9. Ср. М. В. Шахматовъ „Государство Правды" (Евразійскій Временникъ, IV, 1925), стр. 290.

³) П. С. Р. Л., XI, стр. 58. — Въ одномъ случаѣ, правда, въ Никоновской лѣтописи допускается, что въ Адамово племя могутъ входить „и вѣрніи и невѣрніи", но подъ „невѣрными" разумѣются рижскіе нѣмцы, т. е. опять таки христіане инославнаго исповѣданія (въ данномъ случаѣ — латиняне). См. П. С. Р. Л., X, стр. 95.

такъ называемыхъ халдейскихъ христіанъ или несторіанъ.[1] Формула: „Вси есмя человѣци и вси Адамово племя“ вполнѣ возможна въ устахъ несторіанъ, такъ какъ общее всему христіанскому міру въ Средніе Вѣка почитаніе Адама, какъ главы человѣчества, было распространено и среди несторіанъ.[2]

Намъ извѣстны другіе случаи, когда монголы пользовались именно христіанами для посольства въ христіанскія земли. Таково знаменитое посольство 1287 г. несторіанскаго монаха Бар-Саумы, правой руки патріарха Мар-Ябаллы, въ Римъ и во Францію.[3] Посольство Бар-Саумы имѣло то же международное заданіе, что и посольство 1223 г., то и другое было попыткою заключить союзъ между монголами и болѣе западными христіанскими державами для сокрушенія находившихся между ними враждебныхъ обоимъ государствъ. Съ этимъ можно сопоставить и то обстоятельство, что золотоордынскіе монгольскіе ханы пользовались русскими духовными лицами (сарайскими епископами) для сношеній съ Византіей.[4] Не было бы ничего удивительнаго въ томъ, если бы первые монгольскіе послы на Руси также были христіане; разсказъ объ этихъ послахъ, включенный въ Никоновскую лѣтопись, вполнѣ идетъ на встрѣчу такому предположенію.

Г. Вернадскій.

¹) О несторіанствѣ среди турокъ и монголовъ см. W. Barthold, Turkestan down to the Mongol Invasion, London 1928, 387—390 и др. по указателю. Книги В. В. Бартольда, Zur Geschichte des Christentums in Mittelasien bis zur mongolischer Eroberung, Tübingen — Leipzig 1901, у меня подъ руками нѣтъ. Ср. еще Assemani, De Syris Nestorianis (Bibliotheca Orientalis III, 2, Romae 1728); P. Pelliot, Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient (T'oung Pao, XV, 1914, pp. 623—644); H. Cordier, Le Christianisme en Chine et en Asie centrale sous les Mongols (Ibid. XVIII, 1917, pp. 49—113); P. Y. Saeki, The Nestorian Monument in China, London 1916.

²) Ср. напр. G. P. Badger, The Nestorians and their Rituals, vol. II (London 1852) p. 73; ibid. pp. 35, 101. Значительная роль отводилась Адаму и въ манихействѣ, котораго элементы повидимому просачивались въ среду несторіанъ. Ср. о манихействѣ: F. Ch. Baur, Das manichäische Religionsystem, Tübingen 1831; F. C. Burkitt, The Religion of the Manichees, Cambridge 1925 (здѣсь указана и важнѣйшая литература); см. также Н. П. Кондаковъ, О манихействѣ и богумилахъ (Seminarium Kondakovianum I, 1927).

³) The History of Yaballaha III, Nestorian Patriarch, and of his Vikar Bar Sauma... translated from the Syriac and annotated by James A. Montgomery, New-York 1927.

⁴) См. мою статью „Золотая Орда, Египетъ и Византія“ (Seminarium Kondakovianum I, 1927) стр. 80.

WERE THE MONGOL ENVOYS OF 1223 CHRISTIANS?

by

GEORGE VERNADSKY.

Several Russian chronicles contain the story of the Mongol envoys to Russia in the year 1223 when the Mongol army sent by Chingiz Khan first penetrated into Russia. The Mongol envoys would assure the Russian princes that the Mongols had no hostile intentions against Russia, their aim being only to conquer the Cumans which were then living in the steppes of South Russia and were now caught between the Mongols and the Russians. According to the so-called Nikon chronicle, compiled in the 16th century, which gives more data on the Mongols than other Russian chronicles, the Mongol envoys told the Russian princes: "We are all men and all descendants of Adam. Why should we fight against each other? We come only to fight the Cumans and not you Russians." However, the Russians did not heed the proposals of the Mongol envoys but put them to death. Hostilities broke out between the two peoples and a disastrous defeat was administered on the Russians by the Mongols. The Nikon chronicle sees in the issue of the battle a visitation of God's wrath on the Russians for their sins. This story of the Russian chronicle is apparently biased in favour of the Mongols. The Mongols are represented as upright and moral men who do not wish to provoke any unnecessary fighting. The most interesting point of the story is that the Mongol envoys are appealing to a common religious affinity supposed to exist between themselves and the Russians. The formula: "We are all descendants of Adam" is very important from this point of view. Since we find in Russian chronicles the same formula nearly always when mention is made of the religious unity of the Russian people, may we assume, therefore, that the Mongol envoys used this formula as though they themselves were Christians? This assumption may be supported by the fact that there were many Christians, namely Nestorians, in both the Mongol government and the army. Thus the Mongol envoys, if the necessity had arisen, could easily have been chosen from among the Nestorians. It is not difficult to think of the Mongol envoys as Nestorians inasmuch as the formula "We are all descendants of Adam" is very well adapted to the psychology of the Nestorians, the cult of Adam, common to the mediæval Christianity, being also spread among the Nestorians. Moreover, we know that the Mongol rulers were always eager to use Christians as envoys to a Christian nation. A Nestorian monk, Bar Sauma, was used by the Mongols as an envoy to France in 1287; a Russian bishop in the capacity of a Mongol envoy was sent to Byzantium several times in the second half of the 13th century.

ЛАТИНСКІЯ СХОЛІИ ВЪ КОРМЧИХЪ КНИГАХЪ

Въ дѣлѣ выявленія исторіи образованія и развитія древнихъ славяно-русскихъ кормчихъ книгъ многое стало яснымъ и опредѣленнымъ, благодаря научнымъ трудамъ и блестящимъ изслѣдованіямъ нашего выдающагося ученаго Вл. Ник. Бенешевича въ трудно доступной и мало разработанной области самыхъ источниковъ (т. е. рукописныхъ памятниковъ) каноническаго права Византіи. Только теперь мы имѣемъ надежныя путеводныя нити, чтобы прослѣдить въ главномъ ходъ образованія и развитія двухъ важнѣйшихъ византійскихъ каноническихъ сборниковъ въ XIV титт. и L титт. на основѣ, дошедшей до нашего времени, ихъ оригинальнаго рукописнаго состава.

Вполнѣ понятно, что научныя разработки въ этой области имѣютъ важное значеніе и для нашихъ славяно-русскихъ памятниковъ, получившихъ свой источникъ изъ той же Византіи.

При свѣтѣ этихъ изслѣдованій нѣкоторые частичные вопросы, получившіе уже свое разрѣшеніе ранѣе въ трудахъ русскихъ канонистовъ, теперь надлежатъ пересмотру, а иные даже требуютъ такого пересмотра, ибо, изрѣдка становясь извѣстными въ средѣ европейскихъ канонистовъ, приняты послѣдними какъ verba magistri и пріобрѣтаютъ иногда характеръ научно законченной аргументаціи въ области интересовъ и отношеній текущихъ дней.[1]

Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью, если не самый пересмотръ или перерѣшеніе одного изъ такихъ вопросовъ (такъ какъ такое перерѣшеніе представляетъ въ настоящее время извѣстныя трудности), то попытку привлечь къ нему нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія, неимѣвшія раньше мѣста по вышеуказаннымъ обстоятельствамъ.

Въ Византійскомъ Временникѣ 1897 г., т. IV, была помѣщена небольшая статья покойнаго проф. Павлова — „Анонимная греческая статья о преимуществахъ Константинопольскаго патріаршаго престола и древне-славянскій переводъ ея съ двумя важными дополненіями.“ Въ русской ученой литературѣ она, насколько мнѣ извѣстно, не подверглась обсужденію, если и вызывала вниманіе. Въ 1918 г. она послужила матеріаломъ для статьи д-ра Jugie »Le plus ancien recueil canonique slave et la primauté du Pape«, (Bessarione, 1918). Спустя еще восемь лѣтъ,

---

[1]) Именно изрѣдка, т. к. главные труды русскихъ ученыхъ въ области исторіи источниковъ каноническаго права для ученыхъ канонистовъ Европы до сихъ поръ остаются мало извѣстными. Такъ напр., ни канонич. Сборн. XIV титт. ни Синагога́ въ 50 титт. В. Н. Бенешевича до сихъ поръ остаются непереведенными на нѣмецкій языкъ, несмотря на большой интересъ къ этимъ трудамъ германскихъ ученыхъ и желаніе имѣть ихъ переведенными на нѣмецк. языкъ. Причина — трудность найти переводчика. См. Синагога́ въ 50 титт. С. П. Б. 1914, VI, VII, пр. 1. 2.

та же замѣка пр. Павлова въ воспріятіи д-ра Jugie приводится какъ аргументъ въ книгѣ Eglise Grecque, J. Bousquet, переведенной также на русскій языкъ и снабженной предисловіемъ епископа А. Бодрильяра, члена французской Академіи и ректора Каноническаго Института въ Парижѣ.

Какъ было упомянуто выше, данная замѣтка въ свое время не вызвала критики или обсужденія со стороны компетентныхъ лицъ, потому ли, что поднятый въ ней вопросъ представляетъ вообще большія трудности для разрѣшенія, или же по той причинѣ, что и самъ авторъ, устанавливая въ славяно-русскихъ кормчихъ наличіе непонятныхъ „важныхъ дополненій", давалъ ему предположительное объясненіе-рѣшеніе. Съ той поры, правда, прошло не малое время. Русская наука въ области изслѣдованія источниковъ каноническаго права настолько сдвинулась съ мертвой точки, что къ ея достиженіямъ уже внимательно прислушиваются ученые Запада. Поэтому и прежнее, можетъ быть преждевременное, предположительное рѣшеніе интереснаго частичнаго вопроса можетъ быть обсуждено въ нѣсколько иной постановкѣ, съ привлеченіемъ нѣкоторыхъ данныхъ и соображеній, возможно, вовсе неизвѣстныхъ во время написанія статьи Павлова, или же не принятыхъ во вниманіе самимъ авторомъ.

Эта статья, которой такъ посчастливилось на Западѣ изъ общаго комплекса цѣнныхъ русскихъ ученыхъ изслѣдованій, пытается объяснить присутствіе въ нашихъ кормчихъ книгахъ весьма любопытной статьи (трактата) объ установленіи преимуществъ константинопольскаго патріаршаго престола. Особенности самой редакціи, гдѣ одновременно находятъ мѣсто какъ утвержденіе, такъ и отрицаніе преимуществъ Константинополя въ пользу римскаго престола, заставили пр. Павлова тщательно искать греческій оригиналъ статьи, извѣстной лишь въ его славянскомъ переводѣ. Оригиналъ былъ найденъ во флорентійской рукописи XII вѣка (нынѣ Laurent. Plut. V. cod. 22).

Сопоставивъ списки и не найдя въ греческомъ дополненій, отрицающихъ преимущества Константинополя, Павловъ полагаетъ: „Обѣ схоліи необходимо должны быть признаны позднѣйшими вставками въ текстѣ означенной статьи. Глубокая древность славянскаго языка статьи о „строеніи прѣсвѧтаго прѣстола Костѧнтина града" и фактъ ея нахожденія въ кормчихъ, содержащихъ въ себѣ первоначальный переводъ каноническаго кодекса греческой церкви, невольно заставляютъ относить ея происхожденіе къ той же эпохѣ, когда произошелъ и прототипъ такихъ кормчихъ, т. е. ко временамъ славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія, и именно — послѣдняго, которому современный его жизнеописатель (авторъ такъ называемаго Паннонскаго житія) прямо приписываетъ переводъ номоканона."[1] А затѣмъ находитъ вполнѣ возможнымъ, что самъ

[1]) При такомъ утвержденіи, повидимому, совершенно упускается изъ виду возможность появленія дополненій въ видѣ тѣхъ же маргинальныхъ схолій къ данной статьѣ, вслѣдъ за ея появленіемъ. А это какъ разъ было возможно въ тѣхъ спорныхъ районахъ, гдѣ интересы КП. и Рима сталкивались непосредственно на практикѣ, въ борьбѣ за преобладаніе. Въ этомъ отношеніи церковная исторія того же Иллирика рисуетъ поучительную картину, начиная съ эпохи императоровъ Граціана и Ѳеодосія до временъ св. Меѳодія и даже гораздо позже. Равно не принимается во вниманіе и то, вполнѣ вѣроятное, обстоятельство, что эти схоліи могли существовать даже раньше появленія статьи, какъ мотивированное опроверженіе 28 канона Халкидонскаго собора, непризнаваемаго римскимъ престоломъ, а потому могли быть широко извѣстны

св. Меѳодій и включилъ эти дополнительныя схоліи въ статью при переводѣ на славянскій языкъ греческаго номоканона: „Почему же не приписать такого признанія простому суффрагану папскаго престола, каковымъ былъ св. Меѳодій? Иначе фактъ существованія на славянскомъ языкѣ и въ составѣ первоначальнаго славянскаго номоканона двухъ каноническихъ схолій греческаго происхожденія, но папистическаго содержанія, останется неразрѣшимой загадкой.“ (Виз. Врем., 1897, IV).

Послѣднее мнѣніе русскаго канониста даетъ д-ру Jugie (см. выше журн. Bessarione) возможность устранить наконецъ недовѣріе въ средѣ католическихъ ученыхъ относительно Паннонскаго житія, усматривавшихъ въ немъ „нѣкоторыя подозрительныя интерполяціи, внесенныя приверженцами Фотія“, а равно разсѣять ихъ предубѣжденіе и къ самому апостолу Славянства, „когда становится извѣстнымъ, что онъ могъ имѣть въ рукахъ номоканонъ совершенно различный отъ того, какой приписываютъ Фотію, — ...отцу схизмы.“[1]

Въ виду интереса, представляемаго „Анонимной греческой статьей“, она воспроизводится здѣсь по „Виз. Вр.“ въ сопоставленіи обоихъ списковъ и сохраняются нѣкоторыя примѣчанія Павлова.

Περὶ προνομιῶν τοῦ ἁγιοτάτου θρόνου Κωνσταντινουπόλεως.

Τῆς ἐν Χαλκηδόνι συνόδου κανών θ΄.

1. Εἴ τις πρὸς τὸν τῆς ἐπαρχίας μητροπολίτην ἐπίσκοπος, ἢ κληρικὸς ἀμφισβητοίη καταλαμβανέτω ἢ τὸν ἔξαρχον τῆς διοικήσεως, ἢ τόν τῆς βασιλευούσης Κωνσταντινουπόλεως θρόνον καὶ ἐπ᾽ αὐτῷ δικαζέσθω.

Ἔξαρχον διοικήσεως καλεῖ τὸν πατριάρχην ἑκάστης διοικήσεως, ὑφ᾽ ὃν οἱ τῶν ἐκείνης ἐπαρχιῶν τελοῦσι μητροπολῖται· φησὶ οὖν ὁ κανὼν· ὅτιπερ ὁ ἀμφισβητῶν πρὸς τὸν ἴδιον μητροπολίτην ἐπίσκοπος ἢ κληρικὸς οἱασδήποτε διοικήσεως, ἢ τὸν αὐτῆς καταλαμβανέτω πατριάρχην, ἤ, ἐι μὴ τοῦτο βούλοιτο, ἄδειαν ἔχειν πρὸς τὸν Κονσταντινουπόλεως ἀνατρέχειν θρόνον· ὅπερ προνόμιον οὐδενὶ τῶν ἄλλων πατριαρχῶν ἐδόθη, οὔτε ἐκ τῶν ἁγίων κανόνων, οὓς ἐξέθεντο αἱ οἰκουμενικαὶ τέσσαρες σύνοδοι οὔτε ἐκ τῶν εὐσεβῶν νόμων.

О строеніи пр҃таго прѣстола Костантина града.

С҃то и всеа вселеныꙗ въ Калхидонѣ събора канонъ ѳ҃.

Аще кто къ епархійскому митрополиту еп҃пъ или клирикъ распрю имать, да постигаеть или началника строенїа, или ц҃рьскааго Костантина града прѣстолъ и прѣдъ тѣмь да прится.

Началника строенїа зоветь патрїархъ коегождо строенїа. подъ нимиже тоꙗ епархїа бываеть митрополитъ. Рече оубо канонъ. Ꙗко прїайса съ своимъ митрополитомъ еп҃пъ ли клирикъ коегождо строенїа. да постигнеть патрїарха своего. Аще ли сего не въсхощеть, власть имѣти къ Костантина града ити прѣстолу, егоже строенїе ниедниномуже нихъ патрїархъ подано есть, ни ѿ с҃тыихъ канонъ иже проповѣдаша всеа вселеныа с҃тыи съборы четыре ни ѿ благочестиваго закона.

въ каноническихъ кругахъ Византіи, сопутствуя 28 канону въ маргинальномъ порядкѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда римская точка зрѣнія раздѣлялась нѣкоторыми греческими канонистами.

[1]) Здѣсь имѣется въ виду сборникъ Іоанна Схоластика. Онъ существовалъ въ самостоятельныхъ спискахъ, а равно входилъ иногда какъ составная часть въ списки сб. въ XIV титт., которому въ Византіи присвоялось названіе номоканона.

2. Τῆς αὐτῆς συνόδου κανὼν ιζ΄. τίτ. β΄.

Εἴ τις ἀδικοῖτο ὑπὸ τοῦ ἰδίου μητροπολίτου, παρὰ τῷ ἐξάρχῳ τῆς διοικήσεως ἢ τῷ Κωνσταντινουπόλεως θρόνῳ δικαζέσθω, καθὰ προείρηται.

Тогоже ст҃го събора канонъ з҃і.

Аще кто обидим есть ѿ своего митрополита. прѣдъ начальником строенїа. или прѣдъ Кстантина града прѣстолом да праться, акоже прѣже речено есть.

3. Τῆς αὐτῆς συνόδου κανὼν κη΄, χάριν τῶν πρεσβείων τοῦ αὐτοῦ θρόνου.

Πανταχοῦ τοῖς τῶν πατέρων ὅροις ἑπόμενοι καὶ τὸν ἀρτίως ἀναγνωσθέντα κανόνα τῶν ρν' θεοφιλεστάτων ἐπισκόπων τῶν συναχθέντων ἐπὶ τοῦ τῆς εὐσεβοῦς μνήμης μεγάλου Θεοδοσίου τοῦ γενομένου βασιλέως ἐν τῇ βασιλίδι Κωνσταντινουπόλει, νέᾳ Ῥώμῃ, γνωρίζοντες, τὰ αὐτὰ καὶ ἡμεῖς ὁριζόμεθα καί ψηφιζόμεθα περὶ τῶν πρεσβείων τῆς ἁγιωτάτης ἐκκλησίας τῆς αὐτῆς Κωνσταντινουπόλεως, νέας Ῥώμης. Καὶ γὰρ τῷ θρόνῳ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης, διὰ τὸ βασιλεύειν τὴν πόλιν ἐκείνην, οἱ πατέρες εἰκότως ἀποδεδώκασι τὰ πρεσβεῖα. Καὶ τῷ αὐτῷ σκοπῷ κινούμενοι οἱ ρν' θεοφιλέστατοι ἐπίσκοποι, τὰ ἴσα πρεσβεῖα ἀπένειμαν τῷ τῆς νέας Ῥώμης ἁγιωτάτῳ θρόνῳ εὐλόγως κρίναντες τὴν βασιλείᾳ καὶ συγκλήτῳ τιμηθεῖσαν πόλιν, καὶ τῶν ἴσων απολαύουσαν πρεσβείων τῇ πρεσβυτέρᾳ καὶ βασιλευούσῃ Ῥώμῃ, καὶ ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς ὡς ἐκείνην μεγαλύνεσθαι πράγμασι δευτέραν μετ' ἐκείνην ὑπάρχουσαν. Καὶ ὥστε τοὺς τῆς Ποντικῆς, καὶ τοὺς τῆς Ασιανῆς καὶ τοὺς τῆς Θρᾳκικῆς διοικήσεως μητροπολίτας μόνους, ἔτι δὲ καὶ τοὺς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἐπισκόπους τῶν προειρημένων διοικήσεων χειροτονεῖσθαι ὑπὸ ἁγιωτάτου θρόνου τῆς κατὰ Κωνσταντινούπολιν ἁγιωτάτης ἐκκλησίας.

Причетъ того же ст҃аго събора чести ради того же прѣстола.

Вьсьдѣ ст҃ыихъ оц҃ь заповѣдѣй въслѣдующе. и нынашнїй прочтеный канонъ. р҃. н҃. и҃. б҃голюбивыихъ еп҃пъ. съкупльшиихся въ бл҃гочестивую памать великаго Феодосїа бывшаго ц҃ра. въ ц҃рьскѣмъ Костантинѣ градѣ новѣмъ Рими сказующе, тожде и мы заповѣдаемъ и причитаемъ о чести пр҃тыа ц҃ркве тогоже Костантина града новаго Рима. Ибо прѣстолу старѣйшаго Рима. зане ц҃рьствовати граду тому. оц҃и въ правду ѿдаша чьсть. И тѣмъ же смотрѣнїемъ подъвигъшеса. р҃. н҃. и҃. б҃голюбивїи еп҃пи. равную честь подаваах у новаго Рима ст҃ому прѣстолу, оудобо судивше. ц҃рство[мъ] и сѷклитомъ почтеный градъ и равную въспрїимати честь [съ] старѣйшимъ ц҃рьскымь Римомъ. и въ ц҃ркви ıакоже и ѡного величати вещьми. вторый по немь сущь. И ıако понтьскоуоумоу. и асїйскому. и фрачьскому строенїю митрополитомъ единѣмь. еще [же] и въ варварьскыихъ прѣже реченыихъ строенїихъ еп҃пы поставлати ѿ пр҃таго прѣстола иже въ Костантини градѣ пр҃тыа ц҃ркве.

Σχόλιον. Δεῖ εἰδέναι ὡς διὰ τοῦτο δευτέραν τὴν ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐκκλησίαν ὠνόμασαν, ἐπειδὴ τότε καὶ ἡ πρεσβυτέρα ἐβασίλευε Ῥώμη. Εἰ τοίνυν καθά φησιν ἡ ἁγία αὕτη σύνοδος, διὰ τὸ βασιλεύειν τὴν [πρεσβυτέραν] Ῥώμην οἱ πατέρες τὰ πρεσβεῖα

Подобаетъ вѣдѣти. ıако того ради вторую Костантина града ц҃рквъ нарече. понеже тогда и старѣйшїй ц҃рствоваше Римъ. Аще оубо ıакоже рече ст҃ый сїй съборъ. зане ц҃рьствовати старѣйшиму Риму оц҃и честь тому подаша. съ единѣмъ бл҃говоленїемъ Б҃жїемъ съ

δεδώκασι, μόνης νῦν εὐδοκίᾳ Θεοῦ ταύτης τῆς [πόλεως] βασιλευούσης, εἰκότως αὕτη [νῦν] καὶ τὴν προτέραν κέκτηται.[1]

црьству ющїимъ градомъ въ правду тъй ныня честь прия.

Подобаетъ же вѣдѣти. ꙗко причеть сѐ непрїатенъ будеть ѿ блаженаго папежа Лва. тогда стараго Рима прѣстолъ правящаго. ни съвѣща на-се стому въ Калхидонѣ събору. нъ и въсписа к събору ничьсоже такова прїати ему ꙗко по поновленїи двоверїю тогда сущаго еппа Костантина града. Анатолїю тому бывшю. Тѣмь и не въсписаша в томъ причетъ суще обрѣтшенса въ соборѣ еппи нѣцїи. ни ꙗкоже рече таковый причетъ. зане црьствовати старѣйшему Риму. честь ему ѿдаша стїи оци, нъ сьвыше изначала ѿ Бжїа блгодати, степени ради вѣры. то еже рещи. вьрховному ѿ аплъ Петру. ꙗко ѿ Га Іс Ха самого гласъ слышавше. Петре любиши ли мя [;] паси овцы моя. честь варившїихъ въ чистительхъ чинъ и прьвое сѣдалище притажа. Аще бо ꙗкоже рекоша. прѣдлежащее слово устроивше. зане црьствовати старѣйшу Риму и честь притажати. ныня же Костантину граду црьствующу. то наслѣдитъ честь.

Вѣсто да есть. ꙗко въ Медиоланѣ и въ Равени въ граду цреве сѣдоша. ихже полаты и до нынѣшнаго дне стоять. и не того ради градома тѣма честь подана бысть.[2] ибо чистительскаго чину честь и варенїе не ѿ мирьскыя блгодати. нъ ѿ бжественаго избранїа и ѿ апостольскыя области почтенъ бысть. Аще бо стїи оци градъ Ієрлмъ цря ради црь-

[1]) Таже самая схолія къ 28-му правилу Халкидонскаго собора издана *Питрою по* Мюнхенскому списку номоканона въ XIV титт. См. Iuris eccles. graec. historia et monumenta, t. II, p. 646—647 Отсюда взяты въ нашемъ текстѣ слова, поставленныя въ скобкахъ. — *Мысль этой схоліи*, очевидно, та, что если второй вселенскій соборъ отдалъ Риму, какъ старшей столицѣ, преимущество чести передъ Константинополемъ, то послѣ паденія западной Римской имперіи, когда только одинъ Константинополь остался „царствующимъ градомъ", къ нему по необходимости перешли всѣ преимущества стараго Рима. Противъ этой мысли, составляющей собственно выводъ изъ соборнаго правила, и возстаетъ авторъ слѣдующей схоліи, извѣстной теперь только въ славянскомъ переводѣ.

[2]) Этотъ аргументъ высказывалъ уже папа Геласій въ своемъ полемическомъ посланіи къ епископамъ Дарданіи противъ Константинопольскаго епископа Акакія. Приводимъ подлинныя слова папы: Risimus autem, quod praerogativam volunt Acacio comparari, quia episcopus fuerit regiae civitatis. Numquid apud Mediolanum, apud Ravenam, apud Greviros multis temporibus non constitit imperator? Numquianam horum urbium Sacerdotes ultra mensuram sibimet antiquitus deputatam quidpiam suis dignitatibus usurparunt? (Thiel, Epistolae romanorum pontificum genuinae, p. 405).

ствѹющихъ. Б҃а Г҃а нашего І҃с Х҃а и припѣтѹю его страсть почисти хотаще. митрополїа чьсть емѹ оутвердиша. а не патрїарьшьскаго строенїа подаша. не возмогъше ѿложити прѣдѣла, ꙗже истиньнїи вѣры проповѣдиници положиша. како есть мощно ц҃ра ради земльнааго б҃жественыѧ дары и апостольскыꙗ чести прѣлагати и непорочныꙗ вѣры обнавлати повелѣнїа [;]. Неподвижимы оубо до скончанїа сѹть старѣйшаго Рима чести. тѣмь ꙗкоже и начинаꙗ всѣхъ ц҃ркв. въ с҃ты[хъ] всеꙗ вселеныꙗ съборѣхъ того с҃тлитель чьсти ради не нѹдитьсѧ сходит[и]сѧ весь съвѣщанїа же того нѣкыими посланыими ѿ него сѹщїи[ми] подъ прѣстоломъ его всеꙗ вселеныꙗ съборъ не бываше. и еже самъ оуправлꙗше начинати въ соборѣ. Аще ли нѣции противѹ ꙗвлаютсѧ сѹщемѹ словѹ, ꙗко не такомѹ о сихъ бывати, хота[й] да испытаеть писанное ѿ того же прѣблаженаго папежа Лва Маркиꙗнѹ и Плъхерии в кончинѹ бл҃гочестивыима еже и къ реченомѹ еп҃пѹ Костантина града Анатолїю и ѿ тѣхъ истинѹ да ѹвѣсть.

4. Βιβλίου α΄ τοῦ κώδικος τίτ. β΄ διάτ. ζ΄.

Ὁμοίως κρατείτωσαν οἱ ἐκκλησιαστικοὶ κανόνες [πάσης καινοτομίας ὑποχωρούσης] κατὰ παλλαιὰν συνήθειαν καὶ ἐν ὅλῳ τῷ Ἰλλυρικῷ· εἰ δὲ περὶ τινὸς ἀμφιβάλλουσιν [οἱ] ἐν ἐκείνῳ τῷ κλήματι, μηδὲν δίχα τοῦ ὁσιωτάτου ἐπισκόπου τῆς ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως διατυπούτωσαν· ἐπειδὴ τοῖς τῆς παλαιᾶς Ῥώμης δικαίοις καὶ ἡ Κωνσταντινούπολις ὀχυροῦται.

Δεῖ εἰδέναι ὡς οἱ τοῦ Ἰλλυρικοῦ ἅπαντες ἐπίσκοποι ὑπὸ τὸν Ῥώμης ἁγιώτατον θρόνον τελοῦσιν· ὅμως μέντοι τοσαύτην αὐθεντίαν τῷ Κονσταντινουπόλεως ἀπένειμαν θρόνῳ οἱ πανευσεβεῖς νόμοι, ὡς θεσπῖσαι, ἄνευ αὐτοῦ μηδὲν περὶ [τῆς] ἐκκλησιαστικῆς τυποῦσθαι διοικήσεως ἐν τῷ Ἰλλυρικῷ.

Кингы первыꙗ написанїа шестаго.

Да держать ц҃рковнїи канони. всакомѹ обновленїю празноѹ сѹщѹ. по ветьхомѹ обычаю и въ всем Иллиричьстѣмъ. аще ли о нѣкомъ двовѣрьствѹють на томь мѣстѣ сѹщеи, ничьсоже да не въображають развѣе еп҃па црькве Костантина града и събора его. понеже старѣйшаго Рима строенїю и Костантинь градъ ѹтвердисѧ.

Подобаеть вѣдѣти ꙗко Илирїйсцѣи вси еп҃пи подъ римьскыимь прѣстоломъ сѹть. обаче ѹбо толико власть Костантина града пода прѣстолѹ всечестьный законъ. ꙗко ничьсоже заповѣдати развѣе его о ц҃рквнѣмъ строенїи въображати въ Илирїйтѣмь.

5. Βιβλίῳ τῷ αὐτῷ διάταξις ιζ΄.

Τὰ γενόμενα ἐν τῇ κατὰ Ζήνωνος τυραννίδι παρὰ τὰ πρῴην βασιλικὰ θεσπίσματα

Того же повелѣнїа шестое надесата.

Бывающаꙗ въ мѹченїе Зиноново ѿ перь[в]ныихъ ц҃рьскаꙗ повелѣнїа о чистителехъ ц҃рков-

περὶ ἱερέων τῆς ἐκκλησιαστικῆς καταστάσεως ἡ διάταξις ἀκυροῦσα τὰ πρῴην ἀνανεύται, καὶ φησι [προ]τιμᾶσθαι τὸν θρόνον τῆς ἁγίας ἐκκλησίας τῆς Κωνσταντινουπόλεως πάντων τῶν ἄλλων θρόνων καί προκαθέζεσθαι πάντων τῶν επισκόπων τὸν ὁσιώτατον αυτῆς πατριάρχην.

наго строенїа повелѣнїе ѵтвержаа. первaa обновлаеть и рече. прѣже чествти прѣстолъ с҃тыа ц҃ркве Костантина града. и паче инѣхъ всѣхъ престолъ. и прѣже сѣдати всѣхъ еп҃пъ прѣподобному еа патрїархѵ.

6. Τοῦ αὐτοῦ διάταξις κδ΄. Ἐπιφανίῳ ἀρχιεπισκόπῳ τῆς εὐδαίμονος πόλεως καὶ οἰκουμενικῷ πατριάρχῃ.

Того же повелѣнїа. к҃д. Єпифанїю п҃ртому архїепископѵ блаженаго града. и всеа вселеныа патрїархѵ.

Πάντων τῶν ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων καὶ διαφερόντων τῶν προσηκόντων τῇ ἁγιοτάτῃ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ τῆς εὐδαίμονος ταύτης πόλεως, τῇ ἡμετέρᾳ καὶ πάντων μητρὶ, ἥτις κεφαλή ἐστι τῶν ἄλλων πασῶν ποιούμενοι πρόνοιαν, θεσπίζομεν κτλ΄.

Всѣхъ ц҃рковныихъ вещий изрядьно подобныимъ п҃ртѣй велицѣй ц҃ркви блаженаго того града. нашей всѣхъ матери, аже глава есть инымъ всѣмъ творяще помышленїе повелѣваемъ.

7. Τῆς α΄ διατάξεως β΄ τῶν νεαρῶν.

Перваго повелѣнїа второе ѿ новыихъ.

Τοὺς δὲ ἐπισκόπους τοὺς κατὰ τὴν βασιλίδα ὡς εἴρηται παραγινομένους, οἱασδήποτε εἶεν διοικήσεως, πρὸ πάντων ἐπιέναι πρὸς τὸν μακάριον ἀρχιεπίσκοπον Κωνσταντινουπόλεως, καὶ οὕτως δι᾽ αὐτοῦ πρὸς τὴν ἡμετέραν εἰσιέναι γαληνότητα.

Еп҃помъ же въ ц҃рьскый градъ ꙗкоже речено есть приходящемъ. какого оубо ради строенїа. прѣже всѣхъ ити къ прѣблаженому архїепископѵ Костантина града и патрїарьхѵ. и тако[то]го ради ко нашей ходити тихости.

8. Βιβλίον ια΄ τοῦ κώδικος τῆς κα΄ διατάξεως.

Книгы единаꙗ надесяте написанїа повелѣнїе первое.

Ἡ Κωνσταντινούπολις μὴ μόνον Ἰταλίας, ἀλλὰ καὶ αὐτῆς τῆς παλαιᾶς Ῥώμης ἐχέτω τὰ προνόμια.

Костантинъ градъ не токмо италийское. нъ и того старѣйшаго Рима да имать строенїе.

9. [Βιβλίου δ΄] τῶν εἰσαγωγικῶν νόμων τίτλος ια΄.

Книгы первыя къводимаго закона. а҃i.

Ὅτι ἐπὶ τῶν διακαστ[ικ]ῶν ἀσφαλειῶν, τῇ κρατούσῃ ἐν Κωνσταντινουπόλει συνηθείᾳ δεῖ τὰς ἄλλας ἐπαρχίας ἕπεσθαι· κεφαλὴ γάρ ἐστι πασῶν ἡ βασιλεύουσα· καὶ δεῖ ἀυτῇ καὶ τοῖς ἔθεσιν αὐτῆς πάσας ἀκολουθεῖν.

Ꙗко на сѵдищныихъ ѵтверженїихъ дрьжащїимъ въ Костантинѣ градѣ обычаимъ подобаеть инѣмь патрїархїамъ быти. Глава во есть всѣмь ц҃рьсхый. и подобаеть емѵ [и] обычаемъ его всѣмь въслѣдовати.

Обѣ Кормчія, Казанск. Дух. Акад. 1165 (= Соловецкая 1056) XVI—XVII в. и Троицко-Сергіев. Лавры 207, XVI в., содержащія статью о „строенїи прѣсвятаго прѣстола Костантина града“, представляютъ собою систематическую син-

тагму сборника въ XIV титт., какъ и старшая ихъ сестра Ефремовская Кормчая (= Московск. Синод. Библ. 227), которую относятъ къ XI—XII в. „и даже въ ней нельзя найти ничего, что мѣшаетъ видѣть въ ней памятникъ XI в.“, какъ полагалъ И. И. Срезневскій.[1]

„Оба эти списка совершенно сходны по своему составу съ Синодальнымъ, но полнѣе его; при этомъ Троицк. лл. 1—281 = Казанск. л. 1—310 совершенно однороднаго по языку текста; слѣдующія же далѣе статьи очень разнообразны по своему составу и не сходны по языку ни другъ съ другомъ ни съ находящимися на предыдущихъ листахъ: это дополненіе образовалось уже въ славянскихъ земляхъ и не входило въ составъ греческаго оригинала сборника.“[2] Въ этой дополнительной части Казанск. и Троицк. списковъ и находится интересующая насъ статья. По указанію Павлова въ обоихъ „она вставлена въ 28-й титулъ Прохирона, между первою и второю главою этого титула“. Такимъ образомъ являлась возможность предполагать, что въ старѣйшемъ славянскомъ спискѣ Е (= Синодаль. 227) она отсутствуетъ случайно, такъ какъ отсутствуетъ и Прохиронъ. Подобное предположеніе находило поддержку въ слѣдующемъ наблюденіи: Е заканчивается coll. 93 capp., между тѣмъ въ продолженіи указателя Е л. 13 значатся:

кд. Иоустиниана иже въ блаженѣи памяти цесаря Костянтиня града законъ. Того же законъ морьскии.

ке. Василия Костянтина и Льва благочестивыхъ цесарь законъ.

кѕ. Блаженнааго Епифанія епископа Кvпрьска о ересѣхъ соуштиихъ отъ давьныихъ доселѣ.

кз. О родѣ саракиньстѣ рекъше о Агаринѣхъ.

ки. О оглагольницѣхъ хрьстьянь образоборьцихь.

кд. О приходяштиихъ отъ ереси и мажюштиихъся.

ла. О приходяштихъ отъ ереси и проклинаюштиихъ. Статьи, обозначенныя цифрами кѕ. по ла., въ Е имѣются; подъ кд Павловъ видѣлъ coll. 93 capp., отсутствовалъ такимъ образомъ только Прохиронъ.[3]

Хотя убѣжденіе Павлова насчетъ кд основательно оспаривалось уже В. Васильевскимъ, усматривавшимъ подъ кд не coll. 93 capp., а Земледѣльческій законъ,[4] тѣмъ не менѣе, къ опредѣленному заключенію относительно конечной части Е оказалось возможнымъ придти только послѣ изслѣдованія В. Н. Бенешевича о составѣ Синтагмы III редакціи (тарасіевской), среди большого числа изводовъ и редакцій, содержащихся въ греческихъ спискахъ сборника XIV титт.[5] Сопоставленіе и анализъ Е съ греческими спп. Vallicell. F 47 и Vindobon. histor. gr. 56 (содержащими ту же III ред.) опредѣленно указываютъ, что

---

[1]) И. И. Срезневскій, Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ кормчей книги Спб. 1897 (Сборн. Отд. Р. Я. и Сл., LXV).

[2]) В. Н. Бенешевичъ, Каноническій Сборникъ XIV титуловъ. Спб. 1905, 261.

[3]) Павловъ А. С., Первоначальный славяно-русскій номоканонъ. Казань, 1869.

[4]) В. Васильевскій, Законодательство иконоборцевъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, 108—109) а также его рецензія на Павлова Книги Законныя (Журн. М. Н. П. 1886 CCXLIII 330—332).

[5]) В. Н. Бенешевичъ, Каноническій сборникъ XIV титуловъ со второй четверти VII вѣка до 883 г., Спб. 1905. 260—288, особенно 274—278, 282 и 289.

первоначальный составъ систематической синтагмы въ заключительной части своей содержалъ: „ἀπόδειξις и διήγησις Анастасія Синаита, Епифанія Кипрск. о ересяхъ, Тимоѳея о принятіи еретиковъ, coll. 93 capp. и, можетъ (?) быть, Эклога съ appendix", слѣдовательно, добавленіе къ указателю вовсе не имѣетъ цѣлью перечислить заключительныя статьи списка Е, не внесено оно также въ славянскую рукопись переводчикомъ, а составляло, повидимому, принадлежность греческаго оригинала, какъ то наблюдается въ нѣкоторыхъ спискахъ.[1]

Истинное значеніе продолженія указателя списка Е подъ кд—лв выясняется, какъ обнаружилъ В. Н. Бенешевичъ, благодаря наблюденію надъ подобнымъ же случаемъ, но ясно выраженнымъ въ указателѣ Патмосскаго списка. Patm. 172 первой половины IX вѣка представляетъ Синтагму I редакціи въ ея до — Фотіевскомъ видѣ, въ которой можно различить какъ ея первоначальный составъ, такъ и редактированіе, происшедшее послѣ Трулльскаго собора. Здѣсь подъ указателемъ, оканчивающимся вторымъ Никейскимъ соборомъ и посланіемъ Тарасія къ папѣ Адріану, имѣется „многознаменательная замѣтка": οὗτοι εἰσὶν οἱ κανόνες, οὓς παρέλαβεν κρατεῖν ἡ ἁγία τοῦ θεοῦ καθολικὴ καὶ ἀποστολικὴ ἐκκλησία. Подъ особой заставкой и съ особымъ счетомъ слѣдуютъ:

α΄. Τοῦ μακαρίου Ἐπιφανίου ἀρχιεπισκόπου Κύπρου διήνησις σύντομος περὶ τῶν ἐκτεθεισῶν ὑπ᾽ αυτοῦ π΄ αἱρέσεων.
β΄. Ἔτι περὶ τῆς εἰρημένης π΄ αἱρέσεων τῶν μασαλιανῶν τῶν ἐν μοναστηρίοις εὑρισκομένων. μάλιστα ἐκ τῆς ἱστορίας Θεοδωρήτου.
γ΄. Αὗται μὲν ἕως Μαρκιανοῦ ἀνεφύησαν αἱρέσεις. ἀπὸ δὲ Μαρκιανοῦ καὶ μικρὸ πρὸς καὶ επὶ Νικηφόρου ἀνεφύησαν αἱ λοιπαὶ αἱρέσεις καθὼς ὑποτέτακται.
ε΄. Ἔτι περὶ αἱρέσεων καὶ αἱρεσιαρχῶν ἐκ τῶν συνοδικῶν τοῦ ἐν ἁγίοσις Σωφρονίου πατριάρχου Ἱεροσολύμων καὶ προσθήκη ἀπ᾽ ἐκείνου καὶ δεῦρο.

[1]) Ib. стр. 276—282. Предположеніе, хотя и подъ ? знакомъ, вызывается вслѣдствіе наличія Эклоги въ Vallicel. F 47, представ. изводъ болѣе древній, чѣмъ Е той же III редакціи, между тѣмъ какъ Vindob. hist. gr. 56 въ заключительной части никакихъ законовъ не содержитъ, подобно спискамъ 1-ой и 2-ой редакцій, образовавшимся на основѣ первоначальной Синтагмы (до Трулльскаго собора) и входящей въ сборникъ XIV титт.

Порядокъ появленія этихъ трехъ редакцій представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I редакція наблюдается въ спискахъ — Patm. 172 IX вѣка, Patm. 173 IX вѣка. Здѣсь правила Трулльскаго, какъ и VII вселенскаго собора (787 г.), носятъ характеръ вносокъ, несоотвѣтствующихъ ни указателю правилъ, ни составу XIV титт. Въ заключительной части никакихъ законовъ нѣтъ; I редакція очевидно возникла до 6-го всел. собора (680 г.).

II — въ спискахъ — Vallicel. F 10 X вѣка, Laurent. plut. cod. 1 X вѣка, Miscellan. 170 XIV вѣка и Vatic. 827 XIII вѣка. Здѣсь правила Трулльскаго и VII вселен. соборовъ въ видѣ ссылокъ въ XIV титт. введены, хотя и позади всѣхъ другихъ. Редакція возникла послѣ VII всел. соб., но до собора 861 г. Въ заключительной части спп. законовъ нѣтъ.

III — Тарасіевская въ спискахъ — Vallicel. F 47 X вѣка, Vindobon. histor. gr. 56 X вѣка, Московск. Синод. Биб. 227 (= Ефремовск.) XI вѣка, представляющихъ ея изводы. Въ основѣ же ея „лежитъ особая въ самостоятельныхъ спискахъ неизвѣстная редакція синтагмы VI вѣка въ томъ изводѣ, какой образовался послѣ Трулльск. собора черезъ включеніе правилъ его; coll. 93 capp. сюда входила въ видѣ „законовъ". (Кан. сб. XIV титт. стр. 288). Періодъ возникновенія — промежутокъ между VII вселенск. и соборами 861 г.

Это добавленіе имѣетъ въ виду трактаты о ересяхъ, которые мы находимъ въ видѣ дополнительныхъ статей лишь въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ (Paris. 1320, XI в., Barocc. 185, XI в., Bar. 196 XI в. и др.). Отсюда должно заключить, что и въ Ефремовской кормчей указатель подъ кд—ла не имѣетъ въ виду состава статей списка и есть особенность греческаго оригинала. „Совпаденіе Е съ Patm. 172 относительно статьи блаженнаго Епифанія Кипрскаго о ересяхъ ясно свидѣтельствуетъ, что и въ Е упоминаніе о ней могло появиться не подъ вліяніемъ текста Е“ (ор. cit. 167, 168, 233—276).

Слѣдовательно неправильное отнесеніе Павловымъ 93 сарр. къ кд могло вести къ ошибочнымъ предположеніямъ относительно всего дополненія указателя и придавать ему въ Е значеніе, какого оно вовсе не имѣло. Его споръ съ Васильевскимъ теперь съ очевидностью разрѣшается въ пользу послѣдняго.

Такимъ образомъ отпадаютъ предположенія о случайной незаконченности Е и возстанавливается ея полный составъ (=Троицк. лл. 1—281 и Казанск. лл. 1—310). Присутствіе же Прохирона и Земледѣльческаго закона въ „Книгахъ Законныхъ“ (въ спп. славянскихъ кормчихъ) еще не доказываетъ одновременности ихъ появленія съ Е и относится къ болѣе позднему времени, такъ какъ „всѣ извѣстные до сихъ поръ переводы этихъ сборниковъ совершенно отличаются отъ перевода Е, законъ же Морской и совсѣмъ неизвѣстенъ въ слав. переводѣ; поэтому нельзя думать, что въ составѣ того вида редакціи, который переведенъ на слав. языкъ, находился самый текстъ ихъ“. (Кан. сб. XIV титт., 275). „Въ полномъ видѣ Землѣд. законъ, какъ составная часть „Книгъ Законныхъ“, переведенъ въ юго-слав. земляхъ до начала XIII в. (А. Соболевскій въ рецензіи на Книги Закон. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1886 CCXLIII 352—354), гораздо позднѣе перевода Е. Что же касается Прохирона, то его тит. VII, XXIV и XXVIII гл. 1 переведены ранѣе, чѣмъ находящіеся въ „Книгахъ Закон.“ тит. XXXIX, XL, XXXVI гл. 2, XI, VII гл. 28, IV гл. 26, 27, V гл. 4, XXVII (Павловъ, Книги Зак., 14—15), но, однако, позднѣе, чѣмъ синтагма, какъ это будетъ доказано при изслѣдованіи слав. перевода въ особомъ трудѣ“.[1]

Такимъ образомъ наблюденіе надъ составомъ дополнительныхъ статей въ спискахъ Казанск. (=Соловецк.) и Троицк. относитъ ихъ ко времени болѣе позднему въ сравненіи съ Ефремовской Кормчей XI вѣка. Не лишнее къ этому добавить, что и такой знатокъ какъ академикъ И. И. Срезневскій въ своемъ „Обозрѣніи древнихъ русскихъ списковъ кормчей книги“ также не выдѣлялъ особенностей статьи „о строеніи... Костантина града“ изъ общаго состава ни по оборотамъ языка, ни правописаніемъ. Слѣдовательно, ежели данная статья вставлена въ Прохиронъ дополненій Казанскаго и Троицкаго списковъ не случайно позднѣйшими переписчиками, и появленіе ея на славянскомъ языкѣ сопровождается обстоятельствами появлешія Прохирона, то тѣмъ самымъ опредѣляется невозможность пріурочивать ее къ эпохѣ св. Меѳодія.[2]

---

[1]) Ib. 275. Къ сожалѣнію должно отмѣтить, что II томъ Древне-славянской Кормчей XIV титуловъ безъ толкованій до сихъ поръ не изданъ, хотя уже давно законченъ составителемъ. I-й томъ вышелъ въ Спб. въ 1906 году.

[2]) „Глубокая древность славянскаго языка“ статьи, заставляющая Павлова относить ее „къ той же эпохѣ, когда произошелъ прототипъ такихъ Кормчихъ, т. е. ко времени славянскихъ

Греческій оригиналъ статьи Περὶ προνομιῶν τοῦ ἁγιωτάτου θρόνου Κωνσταντινουπόλεως, обнаруженный Павловымъ во флорентійской рукописи, теперь оказывается не единственнымъ. В. Н. Бенешевичъ устанавливаетъ наличіе этой статьи еще въ слѣдующихъ греческихъ рукописяхъ:

a) Venet. class. III cod. II (=Nanian. 226) XII—XIII вѣка.
b) Paris. du fonds grec. 1370, XIII вѣка.
c) Atheniens. 1374, XVI вѣка.

Первыя двѣ какъ и Laurent. представляютъ списки сборника Іоанна Схоластика и данная статья помѣщается въ заключительной части списковъ.[1]

Laurent.	Venet.	Paris.
. . . .		. . . .
24. Τοῦ μακαρίου Κυρίλλου ἐκ τῶν ἐπιλύσεων τῶν δογματικῶν ζητημάτων ἐπιζητηθέντων παρὰ Τιβερίου διακόνου καὶ τῆς ἀδελφότητος.	77. то же	67. то же
25. Περὶ προνομιῶν τοῦ ἁγι-	78. — ωτάτου θρόνου Κων-	68. — σταντινουπόλεως.
26. Περὶ τῶν ἁγίων καὶ οἰκουμενικῶν ἑπτὰ συνόδων.	79. то же	69. то же
27. Εκ τῶν πρακτικῶν τῆς ἐν Νικαία πρώτης οἰκουμενικῆς συρόδου.	80. Τοῦ ἁγίου βασιλείου ἐκ των ἀσκητικῶν κεφάλαιον τμζʹ	70. то же
28. Τόμος ἐκτεθεὶς παρὰ Σισιννίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως περὶ τῶν τὰς ἐξαδέλφας λαμβανόντων ἀδελφῶν.	81. Φωτίου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως κανονικαὶ διατάξεις περὶ διαφορῶν ἐγκλημάτων.	71. то же
. . . .		. . . .
32. Φωτίου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως κανονικαὶ διατάξεις περὶ διαφορῶν εγκλημάτων.	89. Ἐκ τῶν αποστολικῶν διατάξεων. [Τὰς ἡμέρας τῶν τοῦ κυρίου ἑορῖων...]	85. Апостол. правила въ числѣ 25 съ двумя схоліями [Ὅτι ἀφορισμὸς καὶ τὸ ἐν ἐπιτιμίος γενέσθαι τοῖς ἐκβάλλουσι...]

апостоловъ Кирилла и Меѳодія, и именно — послѣдняго", — могла бы съ нѣкоторой достовѣрностью выясниться лишь въ томъ случаѣ, если бы обороты языка и правописаніе статьи были подвергнуты тщательному анализу такихъ знатоковъ славянскаго языка и письменности, какими были знаменитый И. И. Срезневскій или акад. А. И. Соболевскій. Къ сожалѣнію ихъ уже нѣтъ (А. И. Соболевскій умеръ въ этомъ году въ Россіи); хотя первый, какъ то видимъ изъ его „обозрѣнія", эту статью зналъ, а свойственная ему чуткость всегда отмѣчать глубокую древность языка въ данномъ случаѣ ограничивалась лишь тѣмъ, что, приводя изъ нея выписки, онъ иногда лишь дѣлалъ краткое замѣчаніе — „почти въ томъ же переводѣ, какъ и выше"... т. е. самое большое — приближалъ лишь къ переводу Ефремовской Кормчей XI—XII вѣка.

Бросающіяся въ глаза особенности правописанія, какъ напр. опредѣленная замѣна широкаго юса посредствомъ *оу* и безразличное употребленіе ѧ и ꙗ, указываютъ уже на чисто русское правописаніе, окончательно утвердившееся въ XII вѣкѣ. Употребленіе ъ и ь по древнему встрѣчаются въ словахъ: подъвигъшеся истиньнїи наряду съ обычнымъ надписаніемъ, какъ равно удержано часто употребленіе двойныхъ гласныхъ — святааго, и т. д. Всѣ эти особенности свойственны также памятникамъ XII и XIII вѣка.

[1]) Составъ Atheniens. мнѣ не извѣстенъ. Въ остальныхъ трехъ спискахъ возстановляю заключительную часть каждаго на основаніи „анализа рукописей" В. Н. Бенешевича [Синагога въ 50 титт. Спб. 1914 г. стр. 26—68]. Арабск. цифры указываютъ порядокъ статей въ спискахъ.

Есть основанія предполагать, что во времена св. Меѳодія на славянскій языкъ былъ переведенъ сборникъ Іоанна Схоластика. Остатки этого первоначальнаго перевода усматриваютъ въ такъ назыв. Устюжской Кормчей (= Московск. Румянц. музея № 230). Составъ и распредѣленіе текста Румянц. списка настолько неисправны и отличны отъ всѣхъ извѣстныхъ греческихъ списковъ, содержащихъ тотъ же сборникъ, что не даютъ возможности приблизить его ни къ одной изъ опредѣлившихся группъ. Относительно причинъ неисправности списка у нашихъ изслѣдователей опредѣленнаго мнѣнія не установилось, въ немъ лишь отмѣчаютъ слѣды неоднократныхъ редактированій и исправленій съ болѣе поздними внесеніями.[1] О первоначальномъ составѣ Румянц. списка можно было бы судить только въ томъ случаѣ, если бы удалось его освободить отъ разнообразныхъ и разновременныхъ наслоеній въ немъ образовавшихся. В. Н. Бенешевичъ полагаетъ — „Отдѣлить въ Рум. недочеты и вольности первоначальнаго переводчика отъ измѣненій, внесенныхъ впослѣдствіи, не представляется, конечно, дѣломъ невозможнымъ на основаніи сличенія съ греческимъ текстомъ и наблюденія надъ исторіей пользованія кормчей въ 50 титт. у славянъ южныхъ и въ древней Руси.“[2] Какъ извѣстно, эту работу онъ заканчиваетъ и она выйдетъ въ свѣтъ послѣ предварительнаго изданія греческаго текста сборника въ 50 титт., подготовленнаго имъ же по порученію Баварской Академіи Наукъ.

Отсутствіе въ Румянц. спискѣ статьи „о строеніи пресвѧтаго прѣстола Костѧнтина града“, конечно, не даетъ основаній ни для утвержденія, ни для отрицанія наличія ея въ первоначальномъ славянскомъ спискѣ сборника Іоанна Схоластика.[3] Но повидимому, нѣтъ также достаточныхъ основаній усматривать въ отрывкѣ (изъ дополненій Казанск. и Троицк. списковъ) его принадлежность къ составу первоначальнаго прототипа славянской Кормчей, поскольку обнаруживается исторія появленія Прохирона на славянскомъ языкѣ, какъ указывалось выше.[4]

Хотя статья Περὶ προνομιῶν τοῦ ἁγιοτάτου θρόνου Κωνσταντινουπόλεως до сихъ поръ извѣстна въ трехъ греческихъ спискахъ только сборника въ 50 титт., тѣмъ не менѣе изъ обозрѣнія отрывковъ входящихъ въ текстъ видно, что

---

[1]) Главная литература объ этомъ: И. И. Срезневскій, Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ кормчей книги. СПБ. 1897 (Сборн. отд. Р. Я. и Сл., LXV). А. И. Соболевскій, Церковно-славян. тексты моравскаго происхожденія (Русскій Филолог. Вѣстникъ, 1900). Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи, Сборн. Р. Я. и Сл. И. Ак. Н. т. LXXXVIII, № 3.

[2]) В. Н. Бенешевичъ, Синагога въ 50 титт. СПБ. 1914. Записки Кл. отд. Им. Рус. Арх. О. т. VIII.

[3]) В. Н. Бенешевичъ, исходя изъ соображеній, что греки для сборника І. Сх—а вообще не примѣняли названія νομοκάνων—„древнѣйшіе случаи обозначенія этимъ именемъ наблюдаются для такихъ сборниковъ, гдѣ L титт. составляютъ только самостоятельную часть всего содержанія“,— предполагалъ возможнымъ, „что и первоначальный переводчикъ Схоластикова сборника имѣлъ передъ собою также цѣлое собраніе статей, а не одинъ этотъ сборникъ; пропускъ въ славянскомъ переводѣ обычнаго для L титт. заглавія, если это не случайность, указываетъ въ то же время, что и въ греческомъ оригиналѣ былъ не случайный наборъ статей“ [Кононич. сб. XIV титт., 106—107).

[4]) Статья эта включена въ Прохиронъ.

источникомъ для нея послужилъ сборникъ въ XIV титт.,[1] какъ на то указываютъ приведенныя выдержки изъ „законовъ", присущія этому номоканону.[2] Двѣ дополнительныя схоліи на славянскомъ языкѣ, но „папистическаго содержанія", носятъ вполнѣ явные признаки перевода съ греческаго, какъ указываетъ Павловъ. Послѣднее обстоятельство позволяетъ предполагать, что славянскій переводчикъ имѣлъ въ рукахъ такой сборникъ, гдѣ онѣ были включены въ статью, либо существовали какъ маргинальныя схоліи. Возникновеніе греческой статьи Павловъ относитъ ко времени „до эпохи иконоборцевъ" на основаніи содержанія схоліи, сопровождающей законъ § 4-го, но наблюденіе надъ текстомъ закона § 5-го опредѣлитъ и другую границу; здѣсь законъ излагается τὰ γενόμενα ἐν τῇ κατὰ Ζήνωνος τυραννίδι, т. е. время императора Зенона разсматривается въ прошломъ и, слѣдовательно, само возникновеніе греческой статьи можно отнести въ промежутокъ отъ 491 г. († Зенонъ) по 741 г. († Левъ Исавръ).[8]

---

1) Сравн. послѣдній отрывокъ § 9-го со схоліей тит. I. 5.

Ἐν τῷ ιά τίτλῳ τῆς institutionos λέγει τὴν βασιλίδα ταύτην πόλιν κεφαλὴν εἶναι πάσων τῶν πόλεων καὶ ανάγκην ἔχειν πάσας τὰς ἐπάρχιας ἀυτῇ καὶ τοῖς ἔθεσιν αὐτῆς ἀκολουθεῖν.

Laudian. 39, X в.

или:

Τῆς περὶ τῶν πραγμάτων κρατούσης συνηθείας ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει νέᾳ Ῥώμῃ δεῖ καὶ τὰς ἄλλας ἐπάρχιας ἕπεσθαι καὶ τοῖς ἔθεσιν αυτῆς πάσαις ἀκολουθεῖν· κεφαλὴ γὰρ πασῶν ἐστὶν ἡ βασιλεύουσα.

Изъ эклоги Vallicel. F 47. X в.

Объ остальныхъ см. соотвѣтствующія примѣчанія у Павлова.

2) Въ каноническихъ сборникахъ выдержки изъ законовъ излагались кратко, при чемъ нерѣдко сопровождались схоліей.

1) О возможности такихъ границъ слѣдуетъ говорить съ осторожностью. „Анонимная греческая статья" могла возникнуть также гораздо позже. Представляя въ нынѣшнемъ своемъ видѣ механическое соединеніе отрывковъ изъ разновременныхъ законодательныхъ актовъ, она по существу не объединена основной мыслью; о послѣдней представляется лишь судить на основаніи даннаго заголовка. Имѣются нѣкоторыя основанія предполагать, что составитель использовалъ только часть болѣе обширнаго матеріала, составлявшаго аргументацію константинопольскаго престола, для того, чтобы включить ее (подъ объединяющимъ оглавленіемъ) въ сборникъ Іоанна Схоластика. Послѣдній, имѣя болѣе давнее прошлое нежели сборникъ въ XIV титт., пользовался довольно широкой практикой, а между тѣмъ въ немъ интересы константинопольскаго патріарха не были проведены съ той настойчивостью, какъ это видимъ въ сборникѣ XIV титт., оффиціальное значеніе котораго вытекало уже со временъ Трулльскаго собора (691 г.). Наблюдается поэтому и различное отношеніе къ сборникамъ со стороны римской и византійской церкви. Такъ напримѣръ: „Папа Николай I въ посланіи къ патріарху Фотію, относящемся къ 866 году, склоненъ былъ, повидимому, придавать coll. L. titt. даже значеніе оффиціальнаго codex canonum для византійской церкви IX вѣка, говоря: Quomodo non sunt vos canones Sardicenses, quando inter quinquaginta titulos, quibus concordia canonum apud vos texitur, ipsi quoque repiriuntur?.." А въ XII вѣкѣ въ глазахъ греческихъ канонистовъ сборникъ въ L титт. не только потерялъ свое значеніе, но по мнѣнію Θеодора Вальсамона подлежалъ даже уничтоженію — „τὸ δὲ νομοκάνονον τὸ συμποσῶσαν εἰς ν´ τίτλους τοὺς νόμους καὶ τοὺς κανόνας, καὶ τὰ λοιπὰ... μηδὲ λὸγου ἀξιοῦν ὡς κινδυνώδη καὶ ἀποτρόπαια, ἀλλ᾽ ἐπιτρέπειν τὴν τούτων ἀπώλειαν." (В. Н. Бенешевичъ op. cit. 327—328.) Думать, что папѣ Николаю I не было извѣстно значеніе сборника XIV титт. въ византійской церкви, врядъ ли возможно, а потому предпочтеніе, отдаваемое имъ сборнику L титт., вполнѣ понятно. Если же принять во вниманіе „великій актъ самоопредѣленія восточной церкви", т. е. редакцію патріарха Фотія 883 г. для номоканона XIV титт., то отношеніе византійской церкви къ сборнику Іоанна Схоластика, въ смыслѣ практической книги, выраженное знаменитымъ канонистомъ XII в. — весьма характерно.

Разсматривая дополнительныя схоліи, извѣстныя намъ теперь только въ славянскомъ переводѣ, замѣчаемъ во второй любопытныя данныя для опредѣленія времени ихъ возникновенія. Такъ уже Павловъ отмѣтилъ весьма большую близость въ аргументаціяхъ папы Геласія († 496 г.) и второй схоліи. [**Весто да есть ѩко въ Медиоланѣ, Равенн...** etc.],[1] но есть и еще интересное указаніе въ той же схоліи для опредѣленія времени ея появленія. Вслѣдъ за указаннымъ выше мѣстомъ чатаемъ: **Аще бо стіи отци градъ Іерлимъ црѧ ради црьствующихъ. Ба Га нашего Іс Ха и припѣтую его страсть почисти хотаще, митрополія чьсть ему оутвердиша, а не патріаршьскаго строенія подаша.**

Какъ извѣстно, Іерусалимская митрополія была возведена въ патріаршество на томъ же Халкидонскомъ соборѣ, а если составитель схоліи возстаетъ противъ 28-го канона собора, непризнаваемаго римскими папами, то онъ, вполнѣ понятно, раздѣляетъ взглядъ папъ Льва и Геласія, непризнававшихъ также постановленіе собора объ Іерусалимскомъ митрополитѣ. Такое признаніе со стороны римскаго престола послѣдовало лишь въ началѣ 6-го вѣка. Слѣдовательно и время появленія данной схоліи придется отнести къ концу пятаго вѣка (папа Геласій?!), когда неугодныя постановленія 4-го вселенскаго собора подвергались со стороны римскаго престола суровому осужденію, а для латинскихъ канонистовъ являлись постояннымъ объектомъ критики и опроверженія. Латинскіе доводы, конечно, хорошо были извѣстны въ Византіи и вызывали соотвѣтствующія возраженія, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что они иногда находили сочувствіе среди нѣкоторыхъ грековъ, склонныхъ по тѣмъ или инымъ причинамъ раздѣлить римскую точку зрѣнія въ дѣлахъ іерархіи церкви.

Церковная исторія Византіи, какъ и политическая, вообще богата сочетаніями разнообразныхъ, побудительно дѣйствующихъ причинъ, вызывавшихъ не менѣе сложныя явленія въ жизни, и если инстинктъ церковной солидарности нѣкоторыми изслѣдователями византійской исторіи иногда недостаточно прослѣженъ и оцѣненъ, — то историками-канонистами опредѣленно усматривается его окончательное выявленіе въ актахъ конца IX вѣка[2]; при чемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что этимъ актамъ предшествовала, да и послѣ нихъ не ослабѣвала, длительная упорная борьба, отраженія которой мы легко находимъ теперь въ памятникахъ канонической письменности востока и запада.[3]

---

¹) См. у Павлова примѣч. къ этой схоліи.

²) „Номоканонъ 883 г. — великій актъ самоопредѣленія восточной церкви: онъ знаменуетъ возвращеніе къ древнимъ подлиннымъ основамъ церковнаго строя, какъ онѣ были закрѣплены въ VI—VII в., но въ духѣ строгаго церковнаго преданія, нашедшаго себѣ выраженіе въ правилахъ соборовъ, начиная съ Трулльскаго. Если принять во вниманіе, что для западной церкви такое значеніе имѣлъ лжеисидоровскій сборникъ, характеризующійся какъ разъ противоположными чертами, то съ точки зрѣнія исторіи церковнаго права не будетъ преувеличеніемъ датировать раздѣленіе церквей 883 годомъ." В. Н. Бенешевичъ, Канон. сб. XIV титт., IX.

³) Слѣды такого отраженія, уже въ позднѣйшее время,носитъ греческая рукопись Vaticana 840 XIV вѣка, которою пользовался для своихъ ученыхъ работъ знаменитый Антоній Августинъ, епископъ Таррагонскій (1518—1586 г.). На первомъ листѣ ркп-и сохранилась помѣтка „Ant. Aug. epi Ilerden". Привожу наблюденіе В. Н. Бенешевича изъ произведеннаго имъ описанія этой рукописи. „14 л. Φωτίου πατριάρχου κατὰ τῶν τῆς παλαιᾶς Ῥώμης ὅτι ἐκ τοῦ πατρὸς μόνου (это μόνου

Возможность существованія маргинальныхъ схолій „папистическаго содержанія“ даже въ нѣкоторыхъ греческихъ каноническихъ книгахъ не исключается, если принять во вниманіе сложную обстановку церковной жизни того времени. Съ другой стороны нельзя появленіе ихъ пріурочивать исключительно къ славянскимъ странамъ, такъ какъ роль послѣднихъ, возможно, заключалась лишь въ пассивной задержкѣ этихъ схолій въ своихъ книгахъ церковныхъ греческаго письма. Приведенный Павловымъ примѣръ открытаго признанія патріархомъ Игнатіемъ главенства римскаго первосвященника не одинокъ въ исторіи Византіи.[1] Уже со времени установленія патріаршаго престола въ Константинополѣ восточные патріархи не разъ обращаются въ Римъ, полагаясь на рѣшеніе папы въ своихъ церковныхъ спорахъ.[2] Кромѣ того политическія взаимоотношенія между Италіей и Византіей создавали рядъ такихъ явленій, гдѣ интересы церквей, сталкиваясь непосредственно, должны были уживаться въ ближайшемъ сосуществованіи. Такъ греческіе монастыри издавна существовали въ южной Италіи, подобно латинскимъ на востокѣ — въ Іерусалимѣ, Афонѣ, Синаѣ и въ самомъ Константинополѣ, а южныя земли Италіи Апулія, Калабрія, Отранто даже входили разновременно въ составъ эпархіи Константинополя.

Въ большинствѣ новообращенныхъ славянскихъ странъ церковная жизнь на первыхъ же порахъ складывалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ открытаго соревнованія Константинополя и Рима. Эти страны еще ранѣе вовлекались въ политическую борьбу Востока и Запада, а теперь весьма часто пользуются

зачеркнуто) ἐκπορεῦεται τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον, οὐχὶ δὲ καὶ τοῦ υἱοῦ (слова οὐχὶ... υἱοῦ тоже зачеркнуты) — весь текстъ перечеркнутъ накрестъ Ант. Августиномъ, который сдѣлалъ вычерки и въ заглавіи“. [См. его Синагога въ 50 титт. 1914. 167].

Относительно каноническихъ сборниковъ въ L и XIV титт. слѣдуетъ отмѣтить, что они канону 28-му Халкндонск. собора удѣляютъ не одинаковое вниманіе, какъ это видимъ изъ наблюденія систематической части обоихъ. Въ то время, какъ сборникъ въ XIV титт. имѣетъ опредѣленную тенденцію возвысить значеніе константинопольскаго патріарха среди остальныхъ, а равно противодѣйствуетъ притязаніямъ Рима, второй въ этомъ отношеніи пассивенъ, а 28-й канонъ даже не входитъ въ его систематическую часть, и только въ нѣкоторыхъ спискахъ проставляется отдѣльной статьей. Напр.: — Vindob. hist. graec. 7. XII || XIII в. — Ψῆφος τῆς αὐτῆς ἁγίας συνόδου ἐκφωνηθεῖσα περὶ τῶν πρεσβείων τοῦ θρόνου τῆς ἔν Κωνσταντινουπόλει ἁγίας ἐκκλησίας καὶ τῶν ὑποκειμένων αὐτῷ πόλεων καί τῶν χειροτονουμένων ὑπὸ τοῦ θρόνου Κωνσταντινουπόλεως καὶ ὅτι ἑκὰστης ἐπαρχίας μητροπολίτην χειροτονεῖ ἐκ συμφώλον ψηφισμάτων τῶν τῆς ἐπαρχίας ἐπ' αυτον ἀναφερουμὲνων, ὃ κατέλουσεν ἡ ζ' σύνοδος (приводится правило). Или Mosqu. Sýnod. 398 X—XI в. — Ψῆφος τῆς ἁγίας συνόδου ἐκφωνηθεῖσα χάριν τῶν πρεσβείων τοῦ θρόνου τῆς ἁγιωτάτης ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως (приводится правило).

Впрочемъ въ спискахъ XIV титт. опущено 28-е правило въ Hieros. Meth. 365 XI в. и Vallicel. C. 11 XI в., тогда какъ прочіе списки сопровождаютъ правило схоліями.

[1]) Равно и „легенда о св. Петрѣ“, но, конечно, не въ ея латинской завершенности, также имѣла извѣстную почву на востокѣ, какъ древняя традиція.

[2]) Напр.: Іоаннъ Александрійскій 483 г., Софроній Іерусалимскій (637 г.), Макарій Антіохійскій 681 г., а равно низложеніе константинопольскаго патріарха Николая Мистика происходитъ при посредствѣ папы Сергія III. Позже характерно ярки фигуры латинствующихъ грековъ, напр.: знаменитый кардиналъ Виссаріонъ никейскій, митрополитъ Иссидоръ московскій, архимандритъ Варлаамъ и друг. Особенный характеръ получаютъ обращенія восточныхъ іерарховъ къ папамъ за помощью противъ ересей, когда послѣднія получаютъ поддержку, а иногда и самый истокъ въ императорской власти (монофизитство, монофелитство, иконоборчество).

столкновеніемъ церковныхъ тенденцій исключительно въ цѣляхъ своихъ политичическихъ интересовъ какъ орудіями дипломатіи и политики, безотносительно самой сущности расхожденія церквей, представлявшейся имъ, неискушеннымъ въ тонкостяхъ догматической діалектики, только въ образѣ „єлиньской мудрости“. Поучительную картину въ этомъ отношеніи представляетъ Болгарское царство IX—XII в.в.[1] Такимъ образомъ и на славянской почвѣ должны были образоваться остатки и слѣды великой церковной борьбы, прежде чѣмъ церковная славянская жизнь вышла окончательно на опредѣленный путь. И можетъ быть заключительная статья Кормчей книги сербскаго письма 1262 года имѣетъ глубокій историческій смыслъ, когда говоритъ: **Произидоше на свѣть Словеньскаго єзыка бгодхновеныє сиє книгы нарицаємыє номоканонь. помрачены бо бѣхоу прѣже сего ѡблакомь моудрости Єлиньскаго єзыка. нынѣ же ѡблисташе рекше истьлкованы быше и блгодѣтию бжиєю ꙗсно сиꙗють невѣдѣниꙗ тму ѿгонеще и все просвѣщающе свѣтомь разоумьнымь и ѿ грѣхь избавлающе“.**

Трудно усматривать въ св. Меѳодіи только „простого суффрагана папскаго престола“, какъ предлагалъ Павловъ. При такомъ упрощенномъ подходѣ многое изъ событій и дѣйствій въ жизни апостола славянства останется неяснымъ и даже необъяснимымъ, если только дошедшія до насъ свидѣтельства не принимать въ нѣкоторыхъ частяхъ за „позднѣйшія интерполяціи приверженцевъ Фотія“. Communis oppinio doctorum до сихъ поръ въ этихъ свидѣтельствахъ интерполяцій не усматриваетъ. Поэтому мнѣ кажется, что даже на основаніи того запаса наблюденій, какимъ мы нынѣ располагаемъ, нѣтъ достаточныхъ причинъ приписывать именно св. Меѳодію составленіе или включеніе „папистическихъ схолій“ въ славянскій номоканонъ, тѣмъ болѣе, что эти схоліи, повидимому, въ канонической письменности существовали за долго до его времени. Равно какъ и обстоятельства обнаруженія схолій въ славянскомъ переводѣ также не позволяютъ относить ихъ къ глубокой древности первоначальной славянской Кормчей книги.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ видимъ, обѣ схоліи, извѣстныя теперь только въ славянскомъ переводѣ, содержатъ въ существенныхъ чертахъ обычную аргументацію западной церкви въ пользу первенства римской каѳедры и въ этой аргументаціи, почти неизмѣнной отъ V вѣка до нынѣшнихъ дней, собраны доводы догматическаго, историческаго и логическаго характера, направленные въ прошломъ противъ естественно растущаго вліянія Константинополя и притязаній его патріарховъ, а нынѣ тѣ же доводы дѣйствуютъ противъ восточной церкви съ ея опредѣленной позиціей относительно существа папскаго примата. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что стихійно назрѣвавшій разрывъ между Западомъ и Востокомъ былъ проведенъ во второй половинѣ IX вѣка Фотіемъ на основѣ богословско-догматическаго расхожденія о Filioque, а не на вопросѣ

---

[1]) Въ серединѣ IX вѣка царь Борисъ съ болгарскимъ народомъ принялъ крещеніе изъ Константинополя (при возможномъ участіи св. Кирилла и Меѳодія). Вслѣдъ за этимъ въ Болгаріи появляются легаты и миссіонеры папы Николая I и его извѣстныя responsa ad consulta Bulgarorum, что вызвало возмущеніе въ Константинополѣ и рѣзкую энциклику патріарха Фотія Въ началѣ X в. царь Симеонъ въ политическомъ разрывѣ съ Византіей. Онъ вѣнчается царской короной, полученной изъ Рима, какъ утверждаютъ нѣкоторые. Происходитъ образованіе болгарскаго патріарха въ 917 г., а за нимъ въ слѣдъ возникаютъ патріархаты доростольскій и терновскій

о папскомъ первенствѣ, которое тогда, если такъ можно выразиться, академически не оспаривалось, да и не претендовало также на ту исключительность своей роли, какъ то произошло позже.

Когда равноапостольные братья отправлялись изъ Византіи въ моравскую миссію (862 г.), остраго расхожденія о правовѣріи еще не было и греческіе миссіонеры могли на территоріи римской эпархіи творить великое дѣло обращенія славянъ въ христіанство. Дѣятельность просвѣтителей, протекавшая въ великой духовной напряженности, продолжалась неослабно и послѣ того какъ разрывъ между Римомъ и Константинополемъ сталъ совершившимся фактомъ, создавъ для миссіонеровъ весьма сложную и трудную обстановку. Дѣйствительно, мы видимъ какъ св. Меѳодій, будучи уже Паннонскимъ архіепископомъ и легатомъ римскаго престола для славянскихъ народовъ, разновременно подозрѣвается какъ Римомъ такъ и Византіей въ пріязни къ той или другой изъ враждующихъ сторонъ; причемъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ то обстоятельство, что какъ только соперники входили въ непосредственное общеніе съ апостоломъ славянства для провѣрки своихъ опасеній, они не находили ни основаній ни причинъ сомнѣваться въ правовѣріи великаго просвѣтителя, а его способы и средства въ дѣятельности очевидно были проникнуты такимъ духовнымъ величіемъ и вѣрой въ правоту дѣла, что предъ ними должны были безмолвно отступить подозрѣнія, возникающія подъ вліяніемъ житейскихъ и политическихъ разсчетовъ.

Богатая по количеству нынѣшняя кирилло-меѳодіевская литература также находится подъ властью старыхъ запросовъ, когда пытается объяснить дѣятельность апостоловъ славянъ съ точки зрѣнія западнаго католика или восточнаго ортодокса, не велики достиженія въ этой области и матеріалистически-объективнаго подхода, и, возможно, вѣрные мазки для образовъ далекаго прошлаго надо искать въ агіографическихъ произведеніяхъ, восходящихъ по времени близко къ эпохѣ св. Меѳодія.[1]

Въ связи съ вышеизложеннымъ вопросъ о „включеніи схолій папистическаго содержанія" въ первоначальный славянскій номаканонъ еще при жизни св. Меѳодія можетъ быть обсуждаемъ съ привлеченіемъ нѣкоторыхъ соображеній не лишенныхъ значенія.

Среди современныхъ изслѣдователей не существуетъ разномыслія относительно поѣздки св. Меѳодія (882 г.) въ Константинополь къ императору Василію и партіарху Фотію, живо интересовавшимся его дѣятельностью. Если, какъ нѣкоторые утверждаютъ, „не можетъ быть сомнѣній и въ томъ, что Меѳодій для своихъ будущихъ занятій переводомъ библіи, номоканона и отеческихъ книгъ въ это именно время при содѣйствіи патріарха Фотія получилъ нужныя для этихъ трудовъ греческія рукописи" (П. А. Лавровъ, op. cit. 284), то въ такомъ случаѣ должно будетъ съ очевидностью признать, что отъ константинопольскаго патріарха онъ могъ получить для перевода только оффиціаль-

---

¹) Изъ позднѣйшихъ работъ о кирилло-меѳодіевскомъ времени заслуживаетъ полнаго вниманія большой трудъ чешскаго профессора F. Dvornik, Les Slaves, Byzance et Rome au IX siècle. Paris 1926. Объ этой работѣ уже имѣется весьма обстоятельная статья П. А. Лаврова въ Извѣст. по Рус. яз. и Слов., Акад. Наукъ т. I, к. 1, 1928 г. (отд. библіографіи).

ный номоканонъ, какимъ въ то время почитался сборникъ въ XIV титт., но отнюдь не сборникъ Іоанна Схоластика.[1]

Принявъ предположеніе, что во времена св. Меѳодія имъ или же его учениками былъ переведенъ съ греческаго на славянскій языкъ сборникъ Іоанна Схоластика (или же такой каноническій сборникъ, куда L титт. входили какъ самостоятельная часть) и въ греческомъ оригиналѣ имѣла мѣсто статья περὶ προνομιῶν τοῦ ἁγιοτάτου θρόνου Κωνσταντινουπόλεως, то, естественно, передъ нами возникаетъ весьма трудный рядъ интересныхъ вопросовъ, неподдающихся опредѣленному рѣшенію въ настоящее время, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было данныхъ положительнаго свойства. Имѣлись ли интересующія насъ схоліи въ самомъ текстѣ греческой статьи, или же онѣ помѣщались тамъ въ качествѣ маргинальной записи, будучи внесены болѣе поздней рукой (что онѣ очевидно переведены съ греческаго языка утверждаетъ и Павловъ), или же, наконецъ, этихъ схолій въ

[1]) Отсутствіе слѣдовъ перевода этого номоканона въ древнеславянской письменности и наличіе таковыхъ сборника въ L. титт. опредѣленно говорятъ въ пользу послѣдняго. Тотъ краткій срокъ, какой даетъ Житіе на выполненіе перевода (6 мѣсяцевъ) весьма малъ. Привожу соображенія П. А. Лаврова относительно сомнѣній проф. Дворника: „Приводя извѣстіе Житія о переводѣ библейскихъ книгъ, онъ считаетъ невозможнымъ столь короткій срокъ. Но авторъ упустилъ изъ виду одну очень интересную статью, посвященную этому вопросу проф. Решетаромъ въ Archiv für slav. Philol. за 1912 г. Въ ней прежде всего исправляется неточность списка Житія въ опредѣленіи срока шестью мѣсяцами, которая объясняется тѣмъ, что глаголическое ⰺ съ цифровымъ значеніемъ 8 при передачѣ кирилловскимъ ѕ дало 6, такъ уже у Нестора. Въ этотъ срокъ приходилось перевести не всю библію, исключались Евангеліе и Апостолъ (добавить приходилось лишь тѣ части Новаго Завѣта, которыя не входятъ въ составъ недѣльнаго Евангелія и Апостола), и апокалипсисъ, псалтирь и макавейскія книги. Допуская, что два помощника не были только переписчиками, а и сотрудниками при переводѣ, и такимъ образомъ въ переводѣ участвовали три лица, выходитъ, что на каждаго изъ трехъ участниковъ приходилось въ день перевести 6 страницъ октава. При буквальномъ переводѣ съ греческаго для трехъ аскетовъ IX в., уже испытавшихъ силы въ переводномъ трудѣ, такая доля не можетъ быть признана слишкомъ большой. Объ этомъ должно заключать потому, что блаженный Іеронимъ исполнилъ свой переводъ еще въ болѣе короткій срокъ. Намъ однако кажется, что исключить слѣдуетъ еще паремейныя части Библіи, такъ какъ Паремейникъ былъ переведенъ ранѣе, или при Константинѣ или при Меѳодіи, но въ ранніе годы. Сверхъ того, при маккавейскихъ книгахъ слѣдуетъ разумѣть также и другія, входящія въ счетъ 60 уставныхъ: Товіи, Есфирь, 3-я книга Ездры... Такимъ образомъ убавится еще болѣе объемъ меѳодіевскаго перевода. Помимо того нельзя забывать, что послѣ возвращенія изъ путешествія въ Византію у Меѳодія оставалось времени для переводной дѣятельности болѣе указаннаго срока, если относить окончаніе его къ 884 году, какъ думалъ Голубинскій, и если принимать дату возвращенія, предполагаемую проф. Бидло и авторомъ настоящей книги. Въ запасѣ были цѣлые два года" (op. cit. 285). Такимъ образомъ П. А. Лавровъ считаетъ возможнымъ выполненіе перевода даже въ срокъ, указанный Житіемъ. Опредѣляемый имъ объемъ меѳодіевскаго перевода требуетъ поправки, такъ какъ „тогда же и номоканонъ переложи, рекше закону правило." Если принять мнѣніе Павлова — „о составѣ Схоластикова сборника во времена св. Меѳодія можно съ вѣроятностью судить по Флорентійской рукописи, хотя она и писана въ XII вѣкѣ" — въ такомъ случаѣ вышеисчисляемый объемъ книгъ придется увеличить на 177 листовъ, (r + v) по 64—66 строкъ каждый, матеріала спеціальнаго, не очень легкаго для переводчика. Вопросъ о томъ, былъ ли указанный въ Житіи переводъ восполненъ еще при жизни св. Меѳодія или же законченъ учениками послѣ его смерти, остается открытымъ. Но, конечно, для повѣствователя Житія даже завершеніе дѣла учениками не имѣло какого либо убавляющаго значенія, настолько само по себѣ дѣло перевода книгъ было насыщено духомъ апостола и окружено его ореоломъ.

греческомъ оригиналѣ вовсе не было, а взяты онѣ изъ другого источника и включены переводчикомъ въ славянскій текстъ? Въ первыхъ двухъ случаяхъ за переводчикомъ придется признать только извѣстную добросовѣстность, въ послѣднемъ же — считать его способнымъ на выправленіе греческаго оригинала въ тѣхъ частяхъ, которыя особенно не соотвѣтствовали римской точкѣ зрѣнія, ибо, какъ было упомянуто выше, борьба *Рима* и *Византіи*, разыгравшаяся на глазахъ свв. Кирилла и Меѳодія, всю свою остроту сосредотачивала на догматическомъ расхожденіи о Filioque, а не на вопросѣ о приматѣ. Поэтому, если переводчикъ перваго славянскаго номоканона считалъ возможнымъ внести латинскую поправку къ 28 канону Халкидонскаго собора, тѣмъ самымъ анулируя рѣшеніе отцовъ церкви, то слѣдовало *бы* ожидать отъ него также опредѣленное отношеніе къ вопросу болѣе важному, при томъ такъ остро поставленному въ открытой борьбѣ, ибо то или иное рѣшеніе его по существу разрѣшало рядъ прочихъ накопившихся расхожденій между Западомъ и Востокомъ, расхожденій иногда почти неподдающихся обычной формулировкѣ, возникающихъ изъ отдаленныхъ глубинъ сознанія и міроотношенія; ихъ можно было выявить для необходимаго разрѣшенія только въ порядкѣ формулы о правовѣріи.

Если будемъ принимать извѣстія Житія за близкія къ исторической достовѣрности, то ни участіе св. Меѳодія въ переводѣ номоканона, ни тѣмъ болѣе его правовѣріе, изложенное обоими братьями еще во время моравской миссіи, не могутъ подвергаться сомнѣніямъ. Послѣднее обстоятельство находитъ подтвержденіе на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, по времени болѣе раннихъ чѣмъ само Житіе.

Въ Устюжской кормчей (= Румянц. 230) признаютъ остатки и слѣды наиболѣе древняго славянскаго перевода.[1] Любопытно, что составъ этой рукописи открывается двукратнымъ изложеніемъ древне-славянскаго символа вѣры согласно I и II вселенскихъ соборовъ:

1. Образъ вѣрѣ с҃тыхъ ѡц҃ь еп҇пъ т҃ и и҃і, иже въ Никєи събравъшихъс въ пьрвѣмь сборѣ при с҃тѣмь Костантинѣ пьрвѣмь ц҇ри и при с҃тѣмь Силевестрѣ папежи. канонъ Вѣроую въ юдинъ... etc.
2. Ѡбраз вѣрѣ с҃тхъ ѡц҃ь и еп҇пъ р҃и втораго сбора вселеньскаго, бывъшаго въ Кесарии гра при велицѣмь Фєѡдосии ц҇ри, Адамаси папежи и Нектарии патриарсѣ Ц҇рѧ гр҇а. Вѣроую въ юдинъ... etc.[2]

Не случайность видѣть въ остаткахъ древнѣйшей славянской кормчей на первомъ мѣстѣ изложеніе „образа вѣры“ согласно письменнаго преданія восточной церкви. Въ этомъ, пожалуй, можно было бы видѣть нѣкоторую intentio св. Меѳодія, вѣрнаго продолжателя завѣтовъ своего брата. Во всякомъ случаѣ такая intentio выступаетъ болѣе опредѣленно въ одномъ твореніи свв. братьевъ, по времени возникшемъ, повидимому, въ разгарѣ борьбы Византіи съ Римомъ.

---

[1]) Это доказалъ покойный академикъ А. И. Соболевскій. Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи. Сбор. Рус. Я. и Сл. И. Акад. Н. т. LXXXVIII, 1910.

[2]) А. Гезенъ. Исторія славянскаго перевода символовъ вѣры. СПБургъ 1884. Два древніе символа вѣры по рукописямъ XIII в. (изданъ текстъ). Христіанское Чтеніе 1853, ч. II.

Я имѣю въ виду Болгарскій сборникъ 1348 года, въ которомъ имѣется поученіе о правовѣріи Константина философа (= св. Кириллъ) совмѣстно съ братомъ Меѳодіемъ. Читается оно такъ: Написаниѥ ѿ правѣи вѣрѣ йзущеное Кѡнстантиномъ блаженымъ фїлософомъ оучителемъ о бзѣ Словѣ́нскому ѫзыкоу. Это написаніе состоитъ въ изложеніи символа вѣры и объясненіи для правильнаго пониманія его. Начинается словами: Едино бобж҃тво видимь. въ трехъ сѫщьством' ѐдиноуѫщеся. три же сьлична въ ѐдиномъ бж҃твѣ нераздѣлно раздѣлѣемь. йнако како поконждо ѿ сѫщїихь свойстьвъ. ни сн҃а ѿ сѫщьства нѫ рожденаго ѽц҃а тоуѫда творѧще за не ѐсть рожденъ. ни ст҃го же дх҃а тоуѫда творѧще ѽц҃оу и' сн҃оу за не ѿ о̑ца йсходить... Далѣе о св. Духѣ въ написаніи читается такъ:... И въ ѐдинъ дх҃ъ ст҃ыи, **йсходѧщъ ѿ ба҃ ѽц҃а ѐдиного...** Краснорѣчивое добавленіе послѣдняго слова не есть ли отвѣтъ на Filioque?!

Заканчивается написаніе знаменательной фразой: си́це а́зъ своѫ вѣрѫ йсповѣдаѫ. й съ присным́ моимъ братомъ Меѳодїемь й посп҃ѣшникомъ въ бж҃їи слоужбѣ.[1]

Поэтому съ большей вѣроятностью можно предположить, что появленіе на славянскомъ языкѣ латинскихъ схолій, если ихъ приближать къ дѣятельности св. Меѳодія, слѣдуетъ отнести по времени къ той трудной порѣ церковно-славянской жизни, какая наступаетъ вслѣдъ за смертью самаго просвѣтителя. Его дѣло отнынѣ переходитъ въ Болгарію, а въ земляхъ со славянскимъ населеніемъ (Моравія, Паннонія, Далмація и др.) оно преслѣдуется латинскимъ и нѣмецкимъ духовенствомъ, подлежитъ уничтоженію какъ насажденіе изъ византійскаго источника.[2] Но, конечно, не легко поддавалось истребленію то, что успѣло пустить глубокіе корни въ славянской средѣ, благодаря воспріятію на родномъ языкѣ литургіи, св. Писанія и канонической письменности. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно было просто неистребимо, а потому подлежало если не замѣнѣ, то хотя бы снабженію толкованіями, соотвѣтствующими латинскимъ воззрѣніямъ. Не есть ли и данныя схоліи только случайно уцѣлѣвшіе слѣды латинской цензуры восторжествовавшихъ противниковъ учителя славянъ, о которыхъ краснорѣчиво повѣствуетъ Житіе?

Если принимать во вниманіе весьма сложную обстановку церковной жизни въ новообращенныхъ славянскихъ странахъ, какая открывается вскорѣ послѣ смерти св. Меѳодія, то наличіе схолій „папистическаго содержанія" въ позднѣйшихъ кормчихъ книгахъ не понадобится обязательно пріурочивать къ составу первоначальнаго славянскаго номоканона, а тѣмъ болѣе считать ихъ существованіе на славянскомъ языкѣ, безъ нарочитаго участія св. Меѳодія, неразрѣшимой загадкой.

Н. П. Рутковскій.

Парижъ. 1929.

---

[1]) Написаніе Константина-философа издано И. И. Срезневскимъ. Хотя Болгарскій сб. опредѣляется 1348 г., но И. И. усматриваетъ въ немъ слѣды болѣе древняго времени. [Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Сбор. Отд. Русс. Я. и Сл. Им. Ак. Н. т. I, 1867.]

[2]) О создавшейся обстановкѣ въ странахъ со славянскимъ населеніемъ, принадлежащихъ къ римской эпархіи, послѣ смерти св. Меѳодія обстоятельно излагаетъ проф. F. Dvornik (op. cit. 8 и 9 гл.).

САСАНИДСКІЯ ТКАНИ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ БАХРАМА ГУРА

Бахрамъ Гуръ V (царствовавшій отъ 420 г. до 438 г.) — одинъ изъ любимѣйшихъ героевъ Персіи, охотничьи и любовные подвиги котораго пересказывались историками, воспѣвались поэтами и изображались живописцами, ткачами и торевтами. Пожалуй, самый популярный и чаще другихъ изображаемый — это разсказъ о Бахрамѣ Гурѣ и невольницѣ на охотѣ. Изъ всѣхъ охотничьихъ подвиговъ сюжетъ этотъ былъ избранъ поэтами, вѣроятно, благодаря наличію въ немъ романтическаго элемента, и развитъ въ цѣлую поэму (Низами).

Исторіи развитія этого сасанидскаго сюжета въ персидской литературѣ и изобразительныхъ искусствахъ посвящены двѣ обстоятельныя работы М. М. Гирса, использовавшаго памятники какъ персидской, такъ и арабской письменности.[1]

Работа М. М. Гирса облегчаетъ разсмотрѣніе другого, менѣе сохранившагося въ памятникахъ, но, пожалуй, столь же популярнаго въ древности подвига Бахрама Гура, пронзившаго одной стрѣлой льва и онагра.

Впервые разсказъ объ этомъ охотничьемъ приключеніи Бахрама мы находимъ въ хроникѣ Табари (839—923). Описывая юность сасанидскаго принца, отданнаго на воспитаніе арабскому правителю Хиры, Мунзиру, Табари разсказываетъ, какъ однажды Бахрамъ выѣхалъ на своемъ конѣ Ашкарѣ, вмѣстѣ

---

[1]) См. М. М. Гирс. Бахрам Гур и невольница, к вопросу о сасанидских традициях в персидском искусстве. Изв. Гос. Акад. Ист. Мат. Культуры. Том V. 1927, стр. 353—378.

М. М. Гирс. Сасанидское блюдо Казанского Музея из собрания А. Ф. Лихачева. „Восточные Записки", том I, стр. 104—116.

Къ перечисленнымъ у М. М. Гирса памятникамъ съ изображеніемъ Бахрама Гура и невольницы на охотѣ теперь можно прибавить еще *слѣдующіе:*

1) Изразецъ съ изображеніемъ Бахрама Гура и невольницы на верблюдѣ, XIII—XIV в.в., опубликованный въ Аукц. Каталогѣ коллекціи Engel Gros, Paris 1921, табл. 86.

2) Восьмиконечный изразецъ изъ собранія Ханенко въ Кіевѣ, съ изображеніемъ Бахрама Гура на верблюдѣ, описанный В. А. Крачковской въ статьѣ „Мусульманское искусство в собр. Ханенко", Записки Коллегии Востоковедов, том II, 1927, стр. 15.

3) Миніатюра XIV вѣка, изданная у A. Sakisian, L'école Mongole de miniature en Perse aux XIV et XV siècles, табл. 91, Jahrbuch der Asiatischen Kunst, II, 1925. (?)

4) Изображеніе невольницы съ теленкомъ на плечахъ, иллюстрація къ поэмѣ Низами, на фрескѣ IX вѣка въ Самаррѣ, см. E. Herzfeld, Die Malereien von Samarra. Die Ausgrabungen von Samarra, III, табл. LXIX, текстъ стр. 89, Berlin 1927.

См. о той-же темѣ у Sir Thomas Arnold, Survivals of Sasanian and Manichaean art in Persian painting, Oxford 1924.

съ Мунзиромъ, на охоту, увидѣлъ стадо онагровъ и направился къ нему; вдругъ онъ замѣтилъ, какъ на одного изъ онагровъ бросился левъ и вцѣпился пастью въ спину, чтобы растерзать его; выпустилъ Бахрамъ стрѣлу и пронзилъ спину льва такъ, что стрѣла прошла черезъ животъ, а затѣмъ черезъ спину и пупъ онагра, и вонзилась глубоко въ землю на двѣ трети своей длины, и еще нѣкоторое время дрожала (вонзившись въ землю). Это произошло въ присутствіи нѣсколькихъ арабовъ и тѣлохранителей Бахрама и другихъ людей. Бахрамъ приказалъ изобразить этотъ случай со львомъ и онагромъ въ одномъ изъ своихъ покоевъ.[1]

Разсказъ этотъ, также, какъ и вся исторія сасанидскихъ царей, по мнѣнію Nöldeke, заимствованъ Табари изъ болѣе древняго персидскаго источника, восходящаго къ пехлевійскому оригиналу — „Худай Намэ“ — „Книгѣ Господъ“. Оффиціальная хроника сасанидскихъ царей — Худай Намэ — была начата при Хозроѣ I (531—579), вѣроятно, на основаніи болѣе древнихъ записей, и окончена только при Іездегердѣ III (632—651).[2] Содержаніе ея мы знаемъ по позднѣйшимъ арабскимъ и персидскимъ переводамъ и по Шахъ Намэ — Книгѣ Царей — Фирдоуси.

Нѣсколько подробнѣе изложенъ этотъ эпизодъ у Belami, переведшаго хронику Табари около 963 г. на персидскій языкъ. У Belami мы находимъ объясненіе происхожденія прозвища „Гуръ“, что значитъ „онагръ“.

„Or, un jour, Bahrâm était allé à la chasse, accompagné d'une suite composée d'Arabes et de Moundsir. Il vit de loin un onagre courant dans le désert. Bahrâm le poursuivit, et Moundsir et sa suite allèrent avec lui. Bahrâm tenait l'arc tendu avec la flèche préparée, quand, s'approchant de l'onagre, il vit un lion qui s'était jeté sur le dos de l'onagre, l'avait saisi de ses dents et allait lui briser la nuque. Bahrâm fit partir la flèche, qui alla frapper le dos du lion, sortit de son ventre, entra dans le dos de l'onagre et sortit du ventre; puis la flèche entra dans la terre, jusqu'au centre, de sorte qu'elle trembla pendant une heure. Moundsir et les Arabes restèrent étonnés. Moundsir ordonna que l'on représentât Bahrâm tenant l'arc et monté sur son cheval, l'onagre et le lion, et la flèche qui pénètre dans la terre; que l'on représentât tout cela par la peinture sur les murs du Khawarnaq, là où se trouvait le lieu des banquets de Bahrâm. Ce jour-là, on lui donna le nom de Bahrâmgour; les Arabes l'appelaient Bahrâmdjour“.[3]

Разсказъ о подвигѣ Бахрама находимъ далѣе у Ибнъ аль-Асира (1160—1232), пользовавшагося при изложеніи персидской исторіи хроникой Табари.[4] Въ исторіи персидскихъ царей, написанной Са'алиби около 1020 года, эпизодъ о

---

¹) Tabari, Annales, ed. M. J. de Goeje. Leyden 1881, 1882, томъ II, стр. 857.
Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, aus der Arabischen Chronik des Tabari, Leyden 1879, стр. 89, 90.

²) Nöldeke, Gesch. der Perser und Araber, стр. XV.

³) H. Zotenberg. Chronique de Abou-Djafar-Mo'hammed-ben-Djarir-ben-Yezid Tabari. Paris 1869. Томъ II, стр. 111—112.

⁴) Ibn-el-Athiri. Chronicon... edidit C. J. Tornberg, Leyden 1867, томъ I, стр. 288.

Бахрамѣ, львѣ и онагрѣ изложенъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и съ той же полнотой, какъ у Belami, и слѣдуетъ за разсказомъ о Бахрамѣ и невольницѣ.[1] Zotenberg предполагалъ, что исторія персидскихъ царей Са'алиби написана на основаніи неизвѣстнаго намъ арабскаго перевода оффиціальной сасанидской хроники Худай-Намэ. Почти одновременно съ Са'алиби оффиціальная персидская исторія была переработана Фирдоуси въ громадную поэму Шахъ-Намэ. Трудно предположить, какъ указываетъ Nöldeke,[2] чтобы Фирдоуси пользовался пехлевійскимъ оригиналомъ хроники, вѣроятнѣе, что основой для него послужилъ одинъ изъ позднѣйшихъ персидскихъ переводовъ Худай-Намэ.

Разсказъ о львѣ и онагрѣ у Фирдоуси сильно сокращенъ и помѣщенъ послѣ исторіи Бахрама и невольницы. При сравненіи обоихъ разсказовъ становится очевиднымъ, что вторая тема привлекала Фирдоуси больше, чѣмъ первая.[3] Въ мою задачу не входитъ историко-литературное разсмотрѣніе этой темы, и приведенные примѣры служатъ лишь для доказательства, что разсказъ о мастерскомъ выстрѣлѣ Бахрама, пронзившаго льва и онагра, восходитъ къ „Книгѣ Господъ" — оффиціальной хроникѣ сасанидскихъ царей. Остается отмѣтить, что въ сокращенной арабской версіи сасанидской исторіи, восходящей черезъ Ибнъ Кутайбу (828—889) и Ибнъ Мукаффу (760) къ Худай Намэ, эпизодъ этотъ отсутствуетъ.

*

Впервые подвиги Бахрама, какъ сообщаютъ Табари и Са'алиби, были изображены на стѣнѣ одного изъ покоевъ Хаварнака — дворца, построеннаго для Бахрама. Ни само происшествіе, ни фактъ его изображенія на стѣнѣ не содержатъ въ себѣ ничего невѣроятнаго или неправдоподобнаго. Уже Амміанъ Марцеллинъ разсказываетъ о персидскомъ домѣ, украшенномъ картинами (фресками), изображающими царя на охотѣ, и неодобрительно замѣчаетъ, что у персовъ живопись и скульптура имѣютъ только одинъ сюжетъ — это убійство и война.[4] Изображеніе царя, преслѣдующаго на конѣ и поражающаго мечемъ или стрѣлами добычу — одна изъ самыхъ главныхъ и распространенныхъ темъ сасанидскаго искусства.[5] Сцены царской охоты уходятъ своими корнями, съ одной стороны, въ ахеменидское и ассирійское искусство, а, съ другой стороны, въ искусство конныхъ азіатскихъ кочевниковъ.

Самое древнее изъ дошедшихъ до насъ изображеній Бахрама, пронзающаго стрѣлой льва и онагра, сохранилось на трехъ кускахъ шелковой сасанидской ткани, находящихся нынѣ въ Кельнѣ, Миланѣ и въ Прагѣ. Всѣ три ткани уцѣ-

---

[1]) Al-Tha'alibi. Histoire des rois des Perses, traduit par H. Zotenberg, Paris 1900, стр. 543, 544.

[2]) Nöldeke. Gesch. der Perser und Araber, стр. XXIII.

[3]) J. Mohl, Le livre des Rois par Firdousi, томъ V, глава XXXIV, стр. 508—509, Paris 1866.

[4]) Амміанъ Марцеллинъ, XXIV, 6, 3.

[5]) Я. И. Смирновъ. Восточное Серебро. Табл. XXV, 53, 54; XXVIII, 56; XXIX, 57; XXXI, 59; XXXII, 60; XXXIII, 61; XXXIV, 63; CXXIII, 309. Матеріалы по Археологіи Россіи, № 34.

А. Бобринской. Перещепинскій кладъ, таб. VI.

Изображеніе охоты Хозроя на рельефѣ въ Такъ-и-Бостанѣ: F. Sarre u. E. Herzfeld, Iranische Felsreliefs, табл. XXXVIII, Berlin 1910.

лѣли въ видѣ церковныхъ древностей и, вѣроятно, были завезены съ Востока еще въ раннее Средневѣковье. Полнѣе другихъ сохранился рисунокъ узора на ткани Св. Куниберта въ Кельнѣ (нынѣ въ Diocesan-museum), и разсмотрѣніе узора удобнѣе всего начать именно съ этой уже много разъ изданной и описанной ткани.[1] Ткань была найдена въ 1898 году въ гробницѣ Св. Куниберта (633) въ Кельнѣ, куда она, какъ предполагаетъ A. Schnütgen, могла быть положена сравнительно поздно — въ 1168 году при обновленіи гробницы.[2] Вскорѣ послѣ открытія ткани F. Justi первый опредѣлилъ, что узоръ ея воспроизводитъ извѣстный подвигъ Бахрама Гура.[3]

Ткань шелковая, довольно толстая и плотная, нитка верхняго утка проходитъ черезъ двѣ нитки основы подъ третью; слѣдующая нитка утка отступаетъ на одну нитку основы, отчего ткань имѣетъ видъ косой „діагонали“ (serge). Утокъ четырехъ цвѣтовъ — синій, желтый, грязно-розовый и зеленый (въ небольшомъ количествѣ вверху и внизу узора вмѣсто розоваго). Краски сильно поблекли и выцвѣли, и въ настоящее время не даютъ представленія о первоначальной силѣ тоновъ. Ткань мѣстами истлѣла, но узоръ вполнѣ различимъ.

Узоръ состоитъ изъ большихъ оваловъ (разм. 82 см. $\times$ 90 см.), внутри которыхъ на синемъ фонѣ изображена повторенная дважды сцена Бахрама Гура на охотѣ (см. табл. XX рис. 1). Узоръ расположенъ по вертикальной оси симметріи, и правая половина представляетъ какъ бы зеркальное отраженіе лѣвой. Въ центрѣ композиціи помѣщено дерево-пальма (желт.) съ семью пальмовыми вѣтвями (зел.). Нижняя пара вѣтвей представляетъ какъ-бы виноградную лозу съ сердцевидными и пятилопастными виноградными листьями (роз.) и кистями винограда или плодами пальмы. Внизу у корня дерево расширяется и образуетъ какъ бы подставку съ пятью парными отростками. Надъ вѣтвями пальмы — три пары птицъ (двѣ среднихъ пары — розовыя, крайнія — зеленыя). Подъ деревомъ — двѣ симметричныя фигуры Бахрама, скачущаго на лошади и стрѣляющаго, повернувшись на сѣдлѣ назадъ, въ сторону, обратную движенію лошади. На всадникѣ — остроконечная шапка (роз.) съ тремя вертикальными полосками и съ друмя развѣвающимися сзади желтыми лентами — знакомъ царскаго достоинства. Одежда Бахрама состоитъ изъ рубахи или туники (желт.), украшенной спереди широкой узорной полосой (син. и желт.). За спиной, въ обычномъ условномъ взлетѣ, развѣвается короткій плащъ — сагій (роз.). На ногахъ — штаны и высокіе узкіе сапоги или ногавицы (желт.). Лицо Бахрама — en face, съ большими круглыми глазами и зрачками, поднятыми вверхъ, съ сильно изогнутыми бровями и длиннымъ носомъ, — немного непропорціонально и велико.

---

[1]) A. Schnütgen. Neuentdecktes Sasaniden Gewebe in St. Kunibert zu Köln. Zeitschr. für Christl. Kunst, стр. 225—228, таб. V, Düsseldorf 1898.
J. Lessing. Die Gewebe-Sammlung des K. Kunstgewerbe-Museum, табл. 15, 16, 17. Berlin 1900.
O. v. Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Стр. 71—73. Berlin 1913.

[2]) A. Schnütgen, op. cit., стр. 228.

[3]) F. Justi. Die Jagdszene auf dem sasanidischen Prachtgewebe. Zeitschr. für Christl. Kunst, стр. 361—368. Düsseldorf 1898. F. Justi указалъ на литературные источники разсказа о подвигѣ Бахрама, но его толкованіе изображенной сцены страдаетъ нѣкоторой склонностью къ символизму.

(Не слѣдуетъ, конечно, въ ткацкой передачѣ рисунка искать индивидуальныхъ чертъ.) Лошадь короткая, съ массивнымъ туловищемъ и тонкими ногами (желт.), съ сильно изогнутой шеей и подтянутой къ груди головой, представлена на полномъ галопѣ: заднія ноги вытянуты параллельно назадъ (копыта розовыя), а переднія подняты; вторая отъ зрителя нога выше первой. На лошади — широкая узда съ широкимъ поводомъ и сѣдло съ узорной попоной. Грудь и крупъ охвачены широкимъ ремнемъ съ украшеніями въ видѣ подвѣсныхъ колецъ или дисковъ (темно-синихъ и розовыхъ). Развѣвающійся хвостъ раздѣланъ отдѣльными волнистыми прядями. Непосредственно подъ фигурой всадника изображенъ поваленный на землю онагръ (роз.), на котораго насѣлъ, вцѣпившись зубами въ хребетъ, левъ (желт.). Голова онагра повернута назадъ, въ послѣдней попыткѣ укусить нападающаго хищника. Поднятыя уши и чолка (желт.) нѣсколько сбивчивы въ рисункѣ. На животѣ онагра проходитъ широкая желтая полоса съ синими зубцами. На задней ногѣ наверху — концентрическій кругъ (желт. и роз.), на туловищѣ — ромбъ съ короткой широкой полосой (желт. и роз.). Фигура льва съ громадными когтями передана съ той же живой выразительностью, что и фигура онагра, но голова звѣря не понята ткачемъ — плохо передана раскрытая пасть. Хвостъ поднятъ и изогнутъ. Въ спинѣ, около лопатки, торчитъ оперенный конецъ стрѣлы.

Все остальное свободное поле овала заполнено мелкими фигурами звѣрей, птицъ и растеній. Между каймой и головой лошади представленъ бѣгущій пятнистый олень (роз.), преслѣдуемый собакой (желт.). Ниже изображенъ кустъ травы (желт.). Около головы онагра представлена сидящая птица съ распростертыми крыльями (желт.). Въ самомъ низу, посерединѣ, вытканъ большой пятилопастный виноградный листъ (зел. и желт.), стоящій на расширяющейся книзу ножкѣ. По сторонамъ листа — двѣ скачущія и лающія собаки (желт.). Два звѣрка, вѣроятно, зайцы, стоятъ по бокамъ дерева, опираясь о стволъ передними лапками и повернувъ головы назадъ. Между задними ногами львовъ вытканъ желтый крестъ или тетрафилъ.

Рама овала (шир. 9 см.) состоитъ изъ трехъ орнаментальныхъ полосъ: внутри узкая полоска (желт.) съ чередующимися черточками и точками, посерединѣ — широкая главная полоса съ изображеніемъ гирлянды сердцевидныхъ цвѣтовъ съ парными сердцевидными листиками по бокамъ, наконецъ, наружная, тоже узкая полоса украшена орнаментомъ изъ перевитыхъ лентъ или жгута (желт.). Къ узору каймы намъ придется еще возвращаться, и потому не описываю его подробнѣе. Внизу, наверху и по сторонамъ овальной рамы вытканы кресты или тетрафилы. Пространство между кругами заполнено сложной орнаментальной розеткой, имѣющей видъ восьмиконечной звѣзды, изъ концовъ которой выходятъ и переплетаются растительные завитки и листья (желт. и роз.). Внутри звѣзды — розовый кругъ съ рядомъ сердецъ. Въ кругѣ — четыре парныхъ аканѳовыхъ листка.

Второй фрагментъ ткани съ узоромъ, изображающимъ Бахрама на охотѣ, находится въ Миланѣ, на створкахъ дверцы золотого престола св. Амвросія, сдѣланнаго, какъ свидѣтельствуетъ надпись, мастеромъ Вольвиніемъ при архіепископѣ Ангильбертѣ II, около 835 года. Какъ предполагаетъ Venturi, ткань

могла быть взята изъ древнихъ реликвій св. Амвросія, положенныхъ еще въ VI вѣкѣ при епископѣ Лаврентіи.[1]

Ткань сохранилась въ двухъ кускахъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ правую нижнюю четверть овала и половину розетки между овалами, а другой — среднюю часть правой половины узора (см. табл. XX, рис. 2). На основаніи обоихъ кусковъ можно возстановить почти весь рисунокъ ткани, кромѣ центральнаго дерева, которое на обоихъ кускахъ отсутствуетъ — сохранилась только нижняя вѣтка, такая же, какъ и на кельнской ткани. Фонъ ткани (въ описаніи O. Falke) темно-зеленый, узоръ блекло-красный, отдѣльные цвѣты, листья и зайцы — бѣлые.

Узоръ, на первый взглядъ, почти тождественъ съ узоромъ кельнской ткани, но при сличеніи обнаруживается рядъ различій. Рисунокъ болѣе слабый, смятый и не такой четкій, какъ на ткани св. Куниберта (ср. голову льва, лицо Бахрама, фигуры прыгающихъ внизу собакъ). Въ миланской ткани фигура Бахрама нѣсколько наклонена впередъ. Далѣе, можно указать цѣлый рядъ мелкихъ различій въ деталяхъ (перечисляю лишь наиболѣе значительныя). Нѣсколько отличны по формѣ нижнія вѣтки и листья. Въ костюмѣ Бахрама къ средней полосѣ на кафтанѣ прибавлена слѣва еще узкая полоска, а на груди справа вытканъ тетрафилъ, такой же тетрафилъ на колѣнѣ. Иная орнаментація повода и уздечки, вмѣсто семи фаларовъ — только пять, на попонѣ или сѣдлѣ — три сердца. У онагра — свѣтлая полоса на животѣ поднимается вверхъ и заходитъ на шею, измѣнена форма пятенъ на боку. У льва очень плоха и безформенна голова и задняя лапа. Нижній листъ сплошной, лишенный расчлененій и жилокъ. Тройная кайма, окружающая рисунокъ, совершенно тождественна съ каймой кельнской ткани, лишь сердца нѣсколько менѣе растянуты. Также почти тождественны розетки, заполняющія промежутки между кругами.

Приведенный рядъ различій и въ краскахъ и, главнымъ образомъ, въ рисункѣ доказываетъ, что обѣ ткани ткались не однимъ и тѣмъ же ткачомъ и не на одномъ станкѣ.

Третій изъ извѣстныхъ намъ фрагментовъ ткани съ такимъ же узоромъ находится въ Прагѣ, въ библіотекѣ Капитула. Такъ же, какъ и въ Миланѣ, ткань сохранилась въ двухъ небольшихъ кускахъ, представлявшихъ когда-то одно цѣлое и позже разрѣзанныхъ для подклейки внутреннихъ сторонъ крышекъ переплета большого пергаментнаго Евангелія, написаннаго около IX вѣка.[2]

Мѣдныя доски переплета со вставленными камнями и створкой консульскаго диптиха изъ слоновой кости (480 года?)[3] были сдѣланы, вѣроятно, въ XIV столѣтіи, повидимому, тогда же подклеили куски шелковой ткани.

---

[1]) O. Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei, I, стр. 70, рис. 89.

A. Venturi. Storia dell' Arte Italiana I, стр. 398—402, рис. 352, 353, II стр. 233 и слѣд.

A. Venturi. Stoffa del palio ambrosiano (Le Gallerie nazionali italiane IV, 1899). (Цитирую по O. Falke).

Описываю по O. Falke, такъ какъ не имѣлъ возможности видѣть памятникъ лично.

[2]) A. Podlaha. Soupis památek historických a uměleckých. Kapitulní knihovna v Praze. Praha 1903, стр. 19, рис. 14, 15.

Fr. Bock. Evangelienbuch aus dem IX Jahrh. im Prager Domschatz. Mittheilungen der k. k. Centralcommission. Wien 1871, Band XVI, стр. 102 и слѣд.

[3]) R. Delbrück. Die Konsulardiptychen und verwandte Denkmäler. № 40.

На одномъ кускѣ, размѣромъ 34,5 см. × 24 см., сохранилась часть узора, представляющая лѣвую фигуру Бахрама на конѣ, часть дерева, заднюю часть лошади и лукъ правой фигуры Бахрама (см. табл. XXI, рис. 1). Кусокъ разорванъ вдоль, и бóльшая, нижняя часть его была снята съ переплета и помѣщена въ музей, отчего краски ея сильно выцвѣли (нынѣ эта часть ткани находится опять на крышкѣ Евангелія); верхняя часть оставалась на переплетѣ и сохранила свои цвѣта значительно лучше. Второй кусокъ, размѣромъ 34,5 см. × 21,5 см., представляетъ нижнюю половину того же узора, то есть фигуру льва и онагра, нижній листъ съ собаками по сторонамъ и часть каймы (см. табл. XXI, рис. 2). По размѣру узора пражская ткань вполнѣ соотвѣтствуетъ кельнской, то-есть весь узоръ имѣлъ, вѣроятно, около 80 см. × 90 см. Ткань шелковая, подборъ красокъ въ общемъ почти тотъ же, что и на предыдущихъ тканяхъ: фонъ зеленовато-голубой, узоръ блекло-розовый, желтый и свѣтло-зеленый, но техника размѣщенія цвѣтовъ на пражской ткани нѣсколько отлична отъ кельнской. Зеленый утокъ не замѣщаетъ розовый, что лучше всего видно на высотѣ верхней части фигуръ льва и онагра, гдѣ одновременно встрѣчаются зеленый утокъ въ фигурѣ льва, розовый въ фигурѣ онагра и желтый — въ пятнахъ на шкурѣ льва.

Рисунокъ узора почти тождественъ съ предыдущими, но также имѣетъ цѣлый рядъ мелкихъ различій въ деталяхъ. Стволъ дерева выткaнъ въ видѣ прямоугольника, орнаментированнаго кругами и квадратиками. Повидимому, измѣненіе было внесено послѣ составленія узора, такъ какъ расширившійся въ прямоугольникъ стволъ пальмы срѣзалъ переднія лапы стоящихъ около него звѣрковъ. Сохранившіяся вѣтви показываютъ полное сходство съ кельнской тканью. Фигура Бахрама почти такая же точно, какъ на ткани св. Куниберта — большое сходство лицъ и одежды. Отличіе лишь въ томъ, что на пражской ткани отсутствуютъ ленты на шапкѣ. Сбруя коня ближе къ миланской ткани, чѣмъ къ кельнской. Нога всадника нѣсколько больше поджата, чѣмъ на другихъ тканяхъ. У коня прибавлена подробность, опредѣляющая полъ. Шкура льва покрыта свѣтло-желтыми полосами, верхняя часть его — зеленая, а заднія ноги — розовыя. Розовый онагръ съ желтой полосой на животѣ отличается размѣщеніемъ пятенъ. На задней ногѣ — желтый кругъ, такой же кругъ, но нѣсколько меньше, помѣщенъ на плечѣ. Розовый листъ съ желтыми жилками значительно правильнѣе въ своемъ рисункѣ, чѣмъ листья на предыдущихъ тканяхъ. Вообще, за исключеніемъ ствола пальмы, узоръ пражской ткани стройнѣе, правильнѣе, пропорціональнѣе и строже. Цѣлый рядъ добавленныхъ мелкихъ деталей: складки одежды Бахрама, раздѣлка шерсти и конечностей звѣрей — показываетъ бóльшую точность и осмысленность рисунка. Кайма совершенно тождественна, но форма сердецъ нѣсколько мягче и круглѣе, чѣмъ на кельнской ткани.

Если сопоставить всѣ три варіанта и всмотрѣться въ детали узора, то обнаружится множество мелкихъ различій, почти незамѣтныхъ при первомъ взглядѣ. Въ каждой изъ тканей отдѣльныя мелочи трактованы по своему: кое-что добавлено или осложнено болѣе мелкой раздѣлкой, или же, наоборотъ, упрощено или непонято. Становится совершенно очевиднымъ, что счетъ нитокъ при тканьѣ былъ особый для каждой ткани. Нельзя поэтому предполагать ра-

боту одного и того-же ткача. Очевидно и то, что ни одна изъ трехъ извѣстныхъ намъ тканей не копируетъ остальныхъ, и что расположенiе тканей въ хронологической послѣдовательности врядъ-ли возможно. По чистотѣ рисунка лучше другихъ пражская ткань, вмѣстѣ съ тѣмъ на ней видимъ явныя погрѣшности и ошибки ткача: пропущены царскiя ленты на шапкѣ Бахрама и искаженъ стволъ пальмы. Если-бы пражская ткань была прототипомъ, то тѣ-же дефекты оказались бы и на двухъ другихъ тканяхъ. Съ другой стороны, нельзя предположить, чтобы болѣе слабая по исполненiю и четкости рисунка кельнская ткань могла служить образцомъ для пражской ткани. Еще менѣе вѣроятно первородство миланской ткани, узоръ которой страдаетъ цѣлымъ рядомъ небрежностей и ошибокъ: напримѣръ, искажено лицо Бахрама, очень плоха голова льва. Тождественность схемъ узора, почти полное сходство въ общемъ рисункѣ и даже нѣкоторыхъ деталяхъ, почти одинаковый подборъ красокъ — свидѣтельствуютъ о тѣсномъ родствѣ всѣхъ трехъ кусковъ. Остается предположенiе объ общемъ первоисточникѣ, къ которому восходили эти три ткани и которому подражали съ особымъ старанiемъ точно передать оригиналъ. Представлялъ ли этотъ образецъ также ткань или рисунокъ, составленный для ткачей — неизвѣстно. Можно предположить, что прототипъ былъ цвѣтной. Воспроизведенiе оригинала, въ зависимости отъ личныхъ качествъ и умѣнiя ткача, получилось, хотя и довольно точнымъ, но не лишеннымъ нѣкоторой индивидуальности. Слѣдуетъ отмѣтить, что пражская ткань, повидимому, была сдѣлана болѣе ловкимъ и точнымъ ткачемъ. Вѣроятно, по времени всѣ три ткани очень недалеки другъ отъ друга и, можетъ быть, даже почти одновременны; недалеки онѣ и отъ основного общаго ихъ прототипа.

Построенiе основной орнаментальной схемы въ видѣ рядовъ соприкасающихся круговъ настолько просто и распространено въ исторiи орнамента, что можетъ быть выводимо изъ любой области. Ряды круговъ съ геометризованнымъ цвѣточнымъ заполненiемъ внутреннихъ пространствъ находимъ и въ орнаментѣ древняго Египта,[1] и въ орнаментѣ древней Месопотамiи. Орнаментъ изъ круговъ, связанныхъ промежуточными маленькими кружками или узлами, столь частый на тканяхъ и мозаикахъ, долженъ быть возводимъ къ месопотамскимъ прототипамъ. Если геометрическая схема изъ круговъ не является настолько характерной, чтобы можно было установить точно ея мѣсто происхожденiя, то заполненiе круга фигурами людей, всадниковъ, звѣрей, столь широко распространенное во всей средневѣковой орнаментацiи тканей, также какъ и вообще введенiе человѣческой фигуры въ орнаментъ тканей можетъ быть объясняемо какъ результатъ воздѣйствiя эллинистическаго искусства съ его пристрастiемъ къ изображенiямъ человѣческихъ фигуръ и сценъ. Также и орнаментацiя самаго круга рамки въ видѣ цвѣточнаго вѣнка — должна была возникнуть въ сферѣ искусства эллинистическаго и, вѣроятнѣе всего, въ предѣлахъ Египта. Цвѣточный вѣнокъ, прiобрѣтшiй въ V—VI—VII вѣкѣ такое исключительно ши-

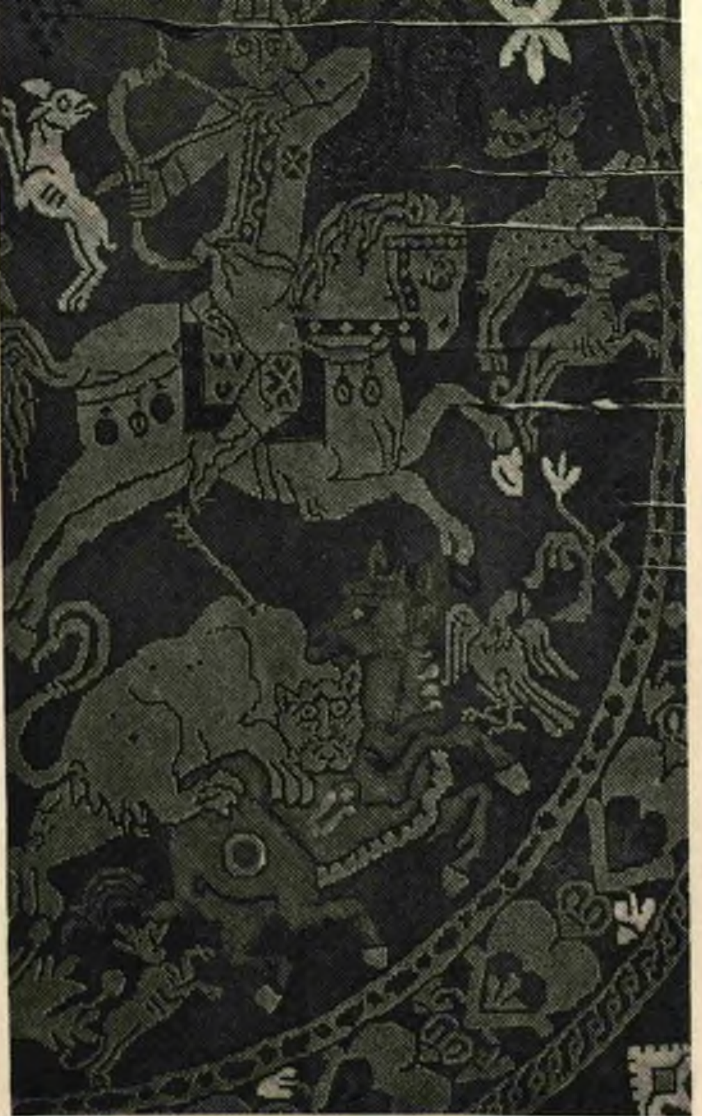
---

[1]) I. Strzygowski. Seidenstoffe aus Ägypten. Königl. Preuss. Kunstsammlungen. Jahrb. XXIV, стр. 147. Berlin 1903.

O. Iones. The Grammar of Ornament, табл. X, рис. 6, 7, 17.

1.

2.

рокое распространеніе въ орнаментикѣ, мы находимъ на тканяхъ Египта, которыя предположительно можно отнести къ III и даже ко II вѣку по Р. X.[1] Принципъ помѣщенія сцены или фигуръ въ кругъ, орнаментированный въ видѣ цвѣточнаго вѣнка, сближаетъ наши три ткани съ цѣлымъ рядомъ такъ называемыхъ александрійскихъ шелковыхъ тканей, относимыхъ къ VI—VII вѣкамъ.[2] Связь съ этой группой подчеркивается и общими охотничьими сюжетами. Это сходство должно находить свое объясненіе въ общей зависимости орнаментики въ эту переходную эпоху отъ какихъ-то, пока намъ еще неизвѣстныхъ, образцовъ, шедшихъ, повидимому, съ Ближняго Востока, и отъ общихъ вкусовъ опредѣленной эпохи и опредѣленнаго культурнаго круга. Слѣдуетъ отмѣтить большое различіе въ существѣ использованія этой схемы. Средній размѣръ круга (или овала) — орнаментальная единица — въ „александрійскихъ" тканяхъ колеблется между 24 см.—33 см., діаметръ же круговъ трехъ тканей съ изображеніемъ Бахрама почти въ три раза больше. Этотъ преувеличенный масштабъ узора указываетъ, что ткань предназначалась не столько для одежды, сколько для завѣсъ.[3] По размѣрамъ ткани съ Бахрамомъ могутъ быть сближаемы только съ двумя сасанидскими тканями Берлинскаго Kunstgewerbe-Museum[4] и съ сирійской или византійской тканью съ изображеніемъ квадриги (Парижъ, Musée Cluny),[5] у которой діаметръ круга имѣетъ около 65 см.

Если основная схема узора можетъ быть выводима изъ орнамента древняго Египта, а обрамленіе рисунка изъ орнамента эллинистическаго Египта, то основа содержанія и построенія сцены, заполняющей внутреннее пространство круговъ, ведетъ насъ въ древнюю месопотамскую культуру — Вавилонъ и Ассирію. Тамъ слѣдуетъ предполагать возникновеніе схемы симметрическаго построенія фигуръ по бокамъ т. н. „священнаго дерева". Подобныя композиціи съ деревомъ въ центрѣ почти не встрѣчаются въ эллинистическомъ искусствѣ. Несомнѣнно также, что миѳологическое или религіозное толкованіе „священнаго дерева" къ ткани съ Бахрамомъ Гуромъ не примѣнимо. Дерево использовано здѣсь только какъ декоративный принципъ, чрезвычайно удобный для ткацкаго узора, который долженъ допускать разсматриваніе съ разныхъ сторонъ, въ зависимости отъ положенія даннаго куска ткани.

Само содержаніе изображаемой сцены — царь на охотѣ, убивающій льва (какъ это уже упоминалось), уходитъ своими корнями въ ахеменидское и ассирійское искусство. Какъ мы уже отмѣчали, сцены, изображающія царскую

---

[1]) В. Т. Бокъ. О коптскомъ искусствѣ. Труды VIII Археологич. Съѣзда въ Москвѣ, т. III, табл. XXII и M. Dimand. Die Ornamentik der Ägypt. Wollwirkereien. рис. 47, 48.
Такая же полоса узора въ видѣ гирлянды — на муміи мальчика изъ Антинои:
E. Guimet. Les portraits d'Antinoé, рис. 66.
O. Wulff-W. Volbach. Spätantike und Koptische Stoffe. Табл. 10, № 4653.

[2]) J. Lessing. O. c., табл. VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII и XVIII.
A. F. Kendrick. Catalogue of Textiles, vol. III, №№ 810, 821, 822, 823.

[3]) Мы знаемъ примѣры преувеличенно большихъ узоровъ на тканяхъ для одеждъ, употреблявшихся въ сасанидской Персіи. См. Flandin et Coste, Voyage en Perse I, pl. 11, и E. Herzfeld, Am Tor von Asien, рис. 40.

[4]) J. Lessing. табл. 26, 27 и O. Falke, рис. 105, 107.

[5]) J. Lessing, табл. 13 и O. Falke, рис. 87.

охоту, имѣли въ сасанидской Персіи исключительно широкое распространеніе. Возрожденіе этой извѣстной еще въ ассирійскомъ искусствѣ темы произошло вѣроятно подъ воздѣйствіемъ волны кочевническихъ вкусовъ, залившей Иранъ въ пареянскій періодъ. Конный охотникъ на кабановъ на золотой сибирской бляхѣ Эрмитажа[1] — несомнѣнно имѣетъ какую-то связь съ изображеніями сасанидскихъ царей на серебряныхъ блюдахъ. Въ размѣщеніи сцены охоты Бахрама въ кругѣ прежде всего нужно отмѣтить стремленіе заполнить все свободное пространство главными и второстепенными фигурами. Хотя эта тенденція не чужда и нѣкоторымъ александрійскимъ тканямъ, но въ такой полнотѣ она встрѣчается только на сасанидской ткани съ изображеніемъ Бахрама Гура (?) на крылатомъ конѣ.[2] Расцвѣтка ткани построена на сочетаніи темнаго, зеленовато-синяго фона со свѣтлыми пятнами фигуръ, детали узора обозначены тонкимъ линейнымъ рисункомъ того-же сине-зеленаго цвѣта, что и фонъ. Остальные цвѣта — розовый, желтый и зеленый — использованы въ чисто декоративномъ значеніи и не стремятся передать дѣйствительную окраску предмета, только въ зеленой листвѣ пальмы на ткани св. Куниберта видимъ нѣкоторую склонность къ реалистическому использованію краски. Чисто декоративное значеніе цвѣтныхъ пятенъ яснѣе всего на фигурѣ льва пражской ткани, вытканной наполовину зеленымъ, наполовину розовымъ шелкомъ. Подборъ цвѣтовъ, почти одинаковый во всѣхъ трехъ тканяхъ — очень характеренъ. Въ „александрійской" группѣ шелковыхъ тканей сохраняется въ общемъ та-же красочная гамма, что и въ поздне-эллинистическихъ и коптскихъ тканяхъ, воспринявшихъ, въ свою очередь, подборъ красокъ древняго Египта: преобладаютъ цвѣта — красный, красно-малиновый, охристо-желтый, зеленый (столь типичный для коптскихъ тканей пурпуръ въ собственно египетскую гамму не входитъ, и въ поздне-египетскихъ тканяхъ образуетъ особую группу рядомъ съ многоцвѣтно-узорными тканями), въ незначительномъ количествѣ синій и голубой. Темно-синій индиговый фонъ, хотя и встрѣчается на поздне-эллинистическихъ и коптскихъ тканяхъ, но сравнительно рѣдко.[3] Въ общемъ синій фонъ въ сочетаніи съ желтымъ или желто-розовымъ рисункомъ совсѣмъ не характеренъ для эллинистическихъ тканей Египта.[4] Напротивъ, мы знаемъ это сочетаніе цвѣтовъ на нѣсколькихъ тканяхъ, сасанидское происхожденіе которыхъ не вызывало до сихъ поръ сомнѣній. Въ общемъ въ тѣхъ же цвѣтахъ вытканы обѣ сасанидскія ткани Берлинскаго Kunstgewerbe

[1]) М. И. Ростовцевъ, Срединная Азія, Россія, Китай и звѣриный стиль, ΣΚΥΘΙΚΑ I, Seminarium Kondakovianum, Praha 1927, рис. 54. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія Древности, т. III, рис. 69 и 70.

[2]) O. Falke, рис. 107.

[3]) Темно-синій фонъ мы встрѣчаемъ на нѣсколькихъ поздне-эллинистическихъ тканяхъ съ изображеніемъ головъ божествъ и олицетвореній: ткани изъ Ахмима съ изображеніемъ Меркурія и Аполлона — въ Victoria and Albert Museum — см. A. Kendrick, Catalogue of Textiles vol. I, рис. 52, 53 и Portofolio of S. Kensington Museum; далѣе, тканные медальоны съ изображеніемъ „Земли" и „Нила", находящіеся въ Эрмитажѣ, см. В. Бокъ, О коптскомъ искусствѣ, Коптскія узорчатыя ткани, Труды VIII Археолог. Съѣзда, т. III, и Зап. Вост. Отд. Имп. Арх. Общ., т. V, 1890; табл. IV.

Синій фонъ мы находимъ, кромѣ того, на нѣсколькихъ поздне-коптскихъ клавахъ съ изображеніемъ гл. обр. всадниковъ.

[4]) R. Pfister. La Décoration des Étoffes d'Antinoë. Revue des Arts Asiatiques 1928.

Museum съ изображеніями полуфантастическихъ сасанидскихъ царей на охотѣ.[1] Тотъ же сине-зеленый тонъ въ сочетаніи съ желтымъ фономъ — на двухъ несомнѣнно сасанидскихъ тканяхъ съ изображеніемъ кабаньихъ головъ въ кругахъ, изъ которыхъ одна происходитъ изъ Центральной Азіи,[2] а другая находится въ Берлинскомъ Kunstgewerbe Museum.[3] Распространеніе синяго цвѣта въ тканяхъ сасанидской Персіи можетъ быть объясняемо, съ одной стороны, близостью Индіи, поставлявшей синюю краску — индиго на весь древній міръ, а, съ другой стороны, традиціей сочетанія синихъ фоновъ съ золотисто-желтыми узорами, сохранившейся отъ временъ Ассиріи, Вавилона и ахеменидской Персіи.[4] Въ Византіи синій цвѣтъ даже назывался „περσικα",[5] это свидѣтельствуетъ если не о происхожденіи, то по крайней мѣрѣ о распространеніи синей краски въ Персіи.

Если перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ фигуръ и деталей узора, то также обнаружится нѣкоторая двойственность — соединеніе чертъ эллинистическихъ и персидскихъ. Различіе между эллинистическимъ и персидскимъ не всегда, впрочемъ, легко установимо, въ силу несомнѣннаго присутствія эллинистическихъ формъ въ сасанидскомъ искусствѣ съ одной стороны, и въ проникновеніи восточныхъ чертъ въ поздне-эллинистическое искусство — съ другой. Прежде всего эта двойственность выявится въ фигурѣ сасанидскаго царя. Изображенъ, несомнѣнно, Бахрамъ V Гуръ. Царскія ленты, развѣвающіяся на шапкѣ царевича, показываютъ, что составитель рисунка ткани зналъ ихъ значеніе. Характеренъ для сасанидскаго искусства, какъ мы говорили, и самый моментъ, изображающій царя на охотѣ. Но самый способъ передачи изображенія, трактовка фигуры, одежда и конь ведутъ насъ въ міръ сиро-эллинистическій или египто-эллинистическій. Лицо, какъ на большинствѣ „александрійскихъ" тканей, повернуто къ зрителю и не отвѣчаетъ положенію тѣла и рукъ.

Характерна для эллинистическаго искусства посадка Бахрама — съ поджатыми ногами, столь непохожая на посадку твердо и умѣло сидящихъ въ сѣдлѣ сасанидскихъ царей, изображенныхъ на серебряныхъ блюдахъ. Это различіе въ манерѣ сидѣть на лошади особенно характерно для двухъ культуръ. Если посадка сасанидскихъ всадниковъ удивляетъ своей твердостью и подлиннымъ искусствомъ всадника, то отъ фигуръ эллинистическихъ всегда вѣетъ циркомъ и показной манерностью. Условная поза Бахрама, повернувшагося въ сѣдлѣ назадъ, столь часто наблюдаемая въ поздне-эллинистическихъ, александрійскихъ и коптскихъ тканяхъ,[6] создалась, вѣроятно, подъ воздѣйствіемъ восточ-

[1]) J. Lessing, табл. 26 и 28, O. Falke, рис. 105 и 107.

[2]) См. M. A. Stein, The innermost Asia, табл. LXXVI.

[3]) E. Herzfeld, Am Tor von Asien, табл. LXIV.

Если описанія Гамзы Испаганскаго уборовъ сасанидскихъ царей имѣютъ какую либо реальную историческую основу и не являются творчествомъ позднѣйшаго иллюминатора, то можно привести и ихъ въ доказательство распространенія синяго цвѣта въ тканяхъ сасанидской Персіи.

[4]) Рельефы изъ поливныхъ кирпичей съ изображеніемъ фигуръ львовъ изъ Вавилона въ K. F. Museum въ Берлинѣ — см. H. Schäfer und W. Andrae, Die Kunst des alten Orients. Propyläen Kunstgeschichte, II, Berlin 1925, табл. XXVIII, рис. 489. Фризъ изъ Хорзабада и хорошо извѣстный Луврскій фризъ царскихъ стрѣльцовъ изъ дворца Артаксеркса II въ Сузахъ.

[5]) J. Ebersolt, Les Arts somptuaires de Byzance. Paris 1923, стр. 11.

[6]) J. Lessing, табл. 8 и 10, A. Kendrick, Catalogue of textiles III, 810, 821.

ныхъ образцовъ и укрѣпилась подъ впечатлѣніями показныхъ цирковыхъ охотъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, подражали пресловутому военному пріему парѳянъ и кочевниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ манера эта находится въ полномъ соотвѣтствіи съ общей склонностью поздне-эллинистическаго искусства изображать человѣческую фигуру съ головой, повернутой въ сторону, обратную движенію. Въ отличіе отъ всадниковъ на александрійскихъ тканяхъ, фигура Бахрама кажется болѣе прямой и лишена той черезмѣрной выгнутости и манерности, какую мы видимъ на тканяхъ изъ Victoria and Albert Museum[1] и Маастрихта.[2] Характерна и одежда Бахрама, состоящая изъ рукавной рубахи, штановъ и развѣвающагося сзади плаща-сагія. Рубаха или кафтанъ (?) съ широкой узорной полосой посерединѣ въ основѣ своей — персидскаго происхожденія. Но довольно рано, вѣроятно еще въ III—II вѣкѣ до Р. Х., хитонъ со средней узорной полосой привился и въ эллинистическомъ мірѣ. Особенно прочно вошла въ моду эта одежда въ Сиріи, возможно, подъ вліяніемъ сосѣдней Парѳіи, какъ на то указываетъ пальмирская скульптура.[3] Позже хитонъ съ узорной полосой посерединѣ перешелъ въ ранне-христіанское и византійское искусство и традиціонно сохранялся въ изображеніи маговъ, трехъ отроковъ и другихъ „восточныхъ" персонажей.[4]

Въ самой Персіи мода на хитонъ съ узорной полосой посерединѣ прекращается, повидимому, довольно рано, возможно, уже въ концѣ парѳянскаго періода. Во всякомъ случаѣ, при сасанидахъ кочевническій среднеазіатскій кафтанъ окончательно вытѣснилъ прежнюю одежду. Для V и VI вѣка одежда, въ которой представленъ на ткани Бахрамъ, является уже совершеннымъ анахронизмомъ, но понятна у мастера сирійца или грека, желающаго изобразить сасанидскаго принца въ „восточномъ" костюмѣ и пользующагося традиціоннымъ пріемомъ. Узорная полоса на рубахѣ Бахрама орнаментирована обычными и очень распространенными въ поздне-эллинистическихъ тканяхъ волнистыми побѣгами виноградной лозы. Штаны и обувь, насколько можно ее различить въ рисункѣ ткани, мало похожи на сасанидскіе широкіе шаровары и больше напоминаютъ „восточный" уборъ маговъ въ иконографіи Рождества. Типиченъ для эллинистической манеры и особый условный взлетъ короткаго плаща, неизмѣнно изображаемаго на всѣхъ конныхъ фигурахъ въ „александрійскихъ" шелковыхъ тканяхъ и совершенно отсутствующій на памятникахъ сасанидской Персіи. На головѣ Бахрама мы ожидали-бы увидѣть корону, вмѣсто которой изображена коническая шапка съ двумя сасанидскими царскими лентами. Отсутствіе короны можетъ быть объясняемо тѣмъ, что изображаемое событіе произошло еще до вступленія Бахрама на сасанидскій престолъ. Сасанидскіе

---

1) A. Kendrick, Catalogue of textiles III, 810, 821.

2) O. Falke, рис. 70 и 73.

3) Н. М. Бѣляевъ. Украшеніе поздне-античной и ранне-византійской одежды. Recueil Kondakov, стр. 201. Seminarium Kondakovianum, Praha 1926. L. Heuzey. De la persistance du costume oriental à Palmyre. Revue archéologique, V série, tome XXIV, 1926. F. Cumont. L'uniforme de la Cavalerie orientale et le Costume byzantin. Byzantion, tome II, 1925, стр. 181.

4) J. Wilpert. Die Römischen Mosaiken und Malereien III. 61—62, 63—65. Клинъ, спускающійся спереди у маговъ на мозаикѣ Maria Maggiore, получился отъ того, что полы верхней одежды для удобства подняты и подоткнуты подъ поясъ, такъ же какъ на китайской терракотовой статуэткѣ эпохи T'ang (VII—X вѣка), изображающей кочевника (Музей Cernuschi, Парижъ).

царевичи носили коническую шапку, оканчивающуюся головой вепря или орла.[1] Такія же по формѣ шапки, нѣсколько напоминающія фригійскій колпакъ, носила и персидская знать.[2] Спереди такая шапка могла имѣть коническій видъ, то-есть такой же, какъ у изображенной на ткани Бахрама. Фигура лошади не представляетъ ничего исключительнаго. Подобныхъ скачущихъ лошадей можно насчитать нѣсколько десятковъ на шелковыхъ александрійскихъ и коптскихъ тканяхъ.[3] Происхожденіе этого прочно установившагося типа уходитъ въ ассирійское и древне-египетское искусство,[4] но въ поздне-эллинистическомъ искусствѣ фигура скачущей лошади пріобрѣтаетъ общее распространеніе.[5]

Сбруя лошади съ круглыми подвѣсными фаларами и съ широкимъ подперсіемъ также для интересующаго насъ времени — V—VI вѣка — не даетъ никакихъ указаній на происхожденіе. Сѣдло, фалары, кисти и прочія украшенія, возникшія, вѣроятно, въ средѣ конно-кочевыхъ народовъ и проникшія ранѣе всего въ Персію, уже во время Римской имперіи сдѣлались общимъ достояніемъ, и въ V—VI вѣкахъ мы находимъ ихъ равно на памятникахъ поздне-эллинистическихъ и ранне-византійскихъ,[6] и на памятникахъ сасанидскихъ.[7] Остается отмѣтить, что на пражской ткани конь Бахрама вытканъ много лучше, чѣмъ на любой изъ александрійскихъ тканей.

Фигуры льва и онагра, напротивъ, не находятся въ зависимости отъ поздне-эллинистическаго искусства. Повидимому, здѣсь дѣйствовали какіе-то другіе образцы. Хотя тема льва, терзающаго быка, козла или оленя встрѣчается въ искусствѣ ассирійскомъ, ахеменидскомъ[8] и іоническомъ,[9] нѣкоторыя черты показываютъ, что образцомъ для разбираемой нами группы служили какія-то иранскія изображенія. Прежде всего характерны экспрессивность и драматизмъ, не потерявшіе своей живости даже въ ткацкомъ воспроизведеніи. На задней ногѣ, на боку (миланская и кельнская ткани) и на плечѣ (пражская ткань) онагра изображены круги и прямоугольники, которые не могутъ быть объясняемы, какъ тавро. Подобныя украшенія представляютъ характерную особенность иранскаго

---

[1]) Монета Бахрама II, см. J. de Morgan, Manuel de Numismatique orientale, Paris 1924, стр. 308, рис. 382. Корона замѣнена шапкой съ двумя лентами на монетѣ Бахрама IV, см. Amtliche Berichte der Königl. Kunstsammlungen, XXXIV, 1912/13, рис. 12.

[2]) F. Sarre u. E. Herzfeld, Iranische Felsreliefs, рис. 109.

[3]) O. Falke, рис. 12, 18, 30, 31, 70, 72, 73. A. Kendrick, Catalogue of text. III, 800, 810, 821, 822, 823. O. Wulff u. W. Volbach, Spätantike u. koptische Stoffe, табл. 55 № 10056, табл. 71 № 6233, табл. 72 № 6243, табл. 133 № 9254.

[4]) H. Schäfer u. Andrae, Die Kunst des alten Orient, Propyläenkunstgeschichte II, табл. XXXII, рис. 528, 539. A. Furtwängler, Die antiken Gemmen I, табл. XI, 1, 2, 8, 9 и L рис. 41.

[5]) S. Reinach, La représentation du galop, Revue Archéol. 1900—1901, рис. 13, 14, 15, 16, 20, 25. A. Prokopé-Walter, Le prototype local des animaux galopants dans l'art de l'Asie antérieure. Syria, tome X, Paris 1929.

[6]) Диптихъ Барберини, въ Луврѣ. См. Ch. Diehl. *Manuel d'Art Byzantin* I, *рис.* 145. Paris 1925.

[7]) Я. Смирновъ, Восточ. Серебро, №№ 57, 59, 60 и 309.

[8]) Лѣстница дворца въ Персеполисѣ: F. Sarre, Die Kunst des alten Persien, рис. 20, 21.

[9]) См. рѣзной камень Брюссельскаго музея: A. Furtwängler, Die antiken Gemmen, I, табл. XXXI рис. 6 и табл. XIII рис. 36. Куль-Обскій серебряный сосудъ, см. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія Древности II, рис. 118.

искусства, проявляющуюся въ частности и на сасанидскихъ тканяхъ.[1] Эта манера подчеркивать выступающіе мускулы и части тѣла орнаментаціей, цвѣтными пятнами или инкрустированными въ бронзѣ камнями и пастой[2] особенно часто встрѣчается въ восточной вѣтви иранскаго міра, въ искусствѣ кочевниковъ Средней Азіи.[3] Перемѣщеніе (на кельнск. и миланск. тканяхъ) цвѣтного пятна съ плеча на бокъ онагра объясняется искаженіемъ, внесеннымъ непонимавшимъ ткачемъ. На лучшемъ изъ узоровъ — на пражской ткани, цвѣтной кругъ находится на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, на плечѣ.

Фигуры остальныхъ мелкихъ звѣрей и птицъ менѣе интересны. Прежде всего нужно отмѣтить, вслѣдъ за О. Falke, наличіе собакъ, не встрѣчающихся на сасанидскихъ памятникахъ, и, наоборотъ, весьма распространенныхъ на поздне эллинистическихъ тканяхъ Египта. Скачущія по сторонамъ большого листа внизу собаки переданы въ типичной для поздне-эллинистическаго искусства забавной или комической манерѣ. Верхняя пара собакъ, кусающихъ оленя, украшена на ошейникахъ сасанидскими лентами. Фигуры пятнистыхъ оленей вполнѣ соотвѣтствуютъ оленямъ на серебряномъ сасанидскомъ блюдѣ Національной Библіотеки въ Парижѣ[4] и на рельефѣ въ Такъ и Бостанѣ.[5]

Пара стоящихъ около дерева звѣрковъ, повидимому зайцевъ, отличается тѣмъ же комическимъ характеромъ и имѣетъ ближайшую аналогію въ парныхъ фигуркахъ зайцевъ на шелковой ткани изъ Антинои (датированной О. Falke VI вѣкомъ).[6] Птицы въ вѣтвяхъ соотвѣтствуютъ чрезвычайно распространенному и обратившемуся даже въ орнаментальную схему[7] въ поздне-эллинистическомъ искусствѣ сюжету, изображающему птицъ, скачущихъ въ вѣтвяхъ винограда. Фигуры птицъ внизу и размѣщеніе по свободному пространству растеній, цвѣтовъ и кустовъ весьма близки къ построенію узора на ватиканской ткани, которую О. Falke приписываетъ византійской работѣ VI—VII вѣка.[8] Главной же точкой сходства обоихъ узоровъ представляется изображеніе пальмы въ центрѣ съ такимъ же добавленіемъ виноградныхъ листьевъ внизу. Пальма и на кельнской и, особенно, на пражской ткани представлена въ далекой отъ реальности орнаментальной трактовкѣ, столь характерной для начинающагося средневѣковаго искусства. Пожалуй, пальма на кельнской ткани сохраняетъ еще нѣкоторые слѣды попытки передать форму дерева съ особеннымъ чешуйчатымъ стволомъ и висящими у ствола гроздьями плодовъ, которые по незнанію ис-

[1]) Шелковыя ткани изъ Антинои: О. Falke, рис. 49, 50 и E. Guimet, Les portraits d'Antinoé, рис. стр. 6, табл. V, VI.

[2]) См. золотой браслетъ Аму-Дарьинскаго клада: O. Dalton, Treasure of the Oxus (second ed.) таб. I, таб. V, F. Sarre, Die Kunst des alten Persien, рис. 50.

[3]) См. золотыя бляхи изъ Эрмитажа: И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія Древности III, рис. 46, 50, 62, 63, 75; Я. И. Смирновъ, Восточное Серебро, таб. III рис. 14 и особенно „скиѳская" бронза изъ сѣвернаго Китая: M. Rostovtzeff, L'Art chinois de l'Epoque de Han, Revue des Arts Asiatiques, № 3, 1924, рис. 2 и 3.

[4]) Я. Смирновъ, Вост. Серебро, № 59.

[5]) См. F. Sarre «Die Kunst des alten Persien», «Die Kunst des Ostens» Berlin 1923, таб. 87.

[6]) J. Lessing, табл. 1 a.

[7]) M. Dimand, Die Ornamentik der Ägyptischen Wollwirkereien, стр. 48 и слѣд., табл. XIII рис. 45 и 46. A. Kendrick. Catalogue of Textiles from byz. gr. in Egypt I, рис. 135, 136, 112, 111. Таб. XXIII.

[8]) O. Falke, рис. 90.

полнявшаго рисунокъ обратились въ виноградную кисть. Все же дерево очень далеко отъ реалистическихъ изображеній пальмы на памятникахъ ахеменидской Персіи.[1] Виноградный листъ, поставленный внизу подъ деревомъ, не можетъ дать указаній на то или другое — персидское или эллинистическое — происхожденіе узора. Возникшій, вѣроятно, среди растительнаго орнамента эллинистическаго міра и сохранившійся въ разныхъ видахъ на поздне-эллинистическихъ александрійскихъ и коптскихъ тканяхъ Египта,[2] виноградный листъ вошелъ въ орнаментъ равно и въ сасанидской Персіи и въ Византіи. Почти одновременно мы встрѣчаемъ его въ рельефномъ фризѣ Такъ и Бостана[3] и на стѣнахъ св. Виталія въ Равеннѣ.[4]

Однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ въ пользу сирійскаго, александрійскаго или византійскаго происхожденія ткани съ Бахрамомъ считаютъ орнаментацію круга, обрамляющаго сцену охоты. Узоръ узкихъ крайнихъ полосокъ не представляетъ ничего характернаго и весьма обыченъ на ранне-византійскихъ шелковыхъ тканяхъ. Узоръ въ видѣ жгута или плетенія двухъ лентъ можетъ быть указанъ въ томъ или другомъ видѣ на безчисленномъ количествѣ гобеленовыхъ тканей Египта. Особенно часто встрѣчается онъ въ видѣ тонкой вышивки на пурпурныхъ узорахъ. Орнаментъ этотъ уходитъ своими корнями въ древне-месопотамскую культуру.[5] Главный интересъ орнаментаціи круга заключается въ средней, широкой полосѣ, украшенной узоромъ изъ ряда сердцевидныхъ цвѣтовъ съ парными листиками по бокамъ. Въ основѣ этого орнамента, по мнѣнію O. Falke, лежитъ египетскій принципъ размѣщенія на средней оси ряда лотосовыхъ цвѣтовъ съ отходящими парными бутонами по сторонамъ. Какъ ближайшій прототипъ приведенъ орнаментъ колонны изъ храма въ Дендера, относящійся уже къ римскому времени (I—II вѣка по Р. X.). По весьма удачной догадкѣ O. Falke, сердцевидный цвѣтокъ, образующій основную единицу узора, представляетъ ничто иное, какъ боковой видъ четырехлепестковаго цвѣтка, который въ такомъ исключительномъ количествѣ встрѣчается на поздне-эллинистическихъ тканяхъ Египта.

J. Strzygowski предлагаетъ считать мѣстомъ возникновенія сердцевиднаго орнамента — Иранъ или Месопотамію.[6]

Если разсматривать отдѣльно: 1) основную схему узора, 2) содержаніе или формальное выраженіе и 3) характеръ выраженія или манеру выполненія, то оба мнѣнія могутъ показаться по своему правильными. Несомнѣнно, что въ основѣ узора средней полосы на всѣхъ трехъ тканяхъ лежитъ построенный на средней оси рядъ сердецъ — это основная схема узора.

Рядъ сердецъ на одной оси находимъ на цѣломъ рядѣ памятниковъ Персіи и Египта.

---

1) Ахеменидскія печати, см. A. Furtwängler, Die antiken Gemmen I, таб. I 10, 11, 13.

2) Ткань К. G. M. въ Берлинѣ, Lessing 1c 14b, 18, Falke рис. 32.

3) F. Sarre, Die Kunst des alten Persien, рис. 92.

4) A. Colasanti, L'art Byzantin en Italie, табл. 16. — Ткань въ Sens'ѣ — Falke II рис. 233.

5) M. Dimand, Die Ornamentik der ägyptischen Wollwirkereien. Leipzig 1924, предполагаетъ хеттское — малоазійское происхожденіе жгута и плетенки (стр. 43).

6) J. Strzygowski. Seidenstoffe aus Ägypten im Kaiser Friedrich Museum. Jahrbuch der K. Preus. Kunstsammlungen. 1903, стр. 152.

Персія.

1) Черепокъ изъ Tépe Moussian около Сузъ. Mémoires publiées sous la direction de J. de Morgan. Tome VIII, стр. 94. Paris 1905.

Сасанидская Персія.

1) Сасанидское блюдо, найденное въ Пермской губерніи, Эрмитажъ. Я. Смирновъ, Вост. Серебро, 94.
2) Сасанидское блюдо, найденное въ Пермской губерніи, собраніе Строганова. Я. Смирновъ, Вост. Серебро, 60.
3) Сасанидское блюдо, найденное въ Вятской губ., Эрмитажъ. Я. Смирновъ, Вост. Серебро, 90.
4) Сасанидскій кувшинъ, найденный въ Харьковской губерніи, собраніе Строганова. Я. Смирновъ, Вост. Серебро, 80.
5) Сасанидскій кувшинъ, найденный въ Пермской губерніи, Эрмитажъ. Я. Смирновъ, Вост. Серебро, 88.
6) Поздне-сасанидское блюдо, найденное въ Вятской губерніи, Эрмитажъ. Я. Смирновъ, Вост. Серебро, 48.
7) Бронзовый кувшинъ, собраніе Половцева. F. Sarre, Die Kunst des alten Persien, 133.
8) Бронзовая лохань, собраніе F. Martin. F. Sarre, Die Kunst des alten Persien, 131.
9) Шелковая ткань Ватиканскаго музея. J. Lessing, табл. 21, O. Falke, рис. 98.

Египетъ.

1) Серебряная ваза изъ Загазига (конецъ XIX династіи). Maspero, Essais sur l'Art Égyptien, рис. 67, Le trésor de Zagazig, Revue de l'Art ancien et moderne, 1908.
2) Фризъ въ катакомбахъ Александріи (I в. по Р. Х.). E. Sieglin, Die Nekropole von Kom-esch-Schukâfa. Ausgrabungen in Alexandria. Expedition Ernst Sieglin. Leipzig 1908. Табл. XXVI—XXVII.
3) Стеклянный кубокъ изъ Каира (III вѣкъ по Р. Х.), K. Fr. Mus. O. Wulff, Altchristl. und mittelalt. byzant. und ital. Bildwerke, III, 1, табл. LVIII (№ 1195), Berlin 1915.
4) Коптскія стелы Британскаго музея №№ 714 и 1257.[1]
5) Коптскія стелы Каирскаго музея №№ 8508 и 8676, изданы у W. Crum, Coptic Monuments, Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire, томъ IV, табл. XIX и XLVIII, Каиръ 1902.
6) Коптская стела изъ Луксора. K. Fr. Museum, № 81 (VI—VII в. в.) O. Wulff. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke III, 1, рис. 81, стр. 37, тамъ же №№ 91, 279.
7) Рѣзной деревянный ящикъ Каирскаго музея, № 7211 (600 года). J. Strzygowski, Koptische Kunst. Catal. général des antiq. égypt.... томъ XII. Вѣна 1904, рис. 266.
8) Глиняный свѣтильникъ (K. Fr. Museum) IV—V вѣка, см. Wulff, op. cit. № 1253.

Поздне-эллинистическіе памятники Рима и др.:

1) Серебряный треножникъ Національнаго музея въ Будапештѣ.
2) Серебряное блюдо Эсквилинскаго клада (Брит. Музей) IV—V вѣка по Р. Х.[2]
3) Роспись въ катакомбѣ Каллиста (III вѣка). J. Wilpert, Die Malereien der Katakomben Roms. табл. 51.

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что на коптскихъ стелахъ схематизованные лавровые вѣнки иногда имѣютъ такой рисунокъ, что могутъ быть приняты за рядъ входящихъ другъ въ друга сердецъ. См. Коптская стела Британскаго музея 1925, II—9, 1, тоже на крышкѣ Эсквилинскаго ларца.

[2]) O. M. Dalton. Catalogue of early christian antiquities, British Museum. London 1901.

1.

2.

Орнаментъ изъ сердецъ слѣдуетъ отличать отъ очень близкаго по первому впечатлѣнію, но совершенно отличнаго по существу орнамента, образованнаго какъ бы повтореніемъ въ зеркальномъ отраженіи узорной полоски „бѣгущей волны“.[1] Тотъ же орнаментъ изъ ряда сердецъ встрѣчаемъ на многочисленныхъ гобеленовыхъ и шелковыхъ тканяхъ Египта[2]:

1) Ткани изъ Антинои въ Musée Guimet (Парижъ) №№ 125, 260, 263, 264, 315, 358, 401, 499, 529, 562, 758, 813, 1248 (большинство не издано и не датировано).
2) Ткань изъ Musée Cluny (Парижъ), фотогр. Alinari № 25443.
3) Ткань изъ Musée des Arts Décoratifs (Парижъ) — не издана.
4) Ткань изъ Британскаго музея № 43049 (не издана).
5) Ткань изъ Ахмима въ Victoria and Albert Museum, инв. № 644. Описана въ Kendrick-Cat. №№ 32 и 647.
6) Ткань изъ Musées Royaux des Arts Décoratifs (Брюссель). См. I. Errera, Collection d'anciennes étoffes égyptiennes, рис. 29, 30 и рис. 43 — ткань изъ Антинои, погребеніе „вышивальщицы Евфеміанъ“ (?) изъ раскопокъ Gayet (вѣроятно III или IV вѣка).
7) Ткань изъ собранія Эрмитажа, издана у В. Бока: О Коптскомъ искусствѣ, Труды VIII Археологич. съѣзда въ Москвѣ. Москва 1897.
8) Ткани изъ Вѣнскаго Художественно-промышленнаго Музея №№ 634 и 668 (не изданы).
9) Ткани изъ K. Fr. Museum (Берлинъ) № 6235, изданы у Wulff-Volbach, стр. 20, табл. 51 (IV вѣка) и № 9113 стр. 20, табл. 78 (IV—V вѣка).

Шелковыя ткани изъ Египта.

1) Ткань изъ Антинои (находится въ Ліонѣ, въ музеѣ тканей), издана у O. Falke, рис. 40 (V—VI вѣкъ) и Guimet, Les portraits d'Antinoé au Musée Guimet, табл. VII.
2) Ткань изъ Антинои (находится въ Аахенѣ), издана у O. Falke, рис. 43 (VI вѣкъ).
3) Ткань изъ Антинои (находится въ ризницѣ собора въ Sens), издана у O. Falke, рис. 46 (V—VI вѣкъ).
4) Ткань изъ Ахмима, издана у O. Falke, рис. 65 ((VI—VII вѣка).
5) Шелковая ткань (Musées Royaux des Arts Décoratifs), опуб. I. Errera, Collection d'anciennes étoffes égyptiennes № 337 (VII—VIII вѣкъ).

Простѣйшее измѣненіе сердцевидной геометрической формы въ растительную выражается въ добавленіи двухъ расходящихся угломъ зеленыхъ листиковъ, между которыми зажатъ сердцевидный лепестокъ. Геометрическая форма сердца пріобрѣтаетъ такимъ образомъ растительное значеніе и осмысливается какъ цвѣтокъ или бутонъ извѣстнаго и особенно распространеннаго въ Египтѣ и Сиріи[3] краснаго тетрафила.

Пріемъ составленія растительнаго орнамента путемъ соединенія однихъ и тѣхъ же цвѣтовъ, изображаемыхъ то сверху, то сбоку, извѣстный еще въ орнаментикѣ древняго Египта, находимъ и на поздне-эллинистическихъ тканяхъ[4] и на мозаикахъ Латеранской капеллы (461—468 гг.).[5]

---

[1]) Kendrick 307, Бокъ 25 и Мозаика цр. Галлы Плацидіи въ Равеннѣ, Wilpert Rom. Mos. III, рис. 48, 49.

[2]) Не перечисляю многочисленные примѣры отдѣльныхъ сердецъ, вытканныхъ преимущественно цвѣтной шерстью.

[3]) Cumont.

[4]) Смотри двѣ ткани изъ K. Fr. Museum въ Берлинѣ №№ 9230, 9232. Wulff-Volbach, табл. 44—45.

[5]) См. J. Wilpert, Die römischen Mosaiken und Malereien, III, табл. 87.

Рис. 1. Узоръ гобеленовой ткани изъ Лу-лана.

Самый ранній примѣръ использованія сердца въ растительномъ орнаментѣ можно указать на глиняномъ кувшинѣ изъ Каппадокіи (Лувръ, Coll. Chantre), относимомъ къ V—III в. до Р. Х.

Сердце, трактованное какъ цвѣтокъ или растеніе, получило особенное распространеніе въ орнаментаціи поздне-эллинистическихъ гобеленовыхъ тканей Египта. Сердцевидный лепестокъ или бутонъ обычно имѣетъ зональное дѣленіе съ тремя тонами — бѣлымъ, розовымъ и краснымъ. Боковые листки обычно зеленые. Впервые мы находимъ этотъ орнаментъ на очень любопытной гобеленовой ткани, повидимому, египетскаго происхожденія, найденной A. Stein'омъ въ Лу-ланѣ и относящейся ко времени не позже III вѣка по Р. Х.[1] Узоръ нѣсколько геометризованный (рис. 1) — боковые листки кончаются внизу спиралями, и растительная форма его вскрывается съ трудомъ. Ниже приведенный рядъ тканей съ узоромъ изъ сердцевидныхъ цвѣтовъ расположенъ приблизительно въ хронологическомъ порядкѣ, съ сохраненіемъ датировокъ издававшихъ ихъ авторовъ.

1) Гобеленовая ткань изъ Антинои (находится въ Aegyptische Abteilung, Neues Museum, Берлинъ), издана у Wulff-Volbach, табл. 23 № 14252, IV—V вѣка.
2) Гобеленовая ткань (Victoria and Albert Museum, Лондонъ, 2147/288), описана въ Kendrick Cat. I, 288 (не воспроизведена), V вѣка.
3) Гобеленовая ткань (K. Friedr. Museum, Берлинъ), издана у Wulff-Volbach, табл. 46, № 4644, V—VI вѣка.
4) Гобеленовая ткань (Victoria and Albert Museum, Лондонъ) описана въ Kendrick Cat. II 349 (не воспроизведена), V—VI вѣка.
5) Гобеленовая ткань (Британскій музей, Лондонъ, № 17176). Не издана. (Рис. 2.)
6) Гобеленовая ткань (Museum für Völkerkunde, Берлинъ, № 9687). Не издана. (Рис. 3).
7) Гобеленовый узоръ на розовой ткани такъ называемой „Сабины“ изъ Антинои (Musée Guimet, Парижъ, № 1230. Ткань издана у R. Pfister'a, La Décoration des Étoffes d'Antinoë, Revue des Arts Asiatiques 1928, табл. I, но концы узорныхъ угольниковъ, на которыхъ помѣщенъ сердцевидный лепестокъ, не воспроизведены). IV в.
8) Гобеленовая ткань (K. Fr. Museum, Берлинъ), издана у Wulff-Volbach, табл. 17, № 9221, датиров. V—VI в.
9) Гобеленовая ткань (K. Fr. Museum, Берлинъ), издана у Wulff-Volbach, табл. 46, № 9225. V—VI вѣкъ.
10) Гобеленовыя ткани изъ Антинои (Musée Guimet, Парижъ) №№ 53, 49, 63, 226, 233, 274, 1022. Не изданы.
11) Узоръ на каймѣ кафтана одного изъ лѣвыхъ вожаковъ слона на извѣстномъ рельефѣ, изображающемъ охоту Хозроя II на кабановъ въ Такъ и Бостанѣ (слѣпокъ въ Луврѣ). Издана у F. Sarre, Die Kunst des Alten Persien, рис. 88.
12) Гобеленовая ткань (Victoria and Albert Museum, Лондонъ), издана въ Kendrick Cat. II, 342. V вѣкъ (см. рис. 4).
13) Гобеленовая ткань изъ Ахмима (Victoria and Albert Museum, Лондонъ), издана въ Kendrick Cat. III, 642. VI—VII в.
14) Гобеленовая ткань (K. Friedr. Museum, Берлинъ) съ узоромъ, аналогичнымъ № 13, издана у Wulff-Volbach, табл. 104 № 6938. VI—VII вѣкъ.
15) Гобеленовая ткань (Victoria and Albert Museum, Лондонъ), издана въ Kendrick Cat. III, 621. VI—VIII в.[2]

---

[1]) A. Stein. Innermost Asia III, табл. XXXI (LC. V, 02a), стр. 230, 255.

[2]) Узоръ на перечисленныхъ тканяхъ №№ 13, 14, 15 представляетъ, по всей вѣроятности, подражаніе узору болѣе раннихъ шелковыхъ тканей.

Шелковыя ткани:

16) Шелковый клавъ изъ Ахмима (Victoria and Albert Museum, Лондонъ), издана въ Kendrick Cat. III, 795. VI вѣкъ.
17) Шелковая ткань изъ Ахмима (Kunst Gew. M., Берлинъ), издана у J. Lessing, табл. 3b.
18) Шелковый клавъ (музей въ Крефельдѣ), издана у O. Falke рис. 63. VII вѣкъ.
19) Шелковая ткань изъ Ахмима (Victoria and Albert Museum, Лондонъ), издана въ Kendrick Cat. III, 800. VI вѣкъ.
20) Шелковыя вышивки (Victoria and Albert Museum, Лондонъ), Kendrick Cat. III, №№ 778, 781, 782. VII—VIII в.
21) Шелковая ткань изъ Маастрихта, изданная у J. Lessing, табл. 23c (около 1000 года).

Наконецъ, наиболѣе усложненная форма того же орнамента появляется впервые на группѣ шелковыхъ тканей, по всей вѣроятности, александрійскаго или, можетъ быть, сиро-египетскаго происхожденія, относимой обычно къ VI вѣку. Рядъ сердцевидныхъ цвѣтовъ заполняетъ круглую или овальную раму медальоновъ, внутри которыхъ чаще всего изображены фигуры парныхъ всадниковъ. Позднѣе, уже, повидимому, подъ вліяніемъ шелковыхъ образцовъ, этотъ же орнаментъ появляется на поздне-коптскихъ клавахъ и кругахъ, датируемыхъ VI—VIII вѣками. Кромѣ двухъ листковъ, между которыми зажатъ сердцевидный лепестокъ, добавлена еще пара отходящихъ бутоновъ или листьевъ. По всей вѣроятности, какъ предположилъ O. Falke, это усложненіе находитъ свое объясненіе въ древне-египетскомъ орнаментѣ изъ цвѣтовъ и бутоновъ лотоса. Своеобразная изогнутая форма добавочныхъ боковыхъ почекъ или листковъ, столь характерная для ранне-средневѣковаго и сасанидскаго орнамента, перешедшая позже въ такъ называемые „огурцы“ поздне-персидскихъ тканей и ковровъ, не находитъ до настоящаго времени *исчерпывающаго объ*ясненія и представляетъ весьма интересный вопросъ въ исторіи орнамента. Въ одной изъ своихъ начальныхъ формъ этотъ изогнутый бутонъ появляется уже въ орнаментаціи ассирійской поливной керамики.[1]

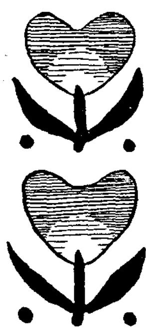

Рис. 2. Узоръ гобеленовой ткани изъ Египта (Брит. Муз.).

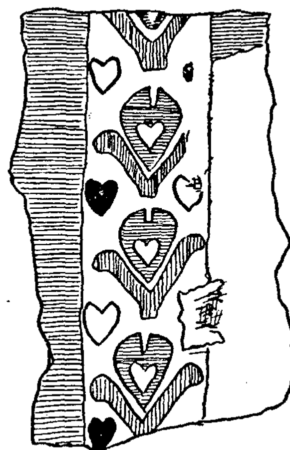

Рис. 3. Гобеленовая ткань (M. f. Völkerkunde, Berlin).

Рис. 4. Узоръ гобеленовой ткани (Victoria and Albert Museum).

На всѣхъ трехъ тканяхъ съ изображеніемъ Бахрама цвѣточный узоръ круговъ — одинъ и тотъ же.

Сердцевидный лепестокъ, сохраняющій дѣленіе на три зоны,[2] зажатъ между расходящимися подъ острымъ угломъ ростками, отъ которыхъ отходятъ внизъ парные листочки, имѣющіе тоже сердцевидную, нѣсколько изогнутую форму. Внизу цвѣтокъ опирается на маленькое сердце, раздѣленное пояскомъ, которое

[1]) W. Andrae, Assur farbige Keramik. Berlin 1923, табл. 13 и 14.
[2]) Отвѣчающее, повидимому, переходу окраски лепестка отъ бѣлаго къ красному.

въ свою очередь входитъ въ углубленіе слѣдующаго большого сердцевиднаго цвѣтка. Начинается узоръ отъ нижней и верхней точекъ круга, гдѣ помѣщено по одному тетрафилу или кресту; на серединѣ круговъ помѣщена еще одна пара такихъ же крестовъ-тетрафиловъ, въ которые и упирается цвѣточный орнаментъ (см. рис. 1 таб. XX).

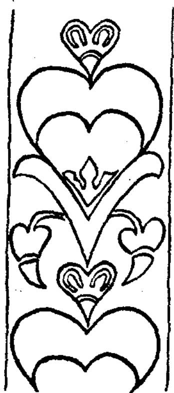

Рис. 5. Узоръ кельнской и пражской тканей.

По манерѣ исполненія узоръ на кельнской и пражской тканяхъ (см. рис. 5) лучше и тоньше, чѣмъ на миланской (см. рис. 6).

Среди извѣстныхъ намъ ранне-средневѣковыхъ тканей мы не находимъ совершенно точныхъ аналогій для разсматриваемаго нами узора, кромѣ, пожалуй, шелковой ткани, находящейся въ церкви св. Урсулы въ Кельнѣ,[1] гдѣ тотъ же узоръ сердцевидныхъ цвѣтовъ переданъ въ очень смятой и нечеткой формѣ, и ткани изъ K. F. Museum (Берлинъ).[2]

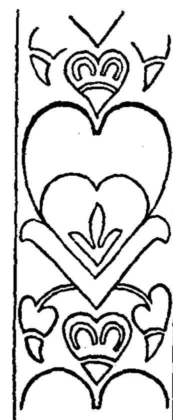

Рис. 6. Узоръ миланской ткани.

Зато мы знаемъ двѣ почти точныя аналогіи, если принять во вниманіе различіе фактуры на коптскихъ гобеленовыхъ тканяхъ, узорные круги которыхъ несомнѣнно подражаютъ болѣе раннимъ шелковымъ тканямъ.

Одна изъ нихъ находится въ Крефельдѣ и издана у O. Falke рис. 25, датирована VI—VII вѣкомъ, а другая съ тождественнымъ узоромъ въ Брюсселѣ и издана у I. Errera рис. 236 (VI—VII вв.) (см. рис. 7).

Рис. 7. Узоръ гобеленовой ткани изъ Крефельда.

Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, но по существу тотъ же самый узоръ представленъ еще на нѣсколькихъ шелковыхъ тканяхъ VI вѣка. Отличіе лишь въ положеніи боковыхъ листочковъ, повернутыхъ вверхъ и не свисающихъ книзу, и въ манерѣ исполненія.

Ближе всего, конечно, узоръ большихъ круговъ съ изображеніемъ квадриги на шелковой ткани, находящейся въ музеѣ Cluny въ Парижѣ и въ Аахенѣ (см. рис. 8)[3] и происходящей, вѣроятно, изъ Константинополя или Сиріи (O. Falke датируетъ ее VI вѣкомъ — «Ostrom»).

На другой ткани съ изображеніемъ квадриги, вѣроятно, александрійской работы (O. Falke, рис. 74), находящейся въ Брюсселѣ,[4] вѣнокъ расчлененъ на отдѣльные цвѣты, стоящіе на высокихъ, расширяющихся книзу ножкахъ,[5] отъ которыхъ отходятъ побѣги аканѳа.

Далѣе, тотъ же орнаментъ сердцевидныхъ цвѣтовъ во второмъ варіантѣ

---

[1]) J. Lessing табл. 9b.
[2]) Wulff-Volbach табл. 135 № 9289.
[3]) См. J. Lessing табл. 13 и O. Falke рис. 87.
[4]) J. Lessing табл. 11.
[5]) Появленіе этихъ ножекъ, по формѣ похожихъ на ножку чашки или рюмки въ узорахъ тканей, произошло подъ вліяніемъ древне-египетской орнаментальной традиціи.

появляется въ нѣсколько искаженной и дегенерированной формѣ на цѣломъ рядѣ коптскихъ гобеленовыхъ тканей VI—VII в.[1]

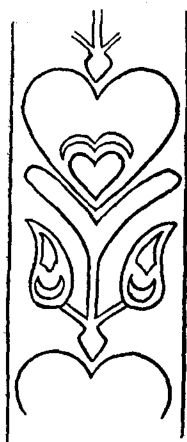

Рис. 8. Узоръ ткани изъ м. Cluny.

Въ еще болѣе усложненной формѣ находимъ сердцевидный орнаментъ круговъ на извѣстной Ватиканской ткани съ изображеніемъ Благовѣщенія и Рождества,[2] относимой O. Falke къ произведеніямъ александрійскихъ мастерскихъ первой половины VI вѣка (см. рис. 9).

Сердцевидные цвѣты исполнены въ 4 краски, имѣютъ въ общемъ ту же форму, но чередуются съ болѣе сложными трех- и четырехлепестковыми цвѣтами съ широкой чашечкой. Характерная форма боковыхъ листиковъ (два вида), похожихъ на загадочные цвѣты или плоды на шелковыхъ клавахъ и кругахъ изъ Ахмима,[3] датируемыхъ обычно VI вѣкомъ, повидимому зависитъ отъ сасанидской орнаментики и находитъ свою аналогію на извѣстной ватиканской ткани съ изображеніемъ пѣтуховъ,[4] на антинойской ткани съ крылатыми конями[5] (M. Guimet) и на узорѣ кафтана Хозроя II съ фигурами персидскихъ драконовъ[6] въ Такъ и Бостанѣ.

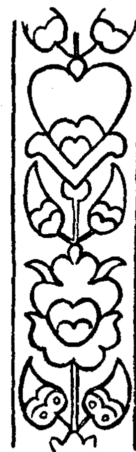

Рис. 9. Узоръ Ватиканской ткани.

Наличіе сасанидскаго элемента хотя само по себѣ и не доказываетъ позднее происхожденіе ткани, — такъ какъ проникновеніе сасанидскихъ мотивовъ въ орнаментацію египетскихъ тканей началось уже въ V или даже въ IV вѣкѣ,[7] — но все же можно предполагать, что болѣе простой узоръ на тканяхъ съ изображеніемъ Бахрама старше круговъ Ватиканской ткани. Остается вопросъ о тетрафилахъ или крестахъ, крестообразно расположенныхъ на узорныхъ кругахъ. Неясно, скрывается ли въ нихъ христіанское значеніе, или же это — обычный орнаментальный мотивъ. Въ доказательство христіанскаго истолкованія можно привести подобную же орнаментацію сердцами крестовъ на коптскихъ стелахъ.[8] Прямолинейный рисунокъ крестовъ тоже не совсѣмъ обыченъ для тетрафиловъ, у которыхъ промежуточные листики имѣютъ либо ланцетовидную, либо расширяющуюся

---

[1]) См. O. Falke рис. 24. Kendrick Cat. рис. 623, Wulff-Volbach табл. 104 №№ 6938, 6943, 6936, табл. 105 № 4679, табл. 107 № 2235.

[2]) См. J. Lessing табл. 6, O. Falke табл. 68.

[3]) См. O. Falke рис. 59, 60, Kendrick Cat. III №№ 798, 800, Wulff-Volbach табл. 134 № 9257

[4]) J. Lessing табл. 21. O. Falke рис. 98.

[5]) E. Guimet. Les portraits d'Antinoé, pl. V. O. Falke рис. 49.

[6]) Это удивительное чудовище, соединяющее въ себѣ тѣло льва, голову дракона и хвостъ павлина, создалось, вѣроятно, по образцу и типу вавилонскихъ сложныхъ знаковъ Зодіака. Единственный промежуточный памятникъ — золотая пластинка Семибратнаго кургана (И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности II, рис. 103). Вѣроятно, именно это чудовище греки называли „ἱππαλεκτρυών", когда говорили объ узорахъ на персидскихъ тканяхъ (Hesychii Alex. Lexicon II, стр. 364. Аристофанъ, Лягушки 936—938. Ф. Розенберг, Аристофан о персидских тканях. Вост. Зап. I. 1927).

[7]) R. Pfister. La décoration des étoffes d'Antinoë. Revue des Arts Asiatiques 1928.

[8]) Crum. Coptic Monuments. Cat. Gén. des Antiq. Egypt. du Musée du Caire IV, №№ 8495, 8510, 8511.

къ концу форму. Повторяю, что вопросъ этотъ остается неразрѣшеннымъ, но отъ него зависитъ истолкованіе креста между задними ногами львовъ.

Разсмотрѣніе орнаментаціи ткани слѣдуетъ закончить сложной розеткой, заполняющей промежутки между кругами. Здѣсь опять выступаетъ сасанидская Персія. Близкія по рисунку розетки мы можемъ указать: на весьма интересной ткани изъ Nara въ Японіи, сдѣланной, вѣроятно, въ Китаѣ въ VII вѣкѣ и, несомнѣнно, подражающей сасанидскому оригиналу,[1] и на шелковой ткани того-же сасанидо-китайскаго типа, найденной В. Радловымъ въ курганѣ на Катандѣ.[2] Нѣкоторое неполное сходство имѣютъ промежуточныя розетки на Ахмимской ткани съ амазонками въ K. G. M. въ Берлинѣ.[3]

Указываемая выше двойственность стиля — сасанидскій сюжетъ, съ одной стороны, и эллинистическія черты въ манерѣ исполненія и въ орнаментикѣ, съ другой — замѣчалась уже давно и вызывала сомнѣнія при опредѣленіи происхожденія трехъ разбираемыхъ тканей.

Fr. Bock, описывая пражскую ткань,[4] предполагалъ, что она могла быть сдѣлана въ Персіи, но что вѣроятнѣе ея византійское происхожденіе.

A. Schnütgen, издавшій впервые ткань Св. Куниберта,[5] опредѣлялъ ее какъ персидскую или византійскую VI вѣка.

J. Lessing[6] считалъ, что миланская и кельнская ткани — византійское воспроизведеніе сасанидскаго оригинала.

A. Venturi предполагаетъ восточное, сасанидское происхожденіе миланской ткани.[7]

O. Falke, впервые давшій подробный анализъ узора кельнской ткани, считаетъ, что ткань была сдѣлана въ Византіи или, еще вѣроятнѣе, въ Сиріи около 600 годовъ подъ сасанидскимъ вліяніемъ.[8]

Ch. Diehl[9] относитъ миланскую и кельнскую ткани къ византійскимъ подражаніямъ VI вѣка сасанидскимъ образцамъ.

Н. П. Кондаковъ считалъ, что ткань Св. Куниберта — произведеніе александрійскихъ мастерскихъ.[10]

Въ общемъ, большинство изслѣдователей сходится на предположеніи, что ткань съ Бахрамомъ была сдѣлана на западѣ — въ Византіи, Сиріи или Египтѣ въ подражаніе сасанидскому оригиналу. Въ доказательство обычно приводится поздне-эллинистическій или александрійскій характеръ орнаментаціи круговъ.

¹) J. Lessing табл. 30. O. Falke рис. 110.

²) A. Zakharov, Antiquities of Katanda (Altai). Journ. of Roy. Anthrop. Inst. 1925.

³) J. Lessing табл. 10b.

⁴) Fr. Bock, Evangelienbuch aus dem IX Jahrh. im Prager Domschatz. Mittheil. d. k. k. Centr. Com. Wien 1871, XVI, стр. 102 слѣд.

⁵) A. Schnütgen. Neuentdecktes Sasaniden Gewebe in St. Kunibert zu Köln. Zeitschr. f. Christl. Kunst, стр. 225—228, табл. V, Düsseldorf 1898.

⁶) J. Lessing, Die Gewebe-Sammlung des K. Kunstgewerbe-Museum, табл. 15, 16, 17. Berlin 1900.

⁷) A. Venturi, Storia dell' Arte Italiana I, 1901.

⁸) O. Falke, loc. cit.

⁹) Ch. Diehl, Manuel d'art byzantin, Paris 1925.

¹⁰) Н. П. Кондаковъ. Очерки и замѣтки по исторіи средневѣковаго искусства и культуры. Прага 1929. Стр. 243. N. P. Kondakov, Les Costumes orientaux à la Cour Byzantine, стр. 24. Byzantion, tome I.

Едва ли вполнѣ основательно признавать наличіе поздне-эллинистическаго орнамента въ сасанидскихъ памятникахъ за доказательство ихъ западнаго — византійскаго происхожденія. Самый смыслъ изображенія, его размѣры и расцвѣтка свидѣтельствуютъ скорѣе о персидскомъ происхожденіи, а наличіе эллинистическаго элемента можетъ объясняться тѣмъ, что ткачи, исполнявшіе персидскій заказъ, были воспитаны въ сферѣ эллинистической культуры. Дѣйствительно, сохранились письменныя извѣстія о перенесеніи ткацкихъ мастерскихъ изъ Сиріи въ Персію, побудившія уменьшать или даже отрицать наличіе въ Персіи мѣстной ткацкой промышленности.

Стѣнныя росписи буддійскихъ пещеръ въ Китайскомъ Туркестанѣ и отдѣльныя находки тканей въ могильникахъ центральной Азіи свидѣтельствуютъ о распространеніи сасанидскихъ тканей и сасанидскихъ мотивовъ далеко на востокъ. Даже Китай, обладавшій исключительной по размѣрамъ и качеству ткацкой промышленностью, имитировалъ сасанидскіе узоры. Вліяніе сасанидскаго стиля сказывается на тканяхъ Египта начиная съ V вѣка; въ Сиріи, вѣроятно, еще раньше, но характеръ орнаментаціи сирійскихъ тканей мы, пока, знаемъ очень мало. Съ побѣдой ислама сасанидскій стиль утверждается въ Сиріи и Египтѣ.[1] Въ VIII и X вѣкѣ сасанидская орнаментація переживаетъ новый расцвѣтъ въ подражаніяхъ византійскихъ ткачей.

Такое широкое распространеніе сасанидскаго ткацкаго узора не могло бы произойти безъ наличія громадной ткацкой промышленности, поставлявшей ткани почти на весь кочевой міръ Азіи. Развитіе же художественной промышленности и созданіе своего сасанидскаго стиля въ тканяхъ не могло осуществляться въ Персіи только руками плѣнныхъ сирійцевъ.

Но какъ и всякій другой культурный міръ, какъ и Римъ въ свое время, Персія втягивала въ себя художниковъ и ремесленниковъ извнѣ и приспосабливала ихъ техническіе пріемы для выполненія своихъ художественныхъ задачъ.

Первое извѣстное намъ массовое переселеніе сирійскихъ (арамейскихъ) ремесленниковъ въ Персію произошло при Шапурѣ II, около 360 года. Въ короткомъ сообщеніи Табари говорится, что Шапуръ поселилъ плѣнныхъ ромеевъ въ Сузахъ и Хорасанѣ.[2] У Масуди сказано болѣе опредѣленно, что Шапуръ переселилъ жителей Амиды въ Сузы, Шуштаръ и другіе города Ахваза (Сузіана), и что съ этого времени началось производство „шуштарской парчи“ и другихъ шелковыхъ тканей и ковровъ.[3]

Второе переселеніе сирійцевъ, въ частности жителей Антіохіи, произошло при Хозроѣ I, взявшемъ Антіохію въ 540 году. Для плѣнныхъ сирійцевъ вблизи Ктезифона былъ построенъ городъ, напоминавшій своимъ планомъ и постройками Антіохію, называвшійся оффиціально Антіохія Хозроя. Плѣнники содержались съ большой заботливостью, получали отъ казны жалованье, и для нихъ были выстроены бани и ристалища.[4] Прокопій сообщаетъ, что плѣнные си-

[1]) E. Herzfeld. Am Tor von Asien, стр. 123.

[2]) Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber, стр. 59.

[3]) Maçoudi. Les prairies d'or. Изд. Barbier de Meynard II, стр. 186. Herzfeld. Am Tor von Asien, стр. 123.

[4]) См. Табари: Th. Nöldeke, Gesch. d. Perser u. Araber, стр. 165 и 239, 240. Прокопій.

рійцы назывались царскими и подчинялись непосредственно царю. Свидѣтельство Прокопія и Табари не оставляетъ сомнѣнія, что по приказанію Хозроя около Ктезифона былъ созданъ изъ сирійцевъ поселокъ царскихъ придворныхъ художниковъ и ремесленниковъ, работавшихъ спеціально для двора. Вѣроятно, что вмѣстѣ съ другими мастерами изъ Антіохіи были вывезены и ткачи.

Можно предположить, что три разбираемыхъ нами ткани съ изображеніемъ Бахрама V были сдѣланы въ придворной мастерской новой „Антіохіи". Тогда становится понятнымъ сочетаніе сасанидской темы съ поздне-эллинистическимъ характеромъ исполненія.

Если предположеніе наше правильно, то время изготовленія тканей можно опредѣлить первымъ десятилѣтіемъ существованія новой придворной мастерской, когда еще плѣнные антіохійцы не утратили собственнаго стиля и не обратились по своимъ вкусамъ въ персовъ, — то есть середина VI вѣка.

Остается замѣтить, что изображеніе подвига Бахрама на ткани древнѣе дошедшей до насъ письменной передачи этого сюжета. Открытая E. Herzfeld'омъ фреска въ Самаррѣ представляетъ еще болѣе удивительный примѣръ предваренія литературной обработки сюжета. Если истолкованіе сцены правильно, то изображеніе рабыни съ быкомъ на плечахъ появляется въ живописи на четыре вѣка раньше первой литературной версіи этой исторіи Бахрама у Низами.[1]

Такъ же, какъ и другіе охотничьи подвиги Бахрама, эпизодъ со львомъ и онагромъ не умираетъ съ паденіемъ сасанидской державы. Какъ иллюстрація къ соотвѣтствующему мѣсту Шахъ-Намэ, сцена эта продолжаетъ жить въ персидской миніатюрѣ,[2] — но это уже выходитъ за предѣлы намѣченной темы.

Н. Толль.

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

Перс. войны II, 14. Интересно, что у Прокопія выгодность положенія плѣнныхъ переселенцевъ болѣе подчеркнута, чѣмъ у Табари.

[1]) E. Herzfeld. Die Malereien von Samarra, 1927, табл. LXIX.

[2]) Миніатюра Султана Мухаммеда въ персидской рукописи Британскаго Музея (Persian M. S. Or. 2265, f. 202b).

КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНІИ CODEX CUMANICUS

Такъ называемый Codex Cumanicus,[1] представляющій собою драгоцѣнный памятникъ половецкаго языка, не разъ уже подвергался изслѣдованію спеціалистовъ-филологовъ, но, какъ это и можно было ожидать, почти исключительно съ точки зрѣнія лингвистической.[2] Вопросы же, связанные съ мѣстомъ проис-

[1]) Изданъ графомъ Géza Kuun'омъ: „Codex Cumanicus bibliothecae ad templum Divi Marci Venetiarum", Budapestini, 1880. До этого частично былъ изданъ Клапротомъ „Vocabulaire latin, persan et coman d'après un *MS écrit en 1303, et provenant* de la *bibliothèque* du poète Fr. Petrarcha", въ „*Mémoires* relatifs à l'Asie, contenant des recherches historiques et philologiques sur les peuples de l'Orient, par M. J. Klaproth", t. IIIe, Paris 1828. Но и изданіе гр. Куна не можетъ считаться нынѣ удовлетворительнымъ. Перечень ошибокъ этого изданія см. въ статьѣ Emilio Teza „Un' altra Occhiata al „Codex Cumanicus" въ Rendiconti della R. Acead. dei Lincei, Cl. di Sc. *morali*, stor. e filol. VII, 1891 p. 315—327. За недоступностью для меня подлинной рукописи, хранящейся въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи, я пользовался изданіемъ гр. Куна.

[2]) Таковъ характеръ комментаріевъ Клапрота при упомянутомъ его изданіи Кодекса; въ обширномъ Prolegomena къ своему изданію, графъ Кунъ разбираетъ главнымъ образомъ вопросъ о происхожденіи и судьбѣ половецкаго народа; собственно Кодексу посвящены страницы *I—XIV, LXXXVII—CXXXIV и то исключительно исторіи рукописи и* филологическому разбору памятника. Далѣе см. В. Радловъ, О языкѣ Кумановъ (Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XLIII, прилож. № 4, 1884 г. и то же по-нѣмецки: W. Radloff: „Zur Sprache der Komanen" въ Intern. Zeitschr. für allgem. Sprachwissenschaft, t. I, S. 377—382, 1884; *t. II*, S. 13—42, 1885), W. Radloff: Bericht über die Ausgabe des Sprachmaterials des „Codex Cumanicus", Bulletin de l'Acad. des Sciences de St Petersbourg, t. XXXI, 1887; W. Radloff: Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus въ Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St Petersbourg, VII série, t. XXXV, n° 6, 1887; W. Bang: Zur Kritik des Codex Cumanicus, Louvain, 1910 (осталось для меня недоступнымъ); его же Beiträge zur Kritik des Codex Cumanicus въ *Bulletin* de la Classe des Lettres de l'Académie R. de Belgique, 1911, n° I, p. 13—40; его же Über den „Introitus natorum et nas-*citorum" in den Genueser Steuerbüchern*, тамъ же, 1912, n° I; его же Über das komanische TEIZMAGA und Verwandtes, тамъ же, 1913, n° I; C. Salemann: Zur Kritik des Codex Cumanicus, Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, VI серія, 1910 г. № 2, стр. 943—957; Frati Carlo: Versi *italiani* nel Codice Cumanico della Marcianna e Fr. Petrarka въ Il Libro e la Stampa, IV, 1910, p. 3—9 (извѣстна мнѣ лишь по изложенію ея содержанія у Bihl'a, см. ниже); Jan Grzegorzewski: Dzetacyzm perski „Kodeksu Kumańskiego", Rocznik Oryentalistyczny, I, Kraków, 1914—1915, str. 85—93 и французское резюме въ Bulletin того же Rocznik'a, I, 1914—1915, p. 1—2; А. Н. Самойлович: К истории и критике Codex Cumanicus, Доклады *Российской Академии Наук*, 1924, *стр. 86—89*; ср. еще P. Michael Bihl, O. F. M., Archivum Franciscanum Historicum, t. VII, 1914, p. 138—144, гдѣ дается обзоръ литературы Кодекса съ нѣкоторыми собственными замѣчаніями; статья S. Salaville, „Codex Cumanicus" въ Échos d'Orient t. XIV, 1911, p. 278—286, равно какъ и рецензіи на изданія Куна — P. Hunfalry, Der Kumanische oder Petrarca-Codex und die Kumanen

хожденія Кодекса, его назначенія и разборъ его со стороны историко-культурной почти не затрагивались филологами[1]; досадно, что и у историковъ и, въ частности, у историковъ торговли мы не видимъ разбора этого памятника. Francisque-Michel когда писалъ свои „Recherches sur le commerce, la fabrication et l'usage des étoffes de soie, d'or et d'argent... pendant le moyen âge" совсѣмъ не зналъ Codex Cumanicus[2]; Heyd въ своемъ обширномъ трудѣ „Histoire du commerce du Levant au moyen âge" оговаривается лишь, что въ Кодексѣ „effectivement, on y voit les noms d'une foule d'articles de commerce", и обѣщаетъ вернуться къ этому предмету въ Дополненіи,[3] но въ его Supplément почему-то Кодексъ такъ и остается непривлеченнымъ. J. Grzegorzewski обѣщалъ дать изслѣдованіе о происхожденіи и авторѣ Кодекса, но умеръ, не успѣвъ выполнить своего обѣщанія.[4] Наконецъ профессоръ Ясскаго Университета G. I. Brătianu въ недавно выпущенной имъ книгѣ «Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire an XIIIe siècle»,[5] касающемся какъ разъ исторіи торговли итальянцевъ въ сѣверномъ Причерноморьѣ, не остановился на разборѣ этого важнаго для его темы источника, удѣливъ Кодексу лишь нѣсколько фразъ.[6] Въ русской исторической литературѣ на Кодексъ, какъ на небезинтересный памятникъ для русской исторіи, было указано, насколько мнѣ извѣстно, лишь В. Г. Васильѣвскимъ,[7] ограничившимся, впрочемъ краткимъ, описаніемъ Кодекса и приведеніемъ ряда словъ изъ него, могущихъ быть заимствованными другъ у друга — русскими и тюрками, а нѣсколько позднѣе — Н. Дашкевичемъ.[8]

Такъ какъ за отсутствіемъ какихъ-либо иныхъ данныхъ, отвѣты на вопросы о мѣстѣ происхожденія памятника и его назначеніи надо искать лишь въ самомъ памятникѣ, то я прежде всего считаю необходимымъ дать описаніе его,

---

(Ungarische Revue, 1881, S. 602—632) и Desimonti (Archivo Storico Italiano. Firenze, 1881, t. VIII) не представляютъ ничего интереснаго. Отдѣльно надо отмѣтить работу венгерскаго ученаго J. Gyárfás: „A Pertrarka Codex kún nyelve" въ Értekezések a Történelmi Tudományok Köréből, X kötet. VIII zsám. Budapest, 1882, тщетно пытавшагося доказать „татарское" происхожденіе Кодекса въ угоду своей теоріи о мадьярскомъ происхожденіи кумановъ-половцевъ.

[1]) Единственное счастливое исключеніе — это разборъ назначенія Кодекса W. Bang'омъ въ упом. выше статьѣ Beiträge zur Kritik des Cod. Cum. въ Bulletin de l'Acad. de Belg., 1911, n° 1 въ Anhaenge I, p. 32—40 (объ этой статьѣ рѣчь будетъ ниже) и въ его же другой, дополняющей предыдущую, статьѣ „Uber die Herkunft des Cod. Cum." Sitzungsberichte d. Kgl. Preuss. Akad. der Wissensch. Philos.-hist.-Classe, 1913, 244—5.

[2]) Paris, 1852—1854, 2 vol.

[3]) Edition française, tome II, Leipzig, 1885 (переиздано безъ измѣненій въ 1923 г.), стр. 242 и пр. 4.

[4]) Ср. еще R. Rosler, Romänische Studien, 1871, S. 337—339 и O. Blau, Üeber Volksthum und Sprache der Kumanen, ZDMG, B. XXIX, 1875, — оба разбиравшіе Кодексъ, но не разсматривавшіе его со стороны историко-культурной.

[5]) Paris, 1929.

[6]) На стр. 231.

[7]) Византія и Печенѣги. Приложеніе I: О Куманскомъ (Половецкомъ) Словарѣ. Ж. М. Н. Пр. 1872, № 12 и въ трудахъ В. Г. Васильевскаго, изд. И. Ак. Наукъ, т. I, СПБ., 1908, стр. 118—122.

[8]) Рецензія на изданіе Кодекса гр. Куномъ. Кіевскія Университетскія Извѣстія 1882, № 4, стр. 147—151. Ни въ „Крымскомъ Сборникѣ" П. Кеппена (СПБ., 1837), ни въ статьѣ Ф. К. Бруна „О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи" (Записки Имп. Новороссійск. Ун., т. XXVIII), ни въ недавно вышедшей книжкѣ проф. Е. А. Загоровскаго, Очерк истории северного Причерноморья, часть I, Одесса, 1922, — нигдѣ не привлеченъ и не использованъ Кодексъ.

тѣмъ болѣе, что такого описанія не было произведено въ русской научной литературѣ.

Изъ описанія Кодекса, произведеннаго Куномъ, можно заключить, что Кодексъ представляетъ собою двѣ различныя тетради, лишь позже сшитыя вмѣстѣ. Вся первая тетрадь, повидимому, писалась одною рукою[1]; эта часть Кодекса была написана или переписана въ 1303 году и открывается такими словами:

MCCCIII die XI July.

In no[m]i[n]e d[omi]nj N[ost]ri ih[es]u xr[ist]i et B[ea]te Vi[r]gi[ni]s
Marie Mat[ri]s eius et om[n]ium S[an]c[t]orum et S[an]c[t]aram dei Amen.
Ad honorem dei et B[ea]ti Ioh[ann]is euangeliste.
In hoc libro co[n]ti[n]entur p[e]rsicum et coma[n]icum p[er] alfabetum.[2]

Далѣе начинается словарь изъ трехъ параллельныхъ колонокъ на трехъ языкахъ: латинскомъ, персидскомъ и куманскомъ (половецкомъ)[3]; эта часть заключаетъ въ себѣ глаголы съ образцами ихъ спряженій, имена существительныя, прилагательныя, мѣстоименія съ ихъ склоненіями, а также нарѣчія; глаголы вмѣстѣ съ именами существительными и отдѣльно нарѣчія записаны въ порядкѣ латинскаго алфавита первой, латинской колонки; этотъ алфавитный словарь заключаетъ въ себѣ, считая и производныя, около 1560 словъ; за нимъ слѣдуетъ другой, тоже трехъязычный словарь (ок. 1120 словъ), но слова въ послѣднемъ уже объединены по своему значенію въ группы, при чемъ каждая такая группа словъ имѣетъ свое заглавіе.[4] Латинская колонка варваризмомъ своего языка явно показываетъ на итальянское авторство этой части Кодекса и носитъ въ наукѣ названіе „итальянской“.

Вторая часть Кодекса начинается словаремъ половецко-нѣмецкимъ, который уже не носитъ на себѣ слѣдовъ систематизаціи первой части, а представляетъ собою безпорядочный наборъ словъ и цѣлыхъ фразъ самого разнообразнаго значенія; то же надо сказать и о дальнѣйшихъ подобныхъ словарныхъ глоссахъ половецко-латинскихъ и половецко-нѣмецкихъ; такъ же, какъ и въ первой части, и во второй — встрѣчаются грамматическія замѣтки по половецкому языку, но самымъ характернымъ для второй части Кодекса является священные христіанскіе тексты, какъ на половецкомъ языкѣ (въ латинской транскрипціи), такъ и въ двуязычныхъ латино-половецкихъ отрывкахъ, или, наконецъ, половецкіе тексты съ латинскимъ надстрочнымъ переводомъ.[5] Кромѣ того, вторая часть

---

1) G. Kunn, Prolegomena, стр. CXXVI.

2) Въ квадратныя скобки заключены раскрытые мною титлы.

3) Обѣ азіатскія колонкн — въ латинской транскрипціи.

4) Впрочемъ, далеко не всѣ слова латинской колонки имѣютъ переводъ на оба азіатскихъ языка: на 2680 словъ осталось безъ перевода около 200 словъ.

5) Впервые эти христіанскіе тексты изслѣдовалъ В. Радловъ въ „Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus“; затѣмъ E. Teza „Gli inni e le preghiere in lingua cumanica: revisione del codice veneziano“, Rendiconti delle sedute della R. Accademia dei Lincei, Classe di scienze morali, storiche e filologiche, 1891, стр. 586—596; въ послѣднее время ими спеціально занимается W. Bang: „Ueber einen Komanischen Kommunionshymnus“ (Bull. d. l. Classe des Lettres de l'Acad. R. de Belgique, 1910, nº 5, p. 230—239), Beiträge zur Erklärung des Komanischen Marienhymnus

содержитъ запись половецкихъ загадокъ.[1] Слѣдовъ персидскаго языка въ этой части нѣтъ, какъ нѣтъ и итальянизмовъ въ латинскомъ языкѣ. Эту часть Кодекса обычно называютъ нѣмецкой.

Въ палеографическомъ отношеніи, по описанію Куна, эта нѣмецкая часть не носитъ единства первой, итальянской части, и писана различными почерками; да и самая тетрадь эта не представляла чего-либо цѣльнаго, а состояла, въ свою очередь, изъ различныхъ самостоятельныхъ листовъ, лишь затѣмъ сшитыхъ вмѣстѣ.[2]

Такимъ образомъ первая и вторая части Кодекса представляютъ собою совершенно разные памятники, только впослѣдствіи сшитые вмѣстѣ.[3]

Вторая часть по своему происхожденію не представляетъ чего-либо загадочнаго или спорнаго, и изслѣдователи достаточно единодушно приписываютъ ея авторство нѣмецкимъ миссіонерамъ, проповѣдывавшимъ христіанство половцамъ въ причерноморскихъ степяхъ.[4] Очень возможно, что это были францисканцы, судя по упоминанію въ молитвахъ св. Франциска.[5] Гдѣ-то тамъ же, въ

(Nachr. des K. Ges. der Wiss. zu Göttingen, phil-hist. Kl. 1910), „Beiträge zur Kritik des Codex Cumanicus“ (Bull. d. l. Cl. des Lettres de l'Ac. R. de Belgique, 1911, nº 1, p. 13—32), „Komanische Texte“ (тамъ же, 1911, nº 9—10), „Die Komanische Bearbeitung des Humnes „A solis ortus cardine“ (Festschrift Vilhelm Thomsen, Leipz. 1912), „Der Komanische Marienpsalter nebst seiner Quelle herausgegeben“ (Abchand. d. k. Geselschaft d. Wissensch. zu Göttingen, N. F. B. XIII, 1914).

[1]) Ихъ разборъ и переводъ у W. Bang „Ueber die Rätsel des Codex Cumanicus“, Sitzungsberichte der K. Preussischen Akad. der Wissenschaften, 1912, XXI.

[2]) Kunn, стр. CXXVI—CXXVIII; Cp. W. Bang, Über die Rätsel des Cod. Cum. S. 334.

[3]) Раньше полагали, что сшивка должна была произойти не позднѣе 1362 года и вотъ почему: на чистыхъ мѣстахъ нѣмецкой части Кодекса находятся записи отрывковъ итальянскихъ стиховъ, которые приписывали Петраркѣ; по легендѣ и весь Кодексъ находился въ рукахъ поэта, и въ 1362 году, вмѣстѣ съ другими книгами поэта, былъ имъ завѣщанъ Библіотекѣ св. Марка въ Венеціи (Kunn, стр. VI—IX), отчего нашъ памятникъ часто называется Кодексомъ или Словаремъ Петрарки. Современная критика очень скептически относится къ легендѣ монастыря св. Марка о томъ, что рукопись Кодекса попала туда изъ библіотеки знаменитаго поэта, а въ отрывкахъ итальянскихъ стиховъ отказываются видѣть руку Петрарки (M. Bihl, ц. с. стр. 144 со ссылкой на статью Fr. Carlo, Versi italiani nel Cod. Cum. della Marcianna e Fr. Petrarcha, ap. Il Libro e la Stampa, IV, 1910, fasc. 1, p. 3—9); E. Teza высказываетъ увѣренность, что и эти итальянскія стихи нѣмецкой части были написаны на востокѣ, на мѣстѣ составленія всего Кодекса (Un'altra occhiata al Cod. Cum. Rendiconti d. s. d. R. Accad. dei Lincei, 1891, Classe di sc. mor., stor. e fil, p. 327).

[4]) Kunn, Prolegomena, стр. CXX; Радловъ, О языкѣ Кумановъ, стр. 22; W. Bang, Beiträge zur Kritik des Cod. Cum. стр. 32 и слѣд.

[5]) Paul Hunfalvy, Der Kumanische oder Petrarca-Codex und die Kumanen, Ungarische Revue, 1881, S. 607; E. Teza, Gli inni..., стр. 586; W. Bang, ц. с. стр. 32; M. Bihl, ц. с. стр. 139. О францисканцахъ въ сѣверномъ Причерноморьѣ см. Władisław Abraham, Powstanie organizacyi Kościoła łacińskiego na Rusi, t. I, We Lwowie, 1904, стр. 189 и слѣд. G. Brătianu, Recherches... p. 231—232, и въ уп. работахъ W. Bang'a. Что касается нѣмецкаго языка второй части Кодекса, то Кунъ, ссылаясь на мнѣніе Schröer'a, считаетъ его за mitteldeutsch (Kunn, Prolegomena, стр. CXX).

Эти нѣмецкіе миссіонеры, сшивъ обѣ части, судя по описанію Куна, проредактировали первую, итальянскую часть, сдѣлавъ свои добавленія и поправки, гл. обр. въ половецкой колонкѣ. Одинъ изъ этихъ редакторовъ зналъ не только половецкій, но и персидскій языкъ (см. Kunn, Prolegomena, стр. CXXVII и примѣчанія къ I-ой части, особенно на стр. 3—78). Интересно отмѣтить еще двѣ коротенькія приписки, сдѣланныя однимъ изъ нѣмцевъ — на русскомъ языкѣ: на стр. 12 изданія Куна, въ алфавитномъ словарѣ при половецкомъ словѣ tus, соотвѣт-

сѣверномъ Причерноморвѣ, была, очевидно, составлена и итальянская часть, гдѣ, какъ извѣстно, въ XIII—XV в.в. существовали итальянскія колоніи и жили половцы.[1]

Перейдемъ теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію первой, итальянской части Кодекса.

Какъ я уже упомянулъ выше, итальянская часть Кодекса заключаетъ въ себѣ два словаря — одинъ, составленный въ алфавитномъ порядкѣ первой, латинской (точнѣе итальянской) колонки, и другой, гдѣ слова объединены въ группы по значенію, имѣющія собственныя заглавія. Группы эти, по количеству находящихся въ нихъ словъ, очень неравны, заключая отъ 4—5 до 80—90 словъ.

Первый, алфавитный, словарь заключаетъ въ себѣ, по большей части, слова лишь самаго общаго значенія, какъ audio, aporto, curro, desidero, moveo, но встрѣчаются и такія, которыя какъ будто отражаютъ спеціально духовные интересы: castigo, contritio cordis, creator, despero, diues, hodoro, peniteo, resurgo a mortuis, sapientia, tempero vinum, virtus, vivo, vita.

Переходя къ другому словарю, со словами, объединенными въ группы, мы въ первой же такой группѣ еще болѣе явственно найдемъ отраженіе духовныхъ интересовъ. Группа эта носитъ характерное заглавіе: „No[m]i[n]a rer[um] que p[er]tine[n]t Deo et ad s[er]uiendu[m] ey“ (Кунъ, стр. 77—78; далѣе всѣ послѣдующія ссылки на Кодексъ — по изданію Куна) и вся состоитъ изъ такихъ словъ какъ deus, mater dey, angelus, p[ro]fecta,[2] santus, crux, presbiter, lex, spes, auxilium, elimoxina, misericordia, pax, caritas, penitentia, confessio, santificatio, festum, paradisus, infernus.

Далѣе слѣдуетъ группа словъ съ перечисленіемъ „элементовъ“ („Hec su[n]t eleme[n]ta“, стр. 78—79)[3] — воздухъ, вода, земля, огонь; за нею своеобразная группа „Hec su[n]t conp[o]si[ti]ones“ (стр. 79) со словами: кровь, жаръ, ярость, меланхолія; затѣмъ двѣ группы съ названіями различныхъ подраздѣленій времени („Hec su[n]t tempora“, стр. 79—81 и „Qualitates tempor[um]“, стр. 81—83), группа съ перечисленіемъ пяти чувствъ (зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія и осязанія — „Sentimenta quinque“, стр. 81), группа словъ „Res contrarie“: голый — одѣтый, равный — неравный, круглый — квадратный, сладкій — горькій и т. под., стр. 83—85), со слѣдующей за ней группой „Qualitates rer[um]“ (доброта, красота,

ствующемъ латинскому cade (imperatif отъ cadere, падать), приписано „slese. lube let“, а на стр. 14 въ половецкой колонкѣ, къ слову alisirmen, соотвѣтствующему въ латинской колонкѣ canbio res, приписано „yest minaylu“; двумя словами ниже, рядомъ съ половецкимъ alischil, латинск. кол. canbia, стоитъ „mineyse“. На эти слова обратили вниманіе еще Klaproth и Blau, видя въ первой фразѣ русское „слѣзай, либо лети“, а во второй — „мѣняю, мѣняй“. Правильнѣе — „есть мѣняла“ и „мѣняйся“. Неточность передачи русскихъ словъ говоритъ за то, что они были записаны по слуху, со словъ русскаго.

[1]) Относить памятникъ на территорію Венгріи, гдѣ также послѣ татарскаго разгрома жила значительная часть половцевъ — нѣтъ основаній, какъ то выяснилъ еще W. Bang (Beträge zur Kritik des Codex Cumanicus, S. 36—38).

[2]) Исправлено по Teza, Un' altra occhiata..., стр. 319; у Куна — propheeta.

[3]) Группа „Nomina rerum que pertinent Deo...“ заканчивается четырьмя словами: cellum, sol, luna, stella, составлявшими, вѣроятно, особую группу между „Nomina rerum...“ и „Hec sunt elementa“, заглавіе которой было пропущено при перепискѣ. О томъ, что нашъ Кодексъ былъ копіей и изобиловалъ ошибками — рѣчь будетъ ниже.

слабость, злость, длинный, короткій и т. п., стр. 85—88); немного ниже найдемъ двѣ группы „Complementa ho[m]i[n]um“ и „Defecta ho[m]inum“ (въ первой группѣ такія слова какъ — умный, знатный, щедрый, изящный, сильный, веселый; во второй группѣ — глупый, сумасшедшій, тщеславный, грустный, незаконнорожденный, старый и др., стр. 115—117). Группа „De pare[n]tatu ho[m]i[ne]s“ (стр. 113—115) перечисляетъ степени родства. Особая группа (и довольно значительная по количеству словъ — въ 85) носитъ заглавіе „Hec su[n]t menbra[1] ho[m]i[n]um et mulier[um]“ (стр. 109—113), дающая подробный перечень частей человѣческаго тѣла и его внутреннихъ органовъ. Эта группа словъ своею подробностью какъ будто расчитана на специіальныя требованія врача.

Другой кругъ интересовъ отражаетъ Кодексъ, начиная съ группы „No[m]i[n]a rer[um] que communit[er] inueniunt[ur]“ (стр. 88—90). Въ этой группѣ словъ съ перечисленіемъ вещей, которыя „вообще встрѣчаются“, нетрудно отгадать наблюденія путника: міръ, море, гора, взгорье, долина, подъемъ, спускъ, ровъ, болото, камень, дорога, пыль, мостъ, лѣсъ, дерево, трава, лугъ, поле, власть, гражданство (= подданство), область, мѣсто, крѣпость, селеніе, улица, колодезь, дворецъ, домъ, садъ, виноградникъ, хижина, гостиница, кладовая, свѣчка, вино, молотокъ, очагъ, трутъ, сѣра.

Явственнѣе же всего выступаютъ въ итальянской части Кодекса интересы коммерческіе. Уже въ алфавитномъ словарѣ находимъ такія выраженія, какъ recuperatio (стр. 49), valeo precium (стр. 63), а въ группѣ „Qualitates rerum“, на ряду съ приведенными выше изъ этой группы словами, встрѣчаемъ такія, какъ mensura longa, pondus (стр. 85). Слѣдующія же за „Nomina rerum que communiter inveniuntur“ группы словъ: „No[m]i[n]a artiu[m] et que p[er]tine[n]t eis“ (стр. 90—91), „Scriba“ (гл. обр. первыя десять словъ этой группы, на стр. 100—101, частью повторяющія уже находящіяся въ группѣ „Nomina artium...“), наконецъ группа, носящая характерное названіе „Mercimonia que pertine[n]t ad m[er]catore[m]“ (стр. 105—108) — явственно раскрываютъ намъ купеческій міръ со всѣми относящимися къ нему терминами.

Здѣсь мы находимъ такія слова[2]: купецъ (mercator), торговое дѣло (mercatum), базаръ (forum; въ персидск. колонкѣ bazar), покупщикъ (emtor), продавецъ (venditor), посредникъ (censarius), набавляющій цѣну (incantator), перепродавецъ, барышникъ (reuenditor), мелкій торговецъ (merzarius), задатокъ (caparrum), уплата (solutio), срокъ (terminus), должникъ (depitores), заимодавецъ (creditores), деньги (pecunia), цѣна (precium), монета (moneta), мѣняла (bancherius), писецъ (scriba), книга (liber), счетная книга (cartulariuz), ручная тетрадь или записная книжка (manuale, manoale), буква (litera), чернила (atrementum),[3] чернильница (calamarium), перо (calamus), перочинный ножичекъ (tenperatorium), бумага (papirun, carta),[4] счетная

---

[1]) Исправлено по Teza, ц. с. стр. 319, вмѣсто „membra“ у Куна.

[2]) При переводѣ я руководился гл. обр. латинской колонкой, для которой переводы персидской и половецкой колонокъ не всегда точно соотвѣтствовали.

[3]) Слово стоитъ два раза, на стр. 91 и 101. Въ послѣднемъ случаѣ оно у Куна ошибочно напечатано atramentum, вмѣсто atremētū (см. Teza, ц. с. стр. 319).

[4]) Приведено два раза, на стр. 91 (papirun) и стр. 101 (papiru[m]). У Куна на стр. 101 ошибочно напечатано papirus (см. Teza, ц. с. стр. 319).

доска (tabula), стулъ (catreda = cathedra), коврикъ (tapetum), шило (ponzon[us?]),[1] печатка? (lapis auri), гиря (pondera), вѣсы (balancie).

Въ той же группѣ „Mercimonia que pertinent ad mercatorem" мы находимъ подробное перечисленіе того собственно „mercimonia", которымъ торговали купцы. Это прежде всего различное ткацкое сырье: шелкъ-сырецъ (stupa s[etae]),[2] шелковичный червь (bonbeci[n]us),[3] кудель (canauû = cannabis), руно (stamega), шерсть (lana), ленъ (linum); далѣе видимъ ткани, гл. обр. *шелковыя*[4]: обыкновенный шелкъ (seta),[5] камка (camocatus),[6] зендатъ (cendatu[m]),[7] бархатъ, велюръ (vellutus),[8] тафта (tasta),[9] парча, брокатъ (brocha),[10] скарлатъ (scarlata),[11] накъ, золото-

---

[1]) Для разлиневыванія тетрадей по дырочкамъ, сдѣланнымъ сразу на нѣсколькихъ страницахъ.

[2]) Ср. свидѣтельство о вывозѣ шелка-сырца изъ Таны въ Венецію въ болѣе позднее время — въ 1398 г. у М. Ковалевскаго, Къ ранней исторіи Азова, Труды XII Арх. съѣзда, т. II, стр. 150.

[3]) Это слово находится почему-то въ группѣ „Hec continent de spetiario et spetiara" на стр. 92. Въ половецкой колонкѣ стоитъ magugh — т. е. хлопокъ (ср. Radloff, Das türkische Sprachmaterial, s. v.).

[4]) Объ интенсивной торговлѣ тканями въ Судакѣ говоритъ Ибнъ-аль-Атиръ, въ своемъ описаніи татарскаго нашествія: „Это городъ Кипчаковъ (Судакъ), изъ котораго они получаютъ свои товары, потому что онъ лежитъ на берегу Хазарскаго моря и къ нему пристаютъ корабли съ одеждами" (В. Тизенгаузенъ, Сборникъ матерьяловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, стр. 26; но Quatremère, Not. et Extr., t. XIII, 1838, стр. 272, пр. I и Défremery, Journ. Asiat. t. XIV, стр. 456—7, вмѣсто „одежды" переводятъ „étoffes"). Рубрукъ уп. о тканяхъ изъ хлопчатой бумаги, бумазеи (gambasio) и шелковыхъ матеріяхъ, которыя купцы вывозятъ черезъ Судакъ изъ сѣвернаго Причерноморья (пер. А. Малеина, стр. 66). Эль-Омари говоритъ о существованіи фабрики для выдѣлки тканей въ Тавризѣ при Берке (Тизенгаузенъ, ц. с. стр. 239).

[5]) Въ 1316 г. уп. о вывозѣ изъ Солхата въ Кафу „varios setam" (Imposicio Officii Gazarie въ Monumenta Historiae Partiae, t. II, col. 409; ср. Heyd, ц. с. II, стр. 175—6); изъ Таны вывозили въ 1333 г. выдѣланный шелкъ — seta laborata (М. Ковалевскій, ц. с. стр. 125—6). Въ 1289 г. уп. о вывозѣ изъ Кафы въ Геную „seta merdacasi et carnia et carusmisna et de alia seta" (G. Brătianu, Actes des notaires génois de Pèra et de Caffa de la fin du XIIIe siècle, Bucarest, 1927, стр. 212, № CCXI). Brătianu подъ merdacasi видитъ родъ восточнаго шелка (ц. с. стр. 9), Heyd (II, 673) производитъ его изъ Мерва; carusmisna — хорезмійскій (Brătianu, ц. с. стр. 8); еще уп. о вывозѣ этого шелка въ Геную, въ варіантѣ — merdacaxi, см. у Brătianu, ц. с. стр. 213, № CCXIII.

[6]) Первоначально шла въ Европу изъ Китая и Средней Азіи (Heyd, II, 707); но уже въ XIV ст. знаемъ о производствѣ ея въ Греціи (Fr. Michel, ц. с. II, 171—174; ср. В. Клейн, Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века и их терминология, Сборник Оружейной Палаты, М., 1925, стр. 56).

[7]) См. о немъ у F. Michel, ц. с. I, 198—220; выдѣлывался какъ на востокѣ, въ Китаѣ и Индіи, такъ и на западѣ, въ Италіи (ibid. I, 209—211). Есть свѣдѣнія о привозѣ его итальянцами изъ Перы въ Кафу (Brătianu, ц. с. 132, № XCII, 1281). Извѣстенъ былъ также русскій зендадъ, получившій свое названіе вѣроятно по транзиту черезъ Русь съ востока (F. Michel, ц. с. I, 209). Ср. еще Heyd II, 701. Не то же ли, что русская зендень у Савваитова, Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія... въ азбучномъ порядкѣ. Спб. 1896.

[8]) Въ XIII в. фабриковался какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, въ Италіи (F. Michel, ц. с. II, 209). Судя по латинскому своему названію, этотъ бархатъ вѣроятно привозился въ сѣверное Причерноморье съ запада.

[9]) Восточная ткань, происхожденіемъ изъ Китая. Вѣроятно вывозилась на западъ итальянцами. О ней см. Heyd, ц. с. II, стр. 700; F. Michel, ц. с. II, стр. 237—240.

[10]) Восточная ткань, уже въ XIII в. имитировалась въ Западной Европѣ (Heyd, ц. с. II, стр. 709). О брокатѣ ср. у Аль-Истахри: „toutes les étoffes de fabrique grecque et tout le brocart qui arrivent dans les contrées musulmanes, viennent de Tharabezonn (Défremery, Fragments... Journ. Asiatique, 4 série, t. XIV, p. 462, n. 6).

[11]) Panorum scarleti вывозили изъ Перы въ Сивашъ (Brătianu, ц. с. стр. 87, № XXIV, 1281 г).

тканная матерія (nachus), насикъ, тоже золототканная матерія (nasicus),[1] камутъ (camutu[m]),[2] бумазея (fustaney)[3]; цѣлый рядъ тканей данъ въ ихъ географическихъ названіяхъ, какъ — русская ткань (t[ela] de Rens),[4] нѣмецкая (t. de Alamaga),[5] арльская или орлеанская? (t. de Orliens),[6] наваррская? (nouarese),[7] кремонская (t. cremonese),[8] ломбардская (t. lobarde),[9] остійская (t. astexane), остунская (t. ostume), бергамская (t. bergamasce)[10] и не поддающіяся объясненію tella de Cap.,[11] tele de nouo,[12] t[ela] fabriane,[13] t[ela] crue.[14]

Отдѣльно надо отмѣтить scamandio, въ которомъ вѣроятно сдѣдуетъ видѣть

---

[1]) Nachus уп. въ 1289 г. въ Танѣ, въ транскрипціи machis (см. Brătianu, ц. с. стр. 9 и 198, № CLXXXIX); тамъ же упоминается и nasicus. Интересно отмѣтить, что эти ткани обычно стоятъ вмѣстѣ — въ Codex Cumanicus (Кунъ, стр. 106—107) и въ нотаріальныхъ кафскихъ актахъ. О нихъ изслѣдованіе W. Bang'a „Über die angeblichen „Introitus natorum et nascitorum" in den Genueser Steuerbüchern", Bull. d. l. Classe d. Lettres Ac. R. d. Belgique 1912, nº I; ср. Heyd, II, 707. О вывозѣ изъ Таны въ Венецію въ концѣ XIV в. восточныхъ золототканныхъ матерій, украшенныхъ жемчугомъ, см. у Ковалевскаго, ц. с. стр. 150.

[2]) Camuzzum по Дюканжу, который знаетъ лишь, что это „genus panni".

[3]) Fustane, fustano, fustaneum — бумажная матерія. Въ XV в. она производилась въ Шамбери и въ сѣв. Италіи (Viollet-le-Duc, Dictionnaire raisonné du mobilier français, Paris, 1872; t. 3, p. 372). Ср. F. Michel, ц. с. т. I, стр. 211, пр. 2 (подъ 1366 г.), Brătianu, ц. с. стр. 9 и 103; впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ надо видѣть одежду изъ фустаны, а не самую ткань.

[4]) Кунъ (стр. 107. пр. 4), считалъ ее реймской тканью; но еще Blau (Über Volksthum und Sprache der Kumanen, S. 571) видѣлъ въ ней русскую ткань, очевидно на основаніи персидской и половецкой транскрипціи: ketan y rusi; russi chetan. Ср. упоминаніе о ввозѣ въ Индію русскихъ льняныхъ одеждъ въ первой половинѣ XIV в., у Шехабъ-Эддина Омари (Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque du Roi, t. XIII, Paris, 1838, p. 200, переводъ Quatremère).

[5]) По Куну (стр. 107, пр. 5) — Alemagna; такъ же понималъ и Blau, ц. с. стр. 571. Извѣстно, что „нѣмецкая ткань" ввозилась изъ Германіи въ г. Астію и уже оттуда развозилась итальянцами на Востокъ. Объ этомъ см. у F. Michel, II, стр. 244—5.

[6]) Въ половецкой колонкѣ стоитъ тоже orlens chetan; но въ персидской — chetan soltanj, т. е. султанская ткань. Ср. съ этимъ европейское drap imperial или royal, уп. въ XII—XV в. в. (F. Michel, I, стр. 355—358).

[7]) Въ персидской колонкѣ sansda chesi (13-ти нитяная?).

[8]) Въ перс. и полов. колонкахъ — dras chesi.

[9]) О ввозѣ итальянцами ломбардскихъ тканей въ Кафу см. у Brătianu, ц. с. стр. 247, № CCXLII, подъ 1289 г. (telle lombarde); въ Перѣ у генуэзцевъ былъ складъ этихъ тканей и даже „diversorum colorum" (ibid. стр. 315, № 100).

[10]) У Куна ошибочно — bergamesce (см. Teza, ц. с. стр. 319). Т. о. всѣ перечисленныя итальянскія ткани (за исключеніемъ остунскихъ): кремонскія, ломбардскія, остійскія и бергамскія — сѣверо-итальянскаго происхожденія. Ср. Кунъ. стр. 107, пр. 6 и 7.

[11]) Не кроется ли въ tella de Cap. — ткань изъ Шампани? (Въ персидск. кол. стоитъ ketan y jonban). Шампанскія ткани, вмѣстѣ съ витрійскими, привозились итальянцами въ Кафу и отсюда перевозились „ad partes Turchie", вѣроятно на южное побережье Чернаго моря. См. Brătianu, ц. с. стр. 297, № CCCXXX (1290 г.) и стр. 241, № CCLV (1289 г.). О торговыхъ связяхъ итальянцевъ, торговавшихъ въ бассейнѣ Чернаго моря, съ Шампанью — см. у G. Brătianu, Recherches sur le commerce génois, p. 166.

[12]) Въ персидск. кол. begonia, въ половецкой — bergonia.

[13]) Въ перс. и полов. колонкахъ — aracli.

[14]) Въ перс. и полов. колонкахъ — chetan can; ср. выше, что было сказано о tela de Orliens, въ пр. 6.

искаженіе скарамангія (σκαραμάγγιον), представляющаго собою драгоцѣнную матерію или родъ одежды византійскаго происхожденія.[1]

За матеріями слѣдуетъ перечень красокъ, въ которыя, очевидно, эти матеріи окрашивались; этому перечню (все въ той же группѣ „Mercimonia que pertinent ad mercatorem") предшествуютъ два слова: color и colores, а затѣмъ уже идетъ перечень цвѣтовъ: бѣлый (albun), черный (nigrum), красный (virmilium), кармазинъ (cremixi),[2] красноватый (bachami), синій (blauum), желтый (janum), зеленый (viride), темный, черноватый (gamelin[um]), фіолетовый (violetus), оранжевый (orangin[um]), пестрый (aflori; въ персидск. и половецк. колонкѣ al).

Наконецъ, въ этой же группѣ находимъ: кожа (corium), рыба (piscis), перо (pluma), сова (dugus), перья совы (d. pluma), листы латуни (folia latoni), листы желтой мѣди (risun = oryza), фонарь (lanterna).

Группа словъ „Hec contine[n]t de spetia[r]io et spetia[r]ia" (стр. 91—96) содержитъ въ себѣ подробный перечень восточныхъ товаровъ — пряностей, душистыхъ маселъ, лекарственныхъ растеній, красящихъ веществъ — этихъ характерныхъ предметовъ левантинской торговли. Начинается группа словами: торговецъ пряностями (speciarius), лавка (pignate); въ концѣ стоятъ: пряности (specie) и торговля пряностями (spetiaria). Перечень же самыхъ пряностей и специй заключаетъ въ себѣ: перецъ обыкновенный и стручковый (piper, piper longus)*, имбирь (gingalel)*, корица и ея цвѣтъ (canella, flos c[anellae])*, душистая гвоздика и ея цвѣтъ (ganofanj, fusti g.)*, душистая кассія (cassia)*, манна (mana)*, орѣхъ (nuces),[3] мускатный орѣхъ (nuces m., вѣроятно maschate)*, массія, оболочка муската (macis)*, мускатъ (muscatum cun. f[lorae] и muscatum sine f)*, индійскій орѣхъ (n[uces] sarche; въ персидск. кол. girdahan indu), нардъ (spicus; въ персидск. и половецк. колонкахъ — sonbul; очевидно здѣсь подразумѣвается видъ нарда, называемаго *спиканардъ, spica nardi*), *изюмъ* (chibebe d.[?], chibebe s.[?]),[4] ревень (reubarbarum)*, кардомомъ (cardomonio и card. s.[?])*, шафранъ (safranum)*, тминъ (cominu[m]), горчица (cenap[r]io),[5] калганъ (galanga)*, лакрица (rēqrciu[m]), сандаловое дерево (sandalo)*, роза (лепестки розы? — rosa), сахаръ (čucharo, čucharo cha[n]di[to])*, душистый, розовый сахаръ (čucharo rosato)*, конфетная паста (confeti), розовая вода (aqua rosa)*, масла: розовое (oleum rosatum), оливковое (oleum oliue),[6] фіалковое (oleum violatum), орѣховое (*oleum nucis*), *сливовое*

[1]) Brătianu, Actes des notaires génois... стр. 10 исправилъ на scamandrum, считая его „espèce d'étoffe". Scamandrum упоминается въ кафскихъ нотаріальныхъ актахъ, продаваемый по очень высокой цѣнѣ (Brătianu, ц. с. стр. 345, № 333, 1289 г.); о вывозѣ его изъ Перы въ Кафу — ibid. стр. 132, № XCII,1281 г. О скарамангіи см. N. P. Kondakov, Les costumes orientaux à la Cour Byzantine въ журналѣ Byzantion, I, 1924, p. 7—49 и Н. П. Кондаковъ „Очерки и замѣтки по исторіи средневѣковаго искусства и культуры" (посмертное изданіе), Прага 1929, стр. 232—238.

[2]) Т. е. красный; о вывозѣ этой краски изъ Таны въ Венецію въ 1398 г. см. Ковалевскій, ц. с. стр. 150.

[3]) Это слово находится въ отдѣлѣ „Mercimonia..." (стр. 106). Кунъ почему то перевелъ „грецкій орѣхъ" (nux juglans), когда и въ персидск. и въ половец. кол. стоитъ только слово „орѣхъ" (gerdagham, chox).

[4]) Ср. zibibo, изюмъ, въ кафскомъ уставѣ 1449 г. (Записки Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей, т. V, стр. 708).

[5]) У Куна ошибочно cenapio (См. Teza, ц. с. стр. 319).

[6]) Оливковое масло было предметомъ ввоза въ Причерноморьѣ изъ южной Италіи. Это

(oleum susimā), ладанъ (ladano)*, ароматическая смола (encenso)*, амбра (ambra)*,[1] алоэ (lignum aloe и aleopaticu[m])*, мирра (smirra)*, мастика для ароматическаго куренія (mastic[us])*, трава (для куреній? — erbe), глазная мазь (titua)*, камфора (sanfora)*, скамонная трава (scamonia)*, слабительныя (cito[c]a[r]ia, turbiti), лечебная трава (medicine, см. персидск. и половецк. кол.), лечебный сиропъ (serapin[um?]), мазь (unguentum), ядъ? (mortalis),[2] квасцы (alume[n])*, золотой пигментъ (auri pi[g]mentum), бура (borâna—borax), гуммилакъ, красный пигментъ (lacha)*, мумія, красная краска (mumia)*, индиго (endego)*, красный пигментъ изъ бразильскаго дерева (bračile)*, чернильный орѣхъ (galla)*, кошениль, красящій пигментъ (grana)*, зеленая краска изъ окиси мѣди, мѣдянка (vederamo), „драконова кровь", темнокрасная краска (s[anguis] draconis), лазуревая краска (draganto = diadragagantum)*, сѣра (sulfur, sulfaru[m]), ртуть (argentum viuum), слоновая кость (dentes elefanti)*, кораллъ (corallo)*, медъ (mel), воскъ (cera), смола (picis; въ половецкой колонкѣ — samala).[3]

Въ этой же группѣ словъ находимъ также перечень предметовъ упаковки, въ которыхъ эти товары перевозились: деревянная банка (busore), мѣшочекъ (sacheti), бутылочка (bočelli), а также—ступка (piston[us]),[4] сито (sedacius)—предметы, которыми эти товары растирались, просѣивались.[5]

Другая группа словъ, носящая заглавіе „No[m]i[n]a lapiduu[m] precioxor[um]" (стр. 108—109) содержитъ перечень драгоцѣнныхъ камней: яхонтъ (robin[us][6]; въ персидск. и половецк. колонокѣ yacut), рубинъ, лалъ (balaxius; въ половецк. кол. — llal), сапфиръ (safirus), изумрудъ (smeradus, перс. и пол. — smurut), алмазъ (diamante; перс. и пол. — yalmas), гранатъ (granata), ? unicun,[7] топазъ (topatiun), бирюза (turcheyse, персидск. и полов. — peroxa),ясписъ (jaspidun), сердоликъ (sardoniu[s]), халцедонъ (calcedoriu[s]), аметистъ (amatista), драгоцѣнный камень (petra preciosa; въ персидск. и полов. колонкахъ — laal, которымъ, очевидно,

---

масло могли привозить какъ генуэзцы и венеціанцы, закупавшіе его въ Бари, тогдашнемъ главномъ центрѣ продажи этого товара (см. Georges Yver, Le commerce et les marchands dans l'Italie méridionale au XIIIe et au XIVe siècle, Paris, 1903, p. 104—105), такъ и сами купцы южной Италіи; послѣдніе упоминаются въ 1274 г. въ Судакѣ (Brătianu, Recherches sur le commerce génois... стр. 205, 307—308, Appendice VI) и въ 1289 г. въ Кафѣ (Brătianu, Actes des notaires génois... стр. 226 № CLXXIII).

¹) Радловъ переводитъ — янтарь (Das türkische Sprachmaterial, s. v. charabar).

²) Ср. это же слово въ отдѣлѣ „Res quae pertinent od cochinam", стр. 124.

³) Officium Gazariae подъ 1316 г. упоминаетъ о вывозѣ изъ Солхата въ Кафу „merces subtilles" (Mon. Hist, Patriae, II, col. 409), то-есть пряностей (ср. Heyd, II, 175—176); отъ конца XIV в. свидѣтельства о вывозѣ пряностей черезъ Тану въ Венецію см. у Ковалевскаго, ц. с. стр. 150, 1398 г. Ср. о вывозѣ квасцовъ изъ Кафы въ Геную подъ 1289 г. (Brătianu, Actes des notaires génois... стр. 339, № 280; см. еще стр. 345—6, № 335). У Heyd'a въ его Supplément ко второму тому можно найти большинство упоминаемыхъ въ Кодексѣ товаровъ (такіе у насъ отмѣчены звѣздочкой*), но безъ указанія на продажу ихъ въ сѣверномъ Причерноморьѣ.

⁴) У Куна: piston. Teza (ц. с. стр. 319) исправляетъ piston'[=us].

⁵) Очевидно также къ предметамъ упаковки товаровъ (вѣроятно матерій) надо отнести иглу (aquus grossus), дратву (filum grossum), веревку (corda), тюкъ (balla), стоящіе вмѣстѣ на стр. 102, въ сборномъ отдѣлѣ „Scriba".

⁶) У Куна robin. Teza, ц. с. стр. 319, исправляетъ robin'[= us].

⁷) У Куна ошибочно unicum. Ср. Teza, ц. с. стр. 319.

обозначали всякій вообще драгоцѣнный камень), кристаллъ (cristallus), жемчугъ (perle, половецк. ingču), стекло (vitrus).[1]

Группа словъ „Faber et fera[r]ius" (стр. 96—97) отражаетъ кузнечное и металлическое дѣло, перечисляя не только различные металлы (желѣзо, серебро, золото, мѣдь, сплавъ свинца съ серебромъ, олово, латунь), но и предметы, относящіеся къ ковкѣ и плавкѣ металловъ: наковальня, молотокъ, щипцы, ножи, мѣха, печь, уголь, тазъ, и, наконецъ, самъ кузнецъ.[2]

Другая группа — „Pelipa[r]ius" (стр. 97—98) даетъ перечень мѣховъ[3] и принадлежностей мѣховщика и скорняка[4]; здѣсь будутъ: мѣховщикъ или скорнякъ (pelipаrius), игла, ножницы, наперстокъ, нитки; мѣха: заячій (lepus), лисій (vulpe), бѣличій (va[r]i[um] и vente de va[r]i[o]), черной бѣлки (scoyroli), соболій (zebelin), куній (martori), каменной куницы или бѣлодушки (foyne), рысій (lupi ceruerij),? (gati pauli), хорьковый (gati spuči), кротовый (afayto), горностаевый (ermelinus); шкуры: ягненка (овчина, agnine), львиныя (leo), леопардовыя (leopardus), пантеры (moticiu[s]).

Отдѣльно надо отмѣтить р а б о в ъ, упоминаемыхъ какъ въ отдѣлѣ „Scriba", такъ и въ торговомъ отдѣлѣ „Hec continent de spetiario et spetiaria" (стр. 93 и 103). Характерно, что въ послѣднемъ отдѣлѣ *они обозначены въ множественномъ* числѣ — famuli. Рабы, какъ извѣстно, были одной изъ существенныхъ статей торговли итальянцевъ въ Причерноморьѣ.[5]

Послѣ группъ со словами, указывавшими на торговое дѣло и перечисляющими различные предметы торговли, мы находимъ далѣе въ Кодексѣ группы словъ, отражающихъ прочную, осѣдлую жизнь въ какомъ-то городѣ, съ перечисленіемъ словъ строительнаго дѣла, различныхъ мастерскихъ и профессій.

Двѣ спеціальныя группы словъ „Res oblite necesa[r]ie p[ro] domo" (стр. 119) и „Res q[uae] pertine[n]t ad domu[m]" (стр. 119—120) даютъ перечень строительнаго

---

[1]) Большинству драгоцѣнныхъ камней родина на Востокѣ (ср. Heyd, II, 653—657); поэтому и въ нашемъ спискѣ камней надо видѣть ихъ какъ предметъ вывоза съ береговъ сѣвернаго Причерноморья на Западъ. Отъ середины и конца XIV в. имѣемъ прямыя свѣдѣнія объ экспортѣ драгоцѣнныхъ камней изъ Таны въ Венецію (Ковалевскій, ц. с. стр. 125—6, 150). Впрочемъ, Марко Поло (кн. I, гл. I, пер. Шемякина, Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1861, № 4, стр. 28—29) даетъ примѣръ обратнаго — ввоза драгоцѣнныхъ камней въ Причерноморье, когда сообщаетъ, какъ венеціанскіе купцы — его отецъ и дядя, отправляясь въ Крымъ изъ Константинополя, сочли необходимымъ закупить въ немъ „множество прекрасныхъ и драгоцѣнныхъ камней". Но въ этомъ надо, вѣроятно, видѣть лишь способъ облегчить себѣ путешествіе на Востокъ, а не указаніе на торговое направленіе драгоцѣнныхъ камней.

[2]) О привозѣ венеціанскими купцами изъ Венеціи въ Тану металлическихъ товаровъ — мѣди, сплава свинца съ серебромъ, „et albis similibus" упоминается въ 1332 г. (Ковалевскій, ц. с. стр. 125). Объ итальянскихъ кузнецахъ въ Кафѣ въ 1289 г. см. Brătianu, Actes des notaires génois... стр. 205, № CCI.

[3]) Мѣха были, какъ извѣстно, однимъ изъ старѣйшихъ и основныхъ предметовъ вывоза съ Причерноморья. Для XIII в. о вывозѣ ихъ изъ Судака см. у Ибнъ-аль-Атира (пер. Défremery, Journ. Asiatique, 4 серія, т. XIV, стр. 457) и у Рубрука (пер. Малеина, стр. 66).

[4]) Объ итальянскихъ мѣховщикахъ и скорнякахъ въ Кафѣ въ 1289—1290 гг. см. Brătianu, ц. с. стр. 198 (№ CLXXXIX), стр. 224 (№ CCXXX), стр. 242 (№ CCLVII), стр. 253—4 (№CCLXXIV), стр. 273 (№ CCC), стр. 348 (№ 358).

[5]) См. объ этомъ у Heyd'a, ц. с. II, стр. 555—563.

матеріала и предметовъ оборудованія дома[1]; группа „Mag[iste]r asie [= asciae]“ (стр. 99—100) перечисляетъ принадлежности плотничьяго и столярнаго дѣла,[2] а въ отдѣльной группѣ словъ „Res quae p]er]tine[n]t ad letu[m]“ (стр. 123) дается перечень предметовъ спальной комнаты.[3]

Портняжное дѣло отражено въ группѣ „Sarto[r]ius“ (стр. 98—99) и “Res q[uae] pertine[n]t ad vestes“ (стр. 119),[4] сапожное — въ „Calega[r]ius“ (стр. 99).[5] Специальная группа „Res q[uae] pertine[n]t ad axnixiu[m][6] ho[m]i[ni]s“ (стр. 120—121) перечисляетъ части мужской одежды.[7] Цѣлая группа говоритъ о брадобрейномъ дѣлѣ („Barbe[r]ius“, стр. 100).[8]

Въ упомянутой уже группѣ „Scriba“ (стр. 100—104), кромѣ словъ, относящихся къ торговому дѣлу, находимъ также перечень лицъ слѣдующихъ профессій: врачей (просто врача — medicus phyxice [= physicae] и хирурга — medicus plāg),[9]

---

[1]) Камень, известь, песокъ, вода, кирпичъ, фундаментъ, стѣна, балка? (colu[m]pna), доска, крыша, лѣстница, комната, отхожее мѣсто, печь, труба, засовъ, ключъ, гвоздь, скамья, сундукъ, постель и др. Кромѣ того въ группѣ „Scriba“ (стр. 102) находимъ: каменщика (murator), домикъ (chazola), камень (petra), известь (chalcina), кирпичъ (maton[us]).

[2]) Плотникъ или столяръ (magister asie), топоръ (asia = ascia), топорикъ (manayra), стругъ, рубанокъ (scopellus, въ полов. кол. uturgu), скребокъ (yona), буравъ (verina, въ полов. кол. buran), пила (serra), веревка для измѣреній (lenza), циркуль (conpassus), молотокъ (marčius), колотушка, токмачь (macia, въ полов. кол. tocmac; ср. словарь Даля s. v. Токмарь), токарный станокъ (turnus). Въ отдѣлѣ Scriba (стр. 103) упоминается еще turnarius — токарь или точильщикъ?).

[3]) Постель, факелъ, треножникъ, солома, матрацъ, подушка, простыня, одѣяло, покрывало, коверъ, занавѣсъ, цыновка, сундукъ.

[4]) Портной (sartorius), игла (acus), нитки (fillum), ножницы (incisorium), пуговица (butana), шовъ (chostura), сукно (pannum lane; половецк. čacman, ср. русск. чекменъ), кусокъ матеріи (foratura, половецк. oprac), родъ ткани (bachairanj, см. Addenda et corrigenda у Куна, стр. 389; ср. ткань bocharame у Bărtianu, Actes des notaires génois... стр. 7, стр. 189 № CLXXVII, стр. 275 № CCCII и Brătianu, Recherches sur le commerce génois... стр. 245), шелкъ (septa), тулупъ, мѣхъ (penna), подкладка (burdu[s]; ср. burdum у Brătianu, Actes des notaires génois... стр. 7 и 167 №CXLVIII), покрывало (culter), матрацъ (straponta), рукавъ (manicha), локоть, мѣра длины (pichu[s], половецк. arsun, ср. русск. аршинъ). Объ итальянскихъ портныхъ въ Кафѣ см. Brătianu, Actes des notaires génois... стр. 251—2 (№ CCLXXI), стр. 252 (№ CCLXXII), стр. 259 (№ CCLXXXII), стр. 349 (№ 361), стр. 360 (№ 450). — Въ отдѣлѣ „Scriba“ (стр. 101) упоминается еще шапочникъ (capelerius) и шапка (capellus).

[5]) Сапожникъ (colegarius), сапогъ (stiuali), колодка (forma), шило (lesna), ножъ (cultellum), подошва, (sola), кожа для передка сапога (tomayra), сафьянъ (becunie; въ половецк. кол. sastian), кожа молодого барашка (montanine), задникъ башмака? (argorge; въ полов. кол. basmac), носокъ башмака? (auanpe и tomayra?). Объ итальянскихъ сапожникахъ въ Кафѣ см. Brătianu, ц. с. стр. 202—3 (№ CXCVI), стр. 245—6 (№ CCLXII), стр. 351 (№ 381).

[6]) Исправлено по Teza, ц. с. стр. 319. У Куна было axmixium.

[7]) Рубашка (camixia), штаны (braga; въ персидск. кол. — saluar), платье (vestimentu[m]; въ половецк. кол. — aprac), поясной ремень (corigia), сумка, кошелекъ (scarsella и bursa), шляпа (capellu[s]), платокъ (fazolun; въ полов. кол. čalma), большой платъ? (patauay), суконные сапоги (calige), чулокъ (scapin'), сапоги (stiuales), башмакъ (algorge, въ половецк. кол. basmac), голенище? (stralera), сума, котомка (besatie = bissaccia), фляга (flascu[s?]), палатка (tenda; въ половецк. кол. — čater), труба (vezia), зонтъ (paraso), повозка, арба (curru[s]; въ персидск. и половецк. — araba).

[8]) Брадобрей, бритва, зеркало, тазъ, ланцетъ, кожа, мазь.

[9]) Ср. то же раздѣленіе на врача и хирурга у итальянцевъ въ Кафѣ (Brătianu, ц. с. стр. 329, № 204, стр. 336, №№ 255 и 258, 1289 годъ).

ткача (tesitor),[1] живописца (inpintor)[2]; за живописцемъ слѣдуютъ три слова, относящіяся къ предметамъ его профессіи: кисть, краска и клей; далѣе находимъ — трактирщика (tab[er]narius),[3] мясника (mačelarius),[4] убойщика скота (curtelerius), садовника ([h]ortolanus), съ относящимися къ его профессіи предметами: растеніе, сѣмя, корень, вѣтви дерева, виноградникъ; пекаря (fornarius)[5] со слѣдующими за нимъ словами: печь (furnus, по полов. reč), лопата, прутья, бревно, мука, тѣсто, хлѣбъ, тортъ, родъ сладкаго хлѣба (fugatia); далѣе: наемный работникъ (pomele[r]ius), носильщикъ (portator); упоминаются, какъ будто, и должностныя лица: защитникъ, адвокатъ (aduocatus), гонецъ (cure[r]ius).[6]

Далѣе въ той же группѣ „Scriba" находимъ сѣдельщика (selarius), уздечника (frenerius), мечника (spat[har]ius), лучника (archerius), выдѣлывателя стрѣлъ (frexeterius), это повидимому тѣ ремесленники, которые изготовляли предметы вооруженія и шорнаго дѣла, о чемъ имѣются въ Кодексѣ двѣ спеціальныя группы словъ: „Res q[uae] p[er]tine[n]t ad bellu[m]" (стр. 118)[7] и „Res q[uae] p[er]tine[n]t equo" (стр. 121—122).[8]

Находимъ въ отдѣлѣ „Scriba" отраженіе и школьнаго дѣла въ словахъ: учитель (magister scolarum), школа (scola), скамья, мальчикъ, искусство, работа, творчество, стараніе, трудъ. Всѣ эти восемь словъ стоятъ вмѣстѣ, въ приведенномъ мною порядкѣ (стр. 104 Кодекса).

Наконецъ все въ томъ же сборномъ отдѣлѣ „Scriba" есть рядъ словъ, указы-

---

[1]) Ср. объ итальянскихъ ткачахъ въ Кафѣ у Brătianu ц. с. стр. 340, № 291; стр. 257, № 428; стр. 360, № 445.

[2]) Ср. о живописцахъ въ Кафѣ въ Уставѣ *1449* г. (Записки Одесскаго Общ. *Ист.* и Древн. *V*, стр. 709—710).

[3]) Ср. упоминаніе объ итальянцѣ-*трактирщикѣ* въ Кафѣ въ *1289 г.* у Brătianu, ц. с. стр. 195, № CLXXXIV.

[4]) Ср. объ итальянцахъ-мясникахъ въ Кафѣ у Brătianu, ц. с. стр. 339, № 283, стр. 350, № 371.

[5]) Ср. упоминаніе о пекаряхъ-итальянцахъ въ Кафѣ у Brătianu, ц. с. стр. 194 (№ CLXXXI) стр. 208, (№ CCV), стр. 253—4, (№ CCLXXIV), стр. 335 (№ 245), стр. 351 (№ 381).

[6]) Тоже, что executore—courrier у Brătianu, ц. с. стр. 180, № CLXII.

[7]) Заключаетъ въ себѣ слова: войско (exercitus), война (bellum), знамя (insegna), караулъ (guayta; въ половецкой колонкѣ — cosac), оружіе (arma), родъ одежды, предохраняющей отъ стрѣлъ? (frexetus; въ половецк. кол. sirdac; не отсюда ли украинск. „сердюкъ"?), безрукавный панцырь, кираса (coyračia), металлическій воротъ, защищающій отъ ударовъ шею, колетъ (colleratu[s]), шлемъ (ceruelera), кольчуга (coyretu[s]), латы (seĩchere = schiniere по Teza, ц. с. стр. 320), мечъ большой (spata), мечъ малый (gradius = gladius), лукъ (arcum; у Куна ошибочно — arcus, см. Teza, ц. с. стр. 320), стрѣла (frezia), самострѣлъ (balistra), стрѣлы балистры (quadrellus), копье (lanzia), палица (mazia), щитъ (scutus).

Ср. упоминаніе у итальянцевъ Кафы и Перы: кольчуги (coirellum, Brătianu, ц. с. стр. 103, № XLVIII), самострѣла со стрѣлами (balistra, quadrelli, ibid. стр. 222, № CCXXVII; ср. арбалетчикъ — Lazare Balistorío, ibid. стр. 254, № CCLXXIV). О военной охранѣ въ Кафѣ см. Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. V, стр. 699.

[8]) Со словами: лошадь (equus), подкова (ferrus), гвоздь (clauu[s]), стойло (stalla), торба (p[er]finellus), скребница (stregia), недоуздокъ (capistrus), уздечка (brilla), удила (morsus), кольцо недоуздка (anellus), ремень (для стреноживанія? trauce), поводъ (redena), потникъ? подсѣдельникъ? (barda), потникъ? (feltru[s?]), попона (copta), родъ вальдтрапа? (cuperta selle), полотняная подпруга? (pectoralis), ременная подпруга? (cingla), подхвостникъ (posna), ворварка? (grupus съ pola; послѣдн. буквально значитъ кисть), пряжка (fibla), язычекъ пряжки (ardiiomis), вьючное сѣдло (bastun), стремя (strene), передняя и задняя лука? (arzonû. añ и arzonu. ret⁰), и др.

вающихъ на развлеченія: пѣвецъ (catator), музыкантъ (sonator), жонглеръ (jugularius), забава (gazayra), шутка (beffa), насмѣшка (gabon; въ перс. кол. mascara), представленіе (solatium), трубы, большая и малая (tronbe, tronbeta), рогъ (caramella; въ персидск. и половецк. колонкахъ — surna, suruna), барабанъ (tanburlus), бубенъ (nachare)[1]; и тутъ же: блудница (meretrix), сводница (rofiana), публичный домъ (bordellum).

Отдѣльная группа „Nobilitas ho[m]i[n]um et mulier[um]" стр. 104—105) перечисляетъ властей: императора (imperator, въ персидск. кол. padisa, въ половецк. can), короля (rex, въ перс. patia, въ полов. soltan), султана (soldan), князя (princep; pser или patia въ перс., beg — въ полов.), барона (baron[us], amir въ перс., bey въ полов.), военачальника (armiragius), посла (mesaticus), подесту (potestas; въ перс. и полов. кол. переведенъ словомъ „судья"), консула (consul, chadi въ перс., seriat въ полов.), императрицу, королеву, господина (dominus), и здѣсь же: корона, собраніе (curia, въ половецк. orda), сторожъ, воинъ, рабы, рабыни и переводчикъ.

Въ заключеніи Кодексъ даетъ перечень вещей, „которыя относятся къ ѣдѣ" („Res quae pertine[n]t ad me[n]sam", стр. 123—124) и къ кухоннымъ принадлежностямъ („Res q[uae] p[er]tine[n]t ad cochina[m]", стр. 124—125), перечень фруктовыхъ деревьевъ и ихъ плодовъ („Victualia q[uae] nascunt[ur]. No[m]i[n]a arbor[um] et fruc[tum]", стр. 125—126), овощей („No[m]i[n]a erbar[um]", стр. 126—127), молочныхъ и другихъ продуктовъ („Victualia quae nascunt[ur]", стр. 130—131) и, наконецъ, перечень животныхъ („Nomina bestiaru[m]", стр. 127—129), птицъ („No[m]i[n]a volucru[m]", стр. 129—130) и насѣкомыхъ („No[m]i[n]a vermiu[m]" стр. 129), до вшей, блохъ и клоповъ включительно.

Итальянская часть заканчивается глоссою: „d[eus] d[omin]us p[articipe]s [nos] hereditatis tue fac alias".[2]

Таково содержаніе интересующей насъ итальянской части Кодекса. Прежде чѣмъ дѣлать выводы изъ этого словарнаго матеріала, необходимо предварительно выяснить вопросъ о времени составленія Кодекса.

Какъ мы видѣли, Кодексъ начинается датою 11 Іюля 1303 года. Но можно ли въ этой датѣ видѣть день составленія Кодекса? W. Bang и дѣлаетъ такой выводъ.[3] Однако небрежность записи Кодекса, многочисленныя описки, спутыванія параллельныхъ словъ трехъ колонокъ,[4] — все это заставляетъ видѣть въ авторѣ лишь переписчика, а не составителя Кодекса, и переписчика достаточно

---

[1]) О музыкантахъ при консулѣ Кафы „какъ это издревле водится" упоминается въ уставѣ 1449 г. (Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн. V, стр. 702); тамъ же уп. и трубачи. Трубачъ (trombatoris) уп. и въ генуэзскихъ нотаріальныхъ актахъ Перы (Brătianu, ц. с. стр. 139, № CIV, 1281 г.).

[2]) Кунъ, стр. 131 и пр. 7. Издатель, къ сожалѣнію, не отмѣчаетъ какою рукою сдѣлана эта глосса.

[3]) Beiträge zur Kritik des Cod. Cum., S. 34; Über die Herkunft des Cod. Cum., S. 245.

[4]) Напр. на стр. 101 ошибочно стоитъ въ персидск. кол. dalal противъ incantator латинск. кол.; на стр. 123 capsia латинск. кол. ошибочно переведено какъ buria (перс. кол.) и ghaser или yegan (половецк. кол.), вмѣсто должныхъ sanduc и sinduc, стоящихъ строчкой ниже и ошибочно отвѣчающихъ латинск. слову talam', которое требуетъ перевода buria (для перс. кол.) и ghaser или yegan (для полов. кол.); на стр. 88 въ половецкой колонкѣ слово yol (дорога) стоитъ два раза; во второмъ мѣстѣ оно явно ошибочно, такъ какъ въ латинской колонкѣ стоитъ caminum.

безграмотнаго, плохо знавшаго персидскій и половецкій языки.[1] Съ другой стороны, самый словарный матеріалъ и его расположеніе въ Кодексѣ позволяютъ сдѣлать выводъ о постепенномъ собираніи этого матеріала. Такъ, напр., обширная группа „Mercimonia que pertinent ad mercatorem“ первоначально была составлена въ алфавитномъ порядкѣ, заключая въ себѣ перечень тканей и ткацкаго сырья — отъ canauû до vellutus, а уже затѣмъ была вѣроятно дополнена; эти дополненія приписывались ниже, безъ соблюденія алфавита, и, очевидно, лишь послѣ этихъ приписокъ группа эта приняла теперешній видъ; то же видимъ въ группѣ „Hec continent de spetiario et spetiaria“, гдѣ алфавитный перечень пряностей выдержанъ отъ aqua rosa (стр. 94) до unguentum (стр. 96), представляя собою можетъ быть зерно этой группы, вокругъ котораго затѣмъ были приписываемы остальныя слова. Въ алфавитномъ словарѣ, предшествующемъ групповому, часто слова цѣлыми пачками остаются безъ перевода на оба азіатскихъ языка; это наводитъ на мысль, что слова эти были вписаны послѣ того, какъ былъ данъ переводъ остальнымъ словамъ[2]; то же можно сказать и объ оставшихся безъ перевода пачкахъ словъ въ групповомъ словарѣ.[3] Наконецъ, проф. А. Н. Самойловичъ, изслѣдовавшій соотношенія названій христіанскихъ и мусульманскихъ мѣсяцевъ, находящихся въ группѣ „Hec sunt tempora“ (стр. 80—81), пришелъ къ заключенію, что мы „имѣемъ... право утверждать съ достаточной опредѣленностью, что матеріалъ по мусульманскимъ мѣсяцамъ для персидскаго столбца Кодекса и по половецкимъ — для куманскаго столбца былъ записанъ не въ XIV, а въ XIII вѣкѣ, за 9 лѣтъ до начала изготовленія рукописи первой части Кодекса“ (т. е. въ 1294 г.).[4]

Итакъ, дошедшій до насъ Кодексъ представляетъ собою, по всей вѣроятности, лишь копію съ болѣе древняго оригинала, восходящаго къ XIII ст., оригинала, который въ свою очередь создался не сразу, а постепенно, путемъ ряда послѣдовательныхъ добавленій. Копія же съ этого оригинала была сдѣлана въ 1303 году.

Для какихъ же цѣлей и кѣмъ былъ составленъ Кодексъ? Не похоже, чтобы онъ былъ плодомъ кабинетной работы средневѣковаго любителя-лингвиста; скорѣе все говоритъ за то, что Кодексъ имѣлъ преимущественно цѣли практическія; повидимому Кодексъ переписывался, и не разъ; при наборѣ словъ

---

¹) E. Teza, Gli inni... стр. 587; J. Grzegorzewski, ц. с. стр. 91. пр. I. Послѣдній считаетъ дошедшій до насъ экземпляръ Кодекса второй или третьей копіей первоначальнаго оригинала.

²) Особенно много такихъ пропусковъ переводовъ въ буквѣ L (стр. 33—4), P (стр. 43), V (стр. 62)

³) Напримѣръ начальные 10 словъ группы „Scriba“ (стр. 100—101), 6 послѣднихъ словъ группы „Res quae pertinent ad bellum“ (стр. 118), 3 послѣднихъ слова группы „Res que pertinent ad vestes“ (стр. 119), 3 послѣднихъ слова группы „Res quae pertinent ad mensam“ (стр. 124), 3 послѣднихъ слова группы „Nomina erbarum“ (стр. 127). Характерно, что всѣ эти слова находятся въ началѣ или въ концѣ группъ.

⁴) А. Н. Самойлович, К истории и критике Codex Cumanicus. Доклады Российской Академии Наук, 1924, 87; акад. К. Залеманъ также относилъ составленіе Кодекса къ XIII вѣку (S. Salemann, Zur Kritik des Codex Cumanicus, Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, VI серія, 1910, № 2, стр. 943, 951; ср. А. Н. Самойлович, ц. с. стр. 86). Ср. еще замѣчанія къ выводамъ А. Н. Самойловича у Tadeusz Kowalski, Zu den türkischen Monatsnamen въ Archiv Orientalní, Praha, 1930, II, 1, стр. 23, пр. 1.

составители его интересовались лишь опредѣленными, нужными имъ словами, а отнюдь не словами вообще относящимися напр. къ войнѣ, къ одеждѣ: въ группѣ „Res quae pertinent ad bellum" мы не найдемъ всего военнаго набора половцевъ (колчана, налучья-сагадака и т. п.), а въ группѣ „Res quae pertinent ad axnixium hominus" не будетъ такихъ характерныхъ для азіатовъ видовъ одежды какъ кафтанъ, халатъ. Вообще весь словарный матеріалъ обоихъ азіатскихъ языковъ нигдѣ не выступаетъ самостоятельно, а всегда лишь въ качествѣ подчиненнаго требованіямъ латинской колонки.[1] Академикъ В. В. Бартольдъ съ полнымъ основаніемъ назвалъ Кодексъ „любопытнымъ памятникомъ... практическаго оріентализма".[2]

Кѣмъ же былъ составленъ Кодексъ? Старые изслѣдователи считали авторомъ его итальянскихъ купцовъ.[3] Но въ новѣйшее время появилось другое мнѣніе, именно, что авторомъ Кодекса было лицо духовное и, въ частности, францисканскій миссіонеръ. Главнымъ представителемъ этого мнѣнія является проф. W. Bang.[4]

Въ такомъ узкомъ пріурочиваніи Кодекса или только купцу или только миссіонеру заключается, на нашъ взглядъ, общая ошибка обоихъ этихъ противуположныхъ мнѣній. Врядъ ли Кодексъ былъ составленъ купцомъ и лишь для коммерческихъ его интересовъ. Противъ этого говоритъ и наличіе церковныхъ терминовъ и словъ, выражающихъ религіозно-моральныя понятія, и, наконецъ, обстоятельное перечисленіе частей тѣла и внутреннихъ органовъ человѣка, интересное лишь врачу. Не меньшей трудностью было бы пріурочить авторство Кодекса лицу духовному, какъ то сдѣлалъ W. Bang. Разберемъ его доводы. W. Bang видитъ авторство францисканскаго монаха прежде всего въ заглавныхъ строчкахъ Кодекса „In nomine dominj Nostri ihesu xristi...", а въ особенности въ слѣдующей затѣмъ фразѣ: „Ad honorem dei et Beati Johannis Euangeliste". Bang обнаружилъ въ г. Сараѣ существованіе въ началѣ XIV ст. франци-

---

[1]) Доказательствомъ тому, что персидско-половецкія колонки не носили самостоятельнаго словарнаго характера можетъ служить, кромѣ алфавитнаго порядка латинской колонки, также и то, что персидскій или половецкій переводы часто производятся одними и тѣми же словами, при различныхъ словахъ латинской колонки (см. напр. персидск. chilit и для clauatura и для claus (стр. 119), randa для manayra и yona (стр. 100), abre — для nubiloxum, nubes и nebula (стр. 82).

[2]) В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-ое, 1925, стр. 78. Этотъ же взглядъ о практическихъ цѣляхъ составленія Кодекса высказалъ еще R. Roesler, Romänische Studien, S. 338—339. Ср. замѣчаніе акад. К. Залемана о результатѣ анализа имъ персидской колонки: „мы здѣсь не имѣемъ дѣло съ высшимъ, литературнымъ языкомъ, а съ немного народнымъ, обиходнымъ" (Zur Kritik des Codex Cumanicus, стр. 951—952).

[3]) M. Klaproth, Métoires relatifs à l'Asie, стр. 121, G. Kuun, Prologomena, p. CXXII, акад. Радловъ, О языкѣ кумановъ, стр. 7, 31—32, W. Heyd, Histoire du commerce, т. II, стр. 242 и пр. 5 и 6.

[4]) Beiträge zur Kritik des Codex Cumanicus, S. 32—40; Über die Herkunft des Codex Cumanicus, S. 244—245. Еще до Банга такое же мнѣніе высказалъ E. Teza (Un' altra occhiata al Codex Cumanicus, стр. 317, гдѣ, впрочемъ, онъ допускаетъ, что купецъ могъ добавить въ Кодексъ то, что относилось къ коммерціи; но въ другой статьѣ — Gli inni e le preghiere in lingua cumanica..., стр. 586, опредѣленно говоритъ о монастырскомъ происхожденіи Кодекса). Мнѣніе Банга повторилъ M. Bihl, O. F. M., Archivium Franciscanum Historicum, t. VII, 1914, p. 139 и S. Saleville, Codex Cumanicus, стр. 278—286, и развилъ J. Grzegorzewski (ц. с. стр. 92).

сканскаго монастыря св. Іоанна и сдѣлалъ отсюда выводъ, что „in diesem Kloster S. Joannes wurde am 11 Juli 1303 der italienische Teil des Codex Cumonicus begonnen“.[1] Мы уже говорили выше о томъ, что словарный матерьялъ Кодекса набирался не сразу, а задолго еще до 1303 г. и что, по всей вѣроятности, дошедшій до насъ экземпляръ Кодекса представляетъ собою лишь одинъ изъ болѣе позднихъ списковъ этого словаря. Поэтому, если доказательства Bang'a и вѣрны, то это относится лишь къ дошедшему до насъ списку Кодекса, а не къ его оригиналу.[2] Другой доводъ Bang'a въ пользу составленія нашего Кодекса монахомъ — это неполнота перечня въ Кодексѣ товаровъ, вывозимыхъ съ Черноморскаго побережья, въ томъ числѣ такихъ „важнѣйшихъ статей экспорта“ какъ шелка, мѣха, сушеной рыбы, осетровъ, клея и икры“, а также отсутствіе „списка такихъ словъ, которыя бы при нагрузкѣ и переноскѣ товаровъ были бы полезны“.[3] Какъ мы видѣли выше, Кодексъ даетъ цѣлый рядъ словъ для шелка и шелковыхъ матерій, а мѣхамъ посвящаетъ даже спеціальную группу; что же касается рыбы, клея и икры, то всѣ эти предметы вывоза характерны главнымъ образомъ для Таны и побережья Азовскаго моря и могутъ вполнѣ естественно отсутствовать въ другой какой-либо итальянской черноморской колоніи, тѣмъ болѣе въ какой-либо факторіи не прибрежной, а материковой. Съ другой стороны было бы слишкомъ притянутымъ объяснять подробнѣйшее перечисленіе въ Кодексѣ восточныхъ товаровъ тѣмъ, что они „nur weil sie in den Hafenplätzen zum Gemeingut geworden waren“.[4] Наконецъ, такіе спеціальные термины торговли и торговыхъ сдѣлокъ, какими полны группы словъ „Nomina artium et que pertinent eis“ и „Mercimonia que pertinent ad mercatorem“, врядъ ли могли быть составлены проповѣдникомъ.[5]

---

¹) Ueber die Herkunft des Cod. Cun., S. 245.

²) Трудно представить, чтобы въ словарѣ, составленномъ въ монастырѣ, отсутствовали такія слова какъ монастырь, аббатъ, монахъ; въ нашемъ же Кодексѣ нѣтъ не только ихъ, но и какихъ-либо вообще слѣдовъ церковной іерархіи и церковной организаціи, за исключеніемъ слова presbiter въ группѣ „Nomina rerum, que pertinent Deo et ad serviendum ey“.

³) Beiträge zur Kritik des Cod. Cum. S. 35.

⁴) Ibid. S. 35.

⁵) Даже въ такихъ группахъ словъ абстрактныхъ понятій, какъ „Complementa hominum“ и „Defecta hominum“, на которыя указываетъ Bang, какъ на доказательство составленія ихъ лицомъ духовнымъ, можно было бы видѣть скорѣе отраженіе свѣтскаго міровоззрѣнія, когда въ недостатки человѣку вмѣняется старость, а достоинствомъ считается — сила, веселость, знатность и изящество; въ отдѣлѣ же „Scriba“ вмѣстѣ съ остальными профессіями дѣловито перечислены блудницы и сводницы, мѣсто которымъ, съ точки зрѣнія клирика, скорѣе въ отдѣлѣ „Defecta hominum“. Наконецъ, когда итальянская часть Кодекса попала въ руки несомнѣнныхъ миссіонеровъ — къ нѣмцамъ, авторамъ второй части Кодекса, то послѣднихъ интересовалъ, судя по различнымъ исправленіямъ и добавленіямъ, сдѣланнымъ ими, лишь алфавитный словарь, а въ групповомъ словарѣ лишь такіе отдѣлы, какъ „Nomina rerum que pertinent Deo et ad seruiendum ey“ и отчасти „Hec sunt menbra hominum et mulierum“, „Hec sunt tempora“ и „Res contrarie“. Остальнымъ матеріаломъ Кодекса почти совершенно не пользовались — очевидно этотъ матеріалъ въ его цѣломъ былъ шире потребностей миссіонера (см. въ перечисленныхъ группахъ примѣчанія Куна о помѣткахъ въ этихъ группахъ „нѣмецкихъ рукъ“).

Развивая мысль W. Bang'a, J. Grzegorzewski (ц. с. стр. 92) полагалъ, что первая часть Кодекса служила подготовительнымъ матеріаломъ для проповѣди половцамъ христіанства и наличіе персидской колонки въ Кодексѣ объяснялъ большею развитостью, утонченностью пер-

Такимъ образомъ надо признать, что назначеніе Кодекса было шире, чѣмъ служеніе интересамъ лишь купца или лишь миссіонера. Это былъ словарь для цѣлой итальянской колоніи, жившей въ мѣстѣ постоянныхъ встрѣчъ съ персидскими и половецкими элементами.

Гдѣ же могло быть соединеніе этихъ трехъ языковъ? Прежде всего мѣсто это должно было быть не случайнымъ и кратковременнымъ мѣстомъ пребыванія въ немъ итальянцевъ, такъ какъ интересъ ихъ къ терминамъ построекъ, различныхъ мастерскихъ, упоминаніе должностныхъ лицъ, — свидѣтельствуетъ о прочности быта итальянцевъ въ этой мѣстности; перечень же словъ торговаго дѣла, различныхъ товаровъ, говоритъ за то, что такимъ мѣстомъ былъ большой торговый центръ; наконецъ, самое соединеніе персидскаго и половецкаго языковъ говоритъ о пестротѣ населенія такого города — обычный признакъ его торговаго значенія.

Изслѣдователи Кодекса, за исключеніемъ уже приведеннаго мнѣнія W. Bang'a о гор. Сараѣ, не останавливались спеціально надъ этимъ вопросомъ, давая по этому поводу лишь бѣглыя замѣчанія. Такъ O. Blau[1] возможнымъ мѣстомъ родины Кодекса предполагалъ „базары Приазовья", C. Jireček[2] — Кафу „или, вообще Крымъ".

Разсмотримъ возможности совмѣстнаго нахожденія въ Причерноморьѣ всѣхъ трехъ языковъ въ эту пору, т. е. въ концѣ XIII вѣка.

Наличіе половцевъ-кумановъ въ Причерноморьѣ послѣ татарскаго нашествія не представляетъ трудностей для объясненій: мы имѣемъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ объ ихъ существованіи какъ въ степяхъ, на мѣстѣ ихъ прежнихъ кочевій, такъ и въ городахъ, теперь только въ качествѣ татарскихъ подданныхъ.[3]

Но какъ объяснить наличіе персидской колонки и, слѣдовательно, пребываніе персовъ-торговцевъ, ремесленниковъ и др. въ одномъ городѣ съ итальянцами?

сидскаго языка сравнительно съ половецкимъ, на которомъ переводчикъ не могъ бы передать всѣхъ абстрактныхъ терминовъ христіанскаго ученія и потому долженъ былъ прибѣгать къ персидскому языку, хорошо извѣстному, по предположенію Гржегоржевскаго, высшимъ слоямъ половецкаго народа. Когда черезъ такое посредство персидскаго языка абстрактные термины половцами были усвоены, тогда во второй части Кодекса уже не потребовалось привлеченіе этого языка и абстрактныя понятія и богословскіе термины были записаны въ ней на языкѣ туземномъ, половецкомъ.

Натянутость такого объясненія станетъ очевидной, если вспомнить количественное соотношеніе абстрактныхъ и чисто-практическихъ терминовъ I-ой части Кодекса, наличіе послѣднихъ въ такомъ случаѣ не имѣло бы никакого объясненія. Къ тому же Гржегоржевскій забылъ, что эти двѣ части Кодекса представляли собою первоначально совершенно самостоятельныя работы, составленныя людьми разныхъ націй и неимѣвшія между собою никакихъ задачъ послѣдовательности.

[1]) O. Blau, Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen, S. 575.

[2]) C. Jireček, Einige Bemerkungen über die Überreste der Petschenegen und Kumanen... im heutigen Bulgarien. Sitzungsberichte d. k. Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften, Classe für Philosophie, Geschichte und Philologie, Jahrgang 1889, Prag, 1890, S. 9.

[3]) Плано Карпини (пер. А. Малеина), стр. 50, Рубрукъ (пер. его же), стр. 80 и 86, O. Blau, ц. с. стр. 565—567, П. Голубовскій, Печенѣги, Торки, Половцы до нашествія татаръ, 1884 гл. VI. О пребываніи половцевъ въ Солхатѣ-Крымѣ см. В. Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріяловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, т. I, СПБ, 1884, стр. 63, 192; въ Сараѣ — ibid. стр. 306.

И къ тому же, очевидно, какъ разъ языкъ персовъ былъ всего важнѣе итальянцамъ, разъ они его поставили на первое мѣсто послѣ своего въ колонкахъ Кодекса.[1] Гдѣ можно искать такой городъ? Въ прибрежныхъ городахъ-колоніяхъ итальянцевъ — въ Кафѣ и Танѣ, напримѣръ, нѣтъ никакихъ слѣдовъ пребыванія въ нихъ персовъ[2]; легче было бы искать такое мѣсто восточнѣе, въ районѣ сѣвернаго Кавказа или въ Сараѣ, но въ такомъ случаѣ было бы крайне трудно объяснить присутствіе тамъ уже во второй половинѣ XIII в. прочныхъ итальянскихъ колоній, которыя лишь постепенно распространялись отъ запада на востокъ по сѣверному Причерноморью. Поэтому въ такое раннее время для итальянскихъ колоній въ Причерноморьѣ всего естественнѣе надо искать это мѣсто ближе къ западу, т. е. въ районѣ Крыма. И какъ разъ здѣсь намъ извѣстенъ большой и цвѣтущій — и именно въ это время — городъ, тогдашняя столица Крыма — Солхатъ.

Солхатъ (иначе Эски — или Старый Крымъ) былъ резиденціей намѣстника золотоордынскаго хана и, по свидѣтельству арабскихъ писателей, въ XIII в. былъ однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ въ Причерноморско-Каспійской области. Египетскій султанъ Бибаръ, половецъ родомъ, воздвигъ въ Солхатѣ изъ бѣлаго мрамора мечеть съ извѣстной надписью, относимой къ 1314 году[3]; городъ славился у мусульманъ своими школами и учителями.[4] Для насъ особенно интересно отмѣтить то, что Солхатъ въ это время былъ связанъ прямымъ караваннымъ путемъ съ Хоросаномъ; объ этомъ говоритъ арабскій писатель XV в. Ибнъ-Арабашахъ,[5] и Heyd справедливо относитъ это упоминаніе Ибнъ-Арабашаха о быломъ расцвѣтѣ крымско-хоросанской торговли — ко второй половинѣ XIII и нач. XIV в. в.[6] Солхатъ служилъ въ то время конечнымъ караваннымъ пунктомъ этого торговаго пути, откуда восточные товары Чернымъ моремъ (черезъ порты Кафы и Судака) шли въ Турцію, Византію, Сирію, Египетъ и южную Европу, гл. обр. въ Италію.[7]

О пребываніи въ Солхатѣ итальянцевъ и о существованіи у нихъ въ самомъ началѣ XIV в. тамъ факторіи знаемъ изъ Officium Gazariae.[8] О поселеніи тамъ

---

[1]) Если бы половецкій языкъ былъ помѣщенъ въ Кодексѣ какъ международный для черноморско-каспійскихъ степей въ XIII—XIV в.в. „lingua comanica" (о такомъ значеніи половецкаго языка свидѣтельствуетъ францисканскій монахъ Паскаль — см. Wadding, Annales Minorum, Roma 1773, VII, 256) то *половецкая колонка* въ такомъ случаѣ должна была бы стоять въ Кодексѣ на первомъ мѣстѣ послѣ латинской; въ нашемъ же Кодексѣ половецкій языкъ имѣлъ, очевидно, лишь мѣстное значеніе.

[2]) *Ср.* G. I. Brătianu, Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle. Bucurest, 1927.

[3]) Ибнъ-эль-Форатъ, Тизенгаузенъ, ц. с. стр. 363.

[4]) Ибнъ-Батута, Тизенгаузенъ, ц. с. стр. 280—281.

[5]) Тизенгаузенъ, ц. с. стр. 460.

[6]) Heyd, Histoire du commerse, II, 176.

[7]) Эль-Муфаддаль (Тизенгаузенъ, стр. 195), Ибнъ-Дукмакъ (ibid, стр. 330), Эль-Айни (ibid, стр. 523—4); Heyd, II, 176.

[8]) Monumenta Historiae Partiae, t. II, col. 379, 390, 408—409. Ср. Heyd II, стр. 175. Въ 1316 г. было издано Генуей запрещеніе устраивать генуэзцамъ склады въ Солхатѣ и имѣть въ немъ постоянное пребываніе — доказательство тому, что до запрещенія все это практиковалось. Въ концѣ XIII в. упоминается въ Солхатѣ католическая часовня, обслуживаемая, повидимому,

половцевъ знаемъ по упоминанію объ этомъ у Ибнъ-Абдеззахыра.[1] Что же касается персовъ, то какъ разъ съ ними о Солхатѣ эпохи его расцвѣта особенно были связаны позднѣйшія воспоминанія у обитателей этого города. Полякъ Мартинъ Броневскій, проѣзжавшій въ 1578 г. Солхатъ, замѣчаетъ о немъ: „многіе турки и татары, тамъ живущіе, и нѣкоторые греки говорятъ о томъ, что ихъ предки всегда помнили, будто этотъ городъ нѣкогда населенъ былъ народомъ персидскимъ (eam ciuitatem a Persarum olim gente inhabitatam) и почитался первѣйшимъ изъ городовъ, что въ немъ процвѣтали науки и искусства. И въ самомъ дѣлѣ — добавляетъ отъ себя Броневскій — видно изъ развалинъ и обширности мѣста, что это былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ и величайшихъ городовъ своего времени".[2]

Интересно сопоставить указаніе Ибнъ-Арабашаха о Солхатѣ, какъ конечномъ пунктѣ караваннаго пути изъ Хоросана, съ замѣчаніемъ акад. К. Залемана, что родину языка персидской колонки Codex Cumanicus „надо искать, пожалуй, въ Хоросанѣ."[3]

Словомъ, нѣтъ препятствій къ выводу, что Кодексъ нашъ возникъ въ Солхатѣ. Наоборотъ, свѣдѣнія, которыя у насъ имѣются объ этомъ городѣ и словарный матерьялъ Кодекса — все подтверждаетъ этотъ выводъ. Пріурочивая Кодексъ къ Солхату, станетъ понятно, почему для итальянцевъ персидская колонка была важнѣе, нежели половецкая; равно какъ будетъ яснымъ и отсутствіе въ Кодексѣ, напримѣръ, терминовъ нагрузки, сушеной рыбы, клея, икры — все это будетъ вполнѣ естественнымъ, если вспомнить материковое расположеніе Солхата.

Если вѣрна наша догадка о составленіи Кодекса въ Солхатѣ для нуждъ цѣлой итальянской колоніи, то это дало бы, наконецъ, возможность пустить въ научный обиходъ весь тотъ богатый матерьялъ, который содержитъ въ себѣ Кодексъ, ибо одной изъ причинъ того, что Кодексъ оставался неиспользованнымъ, какъ памятникъ историко-культурный, является невыясненность его локализаціи.

Локализація же Кодекса Солхатомъ привела бы къ выводу о существованіи уже во второй половинѣ XIII столѣтія развитой итальянской факторіи въ этомъ городѣ съ прочно поставленнымъ торговымъ дѣломъ, гдѣ итальянцы имѣли свои постройки — частные дома и школу, въ которой учились ихъ дѣти, имѣли

францисканцами. То обстоятельство, что въ Солхатѣ была лишь часовня, а не монастырь, какъ разъ отвѣчаетъ словарному матеріалу итальянской части Кодекса, касающемуся церкви, ибо, какъ я уже указалъ выше (стр. 209 пр. 2) въ отдѣлѣ «Nomina rerum que pertinent Deo et ad serviendum ey» нѣтъ никакихъ упоминаній о монастырѣ. О часовнѣ въ Солхатѣ см. у Brătianu, Recherches sur le commerce génois... стр. 232.

[1]) Тизенгаузенъ, ц. с. стр. 62; ср. стр. 192.

[2]) Martini Broniovii de Biezdzfedea, bis in Tartariam nomine Stephani Primi Poloniae Regis Legati, Tartariae descriptio. Coloniae Agrippiae, 1595, pag. 9, Русскій переводъ Шершеневича: „Описаніе Крыма Мартина Броневскаго" въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, VI, 1867, стр. 346.

[3]) Zur Kritik des Codex Cumanicus, стр. 951—952. Среди старо-крымскихъ надгробій находимъ упоминаніе о погребеніи въ Старомъ Крыму (Солхатѣ) и персовъ. См. Осман Акчокраклы Старо-Крымские и Отузские надписи XIII—XV в.в. Известия Таврического Общества Истории Археологии и Этнографии, Симферополь 1927, т. I, стр. 6 и 13, могилы №№ 59 и 85.

священника, врачей, учителя, военную охрану, различныхъ своихъ ремесленниковъ — каменщиковъ, плотниковъ, кузнецовъ, портныхъ, шапочниковъ, сапожниковъ, скорняковъ, ткачей, живописцевъ, лучниковъ, мечниковъ, шорниковъ, садовниковъ, мясниковъ, пекарей, брадобреевъ, наконецъ, различныхъ жонглеровъ и музыкантовъ, увеселявшихъ колонію. Итальянскіе врачи вѣроятно практиковали также и среди туземцевъ, священники — миссіонерствовали среди нихъ.

Однако, итальянцы, подолгу живя въ чужомъ имъ городѣ, соприкасаясь съ туземцами во всѣхъ сторонахъ мелочей быта, интересуясь ими, собирая словарный матерьялъ не только узко-практическаго характера, но и болѣе отвлеченныхъ понятій, сами тѣмъ не менѣе, въ своемъ быту, если о немъ судить по тому же словарному матерьялу Кодекса, не подпадали мѣстнымъ азіатскимъ вліяніямъ: на всѣ предметы, а тѣмъ болѣе понятія, они имѣли собственныя итальянскія (или латинскія) слова[1]; впрочемъ, не видно и обратнаго: проникновенія итальяно-латинскихъ словъ въ персидско-половецкій словарь.[2] Это почти полное отсутствіе взаимныхъ вліяній, можно, впрочемъ, понимать и такъ, что словарный матерьялъ нашего Кодекса былъ записанъ въ самомъ началѣ зарожденія итальянской колоніи, когда итальянцы были еще новоселами и не успѣли впитать въ свой обиходъ туземныхъ словъ.

Что же касается предметовъ торговли, то чрезвычайно трудно опредѣлить — что здѣсь привозилось для Востока, что вывозилось на Западъ. Съ нѣкоторой долей опредѣленности мы можемъ говорить лишь о тканяхъ. Такъ, всѣ эти остійскія, кремонскія, ломбардскія, остумскія, бергамскія и нѣмецкія ткани — сами за себя своими названіями говорятъ о ввозѣ ихъ итальянцами въ Крымъ; ввозились также дорогія византійскія матеріи, какъ напр., скарлатъ, оливковое масло и, кажется, металлы. Вывозилось же — сырье: шелкъ, руно, шерсть, кудель, хлопокъ, медъ, воскъ, смола, мѣха, нѣкоторыя восточныя ткани, особенно шелковыя, пряности и, наконецъ, рабы. Классификація предметовъ ввоза и вывоза осложняется тѣмъ, что Кодексъ отражаетъ, на нашъ взглядъ, не только торговлю Солхата съ западомъ, съ Италіей, но и съ югомъ — Малой Азіей, Аравіей и Сиріей. Группа „Hec continent de spetiaro et spetiaria“ заключаетъ въ себѣ рядъ товаровъ, которые, по Heyd'у, являются характерными для Малой Азіи, какъ ладанъ, адрагантъ, скаммоній, квасцы[3]; алоэ — характернымъ для острова Сокотры у Аравіи,[4] колганъ — для Сиріи.[5] Сношенія Крыма прямымъ морскимъ путемъ съ портами Анатолійскаго полуострова — Синопомъ, Самсуномъ и Трапезундомъ были всегда очень интенсивны, какъ до, такъ и послѣ татарскаго нашествія,[6] а при татарахъ они вѣроятно еще болѣе развились благодаря по-

[1]) Это не относится къ названіямъ пряностей, гдѣ встрѣчаемъ много чужихъ словъ, но ихъ нельзя разсматривать какъ результатъ мѣстныхъ вліяній; это были слова международныя въ тогдашнемъ торговомъ мірѣ.

[2]) См. лишь turt (стр. 103) въ персидской колонкѣ для латинск. слова turta (тортъ), да furn (стр. 102) для латинск. furnus, печь.

[3]) Heyd, II, стр. 565, 623, 631, 669. Вся разработка и продажа квасцовъ въ Иконіи принадлежала съ 1275 по 1455 гг. генуэзцамъ (ibid. стр. 565).

[4]) Heyd, II, стр. 563, 582—4.

[5]) Ibid. стр. 617.

[6]) Благопріятнымъ условіемъ для развитія этой торговли въ до-татарскій періодъ было вхо-

средничеству генуэзцевъ, которые постоянно плавали съ сѣвернаго черноморскаго побережья къ южному, въ Синопъ и Трапезундъ.[1] Подтвержденіемъ непосредственной торговли Крыма съ Сиріей (какъ сухопутнымъ путемъ, отъ Синопа черезъ Малую Азію такъ и моремъ) могутъ служить упоминанія объ этомъ у кафскихъ итальянскихъ нотаріевъ, а также нерѣдко встрѣчающіеся въ XIII—XIV вв. упоминанія сирійцевъ въ Кафѣ и Солхатѣ.[2]

Д. Расовскій.

жденіе Крыма въ сферу политическаго вліянія сельджукскихъ султановъ (объ этомъ см. В. Д. Смирновъ, Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПБ. 1887, стр. 11; А. Якубовский, Рассказ Ибн-ал-Биби... Византійскій Временник, т. XXV), а въ татарскій періодъ — поселеніе въ Крыму значительнаго количества эмигрировавшихъ изъ Малой Азіи сельджуковъ (В. Д. Смирновъ, ц. с. стр. 18). Ибн-аль-Асиръ подъ 1205/6 г. говоритъ объ интенсивной торговлѣ между сѣвернымъ Причерноморьемъ и Малой Азіей, Сиріей и Мессопотаміей (Defrémery. Fragmants... Journal Asiatique, 4 sèrie, t. XIV, p. 461—2; ср. А. Якубовский, ц. с. стр. 65—66). Для татарскаго времени ср. напр. указанія Рубрука (пер. А. Малеина, стр. 66): „Въ серединѣ же, приблизительно въ направленіи къ южной оконечности, Кессарія (Хазарія, здѣсь собственно Крымскій полуостровъ) имѣетъ городъ, именуемый Солдаія, который обращенъ къ Синополю наискось, и туда пристаютъ всѣ купцы, какъ ѣдущіе изъ Турціи и желающіе направиться въ сѣверныя страны, такъ и ѣдущіе обратно изъ Россіи и сѣверныхъ странъ и желающіе переправиться въ Турцію. Одни привозятъ горностаевъ, бѣлокъ и другіе драгоцѣнные мѣха; другіе привозятъ ткани изъ хлопчатой бумаги, бумазею, шелковыя матеріи и душистые коренья“; см. еще Омари: „Les navigateurs qui font voile de Sinope vont à Soudak, attendu que de toutes les villes de cette contrée c'est la plus voisine du départ, et que les premières limites du pays dont elle fait partie, touchent à l'extrémité orientale du royaume de Trabizonde. C'est pour cela que cette principauté est fréquentée par les navigateurs qui veulent faire voile vers le Kobdjak, le pays des Khozares, des Russes et des Bulgares“ и „Ceux qui de là (изъ сельджукскаго княжества Кавіи въ Малой Азіи) font voile vers les côtes du Kobdjak vont débarquer à Kaffa, qui est le point le plus voisin, laissant Zik au midi. C'est par les états de Morod-ed-din-Hamzah (владѣтеля Кавіи) que passent pour la plupart, les marchands et les voyageurs qui d'Egypte et de Syrie se rendent dans les contrées lointaines.“ (Schehâb-eddin-Omari, Dimaschki, Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothêque du Roi, t. XIV, Paris 1838, p. 361, 363); см. также — Ибнъ-Батута (Defremery, Fragments... Journ. Asiatique, 4 s. t. XVI, pp. 53—54), и Ибнъ-Дукмакъ (Тизенгаузенъ, ц. с. стр. 330; ср. ibid. стр. 363—4).

[1]) См. объ этомъ по актамъ генуэзскихъ нотаріевъ въ Кафѣ: Brătianu, Actes des notaires génois... стр. 173 (№ CLII), стр. 196 (CLXXXVI), стр. 201 (CXCV), стр. 207 (CCIII), стр. 216 (CCXIX), стр. 218 (CCXXIII), 278 (CCCV), стр. 282 (CCCXI).

[2]) Brătianu, ц. с. стр. 220 (CCXXV), 229 (CCXXXVIII), 239 (CCLII), 244 (CCLX), 286 (CCCXV) — для Кафы; О. Акчокраклы, Старо-Крымские и отузские надписи XIII—XV в. в. (Изв. Таврического Общ. Истор., Археол. и Этнографии, т. I, Симферополь, 1927, стр. 6 и 12) — для Солхата. О сухопутномъ торговомъ пути изъ Сиріи по Малой Азіи, черезъ Сивашъ и далѣе моремъ въ Крымъ см. у Brătianu, Recherches sur le commerce génois... стр. 166—167.

РОРИКЪ ЮТЛАНДСКІЙ И РЮРИКЪ НАЧАЛЬНОЙ ЛѢТОПИСИ

Повѣствованіе галогаландца Отара, сохраненное королемъ Альфредомъ въ его переводѣ Орозія,[1] даетъ намъ ясныя и достовѣрныя свѣдѣнія о политическомъ и экономическомъ положеніи земель вокругъ Балтійскаго моря въ началѣ эпохи викинговъ. Это повѣствованіе, взятое вмѣстѣ съ разсказомъ Вульфстана, является настоящимъ „Перипломъ" Балтійскаго моря, этого Средиземнаго моря сѣверныхъ странъ; и, дѣйствительно, это названіе ему присваивается въ старомъ изданіи путешествія Отара „Arii Thorgilsis filii".[2] Простой безхитростный языкъ и содержательность повѣствованія давно уже признавались залогомъ его правдивости.[3]

Описанія повѣствованія относятся ко второй половинѣ IX вѣка и, такимъ образомъ, являются современными дѣятельности Рорика Ютландскаго и основанію Русскаго государства. Къ этому времени сліяніе различныхъ сѣверныхъ племенъ свеевъ, готовъ (Götar—Гаутовъ), южныхъ и сѣверныхъ дановъ, раумовъ, хордовъ и трондовъ въ три основныя вѣтви шведовъ, датчанъ и норвежцевъ хотя и сильно продвинулось, но далеко еще не было совершившимся

---

¹) Всемірная исторія „De Miseria Mundi". — Король Альфредъ перевелъ съ латинскаго на англосаксонскій рядъ сочиненій, какъ напр. Исторію Церкви Бэды Преподобнаго, Боэція и другія. Переводъ Орозія представляетъ особый интересъ, т. к. въ немъ имѣются, весьма важныя для исторіи ранняго средневѣковья и географіи сѣвера, дополненія о путешествіяхъ Отара и Вульфстана. Записи короля Альфреда относятся къ девяностымъ годамъ IX столѣтія, самыя же путешествія имъ нѣсколько предшествовали. Запись начинается географическимъ описаніемъ Европы: „Теперь мы будемъ говорить, насколько это намъ извѣстно, о границахъ Европы: Отъ рѣки Дона (Danais), къ западу до рѣки Рейна (Rin)... и опять къ югу до рѣки Дуная (Donua)... и опять къ сѣверу до океана, именуемаго Бѣлымъ моремъ (Cwen-sœ; море Квеновъ)". Далѣе идутъ 2 путешествія Отара, первое изъ Галоголанда, на сѣверѣ Норвегіи, вокругъ Нордкапа въ Бѣлое море; второе на югъ къ Скирингесхил'ю (Sciringesheal) въ Осло-фіордѣ и Гаддеби (Haddeby) у Шлезвига; третье путешествіе Вульфстана изъ Гаддеби до Трузо (въ Прусіи на озерѣ Drausen'ѣ. См. карту, т. XXII). Англо-саксонскій текстъ (и воспроизведеніе самой рукописи) и англійскій переводъ см.: "A Description of Europe and the voyages of Ohthere and Wulfstan, written in Anglo-Saxon by King Alfred the Great," by J. Bosworth. London, 1855. О путешествіи Отара см. также „Поѣздки скандинавовъ въ Бѣлое море", К. Тіандеръ, 1906. СПбургъ. Стр. 53—56 содержатъ русскій переводъ отрывка путешествія Отара въ Біармію. Полный русскій переводъ см.: „Къ вопросу о Біарміи", С. К. Кузнецовъ, Этнограф. Обозрѣніе, кн. LXV—LXVI, 1905. Москва.

²) „Periplus Ohtheri Halgolando-Norwegi ut et Wulfstan Angli", by A. Bussaeo Havniae. 1733.

³) „Біармійцы разсказывали ему" (Отару) „много исторій о своей странѣ и о сосѣднихъ странахъ, но онъ не знаетъ, что тутъ правда, ибо самъ этого не видѣлъ". Bosworth, Ibidem, p. 9.

фактомъ. Ихъ племенное сознаніе было еще очень живо. Изъ сагъ ясно видно, что всѣ они еще продолжали вести обособленное племенное существованіе, подчиняясь каждое своему особому вѣчу — Thing'у, подъ управленіемъ конунга, или главы, изъ одной изъ благородныхъ семей Инглинговъ, Скіоль-дунговъ или Сэминговъ. Такъ, въ сагѣ „Af Halfi ok Halfsrekkum" упоминается о конунгахъ Рогаланда и Хордаланда.[4] Также и Англо-Саксонская Хроника подъ 787-мъ годомъ говоритъ о „датскихъ людяхъ, что искали себѣ Англійской земли", и называетъ ихъ „нордманами изъ Хэрэталанда."[5] Отаръ, хотя и пользуется словами „нордманы", „нордманаландъ„ и „Нордвегія", но про себя говоритъ совершенно опредѣленно, что онъ изъ „Галогаланда". Король Альфредъ также подчеркиваетъ разницу между обитателями Ютландіи, съ одной стороны, и Датскихъ острововъ и Сканe (Skåne), съ другой, называя первыхъ „сѣверными", а вторыхъ „южными" данами.[6]

Не слѣдуетъ однако забывать, что всѣ эти народности пользовались однимъ и тѣмъ же языкомъ, т. н. древне-скандинавскимъ, который началъ раздѣляться на норвежскій и датско-шведскій около 800-го года. Что же касается послѣдняго, то въ продолженіи всей эпохи викинговъ (Vigingertiden; съ конца VIII-го по конецъ X-го или до начала XI-го вѣка) и, даже, вплоть до 1200-го года старо-датское нарѣчіе мало чѣмъ отличалось отъ старо-шведскаго. На почвѣ языка не существовало особыхъ трудностей и къ сношенію между скандинавами и англами и саксами. Изъ отзывовъ первыхъ миссіонеровъ, изъ сагъ, а также изъ повѣствованія Отара, видно, что тамъ гдѣ приходилось обычно встрѣчаться торговымъ гостямъ, какъ напримѣръ въ Дуурстэдѣ,[7] Скирингесхелѣ[8] или Биркѣ,[9] они безъ труда понимали одинъ другого (табл. XXII).

---

[4]) Antiquités Russes, Kongeligt Nordisk Oldskrift Selskab (edited by the Royal Society of Antiquaries of the North). t. I.; Copenhague, 1850, p. 86. Въ этой сагѣ разсказывается о событіяхъ, предшествовавшихъ Гаральду Прекрасноволосому. Издатели „Antiquités" Rafn и Munck подчеркиваютъ правдивость саги. Въ упоминаемомъ отрывкѣ саги говорится также о Біарміи и о странѣ южныхъ финновъ, „Sunnaverđri Finn-mörk". Упоминанія о странахъ и жителяхъ Хордаланда, Рогаланда и трондахъ изъ Галоголанда встрѣчаются во всѣхъ болѣе древнихъ сагахъ и въ Landnáma Bók.

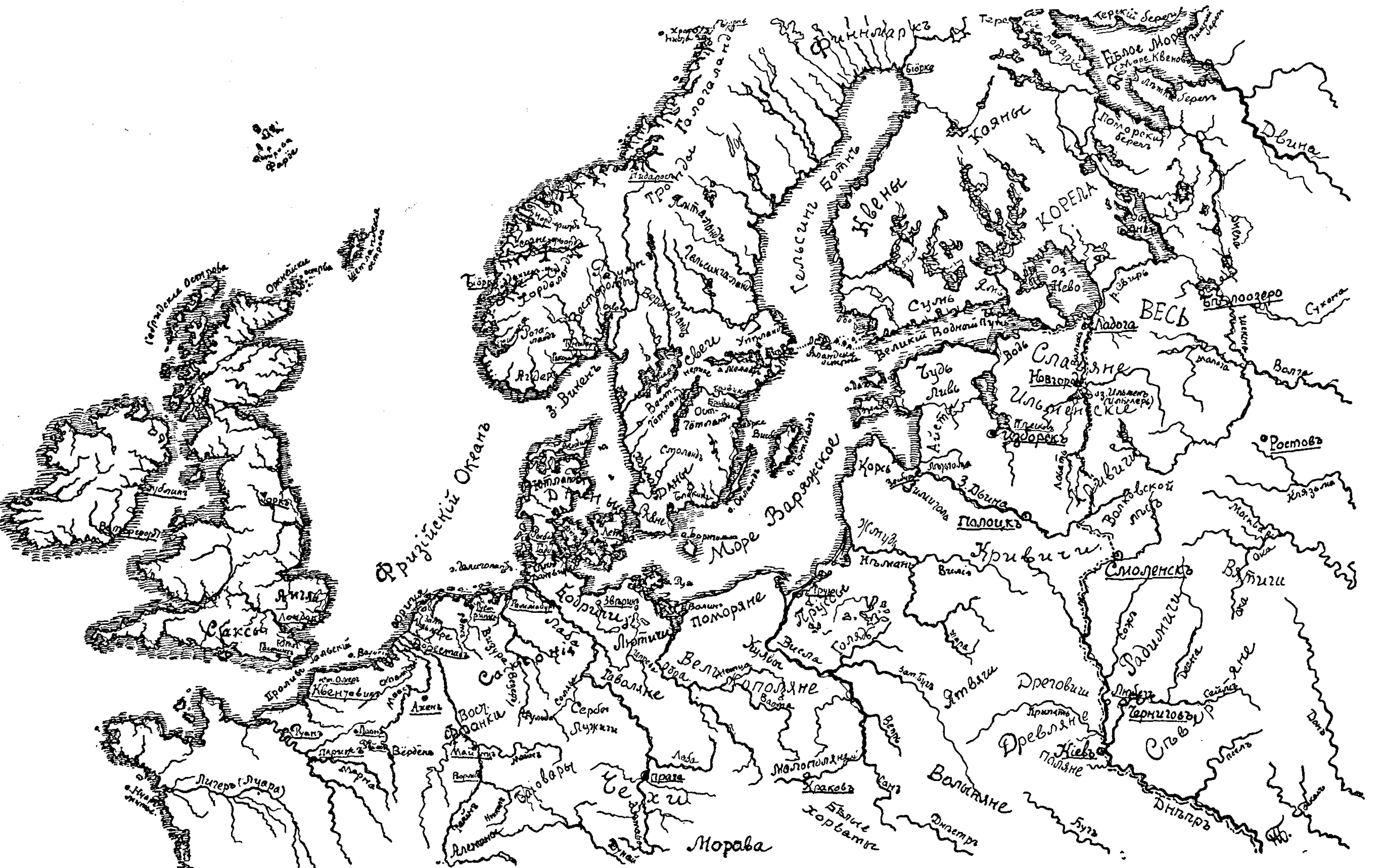
[5]) „An. DCC. LXXXVII" — „Her nam Berhtric cyning Offan dohter Eadburge. On his dagum comon aerest III. scypu Norđmanna of Haeređelande... Đaet waeron þa aerestan scipu Daeniscra manna þe on Engelcynnes land gesohton". Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores (Rolls Series, 1861, I, London. p. 97). Переводъ: „въ лѣто 787. Въ этомъ году король Беортрикъ взялъ (за себя) дочь короля Оффы Эдбургу. И въ его дни впервые появились 3 корабля съ норманами изъ Харделанда... это были первые суда съ данами, что искали себѣ земель Англійскаго народа".

[6]) Предисловіе короля Альфреда къ повѣствованію Отара, Bosworth, ibidem, p. 1. — Изъ приводимаго описанія и другихъ современныхъ источниковъ видно, что въ IX и X столѣтіяхъ Балтійское море предполагалось простирающимся не съ сѣвера на югъ, а съ сѣверо-востока на юго-западъ или, даже, съ востока на западъ (Ibidem, p. 3). Таковы же были и географическія представленія Начальнаго Лѣтописца („Очерки русской исторической географіи. Географія Начальной—Несторовой—Лѣтописи", Н. М. Барсовъ. Варшава, 1885.

[7]) Дорестадъ — главный торговый центръ Фризіи (64). Въ Дорестадѣ сходились торговые пути изъ Майнца, изъ Англіи и скандинавско-балтійскій (104); на мѣстѣ Дорестада, на старомъ Рейнѣ, теперь находится селеніе Wyk te Doorestede.

[8]) Sciringesheal Отара (Bosworth, Ibidem, p. 14) и Skiringsal саги объ Инглингахъ (Inglinga, Saga, „Heimskringla"; Изд. S. Laing'омъ, 1889, London, v. I, p. 325) находился въ южной Норвегіи, въ Вестфольдѣ, около порта Тунсбергъ.

[9]) ВъШвеціи на озерѣ Мелларъ. О Биркѣ, ея значеніи и торговлѣ см. ссылки №№ 94, 95, 97, 98 и 88.

Карта Сѣверо-Западной Европы въ половинѣ IX вѣка.

Если для большинства населенія на сѣверѣ сношенія и были затруднительны, то было это изъ-за отсутствія путей сообщенія между отдѣльными горными долинами, черезъ горные хребты и дѣвственные лѣса. Съ другой стороны, попасть черезъ морской рукавъ на островъ или на противоположный берегъ суши было не трудно. Поэтому, изстари, Зеландія, Лааландъ и Фіонія составляли одно цѣлое съ округомъ Скане въ южной Швеціи, тогда какъ Вестфольдъ, вокругъ Осло-фіорда, нерѣдко объединялся, то подъ властію вестфольдскихъ Инглинговъ, то ютландскихъ Скіольдунговъ, съ противолежащей Ютландіей.

На Скандинавскомъ полуостровѣ, особенно въ гористыхъ округахъ или на сѣверѣ, населеніе рѣдко и въ настоящее время. Еще рѣже было оно въ VIII и IX столѣтіяхъ, когда не было сплошности въ поселеніяхъ, и тронды, хорды или свеи тѣснились вокругъ фіордовъ, долинъ или озеръ отдѣльными общинами. Изъ этихъ общинъ, постепенно, потоки новоселовъ стали распространяться вверхъ по долинамъ, расчищая лѣса и пустоши. Этимъ объясняется, почему многіе „конунги“ того времени заслужили названіе „дровосѣковъ“ и „лѣсорубовъ“, какъ, напримѣръ, Онундъ „Расчищатель“ или Олафъ „Дровосѣкъ“ (Tretelgja), его внукъ и сынъ Ингіальда Ильради.

Кромѣ переселенцевъ, было еще не мало и охотниковъ-трапперовъ и торговцевъ, искавшихъ пушнины и новыхъ торговыхъ путей. Изъ повѣствованія Отара и изъ саги Эгиля мы знаемъ, что эти послѣдніе приходили, главнымъ образомъ, изъ Галогаланда. Ко второй половинѣ IX вѣка они установили правильную торговлю вокругъ Ботническаго залива съ каянскими финнами, т. н. „квенами“[10]; затѣмъ, далѣе на югъ, съ корелами — въ странѣ „Великихъ озеръ“[11] и съ терфиннами,[12] терскими лопарями и біармійцами, по берегамъ Бѣлаго моря.

Эти отважные галоголандцы должны были неизбѣжно рано или поздно прійти въ столкновеніе съ другимъ потокомъ засельниковъ и купцовъ, на этотъ разъ изъ Швеціи, гдѣ Бирка, на озерѣ Мелларъ, была ихъ крупнымъ торговымъ центромъ. Медленно продвигаясь вдоль безчисленныхъ островов Финскаго залива, они также приближались къ странѣ „Великихъ прѣсныхъ озеръ“.[13] Оба

---

[10]) Отъ финскаго „Kainum-maa“, что значитъ низкая земля; отсюда наша „Каянская Земля“ и „каяны“ и различныя формы, встрѣчающіяся въ сагахъ и документахъ, какъ Kvens, Cwenas, Kwener, также Quens и Quaener. Нордманы, б. ч. тронды изъ Галоголанда, обозначали этимъ именемъ финское населеніе западной Финляндіи, какъ то видно изъ саги объ Эгилѣ (203); шведы, продвигавшіеся въ Финляндіи морскимъ берегомъ, столкнулись съ южными финнами и перенесли на всѣхъ финновъ Финляндіи названіе Suomi, русское Сумь.

[11]) „Тамъ находятся большія прѣсноводныя озера, далѣе за пустошами; и квены переносятъ. волокомъ свои ладьи между ними“ (Отаръ. Ibidem, p. 9). — Земля кареловъ упоминается въ многихъ сагахъ и въ „Sögubrot“, „Austr Karjálabotna“ („Antiquités Russes“, I, p. 73).

[12]) „ac para Terfinna land...“ (Отаръ, Bosworth, ibidem, p. 10, также Antiquités Russes, II, 461). „Терфинны“ жили по западному берегу Бѣлаго моря, это „терскіе лопари“ новгородскихъ граматъ; южный берегъ Кольскаго полуострова посейчасъ называется „Терскимъ“ берегомъ, а сѣверный — „Мурманскимъ“, т. е. норманскимъ берегомъ. См. Кузнецовъ, „Къ вопросу о Біарміи“; Барсовъ, „Очерки Русской исторической географіи“. — Описаніе Финляндіи и Кареліи въ IX вѣкѣ въ Сагѣ объ Эгилѣ, глава XV (204).

[13]) Археологическія и нумизматическія находки подтверждаютъ свидѣтельства сагъ о ранней колонизаціи шведами береговъ финскаго залива и Прибалтики. См. Birger Nerman, „En utvandring från Gotland och öns införlivande med sveaväldet“, 1923, и другія работы Нер-

потока направлялись къ Новгороду — Хольмгарду. Впрочемъ, такъ какъ ни у Отара, ни въ сагѣ Эгиля не упоминается Новгородъ, мы должны заключить, что оба эти источника описываютъ то положеніе вещей, которое предшествовало зарожденію въ Новгородѣ ядра будущаго русскаго государства.

Другой путь изъ Швеціи шелъ южнѣе, черезъ Готландъ къ восточному берегу Балтійскаго моря, въ страну народа, который саги называютъ Aestii, Osti и Esti, т. е. эстами.[14] Инглинга-сага повѣствуетъ о многихъ набѣгахъ, совершенныхъ туда шведами, напр. Ингваремъ и его сыномъ Онундомъ „Лѣсорубомъ".[15] Такъ какъ Онундъ былъ отцомъ Ингіальда Ильради, то событія эти, по всей вѣроятности, имѣли мѣсто столѣтіемъ раньше битвы при Бравallѣ (Bråvalla), т. е. въ теченіе VII-го вѣка.

Въ сагахъ сохранилась память и о нѣкоторыхъ еще болѣе раннихъ связяхъ между предками Инглинговъ и тѣмъ берегомъ Балтійскаго моря. Такъ Инглинга повѣствуетъ, что „Одинъ... со всѣми богами и множествомъ прочихъ людей, странствовалъ сначала на западъ отъ «Гардарика», а затѣмъ, къ югу въ страну саксовъ".[16] Гардарикъ, теперешнюю Россію, они называли „Великой Швеціей", Годхеймомъ, т. е. страной боговъ, а собственно Швецію — Манхеймомъ, страной мужей.[17] Короли Гардарика, страны городовъ, играютъ значительную роль въ ранней исторіи Швеціи. Такъ Иваръ Видфадме („Многославный") изъ Скане (Сконіи), изгнавшій изъ Упсалы династію Инглинговъ и самъ ставшій родоначальникомъ послѣдующихъ шведскихъ и датскихъ королей, имѣлъ дочь Ауду „Задумчивую"; она вышла замужъ за Радбара короля Гардарика и имѣла отъ него сына Рандвера, который, въ свою очередь, былъ отцомъ знаменитаго Сигурда Ринга.[18]

мана (30); также изслѣдованія Knut'a Stjerna („Swedes and Geats during the migration period" Viking Club Extra Series, v. III, 1912, pp 64—96); также O. Montelius, „Kulturgeschichte Schwedens", Leipzig, 1906 v. I. J. Arne, „La Suéde et l'Orient", Archives d'études orientales, v. 8, 1914, Upsala.

[14]) Bosworth, ibidem, p. 3.; см, Ѳ. Браунъ: „Разысканія въ области Гото-Славянскихъ Отношеній", Спб., 1899, стр. 249, 250.

[15]) „Heimskringla", Antiquités Russes, I, 235; также Saga Library, vol. III, (I) p. 53.; также Ed. Laing, I, p. 311. — „Жизнеописаніе норвежскихъ королей", написано Снорри Стурлюсономъ (1178—1241); въ предисловіи Снорри говоритъ о поэмахъ скальдовъ и о работахъ Ари Торгильсона „Мудраго" (183), какъ источникахъ своей исторіи. Повѣствованіе начинается словами: „Kringla heimsins", т. е. „Orbis terrarum", круглый свѣтъ; отсюда названіе книги Heimskringla; она начинается Сагой объ Инглингахъ, въ основу которой положена пѣснь объ Инглингахъ, Inglinga-tal, скальда Тіодвульфа Хвинскаго, придворнаго поэта Гаральда Прекрасноволосаго. См. „Antiquités Russes", ibidem, pp. 235—245 и „Corpus Poeticum Boreale", 1883, I, p. 242, by G. Vigfusson and F. York Powell. Oxford.

[16]) Antiquités Russes, „Inglinga-Saga", I, 248, 249: „fyrst vestr í Garđariki, ok þadan suđr i Saxland".

[17]) Ibidem, p. 245. „Sviđjoþ him mikla". О значеніи этихъ преданій для исторіи Россіи см. статью Ѳ. Брауна, „Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X—XIV Jahrhunderts", Festschrift Eugen Mogk für 70 Geburstag, Halle, 1924, S. 167.

[18]) „Sögubrot af Fornkonúngum í Dana ok Svia veldi", Antiquités Russes, I, p. 14 и pp. 66—73; на стр. 487 дана генеалогическая таблица Скіольдунговъ. Сöгубротъ является единственнымъ до насъ дошедшимъ отрывкомъ саги о Скiöлдунгахъ, Skiöldunga Saga. Сöгубротъ повѣствуетъ, какъ послѣ гибели датскаго короля Рюрика (Hrœrekr) вдова его

Молодой шведскій король Сигурдъ побѣдилъ при Браваллѣ своего дядю, престарѣлаго Гаральда Гильдетана. Гаральдъ Гильдетанъ, что значитъ „Боевой клыкъ“, былъ тоже сыномъ Ауды, отъ Рюрика „Метателя колецъ“,[19] и, слѣдовательно, приходился внукомъ Иварю Видфадме. Такъ какъ семейныя преданія ревниво береглись въ королевскихъ родахъ сѣвера, то память о Гардарикѣ должна была долго сохраняться, и внуки Гаральда Гильдетана, Гаральдъ Клакъ и его младшій братъ Рюрикъ (Рорикъ франкскихъ лѣтописей), должны были знать о ней.

Битва при Браваллѣ глубоко врѣзалась въ память сѣверныхъ народовъ, и ее можно считать новой исторической эрой. Рафнъ и Мункъ[20] помѣщаютъ ее подъ 750-мъ годомъ, но Куникъ, послѣ ряда исчерпывающихъ изслѣдованій, остановился на нѣсколько болѣе поздней датѣ, а именно, на 770-мъ годѣ.[21] Эта дата также принята Сэромъ Гэнри Ховортомъ въ его докладѣ обществу „Викингъ“ о Гаральдѣ Прекрасноволосомъ и его предкахъ.[22]

Гаральдъ Гильдетанъ, послѣ долгаго и славнаго царствованія, нашелъ (а можетъ быть, и искалъ) смерть въ бравальской битвѣ,[23] и его племянникъ Сигурдъ соединилъ на время въ своихъ рукахъ Швецію и Данію. Очень вѣроятно, какъ это полагаетъ Биргеръ Нерманъ, что въ бравальской битвѣ Швеція впервые выступала противъ датской гегемоніи, и что отсюда нужно вести шведскую

Ауда (Auđr) съ малолѣтнимъ сыномъ Гаральдомъ спасается въ Гардарикъ и тамъ выходитъ замужъ за короля Радбарда (ок. 710 г.). Иваръ Видфадме погибаетъ въ Гардарикѣ въ борьбѣ съ Радбардомъ, а сынъ послѣдняго Рандверъ впослѣдствіи посылаетъ пасынка Гаральда на покореніе отцовскаго трона; далѣе въ рукописи пропускъ, *а послѣ пропуска уже повѣствуется* о царствованіи Гаральда, его могуществѣ и о нападеніи на него молодого Сигурда. Генеалогія Гаральда приводится въ Эддѣ въ т. н. „пѣснѣ Гиндлы“.

[19])
„Haraldr hilditönn
borinn Hrœriki
slaungvanbauga,
sonr vár hann Auđar
Auđr djúpauđga
Ívars dóttir,
en Rađbarđr var
Raudvers fađir“
„allt er þat aett þín
Ottar heimski!“ Ant. Russes, I, p 14.

Переводъ: „Отъ Ауды родился Гаральдъ Боевой-Клыкъ,
Сынъ Рюрика, Метателя колецъ.
Глубоко задумчива Ауда дочь Ивара,
И Радбаръ сталъ отцемъ Рандвера.
Это все твои предки, Оттаръ Простодушный!“

[20]) Antiquités Russes, v. I, „Sögubrot“, ibidem, p. 66. См. также Du Chaillu, The Viking Age, London, 1889, II, 436—440, того же мнѣнія держится B. Nerman, Saga-Book, 1928, v. X. p. 128.

[21]) „Remarques Critiques sur les Antiquités Russes etc.“, Bull. Acad. Imp. Scient., 1850, v. VII, p. 143.

[22]) Saga-Book, 1920, v. IX, p. 66.

[23]) Описаніе битвы см. „Sögubrot“, ibidem, p. 81 („Orrosta á Brávelli“), и у Саксона Грамматика кн. VIII. Въ этой битвѣ участвовалъ внукъ Радбара, Рагнальдъ Русскій. Бравальская битва происходила около м. Bråvellir, у устья р. Bråviken въ восточномъ Готландѣ. Недавнія археологическія раскопки дали рядъ интересныхъ результатовъ, указывая, что это мѣсто было сильно укрѣплено и было театромъ продолжительныхъ военныхъ дѣйствій. Knut Stjerna, Viking Club Extra Series, v. III, 1912, стр. 95, примѣч. См. также A. Olrik, „Brávellir“, Namn och Bygd, 1914, pp. 297—312.

исторію.[24] Какъ бы то ни было, до Бравал лы лѣтописи сосѣднихъ народовъ молчатъ о сѣверныхъ правителяхъ; послѣ нея упоминанія о нихъ становятся чаще и чаще: чувствуется, что на исторической аренѣ появился новый и могущественный дѣятель.

*

Первыя извѣстія, какъ изъ греческихъ источниковъ, такъ и изъ франкскихъ лѣтописей, извѣстнымъ образомъ связаны съ бравальской битвой. Такъ, нѣкій „князь Бравлинъ силенъ зѣло", разорявшій крымское побережье „отъ Корсоуня и до Корча", послѣ десятидневной осады, съ сильной русской ратью („рать велика роусска"), беретъ Сурожъ (Судакъ) и захватываетъ богатую добычу.[25] Имя Бравлина встрѣчается въ русскихъ источникахъ какъ въ краткой формѣ „Бравлинъ", такъ и въ полногласной „Браваллинъ".[26] Было высказано много предположеній для объясненія происхожденія этого имени; были и попытки придать ему славянскую форму.[27] Мнѣ думается, что имя это было прилагательнымъ и являлось воспоминаніемъ о Браваллѣ, гдѣ носитель его могъ сражаться и заслужить себѣ отличие. Соратники, по скандинавскому обычаю, могли величать своего предводителя именемъ, напоминающимъ имъ славную битву, и, постепенно, прилагательное-титулъ вытѣснило изъ памяти собственное

---

[24]) B. Nerman, „Det svenska rikets uppkomst", Stockholm, 1925; его же „The Foundation of the Swedish Kingdom", Saga-Book, 1928, v. X, pp. 113—131, и статья автора „Битва при Браваллѣ", Возрожденіе, 16 Августа 1929 года.

[25]) В. Г. Васильевскій. „Житіе св. Стефана Сурожскаго." Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Ж. М. Н. П.) 1889. Май (стр. 97—164) и Іюнь (стр. 301—452). Краткое греческое житіе св. Стефана находится въ Синаксаріи, въ библіотекѣ на островѣ Халки, около Константинополя. Вышеприведенныя цитаты взяты изъ полнаго славяно-русскаго житія (стр. 397). Происхожденіе полнаго житія и его отношеніе къ греческому тексту подробно разобрано акад. Васильевскимъ въ указанныхъ статьяхъ (см. стр. 397—452). Въ концѣ полнаго житія приложены повѣсти о чудесахъ у раки святаго. Въ одномъ изъ нихъ, озаглавленномъ: „Ѡ прихожденіи ратію к Сурожу князя Бравлина изъ Великаго Новаграда", излагается разсказъ о Бравлинѣ. Текстъ повѣсти начинается слѣдующимъ образомъ: „По смерти же святаго мало лѣтъ миноу, пріиде рать велика роусска из Новаграда князь Бравлинъ силенъ зѣло. Плѣни отъ Корсоуня и до Корча съ многою силою прииде к Соурожу."

[26]) Извѣстіе о походѣ Бравлина на Сурожъ имѣется во многихъ лѣтописныхъ спискахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ житіяхъ, напр. въ житіи препод. Дмитрія Прилуцкаго (Васильевскій, ibidem, стр. 440). Въ лѣтописяхъ, послѣ изложенія похода, прибавляется: „о томъ писано въ чюдесѣхъ Св. Стефана Сурожскаго" [См. А. Востоковъ: „Описаніе Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума". СПБ., 1842, стр. 351]. Полногласная форма Бравалинъ встрѣчается въ Карамзиновскомъ спискѣ и позднихъ спискахъ Новгородской лѣтописи подъ 851—852 годомъ.

[27]) Въ спискахъ житія (по каталогу Востокова № № 213 и 214) вмѣсто словъ: „...князь Бравлинъ силенъ поплени..." стоитъ: „...князь бранливъ и силенъ, поплѣни..." Васильевскій (ibidem, стр. 451) говоритъ: „Превращеніе Бравлина (или Бравалина) въ бранливаго князя... есть позднѣйшее чтеніе." Оно представляетъ, тѣмъ не менѣе, извѣстный историческій интересъ въ связи съ высказывавшимися время отъ времени взглядами на трудность допустить существованіе русскаго князя до Рюрика и на стремленіе видѣть въ бранливомъ князѣ Владиміра Святаго (См. Васильевскій, ibidem, стр. 443: „Русскій князь, слишкомъ рано появившійся подъ Сурожемъ на историческую сцену", и Шахматовъ: „Корсунская Легенда о крещеніи Владиміра", СПб., 1906, стр. 121).

имя героя.[28] Какъ мы увидимъ ниже, нѣчто подобное произошло и съ именемъ Олега Вѣщаго. Есть аналогичныя указанія и въ сагахъ и у Саксона Грамматика.

Трудный вопросъ о хронологіи и о сущности похода Бравлина былъ выясненъ нѣкоторое время тому назадъ профессоромъ В. Г. Васильевскимъ въ рядѣ изслѣдованій о житіяхъ свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. Васильевскій показалъ, что такъ какъ святой Стефанъ скончался въ исходѣ VIII-го вѣка, а нашествіе Бравлина, по подробному славяно-русскому тексту, было, когда „По смерти же святаго мало лѣтъ миноу", то и самый походъ нужно относить къ тому же времени, т. е. къ концу VIII-го или къ первымъ годамъ IX-го вѣка. Такимъ образомъ, походъ Бравлина окажется отдѣленнымъ отъ Бравалы лишь двумя, тремя десятилѣтіями.[29]

Если мы вспомнимъ, что около того же времени шведскіе викинги основали укрѣпленіе Зеебургъ въ устьѣ Двины, неподалеку отъ теперешней Риги, то мы могли бы сопоставить эти событія и высказать предположеніе, что Бравлинъ могъ достичь береговъ Чернаго моря не только „изъ Новаграда", но и кратчайшимъ путемъ изъ Двины на Днѣпръ.[30]

---

[28]) „Links between Vikings of England and Russia", by Col. N. Belaiew (докладъ въ Anglo-Russian Litterary Society), extr. Slavonic Review, 1926, pp. XI, X. Куникъ въ своемъ изслѣдованіи „Die Berufung der Schwedischen Rodsen etc.", СПБ., 1844, стр. 140, говоритъ: „...so dürfte man ihn (имя Бравлина) in Bra-valin oder Bra-vlin zerlegen und für den ersteren, wie für den letzteren Theil nordische Namensformen anführen". Далѣе онъ указываетъ, что vallin часто встрѣчается въ Швеціи, какъ мужское имя, и что существовалъ епископъ „Vallin". Аналогичныя указанія имѣются и у Васильевскаго (ibidem, стр. 451). Куникъ не былъ увѣренъ въ историческомъ существованіи Бравлина, когда писалъ свою „Berufung"; поэтому онъ совѣтовалъ сначала убѣдиться въ дѣйствительности его существованія, а потомъ уже разбирать возможность происхожденія его имени отъ Vallin или отъ Bråviken, въ восточной Готландіи (гдѣ происходила Бравальская битва). Послѣ изслѣдованій Гедеонова, Васильевскаго и другихъ историчность Бравлина не подлежитъ сомнѣнію. Можно теперь, думается, сдѣлать и второй шагъ и сопоставить имя Бравлина не только съ Bråviken или Brá-vellir, но и непосредственно съ Bråvalla.

[29]) Ж. М. Н. П., 1878 и 1889 и Лѣтопись Археографической комиссіи, 1893, т. IX. В. Г. Васильевскій относитъ рожденіе Св. Стефана къ 700—701 году, поставленіе въ епископы Сурожскіе къ 767 (ibidem, стр. 410) и кончину около 787 (стр. 102). „Немного лѣтъ" по смерти святого дадутъ 790—795 г. Вѣроятнѣе, что немного лѣтъ значило 3, 4 года, нежели 10, а тѣмъ болѣе, 15 или 20 лѣтъ. Поэтому, гораздо вѣроятнѣе относить походъ Бравлина къ концу VIII-го, а не къ началу IX-го вѣка. Первое ясно слѣдуетъ изъ датъ, приводимыхъ Васильевскимъ; самъ же онъ, оспаривая гораздо болѣе позднія даты своихъ противниковъ, невольно дѣлаетъ имъ нѣкоторую уступку, и въ текстѣ нѣсколько разъ говоритъ о первой четверти IX в., что растянуло бы „немного лѣтъ" до 35—40 лѣтъ. Принимая для Бравалы дату Куника (770—775 л.), мы получаемъ, что отъ нея до смерти Св. Стефана протекло 12—17 л., или, округляя, отъ 15 до 20 лѣтъ до похода Бравлина, полагая этотъ походъ около 790 года.

[30]) Объ основаніи Зеебурга см. „Seafaring and Shipping during the Viking Age", A. Bugge; Saga-Book, vol. VI, 1909, p. 17; также Arne, ibidem, p. 5. Васильевскій полагаетъ, что указаніе на Новгородъ „могло быть прибавлено послѣ переписчиками" (ibidem, стр. 440). Того же мнѣнія держится и Е. Голубинскій, въ своей исторіи церкви. Путь изъ Двины на Днѣпръ былъ проложенъ уже весьма давно. Birger Nerman, сопоставляя показанія Guta Saga о выселеніи готландцевъ и археологическія данныя [„Det svenska rikets uppkomst", Stockholm, 1925; по нѣмецки — въ главѣ I-вой изслѣдованія „Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit", Stockholm, 1929; по англійски, Saga-Book 1928, vol. X (p. I), p. III; детальное изложеніе вопроса въ „En utvandring från Gotland och öns införlivande med sveaväldet", 1923] приходитъ къ выводу, что оно произошло

Весьма возможно, что въ результатѣ подобныхъ набѣговъ нѣкоторое число скандинавовъ могло осѣсть въ Кіевѣ[81]; возможно и что Кіевъ былъ использованъ какъ база для послѣдующихъ набѣговъ, вродѣ того, который упоминается въ житіи св. Георгія Амастридскаго (написанномъ до 842-го года)[82]; однако, какъ вытекаетъ изъ исторіи шведскихъ пословъ, „Rhos", приходившихъ изъ Константинополя въ 839-мъ году къ Людовику Благочестивому и не желавшихъ возвращаться домой прежней дорогой, по причинѣ жившихъ тамъ многихъ жестокихъ варварскихъ народовъ,[83] сообщенія съ Новгородомъ

около 500 года. Готландцы сначала отправились на островъ Даго у эстонскихъ береговъ, а оттуда, по Двинѣ, черезъ Россію въ Грецію. Около 475-го года обнаруживаютъ въ раскопкахъ въ Прибалтикѣ и западной Россіи вліяніе готландскаго типа украшеній и издѣлій. Весьма возможно, что готландцы не всѣ выселились въ Грецію, а часть ихъ осталась по великому водному пути; можетъ быть, въ это время по Двинѣ и Днѣпру не совсѣмъ исчезли прежнія поселенія готовъ. — Полный переводъ Гута-саги см. Сыромятниковъ, Живая Старина, 1892, С.Пб., стр. 41—48. — Подробный разборъ этого мѣста саги о выселеніи готландцевъ см. Ѳ. Браунъ. „Разысканія въ области Гото-Славянскихъ отношеній", Спб., 1899, стр. 305

[31]) Бравлинъ и его соратники, если предположить что Кіевъ служилъ отправнымъ мѣстомъ ихъ набѣга, могли встрѣтить тамъ потомковъ готландцевъ, выселившихся со своего острова въ началѣ VI-го вѣка (выноска 30). — Въ связи съ сильно пробудившимся интересомъ къ „готскому періоду" нашей исторіи и къ исторіи Крыма, личности Бравлина и его походу на Сурожъ посвящено за послѣднее время нѣсколько докладовъ и изслѣдованій. Такъ А. А. Васильевъ въ своемъ трудѣ „Готы въ Крыму", Изв. Г. Ак. И. М. К., т. V, стр. 179—282, посвящаетъ походамъ Бравлина и Руси стр. 220—233 и сопоставляетъ постройку въ 833 г. византійскими инженерами крѣпости Саркелъ (Бѣлая Вѣжа) съ новой опасностью отъ Руси. — Въ 1924 г. В. Бримъ прочелъ въ Разрядѣ Археологіи и Искусства Ранне-Христіанскаго и Византійскаго докладъ: „Личности князя Бравлина въ житіи Стефана Сурожскаго" (Sem. Kond. I, 1926, стр. 322, гдѣ данъ списокъ докладовъ за 1919—1926 г.).

[32]) В. Г. Васильевскій. Русско-Византійскіе Отрывки. VIII. Житіе Георгія Амастридскаго. Ж. М. Н. П., 1878, (ч. 195, стр. 277 и ч. 196, стр. 128). Авторъ излагаетъ, по житію, эпизодъ столкновенія калифата, при Гарунъ-аль-Рашидѣ, съ Византійской имперіей, при Константинѣ VI и Николаѣ Логоѳетѣ (790—811). Георгій родился около 760 года и около 790 былъ посвященъ въ епископы. Житіе говоритъ: „Было нашествіе варваровъ, Руси—народа какъ всѣ знаютъ въ высшей степени дикаго и грубаго, не носящаго въ себѣ никакихъ слѣдовъ человѣколюбія" (стр. 301). Это описаніе чрезвычайно похоже на соотвѣтствующія мѣста франкскихъ анналовъ, повѣствующихъ о нападеніяхъ норманновъ въ періодъ 834—845 года (см. выноски 64, 66 и 73).

[33]) Annales Bertiniani pars. secunda: ad a. 839 (Prudentii Trecensis Ann.) „Monumenta Germaniæ Historica", Scriptorum, t. I., p. 434. Ed. G. N. Pertz, Hannoveræ, 1828. Впервые обратилъ вниманіе на значеніе этого мѣста для ранней русской исторіи Байеръ („Origines Russicae", Comm. Acad. Scient. Petrop., VIII, 1736, p. 388, также, въ извлеченіяхъ, въ „Исторіи" Татищева, 1768, глава XXXII, стр. 397, и въ Ком. Ак. Имп., Спб., т. IV, стр. 275 и слѣд.). Съ тѣхъ поръ оно комментировалось всѣми послѣдующими историками этого періода. — Сущность извѣстія заключается въ томъ, что къ императору Ѳеофилу явились послы „amicitiae petitores" для заключенія дружественнаго договора; къ себѣ они не желали возвращаться прежнимъ путемъ „по причинѣ жившихъ тамъ варварскихъ жестокихъ народовъ"; Ѳеофилъ со своими послами отправилъ ихъ къ Людовику и въ письмѣ просилъ отправить ихъ безопасно въ свое отечество; неизвѣстные люди называли себя росами („qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant"); по наведеніи франками точнаго разслѣдованія, оказались свеями („eos gentis esse Sueonum"); ихъ задержали до точнаго выясненія, являются ли они дѣйствительно amicitiae petitores или лазутчиками, „exploratores". Это время, 839 годъ (см. выноски №№ 64—68) было особенно тревожнымъ для имперіи, и франки имѣли всѣ основанія опасаться „exploratores", приходившихъ изъ Скандинавіи или Даніи; такое именно отношеніе и закрѣплено въ своей записи

и весь кольцевой водный путь „Изъ варягъ въ греки" еще не были ни вполнѣ налажены, ни надежны.

Слѣдующее указаніе на сѣверныя событія мы находимъ у Эгингарда, секретаря и біографа Карла Великаго. Подъ 777-мъ годомъ находится слѣдующая, весьма часто приводившаяся, запись: „Widichindus... ad Sigifridum Danorum, repartibus Nordmanniae confugium fecit..."[34] Этотъ Витекиндъ, или Видукиндъ былъ тотъ самый знаменитый саксонскій вождь, который не желалъ подчиниться Карлу на Падерборнскомъ съѣздѣ и долженъ былъ бѣжать къ датскому королю Сигфриду, на сестрѣ котораго Гевѣ онъ былъ женатъ; Сигфридъ же, или Сигурдъ, по мнѣнію многихъ изслѣдователей, какъ напримѣръ Ховорта и Куника, никто иной какъ Сигурдъ Рингъ, побѣдитель при Бравал лѣ.[35] Такъ, въ своей безпощадной борьбѣ съ саксами, Франкская имперія была поставлена лицомъ къ лицу съ еще болѣе опаснымъ врагомъ — норманами.

Слѣдующимъ и весьма сложнымъ факторомъ были славянскіе народы, которые въ это время занимали все балтійское побережье отъ Эльбы и до Вислы. Король Альфредъ помѣщаетъ самыхъ западно-живущихъ славянъ, „Afrede", рядомъ съ англами и съ „древними" саксами и къ сѣверо-востоку отъ нихъ

епископомъ Пруденціемъ. Для русской исторіи оно имѣетъ значеніе потому, что показываетъ, что тѣ люди, которые себя называли (и были для грековъ) Rhos'ами, оказались на дѣлѣ gentis Sueonum т. е. шведами. Мнѣ кажется, что этихъ *„изслѣдователей" можно поставить въ связь* съ замыслами нормановъ объ открытіи восточнаго пути на Миклигардъ, черезъ Россію (122; 212) или вокругъ Испаніи, ибо уже въ 844 году они появляются въ Севильѣ. Трудность записи Пруденція заключается въ объясненіи того, что понималъ онъ подъ словами rex, chacanus vocabulo (...gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum Chacanus vocabulo); т. е., если *росы шведы, то почему* ихъ владѣтель хаканъ? Карамзинъ (I, 49, 329, вын. 110) считалъ, что здѣсь хаканъ смѣшанъ съ именемъ Гаконъ. Гедеоновъ („Варяги и Русь", II, стр. 483—505) указываетъ на именованіе каганами нашихъ князей Владиміра и Ярослава (Въ Похвалѣ Св. Владиміру), и съ тѣхъ поръ часто повторяется мнѣніе (Васильевскій), что упоминаемые здѣсь послы говорили отъ лица своего кагана и что они, будучи шведами, не были шведами изъ Скандинавіи; Куникъ посвятилъ разбору вопроса о каганѣ и Гаконѣ подробное изслѣдованіе (Зап. Имп. Ак. Наукъ, 1865, т. VI, прил. № 2, стр. 73), но оставилъ вопросъ открытымъ; Иловайскій („Розысканія о Началѣ Руси", стр. 220), подходя къ вопросу съ другой стороны, считаетъ каганъ правильнымъ, но готовъ думать, что ошибка въ словѣ sueonum и что вмѣсто „свеи" нужно поставить „славяне". Недавно Барацемъ въ статьѣ „Источники Слова о Законѣ и Благодати" (Труды, Парижъ, 1924, I., стр. 850) высказано предположеніе, что титулъ кагана былъ перенесенъ авторомъ Слова на Владиміра и Ярослава съ болгарскаго царя Бориса. Въ такомъ случаѣ вопросъ опять остается открытымъ, но вѣроятность чтенія chacanus—Haakon увеличивается. Какъ бы этотъ вопросъ ни былъ рѣшенъ въ окончательномъ смыслѣ, для насъ существенно, что въ 839 году, по показаніямъ нормановъ-свеоновъ, кольцевой путь изъ Варягъ въ Греки еще не былъ налаженъ. Этого взгляда держится и проф. Ключевскій (Курсъ Русской Исторіи, Спб., 1920, I, 153—155).

[34]) „Nam cuncti ad eum venerunt præter Widichindum, unum ex primoribus Westfalaorum, qui multorum sibi facinorum conscius, et ob id regem veritus, ad Sigifridum Danorum repartibus confugium fecit una cum sociis suis". Einhardi Ann. A. 777 (Pertz, I., 157, 158) и „Saxones Nordmanniae convenerunt, excepto quod Widochindis rebellis extitit cum paucis aliis..." Ann. Laur, ibidem, p. 156, A. 777.

[35]) Harald Fairhair and his Ancestors, by Sir Henry Howorth. Saga-Book, Vol. IX., part. I., p. 65. — „Remarques Critiques" („Kritische Bemerkungen"), Bull. Acad. Imp. Scient., VII, 1850, p. 147.

„Wylte-овъ".[36] Первые, это оботриты франкскихъ хроникъ, наши бодричи, а вторые — велеты-лютичи.[37] Далѣе, по рѣкѣ Шпрее, Альфредъ помѣщаетъ гаволянъ, называя ихъ „Haefeldan", далѣе моравовъ, и, наконецъ, къ востоку отъ Моравіи, страну (рѣки) Вислы.[38]

Бодричи-оботриты были, какъ сказано, непосредственными сосѣдями саксовъ, и, когда въ 780-мъ году Карлъ Великій, пройдя насквозь страну саксовъ, появился на Эльбѣ,[39] онъ столкнулся со славянами.

Между военнымъ союзомъ рарожанъ, глинянъ (линоновъ) и другихъ племенъ, съ бодричами во главѣ, и, съ другой стороны, такимъ же союзомъ лютичей существовала старинная вражда. Лютичи были союзниками саксовъ и, естественнымъ ходомъ событій, бодричи оказались на сторонѣ франковъ. Съ этихъ поръ франкскіе анналы начинаютъ называть ихъ своими, „Sclavi nostri, qui dicintur Abodriti."[40] Съ помощью бодричей Карлу Великому удалось окончательно разбить даже залабскихъ саксовъ (трансъ-альбинговъ); тогда началась политика массовыхъ переселеній побѣжденныхъ саксовъ въ другія франкскія земли. Обширные округа между Эльбой и Везеромъ были переданы въ награду вѣрнымъ бодричамъ, которые такимъ образомъ получили выходъ къ Сѣверному морю и вклинивались между ютландскими данами, съ одной стороны, и фризами и саксами, съ другой.[41]

Фризы были окончательно покорены Карломъ Великимъ еще въ 785-мъ году.[42]

---

[36]) „Описаніе Европы короля Альфреда Великаго", Bosworth (1), ibidem, pp. 1—3.

[37]) Лютичи — лютые.

[38]) Bosworth, ibidem, p. 3; о имени р. Вислы, см. „Изъ Исторіи Славянскихъ Передвиженій", А. Л. Погодинъ, Спб., 1901, стр. 11, гдѣ приводится „Βίσλα" Константина Багрянороднаго.

[39]) Profectus inde ad Albiam... tam ad res Saxonum qui citeriorem, quam et Sclavorum qui ulteriorum fluminis ripam incolunt, componendas operam inpendit«. Einh. Ann. Ad. a. 780 (I., 161). And „Tunc domnus Carolus rex... ad locum ubi Lippia consurgit, ibique sinodum tenens, inde... Albiæ fluvii, et in ipso itinere omnes Bardongauenses et multi de Nordleudi baptizati sunt... et pervenit usque ad supradictum fluvium, ubi Ora confluit in Albia, ibi omniaque disponens tam Saxoniam quam et Sclavos..." Ann. Laur. Ad. a. 780 (I. 160). См. также „Вліяніе Каролингской Династіи на Славянскія племена", М. Касторскій, Ж. М. Н. П., 1839, ч. 24, стр. 17—60; также Гедеоновъ, „Варяги и Русь", Спб. 1876, стр. 95, 133—139 и Зап. Имп. Академіи Наукъ, 1865, т. VI, стр. 49; также Howorth, Saga-Book, IX, pp. 70, 71.

[40]) „Et interim congregati sunt Sclavi nostri, qui dicuntur Abodriti, cum missis domni regis ad illos Saxones congregaverunt se in unum". Chronicon Moissiacense, ad. a. 798. Pertz. I., p. 303 (23).

[41]) „Et inde misit imperator scaras suas in Wimodia et in Hostingabi et in Rosogabi, ut illam gentem foras patriam transduceret; nec non et illos Saxone qui ultra Albiam erant, transduxit foras, et divisit eos in regnum suum ubi voluit". Chron. Moiss. (Cod. Colbertini), anno 804, Pertz. II., 257, и Chron. Moiss. (I. 307), гдѣ Rosogavi поставлено вмѣсто Rosogabi. Съ этого времени Вагрія стала Славянской землей (Howorth, ibidem, p. 70). Гедеоновъ („Варяги и Русь", I, 136—137) приводитъ Вагирское преданіе объ обладаніи родомъ Вагирскихъ князей землей дальняго народа, что Гедеоновымъ ставится въ связь съ разсказомъ лѣтописи о призваніи князей. Разборъ этого мѣста см. Первольфъ, „Варяги, Русь и Балтійскіе Славяне", Ж. М. Н. П., 1877, ч. 192, стр. 37—97. — Мѣсто, приводимое Гедеоновымъ, интересно и по сопоставленію съ словами Гельмольда о Вагирской маркѣ (ссылка № 180).

[42]) „Et tunc rebellati sunt iterum Saxones solito more, et cum eis pars aliqua Frisonum". Ann. Laur., Ad a. 784, 785 (I., 166). См. „исторію Фрисландіи до XI столѣтія" — „Friesland tot de elfde eeuw", P. C. J. A. Boeles, 's-Gravenhage, 1927, p. 197.

Такъ какъ они вели значительную морскую торговлю не только съ западнымъ побережьемъ Скандинавіи, но и съ Балтикой, гдѣ знаменитая Бирка на озерѣ Мелларъ была одной изъ ихъ главныхъ колоній, ихъ торговые интересы были издавна связаны съ скандинавскими государствами; съ другой стороны, ихъ подчиненіе франкамъ не могло не заставить насторожиться нормановъ, которые готовы были видѣть въ слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ имперіи извѣстную угрозу собственной независимости. Еще болѣе опасной угрозой должно было показаться Даніи появленіе бодричей вблизи Гаддеби (Шлезвига) и Рыбе,[43] такъ какъ оно, съ одной стороны, отрѣзало Ютландію отъ союзниковъ саксовъ на материкѣ, а, съ другой, ставило подъ ударъ морскія сообщенія съ фризами и съ балтійскимъ побережьемъ.

Первые годы девятаго вѣка, однако, не ознаменовались никакими враждебными дѣйствіями со стороны Даніи. Сигфридъ (Сигурдъ) упоминается послѣдній разъ анналами въ 797-мъ году, а затѣмъ, въ 804-мъ, упоминается уже другой король, Годфридъ. Въ этомъ Годфридѣ Мункъ и Ховортъ[44] видятъ Гудрода Инглинга, „Godrodr inn Gaofoglati“ пѣсни объ Инглингахъ (Инглинга-таль).[45]

Дальнѣйшія подробности о Гудродѣ сообщаетъ Инглинга-сага Снорри Стурлусона.[46] Въ ней повѣствуется, что Гудродъ былъ внукомъ послѣдняго упсальскаго Инглинга Олафа-Дровосѣка, который по смерти своего отца Ингіальда переселился сначала въ Вермеландъ, а затѣмъ въ Вестфольдъ, у береговъ Осло-фіорда. Ко времени Гудрода Вестфольдское королевство стало весьма могущественнымъ и обладало цвѣтущей торговлей съ Шлезвигомъ и Дорестадомъ, сосредоточивавшейся въ Скирингесалѣ, около нынѣшняго Гіерстада. Поэтому потеря фризами самостоятельности и появленіе на Везерѣ бодричей, союзниковъ франковъ, должно было сильно встревожить Гудрода. Удобный случай для нападенія на имперію ему представился въ 808-мъ году, когда Карлъ Великій былъ въ Аахенѣ; онъ началъ съ нападенія и опустошенія страны бодричей и затѣмъ предпринялъ рядъ набѣговъ на окраины имперіи. Въ отвѣтъ императоръ послалъ своего сына Карла съ цѣлой арміей на велетовъ, союзниковъ Гудрода.

Въ этой борьбѣ франки стали проводить политику давать убѣжище и принимать къ себѣ на службу изгоняемыхъ вождей и претендентовъ на престолъ. Появленіе въ Ютландіи Гудрода Инглинга означало изгнаніе оттуда Скюльдунговъ, и одинъ изъ нихъ — Гальфданъ — прибылъ (около 782-года) къ императору и получилъ въ ленъ страну фризовъ. Этотъ "Northmannorum dux Alfdeni dictus"[47] былъ, *по всей вѣроятности, сыномъ* Гаральда Гильдетана и отцомъ Гаральда Клака, Гемминга и Рорика. Повидимому въ началѣ Гальфданъ являлся

[43]) О Гаддеби (Haddeby) и Рыбе (Ribe) см. A. V. Storm, „Pages of Early Danish History“, Saga-Book, II., p. 340 — портъ Рыбе находился на западномъ берегу Ютландіи, и товары оттуда, для Балтики изъ Голландіи, Англіи и Франціи, доставлялись въ Гаддеби (Шлезвигъ) частью рѣчнымъ, частью сухимъ путемъ.

[44]) Ibidem, Saga-Book, IX, p. 65 и приложеніе II, pp. 246—248.

[45]) „Corpus Poeticum Boreale“, by G. Vigfusson and F. York Powell. Oxford. 1883, v. I, p. 250.

[46]) „Heimskringla“, I. Saga Library, London, 1893 и Antiquités Russes, v. I, Inglinga Saga.

[47]) „Poeta Saxo, ad a. 807. Pertz. I., p. 263 [19].

посломъ своего двоюроднаго брата Сигфрида — Сигурда[48] и послѣ смерти послѣдняго былъ принужденъ покинуть Ютландію. Гальфданъ является первымъ имперскимъ „маркграфомъ" Фрисландіи, и, какъ мы увидимъ далѣе, ему наслѣдовали въ этомъ званіи его сыновья Гаральдъ и, затѣмъ, Рорикъ.

Карлъ Великій и, впослѣдствіи, Людовикъ Благочестивый считали такую политику правильной и расчитывали, что норманъ, пѣнитель морей, станетъ надежнымъ оплотомъ морского побережья имперіи отъ нападеній сородичей-викинговъ. Въ дѣйствительности, уже въ 810-мъ году Гудродъ съ сильнымъ флотомъ напалъ на Фризію и разорилъ всю страну.[49]

Политика франкской имперіи начала приносить свои плоды: съ 810-го года въ Валькернѣ и Дорестадѣ появляется одинъ бѣженецъ конунгъ за другимъ, и, одновременно, рядъ набѣговъ обрушивается сперва на Фризію и страну бодричей, а потомъ и на самую имперію, до тѣхъ поръ, пока къ серединѣ IX вѣка, большая часть теперешней Франціи и западной Германіи лежитъ въ развалинахъ. Даже при жизни Карла Великаго норманы перестаютъ страшиться его могущества, и, по словамъ Эгингарда, Гудродъ становится столь надменнымъ, что рѣшается угрожать самому императору въ его столицѣ.[50] Какъ бы то ни было, но непосредственная опасность имперіи отпадаетъ со смертію Гудрода, павшаго подъ ударомъ убійцы, подосланнаго мстительной Азой, его женой.[51]

Вновь разгорается теперь длительная распря между Инглингами, сыновьями Гудрода, и Скіольдунгами, Геммингомъ, Гарольдомъ и, впослѣдствіи, Рорикомъ — внуками Гаральда Гильдетана. Сперва Скюльдунги одерживаютъ верхъ, и „filii Codofridi"[52] вынуждены бѣжать въ Скандинавію; распря переносится туда, и сраженія происходятъ даже въ Вестфольдѣ,[53] но, въ концѣ концовъ, счастье

---

48) „Ibique omnes Saxones venientes, excepto rebellis Widochindus, etiam illuc convenerunt Nordmanni missi Sigifridi regis, id est Halptani cum sociis suis". Ann. Laur. ad a. 782. Pertz. I., 162, Также „Ubi inter cetera negotia etiam legatos Sigifridi, regis Danorum... et audivit et absolvit". Einh. Ann. ad a. 782, Pertz. I., 163. Куникъ, на основаніи этого мѣста, высказываетъ догадку о тожествѣ Гальфдана и Сигурда. См. „Remarques Critiques", p. 150.

49) При этомъ случаѣ у Гудрода былъ флотъ изъ двухсотъ судовъ: „...ducentarum navium de Nordmannia Frisium appulisse..." Einh. Ann. ad a. 810. Pertz., I., 197.

50) „Quorum Rex Godefridus adeo vana spe inflatus erat, ut sibi totius Germaniae promitteret potestatem"; Einhardi Vita Karoli Imperatoris, Pertz., II., 450 (19—21) I. „...Vanissima spe victoriae inflatus..."; Einh. Ann. Ad a. 810. Pertz., I., 197 (35).

51) „Corpus Poeticum Boreale". Ibidem, I., 250. „Пѣснь Инглинговъ" — Inglinga-tal — такъ повѣствуетъ о смерти Гудрода: „Гудродъ Великолѣпный повергнутъ измѣной и смертельная ненависть предательствомъ погубила короля". Аза мстила Гудроду за убійство отца и брата; затѣмъ она вернулась въ свое родовое княжество Агдеръ и царствовала тамъ до 828 года, когда ея сыну Гальфдану исполнилось 19 л.; подъ ея вліяніемъ сынъ Гальфдана былъ названъ въ честь дѣда Гаральдомъ — это Гаральдъ Прекрасноволосый Норвежскій. Аза дожила до 850 года и была похоронена въ Озебергѣ, около Тунсберга, въ своей „яхтѣ", т. наз. Озебергскомъ кораблѣ, открытомъ въ 1904 году (Saga-Book IV, pp. 54 и слѣд.). Великолѣпныя рѣзныя украшенія судна и „саней" дали возможность Dr. Shetelig написать цѣлую монографію о „Qeen Ása's Sculptors" (Saga-Book, X, pp. 12—56) и распредѣлить ихъ по разнымъ „школамъ". Орнаментація саней, повозки и другихъ предметовъ королевы Азы даетъ яркую иллюстрацію развитія „звѣринаго стиля" въ эпоху викинговъ VIII—IX вѣковъ.

52) Einh. Ann. ad a. 813 (Pertz., I., 200); ad a. 814 (ibidem, 201) и ad a. 815 и 817 (p. 202).

53) Ibidem, ad a. 813, p. 200 [c. 25—35].

переходитъ на сторону Инглинговъ, и сынъ Гудрода Эрикъ становится королемъ Даніи. Тѣмъ не менѣе положеніе продолжаетъ оставаться не совсѣмъ опредѣленнымъ, и, насколько можно судить по анналамъ, Скіольдунги подолгу продолжаютъ держаться въ южной Ютландіи и въ Шлезвигѣ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что Гаральдъ разрѣшилъ тамъ проповѣдь христіанства епископу Эбо въ 823-мъ году. Возможно, что именно этотъ шагъ стоилъ ему *изгнанія изъ* своихъ ютландскихъ владѣній.

Римбертъ, ученикъ и сопутчикъ св. Ансгарія, „Просвѣтителя сѣвера", въ его миссіонерскихъ странствованіяхъ по Даніи и Скандинавіи, слѣдующимъ образомъ описываетъ эти событія въ своей „Vita Sancti Anskarii": „Далѣе произошло, что король по имени Гаральдъ, властвовавшій надъ частью дановъ, сталъ жертвой ненависти и предательства и былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній другими королями тѣхъ же странъ",[54] ясное указаніе на распрю между Гаральдомъ и сыновьями Годфрида. Гаральдъ отправился къ императору Людовику и просилъ у него помощи, „чтобы опять овладѣть своимъ королевствомъ".[55] Людовикъ убѣждалъ его и „лично и черезъ посредство другихъ принять христіанство, ибо тогда между ними установилась бы болѣе тѣсная дружба, а также потому, что христіанскій народъ охотнѣе пришелъ бы на помощь своимъ друзьямъ, если бы оба народа исповѣдывали бы одного и того же Бога. Наконецъ... ему удалось привести его къ обращенію, и, когда онъ (Гаральдъ) былъ омытъ святой водой крещенія, онъ самъ (Людовикъ) былъ его воспріемникомъ и усыновилъ его".[56]

Крещеніе происходило въ Ингельхеймѣ, около Майнца, гдѣ у Людовика былъ роскошный дворецъ надъ Рейномъ, неподалеку отъ храма св. Альбана. Гаральдъ приплылъ по Рейну на ста судахъ, съ большой свитой, съ женой, съ сыномъ (или сыновьями) и съ братомъ Рорикомъ.[57] Обращеніе сѣвернаго властителя со всей семьей въ христіанство глубоко поразило воображеніе современниковъ, и, кромѣ подробныхъ записей въ хроникахъ,[58] до насъ дошла цѣлая поэма монаха

[54]) „Vita Sancti Anskarii a Rimberto et alio discipulo Anskarii conscripta." (*Incipit* Libellus continens vitam vel gesta seu obitum domni Anskarii primi nordalbingorum archiepiscopi, et legati sanctae sedis Apostolicae ad Sueones seu Danos nec non etiam Slavos et reliquas gentes in aquilonis partibus sub pagano adhuc ritu constitutas). Pertz., Monumenta, II., pp. 689—725 (cit. p. 694).

[55]) Ibidem, p. 694. — Въ докладѣ автора Viking Society „Rorik of Jutland and Rurik of the Russian Chronicles", Saga-Book, v. X, pp. 267—297, *цитаты изъ* Vita Sancti Anskarii приведены по переводу C. H. Robinson'a: „Anskar, the Apostle of the North", London, 1921; приводимыя русскія выдержки переведены авторомъ по тексту Робинсона и свѣрены съ текстомъ Vita.

[56]) Ibidem, p. 38. See also J. F. Böhmer, Regesta Imperii, „Die Regesten des Kaiserreichs unter den Karolingern." Innsbruck, 1908, pp. 325, 326.

[57]) Van Bolhuis, „De Noormannen in Nederland", Utrecht, 1834, I., 57. — W. Moll, „Die Vorreformatorische Kirchengeschichte der Niederlande", Leipzig, 1895, p. 210. Kruze. Chronicon Nortmannorum, ad a. 826. — Sir Henry Howorth, „Harald Fairhair", Saga-Book, 1920, IX, 98.

[58]) Sequenti vero anno erat in palatio regio Ingilenheim, et ibi ad eum venit Heriolt de Danais, quem domnus imperator elevavit de sacro fonte baptismatis... Tunc domnus imperator magnam partem Fresonum dedit ei, et honorificis donis ornavit eum, et cum legatis suis dimisit eum ire cum pace." Thegani Vita Hludowici Imperatoris, Pertz., II., 597 (33). — „Vita Hludowici Imp." Ibidem, II., 692. — Einhardi Annales, ad a. 826, ibidem, I., 214, Ann. Xant. ad a. 826. Ibidem, II., 225.

Эрмольда Нигеллуса, повидимому очевидца самаго крещенія, посвященная подробному описанію событія.[59]

Гаральдъ и его жена получили цѣнные подарки отъ Людовика и молодой жены его Юдифи. Кромѣ того императоръ пожаловалъ Гаральду приморскій округъ Рустрингенъ въ Фризіи[60] и виноградники на Рейнѣ.[61] Въ Житіи св. Анскарія отмѣчено, что цѣлью пожалованія Рустрингена было, „если бы то оказалось необходимымъ, найти тамъ убѣжище".[62] То же самое замѣчаніе находимъ мы и у Тегана, въ его „Vita Hludowici", и, дѣйствительно, когда Гаральдъ, въ сопровожденіи Анскарія, проѣхавъ Дорестадъ, появился у датскихъ береговъ, ему „сначала не удалось мирнымъ путемъ овладѣть своимъ королевствомъ" и пришлось задержаться въ Рустрингенѣ. По извѣстіямъ у Эгингарда, Гаральдъ былъ устраненъ сыновьями Гудрода отъ совмѣстнаго съ ними управленія государствомъ: „Filii videlicet Godofridi, Herioldum de consortio regni eicientes...",[63] приводится у него.

Такимъ образомъ Гаральду пришлось обосноваться въ своемъ новомъ рустрингенскомъ „удѣлѣ"; повидимому, однако, въ его рукахъ и въ рукахъ его братьевъ Гемминга и Рорика оказывался не только рустрингенскій „гау", но и все побережье отъ острова Валькерена у Шельды и до датской границы на Эйдерѣ, включая, такимъ образомъ, и часть его прежнихъ владѣній въ Шлезвигѣ. Во всякомъ случаѣ, намъ извѣстно, что Анскарій отправился въ 826-мъ году въ Шлезвигъ (Гаддеби) изъ Дорестада и два слѣдующихъ года оставался въ датскихъ предѣлахъ. Такъ у самыхъ границъ Ютландіи, подъ властію Скіолдунга, образовалось враждебное и соперничающее съ Даніей государство.

Такое положеніе должно было казаться сыновьямъ Гудрода чреватымъ опасными послѣдствіями, и, дѣйствительно, весьма скоро начинается рядъ ихъ „предупредительныхъ" набѣговъ на Дорестадъ, наиболѣе важное, но и наиболѣе уязвимое владѣніе Гаральда. Дорестадъ подвергается нападеніямъ подрядъ въ 834, 835 и 836 году, когда датчане также сожгли Антверпенъ;[64] въ 837-мъ году

---

[59]) In Honorem Hludowici Christianissimi Caesaris Augusti Ermoldi Nigelli exulis elegiaci carminis liber incipit primus." Lib. III. and IV., Pertz. II., 467. См. также C. H. Kruze, Chronicon Nortmannorum, pp. 90—96, гдѣ, въ выдержкахъ изъ книгъ III и IV Эрмольда, дано полное описаніе крещенія. Это событіе и его значеніе подробно разобраны Sir Henry Howorth'омъ въ „Harald Fairhair", Saga-Book, IX, 1920.

[60]) „Dedit ei quendam comitatum in Fresia, cuius vocabulum est Riustri, quo se suosque, si necessitas exigeret, tuto recipere posset." Vita Hludowici Imp. ad a. 826. Pertz., II., 629 [39, 40]. In „Thegani Vita Hludowici Imperatoris": „Tunc domnus imperator magnam partem Fresonum dedit ei". Ibidem, II., 597 (27). См. также Howorth, ibidem, p. 101 и W. Vogel, „Die Normannen und das Fränkische Reich", 1906, Berlin, p. 60. — О Рустрингенѣ см. ниже ссылки №№ (159) и (173).

[61]) „Loca vinifera", у Эрмольда, Pertz., II., 630. Это упоминаніе интересно въ связи съ сагами о Vinland'ѣ. См. Langlois, „La Découverte de l'Amérique par les Normands, Paris, 1924, гдѣ въ главѣ о „vinvidr — vinber" (pp. 126—128) разбирается вопросъ, могли ли норманы въ сѣвер. Америкѣ напасть на дикую лозу.

[62]) „Vita St. Anskarii", ibidem, p. 696.

[63]) Einh. Ann., ad a. 827. Pertz., I., 216.

[64]) „Danis veniens in Frisiam, aliquam partem ex illa devastavit, et inde per Vetus-Traiectum ad emporium quod vocatur Dorestadus venientes, omnia diripuerunt", ad a. 834. Prud. Trec. Ann.,

они разграбили Валькеренъ[65] и умертвили брата Гаральда Геммннга, котораго лѣтописи называютъ „Христіаннѣйшимъ", „Dux Christianissimus".[66] Въ 838 году ихъ флотъ разсѣянъ бурей, но въ 839 г. они снова опустошаютъ Дорестадъ.

Чувствуется удивительная настойчивость и послѣдовательность въ этихъ набѣгахъ на фризское побережье и именно на Дорестадъ. Невольно приходитъ на мысль, что нѣчто болѣе жизненное и важное, нежели давняя Инглинго-Скіольдунговская распря, должно лежать въ основѣ этихъ событій, и, не безъ основанія, можно предположить, что борьба шла за фризскую торговлю и за фризскія торговыя поселенія. Такъ, послѣ только что упомянутыхъ набѣговъ на Дорестадъ, Эрикъ, сынъ Гудрода и верховный властитель Даніи, посылаетъ къ Людовику посольство съ извѣщеніемъ, что викинги, участвовавшіе въ набѣгѣ, будутъ сурово наказаны, но вмѣстѣ съ этимъ требуетъ, чтобы Фризія и страна оботритовъ были ему переданы, давая ясно понять, что добровольно или силой, но Фризія должна ему принадлежать.[67]

Положеніе Людовика въ это время было чрезвычайно затруднительно, такъ какъ еще съ 829-го года онъ находился въ постоянной борьбѣ со своими старшими сыновьями изъ за передѣловъ наслѣдства. Тѣмъ не менѣе онъ отвергъ требованіе Эрика съ твердостью; однако самая возможность подобнаго обращенія норманові съ наслѣдникомъ Карла Великаго показываетъ, какъ палъ престижъ имперіи въ послѣдніе годы царствованія Людовика.

Послѣ его смерти положеніе стало становиться хуже и хуже; также болѣе затруднительнымъ стало и положеніе Гаральда и, особенно, Рорика, о которомъ мы теперь начинаемъ слышать все болѣе и болѣе.[68] Лотарь сдѣлалъ роковой шагъ, вовлекая норманові въ свою распрю съ братьями; онъ началъ подстрекать ихъ къ разбойничьимъ набѣгамъ на своихъ соперниковъ, подкупалъ ихъ

Pertz., I., 428. — „Nordmanni Dorestadum vastaverunt", ad a. 835. Einh. Fuld. Ann. I., 360. — „Nordmanni Andwerpam civitatem incendunt", ad a. 836. Ibidem, I., 360. — „Normanni tributum exactantes in Walchram insulam venerunt ...et Dorestadum vastaverunt, acceptoque a Frisonibus tributo, reversi sunt", ad a. 837. Ibidem, I., 361. — „Tempestate Nordmanni... ad Dorestadum eadem furia pervenerunt, ad a. 837, Prud. Trec. Ann. I., 430. Также Ann. Xant., ad a. 834, 835, 836 and 837. Pertz. II., 226. О разореніи Дорестада см. N. T. Belaiew, „Quentovic et Dorestad" (73); Дорестадъ находился на нижнемъ Рейнѣ (Oude Rhyn) тамъ, гдѣ теперь находится селеніе Wyk te Doorestede. Франкскіе анналы называютъ его „Nominatissimum Vicum" (Ann. Xant., ad a. 834), vicum famosum Dorstad (Lindger, Vita Gregorii abb. Trajeckt.). О значеніи Дорестада см. „Friesland tot de elfde eeuw, P. C. J. A. Boeles. 's—Gravenhage, 1927, pp. 220—222; Vogel, ibidem. pp. 45, 66—68; Howorth, ibidem, pp. 109—110.

[65]) Ann. Xant., ad a. 837, Pertz, II., 226. Thegani Vita Hludowici Imp. Pertz, II., 604.

[66]) „Illi vero Danai nave venientes ad unam sedictionem, et interfecerunt ibi innumerabilem multitudenim christianorum; et ibi cecidit Hemminch qui erat ex stirpe Danorum, dux Christianissimus...", ibidem, II., 604. Этимъ грустнымъ повѣствованіемъ о грабежахъ и разбояхъ заканчиваетъ Теганъ свою Vita Hludowici.

[67]) Prudentii Trecensis Ann. ad a. 838. Pertz, I., 430 (8—14), 432 (16—18).

[68]) Ruodolfi Fuldensis Ann. ad a. 850, Pertz, I., p. 366 (25). — Mag. Adami Gesta Hammenburgensis Ecclesial Pontificum, Pertz, Scriptorum VII., 291 (40), 292 (1). — Крузе держится мнѣнія, что Дорестадъ принадлежалъ Рорику еще до 834 года, но послѣ 828 года (Chronicon, p. 139, прим. 10). Повѣствованіе Адама Бременскаго основано, повидимому, на такомъ же пониманіи событій; того же мнѣнія держится и Sir Henry Howorth, loco cit., pp. 98, 102, 116 и 120.

и даже разрѣшалъ отпадать въ прежнюю языческую вѣру.[69] Въ этихъ междоусобицахъ Гаральдъ продолжалъ оставаться на сторонѣ Лотаря, но положеніе Рорика не такъ ясно. Повидимому онъ былъ въ числѣ отпавшихъ, такъ какъ лѣтописи начинаютъ съ этого времени называть его „fel christianitatis", но съ другой стороны, въ это же время, онъ разсорился съ Лотаремъ и бѣжалъ къ Людовику Германскому. По всей вѣроятности Лотарь рѣшилъ лишить Рорика его лена, такъ какъ по Верденскому договору 843-го года Фрисландія включалась во владѣнія Лотаря. Какъ бы то ни было, но съ этого времени и вплоть до 850-го года, когда Дорестадъ и Фризія были ему окончательно возвращены, Рорикъ продолжаетъ регулярно нападать на свои прежнія владѣнія. Сперва онъ организовываетъ свои силы гдѣ то въ нижней Саксоніи,[70] затѣмъ, по словамъ лѣтописца собравъ „Danigenarum non modica manu coepit piraticam exercere",[71] продолжалъ пиратствовать. Эти экспедиціи Рорика совпадаютъ съ ужасающими рейдами викинговъ 840—850 годовъ на Францію, Германію и Англію,[72] когда было опустошено не только фризское побережье, но и, какъ въ 842-мъ году, былъ взятъ и разграбленъ Квентовикъ,[73] и вся страна между Рочестеромъ и Лондономъ,[74] а въ 845-мъ году Гамбургъ и самый Парижъ подверглись грабежу и опустошенію.[75]

Обыкновенно эти набѣги связываются съ именами полу-миѳическаго Гастингса и знаменитаго Рагнара Лодброка и его сыновей, но въ анналахъ мы почти всегда встрѣчаемъ и имя Рорика. Такъ въ 845 году Рорикъ во главѣ флота изъ 600 судовъ входитъ въ Эльбу[76]; въ томъ же году онъ во Франціи и тамъ во время

[69]) Prudent. Trecent. Pertz, I., 437, 438; также Крузе Chronicon Nortmannorum. Подробности рейдовъ викинговъ даны у C. F. Keary „The Vikings in Western Christendom", 1891, pp. 271 и послѣд.; у Sir Henry Howorth, loco cit., pp. 86—120 и у W. Vogel, „Die Normannen und das Fränkische Reich", 1906, pp. 80 и слѣдующія.

[70]) Ruod. Fuld. Ann., ad a. 850. Pertz, I., 366.

[71]) Ibidem, p. 366 [31].

[72]) Vogel, ibidem, pp. 80—127; Keary, ibidem, pp. 271—276; Kruze, ibidem, pp. 139—196.

[73]) „Ea tempestate Normannorum classis in emporio quod Quantovicus dicitur, repentino sub lucem adventu depraedationibus, captivitate et nece sexus utriusque hominum adeo debacchati sunt, ut nihil in eo praeter aedificia pretio redempta relinquerunt." Prudent. Trec. Ann. ad a. 842. Pertz, I., 439 (11—14). Quentovic (Canche — wick) лежитъ у устья рѣки La Canche, тамъ гдѣ теперь находится небольшой рыбачій портъ Etaples (отъ галлоримскаго Stapula; въ англійскомъ языкѣ еще въ XVI столѣтіи города, обладавшіе извѣстными правами, носили имя Staple; потомъ это слово перешло на названіе товаровъ опредѣленнаго качества и, можетъ быть, занесено было къ намъ въ видѣ нижне-нѣмецкаго штабеля). По вопросу о нахожденіи Квентовика, см. докладъ P. Lagrange'a, „Où se trouvait Quentovic" (Société Académique du Touquet-Paris-Plage и отчетъ въ Télégramme du Pas-de-Calais, Le 7 septembre, 1928). — О причинахъ разоренія Квентовика и Дорестада см. докладъ автора тамъ-же, „Quentovic et Dorestad et les raisons de leur destruction par les Normands" (Отчетъ, Avenir du Touquet-Paris-Plage, Le 8 septembre, 1929).

[74]) Англо-Саксонская хроника помѣщаетъ этотъ набѣгъ подъ 839 г., но Keary (ibidem, p. 249), полагаетъ, что онъ имѣлъ мѣсто въ 842 году.

[75]) Prud. Trec. Ann. ad a. 845. Ibidem, I., 441. Ruod. Fuld. Ann. ad a. 845, I., 364.

[76]) „Nortmannorum rex Oricus sexcentas naves per Albim fluvium in Germaniam adversus Hludowicum dirigit", Prudent. Trec. Ann. ad a. 845, Pertz, I., 441 (26—28). "Anno Domini 845. Northmannorum rex Roricus sexcentas naves per Albiam fluvium in Germaniam adversus Ludovicum dirigit", Chronicon de Gestis Normannorum in Francia, Pertz, I., 533. Сопоставленіе этихъ двухъ цитатъ также показываетъ, какъ легко франкскому лѣтописцу (въ данномъ случаѣ даже такому

таинственнаго морового повѣтрія выказываетъ нѣкоторое благорасположеніе къ христіанству, отпускаетъ на волю христіанскихъ плѣнниковъ и приказываетъ своему войску четырнадцать дней воздерживаться отъ мяса.[77] Въ 850 году Рорикъ снова снаряжаетъ флотъ изъ 350 судовъ, на этотъ разъ для нападенія на Англію; и Англія подвергается участи Франціи, и самый Лондонъ съ трудомъ избѣгаетъ опасности.[78] Почти навѣрняка можно утверждать, какъ это и дѣлаетъ Фогель, что рука Рорика чувствуется за всѣми набѣгами викинговъ этого періода, и что онъ самъ организовываетъ ихъ и руководитъ ими откуда то изъ своихъ владѣній.[79]

Набѣги этого десятилѣтія существенно отличаются отъ предыдущихъ, какъ по масштабу, такъ и по послѣдствіямъ, которыя они имѣли для всего западно-христіанскаго міра. Прежнія нападенія направлялись на Фризію или на смежныя прибережья, т. е. на пограничные имперскіе лены, но не на собственно имперію; послѣдніе же, наоборотъ, вносили разореніе въ самыя цвѣтущія и населенныя части Франціи и Англіи, неся войну и нищету къ самымъ вратамъ столицъ наслѣдниковъ Карла Великаго. Ударъ, нанесенный христіанскому западу, былъ ужасенъ. По словамъ историка этихъ набѣговъ Кири (Keary) способность имперіи защищаться была совершенно сломлена, сама имперія оказывалась въ полной

ученому и образованному лицу какъ епископу г. Труа Пруденцію) смѣшивать скандинавскія имена Hrœrek—Roric съ Harekr—Horic—Eric; съ другой стороны, авторъ норманской хроники De Gestis пишетъ имя Рорика правильно. Kruse (Chronicon Nortmannorum, p. 165) пишетъ: „Roricus *genuina est lectio*". *Карамзинъ* (I, 321), цитируя (въ примѣчаніи № 98) нѣкоторыя мѣста лѣтописей, гдѣ упоминается имя Рорика, также, въ данной цитатѣ, читаетъ Roricus. Тѣ авторы, которые, какъ Keary и Vogel, придерживаются перваго чтенія (т. е. Horic изъ Oricus), встрѣчаютъ большое затрудненіе въ объясненіи того факта, что Эрикъ, среди полнаго мира съ Людовикомъ, длившагося съ 828 по 845, вдругъ, ни съ того ни съ сего, посылаетъ противъ него цѣлый флотъ. Такъ Vogel говоритъ: „Wir wissen daher nicht, was den könig veranlaute, im Jahre 845 plötzlich Feinseligkeiten... erröffnen" (ibidem, 101). Съ другой стороны, мы имѣемъ опредѣленное указаніе хроники что, "Rorih... *coepit piraticam exercere, et loca regni* Hlotharii septentrionalis oceani litoribus contigua vastare" (Ruod. Fuld. Ann. ad a. 850, ibidem, I., 366). Поэтому, на основаніи формальнаго указанія De Gestis и принимая во вниманіе взаимоотношенія *Рорика, Эрика и имперіи*, полагаю, что правильное чтеніе будетъ не Oricus, a Roricus.

[77]) "Tunc rex eorum nomine Rorik una cum omni populo gentilium 14 dies a carne et medone abstinuit, et cessavit plaga, et omnes christianos captivos quos habebant, ad patriam propriam dirigunt", Ann. Xant., ad a. 845, Pertz, II., 228 [21—23]. При этомъ случаѣ, хроника называетъ Рорика rex, король, т. е. такъ же, какъ Пруденцій называлъ *датскаго Эрика* (Oricus) подъ тѣмъ же годомъ въ своей лѣтописи. Keary (ibidem, p. 200) подробно разбираетъ этотъ эпизодъ и сопоставляетъ его съ нападеніемъ на Бертинскій монастырь, когда по Пруденцію „*ita divina indicio vel tenebris* cœcati et insania sunt perculsi" (ibidem, I., 441, [43]), а также съ разсказомъ Саксона Грамматика о таинственномъ туманѣ, покрывшемъ нормановъ, въ Біарміи.

[78]) "Roric nepos Herioldi, qui nuper a Lothario defecerat, assumptis Nortmannorum exercitibus, cum multitudine navium Fresiam et Batavum insulam... devastat... pars Britanniam insulam Anglosque impetentes...", Prud. Trec. Ánn., ad. a. 850, ibidem, I., 445. См. также Ann. Xant, ibidem, II., 229, гдѣ Рорикъ называется: "frater jamdicti Herioldi junioris". — Также Keary, ibidem, pp. 272, 273, со ссылкой на Англо-Саксонскую хронику подъ 851 г.; также Vogel, *ibidem*, pp. 128, 129. Фогель полагаетъ, что съ флотомъ въ 350 судовъ Рорикъ разоряетъ устья Рейна, чтобы принудить Лотаря къ возвращенію отобранныхъ земель (см. ссылку 81), а по достиженіи этой главной цѣли, сыновья Рагнара Лодброка отправляютъ въ Англію и зимуютъ на островѣ Thanet, а Годфридъ отправляется въ Thérouanne (Шельда).

[79]) Vogel, ibidem, pp. 128, 129.

власти нападавшихъ, и для сѣверной Европы въ особенности 850 и 851 года были періодомъ разоренія, голода и нищеты.[80]

Среди этого всеобщаго отчаянія и горя Рорикъ продолжаетъ неуклонно стремиться къ одной опредѣленной цѣли, къ овладѣнію своими прежними фризскими землями; въ союзѣ съ Годфридомъ, сыномъ Гаральда, своимъ племянникомъ, онъ опустошаетъ устья Рейна, Фрисландію и Батавскіе острова и грабитъ, что уцѣлѣло отъ прежнихъ набѣговъ. На этотъ разъ Лотарь видитъ невозможность дальнѣйшаго сопротивленія и, въ концѣ концовъ, возвращаетъ Дорестадъ и Фрисландію Рорику,[81] на прежнихъ условіяхъ вѣрности имперіи и защиты ея предѣловъ отъ набѣговъ другихъ нормановъ.[82] Годфридъ, въ свою очередь, подымается вверхъ по Сенѣ и вынуждаетъ Карла Лысаго выдѣлить ему владѣнія въ ленъ[83] и, кромѣ того, допустить его къ управленію государствомъ, „in societatem regni".[84]

Намъ кажется, что теперь мы можемъ бросить взглядъ на послѣдствія и на причины набѣговъ викинговъ, какъ съ точки зрѣнія франкскихъ лѣтописцевъ, такъ сказать извнѣ, такъ и съ точки зрѣнія самихъ викинговъ.

Все жизненное поприще Рорика развернулось на нашихъ глазахъ, отъ его юношескихъ лѣтъ, въ 826 году, въ Ингельгеймѣ и ранней молодости въ Дорестадѣ, гдѣ онъ, какъ „ландверманъ" или маркграфъ, защищалъ предѣлы имперіи, и вплоть до роковыхъ годовъ середины столѣтія, когда онъ сталъ грознымъ викингомъ-пиратомъ; онъ, Рорикъ, сынъ перваго норманскаго маркграфа Гальфдана и братъ „христіаннѣйшаго герцога" Гемминга и Гаральда, крестника императора Людовика. Не только франкскіе анналы зовутъ его „fel christianitatis",[85] но и позднѣйшіе историки не щадятъ его.[86] И однако этотъ викингъ изъ викинговъ былъ вѣренъ имперіи, пока сама имперія была едина и руководилась въ своей политикѣ одной опредѣленной цѣлью, какъ бы эта политика ни была тягостна для гордаго Скіольдунга, внука славнаго Гаральда Гильдетана; и позднѣе, послѣ десятилѣтія войны и грозныхъ набѣговъ, онъ довольствуется полученіемъ обратно отъ Лотаря своихъ фризскихъ владѣній; затѣмъ все свое вниманіе онъ обращаетъ на укрѣпленіе своихъ владѣній и, если согласиться съ профессоромъ Крузе, становится строителемъ могущественной имперіи.

Житіе Св. Анскарія даетъ намъ подробныя свѣдѣнія о происшествіяхъ въ Швеціи въ 852 году, имѣвшихъ свое вліяніе на дальнѣйшія интересующія насъ

---

80) Keary, Ibidem, pp. 264, 271.

81) "et cum a Hlothario principe sine periculo suorum non posset expelli, cum consilio senatus, legatis mediantibus, in fidem receptus est...", Ruodolpi Fuld. An. ad a. 850, ibidem, I., 366 [33, 35]. "Quem Lotharius cum comprimere nequiret, in fidem recepit, eique Dorestadum et alois comitatus largitur," Prud. Trec. Ann. ad a. 850, ibidem, I., 445 [7, 8].

82) "...ea conditione, ut tributis cæterisque negotiis ad regis ærarium pertinentibus fideliter inserviret, et piraticis Danorum incursionibus obviando resisteret," ibidem, I., 366 [35, 36].

83) Ibidem, I., 366 [37].

84) "...Karolus, clam mutato consilio, Godafridum cum suis in societatem regni suscepit, et terram eis ad inhabitandum delegavit." Ibidem, I., 366 [39, 40].

85) Ann. Xant., od a. 873, Pertz, II., 235.

86) Vogel, ibidem, s. 129; Keary, ibidem, p. 271.

событія. Жизнь св. Анскарія, просвѣтителя сѣвера, и Скіольдунга Рорика страннымъ образомъ, время отъ времени, переплетаются одна съ другой и вліяютъ другъ на друга. Такъ, въ дни своей молодости, въ 826—828 годахъ, когда вмѣстѣ съ Гаральдомъ и Анскаріемъ они возвращались изъ Ингельхейма въ Дорестадъ, Рорикъ долженъ былъ находиться подъ вліяніемъ Анскарія. Фризія и фрисландскіе торговые города привлекали ихъ обоихъ, но по различнымъ причинамъ и по разному. Такъ Анскарій, въ своихъ миссіонерскихъ странствованіяхъ, отправляется изъ Дорестада въ Шлезвигъ и изъ Шлезвига въ Бирку, на озерѣ Мелларъ въ Швеціи, т. е. изъ одной фризской колоніи въ другую. Дорестадъ и Шлезвигъ давно уже были связаны съ именемъ Рорика, но теперь событія въ Биркѣ начинаютъ отражаться на Дорестадѣ и Ютландіи.

Около этого времени, повѣствуетъ Римбертъ,[87] „нѣкоторый шведскій король Онундъ былъ изгнанъ изъ своего королевства и находился въ изгнаніи среди дановъ. Желая возвратить себѣ то, что было нѣкогда его королевствомъ, онъ просилъ помощи дановъ и обѣщалъ имъ пріобрѣтеніе многихъ сокровищъ, если они послѣдуютъ за нимъ. Онъ предложилъ имъ захватить вышеупомянутый городъ Бирку,[88] ибо въ немъ жило много богатыхъ купцовъ и находилось не мало товаровъ и денегъ. Онъ обѣщалъ провести ихъ къ этому городу, чтобъ они, безъ большихъ потерь для своего войска, могли пріобрѣсти желаемое. Обольщенные возможной добычей и стремясь къ пріобрѣтенію сокровищъ, они снарядили двадцать одно судно съ людьми, готовыми къ битвѣ, и предоставили ихъ въ его распоряженіе; кромѣ того, у него было одиннадцать своихъ кораблей. Всѣ они отплыли изъ Даніи и неожиданно появились передъ вышеупомянутымъ городомъ. Такъ случилось, что король этого города былъ въ отсутствіи,[89] и жители не были въ состояніи оказать дѣйствительнаго сопротивленія. Онундъ, однако, заключилъ съ обитателями тайный договоръ и, затѣмъ, предложилъ данамъ, чтобы они вопросили боговъ метаніемъ жребія, въ томъ ли ихъ воля, чтобы городъ былъ разграбленъ... такъ эти слова были въ согласіи съ ихъ обычаемъ, то они не могли отказаться и должны были пойти на его предложеніе... тогда они вопросили далѣе, куда имъ слѣдуетъ итти, дабы получить для себя золото и не возвращаться домой безъ того, на что они надѣялись. Метаніемъ жребія они выяснили, что имъ нужно отправиться къ нѣкоторому городу, расположенному на разстояніи, на границѣ земель, принадлежащихъ славянамъ (in finibus Slavorum).[90] Даны, повѣривъ, что указаніе пришло свыше, отступили отъ этого мѣста (Бирки) и поспѣшили прямымъ путемъ къ означенному городу. Напавъ неожиданно на его обитателей, жившихъ въ мирѣ и ти-

---

[87]) "Vita St. Anskarii", ibidem, Pertz, Scriptorum. *II.*, 704.

[88]) Описаніе Бирки, см. Адамъ Бременскій: "Mag. Adami Gesta Hammenburgensis Ecclesiae Pontificum", Pertz, Scriptorum, VII; 304, 305. Онъ говоритъ: "Ad quam stationem, quia tutissima est in maritimis Suevoniæ regionibus, solent omnes Danorum vel Nortmannorum, itemque Sclavorum ac Semborum naves, aliique Scithiæ populi pro diversis commerciorum necessitatibus sollempniter convenire".

[89]) Конунгъ Біорнъ.

[90]) "Vita St. Anskarii", ibidem, p. 704: "Ceciditque sors, quod ad urbem quamdam longius inde positam in finibus Slavorum ire deberent."

шинѣ, они захватили его силой оружія, и, взявъ большую добычу и сокровища, вернулись во свояси.“ [91]

Какъ давно уже утверждалъ Крузе, этотъ городъ „in finibus Slavorum...“, по всей вѣроятности, былъ Новгородъ.[92] Доводы въ пользу такого отождествленія, дѣйствительно, весьма убѣдительны. Какъ мы уже упоминали выше, Бирка была фризской колоніей,[93] и самое имя, по объясненію профессора Вадстейна, означаетъ не березу — „birk“, но округъ, пользующійся особыми правами и привилегіями.[94] Интересно замѣтить, что и по русски слово „бирка“, соотвѣтствуя англійскому tally, и обозначая палочку съ надрубками, связана со счетоводствомъ и съ торговыми сдѣлками.[95] Не будетъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что оно и въ нашемъ языкѣ заимствовано, путемъ торговыхъ сношеній Новгорода съ г. Биркой, изъ фризскаго языка. Нѣкоторымъ намекомъ на участіе здѣсь заморской торговли можетъ служить пословица: „Корабли за моремъ, а бирка у сосѣда“.[96]

Далѣе, профессоръ Бюгге въ своимъ докладѣ „Мореплаваніе и торговля въ эпоху викинговъ“ упоминаетъ тотъ интересный фактъ, что земли Великаго Новгорода на побережьѣ Финскаго залива начинались у острова Berkö или Björkö (Бьёркё, Біэрк-э),[97] чѣмъ еще разъ подчеркивается связь между Новгородомъ и фризскими „бирками“.

---

[91]) Ibidem, p. 704.

[92]) Ж. М. Н. П., 1836, 63; “Chronicon Nortmannorum”, ad a. 852. Куникъ (Recherches Critiques) говоритъ: „Новгородъ, Полоцкъ...?“

[93]) “The Viking Age”, by Prof. Allen Mawer (Travel and Travellers of the Middle Ages. London, 1926), p. 73.

[94]) “Birka och bjärköarät”, Namn och Bygd, Lund, 1914, pp. 92—97., af E. Wadstein. E. Wadstein, проф. Упсальскаго университета, начинаетъ свою статью указаніемъ: “Utom Birka, den gamla köpstaden på Björkön i Mälaren, finnas som bekant andra orter med liknande namn”, а именно: Birko на р. Торнео, Björkö около Выборга и Bjarköy въ Галоголандѣ. Этотъ списокъ дополненъ проф. A. Bügge въ томъ же журналѣ за 1918 г. въ статьѣ “En Björkö i Sydrusland”, pp. 77—103, гдѣ данъ рядъ свѣдѣній о фризахъ, ихъ торговыхъ путяхъ, а также о русской торговлѣ, о Березани и т. д. — Вадстейнъ (Ibidem, p. 93) сближаетъ слово birk съ н. герм. berek и нѣм. bereich и указываетъ на фризское происхожденіе этого слова. См. также E. Wadstein, „Friesische Lehnwörter im Nordischen“, Av. Kungl. Hum. Vetenskaps-Samfundet i Uppsala utgivna skrifter, B. XXI, 1918—1922. — Интересно отмѣтить, что озеро Ильмень прежде называлось Ильмерь (Лавр. Лѣтопись), а Зюдерзее, до превращенія его въ морской заливъ, также носило названіе Ильмере.

[95]) Палочки-бирки привѣшиваются къ кулямъ и тюкамъ; конямъ вплетаются въ гривы; у конскихъ барышниковъ бирка значитъ цѣлковый. Даль, Толковый словарь живого великорусскаго языка. т. I, 215.

[96]) Даль, ibidem, стр. 215; бирчить значитъ давать, вѣрить въ долгъ. — Не происходитъ ли отсюда и наше старое бирючъ, биричъ, бирчій (Даль, I, 216), въ значеніе глашатай, герольдъ. Обыкновенно его считаютъ татарскаго происхожденія (Татищевъ, Даль), но оно встрѣчается уже въ X вѣкѣ (Владиміръ Св. въ 992 г. посылалъ „бирічи по товарамъ“, Лавр. Лѣт.), задолго до татаръ, и его естественнѣе сопоставить съ birk и berek (94).

[97]) Saga-Book, VI, pp. 13—27. — Древняя мѣра вощаного вѣса, главнымъ образомъ новгородская, берковецъ, ранѣе берковскъ, бърковьскъ (см. Н. Т. Бѣляевъ, „Русскія мѣры“, S. K. Recueil d'études, 1927, I, с. 276), также указываетъ на заимствованіе Новгородомъ названія этой мѣры у фризовъ. По мнѣнію А. Погоднна („Вопросъ о происхожденіи Руси“, Сборникъ [имени] Златарскаго, стр. 273) берковецъ заимствованъ „отъ названія

Непосредственныя сношенія Новгорода со Швеціей къ серединѣ IX вѣка также должны были имѣть по крайней мѣрѣ полувѣковую давность, такъ какъ саги и археологическія раскопки указываютъ, что шведы не позже 800 года посѣщали или основали у устья Волхова крѣпость Старую Ладогу, Aldeigjuborg.[98]

Наконецъ, косвенное указаніе на сношенія Бирки на Мелларѣ съ Новгородомъ можно видѣть и въ упоминаніи Римберта о существованіи прямой дороги оттуда, чѣмъ предполагается возможность и другого, кругового пути. Я думаю, что этотъ послѣдній былъ сухопутнымъ, въ обходъ Ботническаго залива, т. е. прежній галоголандскій путь черезъ Норрландъ въ страну „Великихъ прѣсныхъ озеръ", а первый, прямой — моремъ и островами къ шхерамъ и по нимъ къ новгородскому острову Бьёркё и далѣе къ Новгороду — Хольмгарду.

Подтвержденіе набѣга на Новгородъ около середины девятаго вѣка даетъ и Начальная лѣтопись. Подъ 859 годомъ тамъ говорится: „Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ...," а подъ 862: „Изъгнаша варяги за море".[99] Профессоръ Ключевскій, въ своемъ Курсѣ Русской Исторіи, основываясь на выводахъ академика А. А. Шахматова и принимая 860 годъ за правильную дату для набѣга Аскольда на Константинополь, вмѣсто лѣтописной 866 года, говоритъ: „Соотвѣтственно тому и предшествующія событія... надобно отодвигать нѣсколько назадъ, къ самой серединѣ IX вѣка".[100] Такимъ образомъ ста-

---

нѣм. города Бирка"; онъ же приводитъ ссылку на „Die litauisch-weissrussischen Beziehungen und ihr Alter" К. Буга, гдѣ указывается, что литовское birkavas заимствовано отъ нашего бърковецъ. Вѣсъ берковца 10 пудовъ, и онъ стоитъ высшимъ членомъ въ шкалѣ древнихъ русскихъ мѣръ, идущихъ отъ русскаго фунта въ 409,53 грам. Фрисландскій фунтъ въ 489—491 граммъ, равный сумерійской минѣ DI, является вѣсовымъ эквивалентомъ русскаго фунта, какъ золотой мины. См. статьи автора о сумерійской минѣ въ S. K., *Recueil, II, 1928, стр. 187* и Revue d'Assyriologie, 1929, v. 26, p. 115. — См. также выноску № 209 о счетѣ въ Древнемъ Рустрингенскомъ Правѣ на шиллинги кунъ.

[98]) Bügge, ibidem, pp. 13—24 и Arne, "La Suède et l'Orient", ibidem, p. 5. — Старинныя торговыя связи между Новгородомъ и Биркой, относящіяся еще ко времени господства фризовъ на Балтійскомъ морѣ, могутъ объяснить почему, впослѣдствіи, не только шведы, но и Олегъ — Oervar Odd пользовались этой дорогой, а не двинскимъ путемъ. Этотъ вопросъ интересовалъ еще Куника, а недавно къ нему вернулся Лященко (200) и А. В. Флоровскій (Slavia, 1925, III p. 743) въ статьѣ о Фрицлерѣ.

[99]) „Лѣтопись по Лаврентіевскому Списку", Изданіе Археографической Коммиссіи, СПб., 1872, стр. 18. — Ак. Шахматовъ даетъ слѣдующій возстановленный текстъ этого мѣста древнѣйшаго Новгородскаго свода 1050 г.: „Въ си же времена Новъгородьстии люди, рекоми Словѣне, и Кривичи, и Меря и Чюдь дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣ и вѣверици; а иже бяху у нихъ, то ти насиліе дѣяху... И въсташа... на Варягы и изъгнаша я за море" („Розысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ", СПб., 1908, стр. 611). Интересно сопоставить взиманіе варягами дани „по бѣлѣ и вѣверици" съ сагой объ Орваръ-Одд'ѣ, гдѣ Россія называется Bjalkaland, т. е. Бѣличьей страной, страной мѣховъ ("Ǫrvar-Odds Saga", Herausgegeben von R. C. Boer, Halle a. S., 1892, s. 87). — Birger Nerman, въ недано вышедшей работѣ „Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum etc." (Stockholm, 1929, стр. 50), ставитъ въ связь съ свѣдѣніями Римберта и Начальнаго Лѣтописца походы Эрика Эмундсона "sik Finnland ok Kirjáland, Eistland ok Kúrland ok viða um austrlǫnd" (см. выноску 186).

[100]) „Курсъ Русской Исторіи", СПб., 1920, I, 101. Точная дата нападенія Аскольда на Царьградъ, 18е Іюня 860 года, дана Византійскимъ Хронографомъ IX вѣка (см. выноску 122), изд. F. Cumont въ Recueil des travaux p. p. la Faculté de philosophie et lettres de Gand., Fasc. 9, 1894 подъ заглавіемъ „Chron. byzant. du manuscript 11316". — По Никитѣ Паф-

новится весьма вѣроятнымъ, что отзвуки одного и того же событія описаны и у Римберта и у Начальнаго лѣтописца.

До сихъ поръ имя Рорика не упоминается, и мы не можемъ сказать, былъ ли онъ среди тѣхъ „дановъ", которые послѣдовали за Онундомъ, но нужно думать, что и эта экспедиція, подобно предыдущимъ, если и не была имъ самимъ организована, то, во всякомъ случаѣ, не ускользнула отъ его вниманія. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, когда въ 854 году Лотарь раздѣлилъ свои владѣнія между сыновьями, Рорикъ оказался устраненнымъ отъ обладанія Фризіей.[101] Такъ какъ въ томъ же году умеръ и Эрикъ Датскій, то Рорикъ и Годфридъ задумали вознаградить себя въ Даніи. И, нѣкоторое время спустя, Рорикъ дѣйствительно получилъ отъ Эрика младшаго южную Ютландію.[102] Такимъ образомъ опять въ его руки переходило владычество надъ морскими путями изъ Сѣвернаго въ Балтійское море, и снова онъ оказывался хозяиномъ надъ Шлезвигомъ и надъ прежними фризскими торговыми путями.

Но общее положеніе вещей теперь было далеко не тѣмъ, что 15—20 лѣтъ назадъ. Вся западная Европа была совершенно разорена, и въ самомъ Дорестадѣ мало что оставалось отъ прежняго великолѣпія.[103] При этихъ условіяхъ вѣсти изъ Бирки были особенно желанными и, естественно, зарождалась мысль объ открытіи новыхъ торговыхъ путей и стремленіе повернуть старинную фризскую торговлю въ новое русло.[104] Мѣха и другіе сѣверные товары обыкновенно доставлялись въ Шлезвигъ и Бирку галоголандцами; восточные товары изъ Константинополя вмѣсто того, чтобы по прежнему рейнскому пути направляться черезъ Италію, Альпы и Рейнъ къ Дорестаду, могли бы болѣе удобной дорогой направляться куда нибудь поближе къ Биркѣ. Такимъ мѣстомъ, естественно, могъ казаться Новгородъ, и по своимъ связямъ съ Биркой, и по положенію на водныхъ путяхъ, ведущихъ къ Днѣпру.[105] Днѣпровская же система, послѣ набѣговъ Бравлина и другихъ, уже была въ сферѣ норманскаго „кругозора". И какъ разъ въ это самое время Начальный лѣтописецъ говоритъ о прибытіи Рюрика и объ основаніи Русскаго государства.

лагонскому (Е. Голубинскій, „Исторія Русской церкви", Москва, 1901, I, 39) крещеніе Аскольдовыхъ воиновъ имѣло мѣсто до Мая 861 года, „немного спустя послѣ нашествія руссовъ", которое т. о. отодвигается къ 860 году. Подробный разборъ этого и другихъ свидѣтельствъ у Ламанскаго, Ж. М. Н. П., 1903, стр. 370 (см. выноску 122).

[101]) „Lotharius totam Fresiam filio suo Lothario donat; unde Roric et Godefridus patriam, id est Daniam, repedant spe potestatis regiae nanciscendae... Roric et Godefridus, nequaquam arridentibus sibi successibus, Dorestado se continent, et parte maxima Fresiae potiuntur." Prud. Trec. Ann., ad a. 855, Pertz. I., 449 (3, 4—28, 29).

[102]) „Rorih Nordmannus, qui praerat Dorestado, cum consensu domini sui, Hlotharii regis, classem duxit in fines Danorum, et consentiente Horico Danorum rege, partem regni quae est inter mare et Egidoram cum sociis suis posedit." Ruod. Fuld. Ann., ad a. 857, ibidem, I., 370 (17—19).

[103]) „Vita Anskarii", ibidem, p. 77.

[104]) Bugge, ibidem, p. 14. „The Frisians who, indeed, were the great seafaring nation of the North sea ...exported about the year 800 their woolen cloth ...to all parts of Europe... and had factories in... Mainz and Worms." — О галоголандцахъ, ibidem, p. 16, также Vogel, „Nordische Seefahrten", 1902, s. 3 и „Normannen", 1906, ss. 66—68, гдѣ указано, что въ Майнцѣ сходились левантскій торговый путь Дунаемъ и ломбардскій, черезъ Монъ-Сенисъ; въ свою очередь, въ Дорестадѣ сходились торговые пути изъ Майнца, изъ Англіи и скандинавско-балтійскій.

[105]) См. выноску (206).

Въ этомъ освѣщеніи событій отождествленіе Рорика Ютландскаго и Рюрика Русскаго напрашивается само собой. Оно въ дѣйствительности выдвигалось въ серединѣ прошлаго столѣтія профессоромъ Юрьевскаго Университета Ф. Крузе въ рядѣ статей въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія[106] и, особенно, въ его монументальномъ трудѣ, озаглавленномъ „Chronicon Nortmannorum, Wariago-Russorum nec non Danorum, Sveonum, Norwegorum etc.“[107] Несмотря на большую эрудицію автора и на богатство изслѣдованныхъ источниковъ, гипотезы Крузе въ общемъ не встрѣтили благопріятнаго пріема.

Погодинъ, не высказываясь окончательно ни за, ни противъ Крузе, суммировалъ свое отношеніе словами: „Противорѣчій слишкомъ много во всѣхъ *показаніяхъ нѣмецкихъ лѣтописей и самыхъ изслѣдованіяхъ* проф. Крузе о родѣ Герюльдовомъ; и я смѣю сказать, что до разрѣшенія ихъ нельзя изъ Рюрика нѣмецкихъ лѣтописей составить одно лице съ Несторовымъ Рюрикомъ.“[108] Бутковъ посвятилъ гипотезѣ Крузе одну изъ главъ своей книги „Оборона Лѣтописи Нестора“; его главная критика направлена противъ пониманія франкскихъ анналовъ въ томъ смыслѣ, какъ это сдѣлалъ Крузе; по мнѣнію Буткова, анналы говорятъ не объ одномъ и притомъ крупномъ викингѣ, а о рядѣ менѣе значительныхъ исторически лицъ.[109] Наконецъ, Куникъ подвергъ подробному критическому разбору Chronicon параллельно съ недавно выпущенными въ свѣтъ „Antiquités Russes“. Въ этомъ разборѣ онъ далъ исчерпывающій анализъ франкскихъ хроникъ и нѣкоторыхъ сагъ[110]; установилъ нѣкоторыя, весьма важныя для исторіи сѣвера даты, какъ напримѣръ дату битвы при Бравallѣ, около 770 года[111]; далѣе онъ высказалъ предположеніе, что Гальфданъ, отецъ Гаральда (и Рорика), одно и то же лицо, что и Сигурдъ-Сигифридъ,[112] но что Рорикъ не братъ, а племянникъ Гаральда[113]; въ статьяхъ Крузе онъ находилъ много неточностей въ деталяхъ, со многими второстепенными выводами, какъ, напр., съ положеніемъ Вестфольда и „Норманіи“, не находилъ возможности согласиться и высказывался за необходимость окончательно и рѣшительно отбросить гипотезу Крузе. Нѣсколько болѣе благопріятный пріемъ эта гипотеза встрѣтила въ сѣверной Европѣ, гдѣ издатели „Antiquités Russes“, Рафнъ и Мункъ, отнеслись къ ней съ симпатіей, а Бредсдорфъ и Деппингъ[114] согласились съ ней. Тѣмъ не менѣе

---

106) „О происхожденіи Рюрика“, Ж. М. Н. П., 1836, стр. 43—73. — „О предѣлахъ Норманіи и названіи Нормановъ и Руссовъ“, Ж. М. Н. П., 1839, стр. 1—77. — „Объ отношеніяхъ Руссовъ, вторгнувшихся въ 844 году въ Испанію и опустошавшихъ Севиллу, и о связяхъ ихъ съ Россіей“, Ж. М. Н. П., 1839, стр. 159—170; см. также „Urgeschichte des Estnischen Volkstammes“, pp. 450—470, Leipzig. 1846. — Полная библіографія приводится Куникомъ въ „Remarques critiques“, Bull. Ac. Sc. Petrop., 1850, p. 136.

107) Hamburg, Gotha and Dorpat, 1851. Посвященъ Императору Николаю Павловичу.

108) „Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи“, Москва, т. II, 157—162 и т. III, 33—38.

109) „Оборона Лѣтописи русской Несторовой.“ СПб., 1840, стр. 386.

110) „Remarques critiques sur les Antiquités Russes de M. Rafn et sur le Chronicon Nortmannorum de M. Kruse“. Bull. Academia Imperialis Scientiarum, t. VII., pp. 129—151, 171—214, 314—359, St. Petersburg, 1850.

111) Ibidem, pp. 143, 147.

112) Ibidem, p. 159.

113) Ibidem, p. 201.

114) „Histoires des expéditions des Normands“, H. Depping, Paris, 1843, p. 207. „Be-

большинство ученаго міра обратило мало вниманія на работы Крузе, и онѣ вскорѣ были забыты.

Въ теченіе второй половины прошлаго столѣтія и, особенно, въ первую четверть нынѣшняго произошло многое въ области историческихъ изслѣдованій и, еще болѣе, въ области археологіи и у насъ, и на западѣ, что заставляетъ внимательно пересмотрѣть прежніе выводы и, въ нѣкоторомъ, отойти отъ нихъ. Такъ набѣги нормановъ на западную Европу, которые раньше, на основаніи франкскихъ и англо-саксонскихъ хроникъ, излагались только съ точки зрѣнія „потерпѣвшихъ", въ послѣднія десятилѣтія, благодаря работамъ скандинавскихъ ученыхъ и ряда изслѣдователей этого періода въ Англіи, Германіи и у насъ, стали излагаться въ связи съ исторіей Даніи, Швеціи и Норвегіи. При этомъ выяснилась не только совокупность политико-экономическихъ факторовъ, вызывавшая выселенія и набѣги викинговъ, но и ярче выступили отдѣльныя группы викинговъ, ихъ принадлежность къ тому или другому царственному роду и необычайное переплетеніе экономическихъ и династическихъ интересовъ.

Работа Ховорта о Гаральдѣ Прекрасноволосомъ, уже приводившаяся нами ("Harald Fairhair" and his Ancestors, by Sir Henry Howorth. Saga-book of the Viking Society, vol. IX, 1920, London), указываетъ на постепенность вовлеченія потомства Гаральда Гильдетана, въ лицѣ сына Гаральда, Гальфдана, и внуковъ его Гаральда и Рорика, въ распри сыновей Людовика Благочестиваго и, съ другой стороны, такое же вовлеченіе имперіи Карла Великаго въ борьбу Скіольдунговъ-Гальфданидовъ съ Инглингами. Кири (C. F. K. Keary) въ "The Vikings in Western Christendom" (London, 1891) не только даетъ яркую картину внѣдренія викинговъ въ западную Европу, но и выводитъ нѣкоторыя закономѣрности этого процесса. Подобно Ховорту, онъ указываетъ на связь наиболѣе выдающихся викинговъ съ ютландскимъ королевскимъ домомъ (Скіольдунгами) и выдѣляетъ изъ числа „восточныхъ" викинговъ Рорика съ его племянниками Годфридомъ и Сигфридомъ.

Наконецъ Фогель въ изслѣдованіи „Die Normannen und das Fraenkische Reich" (1906, Heidelberg), на основаніи детальнаго сличенія франкскихъ лѣтописей съ классическимъ трудомъ Мунка (P. A. Munch, „Det Norske Folks Historie", Christiania 1852) и другихъ историковъ, даетъ подробную картину норманскихъ набѣговъ на западную Европу; десятилѣтіе за десятилѣтіемъ слѣдитъ онъ за постепеннымъ завоеваніемъ и попутнымъ разореніемъ наслѣдія Карла Великаго на фонѣ междоусобицъ его сыновей. Изъ всѣхъ викинговъ, походы которыхъ онъ разбираетъ, особенно подробно онъ останавливается на Рорикѣ, и въ его изложеніи фигура Рорика ярко выступаетъ и выдѣляется на общемъ тягостномъ фонѣ грабежей и разоренія. Фогель видитъ въ немъ человѣка предпріимчиваго, настойчиваго въ проведеніи разъ поставленной цѣли, прекраснаго организатора походовъ и набѣговъ, когда эти послѣдніе являются наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ къ достиженію цѣли, но готоваго, при первой возможности, приступить

merkungen, die Genealogie des Russischen Fürstengeschlechtes betreffend", Bredsdorff. Mém. Soc. Roy. des Antiquaires du Nord, 1840, Copenhague, pp. 173—176. — Можетъ быть дальній отзвукъ гипотезы Крузе можно найти въ недавно вышедшей популярной Weltgeschichte A. Wirth'a, гдѣ на стр. 56 упоминается, вскользь, объ обоихъ Рюрикахъ.

къ переговорамъ и умѣющаго, къ концу своей жизни, поставить себя въ такое положеніе, что отъ него зависитъ быть или не быть Карлу Лысому обладателемъ Лотарингіи[115] и что именно къ нему, Рорику, начинаютъ обращаться въ трудныхъ случаяхъ за совѣтомъ или съ просьбами. Словомъ передъ нами не ставшая уже нѣсколько стереотипной фигура „пѣнителя морей", но скорѣе государственный умъ, способный поставить и выполнить широкія задачи.

Нужно замѣтить, что ни одинъ изъ перечисленныхъ историковъ не интересовался спеціально ни Рюрикомъ, ни тѣмъ что происходило за предѣлами западной Европы; о гипотезѣ Крузе нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека и, тѣмъ не менѣе, именно въ свѣтѣ этихъ работъ рушатся всѣ главныя возраженія противъ тождества Рюриковъ. Отпадаетъ возраженіе Погодина, ибо „противорѣчія" нѣмецкихъ лѣтописей разрѣшены; нѣтъ мѣста сомнѣніямъ Буткова, ибо личность Рюрика, одного и единственнаго, рѣзко и опредѣленно выступаетъ на историческомъ горизонтѣ; разрѣшены и многія неясности, смущавшія Куника, какъ, напримѣръ, вопросъ о Гальфданѣ-Сигурдѣ и о прошломъ Гальфданидовъ. Съ другой стороны, въ исторической перспективѣ поблѣднѣли и отпали многія „надстройки" гипотезы Крузе, а именно онѣ то и дѣлали для Куника эту гипотезу особенно непріемлемой; въ основномъ же и наиболѣе центральномъ фактѣ, т. е. въ историческомъ существованіи о д н о г о Рюрика, Куникъ въ своихъ позднѣйшихъ работахъ уже не сомнѣвался.

Итакъ, какъ будто наступило время снова выдвинуть этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что среди общаго количества накопившихся за это время данныхъ есть не мало и такихъ фактовъ и соображеній, которые указываютъ на естественность и, можетъ быть, даже на необходимость допущенія мысли, что Рорикъ и Рюрикъ одно и то же лицо. Начнемъ съ соображеній общаго характера.

Изученіе исторіи періода викинговъ и быта ихъ, по сагамъ и другимъ преданіямъ, показало съ полной убѣдительностью, что только представителю знатнаго и славнаго рода удавалось собрать и убѣдить послѣдовать за собой достаточное количество викинговъ; для организаціи большаго похода въ дальнія страны нужны были большія средства и личное обаяніе щедрости и славы. Такъ, напримѣръ, отецъ Гаральда Гильдетана и прадѣдъ Рорика, Рюрикъ Слангванбауга, получилъ свое прозвище „метателя" или раздатчика колецъ за свою щедрость къ дружинѣ. Р о р и к ъ *ю т л а н д с к і й — С к і о л ь д у н г ъ* и н а с л ѣ д н и к ъ с л а в ы с т а р а г о Г а р а л ь д а. Но этого мало, Рорикъ — организаторъ всѣхъ главныхъ набѣговъ и рейдовъ въ десятилѣтіе непосредственно предшествующее появленію норманов въ Новгородѣ, и викинги, сзываемые въ дальнюю сѣверную экспедицію, съ особой увѣренностью въ успѣхѣ пошли бы именно за старымъ и испытаннымъ вождемъ.

Кромѣ своего происхожденія отъ Скіольдунговъ, Рорикъ по отцу герцогъ фрисландскій, и выше мы подробно прослѣдили его связь съ Фризіей и стремленіе завладѣть фризской торговлей и использовать въ своихъ цѣляхъ прежнія фризскія торговыя станціи и торговые пути. Мы видѣли также, какъ эти пути приводили его къ Биркѣ на Мелларѣ и, далѣе, вели къ Новгороду. Въ теченіе всего

[115]) Vogel, *ibidem*, p. 236.

VI-го и VII-го вѣка фризы держали въ своихъ рукахъ всю торговлю Европы съ югомъ и востокомъ; выше мы упоминали, что долгое время ихъ главными путями съ юга на сѣверъ служили Дунай и Рейнъ. По мѣрѣ расширенія границъ имперіи Карла Великаго и болѣе восточные водные пути, какъ Эльба, Одеръ и Висла, стали мало-по-малу входить въ сферу ихъ вліянія. И тутъ началось столкновеніе и сплетеніе ихъ интересовъ съ интересами викинговъ и, вообще говоря, съ интересами скандинавской торговли. И фризы, и скандинавы были отважными мореходами, и корабли викинговъ, знакомые намъ по сагамъ и по ряду археологическихъ находокъ, пользуются заслуженной популярностью.[116] Нѣсколько менѣе извѣстно, что фризы, именно въ началѣ второй половины IX-го вѣка, выработали новый типъ судна дальняго плаванія, т. н. „когги“, устойчивыя, большаго тоннажа и, въ отличіе отъ судовъ викинговъ, спеціально паруснаго типа. Суда эти хорошо намъ тоже знакомы по тому широкому употребленію, которымъ они пользовались впослѣдствіи въ Ганзѣ и, слѣдовательно, въ Новгородѣ, но интересно замѣтить, что они не только идутъ отъ фризовъ, но и первое упоминаніе о нихъ въ лѣтописяхъ связано съ именемъ Рорика.[117] Невольно приходитъ на мысль, что обладаніе Фризіей, за которое съ такой энергіей всю жизнь боролся Рорикъ, давало въ его руки флотъ такого качества и свойства, котораго не могло быть у конунга, несвязаннаго съ ней; несомнѣнно также, что обладаніе лучшимъ по тому времени флотомъ и очень еще значительными, несмотря на разоренія послѣднихъ лѣтъ, рессурсами Фризіи не могло не наталкивать предпріимчиваго и энергичнаго Рорика на выполненіе давнишней мечты норманов — открытіе непрерывнаго воднаго пути изъ Даніи и Скандинавіи, „изъ Варягъ“ — къ грекамъ въ Константинополь.

Рорикъ, впрочемъ, былъ не единственнымъ въ роду Скіольдунговъ, у кого были связи и владычество надъ Фризіей. Анналы упоминаютъ и о другомъ „Dux Fresonum“ Уббе, сынѣ Рагнара Лодброка и, слѣдовательно, внукѣ Сигурда Ринга, побѣдившаго при Браваллѣ Гаральда Гильдетана. Только въ данномъ случаѣ, какъ указалъ А. Моуеръ,[118] Фризія Уббе это т. н. „Малая“ или сѣверная Фризія, рессурсы коей никогда не могли равняться съ богатствами Дорестада, да и положеніе сыновей Рагнара Лодброка тамъ далеко не такъ рельефно выступаетъ, какъ отношеніе Рорика, его отца и братьевъ къ собственно Фризіи. Тѣмъ не

[116]) „Nordische Seefahrten im früheren Mittelalter“, W. Vogel, Meereskunde, Berlin, 1907, Heft VII, ss. 1—40; о корабляхъ викинговъ ss. 11—23. „Seafaring and Shipping during the viking ages“, A. Bügge. Saga-Book, VI, 1908, 1909; pp. 13—27. „Normannerne“, J. C. H. Steenstrup, 1876—82 (о судахъ викинговъ и о числѣ „экипажа“ и „дессанта“ на нихъ, ibidem, I, p. 352). „The Vikings in Western Europe“, C. F. Keary, London, 1891 (pp. 108—109). „The Viking Age“, A. Mawer (Travel & Travellers of the Middle Ages, pp. 70—87; London, 1926) (Описаніе и снимокъ Gokstad'скаго корабля, стр. 76). — The Oseberg ship, A. W. Brögger, Saga-Book, 1928, v. X, p. I, pp. I—II; на этомъ кораблѣ была похоронена королева Аза, жена Гудрода Великолѣпнаго, около 850 года; т. о. это судно принадлежитъ къ періоду „призванія князей“.

[117]) Въ 867 году было возстаніе фризовъ противъ Рорика, которое имъ было усмирено съ помощью датчанъ. При этомъ случаѣ Гинкмаръ Реймскій говоритъ: „incolae, qui Cokingi novo nomine dicuntur“ (Pertz., I, p. 485). Vogel здѣсь высказываетъ предположеніе, что кокинги это люди плавающіе на коггахъ („Die Normannen“, s. 225). Такого же мнѣнія держится A. Bugge (Saga-Book, v. VI, p. 15).

[118]) Saga-Book, v. VI, p. 83.

менѣе, когда организовывается большой средиземно-морской походъ викинговъ вокругъ Испаціи, во главѣ его становится другой сынъ Рагнара Лодброка Бьорнъ. Вмѣстѣ съ Гастингомъ, на 62 судахъ, они отплыли въ началѣ 859 года отъ своихъ береговъ, и арабскіе анналы[119] даютъ намъ возможность прослѣдить шагъ за шагомъ за ихъ налетомъ. Обогнувъ Испанію, норманы снова какъ и въ 844 году разорили Севилью, забрались въ Некоръ, въ Марокко, поднялись по Ронѣ, сожгли Арль и Нимъ и направились въ Италію, къ Риму; только случай завелъ ихъ не туда, а въ Люну, у Пизы,[120] но, по Аль-Бекри, часть ихъ добралась до Греціи; послѣ двухъ зимовокъ, къ 861 году, они вернулись назадъ къ себѣ. „Малаго не хватало тогда" (въ 859—860), замѣчаетъ Фогель, „чтобы не замкнулось кольцо",[121] и упоминаетъ о походѣ 866 года на Царьградъ. Теперь мы знаемъ, что дату этого похода нужно отнести назадъ, именно къ 860 году. Значитъ нападеніе на Грецію было произведено норманами одновременно и съ юго-запада, со стороны средиземнаго моря, и съ сѣвера, со стороны восточнаго участка великаго воднаго пути. Трудно допустить, чтобы совпаденіе это было игрой случая, всѣ данныя за то, что либо оба нападенія были такъ расчитаны опытной рукой, чтобы совпасть одно съ другимъ, или это было одновременнымъ стремленіемъ къ одной и той же цѣли двухъ соперниковъ, одного на обходъ Испаніи, другого изъ Новгорода Волховомъ и Днѣпромъ. У насъ нѣтъ данныхъ, указывающихъ на возможное соперничество между Рорикомъ и сыновьями Рагнара Лодброка, наоборотъ, все указываетъ на то, что направляющая рука Рорика чувствовалась въ каждомъ большомъ прежнемъ рейдѣ и набѣгѣ, гдѣ выполнителями неоднократно выступали тѣ же Бьорнъ и Гастингъ. Всѣ средства и рессурсы были также у Рорика и къ нему одному сходились всѣ нити и западной, и восточной фризской торговли. У него одного могъ быть и достаточный кругозоръ, и широта замысла, чтобы задумать и выполнить такую задачу, какъ открытіе великаго торговаго пути. Словомъ, все насъ ведетъ къ тому, чтобы считать, что мысль сомкнуть путь „Изъ варягъ въ греки" давно назрѣвала у Рорика, что, пользуясь родственными связями съ Бьорномъ, онъ направилъ его на Константинополь по болѣе извѣстному южному пути, а самъ, организовавъ базу въ Новгородѣ, послалъ экспедицію съ Аскольдомъ[122] на Константинополь рѣчнымъ путемъ, по Днѣпру.

Обратимся теперь къ имени, которое онъ носитъ. Въ транскрипціи франкскихъ лѣтописцевъ оно передается то какъ Rorik, то Roric, то Rorih, то, наконецъ, Ro-

---

[119]) „Second Viking Expedition to Spain A. D. 859—61", J. Stefanson, Saga-Book, v. VI, p. 42. — „Chronicon Nortmannorum", F. Kruse. Подъ 859—861 г. приводятся выписки Robert Wace (p. 245) о походѣ Гастингса на Римъ. Вестбергъ. Ibidem. „Русы Берки, Масуди и Якуби", Ж. М. Н. П., 1908, стр. 379—382.

[120])
„E Hastainz dist k'a Rome ireit
Bier, de Rome rei fereit; —
Par noit vindreut el port de Lune,
si kome les mena fortune."
(„Roman de Rou", 1160—1189; R. Wace. Chronicon, 245).

[121]) Vogel, „Normannen", ibidem, s. 172.

[122]) „Іоакимовская Лѣтопись", Татищевъ, ibidem, стр. 35. „Поляне и Горяне утѣсняемы бывше отъ Козаръ... прислаша къ Рюрику предніи мужи просити да послетъ къ нимъ сына или ина князя княжити. Онъ же вдаде имъ Оскольда и вои съ нимъ отпусти". — У начальнаго Лѣто-

ricus. Соотвѣтствующая древне-скандинавская форма, сохраненная намъ сагами и Эддой, будетъ Hrórekr — Hrœrik.[123] Имя это не принадлежитъ къ числу распространенныхъ въ Скандинавіи; наоборотъ, оно встрѣчается сравнительно очень рѣдко. Мы уже упоминали о Рюрикѣ — „метателѣ колецъ" (Слаунг-ванбауга); кромѣ ютландскихъ Гальфданидовъ (Гаральда и Рорика), отъ него происходитъ и одна изъ извѣстныхъ исландскихъ семей, упоминаемыхъ въ Landnâmabôk,[124] и потому это имя извѣстно въ Исландіи. О томъ же Рюрикѣ упоминаетъ и Саксонъ Грамматикъ, называя его Röricus Slyngebond. Другой Рюрикъ, современникъ Олафа Норвежскаго, былъ упландскимъ конунгомъ и братомъ Эймунда; онъ упоминается въ сагѣ объ Олафѣ и въ Эймундовой сагѣ.[125] Томсенъ говоритъ, что

писца (Лавр. Лѣтопись) стоитъ: „Въ лѣто 6374 (866) иде Аскольдъ и Диръ на Греки". Этотъ походъ описанъ въ „Венеціанской Хроникѣ" Іоанна Діакона: „Eo tempore Normanorum gentes cum trecentis sexaginta navibus Constantinopolitanam urbem adire ansi sunt. Verum quia nulla racione inexpugnabilem leder valebant urbem, suburbanum fortiter patrantes bellum quam plurimos ibi occidere non pepercerunt, et sic predicta gens cum triumpho ad propriam regressa est". Pertz, *Scriptorum*, VII, p. 18 (27—31). Это описаніе приведено, въ русскомъ переводѣ, у Голубинскаго „Исторія русской церкви", Москва, 1901, т. I. стр. 40. — У хронографа IX вѣка (212) указано, что 18 Іюня 860 г. „пришли русы въ 200 судахъ, помощью всепѣтой Богородицы они были одолѣны христіанами, всесильно поражены и удалились". — Подробный разборъ похода, см. В. И. Ламанскій, „Житіе Св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ." Ж. М. Н. П., Іюнь и Декабрь, 1903. — Отмѣтимъ, что у Іоанна Діакона нападавшіе названы норманами, а у византійскаго хронографа — руссами. Изъ Никиты Пафлагонянина и др. видно, что флотъ Аскольда могъ прорваться лишь нечаяннымъ нападеніемъ, ибо византійская армія была въ Малой Азіи, а флотъ — въ Архипелагѣ. Возможно, что нахожденіе послѣдняго въ Архипелагѣ было въ связи съ экспедиціей Біорна и Гастингса.

[123]) „Rex eorum nomine Rorik", Ann. Xant. ad a. 845; "Roric nepos Herioldi", Prud. Trec. Ann., ad a. 850; "Rorih... coepit piraticam exercere", Ruod. Fuld. Ann., ad a. 850; "Northmannorum rex Roricus", Chronicon de Gestis Normannorum, A. D. 845. — Въ „Пѣснѣ Гиндлы" (Hyndluljod) въ Старой Эддѣ говорится: „Haraldr hilditönn | borinn Hrœriki | slaungvanbauga." (Ant. Russes, I, p. 14); здѣсь, слѣдовательно, стоитъ форма Hrœrik; латинскій текстъ передаетъ это, какъ „procreatus Rœreko", отъ Rœrek. Всѣ эти формы и многія другія встрѣчаются въ сагахъ, какъ напр. Hrœrekr, Rorekr, Røreker, и приведены въ нижеупоминаемомъ словарѣ Линда (p. 594). — Въ концѣ періода викинговъ начальное H стало постепенно исчезать въ произношеніи, такъ же какъ и конечное r, поэтому и въ языкѣ хроникъ на западѣ, и въ лѣтописи у насъ появилось Rorik, Рюрикъ, Рурикъ (у Татищева); съ этой точки зрѣнія, наша форма Рюрикъ является совершенно естественнымъ непосредственнымъ заимствованіемъ изъ древне-скандинавскаго, и я никакъ не могу согласиться съ Фрицлеромъ, что она ближе стоитъ къ Rorih'у Фульдскихъ Анналовъ (Съ гипотезой Фрицлера я знакомъ лишь по весьма интересному разбору ея, сдѣланному А. В. Флоровскимъ, Slavia, 1925, III, p. 743). — Вопросъ о имени Рюрика разобранъ у Thomsen'a, „The Relations between Ancient Russia and Scandinavia" 1877, p. 138; у Куника, „Berufung", 1844, стр. 123 и критика этихъ взглядовъ, Гедеоновъ, „Варяги и Русь", I, 183 (191—201).

[124]) „Origines Islandicae", O. Vigfusson & F. У. Powell. — Ландна́ма-бокъ, писцовыя книги Исландіи, гдѣ дается генеалогія и краткія свѣдѣнія о норвежскихъ родахъ, эмигрировавшихъ въ Исландію и колонизовавшихъ ее. — Основаніемъ для нея послужила Islendinga-bók Ари Фроти (183), т. е. Ари „Ученаго" или „Мудраго" (1067—1148). — „Hrœ́rek Slœngvand-bauge" упоминается въ Landnáma-Bók, какъ предокъ нѣкоего Hrafn enn Heimske (p. 201).

[125]) „Saga Eymundar", Ant. Russes, II p. 170, 1852; русскій переводъ: „Эймундова Сага. Сказаніе объ Эймундѣ Ринговичѣ и Рагнарѣ Агнаровичѣ, Скандинавскихъ витязяхъ, поселившихся въ Россіи. Перевелъ съ Исландскаго и критически объяснилъ О. Сенковскій". Библіотека для Чтенія, 1834, т. I и Собраніе сочиненій

это имя встрѣчается нерѣдко въ шведскихъ провинціяхъ Упландіи и Сюдерманландіи,[126] но въ сагахъ другихъ Рюриковъ не встрѣчается, и весьма полный словарь Линда „Norsk-Islandska Dopnamn ock Finderade Namn Från Medeltiden“.[127] упоминаетъ среди конунговъ только эти имена. Необычность имени „Рюрикъ“ не ускользнула и отъ Гедеонова, и въ своемъ изслѣдованіи „Варяги и Русь“ онъ говоритъ: „Для шведскаго конунга имя Hrarekr также странно и необычно, какъ для русскаго князя имена Казимира или Прибислава“.[128] Прибавимъ, что оно столь же необычно и въ Даніи, и, если Рорикъ Ютландскій и получилъ его, то въ честь своего прадѣда, такъ какъ еще *болѣе славное имя дѣда было уже* дано его старшему брату Гаральду. Та же вѣрность родовымъ именамъ сказывается и въ имени сына Рюрика, Игоря — Ингваря; имя это производное отъ Ивара, а Иваръ — имя пращура Рюрика и основателя династіи Скіольдунговъ, Ивара Видфадме.[129] Тѣ же имена Рюрика и Игоря будутъ многими вѣками встрѣчаться въ нисходящемъ потомствѣ Рюрика, и „Слово о полку Игоревѣ“ придастъ этимъ именамъ особый блескъ и сдѣлаетъ ихъ еще болѣе дорогими русскому сердцу.[130]

Привязанность къ своему роду, стремленіе связать его съ наиболѣе славными національными героями и гордость своими предками является одной изъ наиболѣе харектерныхъ чертъ древнихъ скандинавовъ. Такъ, въ пѣснѣ Гиндлы, т. н. Hyndluljód, каждая часть пѣсни, посвященная особому циклу героевъ, напр. Гаральду Гильдетану и его отцу Рюрику, кончается припѣвомъ: „Всѣ они твои предки, Оттаръ Простодушный“,[131] а на этой генеалогіи строится и реальное право Оттара

О. Сенковскаго, т. V, СПб., 1858, стр. 421—573. — Критическій разборъ саги: „Eymundar Saga и русскія *Лѣтописи*“, *А. I. Лященко*, Изв. Ак. Наукъ, 1926, *стр.* 1061—1086. — Старшій братъ Эймунда былъ Рюрикъ — Hrærekr (p. 173), извѣстный своей борьбой противъ Олафа Норвежскаго.

[126]) „The Relations between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State“, London, 1877 pp. 71, 138.—„Ryska rikets grundläggning genom Scandinavia“, Stockholm, 1882. Русскій переводъ въ „Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“, 1891, кн. I., подъ заглавіемъ „Начало Русскаго Государства“.

[127]) Uppsala & Leipzig; p. 594.

[128]) „Варяги и Русь“, СПб., 1876, I, 192.

[129]) Yngvarr-Ingvar, см. Словарь Линда, p. 1118; объ имени Ívarr и его соотношеніи съ Ingvar см. тамъ же, стр. 663, гдѣ говорится: „Ursprungl. en sidoform till Ingvarr har Ívarr redan i förhistorisk tid blivit ett självständig*tnamn*. — Ліутпрандъ, епископъ Кремонскій, бывшій въ 968 году въ Константинополѣ *посломъ* Императора Оттона I, въ „Реляціи“ о своемъ путешествіи называетъ Игоря Ингеромъ: „Rex vocabulo Inger erat“. Lindprandi relatio de legatione Constantinopolitana“. Pertz, Monumenta, Scriptorum, III, 331. — У Татищева (ibidem, I, 34): „роди сына Ингоря“. — У Начальнаго Лѣтописца (Лаврент. Лѣтопись) упомянуты 6 князей, носившихъ имя Игоря и 2 — Ингваря.

[130]) „Слово о полку Игоря Святославича“, СПб,. 1819 [Editio Princeps 1800 года: „Героическая пѣснь о походѣ на Половцевъ... Игоря Святославича“]. — „За землю Русскую, за раны Игоревы буего Святъславлича“. — „Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи“. — „Ты буй Рюриче и Давыде.“ — Въ русской народной поэзіи и въ историческомъ сознаніи русскаго народа Слово играетъ такую же роль, какъ Пѣснь о Роландѣ и описаніе Бравалы въ Сöгубротѣ. — Изслѣдованіе Слова съ точки зрѣнія норманскаго вліянія (черезъ оружіе) см. въ статьѣ автора „О Булатѣ и Харалугѣ“, Recueil-Kondakov, 1926, 159.

[131]) *„Allt er pat aett pín*, Óttar heimski“ — Ant. Russes, I, p. 14; также Corpus Poeticum Boreale, Gudbrand Vigfusson u F. York Powell, I, 225 и Viking Club Trahslation Series, v. II p. 224. См. также объ Аудѣ, Рюрикѣ и Гаральдѣ Гильдетанѣ выноску № 18.

на преимущество передъ соперникомъ Ангантыремъ (Angantheow). Совершенно такъ же свои, преимущественныя передъ Аскольдомъ, права на обладаніе Кіевомъ Олегъ строитъ на своемъ происхожденіи и на томъ, что онъ дѣйствуетъ отъ лица сына Рюрикова Игоря, т. е., въ нашемъ пониманіи, на признаваемомъ всѣми норманами правахъ рода Скіольдунговъ. Олегъ говоритъ: „«Вынѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь рода княжа», (и) вынесоша Игоря: «а се есть сынъ Рюриковъ»“.[132] Этотъ послѣдній аргументъ, ссылка на происхожденіе отъ Рюрика, долженъ былъ быть вполнѣ понятнымъ и дружинникамъ Олега, и дружинникамъ Аскольда, и онъ и рѣшилъ дѣло въ пользу Олега.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ числѣ многихъ и многихъ сотенъ потомковъ Рюрика ни разу не встрѣчается ни имени Синеуса, ни Трувора.[133] Ужъ одно это обстоятельство является страннымъ, какъ не менѣе страннымъ является и стереотипное число „трехъ“ братьевъ[134], а также и то, что начальный лѣтописецъ, подъ однимъ и тѣмъ же 862 годомъ, только и могъ отмѣтить про Синеуса и Трувора, что образованіе, кромѣ Новгородскаго, двухъ княжествъ, одного на „Бѣлѣозерѣ“, а другого въ „Изборьстѣ“,[135] а затѣмъ сказать: „По двою же лѣту Синеусъ умре и братъ его Труворъ.“ По мнѣнію академика Шахматова въ призваніи князей мы имѣемъ новгородское преданіе,[136] только, какъ уже неоднократно отмѣчалось изслѣдователями этого вопроса, до автора Повѣсти Временныхъ Лѣтъ дошли лишь отзвуки, и притомъ неясные, преданія.

Обратимся къ самымъ именамъ. Труворъ звучитъ несомнѣнно по скандинавски, будемъ ли мы читать его съ Томсеномъ Þorvarðr[137] или съ Куникомъ, какъ у Саксона Грамматика — Thruwar; большой разницы въ чтеніяхъ не будетъ, ибо Þor- часто переходитъ въ Tru.- Гораздо существеннѣе то, что въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ существительнымъ, а съ прилагательнымъ, и въ этомъ именно смыслѣ, какъ и указалъ Куникъ, употреблено это имя тамъ, гдѣ оно встрѣчается однажды въ сѣверной литературѣ, а именно въ „Sögubrot“[138]; оттуда перешло оно и въ повѣствованіе о Бравалле Саксона Грамматика, какъ Thruwar, и значитъ „вѣрный“.[139]

---

132) „Лѣтопись по Лаврентіевскому Списку,“ СПб., 1872, стр. 22.

133) По Лаврентіевской Лѣтописи (слѣдовательно, за 4 столѣтія, слѣдующія за Рюрикомъ) на, приблизительно, 315 княжескихъ именъ приходится 25 именъ скандинавскаго происхожденія (3 Рюрика, 6 Игорей, 2 Ингваря, 9 Олеговъ, 3 Рогволода, 1 Якунъ-Гаконъ и 1 Алданъ-Гальфданъ; всего **25**, а съ упоминаемыми подъ 862 г. Синеусомъ и Труворомъ — 27), т. е. 7%, и около 118, (т. е. 38%) славянскихъ. При этомъ подсчетѣ число скандинавскихъ именъ является преуменьшеннымъ, т. к. въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ напр. у Гаральда-Мстислава, было 2 имени, здѣсь принималось болѣе извѣстное, славянское.

134) См. Шлецера „Несторъ. Russische Annalen etc“, Göttingen, 1802, I, 349 (стр. указаны по переводу Языкова); Карамзинъ, ibidem, стр. 370, прим. 277; Шахматовъ, „Разысканія“, 289 и 313; также B. Nerman, „Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der Jüngeren Eisenzeit“, Stockholm, 1929, s. 48, гдѣ разбирается вопросъ о призваніи князей.

135) Шахматовъ (Ibidem, § 193) обращаетъ вниманіе на несоотвѣтствіе городовъ призывавшимъ племенамъ.

136) Шахматовъ (Ibidem, § 197, стр. 296).

137) Ibidem, p. 140 (Appendix, Old Russian proper Names); Kunik, „Berufung,“ p. 131

138) Antiquités Russes, I; 66, 81. „Einarr Þrjugr“.

139) „Cognominatus Thruwar“. Kunik, ibidem, p. 132.

Что касается Синеуса, то здѣсь и Томсенъ и Куникъ предполагали переходъ отъ Signjotr черезъ Siniut, что является вполнѣ возможнымъ. Но и здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ прилагательнымъ Sig-njotr, т. е. „побѣдоносный“.[140] Въ сагахъ это имя не встрѣчается ни разу. Такимъ образомъ, тогда какъ имя Рюрика, несмотря на свою необыденность, является семейнымъ въ роду Скіольдунговъ, „Синеусъ“ и „Труворъ“, по древне-скандинавски, могутъ быть объяснены только какъ прилагательныя. Превращеніе ихъ въ существительныя могло легче всего произойти при передачѣ переписчикомъ малопонятнаго ему скандинавскаго текста. Куникъ[141] и Ховортъ[142] приводятъ примѣры, когда въ аналогичныхъ случаяхъ составители анналовъ изъ „описанія“ лица или даже упоминанія города создавали новое лицо. Нѣчто подобное могло произойти и здѣсь, и авторъ Повѣсти Временныхъ Лѣтъ, имѣя передъ собой новгородскія преданія о Рюрикѣ и о первыхъ сѣверныхъ княжествахъ, а также пѣсенно-былинный матеріалъ придворныхъ скальдовъ, могъ составить изъ нихъ записи 859 и 862 года.[143]

Съ другой стороны, какъ упоминалось выше, самая рѣдкость имени „Рюрикъ“ дѣлаетъ чрезвычайно маловѣроятнымъ одновременное существвованіе двухъ различныхъ викинговъ этого имени и, затѣмъ, появленіе въ потомствѣ Рюрика Русскаго имени Игоря, родового для Рюрика Ютландскаго. Такимъ образомъ и эти соображенія подтверждютъ общую мысль о тождествѣ обоихъ Рюриковъ.

Чрезвычайно интересныя соображенія возникаютъ и при болѣе подробномъ разсмотрѣніи вопросовъ, связанныхъ съ фризскими колоніями и съ фризскимъ вліяніемъ вообще. Мы уже прослѣдили связь между фризскими торговыми путями и дѣятельностью Рюрика. Торговые пути эти привели насъ въ Бирку на

---

[140]) Thomsen (ibidem, p. 138) говоритъ, что это имя никогда не встрѣчается въ сагахъ; то же замѣчаетъ и Куникъ (Ibidem, p. 134); Nerman (ibidem, s. 48) также отмѣчаетъ, что „können bekanntlich die Namen Sineus und Truvor nicht sicher mit irgend welchen Skandinavischen Namen identifiziert werden“. Я обязанъ Д-ру Jón Stefansson'у подробнымъ обоснованіемъ вопроса о возможныхъ значеніяхъ Sig-njotr въ древнеисландскомъ языкѣ.

[141]) „Remarques Critiques“, Ibidem, p. 177.

[142]) Ibidem, pp. 66 („socii“ for „Osmund“) and 71 („Rurik“ вмѣсто „Reric“ — Rareg).

[143]) Разбирая вопросъ о призваніи князей, Шлецеръ замѣчаетъ („Несторъ“, I, 349): „Не походитъ ли на одну Ирландскую сказку вся повѣсть о трехъ братьяхъ и о призваніи ихъ въ Россію?“ Карамзинъ (Ibidem, I, 370), говоря о призваніи „трехъ братьевъ“, замѣчаетъ: „сіе братство можетъ показаться сомнительнымъ“. Бутковъ (Ibidem, 66) рѣшительно отвергаетъ гипотезу Шлецера, но Куникъ въ 1865 году (Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. VI, прил. 2, стр. 53) подробно останавливается на „Ирландской Сказкѣ“, т. е. на повѣсти Видукинда (Widukindi res ges ae Saxonicae, Pertz, Scriptorum, III, p. 417) о призваніи ок. 967 года бриттами саксовъ; въ этомъ призваніи упоминается и „terram latam et spatiosam“ и „три брата“, и Куникъ находитъ, что „Несторово Сказаніе... объясняется сказаніемъ о призваніи Англо-саксовъ“ (стр. 58). Погодинъ (Изслѣдованія и. ч. д., I, 491) полагалъ, что „у варяговъ, я увѣренъ, была сага о Рюрикѣ и о прибытіи его въ Новгородъ, коею воспользовался Несторъ“. Можно предположить съ Погодинымъ, что у Начальнаго Лѣтописца была такая сага, или, вѣрнѣе, пѣсни скальдовъ; можетъ быть, подобно пѣснѣ Гиндлы, она кончалась припѣвомъ-строфой, вродѣ: „Рюрикъ, Побѣдоносный и Вѣрный“ (Roerik, Sig-njotr ok Thruwar); имѣя сказаніе Видукинда, пѣсни и мѣстныя Новгородскія преданія о трехъ норманскихъ княжествахъ и трехъ призывавшихъ племенахъ (Шахматовъ, Ibidem, стр. 313), Начальный Лѣтописецъ и свелъ ихъ въ записи 859—862 г.

Melларѣ, чрезвычайно важный, можетъ быть даже наиболѣе важный, торговый центръ того времени. Въ соотвѣтствіи съ значеніемъ Бирки и фризская колонія тамъ должна была быть значительной и многочисленной; насколько сильно было въ Биркѣ вліяніе фризскихъ купцовъ, видно, напримѣръ, изъ того, что еще въ 835 году, т. е. за четыре года до перваго упоминанія франкскими анналами свеоновъ и народа „Rhos", шведскіе купцы изъ Бирки приходили въ Шлезвигъ и Дорестадъ и крестились тамъ у епископа Gautbert'a.[144]

Изъ Скандинавіи вывозились, главнымъ образомъ, мѣха и воскъ, въ обмѣнъ на ткани, вино и оружіе; кромѣ того, по многимъ даннымъ слѣдуетъ, что шла и очень значительная торговля военно-плѣнными — рабами.[145] Всѣ эти торговыя предпріятія невольно влекли фризовъ все дальше и дальше на сѣверъ и на востокъ, изъ области гаутовъ къ свеямъ и финнамъ. Въ то время, какъ видно по сагамъ, финны жили гораздо южнѣе, чѣмъ теперь, заходя въ шведскую сѣверную область и соприкасаясь съ гаутами (Götar). Такимъ образомъ, въ сравнительно раннюю эпоху фризы должны были „на широкомъ фронтѣ" столкнуться съ различными финскими племенами и начать играть значительную роль въ ихъ жизни. Отъ этого времени должно было сохраниться и имя фризовъ въ финскомъ языкѣ; имя это, при этомъ, должно было отоситься не къ фризамъ — народу, на ихъ родинѣ у устьевъ шельды, Рейна и Везера, а къ фризамъ-колонистамъ и купцамъ, жившимъ уже долго среди шведовъ вмѣстѣ съ ними и бывшимъ въ глазахъ финновъ, такъ сказать, шведскимъ авангардомъ.

Фризы входятъ въ составъ нижне-нѣмецкой вѣтви западно-германской группы которая, въ свою очередь, распадается на два отдѣла: нѣмецко-голландскій и фризо-англо-саксонскій[146]; т. о. фризы стоятъ ближе всего и по происхожденію, и по языку къ англо-саксамъ. Главнымъ богомъ ихъ является "Frô", скандинавскій „Freyr", являющійся эпонимомъ фризовъ. Сами же фризы называютъ себя Frêsa или Frêsen, какъ напр. въ слѣдующемъ извѣстномъ обращеніи: „Ela! fria Frêsena!"[147] По англо-саксонски сохраняется какъ форма съ „е" — Fresisc, такъ и Frysisc, съ характернымъ переходомъ въ „у"; Фрисландія, какъ видно напр. изъ „Орозія" Альфреда Великаго, будетъ по англо-саксонски Frysland,[148] а, напр., „король фризовъ" — Frys-cyning; интересно обратить вниманіе, что тамъ, гдѣ въ скандинавскомъ стоитъ „о", konung, у фризовъ и англо-саксовъ стоитъ „у",

---

[144]) Kunik „Remarques critiques etc.", Ibidem, p. 214.

[145]) „Friesland tot de elfde eeuw", Mr. P. C. J. A. Boeles. 's-Gravenhage, 1927, p. 151. На стр. 153 приводится ссылка на Бэду Проповѣдника (Hist. Eccles, IV, 22), гдѣ разсказывается о выкупѣ военноплѣннаго-раба у фризскаго купца. Вопросъ о фризской торговлѣе болѣ подробно развитъ авторомъ въ докладѣ Anglo-Russian Litterary Society: „The Frisians and «Rhos» in the IXth Century.

[146]) Gudmund Schütte, Vor Folkegruppe Gottjod". По англійски, "Our Forefathers the gothonic Nations", 1929, Cambridge, I, p. 50 (ссылка на vol. II, § 142). — См. также A. Grammar of the Old Frisian Language", by A. H. Cummins 1887, London и „Comparative Grammar of the teutonic Languages", by J. Helfenstein, London, 1870; также „Geschichte der friesischen Sprache", v. Th. Sieb. (Grundriss der germanischen Philologie, v. H. Paul, Strassburg, 1901, B. I, ss. 1152—1464).

[147]) Cummins, ibidem, p. 84.

[148]) „Be westan Eeald-Seaxūm is Aelfe mūþa đeare eá and Frysland". Orosius, ibidem, p. 3. Интересно сопоставить съ Frysland шведское названіе для Россіи — Ryssland.

cyning. Съ другой стороны, фризское долгое „ê", какъ напр. въ „hêt" — горячо, соотвѣтствуетъ готскому *heit и нѣмецкому heiss, но англійскому hot.[149] Вообще говоря, гласныя во фризскомъ языкѣ чрезвычайно рѣдко имѣютъ вполнѣ опредѣленный звукъ, и, напр., въ настоящее время ассимилируются и поглощаются въ современномъ фризскомъ языкѣ соотвѣтствующими звуками голландскихъ нарѣчій. Весьма вѣроятно, что и въ разсматриваемый отдаленный періодъ отдѣльныя колоніи фризовъ въ Швеціи, среди массы гаутскаго населенія, измѣняли свое произношеніе и именно въ направленіи, характерномъ для „вандильскихъ" нарѣчій; при этомъ и произношеніе ихъ собственнаго имени должно было также измѣниться и приблизиться въ смыслѣ вокализаціи опять къ имени Frô, а далѣе, въ стремленіи къ крайнимъ точкамъ вокализаціи,[150] „ô", переходя черезъ ō, стало приближаться и сливаться съ u.

Въ такой, уже измѣненной формѣ, имя фризовъ-колонистовъ должно было дойти до финскихъ племенъ. Намъ извѣстно нѣсколько случаевъ заимствованія словъ въ довольно древній періодъ финнами отъ ихъ сосѣдей готовъ и славянъ. Напр. готское *hrengas перешло въ финское rengas[151] и древне-русское „грамата" въ эстонское raamat.[152] Въ обоихъ случаяхъ, въ соотвѣтствіи съ свойствами финскихъ нарѣчій, произошло выпаденіе начальныхъ согласныхъ „г" и „х". Въ интересующемъ насъ случаѣ выпаденіе глухого спиранта „ф" дастъ корень rês съ возможными переходами къ rōs и rus. Въ этой формѣ названіе „шведскихъ" фризовъ было бы весьма близкимъ и къ финскому Ruossi, и къ греческому Ῥούσιοι и Ῥῶς, и къ латинскому Rhos, и къ арабскому Rûs; невольно тогда возникъ бы и вопросъ, что всѣ эти термины общаго происхожденія и такъ или иначе связаны съ фризами — Frêsa. Что касается дальнѣйшей связи съ славянскимъ „Русь", то и въ этой гипотезѣ переходъ представляется возможнымъ по Кунику отъ Ruossi въ Русь, по аналогіи съ Suomi — Сумь.[153]

Главное отличіе отъ взглядовъ Куника, изложенныхъ имъ въ „Berufung", заключается въ томъ, что у насъ предполагается связь Ruossi съ именемъ опредѣленнаго народа — фризовъ, народа мореплавателя и перваго въ то время въ области международной торговли; къ такому именно народу могли естественно прилагаться эпитеты: „народъ *многославный*", „народъ всѣми знаемый"; съ другой стороны, связь фризовъ-колонистовъ со шведами, среди коихъ они жили и вмѣстѣ съ коими выступали, должна была у людей, съ ними сталкивавшихся, вызывать сопоставленіе обоихъ именъ и стремленіе смотрѣть на „Русь", какъ на видовое подраздѣленіе болѣе широкой группы племенъ, къ которой, на ряду съ „Русью", входили и свеи-шведы и готы-гауты. Таково именно отношеніе къ этому вопросу Начальнаго Лѣтописца. Въ первоначальной гипотезѣ

[149]) *Cummins*, ibidem, p. 23.

[150]) Θ. Браунъ. „Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній", СПб., 1899, стр. 290.

[151]) Θ. Браунъ. „Разысканія", ibidem, стр. 292.

[152]) I. A. Mikkola, „Berührungen zwischen den Westfinnen und Slaven", Helsingfors, 1894.

[153]) „Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch den Finnen und Schweden", St. Petersburg, 1844, s. 106 и „Remarques critiques", Bull. Ac. Imp. Sc. v. VII, 1850.

Куника происхожденіе Ruossi или Ruotsi объяснялось существованіемъ въ шведскомъ Upland'ѣ береговой полосы Roslagen'а, жители которой составляли какъ бы общины „гребцовъ" (отъ ródhr — гребля) — Руси. Трудности подобнаго объясненія происхожденія Руси заставили Куника впослѣдствіи искать другихъ объясненій и, слѣдуя за Бутковымъ,[154] онъ обратился къ „готскому періоду" русской исторіи и предложилъ вести имя Русь отъ прозвища готовъ Hrôthigutans — „славные готы"; такимъ образомъ, слово „Русь" сопоставлялось или даже выводилось отъ hrôth — слава.[155] Еще дальше пошелъ въ томъ же направленіи Будиловичъ,[156] предлагая и этнически отождествить „Русь" съ готами. Взгляды Будиловича были сочувственно встрѣчены В. Г. Васильевскимъ, который писалъ, что хотя „мы не хотимъ здѣсь (Житіе Св. Стефана Сурожскаго, Ж. М. Н. П., 1889, стр. 449) проповѣдывать новой теоріи происхожденія Русскаго Государства, или лучше сказать, русскаго имени, которую пришлось бы назвать готскою... но не можемъ обойтись безъ замѣчанія, что, при современномъ положеніи вопроса, она была бы во многихъ отношеніяхъ пригоднѣе нормано-скандинавской". Ѳ. А. Браунъ посвятилъ гипотезѣ Будиловича спеціальную статью,[157] а также отвелъ ея разбору часть предисловія въ своемъ трудѣ „Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній" (СПб. 1889), гдѣ, послѣ подробнаго разбора филологической и исторической стороны вопроса, пришелъ къ выводу, что „если и невозможно прямое заимствованіе слова Русь" изъ готскаго", то „оно возможно черезъ финскіе языки".[158] Такимъ образомъ, мы снова возвращаемся къ необходимости допустить передаточное финское „Ruossi" Куника, что и дѣлается въ предлагаемой гипотезѣ.[159]

---

[154]) „О Руси и Рюсаландѣ". Библіотека для чтенія, 1838 (Авг.) и „Оборона Лѣтописи русской Несторовой", СПб, 1840, стр. 354.

[155]) Примѣчанія къ труду Б. Дорна „Каспій", Зап. Имп. Ак. Наукъ, СПб., 1875, т. XXVI, приложеніе.

[156]) Докладъ VII Московскому Археологическому Съѣзду. „Къ вопросу о происхожденіи слова Русь", Ж. М. Н. П., 1890.

[157]) „Гипотеза проф. Будиловича о готскомъ происхожденіи наванія Руси". Зап. Неофилологическаго Общества при Имп. СПб. Университетѣ, 1892, вып. II.

[158]) „Разысканія", ibidem, p. 17.

[159]) Ниже указывается, что часть фризовъ изъ рустрингенскаго удѣла Рюрика носила имя Rusta (Hollmann, „Rustringen", Bremen, 1816, p. 43), откуда непосредственно могла получиться форма Русь. А. Погодинъ, въ своей недавней работѣ „Вопросъ о происхожденіи имени Русь" (Сборникъ въ честь на Василъ Н. Златарски, 1925, стр. 269--275) подробно разбираетъ вопросъ о возможности непосредственнаго, безъ участія финновъ, перехода отъ „древнешведскаго" Roðs въ Русь, можетъ быть черезъ промежуточное Рудсь. — Соглашаясь съ возможностью перехода (о чемъ см. и у Hollmann'а, гдѣ онъ, напр., допускаетъ возможность сохраненія „Rust" въ Ростовѣ), мы лишь расходимся въ основной предпосылкѣ, т. е. въ существованіи въ Швеціи, достаточно значительной по числу и вліянію, группы людей (или племени) родсовъ. Самъ Куникъ (Зап. Имп. Академіи Наукъ, т. VII, 1865, стр. 64 и т. III, 1865, стр. 122) высказалъ признаніе, что „Норманская школа... обанкрутившись съ своимъ Рослагеномъ, (должна) позаботиться вновь открыть «природныхъ шведскихъ Россовъ»." Видя этихъ послѣднихъ въ фрисландскихъ спутникахъ Рюрика Rust'ахъ, мы стремимся идти по пути, намѣченному Куникомъ, котораго, судя по отдѣльно разбросаннымъ замѣткамъ, всегда интересовали связь и соотношеніе Фризіи и нормановъ. Въ текстѣ нами развивается мысль, что названіе Руси можно связывать и съ Rust'ами изъ Rustringen'а, и съ финскимъ названіемъ для фризовъ, какъ племени вообще.

Если допустить возможность указаннаго заимствованія, то сейчасъ же является вопросъ о томъ, когда могло утвердиться именованіе фризовъ-колонистовъ Русью и насколько оно было географически распространено. Обратимся прежде всего къ „периплу“ Альфреда Великаго. Положеніе фризовъ онъ описываетъ такимъ образомъ: “Be westan Eald-Seaxum is Aelfe muþa đaere eá and Frysland”,[160] что значитъ: „Къ западу отъ древнихъ саксовъ находится устье Эльбы и земля фризовъ“. Такимъ образомъ, въ то время, когда писалъ Альфредъ Великій, т. е. во второй половинѣ IX-го вѣка, положеніе фризовъ у устья Эльбы, на берегу моря, опредѣлялось по ихъ сосѣдству съ „древними“ саксами; фризы, ближайшіе родичи и саксовъ на материкѣ, и англо-саксовъ на островѣ, были хорошо знакомы Альфреду и появляются у него подъ своимъ собственнымъ именемъ. Къ тому же IX-му или, вѣрнѣе, X-му вѣку относится описаніе разселенія яфетидовъ въ книгѣ „Іосифа бенъ Горіонъ или Іосиппона“.[161] Въ ней находится слѣдующая фраза: „Тирасъ — это Руси и Саксини и Англиси, живущіе по великому морю“.[162] Если мы примемъ съ Вестбергомъ, что „Саксини“ это древніе саксы, то получится, что „Іосиппонъ“ считаетъ Руси, наравнѣ съ саксонцами и англо-саксами, за потомковъ общаго имъ родоначальника Тираса, значитъ признаетъ ихъ за народы, находящіеся въ близкомъ родствѣ между собой и пріурочиваетъ жилища Руси къ побережью Атлантическаго океана.[163] Кромѣ того, также бросается въ глаза и параллелизмъ этого мѣста съ вышеприведеннымъ мѣстомъ изъ „Орозія“ Альфреда Великаго, только тамъ, гдѣ у послѣдняго говорится о фризахъ, у Іосиппона стоитъ Русь. По мнѣнію Вестберга „Іосиппонъ“ писалъ въ южной Франціи или въ Италіи; свѣдѣнія, которыя до него доходили, были, слѣдовательно, не непосредственно балтійско-скандинавскія, какъ у Альфреда, а скорѣе южно-европейскія или даже изъ арабскихъ источниковъ; и вотъ для него фризы, и не прежніе наши фризы-колонисты въ Швеціи или въ Прибалтикѣ, но настоящіе фризы у себя дома, „у великаго моря“, — это Русь. Значитъ, въ IX—X вѣкѣ имя Русь было не только хорошо извѣстно путешественникамъ на западѣ, но и опредѣленно связывалось ими, заступая имя фризовъ, съ нижне-германской группой народовъ.

Подобно Іосиппону и у Начальнаго Лѣтописца нѣтъ фризовъ, но, на ихъ мѣстѣ, между готами (готландцами, гаутами) и англами поставлена Русь: „Афе-

[160]) Orosius, ibidem, p. 3.

[161]) А. Я. Гаркави. „Сказанія о Хазарахъ“. Статья II-я изъ сочиненія неизвѣстнаго автора, коего псевдонимъ Іосифъ бенъ Горіонъ или Іосиппонъ (въ IX или X стл. по Р. Хр.). Труды Вост. Отд. И. Р. Археологическаго Общества, часть XVII. СПб., 1874.

[162]) Фр. Ѳ. Вестбергъ. „Къ анализу восточныхъ источниковъ о Восточной Европѣ“. Ж. М. Н. П., 1908, Февр., стр. 333.

[163]) Вестбергъ, ibidem, стр. 376. — У „Іосиппона“ послѣ означенной фразы слѣдуетъ другая: „Руси живутъ по рѣкѣ Кира, текущей въ море Гурганъ“. Такое чтеніе, по мнѣнію профессора А. В. Флоровскаго („князь Рошъ“ у пророка Іезекіиля, Сборникъ въ честь на В. Н. Златарски, 1925, стр. 515), имѣло вліяніе на локализацію «Роша» — Роса. Съ другой стороны, еще Гаркави обратилъ вниманіе на странность сопоставленія двухъ столь чужеродныхъ фразъ; по мнѣнію же Г. М. Бараца („Собраніе Трудовъ“, Парижъ, 1927, т. I, стр. 153), которому мы здѣсь слѣдуемъ, „все недоразумѣніе произошло отъ пропуска одной буквы гимель (г), ибо, въ дѣйствительности, Іосиппонъ сообщаетъ, „что на Курѣ жили не Руси, а Груси — грузины, иберы“.

тово бо и то колѣно Варязи: Свеи, Урмане, Гъте, Русь, Агняне...“ На основаніи близости параллельныхъ мѣстъ въ обоихъ перечисленіяхъ Барацъ[164] высказалъ предположеніе о заимствованіи Начальнымъ Лѣтописцемъ у Іосиппона. Не идя такъ далеко, мы можемъ все же предположить пользованіе общими источниками, какими для подобныхъ описаній, въ конечномъ итогѣ, какъ это ясно видно на примѣрѣ „Орозія“ Альфреда Великаго, являются разсказы путешественниковъ, торговыхъ гостей. Больше же всего путешествовали и торговали, въ это время фризы и норманы, въ сѣверо-западной части тогдашняго міра и арабы и евреи, въ южной и восточной, поэтому нужно предположить, что не безъ вѣдома и первыхъ и вторыхъ были сдѣланы записи и у Лѣтописца и у Іосиппона, и что имя Руси, въ замѣну и въ сопоставленіи съ именемъ фризовъ, было широко распространено въ это время. Дальнѣйшее повѣствованіе Лѣтописца также является вполнѣ логичнымъ въ этомъ пониманіи „Руси“. Такъ, когда дальше у него говорится: „[и]идоша за море к Варягомъ, к Руси, сице бо тіи звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свеи, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте тако и си“,[165] совершенно ясно, что онъ считаетъ Русь однимъ изъ племенъ, къ которымъ принадлежатъ не только норвеги, свеи и гауты, но и англы; упоминаніе въ этомъ контекстѣ фризовъ было бы вполнѣ умѣстнымъ, и отсутствіе ихъ и появленіе на этомъ мѣстѣ Руси показываетъ, что лѣтописецъ или его освѣдомитель считалъ эти два имени равнозначущими.

Разсмотримъ теперь съ этой точки зрѣнія дальнѣйшее мѣсто лѣтописи, также вызывавшее разногласія въ нашей исторической литературѣ: „И изъбрашася з братья съ роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша к словеномъ...“[166] Карамзинъ понималъ это мѣсто такъ, что „братья раздѣлили между собою Чудскую и Славянскую землю, которая назвалась послѣ Русью“,[167] Погодинъ, наоборотъ, не только считалъ, что „Рюрикъ привелъ съ собой всѣхъ руссовъ“,[168] но и, считая, что „скандинавское племя Руси“ могло быть малочисленнымъ, а хазары нѣтъ, пользовался этимъ мѣстомъ какъ однимъ изъ доводовъ противъ теоріи Эверса о хазарскомъ происхожденіи Руси. Гедеоновъ, отрицавшій самый фактъ существованія въ Скандинавіи „небывалой заморской Руси“, считалъ, что „Несторъ... придумалъ, будто призванные князья привели съ собою сполна изъ заморья все варяго-русское племя.[169] Ламбинъ думалъ, что въ IX вѣкѣ „Родсы-Русь“ означало дружину, съ княземъ во главѣ, а не народъ.[170] Наконецъ, по мнѣнію Шахматова, въ первоначальномъ Новгородскомъ сводѣ 1050 года стояло вмѣсто: „пояша по собѣ всю Русь“ — „пояша съ собою дружиноу мъногоу“.[171]

---

[164]) Происхожденіе лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси“ (Кіевъ, 1913). Труды, т. I, ibidem, стр. 755.

[165]) „Лѣтопись по Лаврентіевскому списку“. Изд. Археологической Коммиссіи, СПб., 1872, стр. 18.

[166]) Лѣтопись по Лаврентіевскому Списку, 1872, изданіе Археографической Комиссіи, стр. 19.

[167]) Исторія Государства Россійскаго, СПб., 1816, т. I, ссылка 278, стр. 570.

[168]) „Изслѣдованія, лекціи и замѣчанія“, II, Москва, 1846, стр. 241.

[169]) „Варяги и Русь“, СПб., 1876, II, стр. 463.

[170]) „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси“. Ж. М. Н. П., 1874.

[171]) „Розысканія“, стр. 612.

Всѣ эти трудности отпадаютъ, такъ же какъ и надобность въ измѣненіи текста Начальнаго Лѣтописца, если исходить изъ пониманія „заморской Руси“, какъ фризовъ, жившихъ въ Биркѣ и другихъ ближнихъ колоніяхъ. Не будучи отдѣльнымъ племенемъ, а лишь членами торговыхъ колоній въ прибрежныхъ шведскихъ городахъ, фризы-Русь не были ни столь многочисленны, ни столь связаны съ землею, чтобы переселеніе изъ Бирки въ Новгородъ представляло какія либо трудности. Выше мы уже указывали, что цѣпь фризскихъ колоній тянулась до новгородскихъ границъ,[172] и что существованіе фризской колоніи въ самомъ Новгородѣ было весьма вѣроятнымъ. Самое „призваніе князей“ могло быть обращеніемъ въ Бирку за помощью послѣ отраженія въ 852 году набѣга викинговъ, упоминаемаго у Анскарія. Вполнѣ логичнымъ является тогда посольство именно къ „Руси“, и отвѣтъ на это посольство со стороны Рюрика, герцога фрисландско-русскаго.

Говоря о крещеніи Гаральда и о владѣніяхъ его и Рюрика, мы упоминали, что главной частью пожалованного имъ Людовикомъ Благочестивымъ удѣла были земли у устья Везера, т. н. Рустрингенъ. Пасторъ Гольманнъ, написавшій по предложенію канцлера Румянцева специальное изслѣдованіе о Рустрингенѣ,[173] приводитъ слѣдующія формы этого названія на древне-фризскомъ языкѣ: „Rustringi“, „Hrustri“, „Riustri“. Далѣе онъ указываетъ, что въ сборникѣ рустрингенскихъ законовъ существуютъ и слѣдующія названія, означающія мѣстнаго жителя и чужестранца: „In Rosta“ и „Utrusta“. Во всѣхъ этихъ названіяхъ имѣется корень Rost, Rust или Hrust, и очень вѣроятно, что мѣстное имя обитателей Рустрингена сыграло свою роль въ упроченіи за фризами въ Швеціи названія Rus. Во всякомъ случаѣ, рустрингенцевъ должно было быть не мало среди фризской колоніи Бирки и, по долгимъ прежнимъ связямъ со Скіольдунгами, ихъ герцогами въ теченіи болѣе полувѣка, призывъ Рюрика могъ найти среди „Руси“ особенно горячій откликъ. И впослѣдствіи, въ новой, чужой странѣ еще долго должна была чувствоваться особая близость „своихъ“ руссовъ къ княжескому роду фризскихъ Скіольдунговъ, на что есть не мало намековъ и у Начальнаго Лѣтописца,[174] и въ лѣтописи Іоакима.[175] Изъ потомковъ этихъ первыхъ спутниковъ Рюрика и могъ образоваться тотъ „древнѣйшій слой варяговъ“, о которомъ говоритъ Шахматовъ,[176] слой, который имъ противопоставляется варягамъ въ болѣе узкомъ смыслѣ, т. е., скажемъ, различнымъ выходцамъ, главнымъ образомъ скандинавскаго и англо-са-

---

172) Elis Wadstein. „Norden осн Väst-Europa“ i gammal tid.“ Stokholm, 1925, глава VII.

173) „Rustringen, die ursprüngliche Heimat des ersten Russischen Grossfürsten Rurik und seiner Brüder“, H. F. Hollmann, Bremen, 1816.

174) „Въ лѣто 6370 (862)... и пояша по собѣ всю Русь“. — „Въ лѣто 6396 (888)... Отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словѣне“. — „Въ лѣто 6412 (904)... Иде Олегъ на Грекы... по Русскому закону кляшася оружіемъ своимъ... И рѣче Олегъ: «исшейте парусы паволочиты Руси, а Словѣномъ кропиньныя.“

175) То же мѣсто у Татищева (походъ 907 г. Олега на Царьградъ) приводится въ распространеной редакціи, и Олегъ приказываетъ поднять Руси шелковые, славянамъ — льняные, а варягамъ — холстинные паруса, изъ чего слѣдуетъ, что наибольшимъ почетомъ руссы пользовались не только передъ славянами, но и передъ варягами.

176) „Розысканія“, стр. 325. „Русь это древнѣйшій слой варяговъ, первые выходцы изъ Скандинавіи...“

ксонскаго происхожденія, начавшимъ появляться у насъ въ большомъ числѣ со второй половины X-го столѣтія.[177] Частью ища службы у нашихъ князей, частью пробираясь далѣе на югъ, въ „Миклигардъ",[178] такіе варяги стали хорошо извѣстнымъ бытовымъ явленіемъ въ эпоху, когда писались наши лѣтописи, и въ Новгородѣ и въ Кіевѣ; и лѣтописцы, чтобы сдѣлать понятными свои записи болѣе широкому кругу, должны были „Русь" опредѣлять по отношенію къ варягамъ.[179] Итакъ, „Русь" Начальнаго Лѣтописца привела насъ въ Бирку, а изъ Бирки въ далекій Рустрингенъ, между Эйдеромъ и Везеромъ. Разбирая извѣстное мѣсто Гельмольда о Вагирской маркѣ,[180] М. П. Погодинъ, еще въ 1846 году сдѣлалъ

177) В. Г. Васильевскій („Варяго-русская и Варяго-англійская дружина въ Константинополѣ въ XI и въ XII вѣкѣ", Труды; изд. Имп. Акад. Наукъ, СПб., 1908), на основаніи современныхъ событіямъ записей Пселла и Атталіоты, а также армянскаго историка Асохика, доказываетъ, что въ 988 году Владиміромъ Св. былъ отправленъ въ Константинополь 6000-ный русскій отрядъ, и что, по сличенію вышеупомянутыхъ Пселла и Атталіоты, видно, что въ это время византійскіе историки употребляли для обозначенія этихъ отрядовъ безразлично термины варяги и Русь (ibidem, стр. 373—382); далѣе, что послѣ битвы при Гастингсѣ и особенно послѣ 1085 года, какъ то слѣдуетъ изъ Г. Малатерра и Ордерика Виталія, корпусъ вэринговъ состоялъ главнымъ образомъ изъ англичанъ, „Saxones Angli"; такъ у Ордерика стоитъ: „Angli, quos Waringos appellant" (ibidem, стр. 362, 364).

178) Описаніе одного изъ чудесъ Св. Олафа въ сагѣ, носящей его имя, начинается такими словами: „Vaeringus quidam in Russia servum emerat" (см. также выноску 187, гдѣ та же цитата приведена по исландски). Въ сагѣ Haralds konúngs Hardrada (Ant. Russes, II, 22) при описаніи Константинополя говорится о „большомъ числѣ норманновъ, называемыхъ варягами", þar var mikill fjöldi Norðmanna, er þeir kallá Vaeríngja", но далѣе (стр. 47) нордманы отличаются отъ варяговъ: „annara (т. е. многочисленные) Norðmanna ok Vaeríngja." — По мнѣнію В. Г. Васильевскаго, первый корпусъ варанговъ-Руси былъ образованъ въ Константинополѣ въ 988 году изъ 6000-го „русскаго" вспомогательнаго корпуса, посланнаго св. Владиміромъ.

179) „сице бо тии зваху ся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свеи, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте тако и си", Лѣтопись по Лаврентіевскому списку, СПб., 1872, стр. 19.— У продолжателя Амартола: „приплу Русь... иже и скѣди глаголемъ отъ рода Варяжьска сущимъ." Шахматовъ. „Розысканія", стр. 326. — В. Г. Васильевскій („Труды", I, 382) приводитъ отрывокъ Атталіоты, подробно описывающій возстаніе Никифора Вріеннія въ 1077 году противъ императора Михаила Дуки (1071—1078), воспитанника извѣстнаго историка и математика М. Пселла (1018—1076). Братъ Никифора, Іоаннъ, подошелъ къ самому Константинополю и занялъ замокъ Аѳиръ. Оттуда выбиваетъ его варяжскій корпусъ. Въ началѣ разсказа корабли, везшіе этотъ отрядъ, названы „русскими", также какъ и въ концѣ „русскими" названы ворвавшіеся въ замокъ воины; въ серединѣ же отрывка тѣ же войска названы „варягами". — Сличеніе этихъ отрывковъ съ Начальной лѣтописью показываетъ, что къ концу XI-го вѣка въ Византіи термины „Русь" и „варяги" употреблялись синонимично, но въ X еще различались, такъ же какъ точно различалъ ихъ (въ большинствѣ случаевъ) и Начальный лѣтописецъ. Въ IX вѣкѣ, какъ видно изъ житія Георгія Амастридскаго и словъ патріарха Фотія, греки начали знакомиться съ терминомъ „Русь", но варяговъ еще не было и ихъ не знали. — Соловьевъ („Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", СПб., Изд. 2., т. 1—V, стр. 95—97) считаетъ варяговъ дружинниками, покинувшими отечество, волею или неволею; тѣ же дружинники — мореходы, по его мнѣнію, назывались греками и арабами Русью.

180) „Маркоманами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяютъ марку. Въ славянской землѣ много марокъ, изъ которыхъ не послѣдняя наша Вагирская провинція, имѣющая мужей сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, какъ изъ датчанъ, такъ и изъ славянъ." Записки Импер. Академіи Наукъ, т. VI (приложеніе № 2), 1864. Цитата эта приводится Погодинымъ изъ „Chronicon Slavorum" Helmold'a, доведеннаго до 1170 года. — Гедеоновъ („Варяги и Русь", 1876, I, стр. 90) указываетъ, что Гельмольдовы вагиры перешли

слѣдующее замѣчаніе: „Чуть ли не въ этомъ углу Варяжскаго моря заключается ключъ къ тайнѣ происхожденія варяговъ и Руси. Здѣсь соединяются вмѣстѣ и славяне, и норманы, и вагры, и датчане, и варяги, и ріустри, и росенгау. Если бы, кажется, одно слово сорвалось еще съ языка Гельмольда, то все бы намъ стало ясно, но, вѣроятно, этого слова онъ не зналъ".[181] Можетъ быть разгадка этого „слова" и лежитъ въ связи между фризами и Русью, въ тождествѣ Рорика изъ Фрисландіи и Рюрика нашихъ лѣтописей.

Не только сравненіе лѣтописныхъ источниковъ, но и изученіе сагъ, повѣствующихъ о Владимірѣ и Ярославѣ, можетъ пролить свѣтъ на нѣкоторые изъ затронутыхъ нами вопросовъ.[182] Такъ въ сагѣ объ Олафѣ Святомъ[183] имѣется

изъ Видукиндовыхъ варовъ, а тѣ, въ свою очередь, „смѣнили" Эгингардовыхъ линоновъ — глинянъ, принадлежавшихъ къ числу бодричей.

[181]) „Г. Гедеоновъ и его система о происхожденіи Варяговъ и Руси". М. Погодинъ. Записки Имп. Ак. Наукъ, VI (приложеніе № 2), 1864.

[182]) На значеніе сѣверныхъ сагъ, какъ матеріала для изученія русской исторіи, обращалъ вниманіе Байеръ въ Origines Russicae, а Шлецеръ уже въ 1764 году мечталъ о спеціальномъ отдѣлѣ „Исландовѣдѣнія", о чемъ въ 1849 году вспоминалъ Куникъ въ своихъ „Remarques critiques". Тѣмъ не менѣе и Шлецеръ и, особенно, Карамзинъ относились къ сагамъ не только съ осторожностью, но и съ предубѣжденіемъ.

Первый познакомилъ широкую русскую публику съ сагами филологъ, литераторъ и публицистъ О. Сенковскій, напечатавъ въ 1834 въ Библіотекѣ для чтенія Эймундову сагу въ прекрасномъ русскомъ переводѣ; въ 1840 году въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ, т. IV, появился переводъ саги объ Олафѣ Триггвасонѣ протоіерея С. Сабинина и въ 1849 его же исландская грамматика. Началъ пробуждаться интересъ къ сагамъ, и Сенковскимъ была открыта подписка на особый фондъ, которая при участіи Уварова, дала возможность членамъ Датскаго Королевскаго Археологическаго Общества (Kongeligt Nordisk Oldskrift Selskab) Ф. Магнусону († 1847), Рафну и Мунку издать въ 1852 году первый, а въ 1854 г. второй томъ исландскихъ сагъ и другихъ документовъ, относящихся къ Россіи, подъ названіемъ Antiquités Russes, но, какъ говоритъ Лященко („Eymundar Saga", Изв. Ак. Наукъ, 1926, стр. 1064) „русскіе ученые мало интересовались сагой." Переломъ наступилъ уже значительно позже, благодаря трудамъ Васильевскаго, Веселовскаго, Брауна, Лященко, Тіандера и другихъ; въ началѣ столѣтія, по почину Шахматова, Академія Наукъ собиралась приступить къ изданію сагъ, относящихся къ Россіи.

Такое же измѣненіе произошло и на западѣ. Его отмѣтилъ въ своемъ изданіи сагъ Finnur Jónsson, а недавно B. Herman (Saga-Book, v. X, p. I, 1928, p. 116) замѣтилъ: „Въ послѣдніе годы общественное мнѣніе, по вопросу оцѣнки значенія сагъ, какъ историческихъ документовъ, совершило полный поворотъ." — Интересно отмѣтить, что проф. Knut Liestöl изъ Христіаніи, читавшій лекціи въ 1926 г. въ Лондонскомъ Университетѣ, озаглавилъ ихъ: „Modern Saga and the Reliability of Oral Tradition. — О значеніи сагъ и сѣверной литературы для русской исторіи см. Ѳ. А. Браунъ, „Das historische Russland im Nordischen Schriftum des X—XIV Jahrhunderts", Festschrift E. Mogk, Halle. 1924.

[183]) Сага объ Олафѣ Святомъ („Saga Ólafs konúngs helga") входитъ въ составъ цикла историческихъ сагъ, посвященныхъ жизнеописанію королей Норвегіи. Сборникъ этотъ составленъ около 1225 года знаменитымъ исландскимъ историкомъ Снорри Стурлусономъ и носитъ названіе Heimskringla, т. е. „Круглый свѣтъ" (15). Въ своемъ предисловіи Снорри съ благодарностью отзывается о работахъ своего предшественника, отца исландской исторіи Ари Мудраго (1067—1148), hinn froði. Съ семилѣтняго возраста осиротѣвшій Ари поселился въ домѣ престарѣлаго Hall Thórarinsson'a, который, въ молодыхъ годахъ, сражался съ Олафомъ Святымъ (и Гаральдомъ Гардрадой) въ битвѣ 1030 года при Стикльстад'ѣ (Siiklastað). Такимъ образомъ, здѣсь намъ ясенъ источникъ подробныхъ свѣдѣній объ Олафѣ, и, поскольку Heimskringla основана на свѣдѣніяхъ, полученныхъ Снорри отъ Ари, она базируется на разсказахъ Hall'a, т. е. современника и очевидца. —

повѣствованіе, которое, косвеннымъ образомъ, подтверждаетъ древность происхожденія и значеніе родословія Рюрика; это — разсказъ объ Ингигердѣ, дочери гордаго шведскаго короля Олафа Скотконунга. Ингигерда, весьма своевольная царевна, влюбилась и даже была просватана за норвежскаго короля Олафа Большого (будущаго Олафа Святого). Ея отецъ однако считалъ такой бракъ ниже ея достоинства и, несмотря на самое серьезное волненіе среди населенія пограничныхъ съ Норвегіей областей, боявшагося разорительной войны, запретилъ дочери этотъ, какъ будто бы вполнѣ подходящій бракъ. Такъ говорилъ Олафъ Шведскій: — „я выдамъ тебя лишь за такого властителя, съ которымъ мнѣ угодно будетъ вести дружбу".[184] Вскорѣ прибыли „послы отъ конунга Ярислейфа изъ Холмгарда въ восточной странѣ", и тогда „конунгъ Олафъ отнесся къ этому, какъ вполнѣ подходящему дѣлу... и сказалъ, что это его воля, что бы она вышла замужъ за конунга Ярислейфа".[185]

Упорное нежеланіе Олафа Скотконунга выдать Ингигерду за норвежскаго короля и готовность рисковать при этомъ не только престоломъ, но и самой жизнью,[186] казались мнѣ трудно объяснимыми однимъ упрямствомъ и обидами

Прекрасный переводъ съ исландскаго на англійскій сдѣланъ Э. Магнусономъ и В. Моррисомъ въ 1893 г. въ Saga Library (v. IV). Этимъ переводомъ я преимущественно пользовался въ своемъ англійскомъ докладѣ въ Viking Society, „Rorik of Jutland & Rurik of the Russian Chronicles". Saga Book, v. X, 1929, p. 29. — Въ Antiquités Russes, v. I, помѣщены исландскій и латинскій тексты трехъ варіантовъ саги. См. также „Saga Olafs konungs ens Helga", P. A. Munch & C. R. Unger. Christiania. 1853. — Жизнеописаніе Ари помѣщено во 2-мъ выпускѣ Altnordische Saga-Bibliothek (Leipzig 1892) въ видѣ предисловія къ Íslendingabóc Ари. — Объ Ари см. также Васильевскій, Ibidem, стр. 248.

[184]) „Heimskringla", Saga Library, v. IV, p. 141. Въ латинскомъ текстѣ саги стоитъ: „ego te nuptum dabo principi alicui, qui mea amicitia dignus sit", т. е. „кто достоинъ моей дружбы". По исландски: „skal ek þik gipta nokkurum þeini höfđingja er mèr sè eigandi vinátta viđ." (Ant. Russes, I, 321). Отвѣтъ этотъ вызванъ заявленіемъ Ингигерды, что никто не можетъ сравниться храбростью съ Олафомъ, который въ одно утро побѣдилъ пятерыхъ королей и присоединилъ ихъ царства: „Olafr Noregskonungr *tók á einum morni* V *konúnga*..." (*Ibidem*, 320).

[185]) „Ólafr konúngr... sagđi þat vera sinn vilja" (Ibidem, 446) и въ другомъ текстѣ: „regem Olavum promto et facile animo have rem excepisse" (Ibidem, 329). — Дальнѣйшія подробности о Ярославѣ и Ингигердѣ даетъ Эймундова Сага („Saga Eymundar", Ant. Russes, v. II, p. 770; въ т. н. Flateyjarbók эта сага внесена въ сагу объ Олафѣ Святомъ сразу послѣ главы о сватовствѣ Ярослава и Ингигерды). — По русски она была издана въ 1834 году Сенковскимъ въ Библіотекѣ для Чтенія, а также въ V-мъ томѣ полнаго собранія его сочиненій (СПб., 1858, т. V, стр. 421). — Критическій разборъ Саги данъ А. І. Лященко въ статьѣ, „Eymundar Saga и русскія Лѣтописи", Извѣстія Академіи Наукъ, 1926, стр. 1061. — Лященко здѣсь, между прочимъ, доказываетъ, что женитьба Ярослава и Ингигерды произошла не въ 1019, а въ 1016 году, согласно съ разсказомъ Эймундовой саги.

[186]) Въ 1015 году въ Упсалѣ на сеймѣ Олафъ Скотконунгъ Шведскій встрѣтился съ Вестерготландскимъ ярломъ Рагнвальдомъ и сторонниками его стараго „пѣстуна", судьи (Laga-madr, Lagman) Торгни Торгнисон'а. Рагнвальдъ, женатый на Ингеборгѣ, сестрѣ Олафа Триггвасона, имѣлъ связи съ Норвегіей и, въ случаѣ войны, боялся разоренія своего удѣла; съ другой стороны, пользуясь родственными связями (онъ былъ сыномъ Ульфа и племянникомъ Олафа Скотконунга) и, особенно, дружбой съ Ингигердой, старался выдать послѣднюю за Олафа Норвежскаго и тѣмъ добиться прочнаго мира на полуостровѣ. Король шведскій и слышать не хотѣлъ о мирѣ съ Олафомъ. Тогда выступилъ старый Торгни, напомнилъ про походы на востокъ „въ Финляндію, Карелію, Эстонію и Курляндію" стараго Эрика Эймундсона, затѣмъ Бьорна и отца короля, Эрика Побѣдоноснаго. Свою рѣчь онъ закончилъ ультиматумомъ: или согласиться на миръ и выдать

на пограничныя столкновенія; несмотря на свою нелюбовь къ Олафу Большому, шведскій король легко соглашается на бракъ другой своей дочери Астриды съ тѣмъ же Олафомъ; но здѣсь, какъ кажется, и лежитъ ключъ къ разгадкѣ: Астрида была дочерью Едлы, военноплѣнной, хотя и дочери вендскаго графа, и считалась не вполнѣ законной. Гордый Скюльдунгъ еще могъ примириться съ мыслью, что незнатный норвежскій король съ неяснымъ происхожденіемъ отъ Инглинговъ, черезъ Олафа-Дровосѣка, получитъ въ жены, разъ того требуетъ благо государства, дочь рабыни, но „свою" Ингигерду онъ соглашался отдать лишь за Скіольдунга, а Ярославъ, черезъ Рюрика, могъ вести свой родъ отъ Гаральда Гильдетана, тогда какъ самъ Скотконунгъ, внукъ стараго Бьорна, происходилъ отъ Сигурда Ринга, т. е. отъ младшей линіи въ роду Ивара Видфадме. Многія другія мѣста и въ сагѣ объ Олафѣ, и въ сагѣ о его сынѣ Магнусѣ Добромъ подтверждаютъ высокое уваженіе, съ которымъ относились и норвежскіе и шведскіе короли къ нашимъ Рюриковичамъ,[187] и наиболѣе вѣроятное объясненіе этому лежитъ въ долго незабывавшейся связи со Скюльдунгами. Не забудемъ, что и Байеръ считалъ Рюрика Скіольдунгомъ, и что Шлецеръ, хотя и хотѣлъ видѣть въ Рюрикѣ именно шведа, цѣнилъ и выдвигалъ мнѣніе Байера.[188]

Начальная лѣтопись сохранила намъ мало подробностей о княженіи Рюрика; тѣмъ интереснѣе свѣдѣнія объ отношеніяхъ его къ Олегу, которому онъ передалъ, умирая, княженіе и попеченіе о малолѣтнемъ сынѣ Игорѣ: „предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, вѣдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми", какъ стоитъ въ Лаврентіевскомъ спискѣ.[189] Іоакимовская лѣтопись, сохраненная Татищевымъ,[190] называетъ при этомъ Олега шуриномъ

Ингигерду за норвежскаго короля, или... быть брошеннымъ въ воду, какъ „тѣ 5 конунговъ, которыхъ наши предки ввергли за строптивость въ болото у Мора". (Ant. Russes, Saga Olafs konungs helga, ibidem, Глава 81, стр. 290). Олафъ долженъ былъ согласиться, но вскорѣ нарушилъ обѣщаніе и, потомъ, выдалъ Ингигерду за Ярослава. Эпизодъ съ Торгни подробно разобранъ В. Nerman'омъ въ статьѣ „Torgny lagman" (Arkiv f. nordl. filologie, 32, p. 302) и въ послѣдующемъ трудѣ: „Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit", Stockholm, 1929, s. 50. Nerman считаетъ, что походы Эрика († 882) относятся къ 850—860 году, т. е. къ періоду основанія русскаго государства.

[187]) Въ сагѣ объ *Олафѣ Святомъ описывается* какъ въ 1029 году Ярославъ и Ингигерда радушно встрѣтили Олафа, бѣжавшаго изъ Норвегіи послѣ возстанія противъ него мѣстныхъ владѣтелей и дали ему земли для „кормленія" себя и дружины (глава 191) и, далѣе, о возвращеніи въ Норвегію, оставляя въ Россіи сына Магнуса (глава 203). Здѣсь, не столько описаніе фактовъ, сколько тонъ повѣствованія, показываетъ, что характеръ отношеній былъ не только какъ у государя менѣе сильной страны къ болѣе могущественному, но и какъ у младшихъ по родословной лѣстницѣ къ старшему. Очень интересны и описанія чудесъ, совершавшихся и при жизни, и по смерти Олафа въ Россіи. Между прочимъ, описаніе одного чуда [Jarteign], начинается съ упоминанія „о варягахъ, служившихъ въ Россіи" [„Væríngi einn í görđum austr keypti", Ibidem, p. 470].

[188]) „*Bayer erklärte sie*" (*diese Waränger*") „fest für Skandinavier aber besonders für Abkommlinge von den kngl. dänischen Skjöldung Geschlecht." — „Несторъ. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, uebersetzt und erklärt" Göttingen, 1802, s. 270.

[189]) Лѣтопись по Лаврентіевскому Списку. Изданіе Археографической Коммиссіи. СПб., 1872., стр. 22.

[190]) „Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ... собранная и описанная... В. Н. Татищевымъ. *Москва*, 1768. Книга *Первая, часть первая, стр.* 35: „Видѣвъ же сына Ингоря вельми юна, предаде княженіе и сына своего шурину своему Ольгу, Варягу сущу князю

Рюриковымъ и даже сообщаетъ имя сестры Олега, Ефанда, соотвѣтствующее скандинавскому Alfvind; при этомъ Ефанда называется дочерью князя Урманскаго, а самъ Олегъ княземъ Урманскимъ (Норманскимъ). По мнѣнію академика Шахматова въ основномъ новгородскомъ сводѣ 1050 года сразу послѣ повѣствованія о приходѣ князей въ Новгородъ и о новгородскихъ людяхъ стояло: „И бысть у нихъ кънязь, именемъ Ольгъ, мужъ мудръ и храбъ... и бѣша у него мужи Варязи Словѣне, отътолѣ прозвашася Русию. Сии же Ольгъ нача грады ставити и дани устави..." [191]

Сопоставленіе этихъ немногихъ отрывочныхъ свѣдѣній позволяетъ все же намъ отмѣтить, что съ Олегомъ преданіе связываетъ появленіе въ Новгородѣ другого слоя или другой группы пришельцевъ, отличныхъ отъ спутниковъ Рюрика. Если послѣдніе въ большинствѣ своемъ были Русью, то эти, „Варязи словѣне" толко „прозвашася Русию", да и самъ князь ихъ, отъ котораго пошли „тѣ времена и лѣта Ольговы",[192] не былъ Скіольдунгомъ,[193] но, будучи „княземъ Урманскимъ", былъ норманомъ — норвежцемъ. Имя Олегъ — Helgi указываетъ и на ту часть Норвегіи, откуда онъ былъ родомъ, а именно Галогаландъ.

Адамъ Бременскій, говоря о Галогаландѣ, переводилъ это названіе словами „святая" или „священная" земля.[194] Въ настоящее время соотвѣтствующая норвежская провинція также продолжаетъ носить названіе Helgeland, что по мнѣнію

Урманскому". Къ свѣдѣніямъ, даваемымъ Іоакимовской Лѣтописью, приводимой Татищевымъ въ началѣ своего труда, долгое время существовало недовѣріе, ярко выразившееся въ отзывѣ Карамзина, а также у Голубинскаго и у другихъ. Съ другой стороны, Бутковъ („Оборона лѣтописи русской Несторовой", СПб., 1840), а особенно П. А. Лавровскій („Изслѣдованіе о лѣтописи Іоакимовской", СПб. 1855, Уч. Зап. II отд. Имп. Ак. Наукъ, т. II), Линниченко (Ж. М. Н. П., 1883, стр. 236) и Сениговъ („О Новгородскихъ лѣтописяхъ и о Россійской исторіи Татищева", Москва, 1888) съ убѣдительностью доказали добросовѣстность Татищева въ подборѣ и изданіи матеріаловъ и достовѣрность даваемыхъ имъ свѣдѣній. Слѣдуя за Лавровскимъ, авторъ считаетъ возможнымъ пользоваться всей второй частью Іоакимовской Лѣтописи (отъ призванія князей) на такомъ же основаніи, какъ мы пользуемся русскими лѣтописями, западными анналами и сѣверными сагами, т. е. сличая одно извѣстіе съ другимъ и примѣняя т. н. малую критику Шлецера.

[191]) „Розысканія", стр. 612 [Приложеніе подъ заглавіемъ: „Б. Новгородскій сводъ 1050 года съ продолженіемъ до 1079"].

[192]) М. Г. Халанскій, „Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ", Ж. М. Н. П., 1902, страница 290.

[193]) Халанскій, ibidem, стр. 290, приводитъ указаніе лѣтописи XVII в., что Олегъ былъ племянникомъ Рюрика. Татищевъ (Ibidem, 35) считаетъ Олега шуриномъ, братомъ Ефанды (Alfvind), жены Рюрика, и княземъ „Урманскимъ"; при этомъ Татищевъ ссылается на раскольничій манускриптъ, гдѣ Олегъ названъ „Вуй Ингоря", т. е. братъ матери (Ibidem, стр. 48). Свидѣтельство „Нестора": „отъ рода ему суща", Татищевъ тоже понимаетъ, какъ свойственника. Придерживаясь этой точки зрѣнія, мы считаемъ Олега за выходца изъ „Урманіи" — Норвегіи (Бутковъ, Ibidem, 303) и именно изъ Галоголанда.

[194]) „Tercia est Halagland insula vicinior Nortmanniae" (далѣе слѣдуетъ описаніе полунощнаго солнца на сѣверѣ лѣтомъ). — „Hoc ignorantes pagani terram illam vocant sanctam et beatam) quæ tale miraculam præstat mortalibus" („Mag. Adami Gesta" Pertz, Scriptorum v. VII, 385, Адамъ Бременскій описывалъ Галоголандъ какъ большой островъ, размѣрами не менѣе Исландіи или Гренландіи; эта ошибка его была исправлена его схоліастомъ, помѣтившимъ, что Галоголандъ „это наиболѣе отдаленная часть Норманіи и ближайшая къ Скридфинамъ", т. е. лапландцамъ (Adami Gesta Ibidem, p. 385, Schol. 152).

Мунка происходитъ отъ болѣе древней формы Helgaland; самая же форма Halogaland или Haaloga-land, по его мнѣнію, произошла отъ halugr, архаической формы heilagr — святой.[195] Такимъ образомъ Helgi — Олегъ можетъ разсматриваться какъ производное отъ имени страны, т. е. какъ прилагательное. Каково же было настоящее имя Олега? Уже давно высказывалась мысль, не скрывался ли нашъ Олегъ подъ именемъ уже упоминавшагося нами выше, въ связи съ „Орозіемъ" Альфреда Великаго, галоголандца Отара.[196] Посредствующимъ звеномъ при этомъ бы являлся знаменитый Орваръ-Оддъ, Орваръ-Стрѣла, или, вѣрнѣе, Орваръ „съ остріемъ стрѣлы", иначе Oddr-vidsförli, „многостранствовавшій". Передъ отъѣздомъ въ Біармію Оддъ получилъ отъ отца своего Грима три заколдованныхъ стрѣлы, поражавшихъ враговъ и, какъ бумерангъ, возвращавшихся обратно, откуда и его прозваніе Oervar-Oddr. Путешествіе въ Біармію и сближаетъ его съ Отаромъ, но подробный разборъ саги объ Оддѣ и путешествія Отара, сдѣланный Тіандеромъ,[197] съ убѣдительностью показываетъ, что тогда какъ путешествіе Отара преслѣдовало мирныя торговыя цѣли, предпріятіе Одда и брата его Гудмунда было настоящимъ набѣгомъ викинговъ, и отождествлять Одда съ Отаромъ нельзя. Правда, что во время набѣга Оддъ отказывается грабить беззащитныхъ женщинъ, но тутъ уже сказывается благородство его исключительной натуры; та же натура, стяжавшая ему всеобщее поклоненіе и у себя и въ чужихъ краяхъ, видна и въ томъ, что онъ считалъ постыднымъ кланяться пнямъ и камнямъ[198] и съ насмѣшкой отнесся къ предсказанію о смерти отъ коня.[199] Послѣдній эпизодъ уже издавна приводился въ пользу того, что Оддъ и Олегъ одно и то же лицо. И дѣйствительно, если нѣтъ основаній считать Одда за Отара, а наоборотъ, многое говоритъ за то, что оба эти галоголандца — равно замѣчательные, но отличные другъ отъ друга люди, то, съ другой стороны, не только эпизодъ коня и пребываніе Одда въ Гардарикѣ ландверманомъ — воеводой русскаго конунга, но и самый характеръ и все духовное обличье Одда сближаетъ его съ Олегомъ Вѣщимъ.

Подобное сближеніе дѣлалось не разъ, начиная съ середины XVIII вѣка; такого же мнѣнія держался и Куникъ, но наиболѣе полную и исчерпывающую картину вопроса, какъ по матеріалу сагъ, такъ и по нашимъ лѣтописямъ, даетъ недавнее изслѣдованіе А. І. Лященка, подъ заглавіемъ „Лѣтописныя сказанія о смерти Олега Вѣщаго",[200] гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: „Объясненіе имени Олега въ значеніи прозвища Вѣщій позволяетъ намъ рѣшительнѣе ото-

---

[195]) „Det norske Folks Historie", 1851—64. Нѣмецкій переводъ, Lubeck, 1853—54; I, s. 98.

[196]) Эта гипотеза высказывалась Шегреномъ и Буромъ (Тіандеръ. „Поѣздки скандинавовъ въ бѣлое море", СПб., 1906, глава XVI, стр. 132).

[197]) Тіандеръ. Ibidem, стр. 135.

[198]) Antiquités Russes, v. I, 1850, p. 93. „Extraits D'Örvarooddssaga", гдѣ даны, въ извлеченіяхъ, главныя части саги. Полное изданіе саги сдѣлано голландскимъ историкомъ R. C. Boer'омъ. „Oervar-Odds saga", Leiden, 1888. См. также Altnordische Saga-Bibliothek, Heft. 2. „Qrvar-odds saga", Halle a S., 1892. — Это мѣсто разбирается у Тіандера (ibidem, p. 114) и у Лященка (200).

[199]) Antiquités Russes, II, 96; разборъ этого мѣста см. А. І. Лященко (200 и R. C. Boer (198).

[200]) Извѣстія Отд. Русскаго Языка и Словесности Академіи Наукъ, 1924, стр. 254—288.

жествить Олега съ норвежцемъ Оддомъ"; тамъ же Лященко высказываетъ мнѣніе, что имя Олега — Helgi нашъ князь получилъ отъ своихъ дружинниковъ послѣ побѣдоносныхъ походовъ, по старому скандинавскому обычаю. Выше мы приводили рядъ аналогичныхъ указаній и соображеній по поводу имени Бравлина и бравальской битвы.

Тождественность Одда и Олега можетъ помочь намъ уяснить нѣкоторыя лѣтописныя свѣдѣнія объ Олегѣ, казавшіяся неясными. Шахматовъ въ „Розысканіяхъ" подробно останавливается на вопросѣ о взаимоотношеніяхъ Рюрика, Олега и Игоря[201]; указываетъ, что, говоря о двухъ послѣднихъ, лѣтописецъ употребляетъ двойственное число, какъ бы считая обоихъ за князей, а, затѣмъ, какъ выходъ изъ неяснаго положенія, считаетъ Олега воеводой Игоря. Неясность эта объясняется тѣмъ, что Рюрикъ и сынъ его Игорь, какъ Скіольдунги, принадлежали къ царственной линіи и были „верховными" конунгами, Олегъ же, хотя и князь и роду „княжа", но не былъ ни Скіольдунгомъ, ни Инглингомъ. По происхожденію изъ Галоголанда онъ, всего вѣрнѣе, принадлежалъ къ роду Сэминговъ, изъ которыхъ были древніе конунги Галоголанда и всей земли трондовъ; изъ этого рода былъ впослѣдствіи и одинъ изъ королей Норвегіи, Гаконъ II, но въ описываемое время на норвежскомъ престолѣ былъ Гаральдъ Прекрасноволосый, а прежніе галоголандскіе конунги сошли на роль ярловъ. Поэтому и Олегъ по отношенію къ Рюрику долженъ былъ стать въ нѣсколько подчиненное положеніе; лѣтопись и отмѣчаетъ этотъ фактъ, говоря, что Олегъ дѣйствуетъ отъ имени Рюрика, какъ его „воевода", тогда какъ сага говоритъ, что Одду была поручена охрана границъ государства landvörn. Въ вышеприводившемся эпизодѣ съ Аскольдомъ всѣ эти оттѣнки отношеній отмѣчены Начальнымъ Лѣтописцемъ чрезвычайно точно: про себя Олегъ говоритъ — „азъ есмь роду княжа" („азъ есмь князь"), но прибавляетъ, вынеся Игоря, „а се есть сынъ Рюриковъ"; и посламъ велитъ говорить отъ лица „Олега и отъ Игоря княжича".; къ Аскольду и Диру обращается какъ къ своимъ, къ „нордманамъ", къ „родомъ своимъ", но нападеніе на нихъ мотивируетъ опредѣленно: „вы нѣста князя ни рода княжа", т. е. вы не князья ни *по положенію*, ни по происхожденію.[202] Такимъ образомъ и въ отношеніяхъ Олега къ Рюрику можно видѣть косвенныя указанія на неоспоримую знатность происхожденія послѣдняго, что, при взаимоотношеніяхъ главныхъ скандинавскихъ родовъ въ IX вѣкѣ, можетъ указывать лишь на линію Скіольдунговъ и въ, конечномъ итогѣ, подтверждаетъ взглядъ о тожествѣ обоихъ Рюриковъ.

Съ Олегомъ должно было явиться въ Новгородъ немало его сородичей галоголандцевъ; это и было вѣроятно его „мужи Варязи", о которыхъ мы говорили выше. До насъ дошла одна сага, хотя и записанная въ концѣ XII вѣка, но весьма

[201]) Розысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ". СПб., 1908. — Этотъ вопросъ разбирается въ главѣ XIII-й, озаглавленной „Сказанія о первыхъ русскихъ князьяхъ", §§ 205 и 206.

[202]) Слѣдуя за Грушевскимъ, отрицательно относящимся къ эпизоду объ Олегѣ и Аскольдѣ, Шахматовъ (Ibidem, стр. 316—321) хочетъ видѣть у лѣтописца тенденціозное изложеніе событій, дабы оправдать мысль объ единовластіи Рюрика. Основаніе для сомнѣнія не только въ правдивости, но и въ точности разсказа Начальнаго Лѣтописца тотчасъ же отпадаетъ, какъ только мы встанемъ на предлагаемую точку зрѣнія о происхожденіи Рюрика изъ царственнаго рода Скіольдунговъ, а Олега — изъ Галоголанда.

достовѣрно описивающая событія въ Галоголандѣ въ эпоху объединительныхъ походовъ Гаральда Прекрасноволосаго, т. е. какъ разъ въ интересующіе насъ семидесятые годы IX вѣка; это т. н. сага объ Эгилѣ.[203]

Главнымъ героемъ саги является въ началѣ братъ отца Эгиля Торольфъ. Этотъ Торольфъ былъ представителемъ одной изъ знатнѣйшихъ галаголандскихъ семей и въ битвѣ при Хафрсъ-фіордѣ, въ 872 году, когда была окончательно сломлена сила противниковъ Гаральда, сражался на его сторонѣ и своей храбростью заслужилъ уваженіе и благодарность короля. Въ награду получилъ онъ должность сборщика податей и намѣстника Гаральда въ сѣверныхъ областяхъ Норвегіи, населенныхъ финнами.[204] Племена, непосредственно подчинявшіяся Торольфу и дружившіе съ нимъ, были квены или каяны, жившіе по обѣ стороны Ботническаго залива; на востокѣ „Каянская земля" доходила до Кареліи и Водской пятины, и квены, въ союзѣ съ дружинниками Торольфа, вели постоянную борьбу съ корелами. Сага говоритъ, что въ 877 году Торольфъ устроилъ большой мѣновой торгъ — ярмарку съ обитателями Финмаркена, и, когда онъ былъ на восточной окраинѣ своей области, къ нему пришли потусторонніе квены отъ ихъ князя Фаравида просить помощи противъ кореловъ; при этомъ они обѣщали Торольфу „царскую" долю добычи, т. е. треть всего, а также медвѣжьи шкуры и всѣхъ соболей.[205] Торольфъ съ Фаравидомъ отправились на кореловъ и побѣдили ихъ, а затѣмъ Торольфъ вернулся обратно въ Галоголандъ и тамъ представилъ Гаральду собранную дань и добычу.

[203]) Сага описываетъ событія въ Норвегіи и Исландіи съ 860 года и по 982, т. е. съ начала царствованія Гаральда Прекрасноволосаго и до смерти Эгиля. Героями саги являются представители трехъ поколѣній знатной галоголандской семьи изъ Рафниста: Квельд-ульфъ (Ночной Волкъ), его сыновья Торольфъ и Скалла-гримъ (Гримъ Лысый) и сынъ послѣдняго Эгиль. Послѣ смерти Торольфа, убитаго Гаральдомъ, началась долгая кровавая месть между потомствомъ Квельд-ульфа и Инглингами, кончившаяся выселеніемъ Ульфовичей въ Исландію, гдѣ они поселились на западномъ берегу острова въ Боргѣ. Такъ какъ Снорри Стурлусонъ также жилъ въ Боргѣ (съ 1201 по 1206 г.), то многіе считаютъ эту сагу произведеніемъ самого Снорри. Подробное критическое изданіе саги см. „Egils Saga Skallagrímssonar", Finnur Jónsson, 2 изд. Altnordische Saga-Bibliothek, Halle, 1924. — Введеніе даетъ подробный очеркъ событій, описываемыхъ въ сагѣ, значенія данной саги какъ литературно-историческаго памятника, а также данныя о рукописяхъ саги и ея главныхъ изданіяхъ. Извлеченія изъ саги (исландскій и латинскій текстъ) помѣщены въ II-мъ томѣ Antiquités Russes (II, 248).

[204]) Въ главѣ XV-ой, гдѣ говорится о второмъ походѣ Торольфа въ Финляндію, находится извѣстное описаніе ея: „Finnmǫrk er storliga við (Ibidem, p. 46), т. е. Финмаркъ является обширной страной; на западѣ онъ граничитъ моремъ, откуда врѣзаются въ него большіе заливы (фьорды); моремъ же ограниченъ онъ съ сѣвера и окруженъ далѣе къ востоку; но къ югу лежитъ Норвегія; и Финмаркъ тянется рядомъ почти со всѣми провинціями къ югу, такъ же и Галоголандъ. Но къ востоку отъ Наумдаля лежитъ Ямталандъ, затѣмъ Гельсингаландъ и Квенландъ, затѣмъ Финландъ (Finnland — Финляндія), затѣмъ Карелія (Kirjálaland); къ сѣверу отъ всѣхъ этихъ странъ лежитъ Финмаркъ... Озера Финляндіи удивительно велики и вокругъ озеръ лежатъ большіе лѣса." — Съ этимъ описаніемъ интересно сравнить слова Отара у Альфреда Великаго „о большихъ прѣсноводныхъ озерахъ" (10).

[205]) „... at konungr skyldi hafa ór hlutskipti þriðjung við liðmenn ok um framm at afnámi bjorskinn ǫll ok safala ok askraka" (Ibidem, p. 46). Послѣ экспедиціи Торольфъ (Þórólfr) и Фаравидъ, король Квенландіи (Faravið konungr af Kvenlandi), разстались друзьями, и Торольфъ отправился обратно къ себѣ въ Sandness черезъ Vefsnir, вокругъ Ботническаго залива. Это и есть тотъ другой путь, который мы упоминали при нападеніи дановъ изъ Бирки на Новгородъ (91).

На этихъ подробностяхъ экспедицій галоголандцевъ въ Карелію и Финляндію интересно остановиться потому, что онѣ проливаютъ свѣтъ на происходившія по сосѣдству съ Новгородомъ событія въ Рюриково время; мы видимъ, что и тамъ, и у насъ нѣкоторыя финскія племена были въ союзѣ съ скандинавами, другія воевали съ ними: съ первыхъ они брали дань, со вторыхъ добычу; каяны дружили съ нордманами и вмѣстѣ ходили на кореловъ; чудь, весь и меря опирались на ильменскихъ славянъ, тяготѣли къ Новгороду и торговали съ Русью. Новгородъ — Гольмгардъ,[206] какъ мы видѣли выше, еще въ 852 представлялъ для датскихъ викинговъ не менѣе заманчивую добычу, чѣмъ сама Бирка, и долженъ былъ привлекать не только заморскихъ сосѣдей, но и галоголандцевъ, хорошо развѣдавшихъ къ этому времени пути въ Карелію и къ Ладожскому озеру. Этимъ путемъ и долженъ былъ прійти въ Новгородъ со своими нордманами Олегъ, и этимъ, быть можетъ, объясняется и то, что, когда подъ старость лѣтъ онъ задумалъ вернуться къ себѣ на родину „за море“, то выбралъ не двинскій путь, а „шведскій“, Ладожскимъ озеромъ и Финскимъ заливомъ. Въ Новгородѣ Олегъ и его мужи встрѣтились съ давно уже налаженными торговыми связями съ Русью

---

[206]) „Vita St. Anskarii, Pertz., Scriptorum, II, p. 104. — О переселеніи Рюрика „отъ стараго въ Новый градъ великій ко Ильменю“ упомянуто въ Іоакимовской лѣтописи у Татищева. Константинъ Багрянородный, описывая торговый путь „изъ Варягъ въ Греки“ называетъ Новгородъ Немогардомъ: „Суда, на которыхъ Россы приходили ко Царюграду, были изъ Немогарды (Новгорода), столицы россійскаго князя Сфендосѳлава, сына Ингорева, также изъ Милиниски (Смоленска) и т. д.“ (Погодинъ, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, III, 246). Здѣсь Новгородъ называется столицей. — Лаврентьевская Лѣтопись, излагая (подъ 862 годомъ) уходъ Аскольда и Дира изъ Новгорода, говоритъ: „И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо, узрѣста на горѣ градокъ...“; здѣсь послѣ мимо пропускъ. Барацъ („Происхожденія Лѣтописнаго Сказанія ѳ началѣ Руси“, Труды, т. I, 1927, Парижъ, стр. 778), прибавивъ „разночтенія“ изъ другихъ списковъ, предлагаетъ слѣдующій возстановленный текстъ: „И поидоста (изъ Новагорода) по Днѣпру (и идучи мимо Смоленскъ, и не явистася къ Смоленску, зане градъ великъ и многъ людьми. И приплыста подъ горы Кіевскія) и узрѣста на горѣ градокъ (малъ)...“ Подобно вышеприведенному отрывку изъ Константина Багрянороднаго, здѣсь упоминаются Новгородъ, Смоленскъ и Кіевъ, но указывается, что и Смоленскъ былъ больше и многолюднѣе Кіева. Новгородъ долго сохранялъ на Руси свое первенствующее положеніе и, какъ замѣчаетъ Гедеоновъ [„Варяги и Русь“, I, 109], считался старшимъ городомъ на Руси. Здѣсь Гедеоновъ ссылается на Лаврентьевскую Лѣтопись (ibidem, стр. 177), гдѣ говорится: „А Новгородъ Великый старѣйшиньство имать княженью во всей Руськой землѣ.“ Вестбергъ („Къ Анализу восточныхъ источниковъ о Восточной Европѣ“, Ж. М. Н. П., 1908, февр.) думаетъ, что свидѣтельство арабскаго „Первоисточника“, относимаго имъ ко времени основанія Русскаго Государства, о „Руси... на островѣ, окруженномъ озеромъ“, относится къ Новгороду — Holmgard'у. — Саги и сѣверныя лѣтописи, вплоть до временъ Кнута Лаварда, говоря о Россіи, часто называютъ ее Голмгардіей („Haraldr var konungr austr i Hólmgardi“, Knytlinga Saga, Ant. Russes, II, 135); см. также Гедеоновъ (ibidem, I, 35). — О сношеніяхъ Бирки съ Новгородомъ упоминается въ сагахъ, напр. въ Сагѣ о Магнусѣ Добромъ. Подобно тому, какъ торговля съ Сурожемъ дала свое имя сурожскимъ купцамъ и суровскимъ товарамъ (Васильевскій, Ж. М. Н. П., 1889, Май, стр. 151), такъ и имя новгородецъ стало нарицательнымъ для торговца новгородскими товарами. Такъ въ Ипатьевской Лѣтописи, подъ 1289 г., стоитъ: „И тако плакавшися надъ нимъ“ (Владимиромъ Васильковичемъ Галицкимъ) все множество Володимерцевъ, мужи, и жены, и дѣти, Нѣмьци, и Сурожьцѣ, и Новгородци...“ Барацъ, Труды, I, 493, 494. — См. также у Соловьева, „Исторія Россіи“, т. I, изд. 2, стр. 104: „Воздадимъ здѣсь честь Новгороду, старшему сыну Россіи: онъ призвалъ того князя, котораго роду предназначено было великое дѣло.“

и Швеціей, и, въ свою очередь, принесли тѣ связи и навыки по торговлѣ пушниной съ финнами, которые мы видѣли у галоголандцевъ по сагѣ объ Эгилѣ. Такимъ образомъ, силою вещей Новгородъ становился центромъ для всей сѣверной торговли, и, тогда какъ Торольфъ еще долженъ былъ везти свои мѣха изъ Кареліи черезъ весь Финмаркенъ въ Галоголандъ, „мужи“ Ольговы имѣли подъ рукой Новгородъ и налаженныя торговыя связи съ Биркой, а вскорѣ, и Константинополемъ — Миклигардомъ.

Всѣ перечисленные элементы, сливаясь и переплетаясь, наложили свою печать на исторію и учрежденія Новгорода Великаго, начиная съ фризовъ—Руси, предшественниковъ и предвозвѣстниковъ Ганзы, и кончая дружинами Олега и Рюрика. Съ послѣднимъ, по словамъ Курбскаго[207] „вышли отъ нѣмецъ... княжатъ седмь мужей храбрыхъ и благородныхъ... племени княжатъ Решскихъ“ (т. е. имперскихъ).[208] Такимъ образомъ, съ одной стороны зародыши феодальныхъ отношеній имперіи Карла Великаго, съ другой чисто удѣльные навыки нордманскихъ владѣтелей изъ Галоголанда — все это на почвѣ обширной и цвѣтущей торговли, какъ мѣстной, такъ и транзитной, — вотъ та основа, на которой выросъ и окрѣпъ, гордость нашей ранней исторіи, Господинъ Великій Новгородъ. И немудрено, что въ учрежденіяхъ, законахъ и договорахъ его чувствуется что-то свое, родное и норману, и готландцу, и обитателю Рустрингена.[209]

Итакъ, въ Новгородѣ и черезъ Новгородъ многіе изъ нашихъ сосѣдей и ближнихъ, и дальнихъ приняли участіе въ постройкѣ Русскаго Государства: даны, свеи и фризы-Русь, со Скіольдунгомъ Рюрикомъ во главѣ, галоголандскіе нордманы

---

[207]) „Сказаніе“ кн. Курбскаго. Выдержки приводятся Гедеоновымъ въ Зап. Имп. Академіи Наукъ, 1865, т. *VI*, стр. *50*.

[208]) Курбскій перечисляетъ Морозовыхъ („яже еще вышли отъ нѣмецъ вкупѣ съ Рюрикомъ“), Воронцовыхъ („племени княжатъ Решскихъ“), *Колычевыхъ*, *Шереметевыхъ* („бѣ бо прародитель ихъ... отъ Нѣмецкія земли выѣхалъ, ему же имя Михаилъ, глаголютъ ему быти съ роду княжатъ Решскихъ“). Отъ сына этого Михаила Андрея (иногда называемаго Ивановичемъ) Кобылы ведутъ свой родъ Романовы, Шереметевы, всего 16 родовъ. — Одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ послѣдняго носилъ имя Руссингена (Барсуковъ, „Родъ Шереметевыхъ“) — гербъ Шереметевыхъ сходенъ съ гербомъ, изображеннымъ на данцингскихъ монетахъ XV столѣтія. — Интересно отмѣтить, что пасторъ Гольманъ, въ своемъ *Рустрингенѣ* (стр. 42) указываетъ на сходство герба Новгорода Великаго съ гербами княжескихъ рустрингенскихъ фамилій.

[209]) На сходство *Leges Anglorum* et Verinorum съ русскими древнѣйшими законами обратилъ вниманіе Wiarda въ своей Ostfriesische Geschichte, v. I, S. 54, о чемъ у Hollmanna'a, ibidem, S. 22. — На сходство постановленій Русской Правды съ нормами скандинавскаго и датскаго права обращалъ вниманіе еще Шлецеръ; Эверсъ обращалъ вниманіе на сходство Правды и франкскихъ законовъ. — Такое сходство указываетъ не только на извѣстную общность происхожденія и на оживленныя торговыя сношенія, но и на общность быта и условій жизни. — Чрезвычайно интереснымъ фактомъ является отмѣченное недавно проф. Вадстейномъ (въ статьѣ „Ett vittnesbörd om gammal Frisisk Förbindelse med Ryssland“, Festskrift til Hj. Falk, Oslo, 1927, pp. 289—292) существованіе въ рустрингенскихъ законахъ счета на куны, напр.: „fiuwer skillinga cona“, „thet pund is siugun skillinga cona“, что вполнѣ напоминаетъ наши „гривны кунъ“. Такимъ образомъ новгородскій счетъ на куны, путемъ оживленныхъ торговыхъ сношеній, перешелъ къ фризамъ и особенно долго удержался въ Рустрингенѣ (Ibidem, p. 292), что опять подчеркиваетъ связь Рустрингена и Руси (см. также выноски №№ *95* и *97* о биркахъ и берковцѣ.

Олега, полоцкіе Инглинги — Рогволодовичи,[210] — всѣ сыграли ту или иную роль, всѣ такъ или иначе обогатили наше народное достояніе; но создали его, это достояніе, и дали возможность и другимъ потрудиться надъ его умноженіемъ коренные ильменскіе насельники, „перьвии насельници въ Новѣгородѣ“ [211] — „Словѣне“, ядро русскаго племени и Русскаго Государства.

Описывая княженіе Рюриково и Начальный Лѣтописецъ, и лѣтопись Іоакима отмѣчаютъ лишь одно большое событіе, это походъ Аскольда на Кіевъ,[212] о чемъ мы говорили выше, ставя его въ связь съ завершеніемъ великаго воднаго пути „изъ Варягъ въ Греки“. О внутреннемъ устройствѣ земли Начальный лѣтописецъ говоритъ кратко: „и прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро“.[213] „Іоакимъ“ ту же мысль выражаетъ нѣсколько иначе: „Рюрикъ... облада всею землею, не имѣя ни съ кѣмъ войны. Въ четвертое лѣто княженія его переселися отъ стараго въ Новый градъ великій ко Ильменю, прилѣжа о расправѣ земли и правосудіи... посажа по всѣмъ градомъ князи отъ Варягъ и Словѣнъ, самъ же проименовахся князь великій“ [214];

---

[210]) Лѣтопись по Лаврентіевскому Списку. Ibidem, стр. 74, подъ 980 г.: „Бѣ бо Рогъволодъ прішелъ изъ заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ“ (стр. 74). То же повторяется подъ 1128 годомъ, въ болѣе пространной редакціи: „О сихъ же Всеславичахъ сице есть, яко сказаше вѣдущіи преже: яко Рогволоду держащю и владѣющю и княжащю Полотьскую землю, а Володимеру сущю Новѣгородѣ...“ (Ibidem, стр. 284). — Здѣсь чувствуется желаніе выдѣлить, возвысить полоцкую линію, которую мы считаемъ Инглингами. Возможно, что и вражда между Ярославичами и Всеславичами имѣла извѣстную почву въ происхожденіи послѣднихъ по женской линіи отъ Рогволодовичей — Инглинговъ (220).

[211]) Лѣтопись по Лаврентіевскому Списку. Ibidem, стр. 19. — „и по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ Словѣне.“

[212]) Мы уже отмѣтили выше, что дата похода должна быть перенесена съ 866 года на 860 (См. выноски №№ 100 и 122), и именно на 18 Іюня 860 года, какъ указано у византійскаго хронографа XI вѣка, изданнаго въ 1894 г. бельгійскимъ ученымъ Кюмон'омъ. Это и другія свѣдѣнія подробно разобраны В. И. Ламанскимъ въ трудѣ: „Житіе Св. Кирилла какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ“, Ж. М. Н. П., 1903, Іюнь и Декабрь. Того же мнѣнія о датѣ похода держится и Голубинскій (см. „Исторія Русской Церкви“, Москва, 1901, т. I. стр. 35—50). Съ этимъ походомъ связаны и свѣдѣнія о первомъ крещеніи руссовъ (Ibidem, стр. 51). Съ другой стороны, къ этому же времени относится и крещеніе Рюрика и окончательное принятіе имъ христіанства, ибо въ Ann. Hincm. Rem. подъ 863 г. есть упоминаніе объ обращеніи Гинкмара къ Рюрику съ просьбой не давать у себя убѣжища дочери Карла Лысаго, Юдиѳи, вдовы англійскаго короля Этельвульфа. Юдиѳь, изъ Сенлиса, собиралась бѣжать съ Балдуиномъ Фландрскимъ, за что была отлучена отъ церкви. Карлъ опасался, что Юдиѳь убѣжитъ къ могущественному уже тогда Рюрику, и Гинкмаръ, въ письмѣ, проситъ Рюрика, „nuper ad fidem Christi conversum“, покровительствомъ отлученнымъ не запятнать своего недавно принятаго христіанства [см. Flodoard, Hist. Rem. eccl. III, 26; приводится у Vogel'я Ibidem, pp. 194, 195].

[213]) Лѣтопись по Лаврентіевскому Списку. Ibidem, стр. 20. Въ Радзивилловскомъ спискѣ, послѣ словъ „пояша по себѣ всю Русь, и придоша“, стоитъ: „к словеном первое и срубиша городъ Ладогу и сѣде в Ладозѣ“ (Ibidem, стр. 19). Это мѣсто соотвѣтствуетъ вышеприводимому свидѣтельству Іоакимовской Лѣтописи о переселеніи въ 4-е лѣто изъ „стараго въ Новый градъ великій.“

[214]) „Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ и т. д.“ В. Н. Татищева. Москва, 1768, глава IV. О исторіи Іоакима Новогородскаго Епископа, стр. 29—40 (стр. 35). Въ сагахъ независимый верховный правитель всегда называется конунгомъ, напр. Олафъ Скотконунгъ Шведскій, Ярославъ Русскій или Олафъ Святой Норвежскій; латинскій текстъ сагъ передаетъ это слово — rex (король). Такъ какъ по русски конунгъ превратилось въ князь,

и далѣе объясняетъ этотъ титулъ, какъ соотвѣтствующій греческому „Архикраторъ". Значеніе этого мѣста у „Іоакима" заключается въ томъ, что описываемыя отношенія *въ точности отвѣчаютъ тѣмъ*, которыя существовали у датскихъ Скіольдунговъ; такъ, какъ мы видѣли выше, въ 854 году Рюрикъ на аналогичныхъ условіяхъ получилъ отъ Эрика южную Ютландію, теперь[215] онъ, въ свою очередь, раздаетъ города своимъ мужамъ-ленникамъ и по отношенію къ нимъ становится въ то же положеніе, которое ранѣе Эрикъ занималъ по отношенію къ нему.[216]

Іоакимовская лѣтопись сохранила о Рюрикѣ еще одно любопытное свѣдѣніе. Говоря о женѣ его Ефандѣ, она прибавляетъ: „егда та роди сына Ингоря, даде ей обѣщанный градъ съ Ижорой въ вѣно"[217]; этимъ Алфвиндъ-Ефанда положила

и верховный правитель скоро сталъ именоваться Великимъ Княземъ, то авторъ лѣтописи принужденъ *объяснять послѣдній титулъ изъ греческаго* какъ Архикраторъ или Василевсъ, чтобы отличить Рюрика отъ „вассальныхъ" князей. Въ этой записи вѣроятно чувствуются отзвуки отношеній, принесенныхъ Рюрикомъ изъ Имперіи Карла Великаго и изъ Ютландіи (216).

[215]) *Принимая за годъ призванія* князей, какъ упомянуто выше (862—6), т. е. 856 годъ и считая, что Рюрикъ началъ раздавать города послѣ переселенія въ Новгородъ, получаемъ 860 годъ, какъ начало ленныхъ отношеній на Руси. Вмѣстѣ съ тѣмъ, 860 годъ есть, съ одной стороны, *годъ нападенія* Аскольда на Константинополь (см. выноску 122), а съ другой, годъ перваго крещенія Руси и, вѣроятнаго, крещенія Рюрика. Получается, что Рюрикъ принялся за устройство земли послѣ открытія Великаго Воднаго Торговаго Пути. (212).

[216]) Интересно прослѣдить насколько „навыки" слагающихся феодальныхъ отношеній въ имперіи Карла Великаго могли быть занесены Рюрикомъ и его мужами, „княжатами" Решскими", на Русь. Павловъ-Сильванскій въ *изслѣдованіи* „Феодальныя Отношенія въ Удѣльной Руси", СПб., 1901, видѣлъ въ служнихъ земляхъ (поздн. помѣстьяхъ) западныя бенефиціи. Мы видѣли выше, что и отецъ, и братъ Рюрика, и онъ самъ получали Фризію на опредѣленныхъ условіяхъ (82); *хроники не знаютъ* еще слова feodum, но примѣняютъ какъ терминъ beneficium, такъ и глаголъ держать; такъ говоря о Фризіи, ее долго описывали какъ земли „quos Roricus tenuerat" (233). Аналогичныя съ имперскими существовали полу-феодальныя отношенія и между Эрикомъ и Рюрикомъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что Рюрикъ настаивалъ на правѣ владѣнія Фризіей и по наслѣдству, отъ отца и братьевъ. — Выдвигая гипотезу о тождествѣ Рорика и Рюрика, я также имѣлъ ввиду легкость *сношеній моремъ по налаженнымъ* торговымъ путямъ между Новгородомъ и Ладогой — и Биркой и Ютландіей. Такъ схоліастъ Адама Бременскаго поясняетъ, что „отъ Сконіи Датской мореходцы плывутъ до Бирки 5 дней, а отъ Бирки въ Руссію совершаютъ они путь черезъ море также въ 5 дней" (Бутковъ, ibidem, стр. 109). Нѣкоторымъ намекомъ на желаніе не прерывать сношеній со своими прежними владѣніями является то, что Рюрикъ сначала поселяется въ Ладогѣ; оттуда онъ могъ весьма быстро отправиться и въ *Бирку*, и въ Гаддеби, и далѣе въ Дорестадъ. Поэтому я не вижу противорѣчія въ томъ, что послѣ 862 (856) года Рюрикъ появляется время отъ времени въ Фрисландіи. Также поступали и другіе „норманы", Вильгельмъ и Канутъ, появляясь то во вновь завоеванной Англіи, то у себя на материкѣ.

[217]) Въ Іоакимовской лѣтописи стоитъ: „имѣлъ Рюрикъ нѣсколько женъ, но паче всѣхъ любляше Ефанду, дочерь князя Урманскаго" (Татищевъ, I, стр. 34). Указаніе на князя Урманскаго (норманскаго) вѣроятнѣе всего имѣетъ ввиду владѣтельный родъ Сэминговъ (или Зэминговъ) галоголандскихъ. Вестфольдскіе Инглинги маловѣроятны, такъ какъ въ описываемое время, около 870 года, Гаральдъ Прекрасноволосый, хотя всего и 20 л. отъ роду, уже заканчивалъ объединеніе всей Норвегіи и былъ признаннымъ королемъ; Зэминги взяли его сторону, но не расчитывали ни на что большее, какъ на подтвержденіе ихъ въ достоинствѣ ярловъ, т. е. *князей*. Мы уже указывали выше, что въ роду Зэминговъ часто встрѣчалось имя Гакона, не встрѣчающееся у Скіольдунговъ. Лаврентьевская Лѣтопись въ числѣ пословъ Игоря упоминаетъ: „Прастѣнъ Акунь, нети Игоревъ", т. е. Прастѣнъ, посолъ Акуна (Гакона), сына дочери

начало своего рода традиціи, и Ингигерда уже твердо настаивала, чтобы Ладога со всей Ижорской землей была отдана пріѣхавшему съ ней двоюродному брату Рогнвальду. Такимъ путемъ думали, быть можетъ, наши первыя княгини вѣрнѣе обезпечить связь и поддержку своихъ заморскихъ родичей Земинговъ и Инглинговъ.

Сынъ Рюриковъ Игорь женится на героинѣ нашей лѣтописи Ольгѣ; и имя ея и указанія Іоакимовской Лѣтописи[218] указываютъ на нордманское происхожденіе и, вѣроятнѣе всего, на родъ Земинговъ. Мать Владиміра, Малъфрѣдь, опять носитъ совершенно нордманское имя, также какъ и дѣдъ ея Свѣнельдъ.[219] Мать Ярослава, Рогнѣда, уже принадлежитъ къ роду Инглинговъ, происходя, по всей вѣроятности, отъ Гаральда Прекрасноволосаго и его жены „Снѣгурки“ черезъ Рогнвальда-Рогволода Спиндельшанка.[220] Ярославъ, какъ мы видѣли выше, женится на Ингигердѣ.

Рюрика. Этотъ внукъ Рюриковъ носитъ имя Гакона, весьма вѣроятно, принесенное Ефандой изъ ея рода (Зэминговъ). Такимъ образомъ, имя племянника Игоря Гакона можетъ служить косвеннымъ доказательствомъ происхожденія Ефанды, а, слѣдовательно, и Олега изъ рода Зэминговъ.

[218]) Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 902 годомъ („Въ лѣто 6411“) стоитъ: „Игореви-же възрастъшю, и хожаше по Олзѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Пьскова, именемъ Ольгу.“ У Татищева, въ Іоакимовской лѣтописи: „Егда Ингорь возмужа, ожени его Олегъ, поятъ за него жену отъ Изборска... и нарече во свое имя Олга“ (стр. 35). Тамъ же указывается, что Ольга была изъ рода Гостомысла; эта запись отражаетъ преданіе о княжескомъ происхожденіи Ольги, но изъ другого рода нежели Скіольдунги. Имя ея и указаніе на Олега дѣлаютъ вѣроятнымъ происхожденіе отъ галоголандскихъ Зэминговъ. Указаніе Іоакимовской лѣтописи на Изборскъ интересно сопоставить съ послѣдними изслѣдованіями Биргера Нермана, который, въ вышецитированной работѣ (186) „Die Verbindungen etc.“, S. 49, на основаніи археологическихъ данныхъ, говоритъ: „Die Warjagen am ehesten von Izborsk aus das Land der Čuden beherscht haben. Archäologische Funden in Izborsk und der umliegenden Gegend... scheinen zu zeigen, dass früher dort eine Besiedlung durch eine schwedische Bevölkerung stattgefunden hat.“

[219]) Въ Лаврентьевской лѣтописи, подъ 6508 г., стоитъ: „Преставися Малъѳрѣдь“. По мнѣнію Шахматова (Розысканія, стр. 376) эта запись взята изъ княжескаго Сvнодика. *Малъѳрѣдь*, иначе *Малфрида*, считалась женой Владиміра, но Шахматовъ (тамъ же, стр. 340—378) приводитъ рядъ убѣдительныхъ данныхъ, что Малъѳрѣдь и Малуша одно лицо и, слѣдовательно, не жена, а мать Владиміра. Далѣе Шахматовъ указываетъ, что у польскаго историка Длугоша, писавшаго около 1455 года, но имѣвшаго въ рукахъ и нѣкоторые, неизвѣстные намъ варіанты лѣтописныхъ записей, дважды поставлено вмѣсто князя Мала — Miskin; это послѣднее Шахматовъ считаетъ за Мистинъ — Мстиславъ, и, на этомъ основаніи, слѣдующимъ образомъ читаетъ соотвѣтствующее мѣсто возстанавливаемаго имъ Древняго Новгородскаго Свода 1050 года: „Бѣ бо Володимеръ отъ Малъфрѣди, ключьницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрынина, отецъ же бѣ има Мьстиша Свѣнельдичь, и бѣ Добрыня уй Володимеру“ (тамъ же, стр. 613). Интересно отмѣтить, что имя Малфриды Мстиславовны еще разъ повторяется въ роду Рюриковичей у одной изъ внучекъ Владиміра Мономаха, Malfrid’ы, дочери Гаральда-Мстислава. (См. выноску № 229). Что касается якобы незнатнаго происхожденія Владиміра отъ ключницы (Лаврентьевскій списокъ) Ольгиной, то Барацъ (Собраніе Трудовъ, I, стр. 521) напоминаетъ, что въ Ипатьевскомъ спискѣ и въ лѣтописцѣ Переяславца Суздальскаго стоитъ мѝлостьницѣ, т. е. любимицѣ. Барацъ также полагаетъ, что Малъ и Малъкъ есть нарицательное имя. Если принимать мнѣніе Шахматова о деревской дани и объ убіеніи Игоря Мьстишей, то дочь послѣдняго, какъ военноплѣнная, могла, съ одной стороны, стать у Ольги одновременно и ключницей, и любимицей; съ другой стороны, несмотря на княжеское происхожденіе, могла Рогнѣдой считаться „рабыней“, въ томъ же смыслѣ, какъ и единокровная сестра Ингигерды Астрида была дочерью рабыни Едлы, дочери бодричскаго (вендскаго) князя.

[220]) Лаврентьевская Лѣтопись упоминаетъ о Рогнѣдѣ 2 раза, 1 разъ подъ 980 г. и 2-ой разъ подъ 1128 (210). Въ Тверской лѣтописи имѣется третій отрывокъ, посвященный Рогнѣдѣ и ея

Изъ сыновей Ярослава, одинъ изъ младшихъ, Вячеславъ, по мнѣнію Карамзина,[221] былъ именно тѣмъ русскимъ княземъ, за котораго вышла замужъ рустрингенская принцесса Ода, чѣмъ вновь закрѣплялись старыя фрисландско-рустрингенскія связи; наконецъ, старшая дочь Ярославова, Елизавета-Еллисифъ, стала женой знаменитаго *„пѣнителя морей“ Гаральда Гардрада (Грознаго), норвежскаго.*[222] Этой Елизаветѣ Гаральдъ посвятилъ знаменитые стансы о „Русской Дѣвѣ“, перлъ сѣверной поэзіи, съ которыми по силѣ и нѣжности чувства можетъ сравниться развѣ пѣснь Ярославны въ „Словѣ о полку Игореви“, да предсмертная пѣснь Гіальмара въ Герварарсагѣ.[223]

постриженію въ монашество. Въ первыхъ двухъ Рогнѣда упоминается вмѣстѣ съ сыномъ Изяславомъ, а въ послѣднемъ вмѣстѣ съ младенцемъ Ярославомъ. *Отъ Изяслава († 1005 году)* и его внука Всеслава († 1101) идетъ родъ князей Полотскихъ. Имя Рогволода въ этой линіи встрѣчается часто, такъ его носилъ одинъ изъ сыновей Всеслава, а также одинъ изъ внуковъ его. — Объ этомъ Всеславѣ лѣтопись говоритъ: „его-же роди мати отъ волхованія“; Слово о Полку Игореви представляетъ его оборотнемъ: „Вьсеславъ князь людямъ судяше, княземъ грады *рядяше, а самъ въ ночь волкомъ рыскаше.“ Интересно отмѣтить,* что тоже „волхованіе“ сага о Гаральдѣ Прекрасноволосомъ связываетъ съ одной изъ его женъ Snefrid — Снѣгуркой, дочерью стараго финна въ Гульдбрандсдал'ѣ. Обольщенный чарами, Гаральдъ влюбился въ Snefrid'у и, когда, черезъ нѣсколько лѣтъ она умерла, чуть не лишился разсудка отъ горя. Младшаго сына Снѣгурки звали Ragnvald'омъ и къ нему перешли темныя чары и даръ „волхованія“ его дѣда, стараго финна. Старшій сынъ Гаральда, Эрикъ (Кровавая Сѣкира), впослѣдствіи, за колдованія, убилъ Рагнвальда; весьма вѣроятно, что потомки его, принужденные бѣжать отъ Эрика, спаслись въ Россіи, принеся съ собой родовое имя Рагнвальда — Рогволода, народная же молва, по преданіямъ сагъ, *наградила ихъ даромъ волшебства. Такъ, отъ скальда,* воспѣвавшаго Гаральда Прекрасноволосаго, вѣроятно Тіодвольфа Мудраго, составившаго пѣснь объ Инглингахъ въ началѣ X столѣтія, обрывки преданій о „волхованіяхъ“ Рогволодовичей дошли, черезъ рядъ другихъ скальдовъ, (въ XII вѣкѣ) до Пѣвца „Слова“.

[221]) История Государства Россійскаго, СПб. 1816, т. II, стр. 35 и 334. Карамзинъ ссылается на Historia Archiepiscoporum Bremensium, гдѣ говорится: „Ida, nobilis foemina de Svevia nata, fuerat filia fratris Imperatoris Henrici III ...nupsit Lippoldo, filio, Dominae Glismodis, et peperit Odam... et tradidit Regi Ruziae, cui peperit filium Warteslav...“ Эти же свѣдѣнія приводятся и пасторомъ Hollmanno'омъ въ *Rustringen'ѣ (S. 39), но только Леопольдъ называется* Ludolf, и указывается, что онъ былъ графомъ Дитмарскимъ и Stadienses (Штадскимъ), т. е. Рустрингенскимъ. Кромѣ того, Гольманъ приводитъ изъ Rastädter Chronic, въ нѣмецкомъ переводѣ, нѣсколько иную версію (стр. 37), по которой, якобы сама Ида, овдовѣвъ, вышла замужъ за русскаго князя: „Denn, dieselbe Wittwe Ida hat sich nach Udo, ihres Mannes Tode, verehelichet *an den russischen König, von welchem* sie geboren einen Sohn, Namens ... welcher Grossfürst in Russland geblieben.“ Нѣмецкіе историки, напр. Hübner, хотѣли видѣть, вопреки свидѣтельству Начальной Лѣтописи, въ супругѣ Иды Всеволода, а въ сынѣ Владиміра Мономаха. Карамзинъ полагаетъ, что хроники перепутали Вартеслава съ *Вячеславомъ,* однимъ изъ младшихъ сыновей Ярослава. Н. Баумгартенъ („Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle“, Orientalia Christiana, v. IX, 1927. Римъ, p. 7) считаетъ Оду женой старшаго сына Ярослава, Владимира Новгородскаго (умершаго въ 1052 году), и матерью Ростислава.

[222]) „...Haraldr átti pá Ellisif dottur Jarizleif konúngs or Hólmgardi; móđir hennar var Ingigerđr, *dottir Olafs sœnska.“ Knytlings saga* (о ней см. выноску 229), Antiquités Russes, v. II, p. 127. „Jarizleifr konúngr ok Ingigerđr drottnig áttu dottur, er hèt Elisabeth, þá kalla Norđmen Ellisif“ Saga Haralds konúngs Hardrada. A. R., v. II, p. 20.

[223]) Стансы эти приводятся въ сагѣ Гаральда Грознаго, глава 15 — Saga Haralds konúngs Hardrada, см. Antiquités Russes, vol. II, p. 19—60, гдѣ приведены, въ извлеченіяхъ, оба текста, исландскій и латинскій, саги. Исландскій текстъ стихотворенія приведенъ М. П. Погодинымъ, Норманскій періодъ Русской Исторіи, Москва, 1859, стр. 114. Пѣснь Гаральда

Пятнадцати лѣтъ отъ роду Гаральдъ сражался въ битвѣ при Стикльстэдѣ на сторонѣ Олафа Святого, былъ раненъ и, по выздоровленіи, отправился въ Россію, гдѣ оставался его племянникъ Магнусъ, сынъ Олафа. Все это происходило въ 1030 году[224]; радушно встрѣченный Ярославомъ, Гаральдъ нѣкоторое время оставался въ Россіи, но буйная натура его жаждала подвиговъ, и онъ изъ Гардарика отправился въ Константинополь, гдѣ сталъ начальникомъ корпуса варанговъ — варяговъ[225]; сражался съ арабами въ Сициліи и Малой Азіи и, въ пѣсняхъ посвя-

---

разбита на 6 куплетовъ, каждый посвященъ описанію сраженій или подвиговъ въ Сициліи, Норвегіи, Греціи и т. д., и каждый кончается припѣвомъ:

„þo laetr gerđr i gördum
gollhrings viđ mèr skalla.“
[„Tamen puella, Gardis quae est
annulo aureo ornata, me fastidit“],
т. е.:
„Дѣва, живущая въ Гардѣ,
Золотыми украшенная кольцами, отвергаетъ меня.“

У Карамзина („Исторія Государства Россійскаго“, II, 527) приводится переложеніе прозою, по французскому переводу Маллэ. Очень близкій къ подлиннику переводъ стихами сдѣланъ К. Бальмонтомъ. Приводимъ начало его:

„Вокругъ Сицилійскихъ я плылъ береговъ,
Оружіе наше блистало.
Мой черный драконъ, преисполненъ бойцовъ,
Стремилъ достающее жало.
Валы разсѣкая средь ночи и дня,
Все взять я хотѣлъ своенравно.
Но русская дѣва отвергла меня.“

Весь эпизодъ о Гаральдѣ и Елизаветѣ послужилъ темой для извѣстнаго стихотворенія графа А. Толстого; у него припѣвъ переведенъ словами: „Звѣзда ты моя, Ярославна!“

[224]) Скальдъ Thiodolf такъ описываетъ это сраженіе въ 1-ой главѣ Saga Haralds Konúnsg Hardrada:

„Искры летѣли снопомъ отъ его щита,
Окружая сіяньемъ голову Олафа,
Когда на полѣ у Гауга за короля
Его мечъ наносилъ, а щитъ принималъ ударъ за ударомъ“
Едва лишь пятнадцать зимъ
Видѣлъ побѣдитель полуденныхъ странъ,
Когда палъ мертвымъ его братъ,
И безъ шлема пришлось ему скрыться.

Самъ Гаральдъ, сложилъ послѣ битвы пѣсню, гдѣ онъ говоритъ:

„Сочилась кровь изъ моихъ ранъ
. . . .
. . . .
Когда въ лѣсу спастись хотѣлъ я
Отъ толпы мятежныхъ бондовъ.
Кто знаетъ, думалъ я, настанетъ день
И мое имя, дома, славнымъ станетъ.“

(Heimskringla, Laing, III, 347).

[225]) Глава II саги описываетъ какъ весной 1031 года Гаральдъ и Рагнвальдъ Брусасонъ получили суда и отправились въ „Garđariki til Jarizleifs konúngs“. Тамъ Ярославъ сдѣлалъ Гаральда и Эйлифа Рогволодовича „начальниками обороны страны“ — воеводами. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ

щенныхъ Елизаветѣ, оставилъ намъ описаніе своихъ подвиговъ. Несмѣтныя сокровища, пріобрѣтенныя за эти годы, отправлялъ въ Россію къ Ярославу и съ помощью ихъ мечталъ покорить для „Дѣвы Гарда" весь сѣверъ. Въ 1045 году Гаральдъ былъ обратно въ Россіи, женился на Елизаветѣ и, взявъ свои сокровища, отправился требовать „полъ царства" отъ племянника Магнуса.[226] Въ 1047 г. сдѣлался королемъ Норвегіи, но не будучи въ состояніи удержать Даніи, сталъ готовиться къ завоеванію Англіи. Удобный случай представился ему въ 1066 году, когда къ нему перешелъ ярлъ Тостыгъ, братъ послѣдняго саксонскаго короля Англіи Гаральда Годвинсона. Съ флотомъ въ 350 судовъ, напоминавшимъ экспедиціи Рюрика, съ тридцати-тысячной арміей, съ королевой Елизаветой, сыномъ Олафомъ и дочерьми Маріей и Ингигердой, отправился Гаральдъ къ сѣверу Англіи, разбилъ первые англійскіе отряды у Фульфорда и занялъ Іоркъ; сюда спѣшилъ съ главными силами Гаральдъ англійскій и настигъ нордмановъ при Стамфордскомъ мосту. Сначала сраженіе развивалось въ пользу Гаральда, но, преслѣдуя англійскую кавалерію, нордманы разстроили ряды; Гаральдъ бросился впередъ, и тутъ шальное копье пронзило его. Сынъ его Олафъ вернулся на Оркнейскіе острова, гдѣ оставалась Елизавета съ младшей Ингигердой.[227] Такъ

Гаральдъ отправился въ Византію, и въ слѣдующихъ главахъ описываются его подвиги во главѣ корпуса ‚варанговъ'. Глава V говоритъ: „Въ Африкѣ Гаральдъ пробылъ нѣсколько лѣтъ, собравъ несмѣтное количество самоцвѣтныхъ камней и всякихъ драгоцѣнностей: все, что не было ему нужно для немедленныхъ расходовъ, отправлялъ онъ съ вѣрными людьми въ Новгородъ къ конунгу Ярославу." Послѣ безчисленныхъ подвиговъ и приключеній, Гаральдъ Чернымъ моремъ *поплылъ* въ Россію, слагая по дорогѣ пѣсни своей „Еллисифъ" (223). Онъ прибылъ въ Новгородъ, какъ говоритъ сага, въ 1045 году. XVI глава саги описываетъ женитьбу Гаральда и Елизаветы. Въ концѣ, говоря объ отъѣздѣ молодыхъ изъ Ладоги въ Сигтуну, въ Швеціи, скальдъ Valgarđr af Velli говоритъ: „Отъ дальнихъ русскихъ береговъ, — храбрый Гаральдъ везетъ домой — съ прекраснѣйшей добычей — золото и славу, воспѣваемую скальдами."

[226]) Глава XXIII саги озаглавлена: „Конунгъ Магнусъ даетъ Гаральду половину Норвегіи", а глава XXIV. „Гаральдъ даетъ конунгу Магнусу половину своихъ сокровищъ." Въ 1047 году король Магнусъ Добрый умеръ и Гаральдъ *сталъ королемъ Норвегіи. Въ XXXIII главѣ* говорится, что у Гаральда и Елизаветы было 2 дочери, Марія и Ингигерда. Глава XXXVI даетъ очень симпатичную характеристику Гаральда, упоминаетъ о его покровительствѣ исландцамъ и говоритъ, что исландскія саги, воспѣвающія его подвиги, „представлялись ему или его сыновьямъ". Васильевскій („Труды", ibidem, p. 258) въ главѣ, озаглавленной „Дѣйствительная исторія Гаральда и его вэринговъ въ Константинополѣ", считаетъ, что и для правильнаго сужденія о подвигахъ Гаральда въ южныхъ странахъ нужно основываться на показаніяхъ очевидцевъ и современниковъ, т. е. скальдовъ, пѣсни коихъ вкраплены въ сагу, подобно тому (добавимъ), какъ Inglinga-Tal вкраплена въ Inglinga-Saga.

[227]) Событіямъ 1065 года посвящены главы LXXVI—LXXXI. Въ LXXXII излагается о пріѣздѣ брата Гаральда Англійскаго, ярла Тостыга, въ Норвегію съ предложеніемъ завоеванія Англіи. Въ LXXXVI главѣ говорится объ отплытіи флота Гаральда къ сѣверу Англіи черезъ Шетландскіе и Оркнейскіе острова и объ оставленіи тамъ королевы Елизаветы съ Маріей и Ингигердой. Въ главѣ XCIV говорится о разговорѣ Гаральда Англійскаго и его брата Тостыга передъ битвой и передается знаменитый отвѣтъ перваго на вопросъ, что же онъ дастъ Гаральду Гардрада: „Семь футъ англійской земли, или, пожалуй, еще немного больше, ибо онъ выше другихъ людей." — „Былъ цѣлою выше варягъ головой", такъ говоритъ А. Толстой о немъ въ балладѣ „Три побоища", описывая бой при Іоркѣ. Послѣ битвы Олафъ добился права увести своихъ людей (глава 6) и отправился на Оркнейскіе острова за королевой Елизаветой, гдѣ узналъ, что Марія внезапно умерла, въ день и часъ смерти отца. — См. также Англо-саксонскую хронику, Ibidem, I, 337 „Millesimo, LXVI („hine gemette Harold se Norrena cyng mit ccc. scipum").

кончилась *попытка* зятя Ярослава объединить „Урманы“ и „Анъглянъ“. Можетъ быть не только вся исторія скандинавскихъ странъ, но и Англіи и Россіи развернулась бы иначе, если бъ не Вильгельмъ, а Гаральдъ завоевалъ Англію. Можетъ быть не было бы безконечныхъ изнурительныхъ англо-французскихъ войнъ, но, съ другой стороны, угроза татарскаго нашествія могла бы привести викинговъ всего сѣвера на помощь родственнымъ русскимъ князьямъ. Какъ бы то ни было, но эпизодъ Гаральда и Елизаветы показываетъ, какъ тѣсно сплелись интересы Россіи и всего тогдашняго цивилизованнаго міра уже при пра-правнукѣ Рюрика и какія широкія перспективы начали открываться тогда передъ Россіей.

Неудача Гаральда при Іоркѣ любопытнымъ образомъ отозвалась въ Россіи. Гаральдъ англійскій, узнавъ о высадкѣ Вильгельма, долженъ былъ форсированными маршами двинуться на югъ, и тамъ, при Гастингсѣ, несмотря на всю доблесть свою и своихъ саксовъ, въ свою очередь потерпѣлъ пораженіе и палъ въ Гастингскомъ бою. Съ нимъ пали и его сыновья; осталась одна дочь Гида. Эта Гида получила свое скандинавское имя въ честь бабки, дочери извѣстнаго Стырбьорна изъ рода Скюльдунговъ, черезъ Рагнара Лодброка, и двоюроднаго брата шведскаго Олафа, отца Ингигерды.[228] Такимъ образомъ Ярославичи приходились Гидѣ сродни и по матери, и по отцу; туда, ко двору Изяслава, послѣ недолгого пребыванія въ Даніи и отправилась Гида. Ингигерды не было въ живыхъ еще съ 1050 года, но дѣти ея встрѣтили Гиду по родственному — лишнее доказательство крѣпости родственныхъ связей въ домѣ Скіольдунговъ — и, около 1070 года, Гида вышла замужъ за сына Всеволода Ярославича Владиміра, Владиміра Мономаха нашей лѣтописи. По свѣдѣніямъ „Фагрскринны“[229] и другихъ

[228]) У т. н. Бьорна Гамли (стараго) было два сына: Эрикъ Побѣдоносный († *993*), отецъ Олафа Скотконунга и, слѣдовательно, дѣдъ нашей Ингигерды — и Олафъ, отецъ Стыр-бьорна Іомсборгскаго († 984). У сына Стыр-бьорна, Торгилс'а, была дочь Gyđa (Гида) и сынъ Ульфъ, женатый на Астридѣ (Estrith), сестрѣ короля Канута (1015—1035). Въ Англіи главнымъ приближеннымъ и опорой Канута былъ ярлъ Вессекс'а Годвинъ. Этого Годвина Канутъ и женилъ на сестрѣ Ульфа, чтобы породнить датскіе и англійскіе знатнѣйшіе роды. Послѣ возвращенія саксонской династіи, въ лицѣ Эдуарда Исповѣдника (въ 1042 году), Годвинъ перешелъ на сторону Эдуарда и женилъ его на своей дочери Эдитѣ (Eadgyth). Братъ Эдиты Гаральдъ, одинъ изъ сыновей Годвина, умный и энергичный, быстро выдвинулся „къ ступенямъ трона“ и занялъ при любимомъ народомъ и окруженномъ ореоломъ святости Эдуардѣ то же положеніе, что другой „царскій шуринъ“ Годуновъ, при Феодорѣ. Послѣ смерти Эдуарда въ январѣ 1066 года, Гаральдъ оказался единственнымъ кандидатомъ на престолъ и легко согласился принять корону отъ „собора“ епископовъ и ярловъ. Уже въ сентябрѣ того же года Гаральду пришлось спѣшить къ Іорку, а 14 октября онъ палъ въ битвѣ при Гастингсѣ. Съ нимъ пали его братья (Girth и Leofwine) и сыновья, и осталась одна дочь Гида. [См. „Lives of Edward the Confessor“, by H. R. Luard, London, 1858 и Н. Т. Бѣляевъ. „Борисъ Годуновъ и Гаральдъ Годвинсонъ“, Докладъ въ Лондонской Академической группѣ, 1926].

[229]) Вслѣдствіе близкихъ связей между домомъ Годвина и Даніей, Гида сначала бѣжала въ Данію, но потомъ, какъ указываетъ Адамъ Бременскій и скандинавскіе источники, отправилась въ Россію. Въ т. н. „Fagrskinna“ (Antiquités Russes, v. I, 481) приведена подробная генеалогія дома Годвина и указано, что Гида (младшая) вышла замужъ за „конунга Вальдемара“; только, ошибочно, этотъ „Вальдемаръ“ считается сыномъ, а не внукомъ Ярослава. Далѣе, уже правильно, говорится о сынѣ Владиміра (Мономаха) и Гиды, Гаральдѣ (Мстиславѣ), и дочеряхъ послѣдняго Малфридѣ и Ингибьоргѣ: „Sunr Valdimars ok Gyđu var Haraldr konungr, er fékk Kristinar, dottur Inga konungs Steinkelssunar; þeira dœtr voru Iaer Malfriđr ok Ingibjörg.“ Ibidem,

скандинавскихъ источниковъ сынъ Гиды Мстиславъ носилъ и имя Гаральда, въ честь дѣда своего, послѣдяго саксонскаго короля Англіи; но Гаральдъ, въ свою очередь, получилъ это имя въ честь дальняго пращура своей матери, старшей Гиды, Гаральда Гильдетана. Такъ, черезъ дальнюю Англію, вернулось имя славнаго побѣдителя при Бравалле въ родъ Рюрика „Побѣдоноснаго".

Мстиславъ Владиміровичъ, подобно прадѣду своему Ярославу, женился на шведской королевнѣ (Христинѣ) и имѣлъ двухъ дочерей, Малфриду, названную такъ въ честь „Малъфрѣди", матери Владиміра Святаго, и Ингибьоргу; эта послѣдняя вышла замужъ за Кнута Лаварда Ютландскаго, извѣстнаго своими войнами съ бодричами и заботами о распространеніи христіанства; своему сыну, въ честь дѣда Владиміра они дали его имя, и съ тѣхъ поръ въ роду датскихъ королей появилось славное русское имя Вальдемара. Уже сынъ Ингибьорги заслужилъ названіе Вальдемара Великаго, а внукъ — Вальдемара Побѣдителя, подобно, быть можетъ, пращуру Рюрику; подобно послѣднему питаетъ онъ широкіе замыслы на объединеніе въ своихъ рукахъ всего побережья Балтійскаго моря и распространяетъ свою власть отъ Рустрингена и Шлезвига, черезъ землю бодричей, на Ливонское и Эстонское побережье. Но вернемся къ Рюрику.

Въ Фульдскихъ анналахъ, подъ 870 годомъ, есть любопытная запись Гинкмара; говоря о смерти въ Піаченцѣ Лотаря II, онъ замѣчаетъ, что Карлъ Лысый, желая захватить его владѣнія, поспѣшилъ въ первую голову заручиться согласіемъ Рюрика и выѣхалъ навстрѣчу ему въ Нимвегенъ.[230] Фогель обращаетъ при этомъ случаѣ вниманіе на значеніе, которое Карлъ придавалъ рѣшенію своего могущественнѣйшаго „вассала", и замѣчаетъ, какъ возросло къ этому времени вліяніе нордмановъ на нижнемъ Рейнѣ[231]; прибавимъ отъ себя, что вліяніе это возросло не только на нижнемъ Рейнѣ, и что Карлъ Лысый искалъ помощи уже не у „могущественнаго вассала", но у главы зарождающейся великой имперіи. Послѣднее упоминаніе о Рорикѣ находится въ тѣхъ же фульдскихъ анналахъ подъ 873 годомъ, въ связи съ посѣщеніемъ его съ племянникомъ Родульфомъ Карла Лысаго. Свиданіе это имѣло самый дружественный характеръ, императоръ вернулъ Рорику всѣ его владѣнія во Фризіи, и оба разстались друзьями, на что не мало сѣтуетъ лѣтописецъ.[232] Съ этихъ поръ франкскіе анналы не говорятъ больше о Ро-

p. 481. — Fagrskinna значитъ „добротная кожа". Подъ этимъ именемъ извѣстна исторія норвежскихъ королей отъ IX в. до 1177 года; до насъ дошло два экземпляра ея, и одинъ изъ нихъ переплетенъ въ красивую пергаментную обложку, откуда и ея названіе Fagr-skinna. — Нѣкоторыя свѣдѣнія о Гаральдѣ и Годвинѣ имѣются въ сагѣ о Канутѣ Святомъ, такъ наз. Knytlinga Saga; она доходитъ до 1190 года и отличается точностью своихъ свѣдѣній о Даніи и Англіи. О Гидѣ латинскій текстъ саги говоритъ: „mater Haraldi erat Gyda, filia Haraldi Anglorum regis, Godwinii filii". Ant. Russes, II, p. 129.

[230]) „Inde ad Rorici Nortmanni colloquium apud Noviomagum palatium perrexit, quem sibi foedere copulavit". Ad. a. 870. Hincmari Remensis Ann., Pertz. I, p. 486.

[231]) „Der Wert, den Karl auf Roriks Freundschaft legte, zeigt am besten, welche Bedeutung man damals der normanischen Herrschaft am Niederrhein beimass", Vogel, Ibidem, S. 235.

[232]) „Ibique cum suis secretum habuit colloquium, et Rorichum per obsides ad se venientem in suum suscepit dominium", Ann. Fuld. Pass Tertia, ad. a. 873, Pertz, I., 386 (13, 14). „Venit ad eum Ruorich, fel christianitatis, tamen ei repositis obsidibus plurimis in navi, et subditus effectus est regi, ac iuramentis constrictus, inconcussam ei servare fidam." Ann. Xant. ad a. 873, Pertz, II., 235 (22—24). Also Hincmari Remensis Ann., Pertz., I., pp. 493—497.

рикѣ,[233] наша же лѣтопись подъ 879 годомъ говоритъ: „умершю Рюрикови...“[234] Если считать, что Начальный Лѣтописецъ или его источникъ считалъ за основную дату походъ Аскольда на Царьградъ (866) и отъ него отсчитывалъ начало княженія Рюрика на четыре года назадъ (862), то, принимая для похода Аскольда 860 годъ, получимъ 856 для призванія князей и 873 для смерти Рюрика. Такимъ образомъ, и въ смыслѣ хронологическомъ весьма сближаются данныя франкскихъ анналовъ и нашихъ лѣтописей, еще разъ подтверждая нашу основную мысль, что Рорикъ Ютландскій и Рюрикъ Начальнаго Лѣтописца одно и тоже лицо.[235]

Н. Бѣляевъ.

23 Декабря 1929 (5 Января 1930.)
Лондонъ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

Табл. XXII. Карта Сѣверо-Западной Европы въ половинѣ IX вѣка.

---

[233]) Въ 882 году владѣнія Рюрика были переданы Готфриду, не племяннику, а другому родственнику. Vogel. Ibidem, S. 292 и, далѣе, 295—296. Подъ 882 фульдская хроника говоритъ: „...quae Rorich Nordmannus Francorum regibus fidelis in Kinnin tenuerat.“ Также и другіе анналы продолжаютъ еще, время отъ времени, говоря о Фризіи, связывать ее съ именемъ Рюрика: „quos Roricus habuerat“, „quod... Roricus... tenuerat“.

[234]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 22. „Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови предастъ княженіе свое Олгови“.

[235]) По мысли Я. И. Смирнова, введеніемъ къ задуманнымъ имъ „Норманскимъ Древностямъ Россіи“, долженъ былъ служить рядъ очерковъ событій VIII и IX-го вѣка у насъ и на западѣ. Однимъ изъ такихъ очерковъ, задуманныхъ около 25 л. назадъ, и является эта статья о Рорикѣ Ютландскомъ и Рюрикѣ Русскомъ.

Въ основу первой части этой работы легъ переводъ, любезно сдѣланный Н. М. Родзянко, моего доклада въ Viking Society »Rorik of Jutland and Rurik of the Russian Chronicles. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы принести мою глубокую благодарность Н. М. Родзянко, а также Д. А. Расовскому, которому я обязанъ рядомъ цѣнныхъ литературныхъ справокъ и указаній.

Н. П. КОНДАКОВЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ А. П. ЧЕХОВА

(Матеріалы для біографіи)

При всей несходности въ деталяхъ, при всемъ разнообразіи въ общихъ контурахъ судебъ отдѣльныхъ ученыхъ, посвященные имъ біографическіе очерки несутъ — почти постоянно — одну одинаковую, сближающую и роднящую всѣхъ черту: за обычной схематизаціей этаповъ дѣятельности ученаго, за сухимъ послужнымъ спискомъ, составленнымъ изъ голыхъ датъ и перечисленія законченныхъ и начатыхъ работъ, читанныхъ курсовъ и совершенныхъ экспедицій — для читателя такой біографіи, написанной въ строго академическомъ тонѣ, совершенно исчезаетъ живой человѣкъ, личность, со своимъ своеобразнымъ и глубокимъ интереснымъ душевнымъ міромъ, и читатель воспринимаетъ только силуэтъ, лишенный конкретной жизненной полноты содержанія.

Такой подходъ, такой методъ біографическаго минимума, можетъ быть вполнѣ оправдываемъ въ большинствѣ случаевъ, именно — когда біографомъ взвѣшиваются и напоминаются читателямъ только научныя заслуги даннаго лица, когда главнымъ руководящимъ интересомъ къ личности ученаго является опредѣленіе его научнаго значенія и характеристика путей его творчески-изслѣдовательской мысли. Но тѣмъ не менѣе подобный видъ біографіи является только ея упрощеннымъ типомъ: жизнеописаніе должно, по возможности, полнѣе отражать всю жизнь, всѣ труды и личность въ цѣломъ даннаго человѣка — все равно, — будетъ ли это ученый, писатель, художникъ или общественный дѣятель. И чѣмъ крупнѣе казался человѣкъ въ окружавшей его средѣ, тѣмъ большее значеніе и психологическій интересъ пріобрѣтаютъ всѣ свѣдѣнія о немъ.

Большимъ русскимъ человѣкомъ былъ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ. Его „Мемуары“, какъ справедливо указывалъ проф. Бицилли,[1] являются цѣннѣйшимъ и авторитетнѣйшимъ автобіографическимъ тому свидѣтельствомъ. Громадная, рѣдкая и оригинальная индивидуальность Н. П. Кондакова отражалась, главнымъ образомъ, въ его научныхъ трудахъ, но не замыкалась въ нихъ исключительно: Н. П. Кондаковъ всегда находилъ живой и энергичный отзвукъ въ своей душѣ на многія изъ тѣхъ разнообразныхъ явленій, которыя происходили въ окружавшей его жизни.

Будущему біографу Н. П. Кондакова нельзя будетъ ограничиться рамками академической біографіи, но неизбѣжно придется коснуться — для точнаго отраженія во всей полнотѣ личности Кондакова — и другихъ сферъ его жизни,

[1]) „Звено“, 1927, № 3, стр. 141, „Воспоминанія Кондакова“.

можетъ быть, не касающихся непосредственно его академической работы. Такая задача — думается — явится неизбѣжной при созданіи полной біографіи ученаго.

Но если составленіе такого очерка жизни Никодима Павловича является задачей будущаго, то сборъ матеріаловъ для этой цѣли долженъ производиться уже и сейчасъ.

Настоящій краткій очеркъ и является одной изъ скромныхъ попытокъ такого частичнаго подбора, суммированія матеріала о Н. П. Кондаковѣ въ предѣлахъ одного вопроса.

Въ основу очерка легли письма А. П. Чехова, направленныя какъ къ самому Н. П. Кондакову, такъ и къ другимъ лицамъ, но въ которыхъ упоминается имя ученаго.

Несмотря на то, что иногда въ приводимыхъ ниже документахъ имѣется небольшое количество матеріала для характеристики непосредственно самаго Н. П. Кондакова, письма эти интересны уже хотя бы потому, что въ нихъ отражается мнѣніе о Никодимѣ Павловичѣ Кондаковѣ такого большого художника и тонкаго психолога, какимъ являлся А. П. Чеховъ, сравнительно хорошо, какъ мы увидимъ дальше, знавшій ученаго.

Матеріалъ, приводимый ниже, заимствованъ (точныя ссылки вездѣ сдѣланы) большей частью изъ уже напечатанныхъ документовъ (исключеніемъ являются письма И. Н. Альтшуллера и Ю. Д. Новоселова). Матеріалъ, приведенный здѣсь по вопросу сношеній А. П. Чехова и Н. П. Кондакова, вѣроятно, не вполнѣ полонъ, возможно, что еще не всѣ письма Чехова къ Кондакову опубликованы,[1] затѣмъ, здѣсь нѣтъ еще свидѣтельствъ современниковъ, близко стоявшихъ къ писателю и ученому, о взаимоотношеніяхъ этихъ двухъ замѣчательныхъ русскихъ людей.[2]

Матеріалъ очерка не можетъ претендовать и не претендуетъ на исчерпывающую полноту, но — повторяемъ — задачей очерка является только попытка группировки матеріала для будущихъ главъ о Кондаковѣ и Чеховѣ, только попытка сдѣлать одинъ изъ шаговъ къ сбору матеріала для біографіи ученаго.

Первый вопросъ, возникающій въ порядкѣ разрѣшенія поставленной задачи, заключается въ опредѣленіи даты знакомства Н. П. Кондакова и А. П. Чехова. Прямыхъ указаній на дату ихъ первой встрѣчи не имѣется. Судя по ниже приводимому письму Ю. Д. Новоселова, ее можно какъ будто-бы отнести уже къ лѣту 1898 г. или, можетъ быть, еще на болѣе ранній срокъ. Но болѣе правильнымъ представляется считать происшедшимъ непосредственное знакомство Никодима Павловича съ Чеховымъ въ періодъ конца 1898 г. и въ началѣ 1899 г.,

---

[1]) Въ сборникѣ — „Чеховъ. Новыя письма. (Изъ собраній Пушкинскаго Дома.) Подъ редакціей Б. Л. Модзалевскаго. Атеней 1922 г." — имѣется слѣдующая фраза: „Письма къ нему (Кондакову) Чехова переданы Н. П. Кондаковымъ въ Пушкинскій Домъ" (Стр. 125). Можно предположить, что въ ихъ числѣ есть письма, невошедшія въ шеститомное изданіе писемъ А. П. Чехова, появившееся — кажется — въ 1912 г.

[2]) Укажемъ, что какъ-разъ въ самое послѣднее время стали появляться воспоминанія, въ которыхъ имена Н. П. Кондакова и А. П. Чехова такъ или иначе сопрягаются. Назовемъ интересный очеркъ И. Н. Альтшуллера: „О Чеховѣ (изъ воспоминаній)" въ журналѣ „Современныя Записки", к. XLI, 1930, Парижъ и статью В. Муромцевой — „Н. П. Кондаковъ" въ газетѣ „Послѣднія Новости" 1930 г., № отъ 21 февраля, Парижъ.

въ Ялтѣ.[1] Въ предисловіи къ письмамъ Чехова,[2] составленномъ братомъ писателя, М. П. Чеховымъ, глухо говорится: „Зима 1899 года была въ Крыму чрезвычайно сурова. Пришлось примириться съ жизнью въ Ялтѣ. Въ январѣ стали готовиться къ Пушкинскимъ торжествамъ, онъ (А. П. Чеховъ) принялъ дѣятельное участіе въ ихъ организаціи и поставилъ сцену изъ „Бориса Годунова“, въ которой академикъ Н. П. Кондаковъ исполнилъ роль старца Пимена.“[3] Самъ А. П. Чеховъ впервые упоминалъ имя Н. П. Кондакова въ письмѣ отъ 17 января 1899 г. А. С. Суворину: „...Тутъ въ Ялтѣ живетъ академикъ Кондаковъ. Насъ обоихъ городъ выбралъ въ комиссію для устройства пушкинскаго праздника. Хотимъ ставить „Бориса Годунова“, Кондаковъ будетъ Пименомъ.“[4] Черезъ нѣсколько дней, 27 января 1899 г., Чеховъ опять упоминаетъ о Кондаковѣ въ письмѣ къ своей сестрѣ, М. П. Чеховой: „...Тутъ есть Пименъ, есть Годуновъ, но нѣтъ Марины и Самозванца, да и всѣмъ хочется, чтобы эти роли исполнялись настоящими, интеллигентными артистами... Пимена будетъ играть академикъ Кондаковъ.“[5]

Въ виду того, что въ предыдущихъ томахъ (многочисленныхъ) писемъ А. П. Чехова имени Н. П. Кондакова нигдѣ не упоминается, а съ этого времени, т. е. съ зимы 1899 г.,[6] личность Никодима Павловича, судя по замѣткамъ писателя въ письмахъ къ различнымъ его корреспондентамъ и по возникшей затѣмъ личной перепискѣ съ ученымъ, живо начинаетъ интересовать А. П. Чехова, — въ виду этого дату знакомства можно — думается — отнести къ этому періоду. Во всякомъ случаѣ лишь съ этого времени отношенія Чехова и Кондакова пріобрѣтаютъ интересъ для біографа. Однако, Н. П. Кондаковъ, вѣроятно, заочно зналъ А. П. Чехова раньше, окруженнаго къ серединѣ 90-хъ годовъ ореоломъ всероссійской славы.

Первоначально взаимоотношенія Кондакова и Чехова не выходятъ — по видимому — изъ рамокъ интересовъ предполагаемыхъ Пушкинскихъ торжествъ.[7] И въ первыхъ, вышеприведенныхъ, письмахъ и въ письмѣ къ И. П. Чехову отъ 31 января 1899 г. имя Кондакова мелькаетъ у Чехова въ контекстѣ, говорящемъ о подготовкѣ Пушкинскаго вечера: „Милый Иванъ, здѣшняя комиссія по устройству пушкинскаго праздника рѣшила между прочимъ устроить 26-го мая чтеніе для народа съ волшебнымъ фонаремъ. Т. к. вѣроятно въ Москвѣ имѣются въ виду подобныя чтенія (на пушкинскія темы), то напиши, что именно готовится, какія именно картины, что готовится и что уже готово, можно ли добыть на прокатъ картины для волшебнаго фонаря, какъ можно

---

[1]) Извѣстно, что Чеховъ 14 сентября 1898 г. уѣхалъ въ Ялту.

[2]) Письма Чехова. Подъ редакціей М. П. Чеховой. Томъ V. 1897—1899. Съ иллюстраціями. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ.

[3]) Ibid., стр. XIV.

[4]) Ibid., стр. 298.

[5]) Ibid., стр. 317; цитата сокращена.

[6]) Н. П. Кондаковъ жилъ въ это время въ Ялтѣ. Между прочимъ въ V томѣ „Писемъ Чехова“ имѣется интересная фотографія, изображающая ученаго съ сыномъ и писателя сидящими на крыльцѣ дачи.

[7]) Изъ нижеприводимаго письма Ю. Д. Новоселова видно, однако, что Н. П. Кондаковъ вообще внимательно присматривался къ жизни писателя.

получить дешевыя изданія для раздачи во время чтенія и т. д. и т. д. Отвѣть поподробнѣе, комиссія будетъ тебѣ очень благодарна... Чтеніями завѣдуютъ академикъ Кондаковъ и членъ управы (земской) Дмитріевскій — очень хорошіе люди.“ [1]

Но скоро связи между Чеховымъ и Н. П. крѣпнутъ. Писатель и ученый находятъ взаимно привлекательныя для обоихъ темы разговоровъ. И въ письмѣ къ А. С. Суворину отъ 6 февраля того же года Чеховъ передаетъ уже характеръ этихъ бесѣдъ: „...Часто видаюсь съ академикомъ Кондаковымъ, говоримъ объ учрежденіи отдѣленія изящной словесности. Онъ радуется, я же это отдѣленіе почитаю совершенно лишнимъ. Оттого, что Случевскій, Григоровичъ, Голенищевъ-Кутузовъ и Потѣхинъ станутъ академиками, произведенія русскихъ писателей и вообще литературная дѣятельность въ Россіи не станутъ интереснѣе. Примѣшаются только непріятности и всегда подозрительный элементъ — жалованіе... Впрочемъ, поживемъ — увидимъ“.[2]

Занимавшій въ то время А. П. Чехова вопросъ объ учрежденіи отдѣленія Изящной Словесности при Академіи Наукъ являлся, какъ видно, одной изъ ближайшихъ темъ, интересовавшихъ обоихъ собесѣдниковъ.

Но и другіе вопросы, совсѣмъ „несерьезные“, находили откликъ въ ихъ бесѣдахъ. Такъ въ письмѣ къ И. И. Орлову отъ 22 февраля 1899 г. Чеховъ писалъ: „Моя телеграмма на счетъ Чортова о-ва не предназначалась для печати, это совершенно частная телеграмма. Въ Ялтѣ она вызвала ропотъ негодованія. Одинъ изъ здѣшнихъ старожиловъ, академикъ Кондаковъ, по поводу этой телеграммы сказалъ мнѣ:

— Мнѣ обидно и досадно.

— Что такое?! изумился я.

— Мнѣ обидно и досадно, что не я напечаталъ эту телеграмму.

Въ самомъ дѣлѣ Ялта зимой — это марка, которую не всякій выдержитъ. Скука, сплетни, интриги и самая безстыдная клевета.“ [3]

5 марта 1899 г. Чеховъ отмѣчалъ въ письмѣ къ В. М. Соболевскому: „Здѣсь академикъ Кондаковъ, мы встрѣчаемся каждый день и говоримъ о Васъ.“ [4] Повидимому, главной причиной этихъ встрѣчъ были все продолжавшіяся хлопоты по организаціи Пушкинскихъ торжествъ. По крайней мѣрѣ, А. П. писалъ

[1]) Ibid., 320—321.

[2]) Ibid., 337.

[3]) Ibid., 351—352. — Близко знавшій А. П. Чехова, д-ръ И. Н. Альтшуллеръ, къ которому авторъ настоящей замѣтки обратился — при любезномъ содѣйствіи проф. А. А. Кизеветтера — съ просьбой дать комментарій къ вышеприведенному тексту, съ большой внимательностью откликнулся и сообщилъ въ письмѣ изъ Берлина отъ 21 февраля 1913 года слѣдующія цѣнныя свои замѣчанія: „...Въ цитируемомъ Вами письмѣ Чехова къ И. И. Орлову сказано: „моя телеграмма на счетъ „Чортова о-ва“ и т. д. — „Чортова о-ва“ означаетъ — „Чортова острова“. Чеховъ въ шутку часто называлъ Ялту своимъ Сахалиномъ или „Чортовымъ островомъ“, тогда въ 1899 г. (Дѣло Дрейфуса!) чаще послѣднимъ. Онъ въ телеграммѣ кому-то помянулъ объ этомъ Чортовомъ о-вѣ, это попало въ газеты (недаромъ онъ такъ ненавидѣлъ одесскихъ репортеровъ) и нѣкоторые ялтинскіе патріоты обидѣлись. Н. П. Кондаковъ очень любилъ Ялту, Крымъ, очень дорожилъ своими частыми пріѣздами сюда, но замѣчаніе его очень характерно для его манеры...“

[4]) Ibid., стр. 363.

А. С. Суворину въ письмѣ отъ 4-го марта того же года: „Я и академикъ Кондаковъ ставимъ въ пользу Пушкинской школы „Келью въ Чудовомъ монастырѣ“ изъ „Бориса Годунова“. Пимена будетъ играть самъ Кондаковъ. Будьте добры, сдѣлайте Божескую милость, ради святого искусства, напишите въ Өеодосію кому слѣдуетъ, чтобы мнѣ прислали оттуда по почтѣ гонгъ. Намъ это нужно для звона. Я возвращу въ совершенной цѣлости. Если же нельзя, то поспѣшите написать мнѣ; придется тогда въ тазъ звонить.“[1]

Въ письмѣ къ В. К. Харькѣевичъ, писанному А. П. уже изъ Лопасни Моск. губ., 20 мая 1899 г., имѣется признаніе за Н. П. умѣнія мастерски читать вслухъ.

— „...Въ Пушкинскихъ празднествахъ участвовать я не буду, т. к. я уже участвовалъ въ пушкинской комиссіи въ Ялтѣ и сдѣлалъ, какъ Вамъ извѣстно, не мало, напримѣръ, посовѣтовалъ поставить „Золотую рыбку“, которая, судя по газетамъ, имѣла громадный успѣхъ. Къ тому же я еще на пушкинскихъ утрахъ слушалъ чтеніе Никодима Павловича, а это что-нибудь да значитъ.“[2]

Затѣмъ въ перепискѣ Чехова о Кондаковѣ нѣтъ никакихъ упоминаній до 1900 года. Только въ письмѣ къ А. С. Суворину отъ 8-го января названнаго года Чеховъ снова пишетъ:

— „Здѣсь я часто видаюсь съ академикомъ Кондаковымъ. Говоримъ о пушкинскомъ отдѣленіи изящной словесности. Такъ какъ Кондаковъ будетъ участвовать въ выборахъ будущихъ академиковъ, то я стараюсь загипнотизировать его и внушить, чтобы выбрали Баранцевича и Михайловскаго. Первый, замученный, утомленный человѣкъ, несомнѣнный литераторъ, въ старости, которая уже наступила для него, нуждается и служитъ на конножелѣзной дорогѣ, такъ же, какъ нуждался и служилъ въ молодости. Жалованье и покой были бы для него какъ разъ кстати. Второй же, т. е. Михайловскій, положилъ бы прочное основаніе новому отдѣленію и избраніе его удовлетворило бы $^3/_4$ всей литературной братіи. Но гипнозъ не удался, дѣло мое не выгорѣло.“[3]

13 января того же года въ письмѣ къ В. М. Соболевскому А. П. даетъ такой отзывъ о Н. П. въ чисто чеховской манерѣ: „Здѣсь Елпатьевскій и Кондаковъ. Первый воздвигъ себѣ громадный домъ, который высится надъ всей Ялтой, второй уѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы засѣсть тамъ въ академіи — и радъ. Елпатьевскій бодрится и всегда жизнерадостенъ, во всякую погоду ходитъ въ лѣтнемъ пальто; Кондаковъ раздражительно насмѣшливъ и ходитъ въ шубѣ. Оба часто бываютъ у меня и мы вспоминаемъ о Васъ.“[4]

Въ письмѣ къ Н. И. Коробову отъ 29 янв. 1900 г., написанномъ изъ Ялты по поводу избранія А. П. Чехова академикомъ, упоминается опять имя Н. П. въ фразѣ: „Званіе академика, насколько мнѣ извѣстно изъ бесѣдъ съ акад. Кондаковымъ, который живетъ здѣсь, — даетъ право неприкосновенности (нельзя арестовать) и право въ случаѣ поѣздки заграницу получать отъ академіи особый „курьерскій“ паспортъ (цензура, таможня), а больше, кажется, ничего.“[5]

---

[1]) Ibid., стр. 358.
[2]) Ibid., стр. 396.
[3]) „Письма Чехова.“ Томъ VI, стр. 5.
[4]) Ibid., стр. 14.
[5]) Ibid., стр. 26.

Затѣмъ наступаетъ новый періодъ въ отношеніяхъ Чехова и Кондакова. Они живутъ въ разныхъ мѣстахъ (Н. П. вернулся въ Петербургъ) и поддерживаютъ сношенія непосредственной перепиской.

Такъ Чеховъ пишетъ 1 марта 1900 г. изъ Ялты:

Многоуважаемый Никодимъ Павловичъ!

Вы писали, что у Васъ сильные морозы — и мы тоже лицомъ въ грязь не ударили. Весь февраль было тепло, все распустилось, расцвѣла у меня въ саду[1] камелія, и вдругъ хватилъ морозъ — 5°, который держался дня два и натворилъ немало бѣдъ. Теперь мороза уже нѣтъ, но все-же холодно, промозгло и непріятно, какъ въ дурную осень, и я завидую Вамъ. Правда, Вы пишете, что у Васъ насморкъ, но вѣдь это насморкъ столичный, да и навѣрное онъ у Васъ уже прошелъ.

Новости ялтинскія Вы, вѣроятно, уже знаете, если получаете „Крымскій курьеръ". Застрѣлился докторъ Андрезенъ. Умерла Ваша сосѣдка Штапгеева. Отъ безснѣжной зимы и отъ бездождья изсякаютъ въ окрестностяхъ Ялты всѣ источники, высохли колодцы и говорятъ, что лѣтомъ въ Ялтѣ не будетъ вовсе воды; въ женской гимназіи предсказываютъ землетрясеніе. Что еще новое сообщить Вамъ?

На Пасхѣ пріѣдетъ сюда Московскій Художественный театръ, дастъ нѣсколько спектаклей, послѣ чего пріѣдутъ опера, оперетка и такимъ образомъ весной и лѣтомъ любители бѣднаго и многострадальнаго искусства скучать не будутъ.

Отъ всей души благодарю Васъ за письмо, за то, что сообщили академическія новости. Поздравляю Васъ съ избраніемъ въ Пушкинское отдѣленіе, шлю привѣтъ и сердечныя пожеланія. Главнымъ образомъ желаю здоровья. Академія и Петербургъ, быть-можетъ, утомятъ Васъ, но все-же Вы будете чувствовать себя хорошо; мнѣ кажется, что работать въ Пушкинскомъ отдѣленіи будетъ интересно, народъ мало-по-малу соберется тамъ добрый. Вы спрашиваете: почему Толстой ничѣмъ не отвѣтилъ на избраніе? Не знаю. Вѣроятно, онъ полагаетъ, что благодарить не принято. Будьте добры, передайте мой привѣтъ и поклонъ Вѣрѣ Александровнѣ, Сергѣю Никодимовичу и Петѣ. Еще разъ благодарю за письмо, за то, что вспомнили.

Искренно уважающій и преданный А. Чеховъ.[2]

---

[1]) Кстати, о садѣ Чехова. Ю. Д. Новоселовъ — въ письмѣ изъ Риги отъ 12 ноября 1929 г. на имя автора настоящей замѣтки — любезно сообщилъ слѣдующее: „Охотно сообщаю Вамъ, что знаю о Н. П. Кондаковѣ. Первое мое знакомство съ нимъ произошло въ Ялтѣ. Я студентомъ 2-го курса Моск. Унив. въ 1898 г. бывалъ у него на дачѣ, т. к. мой двоюродный братъ Н. Н. Генъ — студ. Петерб. Унив. — жилъ въ домѣ ученаго въ качествѣ не то репетитора, не то какъ товарищъ его сына... Н. П. заинтересовался моими работами по этнографіи мордвы и моими рисунками Бахчисарайскаго дворца. Впослѣдствіи онъ подарилъ мнѣ свою работу о Бахчисарайскомъ дворцѣ. Въ то время въ Ялтѣ жилъ и Чеховъ. Писатель только что построилъ свою дачу и разводилъ при ней садъ. При этомъ, видимо, очень увлекался своей работой, что не ускользнуло отъ вниманія Никодима Павловича, у котораго въ то время уже былъ свой прекрасный садъ съ высокими кипарисами. Дача Кондакова, между прочимъ, въ то время была одной изъ лучшихъ въ городѣ и главное на очень видномъ мѣстѣ, тогда какъ дача Чехова находилась за городомъ въ деревнѣ Ауткѣ вдали отъ моря. — Н. П. однажды сказалъ про Чехова: „Вотъ, А. П. посадитъ какой либо кустикъ и радуется, какъ ребенокъ."

[2]) Ibid., стр. 59.

Очевидно, передавая извѣстія, сообщенныя Никодимомъ Павловичемъ, А. П. Чеховъ пишетъ 10 марта А. С. Суворину: „Академическія новости. Президентъ очень огорченъ и книгой Корша и его полемикой. 5-го февраля были выборы въ дѣйствительные члены. Выбранъ въ Пушкинское отдѣленіе проф. Кондаковъ. Значитъ съ Ламанскимъ и Коршемъ это будетъ уже три. И Кондаковъ мнѣ пишетъ: „Отдѣленіе порѣшило пока не выбирать на три остающіяся кресла“ и думаетъ онъ, что онъ лично не дождется, когда кончится это „пока“. И о выборѣ Кондакова оффиціальнаго извѣщенія не было, очевидно скрываютъ, чтобы не волновать гг. литераторовъ.“[1]

Слѣдующее письмо А. П. къ Н. П. падаетъ на 6 декабря 1900 г.

Многоуважаемый Никодимъ Павловичъ!

Да, я въ Москвѣ! Пріѣхалъ сюда дня на три, самое большее — на недѣлю, а застрялъ почти на два мѣсяца. Погода здѣсь чудесная, больше трехъ градусовъ мороза не было, а сегодня на улицѣ дождь, грязь и снѣгъ кофейнаго цвѣта; всѣ жалуются, кашляютъ, а я благодѣнствую, даже пополнѣлъ. 10-го въ воскресенье уѣзжаю, однако, — уже взятъ билетъ и заграничный паспортъ, уѣзжаю въ Ниццу, потомъ въ Африку. Адресъ мой: Nice — это на всякій случай.

Фотографіи моей у меня нѣтъ, но если нужно, то можно написать въ Ялту, въ фотографію „Югъ“, которая вышлетъ. Хозяина фотографіи зовутъ такъ: Сергѣй Владиміровичъ Дзюба. Если желаете, то я напишу ему.

Пакетъ изъ таганрогскихъ пріютовъ вчера принесла мнѣ сестра вмѣстѣ съ Вашимъ письмомъ. Сердечно благодарю Васъ. Если на праздникахъ будете въ Москвѣ, то непремѣнно побывайте въ Художественномъ театрѣ. Кстати сказать, Вл. Немировичъ Данченко и К. Алексѣевъ (Станиславскій), директора театра, — очень хорошіе люди и будутъ очень рады Вамъ. Я написалъ пьесу и уже отдалъ ее въ театръ. Видите, какой я плодовитый писатель. Изъ Ялты писемъ не получаю — и что тамъ дѣлается — не знаю. Есть одна непріятная, даже очень непріятная, новость: здѣсь въ Москвѣ умеръ ялтинскій студентъ Синани; пріѣзжалъ на похороны его отецъ, я встрѣчалъ его на вокзалѣ и было мучительно сообщать ему о смерти его сына. И такъ, стало-быть, я уѣзжаю. Надолго-ли? Не знаю. Желаю Вамъ всего, всего хорошаго — Вамъ и Вашему семейству, которому низко кланяюсь. Изъ Ниццы буду писать Вамъ. Будьте здоровы и благополучны.

Искренно Васъ уважающій и преданный А. Чеховъ.[2]

Новое письмо относится къ 26 декабрю 1900 г. и писано Чеховымъ изъ Ниццы.

Многоуважаемый Никодимъ Павловичъ!

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Шлю привѣтъ Вамъ изъ теплыхъ странъ, гдѣ, впрочемъ, всѣ эти дни было холодно, былъ даже морозъ. Желаю здоровья и полнаго благополучія. Около двухъ недѣль я проживаю въ Ниццѣ

---

¹) Ibid., стр. 66.

²) Ibid., стр. 111.

и нахожу, что здѣшній югъ и русскій — это небо и земля. Сравнительно съ Ялтой здѣсь изумительно хорошо; даже сравнивать нельзя. Видѣлся уже раза три съ М. М. Ковалевскимъ, говорилъ о Васъ. Онъ здоровъ, здоровѣе и моложе, чѣмъ былъ 3 года назадъ и вообще живется ему недурно. Что новаго въ Питерѣ? Что новаго въ Академіи? Боборыкина выбрали — таки — и я очень радъ.

Шлю новогоднее поздравленіе и привѣтъ Вашей семьѣ, желаю счастья. Были на праздникахъ въ Москвѣ? А въ Художественномъ театрѣ? Кланяюсь Вамъ низко.

Искренно преданный А. Чеховъ.[1]

На все остальное время заграничной поѣздки писателя переписка замираетъ, По возвращеніи въ Ялту, Чеховъ сразу обращается съ письмомъ отъ 20 февр. 1901 г. къ Кондакову:

Многоуважаемый Никодимъ Павловичъ!

Я третьяго дня вернулся въ Ялту, а сегодня пришло Ваше письмо, путешествовавшее 15 дней. Большое Вамъ спасибо! Въ Ниццѣ я получилъ отъ Васъ одно письмо, — за него тоже шлю Вамъ сердечную благодарность, шлю теперь. т. к., очевидно, Вы письма моего, отвѣта на Ваше, изъ Ниццы не получили.

Я бѣжалъ изъ Ниццы въ Италію, былъ во Флоренціи и въ Римѣ, но отовсюду пришлось бѣжать, т. к. всюду неистовый холодъ, снѣгъ — нѣтъ печей. Теперь въ Ялтѣ я отогрѣваюсь.

Вы спрашиваете: читаю ли я, что пишутъ обо мнѣ повсюду? Нѣтъ, заграницей я рѣдко читалъ русскія газеты; но брань Бур—на[2] читалъ. Я отродясь никого не просилъ, не просилъ ни разу сказать обо мнѣ въ газетахъ хоть одно слово, и Бур—ну это извѣстно очень хорошо, и зачѣмъ это ему понадобилось обвинять меня въ саморекламированіи и окатывать меня помоями — одному Богу извѣстно.

Съ Ковалевскимъ, который ѣздилъ со мною въ Италію, мы говорили о Васъ неоднократно, и онъ велѣлъ мнѣ кланяться Вамъ. Насчетъ профессуры его пока еще ничего неизвѣстно, онъ только хохочетъ весело; въ іюлѣ ѣдетъ въ Америку читать лекціи и уже, кажется, получилъ 10 тыс. франковъ.

Вы въ письмѣ Вашемъ изъявили согласіе написать о томъ, что будетъ въ Художественномъ. Спасибо Вамъ, буду ожидать съ нетерпѣніемъ. Мнѣ кажется, что художественные актеры, привыкшіе играть въ маленькомъ московскомъ театрѣ, совсѣмъ оробѣютъ и будутъ неслышны въ Панаевскомъ, этомъ театрѣ-чудищѣ.

Еще разъ приношу Вамъ сердечное спасибо за письмо, дай Вамъ Богъ здоровья! Передайте мой поклонъ и сердечный привѣтъ всему Вашему семейству.

Искренно преданный А. Чеховъ.[3]

---

[1]) Ibid., стр. 115.
[2]) Буренинъ, критикъ „Новаго Времени".
[3]) Ibid., стр. 129.

Н. П. Кондаковъ — повидимому — сообщилъ Чехову свои впечатлѣнія о Художественномъ театрѣ: А. П. Чеховъ писалъ 7 марта 1901 г. О. Л. Книпперъ-Чеховой: „...Получилъ я письмо изъ Петербурга отъ академика Кондакова. Онъ былъ на „Трехъ сестрахъ“ и въ восторгѣ неописанномъ.“ [1]

Въ письмѣ отъ 18 авг. 1901 г. къ о. Сергѣю Щукину А. П. Чеховъ упоминаетъ имя Н. П. Кондакова, обѣщая попросить Н. П. похлопотать передъ попечителемъ учебнаго округа Одессы объ устройствѣ о. Щукина законоучителемъ въ Ялтинскую гимназію.[2]

15 дек. 1901 г. Чеховъ опять пишетъ Кондакову:

Многоуважаемый и дорогой Никодимъ Павловичъ!

Большое Вамъ спасибо за письмо; оно пришло, кстати сказать, какъ разъ въ то время, когда я лежалъ на спинѣ, по случаю кровохарканья и скучалъ адски. Но буду отвѣчать по пунктамъ. Въ Москвѣ я прожилъ очень хорошо, очень здорово, а какъ пріѣхалъ въ Ялту, то и пошла писать: то кашель, то кишечное разстройство — это почти каждый день. Сначала работалъ, а потомъ пришлось бросить, и теперь я занимаюсь только тѣмъ, что читаю и уповаю на будущее.

„Три года“ были напечатаны въ „Русской мысли“ уже давно, лѣтъ 8—10 назадъ. Карточку фотографическую я вышлю Вамъ весною, когда буду въ Москвѣ (я тамъ снимался у Опитца). Весною я, если буду здоровъ, постараюсь пріѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ съ Художественнымъ театромъ. Здѣсь Л. Н. Толстой. Онъ почти здоровъ и работаетъ каждый день. Какъ-то на-дняхъ онъ пріѣхалъ въ Ялту, заболѣлъ здѣсь и долженъ былъ прожить въ домѣ И... у дочери дня 2—3. Госпожа И... поторопилась прописать его въ полиціи. Въ Ялтѣ преслѣдуютъ штундистовъ. Въ Олеизѣ проживаетъ Горькій. Л. Н. Толстой вспрыскиваетъ подъ кожу мышьякъ, теперь температура у него нормальная. Онъ веселъ. Крымъ продолжаетъ ему нравиться.

Въ Ялтѣ тихо, погода хорошая, публика прошлогодняя или кажущаяся таковою. Въ клубѣ по средамъ, говорятъ, бываютъ семейные вечера, очень интересные, на которыхъ читаетъ мои разсказы д-ръ Балабанъ, командированный въ Ялту чумы ради. Читаетъ онъ, какъ увѣряютъ, необыкновенно.

Передайте мой поклонъ и привѣтъ Вѣрѣ Александровнѣ и молодежи.

Будьте здоровы, не забывайте меня.

Искренно преданный А. Чеховъ.[3]

Взаимное расположеніе писателя и ученаго все время возростаетъ, и А. П. въ письмѣ къ М. П. Чехову отъ 17 дек. 1901 г. вставляетъ такія фразы: „Въ Петербургѣ, на Литейной 15, проживаетъ мой знакомый, даже пріятель Никодимъ Павловичъ Кондаковъ. При случаѣ познакомься съ нимъ и передай ему мой поклонъ.“ [4]

---

[1]) „Письма А. П. Чехова къ О. Л. Книпперъ-Чеховой“ 1924. Книгоизд. „Слово“.
[2]) „Письма Чехова“, томъ VI, стр. 162.
[3]) Ibid., стр. 180.
[4]) Ibid., стр. 183.

2 апрѣля 1902 г. Чеховъ пишетъ изъ Ялты:

Многоуважаемый и дорогой Никодимъ Павловичъ,

я не знаю вернулись ли Вы въ Петербургъ (Вы писали, да и изъ газетъ видно, что Вы въ Москвѣ), но все же позвольте напомнить Вамъ о своемъ существованіи. Начну съ того, что въ Ялтѣ уже настоящая весна, зеленѣютъ деревья, отцвѣтаютъ персики, тепло, актеръ Сазоновъ въ собственномъ имѣніи пьетъ чай не иначе, какъ на чистомъ воздухѣ. Здоровье мое въ февралѣ и началѣ марта было плохо; я похудѣлъ и много кашлялъ, теперь же дѣла мои очевидно пошли на поправку, чувствую себя хорошо. Очень хотѣлось бы повидаться съ Вами и поговорить, узнать подробности о послѣднихъ академическихъ выборахъ. До сихъ поръ для меня еще многое не ясно, по крайней мѣрѣ я не знаю, что мнѣ сдѣлать, оставаться ли мнѣ въ почетныхъ академикахъ или уходить.[1]

Л. Н. Толстому лучше, это несомнѣнно — болѣзнь (воспаленіе легкихъ) миновала, но все же онъ слабъ, очень слабъ, только недавно сталъ сидѣть въ креслѣ, а то все лежалъ. Ходить будетъ еще не скоро. Я былъ у него третьяго дня, и онъ показался мнѣ выздоравливающимъ, но очень старымъ, почти дряхлымъ. Много читаетъ, голова ясная, глаза необыкновенно умные. Писать, конечно, нельзя, но все же есть кое-что новое, имъ написанное; объ этомъ, впрочемъ, поговорю при свиданіи. А когда увидимся? напишите, пожалуйста. Мнѣ, повторяю, очень хочется поговорить съ Вами, и хочется, и очень нужно. Желаю Вамъ всего хорошаго, низко кланяюсь Вамъ и Вашей семьѣ. Будьте здоровы и благополучны.

Вашъ А. Чеховъ.[2]

Возможно, что желаніе Чехова повидать Н. П., кромѣ иныхъ причинъ, находится также въ непосредственной связи съ выборами А. П. въ академики. Такое предположеніе подтверждается письмомъ Чехова къ В. Г. Короленко, писаннымъ 28 августа 1902 г. изъ Ялты по поводу тѣхъ же выборовъ:

Дорогой Владиміръ Галактіоновичъ,

вотъ еще подробности. Когда мною были написаны заявленіе къ К. К.[3] и письмо къ Вамъ, вдругъ явился гость — академикъ К.,[4] котораго Вы знаете. Мы разговорились, и онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что заявленіе слѣдуетъ посылать на имя А. Н. В.,[5] т. к. сей состоитъ предсѣдателемъ отдѣленія, но вовсе не на имя К. К., который состоитъ только членамъ отдѣленія, какъ я и Вы. Я быстро переписалъ заявленіе и въ тотъ же день послалъ его на имя В.[6]

Слѣдующее письмо, продолжающее непосредственную переписку, относится къ 12 декабря 1902 г.

[1]) Исторія этихъ выборовъ и отказа А. П. Чехова отъ почетнаго званія изложена въ примѣчаніяхъ, составленныхъ Б. Л. Модзалевскимъ къ „Новымъ письмамъ Чехова", стр. 125—131.

[2]) „Письма Чехова", т. VI, стр. 216.

[3]) Великій князь Константинъ Константиновичъ.

[4]) Н. П. Кондаковъ.

[5]) Александръ Николаевичъ Веселовскій (1838—1906), историкъ литературы.

[6]) „А. П. Чеховъ и В. Г. Короленко, Переписка", 1923, Москва, п. XXVII, стр. 72.

Многоуважаемый Никодимъ Павловичъ,

я опять въ Ялтѣ, можете себѣ представить. Въ Москвѣ прожилъ до декабря и хотѣлъ было ѣхать заграницу, но послѣ нѣкотораго размышлянія повернулъ въ Ялту. Заграницей, какъ говорятъ и пишутъ, теперь очень холодно, въ Вѣнѣ 12—15 градусовъ мороза, въ Италіи — снѣгъ, а на Ривьеру ѣхать не хотѣлось, надоѣла она очень. И я рѣшилъ прожить мѣсяца два дома, а потомъ поѣхать заграницу. Будьте добры, напишите мнѣ въ свободную минуту, собираетесь ли Вы заграницу, не раздумали ли и, если собираетесь, то когда поѣдете, въ какомъ мѣсяцѣ.

И напишите также, не завидуете ли Вы мнѣ, что я въ Ялтѣ. Здѣсь неистовый вѣтеръ, снѣгъ, на морѣ буря и вотъ уже 10 дней прошло, какъ мы не видѣли солнца. Зима, какъ говорятъ старожилы, небывало скверная, не по-крымски суровая.

Желаю Вамъ и семьѣ Вашей всего хорошаго, больше же всего здоровья. Не забывайте преданнаго Вамъ А. Чехова.[1]

Послѣднее письмо, извѣстное намъ, датируется 26 янв. 1904 г. и написано въ Москвѣ.

Многоуважаемый Никодимъ Павловичъ!

Холодное равнодушіе, о которомъ вы пишете мнѣ (петербургской публики ко „Дну"), вѣроятно, уже забыто Художественнымъ театромъ; вчера Немировичъ-Данченко поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы нанять театръ — представленій на двадцать, а то и тридцать. Если ему это удастся, то повезутъ „Юлія Цезаря" и „Вишневый Садъ". Смотрите пока эти пьесы, а ужъ въ будущемъ году можно будетъ возвратиться къ пьесамъ Кукольника и Полевого.

Здоровье мое недурно сравнительно съ прошлогоднимъ; меньше кашляю и чувствую себя бодрѣе, хочется работать, и если не работаю, то виноваты въ этомъ мои двери, пропускающія сквозь себя безчисленное множество посѣтителей. Около 10 февраля уѣду, по всей вѣроятности, въ милую Ялту. Собирался заграницу, но не поѣхалъ и не скоро поѣду, т. к. нѣтъ денегъ; и къ тому же лѣтомъ поѣду съ женой въ Швецію, по крайней мѣрѣ, мечтаю объ этомъ, а для этой поѣздки нужно приберечь и деньги и силы.

Вы ищете имѣніе, а я ищу для себя дачу и никакъ не найду. Имѣніе найти теперь трудно, купить еще труднѣе, а жить въ собственномъ имѣніи еще труднѣе; по моему, лучше всего арендовать у Удѣльнаго вѣдомства на 99 лѣтъ десятинъ десять на рѣкѣ, или гдѣ-нибудь у озера.

Вы ничего не написали мнѣ о Вашемъ здоровьи и не написали, куда Вы собираетесь въ мартѣ уѣхать. Опять въ Италію?

Когда напишете разсказъ, то, пожалуйста, пришлите.[2] А чтобы пьесу напи-

[1]) „Письма Чехова", томъ VI, стр. 262.

[2]) Быть можетъ, рѣчь идетъ о разсказѣ Никодима Павловича — „Сонъ Археолога", который былъ имъ написанъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Д. В. Айналовъ въ своей статьѣ: „Академикъ Н. П. Кондаковъ, какъ историкъ искусства и методологъ", „Seminarium Kondakovianum", II, 1928, стр. 312.

сать въ современномъ духѣ или вкусѣ, то для этого нужно знать секретъ, который, пожалуй, открою Вамъ: нужно писать пьесу зажмурясь.

За письмо, которое Вы прислали мнѣ, я безконечно благодаренъ Вамъ и долго, долго буду считать себя Вашимъ должникомъ. Большое Вамъ спасибо. Отъ души желаю Вамъ силъ и здоровья.

Вашъ А. Чеховъ.[1]

Этимъ письмомъ кончаются, повидимому, непосредственныя сношенія Н. П. Кондакова съ А. П. Чеховымъ. Какъ извѣстно, въ іюлѣ того же 1904 года писатель умеръ въ Баденвейлерѣ.

Приведенный выше матеріалъ свидѣтельствуетъ въ значительной мѣрѣ уже самъ за себя, наглядно демонстрируя тѣ необыкновенно значительные отзывчивость и интересъ къ окружающей жизни, которые жили въ душѣ Н. П. Кондакова.

Правда, передъ нами нѣтъ непосредственныхъ писемъ Никодима Павловича, а имѣются только отклики ему Чехова, но и этого достаточно.

Тотъ, кто внимательно читалъ письма А. П. Чехова, можетъ утверждать, что писатель всегда чрезвычайно чутко отзывался на интересы своихъ корреспондентовъ: съ каждымъ говорилъ онъ по особенному, видимо тщательно оцѣнивая индивидуальные черты и запросы каждаго.

И въ письмахъ А. П. Чехова къ Н. П. Кондакову, написанныхъ всегда въ тонахъ душевнаго расположенія къ ученому, вопросы литературы, искусства, общественной жизни, природа, юмористическія мелочи быта, своего рода любовное воспріятіе міра — занимаютъ главное мѣсто. Въ отголоскахъ личныхъ писемъ Н. П. Кондакова, слышимыхъ иногда въ отвѣтахъ А. П. Чехова, подтверждается это обстоятельство: такія темы затрагивались Чеховымъ не случайно, но дѣйствительно были близки душѣ Н. П. Кондакова.

Но не краснорѣчивѣе ли всего говоритъ о поразительной и неизсякаемой, органической жизненности Н. П. Кондакова тотъ замѣчательный и характернѣйшій фактъ, ставшій намъ извѣстнымъ изъ писемъ Чехова, что академикъ, заслуженный профессоръ и ученый съ міровымъ именемъ, человѣкъ почтеннаго возраста, нашелъ возможнымъ лично выступить въ пушкинскіе дни 1899 г. въ скромной маленькой Ялтѣ, на любительской сценѣ, въ роли пушкинскаго Пимена? И не символически ли могли звучать въ его устахъ, устахъ человѣка, всю свою жизнь отдавшаго наукѣ о прошломъ, безсмертныя слова монолога въ кельѣ Чудова монастыря о высокой задачѣ лѣтописца запечатлѣть и передать „потомкамъ православныхъ земли родной минувшую судьбу“.

Ник. Андреевъ.

Прага, 1930.

---

[1]) „Письма Чехова“, т. VI, стр. 262.

Б. В. ФАРМАКОВСКІЙ

26 іюня 1928 г. скончался, на 59-мъ году жизни, профессоръ Борисъ Владиміровичъ Фармаковскій.

Для русской науки, это, по истинѣ, незамѣнимая утрата, особенно теперь, когда въ Россіи такъ реально стоитъ опасность разрыва научной традиціи, а уцѣлѣвшимъ и немногочисленнымъ ея носителямъ приходится героически вести свою работу въ невыносимо тяжелыхъ условіяхъ.

Ближайшимъ сотрудникамъ и сверстникамъ покойнаго предстоитъ оцѣнить значеніе его трудовъ въ области археологіи и исторіи античнаго искусства и сохранить для потомства его высокій моральный обликъ.

Б. В. Фармаковскій родился 31 января 1870 г. въ Вяткѣ. Въ 1892 г. онъ окончилъ Историко-Филологическій факультетъ Императорскаго Новороссійскаго Университета въ Одессѣ, гдѣ пользовался руководствомъ профессоровъ А. А. Павловскаго и Э. Р. фонъ-Штерна. По окончаніи Университета Б. В. жилъ въ Аѳинахъ, гдѣ имѣлъ возможность подъ руководствомъ знаменитаго Дерпфельда пройти первоклассную школу практической археологіи. Съ 1898 г. Б. В. работалъ въ качествѣ ученаго секретаря въ Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ. Въ 1901 г. Б. В. былъ назначенъ членомъ Императорской Археологической Комиссіи, а въ 1902 г. защитилъ диссертацію („Аттическая вазовая живопись“) на степень магистра.

Главнымъ дѣломъ жизни покойнаго ученаго, создавшимъ ему огромную популярность, было изслѣдованіе Ольвіи. Ежегодно, начиная съ 1901 г. по 1915 г. и съ 1924 г. по 1926 г., Б. В. производилъ тамъ раскопки и свой, т. н. послойно-квадратный методъ Фармаковскаго. Результаты этой огромной работы, производившейся съ большой обстоятельностью, съ занесеніемъ каждой мелочи въ дневники, сопровождаемыя чертежами и фотографическими снимками, Б. В. публиковалъ въ своихъ многочисленныхъ отчетахъ, дающихъ детальную картину почвы античнаго города, отражающую исторію его возникновенія, роста и упадка.

Изслѣдованіемъ Ольвіи и ея памятниковъ не ограничивается кругъ научныхъ интересовъ Б. В. И до ольвійскихъ работъ и послѣ ихъ начала вниманіе Б. В. привлекали и другіе источники-памятники, и имъ оставлено въ этой области много цѣнныхъ работъ, содержащихъ изданіе неизвѣстныхъ ранѣе матеріаловъ юга Россіи и Кавказа. Труды общаго характера, вышедшіе изъ подъ пера Б. В. (напримѣръ: „Аттическая вазовая живопись“ и, въ особенности, „Архаическій періодъ въ Россіи“), заняли почетное мѣсто въ литературѣ предмѣта и до сихъ поръ сохраняютъ свое значеніе. Основанный на изученіи громаднаго количества памятниковъ, широкій синтезъ Б. В. незамѣнимъ для составленія общихъ

представленій въ изслѣдованной имъ области и еще долго будетъ служить отправнымъ пунктомъ для детальныхъ работъ по частнымъ вопросамъ, имъ охваченнымъ. Въ лицѣ Б. В. счастливо соединялись ученый историкъ и ученый археологъ въ области античнаго искусства, и достойнаго замѣстителя ему въ настоящее время нѣтъ. Дай Богъ, чтобы научная традиція, столь блестящимъ представителемъ которой былъ покойный, на немъ не оборвалясь.

А. К.

ПАМЯТИ В. И. ГОШКЕВИЧА

Думая о Гошкевичѣ, вспоминаешь еще нѣсколько такихъ же русскихъ дѣятелей, основателей мѣстныхъ музеевъ. Это Мартьяновъ, Клеръ, Жизневскій и Эварницкій. Нравственный обликъ ихъ одинъ и тотъ же: искренняя преданность идеѣ, организаторская способность и мягкость характера. Въ этихъ свойствахъ вся ихъ сила; разница лишь во внѣшнихъ условіяхъ и темахъ работъ.

Гошкевичи — выходцы изъ Венгріи (Гошекъ). Отецъ его — профессоръ философіи Кіевской Духовной Академіи. Послѣ его смерти В. И. получаетъ помѣщеніе въ колокольнѣ Михайловскаго монастыря и занятъ приведеніемъ въ порядокъ архива. Тогда же онъ сближается съ Н. И. Петровымъ и В. Б. Антоновичемъ, принимая дѣятельное участіе въ ихъ текущихъ работахъ и живя главнымъ образомъ на газетный заработокъ. Въ Кіевскомъ Университетѣ онъ поступилъ, по склонности, на математическій факультетъ, шелъ очень хорошо и уже со второго курса сталъ отвѣтственнымъ астрономомъ-вычислителемъ. По семейнымъ обстоятельствамъ В. И. долженъ былъ оставить Университетъ и уѣхалъ къ брату въ Херсонъ, гдѣ сталъ секретаремъ Статистическаго Комитета, оставивъ блестящія страницы въ исторіи его дѣятельности. Въ казенную статистику онъ вложилъ научные пріемы, приблизилъ ее къ жизни, до поры до времени былъ высоко цѣнимъ администраціей и пользовался всероссійскою извѣстностью (11 ежегодныхъ губернаторскихъ отчетовъ, списки населенныхъ мѣстъ). Усердный покровитель В. И., губернаторъ Оболенскій исхлопоталъ разрѣшеніе на изданіе имъ газеты („Югъ", 1897—1907), которая потребовала огромнаго напряженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ будила общественную жизнь и собрала массу свѣдѣній по исторіи и археологіи края. Воспитанникъ Кіева, Гошкевичъ, по пріѣздѣ въ Херсонъ тотчасъ принялся за изученіе богатыхъ мѣстныхъ древностей, начавъ это дѣло немедля странствованіями на Кугугуры. Многочисленныя поѣздки по губерніямъ (на безплатныхъ земскихъ лошадяхъ) и газета создали большой кадръ корреспондентовъ, сообщавшихъ отовсюду свѣдѣнія и доставлявшихъ вещи. Для корреспондентовъ (ихъ было до 800 чел.) В. И. издавалъ программы, въ которыхъ археологіи отводилось видное мѣсто; переписка съ ними шла неустанно. Много матеріала дано было Стемпковскимъ (Парканы), а послѣ въ Херсонъ перешла и коллекція Скадовскаго. Мѣстный музей въ зачаточномъ

видѣ существовалъ уже при Статистическомъ Комитетѣ. Съ умноженіемъ коллекцій онъ получилъ особое помѣщеніе (3 комнаты) при городской библіотекѣ и находился при ней 11 лѣтъ, еще въ мало развитомъ видѣ. Послѣ закрытія газеты В. И. принимается за музей вплотную, основавъ при немъ художественный отдѣлъ и занявшись раскопками. Заботы объ обогащеніи музея, безконечная и напряженная работа для поддержанія его въ порядкѣ наполняютъ остальную рабочую часть жизни В. И. Смерть достойной жены, а затѣмъ открывшаяся болѣзнь (склерозъ мозга) подрываютъ силы В. И. Съ 1922 года всякая работа прервалась, и В. И. существовалъ лишь заботами ближайшихъ родныхъ († 2 марта 1928 года).

Все самопожертвованіе, вся энергія В. И. объясняются его нѣжною любовью къ древностямъ, какъ къ вещамъ, такъ и памятникамъ старины. Съ вещами рѣдкими онъ носился какъ дитя, наслаждаясь ихъ прелестью и вникая въ ихъ научный смыслъ; онъ ихъ такъ помнилъ, что всегда могъ нарисовать на память. Для объясненія ихъ онъ непрерывно поддерживалъ сношенія съ археологами. Живою любовью къ древностямъ была наполнена его вся жизнь. Собирать вещи В. И. началъ съ нѣжнѣйшаго возраста, по его воспоминаніямъ съ 6 лѣтъ, и почти всѣ онъ помнилъ до конца. Въ студенческіе годы онъ вмѣстѣ съ В. З. Завитневичемъ выходилъ въ окрестности Кіева для осмотра древностей, руками копая попорченные курганы. Они же первые открыли Звѣринецкія пещеры и чуть не погибли тамъ отъ обвала. Вотъ изъ какой среды вышелъ Херсонскій музей.

Высокообразованный, остроумный, вдумчивый, В. И. былъ интереснымъ собесѣдникомъ и заражалъ своими темами, казалось бы, самыя закоренѣлыя сердца. Увлекала насыщенность и богатство его душевнаго содержанія. Большой успѣхъ имѣли его воскресныя объясненія въ Музеѣ, который въ это время бывалъ переполненъ. Еще неотразимѣе были интимныя личныя бесѣды его, къ которымъ онъ охотно прибѣгалъ, какъ къ испытанному средству. В. И. умѣлъ занять и молодежь и взрослыхъ. Въ свое время, чтобы помочь гимназистамъ, онъ составлялъ и ставилъ пьесы на латинскомъ языкѣ, и въ трудныя минуты сильно поддерживалъ настроеніе педагогическаго персонала, переведеннаго изъ Юрьевскаго Учит. Института. Горя стремленіемъ къ уединенной научной работѣ, В. И. въ то же время все дѣлалъ на міру, стараясь все окружающее привлечь къ работѣ. Онъ даже газеты читалъ вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь. Всѣ пріѣзжіе въ Херсонъ обязательно пользовались его домашнимъ гостепріимствомъ. Газета велась цѣлымъ комитетомъ. Все дѣлалось общими усиліями, кромѣ только того, чего всякій избѣгалъ — разныхъ мелочей, столь отягощающихъ жизнь, въ видѣ этикетокъ, инвентарей и пр. Тутъ В. И. служилъ дѣлу одинъ и безропотно. Умѣнье заинтересовать каждаго и вмѣстѣ, немедля, съ каждымъ раздѣлить его трудъ, принявъ на себя его черную сторону, есть вторая сила В. И., давшая успѣхъ музею. В. И. не боялся никакого труда. Городскіе и земскіе дѣятели, помѣщики, молодежь, дремлющія провинціальныя силы — все подчинялось его вліянію и его волѣ: спеціалисты охотно становились его помощниками.

Какъ ученый, В. И. очень хорошо понималъ, что русская археологія находится еще въ стадіи собиранія матеріала, не стремился самъ къ скорымъ заключеніямъ и относился осторожно къ чужимъ гипотезамъ. Набрать поболѣе матеріала, пар-

тіями и по зернышку — его девизъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ясно сознавалъ, что мѣстный матеріалъ важенъ именно въ сосредоточенномъ видѣ и принималъ всѣ мѣры противъ передачи его въ столичные музеи, гдѣ онъ легко могъ пропасть въ общей массѣ и въ отрывочномъ видѣ утратить свое значеніе. Онъ сумѣлъ отвоевать цѣлый рядъ Эрмитажныхъ вещей и пріобрѣлъ за хорошую цѣну оставшуюся въ Россіи часть коллекціи Суругана. Въ помощь изслѣдователямъ В. И. сумѣлъ составить при музеѣ очень недурную археологическую библіотеку. По основной мысли В. И., музей долженъ существовать не для самаго себя, а составлять неотъемлемую часть какого-то изслѣдовательскаго Института, который и долженъ развить дальнѣйшую дѣятельность по изученію края. Отсюда и идетъ его неустанное стараніе держать въ музеѣ все въ порядкѣ, по его выраженію „уточнить" матеріалъ.

Самъ В. И. печаталъ мало, по трудности изученія археологическаго матеріала, по дороговизнѣ. Но никогда не утратитъ своего значенія его основной трудъ: „Клады Херсонской губ.", изданный въ значительномъ количествѣ экземпляровъ съ цѣлью удержать мѣстное населеніе отъ хищническихъ раскопокъ. Здѣсь охваченъ лишь древнѣйшій періодъ и издана лишь часть собранныхъ матеріаловъ. Большое собраніе данныхъ для археологической карты осталось не проработаннымъ до конца. Цѣнны раскопки римскихъ городищъ, изданныя Археологическою Комиссіей. Многочисленныя мелкія замѣтки газетнаго характера не поддаются учету. Музею посвящены 7 вып. его „Лѣтописи".

Скончался онъ 68 л. отъ роду. В. И. Васнецовъ написалъ съ него этюдъ для изображенія апостола Павла.

W.

АКАДЕМИКЪ АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ СОБОЛЕВСКІЙ

Въ Москвѣ въ іюнѣ 1929 года умеръ прославленный русскій ученый, академикъ Алексѣй Ивановичъ Соболевскій. Родился онъ 8 янв. 1856 г. тоже въ Москвѣ, здѣсь же и окончилъ Императорскій Университетъ. Степень магистра получилъ въ 1882 г. за диссертацію „Изслѣдованія въ области русской грамматики" (Варшава 1881 г.). Степень доктора въ 1884 г. за диссертацію „Очерки по исторіи русскаго языка" (Кіевъ 1884.) А. И. былъ профессоромъ русскаго языка и словесности сначала въ Кіевскомъ Университетѣ, а потомъ въ С-Петербургскомъ.

Полвѣка трудился А. И. и слава его жизни и ученыхъ работъ заслужена имъ. Его работы по славянской и русской филологіи многочисленны. „Лекціи по исторіи русскаго языка" стали классической книгой. А. И. былъ особо тонкимъ изслѣдователемъ измѣненій церковно-славянскаго языка съ примѣсью діалектологической на почвѣ русской. Самый большой ученый по русской діалектологіи съ древнѣйшей поры до современныхъ говоровъ и по вопросамъ вліяній церковно-славянскаго и греческаго на русскій языкъ. Глубокій знатокъ графики

у славянъ, въ особенности Кирилловскаго письма на Руси. Его интересовали и вопросы древне-русскаго искусства. Онъ писалъ о фрескахъ въ Старой Ладогѣ и о русскихъ фрескахъ въ старой Польшѣ.

Какъ ученый, А. И. отличался прежде всего большой скромностью и особенно въ рѣшеніи новыхъ научныхъ вопросовъ. Въ своемъ предисловіи къ 3-му изданію „Лекцій по ист. рус. яз.“ (Москва 1907) А. И. говоритъ: „Мы не гонимся за обиліемъ выписокъ изъ рукописей, если эти выписки представляютъ однообразный матеріалъ, хотя владѣемъ такимъ ихъ количествомъ, что легко могли бы увеличить размѣры „Лекцій“ раза въ три. Мы не предлагаемъ ни на чемъ не основанныхъ гипотезъ и не предаемся лингвистическимъ мечтаніямъ (вошедшимъ, увы, въ моду въ молодую науку о русскомъ языкѣ).“ Свою большую независимость и остроту мысли А. И. подтверждалъ всегда и своимъ матеріаломъ, дабы было больше данныхъ для сопоставленій, выводовъ и гипотезъ.

Другой отличительной, героической чертой А. И. было большое мужество всегда и во всемъ. Онъ былъ рѣдко мужественнымъ русскимъ патріотомъ, всегда горѣвшимъ дѣйственной любовью къ Россіи. Въ 1918 году погибъ весь его архивъ, работы всей жизни, но онъ мужественно продолжалъ научную работу при всѣхъ трудностяхъ, вплоть до смерти. По прежнему въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ А. И. издаетъ памятники древне-славянской письменности, дѣлаетъ замѣтки по славянскимъ древностямъ, пишетъ рецензіи. Съ 1921 г. тамъ же печатаетъ свои замѣчательные „Русско-скиѳскіе этюды“ (т. XXVI — 1921; т. XXVII — 1922 и за 1926—27—28 гг.). И теперь, когда скиѳологія опредѣленно становится на путь самостоятельной научной дисциплины, послѣ „Этюдовъ“ А. И., эта наука о древнемъ югѣ Россіи обосновывается съ еще большей полнотой. А. И. ставитъ и рѣшаетъ вопросъ и о славянскомъ праязыкѣ, и о славянскомъ пранародѣ, и о его территоріи.

Только въ прошломъ году Академія Наукъ праздновала семидесятилѣтіе А. И. изданіемъ въ его честь Сборника научныхъ статей (лично онъ отъ всѣхъ празднованій рѣшительно отказывался). Этотъ замѣчательный памятникъ составленъ 109-ю учениками и почитателями А. И.,[1] „разсѣянными повсюду“, и изданъ какъ „Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ“ (Статьи по славян. филологіи и рус. словесности. 1928 г. VIII + 507 стр. + 2 порт. подъ редакціей акад. В. Н. Перетца). Сами участники такъ опредѣляютъ содержаніе сборника въ своемъ обращеніи къ А. И.: „Составъ его разнообразенъ, какъ разнообразны были Ваши интересы на протяженіи полувѣка. Здѣсь представлены всѣ отрасли русской и славянской филологіи — исторія языка и литературы, палеографія, діалектологія, этнографія и фольклоръ, исторія искусства и литературы вообще.“ Почти все обращеніе этого сборника къ А. И. можетъ быть и нами повторено, но уже какъ слова памяти по ушедшему отъ насъ:

„Ваша полувѣковая научная работа на поприщѣ славянской вообще и, въ частности, русской филологіи обогатила науку во всѣхъ ея отрасляхъ, куда заглядывалъ Вашъ пытливый взоръ. До васъ были попытки охарактеризовать

---

[1]) За недостаткомъ мѣста другіе авторы напечатали свои статьи въ честь А. И. въ Изв. Ак. Н.

особенности древне-русскаго языка, но Вамъ принадлежитъ безспорно честь быть первымъ историкомъ его. Вами создана русская палеографія, какъ система знаній. Вы объединили матеріалъ и построили схему русской діалектологіи какъ древняго времени, такъ и новаго, положивъ твердую базу для дальнѣйшихъ изученій. Въ области славянской филологіи Вы значительно углубили сдѣланное Вашими предшественниками и подарили наукѣ рядъ цѣнныхъ наблюденій, гипотезъ и выводовъ. Русская этнографія обязана Вамъ кромѣ естественнаго въ своемъ родѣ свода великорусскихъ пѣсенъ, — рядомъ остроумныхъ и значительныхъ по содержанію, несмотря на краткость, изслѣдованій и статей. Исторія русской литературы какъ древней, такъ и новой, — всегда занимала Васъ, но въ особенности важны Ваши работы для освѣщенія переводной литературы домонгольскаго и московскаго перюда. Не мало времени и силъ отдали Вы изученію проблемы славянской и русской археологіи, въ частности же — древне-русскому искусству“...

„Вы много лѣтъ дѣлились и въ аудиторіи Унивеситета и внѣ ея — своими мыслями и знаніями“...

Многіе труды А. И. изданы отдѣльно, но еще больше ихъ разбросано въ научныхъ журналахъ: въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, въ журналахъ „Живая старина“, „Русская Икона“, въ „Трудахъ археологическихъ съѣздовъ“ и др., а главнымъ образомъ въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словестности Императорской Академіи Наукъ“.[1]

Парижъ. *А. Прибыловскій.*

И. И. СРЕЗНЕВСКІЙ

(Къ пятидесятилѣтію со дня кончины.)

Въ нынѣшнемъ году исполнилось 50 лѣтъ со времени кончины незабвеннаго въ русской наукѣ Измаила Ивановича Срезневскаго, умершаго 9 февраля ст. ст. 1880 г. За этотъ 50-лѣтній періодъ времени славяно-русская наука въ Россіи, вступивши на путь своего широкаго развитія, достигла богатыхъ результатовъ, придя къ рѣшенію многихъ лежавшихъ передъ ней вопросовъ. Но рѣшенію этихъ вопросовъ должна была предшествовать обширная подготовительная работа по собиранію и изданію необходимаго сырого матеріала, а затѣмъ уже и первые, основанные на этомъ матеріалѣ, соображенія и выводы. Большія заслуги въ этомъ отношеніи принадлежатъ И. И. Срезневскому.

Родился онъ въ 1812 году въ Ярославлѣ. Съ годовщиной его смерти почти совпадаетъ годовщина его выступленія на научномъ поприщѣ. Юристъ по образованію и адъюнктъ этико-политическаго отдѣленія философскаго факультета (нынѣшняго юридическаго факультета) въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ и получилъ образованіе, Срезневскій въ началѣ 30-хъ годовъ обратился

[1]) Списокъ работъ ак. А. И. Соболевскаго до 1914 года см. „Матеріалы для біографическаго словаря дѣйствительныхъ членовъ Императорской Академіи Наукъ“, ч. II, Птгр., 1917 г.

съ увлеченіемъ романтика къ изученію быта, древностей, народнаго творчества и исторіи южной вѣтви русскаго народа, примкнувши къ начавшемуся тогда этнографическому изученію Россіи. Въ 1833—1838 гг. вышла его „Запорожская Старина“, сборникъ памятниковъ народнаго творчества и исторіи Малороссіи, а также работъ самого Срезневскаго по исторіи Малороссіи. Этотъ трудъ, хотя, по условіямъ того времени, и не достаточно критическій, создалъ Срезневскому имя въ кругу русскихъ этнографовъ.

Когда, вслѣдъ за первыми работами Румянцевскаго кружка и сношеніями со славянскимъ ученымъ міромъ, была осознана важность изученія славянства и его прошлаго и въ 1835 г. по новому университетскому уставу учреждались кафедры славяновѣдѣнія въ 4-хъ русскихъ университетахъ, въ числѣ 4-хъ кандидатовъ, отправившихся въ славянскія земли для подготовки къ занятію вновь учрежденныхъ кафедръ, былъ И. И. Срезневскій, посвящавшій вниманіе славянству еще въ своихъ первыхъ этнографическихъ занятіяхъ на югѣ Россіи. Онъ объѣздилъ и исходилъ въ трехлѣтній періодъ (съ осени 1839 по осень 1842 гг.) всѣ славянскія земли отъ Балтійскаго до Адріатическаго моря, что авторомъ его біографіи отмѣчено, какъ подвигъ. Знакомясь съ состояніемъ славянской науки у славянъ и нѣмцевъ, Срезневскій проявилъ широкій этнографическій интересъ къ славянству, изучалъ его языки и древности. Изъ завязанныхъ имъ связей съ учеными славянскаго запада надо отмѣтить, какъ важное для Срезневскаго, его знакомство съ П. І. Шафарикомъ, къ тому времени уже авторомъ своего труда „Slovanské starožitnosti“. Съ небывалымъ по тому времени запасомъ свѣдѣній о славянствѣ вернулся Срезневскій въ Россію и занялъ кафедру славяновѣдѣнія сперва въ родномъ Харьковѣ, а затѣмъ, со смертью А. И. Прейса, въ Петербургѣ. Явившись однимъ изъ основателей новой славянской науки въ Россіи, онъ прочно связалъ въ своихъ университетскихъ курсахъ русскую науку съ изученіемъ славянства. Написавши еще за границей рядъ работъ, посвященныхъ славянству, въ видѣ отчетовъ Министру Народнаго Просвѣщенія, Срезневскій въ Харьковѣ занялся разработкой собраннаго имъ огромнаго матеріала о славянствѣ. Онъ, какъ единственное компетентное въ то время лицо въ Россіи по вопросамъ славянской этнографіи, смогъ написать (въ 1843 г.) подробный разборъ труда П. І. Шафарика „Slovanský Národopis“. Рядъ статей его по славянскимъ древностямъ: „Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ“ (1846 г.), „Архитектура храмовъ языческихъ славянъ“ (1846), „Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ по свидѣтельствамъ современнымъ и по преданіямъ“ (1846), былъ большимъ шагомъ впередъ въ бѣдной тогда русской наукѣ о древностяхъ. Послѣдняя работа явилась его диссертаціей на степень доктора славянской филологіи, которая была представлена ему первому въ Россіи. Большимъ значеніемъ какъ для Срезневскаго, такъ и для русской науки былъ его переходъ въ Петербургъ (1847), богатый сосредоточеннымъ въ его книгохранилищахъ большимъ рукописнымъ матеріаломъ. Срезневскій приступилъ къ разсмотрѣнію этого матеріала и вскорѣ, въ 1849 году, издалъ свои знаменитыя „Мысли объ исторіи русскаго языка“, которыми онъ положилъ основаніе историческому изученію русскаго языка. Къ этому времени относится вступленіе Срезневскаго въ Академію Наукъ и въ ученыя общества. Своимъ вступленіемъ

во 2-ое Отдѣленіе Академіи Наукъ, онъ внесъ большое оживленіе въ жизнь послѣдняго. По его мысли было положено начало періодическимъ изданіямъ Отдѣленія „Извѣстіямъ“ и „Ученымъ Запискамъ“. Редактированіе этихъ изданій было возложено на Срезневскаго, стараніями котораго соединились вокругъ этихъ первыхъ органовъ Отдѣленія лучшія научныя силы русскія и славянскія (А. Х. Востоковъ, Ф. И. Буслаевъ, архіеп. Макарій, В. И. Григоровичъ, М. И. Сухомлиновъ, П. І. Шафарикъ и др.). Главнымъ вкладчикомъ въ эти изданія былъ самъ редакторъ ихъ Срезневскій, помѣстившій въ нихъ большое количество работъ по разнымъ вопросамъ славяно-русской науки. Весьма цѣнными и обширными отдѣлами въ „Извѣстіяхъ“ были: отдѣлъ о дѣятельности ученыхъ и отдѣлъ библіографіи, которую велъ почти исключительно самъ Срезневскій. Здѣсь онъ помѣщалъ свои рецензіи и замѣтки о трудахъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, что имѣло большое значеніе въ тѣ годы, при начавшемся широкомъ развитіи славяно-русской науки и при достаточно еще слабомъ знакомствѣ въ Россіи съ важными трудами западно-славянскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ. Съ прекращеніемъ „Извѣстій“ и „Ученыхъ Записокъ“ (въ 1863 г.), по учрежденіи общаго органа для всѣхъ отдѣленій Академіи — „Записокъ Имп. Ак. Н.“, 2-ое Отдѣленіе, дѣятельность котораго, главнымъ образомъ стараніями Срезневскаго, къ тому времени уже достаточно расширилась, предприняло изданіе „Сборника“ (1867), въ которомъ, какъ и въ „Запискахъ И. А. Н.“ были напечатаны главные труды Срезневскаго, начиная со второй половины 60-хъ гг. Также плодотворна была дѣятельность Срезневскаго и въ ученыхъ обществахъ — Географическомъ и Археологическомъ.

Состоя членомъ Географическаго общества съ 1847 г. по отдѣленію этнографіи, онъ принялъ дѣятельное участіе въ организаціи отдѣленіемъ собиранія матеріала бытового и поэтическаго, а также въ его разработкѣ. Онъ также обратилъ вниманіе общества на важный предметъ — географію русскаго и другихъ славянскихъ языковъ.

Слѣдствіемъ живого интереса Срезневскаго къ славяно-русской, а въ связи съ этимъ и къ византійской старинѣ было вступленіе его въ Археологическое Общество (1850 г.), въ которомъ онъ долгое время состоялъ управляющимъ отдѣленіемъ русской и славянской археологіи. Большое количество своихъ работъ по славяно-русскимъ и византійскимъ древностямъ онъ помѣстилъ въ „Извѣстіяхъ“ и „Запискахъ“ Археологическаго общества. Главное вниманіе его привлекала археологія церковная. Какъ членъ общества онъ работалъ по снятію копій съ фресокъ Кіевскаго Софійскаго собора, а также по описанію и копированію разныхъ предметовъ церковной древности другихъ кіевскихъ церквей и монастырей. Въ 1867 году онъ принялъ участіе въ археологическомъ съѣздѣ въ Антверпенѣ. Явившись однимъ изъ организаторовъ 1-го археологическаго съѣзда въ Россіи, на которомъ имъ была произнесена рѣчь о значеніи съѣзда, Срезневскій принялъ самое живое участіе въ слѣдующихъ 3-хъ съѣздахъ, прочитавши на нихъ нѣсколько докладовъ и помѣстивши въ трудахъ съѣздовъ нѣсколько цѣнныхъ работъ. На 1-мъ съѣздѣ онъ прочелъ докладъ на тему о двухъ азбукахъ, кириллицѣ и глаголицѣ, на 2-мъ „Нѣсколько припоминаній о современномъ состояніи русской археологіи“, на 3-мъ далъ очеркъ трудовъ кіевскихъ ученыхъ и обществъ по археологіи и археографіи. Въ трудахъ 3 и 4

съѣздовъ онъ помѣстилъ нѣсколько статей: „Списокъ съ подлинника древняго глаголическаго миссала“, „Святая Софія Цареградская по описанію русскаго паломника 12 в.“, „О русскихъ древностяхъ Казанской губерніи и средняго Поволжья“. Оживленная дѣятельность Срезневскаго въ Академіи и въ ученыхъ обществахъ, его широкіе и разносторонніе ученые интересы, при всей общительности его натуры, доставили ему обширнѣйшія ученыя связи. По словамъ автора его біографіи, онъ былъ „однимъ изъ центровъ, къ которому сходились ученыя силы Россіи и славянскихъ земель“.

Сознавши и отмѣтивши въ „Мысляхъ объ исторіи русскаго языка“ необходимость еще большой подготовительной работы, прежде чѣмъ будетъ приступлено къ выводамъ и обобщеніямъ фактовъ, Срезневскій и предпринялъ свою обширную работу по изданію и обслѣдованію памятниковъ русской рукописной старины. Онъ представилъ, какъ рядъ изданій отдѣльныхъ памятниковъ, такъ и большіе капитальные труды по изданію и обозрѣнію цѣлаго ряда ихъ: „Грамота вел. князя Мстислава и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю“ (1859), „Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ нѣмцами“ (1857), „Древніе памятники русскаго письма и языка X—XIV вв.“ (1861—1863), „Древніе памятники юсоваго письма“ (1868), „Древніе памятники письма и языка югозападныхъ славянъ“ (1864), „Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы“ (1866), „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ (1867, 1874, 1877, 1879 гг.). Въ этой своей дѣятельности онъ не ограничился богатѣйшими петербургскими собраніями, но, начиная со второй половины 50-хъ годовъ, предпринялъ рядъ путешествій по Россіи и въ Западную Европу съ цѣлью дальнѣйшихъ своихъ изысканій въ области рукописной старины. Имъ было сдѣлано нѣсколько важныхъ открытій, какъ, напр., „Саввина книга“, „Кіевскіе глаголическіе листки“. Приступивши къ изученію и обслѣдованію рукописной старины, Срезневскій положилъ основаніе тому своему цѣнному труду, который по его смерти былъ изданъ Академіей Наукъ подъ названіемъ „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка“. Срезневскій представилъ рядъ обширныхъ изслѣдованій въ области древне-русской литературы, снабдивши нѣкоторые памятники древней литературы цѣнными и донынѣ комментаріями. Изъ этихъ трудовъ какъ болѣе главные надо отмѣтить: „Повѣсть о Цареградѣ“ (1854), „Хоженіе Афанасія Никитина за три моря“ (1856), „Задонщина вел. кн. господина Дмитрія Ивановича и брата его Володимера Ондреевича“ (1858), „Древнія жизнеописанія русскихъ князей“ (1853), „Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ“ (1853), „Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ“ (1862); часть этихъ чтеній подъ заглавіемъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, какъ и большой трудъ „Обозрѣнія древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги“ увидѣли свѣтъ послѣ смерти Срезневскаго. Вышеприведенныя работы въ области исторіи литературы относятся главнымъ образомъ къ первой половинѣ петербургскаго періода его дѣятельности, ко времени изданія „Извѣстій“ и „Ученыхъ Записокъ“, затѣмъ дѣятельность его по изученію старой письменности направляется исключительно на изданіе памятниковъ, съ большимъ интересомъ къ палеографіи. Его палеографическія наблюденія надъ памятниками стараго письма за періодъ 50—70 годовъ были обширны и ему удалось сосредоточить огромное

количество снимковъ, часть которыхъ увидѣла свѣтъ, какъ приложеніе къ его труду „Древніе памятники русскаго письма и языка". Обслѣдуя съ палеографической точки зрѣнія и глаголицу, онъ издалъ 10 листовъ снимковъ къ своему труду „Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы". Срезневскому принадлежитъ также нѣсколько работъ по палеографіи общаго характера, напр., „Древнія русскія книги" (1864). Послѣ его смерти былъ напечатанъ его общій обзоръ славяно-русской палеографіи „Славяно-русская палеографія". Тѣсная связь славянскаго письма съ греческимъ привела Срезневскаго къ занятіямъ греческой палеографіей. Въ этой области надо указать на его „Палеографическія замѣтки" (1860) и „Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма" (1876).

Широкій интересъ Срезневскаго къ старинѣ нашелъ свое выраженіе въ цѣломъ рядѣ его изслѣдованій по вопросамъ археологіи. Обстоятельной является его работа, посвященная изображеніямъ древнихъ князей, „Древнія изображенія свв. кн. Бориса и Глѣба", напечатанныя въ „Христіанскихъ Древностяхъ и Археологіи" (1863); затѣмъ „Древнія изображенія в. кн. Владиміра и в. кн. Ольги" (1867). Въ этихъ изслѣдованіяхъ, особенно въ первомъ, Срезневскій посвятилъ много вниманія вопросу о древне-княжеской одеждѣ. Далѣе надо отмѣтить его слѣдующія статьи: „Древній византійскій ковчежецъ" (1863), съ подробнымъ изслѣдованіемъ этого памятника церковной старины, „Збручскій истуканъ" (1853), „Каменный крестъ у церкви Благовѣщенія въ Новгородѣ" (1862), „Антиминсъ 1149 г." (1862), „Навертень XVII в." (1863) и др., печатавшіяся въ „Запискахъ" и „Извѣстіяхъ" Археологическаго общества.

Въ настоящей замѣткѣ указаны только главнѣйшіе труды Срезневскаго, и если включить его мелкія статьи и рецензіи, то окажется свыше 300 названій. Своими изслѣдованіями и изданіями въ разныхъ областяхъ славянорусской науки онъ принялъ главное участіе въ той тяжелой и колоссальной работѣ, которая была выполнена русскими учеными въ 40—70 годахъ и которая обезпечила въ дальнѣйшемъ расцвѣтъ славяно-русской науки въ Россіи. Своей научной дѣятельностью Измаилъ Ивановичъ вписалъ лучшія страницы въ исторію русской науки и имя его не можетъ быть забыто.

Н. Кузьминскій.

GUSTAVE SCHLUMBERGER

Скончался на 85-омъ году жизни одинъ изъ наиболѣе видныхъ византинистовъ нашего времени, французскій историкъ Г. Шлумбержэ. Такъ одинъ за другимъ сходятъ въ могилу корифеи византиновѣдѣнія, — давно ли оплакивали мы кончину Н. П. Кондакова, Дж. Бьюри, Ѳ. И. Успенскаго. Заслуги Шлумбержэ передъ наукой византиновѣдѣнія общеизвѣстны, плодотворная его работа всѣмъ памятна. Покойный по образованію былъ медикомъ и въ качествѣ врача участвовалъ еще во франко-прусской войнѣ 1870 г. Но съ давнихъ поръ

привлекало его занятіе историческими науками, въ частности исторіей византійской имперіи, изученію которой онъ впослѣдствіи посвятилъ свою жизнь. Характеренъ и достопримѣчателенъ путь, введшій его въ кругъ историческихъ наукъ: историческая любознательность и зоркость покойнаго воспиталась и развилась на изученіи нумизматическаго, сигиллографическаго, геральдическаго матеріала. Огромная коллекція византійскихъ печатей, собранная этимъ тонкимъ цѣнителемъ и любителемъ историческаго и археологическаго знанія, послужила какъ бы основаніемъ его научной работы. И едва ли не самое значительное создано имъ именно въ этихъ областяхъ, — многочисленные, обширные труды его по изученію печатей, монетъ и пр. *являются постоянными вкладомъ*, имѣютъ непреходящую цѣнность. Достаточно назвать его „Sigillographie de l'empire byzantin" (Paris 1884), снабдившую византиниста совершенно новымъ матеріаломъ, открывшую византиновѣдѣнію новые горизонты. Намъ сейчасъ какъ-то трудно даже представить себѣ работу по исторіи административнаго строя Византіи безъ этого замѣчательнаго пособія.

Первое большое историческое изслѣдованіе Шлумбержэ, монографія объ императорѣ Никифорѣ Фокѣ, появилось въ 1890 г. Блестяще изданная, снабженная огромнымъ количествомъ иллюстрацій, блестяще, увлекательно легко написанная, книга эта, недаромъ вышедшая недавно во второмъ изданіи, въ высокой степени послужила пробужденію у образованнаго читателя интереса къ византійской исторіи. Въ привлеченіи вниманія къ этой вѣтви историческаго знанія, въ той своеобразной „реабилитаціи" Византіи, которую, ввиду глубоко укоренившихся предубѣжденій, въ концѣ прошлаго столѣтія пришлось производить ученымъ византинологамъ, никто не сыгралъ столь значительной роли, какъ покойный Шлумбержэ. Книга о Никифорѣ Фокѣ вполнѣ опредѣляетъ родъ творчества, который былъ свойственъ покойному французскому историку. Прямымъ продолженіемъ этой монографіи, какъ въ историко-хронологическомъ отношеніи, такъ и по духу является трехъ-томная „L'épopée byzantine à la fin du Xe siècle" (Paris 1896—1905). Здѣсь та же *роскошь изданія и любовно подобраннаго* иллюстраціоннаго матеріала, то же изящество и мастерство изложенія.

Это именно эпопея, со всей, свойственной эпосу, подробностью и пространностью повѣствованія, драматизмомъ и красочной картинностью. Влеченіе къ широкой героической эпопеѣ своеобразно сочеталось у Шлумбержэ съ кропотливымъ археологическимъ изученіемъ печатей, монетъ и медалей. Именно драматизмъ событій и привлекалъ его къ византійской исторіи, въ частности, къ исторіи эпохи крестовыхъ походовъ и латинскаго владычества на Востокѣ или исторіи временъ паденія Константинополя. Къ этимъ темамъ онъ въ своихъ трудахъ возращался постоянно. Какъ русскіе ученые при изученіи византійской исторіи исходили изъ связи Византіи со славянскимъ міромъ, Бьюри или Гельцеръ изъ ея преемственной связи съ древнимъ Римомъ, такъ для Шлумбержэ въ центрѣ вниманія находились нити, соединяющія византійскую имперію съ западнымъ средневѣковьемъ, со средневѣковымъ рыцарствомъ.

При всей интенсивности международнаго сотрудничества византинистовъ въ каждой изъ великихъ европейскихъ странъ наука византиновѣдѣнія имѣетъ свою національную окраску. На всей французской византинологіи явственно

виденъ отпечатокъ, наложенный Шлумбержэ; недаромъ всѣ французскіе византинисты — начиная съ такого крупнаго ученаго и великаго мастера художественнаго историческаго „essai“, какъ Диль — въ немъ чтили своего перваго учителя и доказали свою благодарность, выпустивъ двухъ-томный юбилейный сборникъ къ 80-ти лѣтію покойнаго. Но и въ русскомъ читателѣ труды Шлумбержэ, бывшаго члена Русскаго Археологическаго Общества, неизмѣнно находили живой откликъ и сочувствіе.

Г. Острогорскій.

ALDO ALBERTONI

Безвременная кончина (10 Сентября 1929) молодого итальянскаго ученаго Альдо Альбертони (профессора Феррарскаго Университета) — большая потеря для византиновѣдѣнія.

Альдо Альбертони родился 19 Ноября 1901 г. въ Болоньѣ въ высококультурной итальянской семьѣ (отецъ его, Піетро Альбертони, бывшій профессоръ физіологіи одного изъ итальянскихъ университетовъ, нынѣ сенаторъ Итальянскаго королевства).

Въ 1918 г. Альдо Альбертони поступилъ студентомъ на юридическій факультетъ Феррарскаго университета и обратилъ на себя вниманіе уже въ студенческой работѣ своими блестящими способностями.

По окончаніи университета (въ 1922 г.) Альбертони занялся спеціальными изысканіями въ области древне-греческаго и римскаго права, при чемъ удѣлилъ большое вниманіе папирологіи.

Осенью 1924 г. Альбертони началъ свою преподавательскую дѣятельность въ Урбинскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента при каѳедрѣ исторіи итальянскаго права; съ 1925 г. онъ перешелъ въ Феррарскій университетъ, гдѣ съ 1927 г. занялъ каѳедру исторіи права. Научный интересъ Альбертони къ этому времени уже окончательно сосредоточился на исторіи византійскаго права. Альбертони задумалъ составленіе общаго обзора исторіи византійскаго права и въ качествѣ предварительнаго проспекта и матеріаловъ по библіографіи будущаго труда издалъ тогда же книгу Per una esposizione del Diritto Bizantino con riguardo all' Italia (Imola 1927).

Книга эта представляетъ большую цѣнность, прежде всего, какъ библіографическое пособіе. Въ этой книгѣ замѣчательна также широкая постановка вопросовъ исторіи византійскаго права. Альбертони считаетъ возможнымъ подойти къ пониманію процессовъ развитія византійскаго права лишь въ общей рамкѣ славянскихъ и восточныхъ вліяній и отраженій. Книга Альбертони возбудила большія ожиданія, позволяла надѣяться на серьезныя достиженія дальнѣйшей ученой работы автора.

Неисповѣдимой волею Судебъ надеждамъ этимъ не было дано исполниться.

27 Октября 1929. *Г. Вернадскій.*

BIBLIOGRAPHIE DE N. P. KONDAKOV (SUPPLÉMENT II)[1]

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ СПИСКУ ТРУДОВЪ Н. П. КОНДАКОВА[1]

Конецъ 1880-*ыхъ, начало* 1890-*ыхъ гг.*

001. Греческое искусство [Литографированныя лекціи, читанныя въ СПб. Университетѣ], стр. 589.
[Безъ титула; на каждомъ листѣ есть подпись автора.]

1906—1907.

002. „Записка о вредѣ современнаго фабричнаго производства печатныхъ иконъ для русской иконописи. Журналъ Высочайше учрежденнаго Комитета попечительства о русской иконописи. [Засѣданіе] 10 марта 1903 года".
Иконописный Сборникъ, вып. I, СПб., 1906—1907, стр. 14—18.

1909.

003. Докладъ академика Н. П. Кондакова объ изданіи II-го тома Лицевого Иконописнаго Подлинника.
Иконописный Сборникъ, вып. III, СПб., 1909, стр. 95—97.

004. Замѣтка о нѣкоторыхъ сюжетахъ и характерѣ Спасо-Нередицкой росписи.
Памятники древне-русскаго искусства, изд. Имп. Академіи Художествъ, вып. II, СПб., 1909, стр. 3—5.

005. * Греческія изображенія первыхъ русскихъ князей. Сборникъ въ память св. равноапостольнаго кн. Владиміра (СПб.), 1917. О. Л. Д. П. (съ 4 таблицами).
См. Временникъ Общества Друзей Русской Книги. II, Парижъ 1928, стр. 104.

1926.

006. [Отрывокъ изъ „Воспоминаній и Думъ"]. Русская школа Николаевской эпохи. По воспоминаніямъ акад. Н. П. Кондакова.
„Русская школа за рубежомъ", книга 19—20, Прага, 1926, стр. 81—89.

1927.

007. The Russian Icon. By Nikodím Pávlovich Kondakóv, Fellow of the Russian Academy of Sciences. Translated by Ellis H. Minns, Litt. D. F. B. A. Fellow of Pembroke College, Cambridge. Corresponding Fellow of the Russian State Academy for the History of Material Culture.
Oxford. MCMXXVII. At the Clarendon Press. With sixty-five plates (four in colour), p. p. XXVI + 226.

1928.

008. Русская Икона, I. Альбомъ 65 цвѣтныхъ таблицъ.
1928. Seminarium Kondakovianum. Прага.

1929.

009. Русская Икона, II. Альбомъ 136 таблицъ.
1929. Seminarium Kondakovianum. Прага.

010. Очерки и замѣтки по исторіи средневѣковаго искусства и культуры.
Прага, 1929. Изданіе Чешской Академіи Наукъ и Искусствъ. Стр. III + 455 + 1 таблица.
[Чешскій титулъ:] Příspěvky k dějinám středověkého umění a kultury.
Praha, 1929. Vydala Česká Akademie Věd a Umění.

---

[1]) Voir: Recueil-Kondakov, Prague, 1926, pp. XXXIV—VL. «Seminarium Kondakovianum», Recueil d'études, I, Prague, 1927, pp. 315—317.

ДОБАВЛЕНІЯ КЪ ЛИТЕРАТУРѢ О Н. П. КОНДАКОВѢ

Въ спискѣ библіографическихъ очерковъ и юбилейныхъ замѣтокъ объ Н. П. Кондаковѣ, напечатаномъ въ Seminarium Kondakovianum, Recueil d'études, I, стр. 316, свѣдѣнія кассательно № 16 слѣдуетъ читать:

16. Д. В. Айналовъ. Академикъ Н. П. Кондаковъ, какъ историкъ искусства и методологъ (Докладъ въ Гос. Академіи Исторіи Матерьяльной Культуры, 13 января 1925 г.). Seminarium Kondakovianum II, 1928, стр. 311—321.
19. Др. Кр. Миятевъ. Никодимъ Павловичъ Кондаковъ и Българската Древность. Сказка, четена на тържественото заседание на Института на 16 октомвра 1924. IV Отчетъ на Българския Археологически Институтъ въ София. София 1925, стр. 53—61.
20. * Г. Чубинашвили. Н. П. Кондаковъ и его научная дѣятельность.
    Записки Тифлисскаго Университета. № 6. Тифлисъ, 1925.
21. A. Heisenberg. Nikodim Pavlovič Kondakov.
    Byzantinische Zeitschrift, B. XXV, Leipzig, 1925, S. 271—2.
22. Karel Chytil, Profesor Dr. Nikodim Pavlovič Kondakov.
    Almanach České Akademie Věd a Umění. Ročnik XXXVI., v Praze, 1926, стр. 89—105.
23. Josef Cibulka, Nikodim Pavlovič Kondakov.
    Ročenka Kruhu pro Pěstování Dějin Umění za rok 1925. Praha, 1926, стр. 3—7.
24. Professor N. P. Kondakov. By N. M. Belaiew, Ph. D. (Prague), translated by Colonel N. T. Belaiew, C. B.
    The Journal of the British Archeological Asociation, December, 1926, стр. 281—293.
25. Евгеній Аничковъ. Н. П. Кондаковъ, 1844—1925.
    Slavia, ročnik VII, seš. 1., Praha, 1928, стр. 44—62; seš. II., Praha, 1928, стр. 298—310.

Матеріалы для біографіи

26. В. Муромцева, Н. П. Кондаковъ (Къ пятилѣтію со дня смерти).
    „Послѣднія Новости", 21 февраля 1930 г., Парижъ.
27. Ник. Андреевъ. Н. П. Кондаковъ въ письмахъ А. П. Чехова (Матеріалы для біографіи).
    Seminarium Kondakovianum, Recueil d'études, III, 1930, стр. 271—282.

Статьи о „Воспоминаніяхъ и Думахъ" Н. П. Кондакова

28. А. В. Флоровскій. Н. П. Кондаковъ въ его собственномъ изображеніи.
    „Возрожденіе", 21 апрѣля 1927 г.
29. П. Бицилли. Воспоминанія Кондакова.
    „Звено", 1 сентября 1927 г. (№ 3), Парижъ, стр. 141—146.
30. А. А. Кизеветеръ. Воспоминанія и Думы Н. П. Кондакова.
    Современныя Записки, т. XXXII, Парижъ, 1927, стр. 462—465.

1.

2.

3.

4.

ХРОНИКА

ОТЧЕТЪ ОБЪ ОСМОТРѢ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ ЗНАМЕНІЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ КУРСКОЙ КОРЕННОЙ

Въ русской церкви въ Бѣлградѣ находится чудотворная икона Знаменія Божіей Матери, такъ называемая Курская Коренная.

Въ настоящее время икона хранится въ слѣдующемъ видѣ: она покрыта серебряной ризой, находится въ серебряномъ ящикѣ, скрѣпляемомъ съ ризой особыми скобами (такъ, что риза и ящикъ представляютъ 2 ящика, покрывающихъ одинъ лицевую сторону, другой — оборотную и вставляющихся одинъ въ другой) и кромѣ того покрыта еще серебряной пластиной съ прорѣзями, картономъ и слюдой (целлулоидомъ). Въ такомъ видѣ она наглухо закрыта и герметически закупорена, что, конечно, благопріятствовать хорошему ея сохраненію не можетъ.

*

По снятіи съ иконы ризы оказалось:

1) Что вся икона покрыта неровной черной или темно-коричневой массой, происшедшей отъ сварившейся олифы, копоти и грязи, въ достаточной мѣрѣ твердой и поддающейся только, если скрести ее чѣмъ либо острымъ.

2) Исключенія составляютъ: Лики Б. М. и Христа (табл. XXIII, 1 и 2), потускнѣвшіе, но не потерявшіе своего первоначальнаго цвѣта, и отчасти и лики нѣкоторыхъ пророковъ, просвѣчивающіе изъ-подъ темнаго слоя.

Все остальное настолько закрыто темнымъ слоемъ, что разобрать деталей рисунка невозможно, хотя видно, что почти повсюду, гдѣ незатронутъ левкасъ, краски въ хорошей сохранности. Это подтвердилось и частичными незначительными пробами расчистки (удалось обнаружить въ совершенно черныхъ мѣстахъ золотой фонъ и яркую киноварь одежды одного изъ пророковъ).

По верхнему и боковому (правому) полямъ иконы идутъ надписи, сдѣланныя бѣлой краской и сохранившіяся тоже нецѣликомъ. На внѣшнемъ верхнемъ полѣ читается: слѣва — Св. Пророци, посрединѣ — Образъ Гда Саваоѳа, надъ лѣвымъ угловымъ клеймомъ — Давидъ, надъ правымъ угловымъ клеймомъ — Пророкъ Соломонъ. На внѣшнемъ правомъ полѣ: около нижняго клейма — Пророкъ Илія, около 2-го снизу — Пророкъ Іеремія. Изображеніе послѣдняго находится въ настоящее время въ наиболѣе сохранномъ видѣ (табл. XXIII, 3).

*

Икона состоитъ изъ 2-хъ важнѣйшихъ частей:

1) Небольшой (17—14,5 cm) доски съ самой чудотворной иконой Знаменія (табл. XXIII, 4), вставленной въ другую бо́льшую (41—34 cm) такъ, что задняя ея сторона находится внутри бо́льшей доски, а такъ какъ щели залевкашены, то меньшая доска не можетъ быть ни извлечена, ни обозрѣваема съ задней стороны; и 2) бо́льшей доски обычной структуры — изъ 2-хъ (въ мѣстѣ ихъ скрѣпленія левкасъ нѣсколько надтреснулъ) съ 2-мя шпонками, сидящими въ своихъ пазахъ. Обѣ доски имѣютъ ковчегъ. Левкасъ сохранился на иконѣ всюду, кромѣ: 1) ея нижняго края и 2) отдѣльныхъ выпадовъ: на верхнемъ полѣ — изображеніе Бога Саваоѳа, на нижнемъ — изобр. средняго пророка, и на боковыхъ — незначительные. Левкасъ полей (съ пророками) находитъ и на среднюю доску, по крайней мѣрѣ на ея края; щели между досками были залевкашены.

Внутренняя часть малой доски не даетъ ровной поверхности и, повидимому, здѣсь нѣсколько прописей, а можетъ быть даже тонкихъ слоевъ левкаса, находящихъ другъ на друга и сглаженныхъ только покрывающимъ темнымъ слоемъ.

Въ нѣкоторыхъ выщербинахъ левкаса видны остатки синей краски, что м. б. и говоритъ о томъ, что подъ теперешней живописью имѣется еще одна. Рѣшить этотъ вопросъ нельзя безъ болѣе пространныхъ развѣдокъ вглубь иконы, сдѣлать чего безъ ея порчи невозможно. Весьма вѣроятно, что если нижній слой живописи и имѣется, то онъ въ такомъ видѣ, что никакой цѣны съ художественной стороны не представляетъ.

*

Икона (и среднякъ и поля) была написана на золотомъ фонѣ, сохранившемся почти повсюду подъ темнымъ слоемъ.

Лики Божіей Матери и Младенца (табл. XXIII, 1, 2 и 4) — желтаго вохренія съ очень слабой зеленью въ тѣняхъ и еще болѣе слабой краснинои въ румянцѣ у Христа. Мафорій — темновишневаго пурпура съ золотой каймой. Пророки въ красныхъ и зеленыхъ одѣяніяхъ (вперемежку — то хитонъ красный и гиматій — зеленый, то наоборотъ). Лики ихъ писаны на буроватомъ санкирѣ плавнымъ пятномъ вохренія, рѣзко отъ темнаго санкиря отдѣляющимся, и рѣзкими ударами — штрихами бѣлилъ. На одеждахъ пророковъ въ складкахъ тоже имѣются тѣ же удары чистыхъ бѣлилъ (табл. XXIII, 3).

Такимъ образомъ живопись средней части и живопись полей носятъ совершенно различный характеръ.

Если сопоставить изложенное съ традиціонной исторіей иконы, то приходится сказать, что древнѣйшая живопись времени явленія иконы (1295), если и имѣется, то скрыта въ настоящее время отъ нашихъ глазъ.

Поля съ изображеніями пророковъ не даютъ повода къ сомнѣніямъ. Даже по тому, что можно сейчасъ видѣть, характеръ письма совершенно ясенъ и вполнѣ согласуется съ тѣмъ, какой имѣютъ иконы конца XVI или самого начала XVII вѣка. Въ качествѣ примѣра можно указать хотя бы 2 клейма изъ житія Св. Св. князей Бориса и Глѣба, изданныя въ цвѣтномъ альбомѣ „Русская Икона" Н. П. Кондакова, I (Прага 1928, табл. L—LI). На нихъ можно увидѣть какъ разъ тѣ удары бѣлилъ, о которыхъ приходилось упоминать.

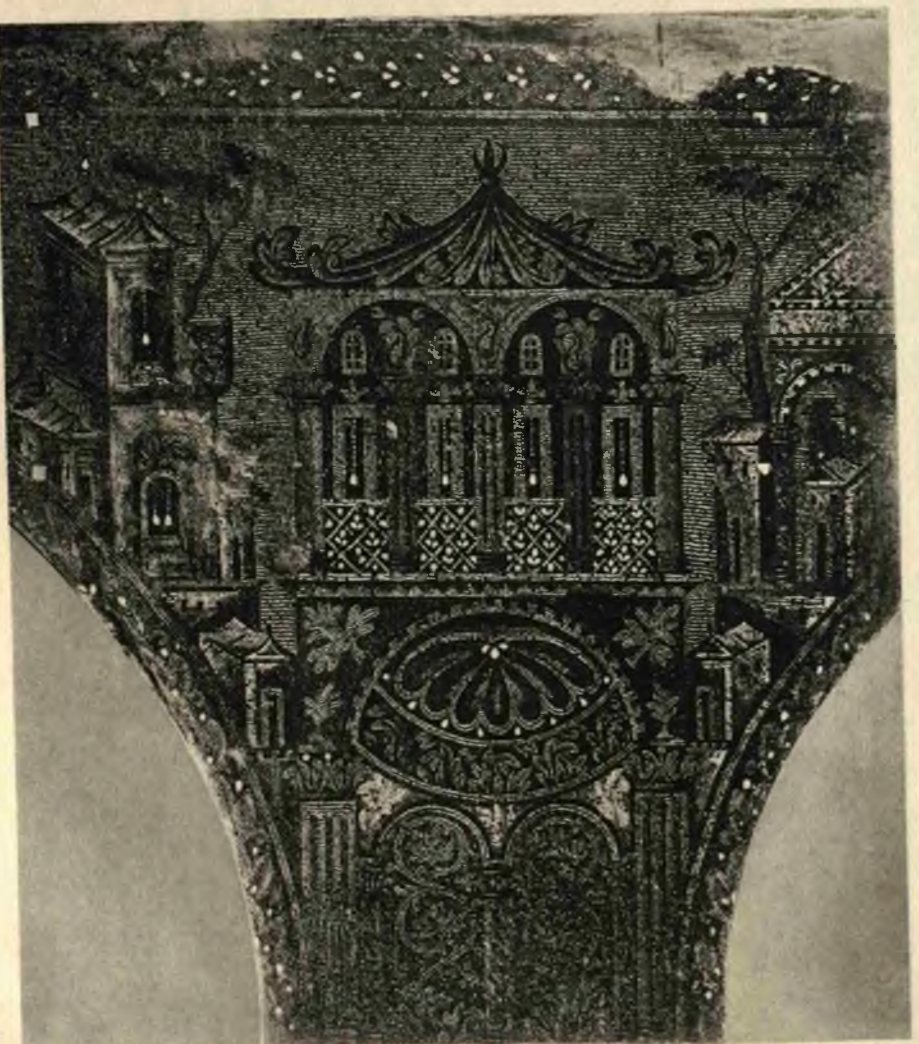
Наоборотъ, если обратиться къ средней части, то предстанетъ совсѣмъ иной характеръ. Границъ верхняго слоя вохренія и нижняго санкиря не видно вовсе. Все совершенно гладко и тѣнь въ ликѣ (санкирь) не буровато-коричневая, а чуть зеленоватая охра же. Если искать аналогій въ характерѣ письма (не краскахъ), то это прежде всего переписанная часть (т. е. фактически вся икона, кромѣ расчищенныхъ мѣстъ) чудотворной иконы Новгородскаго Знаменія (Н. П. Кондаковъ. Р. Ик., II альб., т. 8), а потомъ Боголюбская икона церкви Спаса на Бору въ Москвѣ (см. П. П. Покрышкинъ. Иконы Московскаго Придворнаго собора Спаса на Бору, табл. VII, VIII, X, 1). Если въ отношеніи даты переписки Новгородскаго Знаменія могутъ быть колебанія, хоть и вѣроятнѣе всего принять XV в. (м. б. начало), то Боголюбская церкви Спаса на Бору съ достаточнымъ основаніемъ датирована Покрышкинымъ. Такимъ образомъ вѣроятнѣе всего, что и та живопись, которую мы сейчасъ видимъ въ средней части Курской иконы, тоже XV вѣка.

Въ легендарной исторіи иконы XV в. отмѣченъ чудеснымъ ея сращеніемъ, послѣ погрома отъ татаръ (1485). Есть ли эта легенда отзвукъ реставраціи и переписки иконы, или наоборотъ, послѣ чуда икона все же требовала приведенія въ достойный святыни видъ и усердный иконописецъ переписалъ ее всю — вопросъ этотъ приходится оставить открытымъ.

*

Реставрація времени царя Θеодора Іоанновича (1597), повидимому, не коснулась средней части иконы въ предѣлахъ самаго изображенія. Икона была вставлена въ доску съ клеймами пророковъ, щели залевкашены и м. б. края ея подвергнуты частичнымъ починкамъ. Изображенія же пророковъ на поляхъ (какъ уже указывалось сомнѣваться относительно даты не приходится) представляютъ собою памятникъ московской иконописи до-смутнаго періода, прикрѣпленный къ хотя бы и традиціонной, но вполнѣ опредѣленной датѣ, что и придаетъ ему извѣстный интересъ.

Позволю себѣ закончить краткое изложеніе результатовъ осмотра чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери Курской Коренной выраженіемъ слѣдующихъ пожеланій: 1) чтобы рус-

1.

2.

скими историками было обращено вниманіе на составленіе документально обоснованной исторіи иконы, 2) чтобы была произведена научная реставрація иконы, выражающаяся въ расчисткѣ скрытыхъ подъ темнымъ слоемъ мѣстъ и укрѣпленіи того, что опасно по выпаденію. Будемъ надѣяться, что вынесенная на чужбину Русская Святыня обновится и засіяетъ своими старыми красками и мастерствомъ ярче, чѣмъ покрывающіе ее и скрывающіе отъ глазъ блестящіе покровы.[1]

Н. Бѣляевъ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

Табл. XXIII, 1. Ликъ Богоматери Курской чудотворной иконы.
2. Ликъ Младенца на той же иконѣ.
3. Пророкъ Іеремія, одно изъ клеймъ иконы.
4. Средняя часть иконы въ натуральную величину.

МОЗАИКИ VIII ВѢКА БОЛЬШОЙ МЕЧЕТИ ОМЕЯДОВЪ ВЪ ДАМАСКѢ И РАСКОПКИ ВЪ ОБЛАСТИ СРЕДНЯГО ЕВФРАТА

Въ сентябрѣ 1929 года въ парижскомъ музеѣ „Arts décoratifs“ была открыта выставка цвѣтныхъ копій, фотографій, матеріаловъ и документовъ, относящихся къ изысканіямъ въ большой мечети Омеядовъ въ Дамаскѣ и раскопкамъ въ районѣ средняго Евфрата.

Эта выставка отлично иллюстрировала работы французскихъ ученыхъ: Евстафія де-Лорей, профессора, директора французскаго института въ Дамаскѣ, и Жоржа Салль, профессора, командированнаго Луврскимъ музеемъ, открывшихъ огромное количество предметовъ высоко художественнаго значенія.

Выставка раздѣлена на двѣ части: первая посвящена мозаикамъ, открытымъ на стѣнахъ дамаской мечети, вторая знакомитъ съ раскопками въ области средняго Евфрата.

Мозаики Дамасской мечети.

„Ихъ деревья вѣчно носили на себѣ фрукты и ихъ не колебалъ вѣтеръ.
Казалось, они были сотворены изъ изумруда, взрощены въ золотой землѣ, которую [они окутывали своей тѣнью,
И обликъ ихъ фруктовъ представлялъ неизмѣняемую зрѣлость,
И ихъ собирали взоры, безъ помощи рукъ...“

Такъ повѣствуетъ поэма Ибнъ-Акира (XII в.), восхваляя облицовку дамасской мечети, бывшей, по указаніямъ изыскателей, въ III вѣкѣ храмомъ дамасскаго Юпитера, затѣмъ византійской церковью Св. Іоанна и, наконецъ, передѣланной въ 705 году калифомъ Іалидомъ I въ мечеть.

Упоминаемыя также арабскими путешественниками, мозаики эти, по свидѣтельству проф. де-Лорей, до сихъ поръ не оправдывали восторженныхъ похвалъ средневѣковыхъ писателей, такъ какъ, дѣйствительно, нѣкоторые орнаменты на стѣнахъ мечети, плохо сохраненные временемъ, не представляли чего-либо замѣчательнаго. Оставалось думать, со словъ того-же ученаго, что всѣ украшенія погибли еще въ 718 году во время пожара, зажженнаго солдатами, послѣ пораженія Сулеймана подъ Константинополемъ.

Къ счастью, предположеніе это оказалось ошибочно.

Краткій бюллетень выставки сообщаетъ, что въ 1928 году при зондированіи стѣнъ двора мечети, проф. де-Лорей обнаружилъ подъ штукатуркой мозаичныя декораціи. Съ предосторож-

[1]) Считаю долгомъ принести здѣсь глубокую благодарность Его Преосвященству Владыкѣ Ѳеофану, Епископу Курскому, за разрѣшеніе и помощь при осмотрѣ иконы.

ностями известь была снята и на свѣтъ Божiй появились изумительныя мозаики, тѣ мозаики, которымъ поетъ хвалу указанная выше поэма (см. табл. XXIV—XXVI).

Въ настоящее время ихъ обнаружено уже 500 квадратныхъ метровъ, причемъ одна изъ картинъ достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ — 35 на 7,5 метровъ.

По словамъ бюллетеня уже первое, довольно поверхностное, изученiе мозаикъ показало, что въ XIII вѣкѣ, а именно въ эпоху султаната Бейбарсовъ (какъ о томъ свидѣтельствуютъ надписи на стѣнахъ), онѣ были реставрированы. По мнѣнiю проф. де-Лорей, реставрацiи эти свидѣтельствуютъ о томъ, какъ сильно упало искусство мозаики за 5 вѣковъ (отъ VIII до XIII).

Къ счастью починки немногочисленны и не портятъ общаго вида облицовокъ, которыя по своему художественному выполненiю могутъ, какъ говоритъ тотъ-же де-Лорей, не только соперничать, но и превзойти знаменитыя декорацiи мечети Омара въ Iерусалимѣ.

Яркiя, но нѣжныя краски этихъ мозаикъ, характеръ орнаментовъ, манера изображенiя зданiй — позволяютъ говорить о той важной роли, которую играла Византiя въ искусствѣ Востока.

При сравненiи мозаикъ Византiи съ найденными проф. де-Лореемъ бросается въ глаза разница въ сюжетахъ между первыми и послѣдними. Мозаики Византiи богаты изображенiями людей, лицъ, — на мозаикахъ-же большой дамаской мечети изобилуетъ пейзажъ.

Проф. де-Лорей объясняетъ это тѣмъ, что время выполненiя мозаикъ совпадаетъ съ эпохой иконоборчества. Дѣйствительно, на памятникахъ Византiи эпохи царствованiя Константина V-го (741—775) можно найти сюжеты пейзажа, подобные сюжетамъ мозаикъ мечети Омеядовъ. Деревья замѣнили людей, все вниманiе обращено теперь на нихъ; онѣ выступаютъ на первомъ планѣ; реализмъ въ изображенiяхъ людей замѣняется реализмомъ въ изображенiи природы.

Проф. де-Лорей въ журналѣ „Cahiers d'Art“[1] приводитъ слова L. Brehier, что „императоры иконоборцы хотѣли противопоставить религiозному искусству темы александрiйской традицiи.“

Всему сказанному легко найти подтвержденiе на мозаикахъ дамаской мечети.

Въ самомъ дѣлѣ, Александрiя, соперница Византiи, центръ искусства и литературы Востока, также наложила свой отпечатокъ на эти мозаики.

Кубическiя строенiя посреди парковъ и рѣкъ, отбрасывающiя темно фiолетовыя тѣни напоминаютъ Александрiйскiй стиль.

Кромѣ того проф. де-Лорей находитъ въ композицiяхъ мозаикъ стремленiе къ изображенiю воображаемаго, стремленiе къ лиризму, къ интелектуальному творчеству, къ имитацiи формъ природы и ея красокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря искуссной красочной передачѣ, эти изображенiя воображаемаго становятся какъ-бы и реальными.

Характерная черта мозаикъ — это ихъ живописность, достигнутая примѣненiемъ нѣжныхъ и сильныхъ цвѣтовъ. Тѣни и тѣ изображены цвѣтомъ. Преобладаетъ, какъ и въ византiйскихъ орнаментахъ, золото; зданiя разукрашены цвѣтами золота и перламутра, а другiя краски отличаются большой свѣжестью и точностью, напоминая флорентiйскiя миниатюры.

Въ своей статьѣ въ „Cahiers d'Art“ проф. де-Лорей даетъ перечень красокъ и указываетъ въ какихъ случаяхъ какiя краски примѣняются:

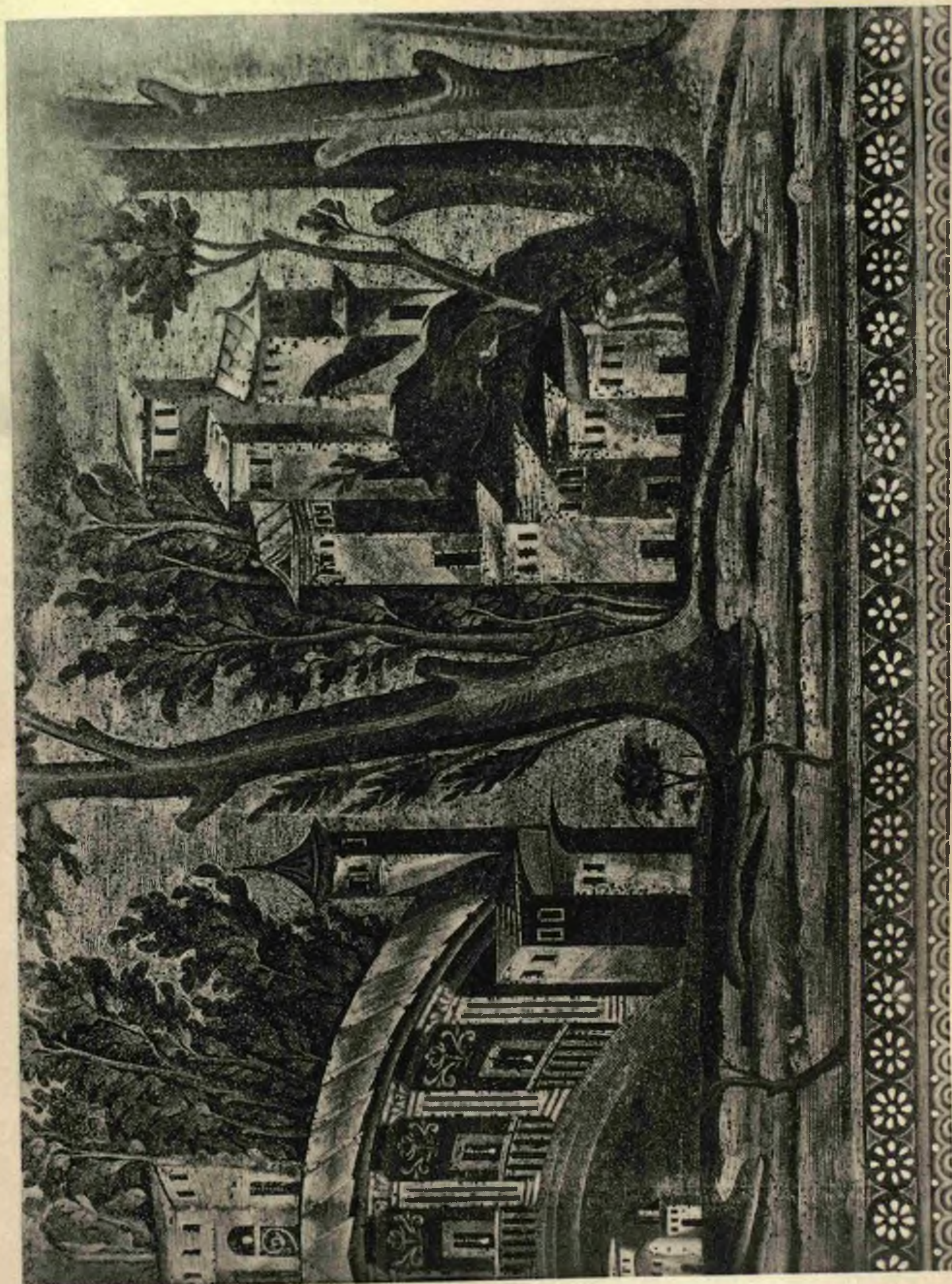
„Доминирующiе цвѣта смальты (стеклянные кубики) слѣдующiе: золото, которое составляетъ фонъ композицiй и свѣтовые эфекты; зеленый цвѣтъ, составляющiй гамму въ 12 тоновъ; синiй цвѣтъ, 9 тоновъ; фiолетовый, 5 тоновъ; наконецъ желтый и красный, всего 40 тоновъ. Серебро освѣщаетъ водяныя отраженiя и оживляетъ завѣсы кiосковъ. Перламутръ украшаетъ баллюстрады, выстилки и обрамленiя зданiй. Нѣкоторые кубики, бѣлаго, розоваго, коричневаго и краснаго цвѣтовъ — известковые и мраморные.“

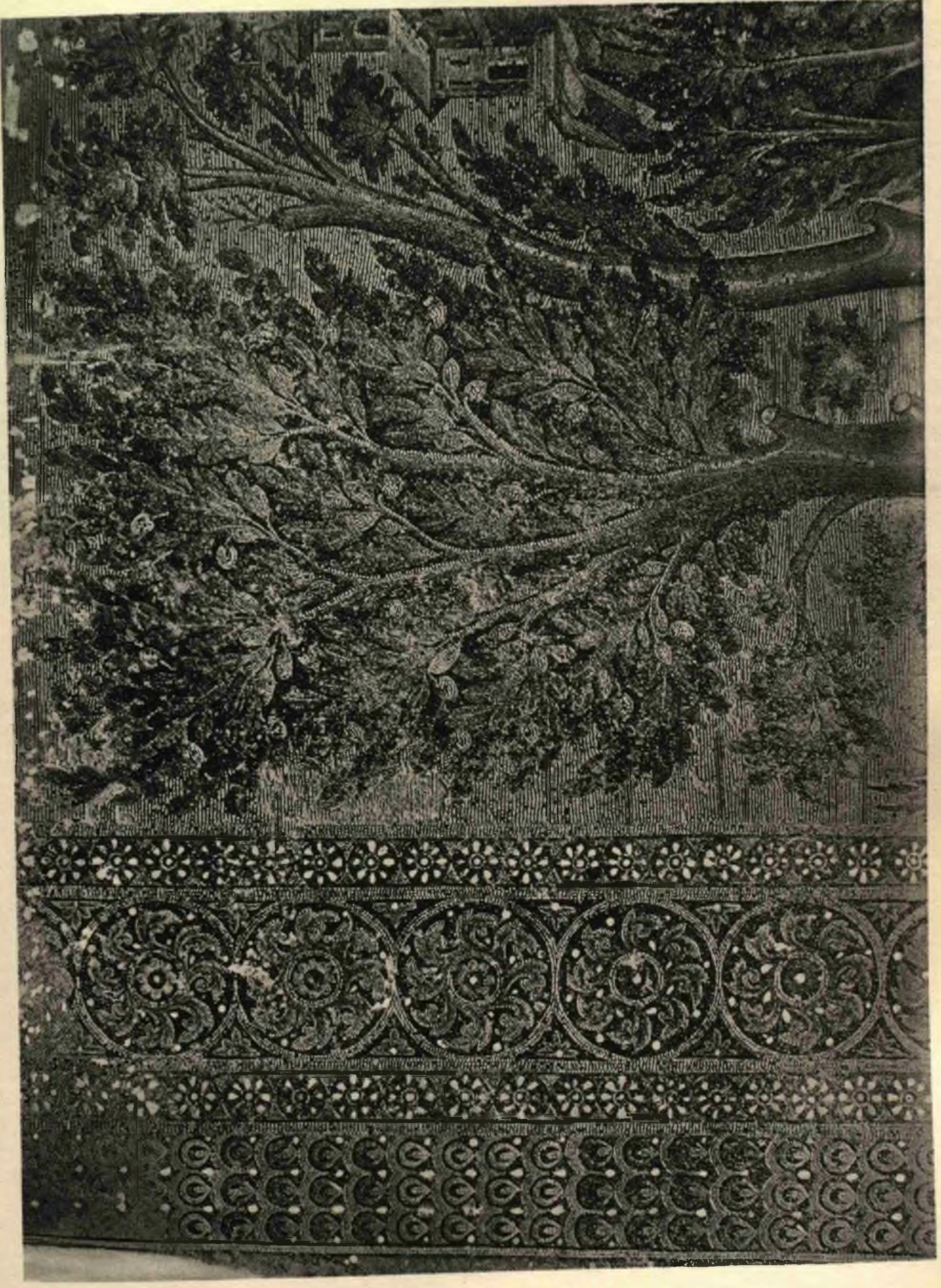
Подъ руководствомъ профессора архитектуры „Школы современнаго арабскаго искусства“ ученики этой школы отлично скопировали въ краскахъ многiя мозаики дамаской мечети, и эти копiи, выставленныя въ музеѣ „Arts decoratifs“, дали полную возможность судить о ихъ живописности.

Необходимо отмѣтить также важное значенiе счастливо найденныхъ проф. де-Лорей мозаикъ и вообще въ области изученiя искусства облицовки стѣнъ не только у восточныхъ, но и у другихъ народовъ разсматриваемаго времени.

---

[1]) „Cahiers d'Art“ № 7. Paris, 1919. См. также Louis Brehier: „L'art Byzantin“.

Раскопки въ области средняго Евфрата.

Вторая часть выставки была отведена (какъ говорилось выше) подъ документы, иллюстрирующіе раскопки въ районѣ средняго Евфрата. Раскопки, собственно, производились въ трехъ мѣстахъ: въ древнемъ городѣ Балисѣ, теперь заброшенной области Мескенехъ (на правомъ берегу Евфрата); въ двухъ замкахъ-крѣпостяхъ, на лѣвомъ и правомъ берегахъ рѣки, и въ городѣ Розафѣ, бывшемъ Сергіополисѣ.

Балисъ лежитъ на верховьяхъ Евфрата и былъ на протяженіи вѣковъ важнымъ городомъ какъ въ отношеніи торговомъ, такъ и политическомъ. Торговлѣ способствовали хорошій рѣчной путь и само положеніе города въ центрѣ дороги, соединяющей сѣверную Сирію и среднюю Азію съ Персіей, Персидскимъ заливомъ и Иракомъ.

Сосѣдство двухъ крѣпостей и присутствіе крѣпости въ самомъ городѣ показываютъ, что онъ обладалъ и стратегическимъ значеніемъ.

Дѣйствительно, онъ всегда являлся какъ-бы форпостомъ той страны, къ которой онъ въ данный моментъ принадлежалъ. Такъ, въ войнахъ Сасанидовъ съ Византіей Балисъ былъ какъ-бы опорнымъ пунктомъ послѣдней.

Такимъ образомъ Балисъ это ключъ, которымъ стремились завладѣть заинтересованные народы, ибо черезъ него проходили всѣ товары; его-же нельзя было миновать и завоевателямъ. Александръ Македонскій въ своемъ великомъ походѣ и тотъ прошелъ черезъ эти ворота.

Первоначальное владычество надъ Балисомъ принадлежало грекамъ и персамъ, затѣмъ оно перешло къ римлянамъ, а отъ послѣднихъ по наслѣдству передалось Византіи.

Въ эпоху завоеваній арабовъ Балисъ перешелъ въ ихъ руки. Лишь въ 1111 году, во время перваго крестоваго похода, Балисъ былъ взятъ Танкредомъ Антіохійскимъ, но оставался подъ его вліяніемъ весьма короткое время.

Въ XIII вѣкѣ Балисъ перестаетъ быть мѣстомъ всеобщаго вниманія, онъ даже перестаетъ быть городомъ. Евфратъ перемѣнилъ русло и городъ когда-то богатый, очутившись въ нѣсколькихъ километрахъ отъ рѣки, былъ вскорѣ заброшенъ и постепенно обращался въ развалины. Армія татаръ подъ предводительствомъ хана Хулагу, брата великаго хана Менке, шедшая тогда на завоеваніе Месопотаміи, докончила дѣло времени, и теперь Мескенехъ, бывшій городъ Балисъ, представляетъ огромный пустырь.

Отъ господства Византіи сохранились остатки стѣнъ дворца, крѣпости и трехъ монументальныхъ воротъ. Строенія эти датируются проф. де-Лорей и Салль VI вѣкомъ, и были выполнены по ихъ мнѣнію императоромъ Юстиніаномъ послѣ того, какъ армія сасанидскаго императора Хозроя уничтожила оборонительныя сооруженія Балиса.

Проф. Ж. Салль въ особенности указываетъ на двойныя стѣны крѣпости, отмѣчая наружныя стѣны, какъ болѣе новыя (табл. XXX, 1 и 2).

Бюллетень также указываетъ на развалины минарета, перестроеннаго братомъ Саладина Сейфъ-етъ-Дин'омъ. Минаретъ этотъ датируется проф. Салль XIII вѣкомъ и является, по его утвержденію, послѣднимъ экземпляромъ строительства арабовъ (табл. XXX, 3).

Такова была картина мѣстности Мескенехъ до 1929 года, когда проф. де-Лорей и Салль предприняли раскопки. По даннымъ бюллетеня Мескенехъ насчитываетъ въ своихъ стѣнахъ, вѣрнѣе въ своихъ остаткахъ стѣнъ, шесть гектаровъ, но раскопать въ 1929 году удалось лишь полъ гектара, но и эта площадь дала блестящіе результаты.

Зданія, домашняя утварь, монеты, гончарныя, бронзовыя, гипсовыя произведенія, мѣры вѣса, различные инструменты и т. д. вновь увидѣли свѣтъ.

Наиболѣе интересной находкой является мечеть (39,5 метровъ длины и 36,5 метр. ширины), замѣчательная не только своей древностью, но и смѣшеніемъ разныхъ стилей, какъ на то указываетъ проф. Салль (табл. XXIX, 1).

Причина такого смѣшенія, по свидѣтельству изслѣдователей, проста: само зданіе мечети построено за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., и Балисъ, подчинявшійся разнымъ вліяніямъ разныхъ народовъ завоевателей, сохранилъ на своихъ памятникахъ слѣды этихъ вліяній.

Такъ на названномъ зданіи изслѣдователи обнаружили слѣды греческаго вліянія эпохи Александра Македонскаго, а также Аюбитовъ (XIII в.), свергнутыхъ татарами, послѣдними и кратковременными владыками Балиса.

Кромѣ того, судя по фрагментамъ нѣкоторыхъ колоннъ мечети и ихъ основаніямъ въ формѣ трилистника (табл. XXVIII, 4), проф. де-Лорей и Салль допускаютъ существованіе христіанскаго вліянія XII вѣка.

Другія колонны изъ мрамора, относятся къ эпохѣ владычества Селевкидовъ (табл. XXVIII, 3 и XXIX, 1).

Вокругъ мечети, на глубинѣ отъ 4 до 5 метровъ, были обнаружены три улицы съ жилищами и лавками.

Бюллетень выставки указываетъ на одно обширное зданіе, особенно хорошо сохранившее на своихъ стѣнахъ, а также вокругъ оконъ и дверей, лѣпныя гипсовыя украшенія (табл. XXIX, 2). Внутри лавокъ и подваловъ было найдено много гончарныхъ издѣлій мѣстнаго производства, какъ думаютъ изслѣдователи (табл. XXVII, XXVIII, 1 и 2), по стилю напоминающія лучшіе образцы Ракка и Рагеса и датируемыя тѣми-же изслѣдователями эпохой между VIII и XIII в. в.

На одномъ кругломъ фаянсовомъ блюдѣ (табл. XXVII, 1), слегка побитомъ, съ недохваткомъ нѣсколькихъ кусковъ края и дыркой на разстояніи полурадіуса отъ центра, на внутреннемъ днѣ, изображена посерединѣ стилизованная птица, по исполненію схожая съ птицами персидской керамики, въ частности керамики Рагеса (о чемъ рѣчь ниже).

Птица заключена въ орнаментальный кругъ, изображающій сплетенныя своими стеблями ягоды, можетъ быть вишни. За этимъ кругомъ идетъ слѣдующій, столь-же узкій и, очевидно, тоже растительный. Наконецъ по самому бордюру блюда идетъ широкій, раза въ четыре шире предыдущихъ, поясъ съ геометрическимъ, симметричнымъ, раздѣленнымъ на длинный рядъ клѣтокъ, орнаментомъ.

Рис. 1. Блюдо изъ Рагеса. XIII вѣкъ.

Съ этимъ блюдомъ мнѣ кажется умѣстнымъ сравнить персидское блюдо изъ Рагеса, воспроизведеніе котораго находится въ Луврской библіотекѣ въ отдѣлѣ персидской керамики (см. рис. 1). На блюдѣ изъ Рагеса (XIII вѣка) изображена посерединѣ птица; вокругъ послѣдней четыре человѣка въ длинныхъ одеждахъ, сидящіе по-турецки, и четыре отдѣльныхъ орнамента, причемъ человѣкъ чередуется съ орнаментомъ. По краю идетъ кантъ, почти до мелочей схожій съ кантомъ выше цитированнаго блюда — тѣ-же клѣтки, раздѣленныя какъ-бы двумя колонками; только три кружка въ каждой клѣткѣ послѣдняго замѣняются нѣсколькими косыми линіями въ первомъ.

Сама птица, какъ и на блюдѣ Балиса, изображена въ профиль и идущей въ лѣвую сторону. И на томъ и на другомъ блюдѣ правое крыло опущено внизъ, лѣвое же на первомъ поднято, на второмъ идетъ по горизонтали. Крылья и хвостъ на обѣихъ птицахъ кончаются фантастическими завитками, только птица изъ Рагеса снабжена еще фономъ изъ растительнаго орнамента, можно подумать, что она гуляетъ по саду. Клювъ острый и тутъ и тамъ.

На другомъ блюдѣ, несохранившемъ, къ сожалѣнію, своего края, на внутреннемъ днѣ, изображенъ человѣкъ въ вертикально-полосатой одеждѣ, сидящій по-турецки (табл. XXVII, 2). Лѣвую руку онъ положилъ на колѣно, другой не то держится за длинное, съ двумя развѣтвленіями растеніе съ тѣснымъ рядомъ маленькихъ ягодъ по всему краю, не то просто дѣлаетъ широкій приглашающій жестъ рукой.

Сапогъ на одной ногѣ (другую онъ спряталъ подъ себя) съ длиннымъ носкомъ и безъ подошвы, видимо, долженъ быть мягкій, подобно сапогамъ джигитовъ.

Лицо монгольское съ раскосыми глазами и длинными узкими бровями. Вокругъ головы нимбъ въ видѣ круга изъ мелкихъ черточекъ, соединенныхъ съ внутренней стороны тонкой линіей.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

1.

2.

3.

4.

5.

Изображеніе подобныхъ фигуръ можно найти на блюдахъ упоминавшагося уже Рагеса, а также на персидскихъ миніатюрахъ. Такъ одна миніатюра XIII вѣка изображаетъ сидящихъ Адама и Еву, по типу схожихъ съ фигурой балисскаго блюда, причемъ Адамъ правой рукой держится за растеніе.[1]

Изъ блюдъ Рагеса, по сюжету схожихъ съ разбираемымъ, надо указать на фаянсовое блюдо XIII вѣка,[2] съ фигурой человѣка въ центрѣ, въ халатѣ, сидящаго по-турецки на тронѣ. Его лѣвая рука опирается о колѣно, правая лежитъ на груди. Нимбъ представленъ полнымъ дискомъ. Одна нога, а именно правая, торчитъ и обута въ мягкій сапогъ. На другомъ блюдѣ, того-же вѣка, нимбъ неполный и изображенъ чертой.

Кромѣ того въ музеѣ „Arts Décoratifs" въ отдѣлѣ Персіи и средней Азіи, среди керамики Рагеса и Фостата, есть два обломка блюдъ съ изображеніемъ подобныхъ же сидящихъ фигуръ. Тутъ интересно не только сравненіе этихъ двухъ изображеній съ изображеніемъ блюда изъ Балиса, но и сравненіе указанныхъ двухъ между собой.

Первое изображеніе на блюдѣ Рагеса представляетъ фигуру человѣка, сидящаго на тронѣ въ богато разукрашенныхъ одеждахъ. Поражаетъ богатство красокъ и миніатюрность работы.

Другое изображеніе, на блюдѣ Фостата (рис. 2), напротивъ, сравнительно съ первымъ, работы грубой, кустарной. Нимбъ проведенъ чертой; халатъ грязно зеленаго цвѣта съ бѣлыми крапинами; правой рукой изображаемый человѣкъ дѣлаетъ жестъ, лѣвой упирается въ бокъ; вокругъ вѣроятно былъ (растительный) орнаментъ — отъ блюда сохранилось лишь ухо, да и то не все, и видны только куски орнаментовъ. Изображеніе это наиболѣе приближается по своему стилю и выполненію къ изображенію на блюдѣ Балиса.

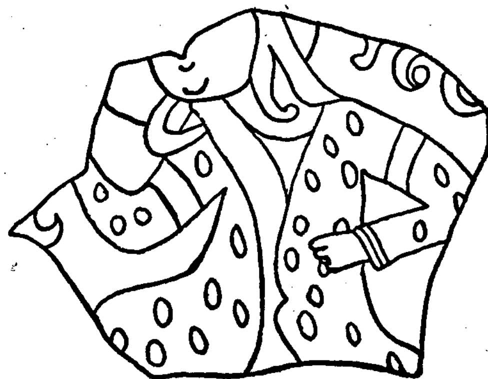

Рис. 2. Обломокъ блюда изъ Фостата. XII—XIII в.

Сравненія эти подтверждаютъ мнѣніе проф. Ж. Салль о персидскомъ вліяніи на живопись керамики Балиса. Въ частности онъ указываетъ на персидскую прическу и головной уборъ изображаемыхъ типовъ.

На другихъ блюдахъ также преобладаетъ мотивъ болѣе или менѣе стилизованныхъ птицъ (табл. XXVII, 4; XXVIII, 2) и сидящихъ людей (табл. XXVII, 3 и 5). Впрочемъ, на одномъ блюдѣ изображена рыба (табл. XXVII, 6), одну же изъ вазъ украшаетъ круговая надпись и орнаментъ. Украшенія этой вазы исполнены эмалью.

*

На сѣверо-западъ отъ Ракка, недалеко отъ Мескенеха, по правую и лѣвую сторону Евфрата, возвышаются двѣ крѣпости, это Кал'атъ-Джа'баръ и Кал'атъ-Нажимъ.

На минаретѣ, возвышающемся посреди развалинъ Кал'атъ-Джа'бара (табл. XXX, 6) какъ разсказываетъ бюллетень, найдена была проф. де-Лорей и Салль надпись съ именемъ Атабекъ Нуръ-етъ-Дина. Минаретъ этотъ, а также башни замка и фрагменты дворца относятся, по ихъ мнѣнію, къ серединѣ XIII вѣка, до каковаго времени вся крѣпость принадлежала эфесскимъ франкамъ, взявшимъ ее въ эпоху перваго крестоваго похода (табл. XXIX, 3, 4; XXX, 4).

Замокъ построенъ изъ кирпича, соединеннаго известковымъ растворомъ, и архитектура сводовъ по своему утонченному стилю напоминаетъ архитектуру Византіи.

Декоративные мотивы, граненые, завитые, косоугольные, украшаютъ стѣны крѣпости, которая, по сужденію изслѣдователей, представляетъ одинъ изъ лучшихъ образцовъ военной архитектуры Месопотаміи (табл. XXX, 5).

---

[1]) Arménac Bey Sakisian. La miniature persane du XIIe au XIIIe siècle. Paris—Bruxelles. 1929, pl. XVII., fig. 23.

[2]) Сборникъ фотографій (номеръ 142) персидской керамики въ Луврской библіотекѣ.

Другая крѣпость — изъ камня и высится на скалѣ почти напротивъ первой. Три надписи на стѣнахъ замка удостовѣряютъ, что Маликъ-едъ-Захиръ, племянникъ Саладина, реставрировалъ его въ началѣ XIII вѣка. Во время бомбардировки турокъ онъ сильно пострадалъ, и отъ цитадели сохранилось лишь два этажа. По арабской легендѣ крѣпость соединялась подземнымъ ходомъ съ крѣпостью, находящейся на другой сторонѣ рѣки.

Архитектура внутреннихъ воротъ и дверей замка очень разнообразна, а исполненіе всей крѣпости указываетъ, по мнѣнію изслѣдователей, на большое знаніе строительнаго искусства сирійскими мастерами. Е. де-Лорей и Салль выражаютъ мнѣніе, что памятники эти „суть произведенія, указывающія на существованіе искусства, господствующаго въ V вѣкѣ и служащаго звеномъ, связующимъ памятники языческой древности, эпохи христіанства и, наконецъ, побѣдоноснаго ислама".

А. Ренгартенъ.

Парижъ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

Табл. XXIV, 1, 2. Мозаики VIII в. большой мечети Омеядовъ въ Дамаскѣ.
Табл. XXV. } Табл. XXVI. } Мозаики VIII в. большой мечети Омеядовъ въ Дамаскѣ.
Табл. XXVII, 1—6. Керамика изъ Балиса.
Табл. XXVIII, 1, 2. Керамика изъ Балиса.
3. Мраморная капитель колонны эпохи Селевкидовъ. Балисъ.
4. База колонны XII в. Балисъ.
5. Фрагментъ стѣнного украшенія. Балисъ.
Табл. XXIX. 1. Общій видъ мечети и прилегающихъ строеній. Балисъ.
2. Зданіе съ лѣпными украшеніями. Балисъ.
3, 4. Развалины крѣпости Кал'атъ-Джа'баръ.
Табл. XXX, 1, 2. Развалины крѣпости Юстиніана въ Балисѣ.
3. Минаретъ Сейфъ-етъ-Дина (XIII в.). Балисъ.
4. Развалины крѣпости Кал'атъ-Джа'баръ.
5. Украшенія одной изъ стѣнъ крѣпости Кал'атъ-Джа'баръ.
6. Минаретъ крѣпости Кал'атъ-Джа'баръ.

ЕЩЕ О „СТОЛПАХЪ СВ. ГЕОРГІЯ"

Въ первомъ сборникѣ „Seminarium Kondakovianum" мною была напечатана статья о развалинахъ храма XII вѣка, находящагося въ окрестностяхъ города Новаго Базара и извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ „Столповъ св. Георгія".[1] Мнѣ казалось нужнымъ остановить вниманіе читателей-спеціалистовъ на этомъ интереснѣйшемъ и древнѣйшемъ памятникѣ сербскаго искусства потому, что его архитектурныя формы до извѣстной степени опредѣляютъ собой архитектурныя особенности сербскихъ храмовъ XIII-го и XIV-го вѣковъ, потому, что единственная до того опубликованная о немъ работа, принадлежащая перу г. Петковича была помѣщена въ получившемъ сравнительно малое распространеніе сборникѣ въ честь проф. І. Стржиговскаго,[2] а главное, въ виду необходимости еще разъ разобраться во всѣхъ, чрезвычайно разнообразныхъ и рѣдкихъ въ эту эпоху въ балканскомъ строительствѣ деталяхъ этого сооруженія. Кромѣ того, я впервые коснулся и остатковъ росписи, сохранившихся на стѣнахъ храма, весьма важныхъ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи формъ древнѣйшей сербской живописи.

[1]) Н. Окуневъ. „Столпы святого Георгія". Развалины храма XII вѣка около Новаго Базара. „Seminarium Kondakovianum", Recueil d'études, I. Prague, 1927.

[2]) W. Petkovic. Eine Kirche des Königs Nemanja. „Studien zur Kunst des Ostens". Wien Avalun, 1920.

1.

3.

2.

4.

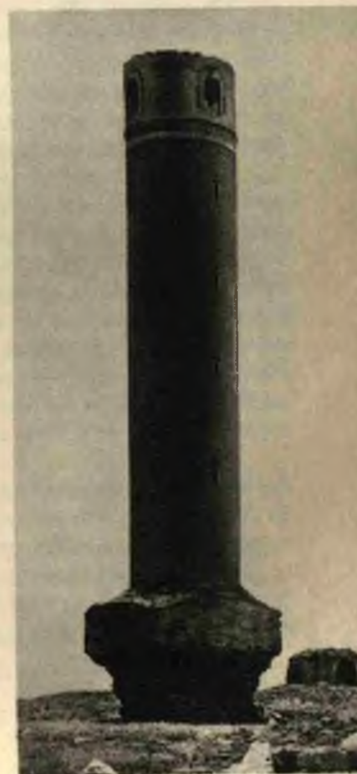

1.

2.

3.

4.

5.

6.

Эта моя работа вызвала, однако, рядъ возраженій со стороны профессора Бѣлградскаго Университета, г. Милое Васича, напечатавшаго по ея поводу особый „додатокъ" (приложеніе) къ своей недавно вышедшей книгѣ.[1] Способы выраженія и тонъ, которымъ написана эта „критика", не приняты среди ученыхъ Европы и это давало бы мнѣ возможность, слѣдуя примѣру Диля въ подобномъ же случаѣ,[2] оставить ее безъ отвѣта, если бы не одно обстоятельство, которое должно быть выяснено въ интересахъ науки и въ интересахъ тѣхъ ученыхъ, которые въ будущемъ будутъ интересоваться новобазарскимъ памятникомъ и не будутъ почему либо имѣть возможности лично его изслѣдовать.

Дѣло касается утвержденія Г. Васича, что развалины новобазарскаго храма состоятъ изъ двухъ разновременныхъ частей, пристроенныхъ одна къ другой и отличающихся другъ отъ друга будто бы „безспорнымъ различіемъ въ техникѣ". Это обстоятельство я, по словамъ г. Васича, благодаря своей невнимательности и неумѣнію разобраться въ древнемъ памятникѣ, не замѣтилъ. Я разсматриваю храмъ, какъ единое сооруженіе, возникшее сразу, въ то время какъ притворъ и башни являются позднѣйшей пристройкой, возведенной, по мнѣнію г. Васича, только въ началѣ XIV вѣка, при реставраціи монастыря, произведенной королемъ Драгутиномъ.

Вопросъ о томъ, были ли притворъ и башни новобазарскаго храма пристроены позднѣе или возникли одновременно съ храмомъ имѣетъ въ исторіи древнѣйшей сербской архитектуры большое значеніе. Если бы оказалось, что они дѣйствительно были пристроены позднѣе, то это подтверждало бы правильность общаго заключенія г. Васича о томъ, что у всѣхъ сохранившихся сербскикъ церквей, въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ имѣютъ наружный притворъ и башни, эти послѣднія являются позднѣйшей пристройкой,[3] т. к. у остальныхъ памятниковъ это не внушаетъ сомнѣній. Въ противномъ случаѣ, храмъ св. Георгія, какъ единственный памятникъ изначала снабженный башнями и притворомъ между ними, представлялъ бы на почвѣ древней Сербіи основной типъ уже сложившагося храмового сооруженія, особенности котораго такъ или иначе затѣмъ получили отраженіе въ дальнѣйшемъ развитіи формъ сербской архитектуры.

Прочитавъ „возраженія" г. Васича, я счелъ необходимымъ еще разъ посѣтить развалины храма св. Георгія и провѣрить какъ свои прежнія наблюденія, и такъ и утвержденія г. Васича. Въ этой поѣздкѣ меня сопровождалъ Н. М. Бѣляевъ, вмѣстѣ съ которымъ мы тщательно разсмотрѣли и изучили все сооруженіе. Къ нашимъ заключеніямъ затѣмъ всецѣло присоединился и инженеръ Л. Билишко, реставраторъ храма въ Сопочанахъ, произведшій раскопку алтарной части интересующихъ насъ развалинъ храма св. Георгія. Наше общее заключеніе таково: никакихъ сомнѣній въ томъ, что притворъ и башни храма св. Георгія составляютъ одно цѣлое съ остальной частью церкви и выстроены одновременно съ нею, быть не можетъ.

Все зданіе, какъ центральная его часть, такъ и притворъ и башни построены изъ одного и того же матеріала. Стѣны повсюду сложены, какъ внутри, такъ снаружи изъ довольно крупныхъ камней (песчаника), отесанныхъ лишь съ внѣшней стороны. Пространство внутри стѣнъ между облицовочными камнями повсюду заполнено одинаковаго состава и качества бутомъ. Двери и арки сложены изъ болѣе крупныхъ камней, разнаго размѣра, но отесанныхъ со всѣхъ сторонъ. Своды (остатки свода главнаго купола, сводовъ боковыхъ папертей и западнаго притвора) выведены изъ болѣе легкаго матеріала — болѣе мелкаго пористаго известняка, отесаннаго со всѣхъ сторонъ. Растворъ примѣненъ всюду одинаковый, известковаго состава съ большой примѣсью песку и мелкихъ камешковъ. Онъ повсюду одинаковаго, сѣраго цвѣта. Обработка камня во всѣхъ частяхъ зданія совершенно одинакова.

Стѣнъ, пристроенныхъ одна къ другой въ притыкъ, въ церкви не имѣется. Кладка во всѣхъ углахъ связана. Эти мѣста достаточно хорошо сохранились, чтобы это можно было констатировать. Лучше всего видна связь кладки башни съ кладкой стѣны центральной части зданія съ сѣверной стороны, въ мѣстѣ примыканія сѣверо-западной башни къ сѣверной стѣнѣ храма.

Такимъ образомъ ясно, что утвержденіе г. Васича о позднѣйшей пристройкѣ башенъ, приводимое имъ для подтвержденія своей догадки о томъ, что западныя формы появляются въ

[3]) М. Васић. Жича и Лазарица. Београд, 1928, стр. 244.
[4]) Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin. 2e édition, Paris, 1925. I, p. XI.
[5]) М. Васић, о. с., 24—25.

сербской архитектурѣ только въ эпоху дѣятельности корол. Елены Анжуйской,[1] не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Совершенно также не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и другія утвержденія того же автора, касающіяся этого памятника. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ о существованіи въ церкви двухъ слоевъ живописи на стѣнахъ.[2] Я въ своей статьѣ указалъ единственное мѣсто, гдѣ существуетъ въ дѣйствительности двойной слой живописи — это мѣсто есть восточная стѣна притвора, гдѣ поверхъ древней живописи наложена новая штукатурка съ росписью, исполненной по всей видимости при реставраціи церкви королемъ Драгутиномъ.[3] Это мое указаніе г. Васичъ въ своемъ „приложеніи" отмѣтилъ, но не оцѣнилъ до конца, т. к. въ противномъ случаѣ онъ бы его не отмѣчалъ, какъ свидѣтельствующее противъ его утвержденія о болѣе позднемъ происхожденіи притвора: наличіе двухъ слоевъ живописи доказываетъ какъ разъ древность притвора, на стѣнахъ котораго, значитъ, уже была живопись, когда производилась реставрація XIV вѣка. Что же касается двухъ слоевъ живописи въ центральной части храма, которые будто бы можно видѣть на юго-западномъ и на сѣверо-восточномъ пилястрахъ, то это есть также недоразумѣніе. На стѣнахъ внутренней части храма существуетъ одинъ только слой живописи, что отлично видно на изданныхъ мною снимкахъ.[4] Въ указанныхъ же г. Васичемъ мѣстахъ, къ которымъ я могу прибавить еще мѣсто въ серединѣ сѣверной стѣны,[5] мы видимъ не двойной слой живописи, а только двойной слой штукатурки. Этотъ двойной слой штукатурки въ этихъ мѣстахъ (повсюду на одномъ уровнѣ) возникъ въ результатѣ общеизвѣстнаго способа штукатурить стѣны подъ живопись: штукатурку накладывали поясами и въ мѣстахъ примыканія этихъ поясовъ другъ къ другу всегда образовывался швъ, состоящій изъ двухъ, наложенныхъ одинъ на другой слоевъ штукатурки. Такого рода швы можно различить почти во всѣхъ сербскихъ росписяхъ и съ такого рода швомъ, находящимся какъ разъ на уровнѣ границы между двумя рядами изображеній, мы имѣемъ дѣло и въ данномъ случаѣ.

Невѣрно, затѣмъ, утвержденіе г. Васича о томъ, что „южное окно позднѣе, но до исполненія позднѣйшей живописи, расширено".[6] Это окно, такъ же, какъ и сѣверное, было расширено не до, а послѣ исполненія единственной существующей на стѣнахъ живописи. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно только внимательно разсмотрѣть снимки. Окна во всей церкви (на западной стѣнѣ, въ барабанѣ купола[7]) имѣютъ обычное обрамленіе красной полосой; расширенныя же южное и сѣверное окна такого обрамленія не имѣютъ, такъ какъ оно было уничтожено при ихъ расширеніи. Первоначально же они его, конечно, также имѣли и это видно въ южномъ окнѣ, въ верхней части котораго сохранился верхъ арочки стараго окна, обведенный такимъ же краснымъ обрамленіемъ.[8] Кромѣ того, на фотографіи южной стѣны[9] ясно видно, что при расширеніи окна была разрушена живопись — слѣва срѣзана часть фигуры Іосифа изъ Срѣтенія, а справа совершенно уничтожена фигура Іоанна Крестителя изъ Крещенія. Если роспись была исполнена послѣ расширенія окна, то неужели г. Васичъ думаетъ, что композиція Крещенія могла быть написана безъ фигуры Іоанна Крестителя? На сѣверной стѣнѣ, при расширеніи окна, соотвѣтственно были уничтожены части композицій Воскрешенія Лазаря и Входа Господня въ Іерусалимъ. Все это въ моей статьѣ было отмѣчено.[10]

Итакъ, во всемъ, что касается вопроса объ одновременности постройки всего храма вмѣстѣ съ притворомъ и башнями, поученіе, сдѣланное мнѣ г. Васичемъ, не выдерживаетъ критики.

На этомъ, самомъ важномъ вопросѣ, я и хотѣлъ, главнымъ образомъ, остановиться, дабы предостеречь читателей труда г. Васича отъ возможныхъ заблужденій. Другихъ „возраженій"

---

1) М. Васиħ, о. с., 25.
2) Ibidem, 22.
3) Н. Окуневъ, о. с., 238.
4) Н. Окуневъ, о. с., табл. XXI, 2; XXII, XXIII, 1.
5) Ibidem, табл. XXIII, 1.
6) М. Васиħ, о. с., 19.
7) Н. Окуневъ, о. с., табл. XXI, 2.
8) Ibidem, табл. XXII, 2.
9) Ibidem.
10) Ibidem, 235.

его, которыя по обоснованности ничѣмъ не отличаются отъ перваго, я коснусь лишь попутно, чтобы выяснить до конца методъ „критики“ бѣлградскаго профессора.

Можно думать, что онъ явно расчитывалъ на читателей, незнакомыхъ съ моей статьей, или на такихъ, которые ею и не поинтересуются, такъ какъ иначе онъ не могъ бы мнѣ приписать оспариваніе факта существованія въ церкви св. Николая въ Куршумли апсиды съ четнымъ числомъ граней. Достаточно ознакомиться съ моимъ текстомъ,[1] для того, чтобы убѣдиться, что это невѣрно. Я только указалъ, что не имѣлъ случая лично въ этомъ убѣдиться, а потому оставляю этотъ вопросъ открытымъ, такъ какъ располагаю данными объ этомъ, почерпнутыми изъ сочиненія г. Петковича, который утверждалъ то же самое и относительно церкви св. Георгія,[2] что оказалось невѣрнымъ. Что касается допущенной мною ошибки при опредѣленіи формы алтарной части храма св. Георгія, то на предположенной мною формѣ (одна полукруглая абсида) я не настаивалъ, указавъ, что у меня нѣтъ для правильнаго рѣшенія этого вопроса никакихъ твердыхъ данныхъ, въ виду полнаго разрушенія этой части храма, заваленной въ то время, когда я изслѣдовалъ его (въ 1922 г.), грудой камней.[3] Къ сожалѣнію, мнѣ *не была извѣстна*, когда я писалъ свою работу, статья А. Дероко,[4] который, не имѣя тоже данныхъ, былъ счастливѣе меня только въ томъ, что ему удалось высказать догадку, позднѣе подтвержденную *раскопкой, выполненной* инженеромъ Л. Билишко въ 1927 году. Въ остальномъ, повидимому, выводы А. Дероко совершенно совпадаютъ съ моими и въ части, касающейся башенъ и притвора.

Невѣрно, затѣмъ, утвержденіе г. Васича, что я не указалъ аналогіи барабану, имѣющему эллиптическую форму не только внутри, но и снаружи. Объ этомъ можно прочитать у меня на стр. 231.

Что касается колоколенъ и употребленія звона въ православныхъ церквахъ на Балканскомъ полуостровѣ, то я не только не измѣнилъ своего мнѣнія о томъ, что звонъ не имѣлъ тамъ повсемѣстнаго употребленія, но располагаю теперь новыми, очень интересными данными по этому вопросу, которыя вполнѣ подтверждаютъ мою прежнюю точку зрѣнія и которыя я надѣюсь въ недалекомъ будущемъ опубликовать. Напрасно, однако, г. Васичъ съ торжествомъ укоряетъ меня въ незнаніи изображенія модели церкви Богородицы въ росписи Данилова храма въ Печи: вѣдь, если онъ со вниманіемъ читалъ мою статью, то долженъ былъ прочитать и мое указаніе на это изображеніе,[5] сдѣланное съ нѣкоторымъ скепсисомъ въ отношеніи къ принятой датировкѣ этого памятника. Этого онъ не замѣтилъ, такъ какъ это ему было явно невыгодно.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить и весьма оригинальной и новой теоріи г. Васича о томъ, что „иностранцы не могутъ успѣшно работать надъ изученіемъ прошлаго сербскаго народа“. Къ сожалѣнію, не ясно, считаетъ ли г. Васичъ трудъ иностранца непригоднымъ для изученія прошлаго любого народа, или только сербскаго. Въ первомъ случаѣ получились бы очень большія трудности при изученіи древностей народовъ вымершихъ, какъ, напримѣръ, ассирійцевъ, древнихъ египтянъ, хеттовъ и т. д. Что дѣлать съ колоссальными результатами европейской науки въ области изученія античной Греціи? Если же онъ ограничиваетъ это отрицаніе пользы иностранной науки только въ отношеніи сербской исторіи, то жаль, что онъ не привелъ больше доказательствъ, такъ какъ его примѣръ моего *малаго интереса къ сербской исторіи*, выраженнаго въ томъ, что я отнесъ сооруженіе храма св. Георгія ко времени „до битвы при Пантинѣ“, ставитъ меня въ одну группу съ такими почтенными сербскими учеными, какъ Ст. Станоевичъ и покойный В. Марковичъ,[6] съ которыми я въ этомъ вопросѣ оказываюсь единомышленникомъ и которыхъ нельзя обвинить ни въ томъ, что они иностранцы, ни въ недостаткѣ интереса къ сербской исторіи.

Новой ксенофобская теорія г. Васича мнѣ кажется потому, что, вѣдь, еще такъ недавно именно онъ былъ иниціаторомъ образованія между-славянской археологической комиссіи на Балканахъ

[1]) Ib., 227.
[2]) W. Petkowic, o. c., 162.
[3]) Н. Окуневъ, о. с., 227—228.
[4]) „Мисао“ за 1922 г.
[5]) Н. Окуневъ, о. с., 232, прим. 5.
[6]) Ст. Станојевић. Историја српског народа. Београд, 1926, 93; В. Марковић. Православно монаштво и манастири у средњевековној Србији. Ср. Карловци, 1920, 60. Невѣрно, что я датирую храмъ св. Георгія 1168 годомъ: читай мою работу, стр. 226.

съ константинопольскимъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ во главѣ.[1] Правда, тогда были другія времена. Извѣстно, какъ широко было задумано изслѣдованіе сербскихъ храмовъ,[2] которое должно было состояться осенью 1914-го года, но изъ-за начавшейся войны не осуществилось, и въ которомъ я, въ качествѣ Ученаго Секретаря Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, долженъ былъ принять участіе. Согласно плану предполагавшагося изслѣдованія въ немъ должны были принять участіе также и сербскіе ученые, т. е. въ первую голову г. Васичъ. Насъ удивляетъ, поэтому, выраженная въ послѣднихъ словахъ „додатка" г. Васича, жалоба на сербскіе „надлежащіе органы", которые будто бы недостаточно матеріально поддерживаютъ мѣстныхъ ученыхъ, оказывая помощь такому недостойному въ этой области работнику, какъ авторъ этихъ строкъ. Этою своею жалобою авторъ вполнѣ опредѣлилъ цѣль и поводъ написанія своего „додатка". Едва ли, однако, такія побужденія соотвѣтствуютъ чисто научному подходу къ разрѣшенію поставленныхъ вопросовъ.

Ник. Окуневъ.

ВЫСТАВКА РУССКИХЪ ИКОНЪ

Въ февралѣ—мартѣ 1929 г. въ Берлинѣ происходила выставка Русскихъ Иконъ, побывавшая затѣмъ въ цѣломъ рядѣ городовъ Германіи (Кельнъ, Гамбургъ, Франкфуртъ, Мюнхенъ), въ Вѣнѣ и, наконецъ, въ Лондонѣ (ноябрь—декабрь 1929). Къ сожалѣнію Прага не оказалась въ числѣ городовъ, пригласившихъ показать выставку и пражская публика не имѣла возможности познакомиться по оригиналамъ съ Русской Иконой.

Нужно сказать, что для Западной Европы это былъ первый случай увидѣть хорошо подобранную коллекцію превосходныхъ памятниковъ русской иконописи. Отдѣльныхъ экземпляровъ, имѣющихся въ собраніяхъ нѣкоторыхъ большихъ европейскихъ музеевъ (напр. въ Берлинѣ), недостаточно для того, чтобы составить себѣ сколь либо полное впечатлѣніе объ этой яркой области искусства. Частныя же собранія иконъ, въ большинствѣ своемъ составленныя только съ недавняго времени, въ связи съ начавшейся торговлей иконами изъ Россіи, почти всегда трудно доступны.

За десятилѣтіе послѣ войны интересъ Западной Европы къ русскому искусству вообще и къ иконѣ въ частности сильно возросъ. Переводятся работы русскихъ ученыхъ и критиковъ искусства на европейскіе языки, издаются спеціальные труды и обзоры мѣстныхъ ученыхъ — цѣнителей русскаго искусства.[3]

Интересъ этотъ часто связанъ съ общимъ расцвѣтомъ византиновѣдѣнія, напр. во Франціи, гдѣ французская школа византинистовъ достигла крупныхъ результатовъ и отъ изученія „общевизантійскаго" искусства переходитъ къ изученію его „вѣтвей" и „истоковъ". Наоборотъ, въ Германіи интересъ спеціально сосредотачивается на Россіи и настоящая выставка, привезенная изъ Россіи на средства Общества изученія Восточной Европы (Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas), не первый шагъ, сдѣланный для знакомства съ памятниками русскаго искусства. Въ 1926 г. происходила въ Берлинѣ же выставка копій съ произведеній русской монументальной живописи.[4]

[1]) Отчетъ о дѣятельности Института за 1911 г. „Извѣстія Рус. Археол. Института въ Константинополѣ", XVI, Софія, 1912, 367—372. Ср. „Старинаръ". 1907, I.

[2]) Русскимъ правительствомъ была ассигнована сумма въ 10.000 рублей, т. е. въ современной сербской валютѣ свыше 270.000 динаръ.

[3]) Укажу здѣсь только наиболѣе характерные примѣры, свидѣтельствующіе объ интересѣ къ Русской Иконѣ на Западѣ: для Англіи: N. P. Kondakov. The Russian Icon, translated by E. H. Minns. Oxford 1927; для Франціи: P. P. Mouratov. Les icones russes. Paris 1927. La peinture byzantine. Paris 1928; для Германіи: O. Wulff und M. Alpatoff. Denkmäler der Ikonenmalerei. Hellerau 1925; наконецъ въ Прагѣ и въ Римѣ издана одновременно книга: P. P. Mouratov. L'ancienne peinture russe. Prague 1925.

[4]) См. статью H. Jonas. Die russische Ikonenaustellung in Deutschland. Ost-Europa. 4. Jahrgang, Heft 7/8, April/Mai 1929, S. S, 464—477.

Вмѣстѣ съ ростомъ интереса спеціальныхъ и научныхъ круговъ къ памятникамъ русскаго искусства очень выросла и эстетическая оцѣнка русской иконы. Врядъ ли сейчасъ кто либо повѣритъ, что лѣтъ 20 тому назадъ крупный ученый и тонкій цѣнитель и знатокъ искусства не нашелъ для характеристики русской иконописи болѣе подходящаго выраженія чѣмъ „horribles coloriages appelés icones". При этомъ вовсе не надо заподазривать автора этого поистинѣ великолѣпнаго опредѣленія ни въ особой пристрастности, ни въ нарочитой враждебности. Его слѣдуетъ отнести гораздо скорѣе за счетъ общаго эстетическаго уровня. Въ настоящее время гораздо чаще можно слышать неумѣренныя хвалы, чѣмъ подобные, приведенному выше, отзывы. Есть даже попытки найти какіе то отклики въ искусствѣ современномъ и обосновать тѣ или иныя „художественныя направленія" путемъ подражанія или стилистическаго воспроизведенія отдѣльныхъ чертъ, заимствуемыхъ изъ византійскаго и древне-русскаго религіознаго искусства, или вообще отъ такъ называемыхъ примитивовъ.

Прага въ настоящее время стала извѣстнымъ центромъ въ смыслѣ изученія именно русской иконы и это — не случайно. Чешская мысль дала главу современной обще-славянской археологической науки, связаннаго крѣпкими узами съ русской научной традиціей и неоднократно указывавшаго съ университетской каѳедры на значительность русскаго культурнаго фонда. Чешское общество съумѣло въ свое время создать тонкихъ любителей и цѣнителей, печатно засвидѣтельствовавшихъ и свою любовь и свое пониманіе русскаго искусства.[1]

Выставка имѣла своей главной цѣлью дать наглядное представленіе объ общемъ историческомъ ходѣ развитія русской иконописи отъ ея началъ, теряющихся въ исторіи византійскаго искусства, до ея „ухода въ подполье" подъ давленіемъ свѣтскаго, идущаго съ Запада, искусства. Я намѣренно говорю только „ухода въ подполье", т. к. о концѣ, какъ это будетъ видно далѣе, говорить еще рано. Второй цѣлью выставки было показать тѣ методы, которыми въ настоящее время ведутся реставраціонныя работы въ Россіи. Надъ устройствомъ выставки потрудились главнымъ образомъ тѣ ученые, которые стоятъ во главѣ реставраціоннаго дѣла въ Россіи, — И. Э. Грабарь, директоръ Московскихъ реставраціонныхъ мастерскихъ, и А. И. Анисимовъ, лучшій сейчасъ спеціалистъ по русской иконописи, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ котораго ведется расчистка важнѣйшихъ памятниковъ и по плану котораго былъ произведенъ подборъ иконъ. Первому изъ нихъ удалось сопровождать выставку и давать объясненія выставленнымъ памятникамъ, второй, къ сожалѣнію, не присутствовалъ. Не надо, однако, думать, что все привезенное является только что открытыми новинками. Большое количество иконъ было взято изъ музейныхъ собраній, расчищены онѣ были еще до войны и новинкой представляются только здѣсь, въ Европѣ. Также и реставраціонныя достиженія, о которыхъ за послѣднее время принято довольно много писать и говорить, относя ихъ цѣликомъ къ послѣреволюціонному періоду, были бы невозможны, не будь работы до военнаго времени. Многое просто было сдѣлано уже довольно давно, только говорить объ этомъ стали теперь и притомъ большею частью тѣ, кому это нужно для цѣлей ни съ наукой, ни съ культурой ничего общаго не имѣющихъ. Тѣмъ, кто ведетъ большую культурную работу и кто хорошо, конечно, знаетъ, чего онъ достигъ, что было сдѣлано до него и что еще предстоитъ сдѣлать, этого не нужно. Результаты — и непреувеличенные — говорятъ за себя. Стоитъ посмотрѣть хотя бы только то, что увидѣло свѣтъ.[2] А много, между тѣмъ, лишь ждетъ опубликованія, что сейчасъ нелегко при современныхъ тяжелыхъ условіяхъ научной работы въ Россіи.

„Историческая" цѣль выставки потребовала подбора характерныхъ памятниковъ для всѣхъ стилистическихъ и хронологическихъ группъ русской иконописи. Самая задача, конечно, не легкая, такъ какъ единогласія опредѣленій далеко не всегда бываетъ можно достигнуть, а въ связи съ появленіемъ новыхъ памятниковъ, появились и новые вопросы и проблемы. Вопросы эти нашли свое отраженіе и на выставкѣ.

Отдѣлъ, съ котораго начинаешь обозрѣніе выставки, посвященъ наиболѣе древнимъ памят-

---

¹) Fr. Taborský. Ruské umění. Praha 1921.

²) См. Вопросы реставрации. Сборник центральных государственных реставрационных мастерских. Москва. I 1926. II 1928. Въ особенности статьи: И. Э. Грабарь. Андрей Рублев (I, стр. 7—112) и А. И. Анисимов. Домонгольский период древне-русской живописи (II, стр. 102—180).

никамъ (XII—XIII в. в.). Здѣсь все является новостью, все — плоды реставраціонной работы послѣднихъ лѣтъ. Наиболѣе цѣнные и древніе оригиналы не могли быть вывезены и подвергнуты риску дальняго путешествія, поэтому и представлены они въ копіяхъ въ натуральную величину и исполненныхъ мастерами ихъ реставрировавшими. Копіи сами по себѣ даютъ представленіе и о состояніи копировальнаго дѣла (это документы, воспроизводящіе не только внѣшность и колоритъ, оригинала, но позволяющіе судить и о фактурѣ живописи и о состояніи живописной поверхности) и о достиженіи современной русской иконописи. Не будучи крупнымъ художникомъ — мастеромъ-иконописцемъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова — такихъ копій создать невозможно. Для этого нужно было не только воспроизводить линію за линіей, мазокъ за мазкомъ, нужно было усвоить стиль, понять манеру, схватить колористическія тонкости, наконецъ въ точности воскресить во всей ея сложности иконописную технику оригинала. Несмотря на то, что смотришь на нихъ именно какъ на копіи, бросается въ глаза еще и то, что каждая такая копія сама по себѣ — прекрасное художественное произведеніе. Наглядный примѣръ — какъ „мастерство высокой техники“ создаетъ искусство. Всѣ мастера копіисты — представители традиціональной русской иконописи, происходятъ изъ извѣстныхъ иконописныхъ семей слободъ Владимірской губерніи. Невольно возникаетъ мысль, что казалось потерянная традиція подлинно русскаго искусства еще живетъ и полна творческихъ силъ. Остается только пожелать, чтобы каждый художникъ создалъ и оставилъ послѣ себя свою школу, и можно быть увѣреннымъ, что самобытное русское искусство, болѣе двухъ вѣковъ пребывавшее въ подпольи, займетъ надлежащее его значенію мѣсто.

Памятники, воспроизведенные въ копіяхъ, имѣютъ первостепенной важности значеніе для исторіи русской иконы и русскаго искусства вообще. На первомъ мѣстѣ мы находимъ Владимірскую икону Божіей Матери[1] въ копіи А. И. Брягина.

Не менѣе интересны и другія иконы, представленныя на выставкѣ въ копіяхъ. Небольшая копія (работы В. О. Кирикова) воспроизводитъ ликъ (т. е. только часть) большой иконы Св. великомученика Димитрія Солунскаго, происходящей изъ собора г. Дмитрова Московской губерніи. Икона[2] даетъ изображеніе великомученика сидя, извѣстное въ византійскомъ искусствѣ XI—XII в. в., а типъ лика имѣетъ свою аналогію въ кіевскихъ мозаикахъ.[3] По всей вѣроятности икона восходитъ къ концу XII или самому началу XIII вѣка.

Расчистка иконъ Успенскаго собора въ Москвѣ дала рядъ памятниковъ, связующихся въ одну группу, стиль которыхъ говоритъ о ихъ высокой древности. Всѣмъ этимъ памятникамъ обща одна черта — раздѣлка волосъ золотой штриховкой. Изъ этой группы на выставкѣ были представлены Нерукотворенный Спасъ — въ копіи работы Е. И. Брягина — и голова Ангела — въ копіи Г. О. Чирикова. У первой изъ этихъ иконъ большой интересъ представляетъ оборотная сторона, дающая иконографическую тему „Славы Креста“, обычную именно для тыльныхъ сторонъ почитаемыхъ иконъ. Повидимому эта сторона не подвергалась поновленіямъ и сохранилась поэтому лучше, чѣмъ лицевая. Стилистическія черты изображеній архангеловъ говорятъ съ несомнѣнностью въ пользу XII вѣка, какъ даты иконы.[4] Отмѣтимъ здѣсь еще красочное богатство иконы (соединенія тоновъ: темно-розоваго съ голубымъ и темно-голубого съ сѣровато зеленымъ — въ одеждахъ, яркую киноварь и т. п.) и орѳографію ея славянскихъ над-

---

[1]) О ней см.: А. И. Анисимовъ. Владимірская икона Божіей Матери. ΖΩΓΡΑΦΙΚΑ I. Seminarium Kondakovianum Прага, 1928 (то же на англійскомъ языкѣ A. I. Anisimov. Our Lady of Vladimir, тамъ же).

[2]) См. воспроизведеніе иконы въ указанной статьѣ А. И. Анисимова, Вопросы реставраціи II, стр. 138—139, а также Н. П. Кондаковъ. Русская икона, II альбомъ (Прага 1929), табл. 1.

[3]) См. мозаику Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ, D. V. Ainaloff. Die Mosaiken des Michaelklosters in Kiew. Belvedere 1926. 51/52, Abb. 12.

[4]) Укажемъ здѣсь двѣ аналогіи характерной манерѣ писать складки одеждъ: фреску, изображающую ангельскую процессію, на антаблементѣ церкви Св. Софіи въ Охридѣ (XI—XII в. в.) и изображеніе Св. апостола Іоанна Богослова въ Преображеніи въ ц. Св. Пантелеймона въ Нерезѣ ок. Скопле (1164). Съ первой изъ упомянутыхъ фресокъ сближаетъ нашу икону кромѣ того и рядъ другихъ чертъ — общая постановка фигуръ, характеризующаяся сильнымъ движеніемъ впередъ, форма крыльевъ и т. д.

писей, говорящихъ, какъ будто, въ пользу предположенія о русскомъ мастерѣ ее написавшемъ. Данныхъ для какой либо локализаціи иконъ этой группы въ настоящее время еще нѣтъ, по всей вѣроятности именно въ ней мы имѣемъ собственно то „русско-византійское" искусство, которое должно было процвѣтать въ русскихъ культурныхъ центрахъ XII—XIII в. в.[1]

Наконецъ, превосходная копія работы П. И. Юкина воспроизводитъ большую икону Богородицы-Оранты *или иначе* Великой Панагіи, найденную въ 1919 г. въ Ярославскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ.[2] Икона эта особо характерный представитель древнѣйшей иконописной группы. Иконографическій типъ ея извѣстенъ по церковнымъ росписямъ XII в. (напр. въ церкви Спаса-Нередицы). Икона высокаго художественнаго достоинства. Фигура Богоматери прекрасно поставлена, очень удачны линіи падающихъ складокъ. Икона очень богата красочно. Тона одеждъ даютъ сочетаніе яркаго краснаго съ глубокимъ темнымъ зеленымъ. Красочная интенсивность сосредоточена на фигурѣ Младенца Христа въ медальонѣ на груди у Богоматери. Въ складкахъ одеждъ обильно примѣнено золото — крупными мазками линіями, подчеркивающими какъ бы основной каркасъ рисунка и создающими впечатлѣніе сверканія. Только въ медальонѣ — на одеждахъ Христа мы находимъ обычную золотую шраффировку тонкой сѣткой. Примѣненіе золотого письма какъ колористическаго средства, а здѣсь именно оно таково, въ этой иконѣ сказалось наиболѣе ярко и сильно. Съ точки зрѣнія формы мастеръ Ярославской Великой Панагіи достигъ большого благородства и правильности — ликъ Богоматери тому лучшій примѣръ. Типъ иконографической композиціи и отдѣльныя аналогіи въ деталяхъ съ фресками XII вѣка, даты которыхъ прочно установлены, не позволяютъ сомнѣваться, что и эта икона восходитъ къ концу XII или самое позднее началу XIII вѣка. Естественно, что сразу же возникаетъ вопросъ о принадлежности иконы той или иной школѣ, о мѣстѣ, гдѣ могъ работать столь блестящій мастеръ. Былъ ли то Кіевъ, Новгородъ или Суздаль, несомнѣнно только одно, что художникъ, создававшій такія произведенія, не могъ быть одинокъ — за нимъ должна была быть большая художественная традиція. Можно ли будетъ считать эту традицію русской, тогда можно говорить о русскомъ искусствѣ высокаго художественнаго достиженія. Пока приходится констатировать только: прочную стилистическую связь съ византійскимъ искусствомъ XII вѣка и въ то же время оригинальность въ примѣненіи художественныхъ средствъ, объяснить которую однимъ воспроизведеніемъ византійскихъ образцовъ невозможно.

Не менѣе значительна слѣдующая группа памятниковъ, представленная уже въ оригиналахъ. Здѣсь мы видимъ первыя попытки отступленія отъ образцовъ, обусловленныя м. б. тѣмъ, что образецъ воспроизводился по памяти или только одному контурному рисунку, или, наконецъ, тѣмъ, что мастеръ не обладалъ техническими средствами своего прототипа. Такія иконы какъ Николай Чудотворецъ съ медальонами Святыхъ изъ Новгородскаго Духова монастыря, или Свв. Іоаннъ Богословъ съ великомученикомъ Георгіемъ и Св. Власіемъ изъ села Кривого Архангельской губерніи не имѣютъ ни монументальности предыдущихъ памятниковъ, ни ихъ технической тонкости. Это простонародныя иконы, возникшія м. б. въ провинціи, не знающей всей тонкости принесеннаго на Русь византійскаго мастерства. Зато въ смыслѣ оригинальности, несомнѣнно, именно отъ такихъ произведеній пойдетъ дальнѣйшее развитіе собственно русскаго искусства. Это именно тѣ русскіе примитивы, зависимость которыхъ отъ византійскихъ оригиналовъ не всегда можно почувствовать, а связь ихъ съ произведеніями позднѣйшими уже собственно русскаго стиля бросается въ глаза.

Очень интересны памятники русской иконописи XIV—XV вѣковъ, въ особенности въ связи съ большими различіями манеръ и пошибовъ въ такъ называемыхъ мѣстныхъ письмахъ. Мы сразу же сталкиваемся съ такими опредѣленіями какъ тверское, псковское, сѣверное письма, не говоря уже о вошедшихъ въ обиходъ исторіи искусства новгородскомъ и суздальскомъ и все болѣе выдвигаемомъ раннемъ московскомъ.

Псковская группа памятниковъ, пожалуй, наиболѣе значительна. Она уже вызвала въ періодической литературѣ по исторіи искусства спеціальную замѣтку.[3] Представлена она превосход-

---

[1]) См. объ этой группѣ иконъ у Анисимова, стр. *120—122, 126* слѣд., тамъ же и воспроизведенія.

[2]) См. Анисимовъ, ук. соч., *158—160, 165.*

[3]) Igor Grabar. *Die Malerschule des alten Pskow.* Zeitschrift für bildende Kunst, 1929/30, heft I, 3—9.

ными и по качеству и по сохранности памятниками. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе отъ этихъ памятниковъ складывается не въ пользу предположенія о наличіи во Псковѣ того времени самостоятельной художественной школы. Наиболѣе замѣчательныя иконы отражаютъ на себѣ стилистическія черты другихъ группъ. Такъ большой Деисисъ изъ церкви Св. Николая во Псковѣ несомнѣнно тѣсно связывается своимъ доличнымъ письмомъ (лики его, повидимому, переписаны въ XVI вѣкѣ) съ группой монументальныхъ иконъ, лучшей представительницей которыхъ является Ярославская Оранта. Мы наблюдаемъ въ немъ тотъ же пріемъ золотого письма крупными и широкими мазками-линіями въ складкахъ. Но нѣтъ уже ни той яркости горящихъ красокъ, ни того благородства формъ и линій, которыми такъ блещетъ икона изъ Ярославля. Несомнѣнно въ этомъ Деисисѣ мы имѣемъ отраженіе русско-византійскаго монументальнаго стиля на почвѣ Пскова конца XIII, а можетъ быть даже начала XIV вѣка. Другая икона, названная въ нѣмецкомъ каталогѣ — изображеніемъ Богоматери со всѣми Святыми, а въ англійскомъ — соборомъ Пресвятой Богородицы и представляющая иконографическую композицію на слова рождественской стихиры „Что ти принесемъ",[1] служитъ примѣромъ отраженія на Псковской почвѣ характерной манеры, связываемой съ именемъ Ѳеофана Грека. Главнымъ отличіемъ этой манеры въ личномъ письмѣ является моделляція свѣтовъ рѣзкими и сухими бѣлильными мазками-штрихами по темному коричневому санкирю (локальному тону). Извѣстна она гл. образомъ по росписямъ Новгородскихъ церквей, въ которыхъ работа Ѳеофана Грека засвидѣтельствована историческими источниками. Той же манерой писаны фрески нѣкоторыхъ церквей XIV в. на Балканахъ, такъ что и происхожденіе ея можетъ быть прослѣжено. Даже если принять, что икона возникла во Псковѣ (происходитъ она изъ Псковской церкви Св. вмч. Варвары),[2] то и то придется лишь констатировать, что мастера школы Ѳеофана работали во Псковѣ. О самостоятельной художественной школѣ говорить тутъ все же не придется, такъ какъ въ данномъ случаѣ нѣтъ преемственной традиціи развитія. Въ дальнѣйшемъ, правда, двѣ иконы тоже изъ Пскова (иконы: четырехъ Святыхъ — Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и Параскевы-Пятницы — изъ Третьяковской галлереи и Св. вмч. Димитрія Солунскаго изъ церкви Св. вмч. Варвары во Псковѣ), несомнѣнно не одного времени (первая — XIV в., вторая — XV в.), даютъ какъ будто возможность выдѣлить какія то характерныя черты, хотя бы въ сравненіи съ Новгородской школой, и предположить какой то ходъ развитія этой манеры. Но, насколько прочна локализація этой манеры Псковомъ, сказать по двумъ памятникамъ трудно. Н. П. Кондаковъ относилъ икону архангела Гавріила въ Русскомъ Музеѣ, несомнѣно той же манеры, что и икона 4-хъ Святыхъ, къ суздальской школѣ.[3] Впрочемъ есть въ иконѣ 4-хъ Святыхъ композиціоння черта, косвенно говорящая въ пользу Пскова, именно прямоличная и совершенно ровная постановка фигуръ (исокефалія). Н. В. Малицкому удалось доказать, что именно во Псковѣ былъ излюбленъ исокефальный типъ Ветхозавѣтной Троицы.[4] Не есть ли это выраженіе извѣстнаго художественнаго вкуса?

Не менѣе нова вся группа, обозначаемая „сѣверными письмами". Упомянемъ здѣсь Владимірскую со святыми на поляхъ, происходящую изъ Вологды и восходящую, по всей вѣроятности, къ довольно раннему времени (XIV вѣкъ), Введеніе во Храмъ изъ села Кривого Архангельской губерніи и царскія врата изъ Архангельска.[5] Всѣ эти иконы представляютъ собою провинціальную манеру Новгородской школы и связываются преемственно съ иконами, которыя выше мы условно обозначили, какъ примитивы. Именно онѣ даютъ представленіе о народной

---

[1]) Объясненіе этой композиціи см.: Н. В. Покровскій, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи преимущественно, византійскихъ и русскихъ. СПб., 1892, стр. 88. G. Millet. Recherches sur l'iconographie de l'Evangile. Paris 1916, p. 163 sq.

[2]) Въ пользу этого, по мнѣнію Иг. Грабаря, говоритъ специфически Псковская „зеленая земля", (т. е. зеленая краска, найденная въ Псковской почвѣ), которой исполненъ весь иконный пейзажъ.

[3]) Н. П. Кондаковъ. Русская Икона, II альбомъ (Прага, 1929), табл. 4, 5. N. P. Kondakov— E. H. Minns. The Russian Icon, p. 71, pl. XIV, 2.

[4]) Н. В. Малицкій. Къ исторіи композиціи ветхозавѣтной Троицы. Seminarium Kondakovianum II (Прага, 1928), стр. 42 и слѣд.

[5]) Аналогичныя имъ извѣстны изъ коллекціи Н. П. Лихачева въ Русскомъ Музеѣ. См. Н. П. Кондаковъ. Русская Икона, II альбомъ, табл. 23.

традиціи русской иконописи, существовавшей наряду съ монументальнымъ искусствомъ крупныхъ городскихъ центровъ.

Изъ дальнѣйшаго отмѣтимъ, по необходимости кратко, только отдѣльныя группы памятниковъ. Изслѣдовательская работа въ отдѣльныхъ провинціальныхъ центрахъ дала большое количество иконъ. Каждая отдѣльная группа имѣетъ свои особенности и характерныя черты письма. Невольно возникаетъ вопросъ о существованіи въ Россіи XV—XVI вв. очаговъ искусства во всѣхъ крупныхъ центрахъ, причемъ каждый такой очагъ имѣетъ свой „пошибъ". Россія этого времени, повидимому, представляла въ художественномъ отношеніи что-то, что можно сравнить только съ обиліемъ художественныхъ школъ въ Италіи эпохи Возрожденія. Дѣйствительно, иконы изъ Вологды (отмѣтимъ превосходныя: Умовеніе ногъ и Жены Мvроносицы изъ Корниліевскаго монастыря) отличаются отъ Ярославскихъ или Тверскихъ (прекрасное большое Знаменіе изъ собора г. Кашина,[1] Воскрешеніе Лазаря изъ Тверского собора). Всѣ эти мѣстные пошибы не представляютъ собой, конечно, оригинальныхъ художественныхъ явленій и, въ сущности, являются варіантами или смѣсью двухъ основныхъ манеръ, опредѣляющихъ развитіе русскаго искусства съ конца XIV по начало XVI вѣка. Эти двѣ манеры, взаимно противоположныя и взаимно проникающія другъ друга, — основныя художественныя школы русской иконописи, новгородская и суздальская. Давать, хотя бы даже и бѣглую, ихъ характеристику мы въ настоящей замѣткѣ не можемъ. Скажемъ только, что всѣ наиболѣе существенные процессы въ развитіи русской иконописи за XV вѣкъ, вплоть до созданія того смѣшаннаго, равно новгородскаго и равно московско-суздальскаго, искусства, расцвѣтъ котораго связанъ съ именемъ мастера Діонисія, объясняются взаимодѣйствіемъ этихъ двухъ основныхъ традицій. Такъ и упомянутыя выше иконы изъ Твери или Вологды заключаютъ въ себѣ элементы обѣихъ традицій.

Въ центрѣ выставки группа иконъ, связанная такъ или иначе съ именемъ Андрея Рублева.[2] Знаменитая Троица представлена въ копіи работы Г. О. Чирикова. Иконы: Сошествіе во Адъ, апостолъ Павелъ и архангелъ Михаилъ (послѣдняя еще не расчищена) происходятъ изъ иконостаса Успенскаго Собора во Владимірѣ, находившагося съ XVIII вѣка въ селѣ Васильевскомъ. По всей вѣроятности, въ писаніи этого иконостаса долженъ былъ принимать участіе Андрей Рублевъ, однако, иконы эти въ художественномъ отношеніи не могутъ выдержать сравненія со знаменитой Троицей. Только въ постановкѣ фигуры, въ формѣ головы и линіяхъ складокъ одежды апостола Павла чувствуется что-то родственное Рублеву. Икона, къ сожалѣнію, въ очень пострадавшемъ видѣ. Зато въ отношеніи другихъ иконъ встаетъ вопросъ, если не о ихъ принадлежности великому русскому мастеру, то, хотя бы, о тѣснѣйшей связи съ его традиціей. Укажемъ Рождество Христово (№ 35 по нѣмецкому каталогу, тамъ же воспроизведеніе), ангельскія головы котораго чисто Рублевскія, и затѣмъ Деисусную Богоматерь (№ 14 нѣмецкаго каталога), древнѣйшій слой живописи которой даетъ всѣ черты будущаго Рублевскаго личного письма.

Можно было бы безконечно продолжать перечисленіе выставленныхъ иконъ, по поводу каждой изъ нихъ можно было бы что-нибудь сказать. Мы обрываемъ свои замѣтки на томъ, что работа, сдѣланная за послѣдніе годы, намъ представляется огромной. Новыхъ памятниковъ появилось столько, что даже краткое обозрѣніе ихъ потребовало бы цѣлыхъ томовъ. Систематическая и полная разработка этого матеріала должна дать новую и прочную почву для построенія исторіи русской иконописи и русскаго исусства вообще.

Второй цѣлью выставки было дать представленіе о методахъ реставраціи. Для этого были выставлены экспонаты въ процессѣ реставраціи. Можно было видѣть, что скрывается подъ чернотой, заставлявшей прежде предполагать, что отъ иконы почти ничего не сохранилось. Такими черными иконами были почти всѣ расчищенныя, но когда расчистка уже кончена, то никому и въ голову не придетъ подумать о томъ, что икона представляла собой до нея. Когда же на одной и той же иконѣ можно видѣть мѣста совершенно черныя и мѣста, съ которыхъ постепенно (слоями) сняты чернота и прописи, то впечатлѣніе создается въ достаточной мѣрѣ

---

[1]) Н. Д. Протасов. Кашинские памятники. Изв. Рос. Ак. Ист. Мат. Культуры. I стр. 33—40.

[2]) По всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ иконами, приписываемыми Андрею Рублеву, см. статью Иг. Грабаря въ Вопросахъ реставраціи I.

наглядное. Отдѣльныя иконы давали возможность составить представленіе о перепискѣ, подправкѣ и починкѣ иконъ, практиковавшихся у иконописцевъ, вплоть до поддѣлки подъ старину. Наконецъ, выставленныя копіи мастеровъ-иконописцевъ и реставраторовъ, о которыхъ выше уже говорилось, давали наглядные примѣры, какими драгоцѣнными для историка искусства документами сопровождается реставрація каждаго значительнаго памятника.

Къ выставкѣ были изданы каталоги на нѣмецкомъ и англійскомъ языкѣ:

Denkmäler altrussischer Malerei. Ausstellung des Volksbildungskommissariats der RSFSR und der Deutschen Gesellschaft zum Studium Osteuropas in Berlin, Köln, Hamburg, Frankfurt a. M. Februar/Mai 1929. 1929 Ost-Europa Verlag. Berlin und Königsberg.

Ancient Russian Icons. Lent by the Government of the U. S. S. R. to a British Committee and exhibited by permission at the Victoria and Albert Museum. South Kensington, 18th November to 14th December 1929. London, 1929.

Оба снабжены, короткой вводной статьей Игоря Грабаря и небольшимъ количествомъ иллюстрацій.

Въ заключеніе считаю долгомъ принести глубокую благодарность Министерству Иностранныхъ Дѣлъ Чехословацкой Республики за помощь на поѣздку для осмотра выставки.

Н. Бѣляевъ.

БИБЛІОГРАФІЯ

BYZANTINOSLAVICA. Recueil pour l'etude des relations byzantino-slaves. Publié par la commission byzantologique de l'Institut slave. Tome Ir. Praha 1929.

Вышелъ первый томъ изданія при Славянскомъ Институтѣ въ Прагѣ, предоставившаго свои страницы исключительно трудамъ изслѣдователей въ области византійско-славянскихъ отношеній. Какъ видно изъ предисловія редакціонной коммиссіи, это большое культурно-научное начинаніе стало возможнымъ, благодаря содѣйствію президента республики проф. Масарика.

Говорить о важности и необходимости подобнаго изданія не приходится, такъ какъ онѣ слишкомъ очевидны. Можно только поздравить и порадовать ученый міръ тѣмъ обстоятельствомъ, что возрожденное для самостоятельнаго политическаго бытія славянское государство одновременно содѣйствуетъ развитію научно-культурной работы въ цѣляхъ и интересахъ всего славянскаго міра, безотносительно этническихъ подраздѣленій. Для насъ же русскихъ подобное явленіе особенно отрадно, такъ какъ византиновѣдѣніе, имѣвшее у насъ не только славное прошлое, но еще такъ недавно и солидное настоящее, теперь, судя по общей обстановкѣ, претерпѣваетъ гоненіе.

Содержаніе сборника, какъ видно изъ приведеннаго здѣсь перечня, довольно разнообразно. Я остановлюсь поэтому только на русскомъ текстѣ, который, къ слову сказать, занимаетъ почти одну треть сборника.

Miloš Weingart: Feodor Ivanovič Uspenskij (1845—1928) a jeho význam v dějinách ruské byzantologie (стр. 165—181).

A. Konír: Homilie Jana Zlatoústého o Herodiadě ve Sborníku Svjatoslavově z roku 1073 (стр. 182—206).

Критика и библіографія (стр. 207—269). Указатель (273—306).

Относительно статей русскихъ авторовъ должно сказать, что онѣ далеко не равноцѣнны и не всѣ отвѣчаютъ основному заданію сборника, изложенному редакціонной коммиссіей въ предисловіи: «Le but de cette revue sera de présenter avec le plus d'unité possible l'étude de relations entre de monde slave et Byzance, particulièrement les influence byzantines sur les Slaves». Хотя, конечно, слѣдуетъ признать, что выполнить отчетливо основное заданіе представляетъ не малыя трудности какъ для редакціонной коммиссіи, такъ и для сотрудниковъ, ибо только достаточное открытіе и накопленіе матеріаловъ въ области византино-славянскихъ отношеній позволитъ приступить къ планомѣрнымъ работамъ по выводамъ и обобщеніямъ. Во всякомъ случаѣ отрадно отмѣтить и то, что новый сборникъ такое заданіе ставитъ и, возможно, въ послѣдующихъ выпускахъ оно выявится съ нѣсколько большей опредѣленностью въ общемъ содержаніи сборниковъ, и не только у единичныхъ авторовъ, какъ это видимъ въ первомъ томѣ.

Изъ статей русскаго текста на первомъ мѣстѣ придется поставить весьма интересную и оригинальную работу Н. Дурново — „Мысли и предположенія о происхожденіи старославянскаго языка и славянскихъ алфавитовъ". Тема не новая, имѣющая по данному вопросу немалую литературу, правда трудно поддающуюся сводкѣ въ смыслѣ полученія положительныхъ результатовъ, и тѣмъ не менѣе автору удается найти новый подходъ къ разрѣшенію стараго вопроса, а его соображенія о происхожденіи и сущности старославянскаго литературнаго языка, возникающаго изъ Кирилло-Меѳодіевской традиціи и теперь извѣстнаго только въ разныхъ редакціяхъ позднѣйшихъ литературныхъ славянскихъ языковъ (церковно-славянскій, болгарскій, сербскій, русскій, чешско-моравскій) — служатъ довольно солиднымъ отправнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ заключеній.

Наблюденіе надъ старшими текстами болгарской и чешско-моравской редакціи, какъ варіантовъ старославянскаго литературнаго языка въ связи съ анализомъ состава и начертаній глаголической азбуки, позволяетъ автору „с известной уверенностью утверждать, что говор, для которого была составлена азбука, и который лёг в основу старославянского литературного языка, был современным Кириллу говором славянского населения окрестностей Солуни и принадлежал к той группе македонских говоров, потомками которой являются нынешние **западно-македонские** говоры, начиная от самой Солуни." Автовъ опредѣляетъ старославянскій литературный языкъ какъ „известную норму, которой стремились следовать писатели, переводчики и писцы, писавшие на этом языке, и которую нельзя отожествлять с их индивидуальным языком или говором. Старославянскому литературному языку принадлежат только те из языковых черт, извлекаемых нами из его древнейших памятниковъ, которые проводятся пишущими на немъ, как **нормы**, с тою последовательностью, какую им дозволяет их грамотность; черты не проведенные в этих памятниках последовательно и представляющие лишь уклонения от принятых пишущими норм литературного языка, самому старославянскому языку, как языку литературному не принадлежат и должны рассматриваться, как отражение тех или других живых говоров или другого литературного языка. Из того же определения следует, что, хотя в основе старославянского языка лежал живой говор, и что a priori возможен литературный язык, всеми своими чертами совпадающий с живым говором и не заключающий элементов других говоров или языков, мы не имеем права предполагать без достаточных оснований, что старославянский язык, каким мы его знаем, всеми своими чертами совпадал с тем или другим славянским языком или говором".

Анализъ состава и начертаній глаголической азбуки и сравненіе ея съ первоначальной кириллицей позволяетъ автору утверждать, что различія между обоими типами письма могутъ быть сведены и объяснены какъ наличіе разновидностей одного алфавита съ функціональными разновидностями его какъ унціала и скорописи-минускула. Греческая двойственность письма перешла такимъ об-

разомъ и въ славянское письмо: „греческій уставъ сохраненъ въ кириллицѣ, греческому минускулу соотвѣтствуетъ глаголица". Послѣднему интересному наблюденію авторъ посвящаетъ третью и послѣднюю главу своей цѣнной оригинальной работы.

Въ статьѣ Г. Ильинскаго „Погодинские кирилловско-глаголические листки" читатель найдетъ наконецъ разъясненіе тайнѣ, окружавшей этотъ цѣнный памятникъ древней письменности до нашихъ дней. Благодаря открытію Ф. И. Покровскаго выявилось, что содержаніе погодинскихъ листковъ есть „не что иное, какъ часть толкованія св. Ипполита на книгу пророка Даніила".

Авторъ статьи, использовавъ открытіе, издалъ и самый памятникъ, реконструируя при помощи греческаго оригинала глубоко попорченный отъ времени славянскій текстъ нѣкоторыхъ листковъ, неподдававшихся до сей поры прочтенію. Погодинскіе листки наконецъ получили давно желанную обработку. Помимо прекраснаго изданія цѣннаго памятника въ статьѣ Г. Ильинскаго отмѣчены палеографическія и лингвистическія особенности листковъ, указано ихъ историко-литературное значеніе и даже приложенъ словоуказатель памятника, представляющаго собой „одну изъ самыхъ драгоцѣнныхъ реликвій золотого вѣка болгарской литературы". Наличіе же глаголической стихіи въ этомъ „типичномъ восточно-болгарскомъ памятникѣ", является для автора полной неожиданностью, и „слѣды глаголицы" невольно заставляютъ задуматься надъ вопросомъ, не преждевременно-ли въ наукѣ установилась аксіома, что глаголическое письмо очистило свои позиціи въ пользу „кирилловскаго" еще при Симеонѣ, и не вѣрнѣе ли думать, что послѣдняя азбука окончательно восторжествовала надъ своей соперницей при сынѣ Симеона, Петрѣ, когда греческое вліяніе при болгарскомъ дворѣ достигло своего зенита?"

Статья Н. Л. Окунева — „Составъ росписи храма въ Сопочанахъ", является отрывкомъ изъ подготовляемой къ печати книги „Сербскія росписи XIII вѣка". Добросовѣстное отчетливое описаніе стѣнной живописи памятниковъ, уцѣлевшихъ до нашихъ дней, дѣлаетъ работу Окунева цѣннымъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ области усвоенія византійскаго искусства славянскими землями. Въ статьѣ приложены 22 фотографическія таблицы, которыя даютъ читателю представленіе о характерѣ и компановкѣ росписи. Остается только пожелать, чтобы само описаніе сюжетовъ сопровождалось также болѣе подробнымъ описаніемъ ихъ красочнаго выполненія, если только въ обѣщанномъ трудѣ не найдутъ мѣста таблицы, воспроизводящія въ краскахъ описываемые памятники, тѣмъ болѣе, что, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ, роспись въ Сопочанахъ, опредѣленно относимая къ серединѣ XIII вѣка, имѣетъ въ своемъ составѣ иногда явно прослѣживаемыя дополненія по композиціи и живописи болѣе поздняго времени. Настоящая статья позволяетъ думать, что обѣщанный авторомъ трудъ „Сербскія росписи XIII в." будетъ цѣннымъ вкладомъ для византологовъ и славяновѣдовъ, а равно дастъ рядъ важныхъ наблюденій въ области иконографическаго искусства.

М. А. Андреева — Древній перстень изъ Варны. Археологическій этюдъ, въ коемъ авторъ, описывая находку въ Варнѣ, бронзовый перстень съ рѣзнымъ изображеніемъ крылатой фигуры съ крестомъ-посохомъ въ рукахъ, пытается также дать ей мѣсто въ ряду другихъ ранѣе извѣстныхъ подѣлокъ съ аналогичными изображеніями.

Къ сожалѣнію досадный недосмотръ чисто техническаго свойства лишаетъ читателя возможности прослѣдить разсужденія и наблюденія автора и особливо въ той части, гдѣ приводятся сравнительныя иконографическія особенности найденнаго рисунка съ ранѣе извѣстными. Въ таблицѣ, гдѣ приводятся различныя изображенія, аналогичныя найденному, перстень представленъ въ общемъ видѣ; его рѣзной рисунокъ различается плохо и вовсе не выведенъ для удобства обозрѣнія въ ясное поле, какъ это исполнено для прочихъ рисунковъ той же таблицы.

Досадный недосмотръ, особенно когда приходится прослѣдить детали иконографическаго письма при сравненіи, а въ частности усмотрѣть и отмѣтить этапный моментъ постепеннаго превращенія извѣстной Ники (у автора Викторія) въ ангела.

Отмѣчу, кстати, что сообщеніе автора будто „въ Варнѣ, въ древнемъ Одессусѣ, почва котораго полна остатковъ старины, византійскій слой приходится приблизительно на глубинѣ семи метровъ подъ теперешнимъ уровнемъ почвы" не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности въ смыслѣ обобщенія. Только въ рѣдкихъ случаяхъ „византійскій

слой“ попадается на такой глубинѣ и это бываетъ на тѣхъ бывшихъ естественныхъ небольшихъ углубленіяхъ, какія иногда обнаруживаются при раскопкахъ на ближнихъ подступахъ къ старому городу. Вообще же вблизи центра (бывшій акрополь) обильные слѣды чернолаковой посуды обнаруживаются на глубинѣ 5—7 метровъ, слѣды ранняго римскаго владычества залегаютъ на глубинѣ 3—5 метровъ, болѣе поздняя римская кладка въ томъ же районѣ акрополя существуетъ даже на поверхности и понынѣ.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить въ библіографическомъ отдѣлѣ двѣ очень обстоятельныя рецензіи Г. Ильинскаго на труды П. Лаврова — Кирило та Методий в давньослов'янскому письменстві. У Київі 1928, и И. Огієнко — Констянтин і Мефодій, їх життя та діяльність, Варшава 1927 и 1928.

Н. Рутковскій.

EURASIA SEPTENTRIONALIS ANTIQUA IV. Bulletin et Mémoires consacrés à l'archéologie et l'ethnographie de l'Europe orientale et de l'Asie du nord. Rédigé par U. T. Sirelius et A. M. Tallgren. Helsinki 1929. 8°. 340 стр.

Журналъ, издаваемый въ Гельсингфорсѣ подъ редакціей У. Т. Сиреліуса и А. М. Талльгрена, посвященъ преимущественно вопросамъ доисторической археологіи Евразіи и тѣмъ самымъ, конечно, — археологіи Россіи. Начиная съ 1926 года ESA былъ главнымъ, если не единственнымъ путемъ, черезъ который протекали на западъ и входили въ міровую науку результаты послѣднихъ работъ русскихъ археологовъ. Четвертый томъ ESA посвященъ А. А. Спицыну — лучшему знатоку древностей сѣверной Евразіи. Книга содержитъ статьи 30 авторовъ, посвященныя главнымъ образомъ археологіи Россіи. Статьи расположены въ зависимости отъ содержанія въ хронологическомъ порядкѣ.

V. I. Tolmatchov. Sur le paléolithique de la Mandchourie. Стр. 1—8. Краткій обзоръ палеонтологическихъ и палеолитическихъ находокъ въ Манджуріи, дополняющій лишь недавно начавшую слагаться картину палеолита сѣверной Азіи. Большую часть статьи занимаетъ описаніе находки въ каменноугольныхъ копяхъ Далай-нора, гдѣ, благодаря наличію вѣчной мерзлоты, сохранились даже издѣлія изъ дерева (плетенка изъ ивы).

A. V. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. Beiträge zur Erforschung der paläolnetallischen Kulturen des Kubangebietes. Стр. 9—21. А. В. Шмидтъ, анализируя инвентарь кургановъ близъ станицы Константиновской около Армавира, раскопанныхъ Коссовичемъ въ 1906 году, пересматриваетъ вопросы хронологіи бронзовой культуры юга Россіи и предлагаетъ новое раздѣленіе (стр. 21): 1) ранне-кубанская культурная группа, связь съ памятниками Сумера и Крита, 3000—2500; 2) средне-кубанская культурная группа, 2300—1600; 3) поздне-кубанская культурная группа, до 1000-го года. Въ предлагаемой классификаціи автору пришлось отодвинуть извѣстный Майкопскій курганъ къ 2500 г.

A. M. Tallgren. Études sur le Caucase du nord. Стр. 22—40. Статья извѣстнаго знатока доисторической археологіи Россіи представляетъ предварительный набросокъ вѣроятно будущаго труда по археологіи Сѣвернаго Кавказа, который завершая рядъ предыдущихъ основныхъ работъ автора по археологіи *Россіи*, дастъ вмѣстѣ съ ними для западной половины Россіи почти исчерпывающую и систематическую картину бронзовой эпохи. Разсматривая инвентарь раскопанныхъ Веселовскимъ около Ульской станицы и Армавира кургановъ, и сопоставляя ихъ съ новыми раскопками (1925 года) около Пятигорска, Талльгренъ приходитъ къ заключенію, что въ кубанской бронзѣ можетъ быть констатировано вліяніе придунайской и эгейской бронзовыхъ культуръ.

Paul Rau въ своей статьѣ: „Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebiets“, стр. 41—57 публикуетъ дальнѣйшіе результаты своихъ раскопокъ 1928 года кургановъ бронзовой эпохи съ погребеніемъ „скорченныхъ костяковъ“.

M. Jegorov. Ein Kurgan bei der Kirche der Kolonie Nikolajevsk (Umgegend von Pjatigorsk), стр. 58—60. М. Егоровъ даетъ короткое сообщеніе объ раскопанномъ имъ въ 1928 году около Пятигорска кургана съ погребеніемъ, относящимся къ мѣдно-бронзовой эпохѣ.

B. Joukov. Les modification chronologiques et locales de la céramiques

de certaines cultures de la piere et du métal en Europe du Nord-Est. Стр. 61—81. Статья Б. Жукова посвященная неолитической керамикѣ центральной Россіи, основана преимущественно на новомъ матеріалѣ, открытомъ въ послѣдніе годы въ Россіи и представляетъ интересную попытку установить взаимную связь отдѣльныхъ культурныхъ очаговъ.

M. Voévodski. Les moyens méthodiques pour l'étude de la céramique, стр. 82—89, сообщаетъ о выработанныхъ въ палео-этнологической лабораторіи антропологическаго института при московскомъ университетѣ, методахъ изслѣдованія и систематизаціи неолитической керамики средней Россіи.

Otto Bahder. Zur Erforschung der neolitischen Wohnplätze im Okatale, стр. 90—101, — публикуетъ результаты своихъ изслѣдованій неолитическихъ дюнныхъ стоянокъ по Окѣ (губерніи Нижегород., Влад. и Ряз.).

A. V. Zbrujev. Der Wohnplatz von Lipki im Gouv. Vladimir, стр. 102—115. Очень обстоятельное описаніе, опредѣленіе и датировка неолитической дюнной стоянки, открытой въ 1927 году около Вязниковъ Владимірской губ.

O. Krivtsov-Grakov. Une trouvaille d'objets de l'âge du bronze dans la région du haut Tobol, стр. 116—125. Опубликовываетъ открытое въ 1921 году около Кустаная въ Киргизской степи погребеніе бронзовой эпохи, по поводу котораго высказываетъ общія соображенія относительно бронзовой культуры въ Россіи.

I. Fabritius. „Tzaréwa mohila“ près de Kryvoï Rog (gouv. de Kherson), fouilles exécutées par V. I. Gochkévitch en 1907—08, стр. 126—134. Авторъ излагаетъ результаты раскопки „Царевой могилы“, произведенной въ 1907—08 г. покойнымъ Гошкевичемъ, дневникъ раскопокъ котораго не былъ своевременно изданъ. Подъ насыпью обнаружено 10 погребеній „окрашенныхъ костяковъ“, содержащихъ бѣдный инвентарь. Интересно сообщеніе о каменной бабѣ, обнаруженной въ насыпи „Царевой могилы“, на днѣ продѣланной грабителями шахты. Другая аналогичная каменная баба была найдена на одномъ изъ примыкающихъ къ Царевой могилѣ скиѳскихъ кургановъ.

Vl. Antoniewicz. Der in Stublo in Wolhynien aufgefundene Bronzeschatz, стр. 135—148. Кладъ, найденный въ 1927 году на Волыни и опубликованный Антоніевичемъ, состоитъ изъ двухъ бронзовыхъ топоровъ, нѣсколькихъ браслетовъ и колецъ. Сравненіе съ восточно-европейскимъ матеріаломъ приводятъ автора къ заключенію, что кладъ долженъ быть отнесенъ къ I періоду бронзовой эпохи (2000—1700).

J. Kostrzewski. La cachette du premier âge du fer de Kalinówka Kościelna, arrondissement de Białystok (Pologne), стр. 149—161. Авторъ разбираетъ найденный около Бѣлостока въ 1910 году кладъ, состоящій изъ 51 бронзоваго топора, датируемый имъ 500 годами до Р. Х.

A. Potapov. Inkrustierte Keramik von Belsk, стр. 162—168. Относитъ керамику, найденную около гор. Бѣльска (Полт. губ.) къ Гальштаттской культурѣ VIII—VII до Р. Х. и опредѣляетъ Бѣльскъ какъ самый восточный пунктъ проникновенія гальштаттской культуры.

B. N. Grakov. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. Стр. 169—182. Описываетъ два скиѳскія погребенія, открытыя имъ въ 1928 г. около Оренбурга, изъ которыхъ одно относитъ къ VI, а другое — къ IV вѣку до Р. Х. Авторъ останавливается на формахъ наконечниковъ скиѳскихъ стрѣлъ и дѣлаетъ попыку, кажется впервые, распредѣлить ихъ по типамъ и по времени.

N. Toll. Bronzedolche der Sammlung Zichy. Стр. 183—188. Опубликовываетъ пять минусинскихъ кинжаловъ, находящихся въ національномъ музеѣ въ Будапештѣ.

Gero von Merhart. Ein Eisenschmelzofen am Jenissei. Стр. 189—193. Сообщаетъ объ открытой имъ около Минусинска древней печи для выплавки желѣза.

T. M. Minajeva. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Šipovo. Стр. 194—210. Опубликовываетъ результаты раскопки двухъ кургановъ (1925 годъ) около станціи Шипово Рязано-Уральской ж. д. Весьма интересный инвентарь погребеній содержитъ: бронзовую діадему съ цвѣтными стеклами, остатки сѣдла, остатки шелковой одежды. Т. М. Минаева датируетъ курганы III—V в. по Р. Х. Неудачно опредѣленіе „Völkerwanderungszeit“, терминъ условный и неудобный,

примѣнимый еще кое-какъ въ европейской археологіи, но совершенно безсмысленный въ русской, такъ какъ не опредѣляетъ ни времени, ни территоріи. Какъ сравнительный матеріалъ въ статьѣ Т. М. Минаевой воспроизведенъ очень интересный бронзовый, обложенный золотомъ и украшенный альмандинами вѣнецъ (стр. 206), найденный въ 1928 году около деревни Березовки у Покровска.

Jevgenia Pčelina. Ein Katakombengrab der Völkerwanderungszeit in Nordossetien. Стр. 211—213. Описываетъ случайно открытое погребеніе около Садона въ сѣверной Осетіи, относимое ею къ алано-хазарской культурѣ VII—VIII вѣка, что подкрѣпляется находкой золотой монеты императора Фоки. „Völkerwanderungszeit" ничего не опредѣляетъ.

V. I. Ravdonikas. Die Grabsitten in den „finnischen" Kurganen im südöstlichen Ladogagebiet. Стр. 214—228. Публикуетъ результаты раскопокъ ряда кургановъ (X—XI в.) къ югу отъ Ладожскаго озера, произведенныхъ имъ въ 1928 году.

Helmer Salonen. Gräberfunde aus dem Ladogagebiete. Стр. 229—249. Описываетъ раскопанные финскимъ археологомъ Europaeus'омъ курганы около Ладоги. Salonen считаетъ ихъ варяжскими курганами X—XIII вѣка. Отсутствіе иллюстрацій уменьшаетъ значеніе статьи.

Nils Cleve. Jüngereisenzeitliche Funde von der Insel Berezan. Стр. 250-262. Публикуетъ нѣсколько предметовъ (фибула и пряжки), найденныхъ на островѣ Березани. Авторъ устанавливаетъ связь ихъ съ варяжскими курганами. Статья написана съ большой широтой и знаніемъ матеріала и имѣетъ общее значеніе для варяжскаго вопроса въ археологіи Россіи.

M. Schmiedehelm. Ein Depotfund aus Tartu. Стр. 263—271. Описываетъ кладъ серебряныхъ вещей (XII вѣка), найденныхъ около Юрьева и хранящихся въ Эрмитажѣ.

H. Moora. Wotische Altertümer aus Estland. Стр. 272—283. Обзоръ группы кургановъ, находящихся въ Эстоніи и опредѣляемыхъ авторомъ какъ вотскіе погребенія XI—XIII в.

P. Rykov. Archäologische Beobachtungen im Tale der Velikaja. Стр. 284—289. Даетъ краткій обзоръ группы погребеній X—XII вѣка Псковской губ., приписываемыхъ кривичамъ.

Tatiana Passek et B. A. Latynine. Sur la question des „Kammenye baby". Стр. 290—311. Двѣ интереснѣйшія статьи: въ первой авторы съ несомнѣнностью устанавливаютъ среди южно-русскихъ каменныхъ бабъ группу, относящуюся еще къ скиѳо-сарматскому времени. Эта работа сдвигаетъ наконецъ вопросъ о каменныхъ бабахъ съ мертвой точки. Вторая статья, основываясь на этнографическомъ матеріалѣ (чувашскихъ погребальныхъ обрядовъ), устанавливаетъ значеніе каменной бабы какъ изображенія умершагѳ.

Vsev. Sakhanev. Études sur l'origine de l'art populaire russe. Стр. 312—320. Продолжаетъ свои изысканія въ области источниковъ древне-русскаго орнамента и высказываетъ предположеніе (выставляемое также Городцовымъ) о древнемъ, можетъ быть, скиѳскомъ происхожденіи нѣкоторыхъ узоровъ русской народной вышивки.

Catherine Goriounova. Matériaux pour la caractéristique des nécropoles maryennes (Tchérémisses). Стр. 321—331. Обзоръ черемисскихъ погребеній XVII—XIX в. въ Нижегородской губ.

A. E. Alikhova et S. Préobraženski. Sur quelques modifications chronologiques de la civilisation de Mordva-Mokcha (Données préliminaires, tirées des fouilles des nécropoles mokchaniennes dans la région de Penza). Стр. 332—339. Результаты изслѣдованій погребеній XVIII—XIX в. около Пензы.

Принимая во вниманіе отсутствіе въ Россіи археологическаго журнала и недоступность мѣстной русской литературы, въ которой разсѣяны отдѣльныя археологическія статьи и замѣтки, — сборникъ, заключающій въ себѣ столько статей русскихъ авторовъ, представляется исключительнымъ по своему значенію явленіемъ въ археологической литературѣ. Подавляющее большинство статей даетъ новый, только что добытый матеріалъ, а удачное распредѣленіе ихъ придаетъ книгѣ характеръ обзора всѣхъ новѣйшихъ открытій и работъ, входящихъ въ кругъ интересовъ Eurasiae Septentrionalis Antiquae. Въ археологической литературѣ Россіи ESA IV займетъ весьма почетное мѣсто, равное по своему значенію съ отчетами прежнихъ археологическихъ съѣздовъ.

Н. Т.

University of Wisconsin Studies in the Social Sciences and History. Number 13. History of the Byzantine Empire by A. A. Vasiliev. In two volumes. Vol. I. From Constantine the Great to the Epoch of the Crusades (A. D. 1081). Translated from the Russian by Mrs S. Ragosin. Madison. 1928.

Книга извѣстнаго изслѣдователя и ученаго проф. А. А. Васильева, появившаяся весной 1928 года на англійскомъ языкѣ, представляетъ особенно цѣнный вкладъ въ науку и является удобнымъ руководствомъ для каждаго желающаго заниматься исторіей Византіи. Сочиненіе подаетъ въ двухъ томахъ (изъ нихъ пока появился первый) всю исторію Византіи, начиная со времени Константина Великаго и кончая паденіемъ Константинополя. Подобнаго рода сочиненія, обнимающаго исторію Византіи за все время ея существованія и дающаго полную и наглядную картину въ согласіи съ послѣдними изслѣдованіями, въ современной западно-европейской литературѣ не имѣется. (Существуетъ только рядъ краткихъ очерковъ и обозрѣній, какъ Gelzer'a, Roth'a, Diehl'a; обширная работа Bury доведена только до времени Македонской династіи; также и въ русской литературѣ крупныя сочиненія Ѳ. И. Успенскаго и Ю. Куликовскаго не доведены до конца, и основнымъ сочиненіемъ для общаго знакомства съ исторіей Византіи является сочиненіе А. А. Васильева, I-ый томъ котораго появился въ 1917 году, а продолженіе въ видѣ ряда монографій съ 23 по 25 годъ.) Сочиненіе В. отличается систематичностью и продуманностью изложенія и даетъ въ краткихъ словахъ мѣткую характеристику разбираемой имъ эпохи или явленія.

Недавно вышедшая книга является англійскимъ переводомъ, значительно дополненнымъ и пересмотрѣннымъ В., перваго тома „Лекцій по исторіи Византіи. Время до эпохи крестовыхъ походовъ (до 1081 г.). Петроградъ 1917 г.“ Использована появившаяся за послѣднія 10 лѣтъ обширная литература въ области изученія Византіи для дополненія нѣсколько устарѣвшаго русскаго изданія; исправленъ недостатокъ его, заключавшійся въ отсутствіи подстрочныхъ примѣчаній. Кромѣ того внесенъ рядъ дополненій въ библіографію, значительно расширенную. Въ смыслѣ расширенія содержанія прибавлены отдѣлы по византійской литературѣ, наукѣ и искусству въ различныя эпохи; рядъ дополненій и измѣненій замѣчается и въ самомъ текстѣ. По отношенію къ распредѣленію матеріала новое раздѣленіе на 6 главъ, вмѣсто прежнихъ 9, даетъ нѣкоторое преимущество при разсмотрѣніи культурныхъ явленій отдѣльныхъ эпохъ, т. к. получаются болѣе или менѣе законченные циклы, хотя, какъ замѣчаетъ В. въ предисловіи, и при нихъ создается повторяемость и фрагментарность, что впрочемъ неизбѣжно при подробномъ разсмотрѣніи тысячелѣтней исторіи Византіи. Принципъ раздѣленія на главы въ англійскомъ изданіи нѣсколько иной, чѣмъ въ русскомъ — наряду съ распредѣленіемъ матеріала по династіямъ, а также по опредѣленнымъ культурнымъ цикламъ, напр., особая глава посвящена иконоборчеству. Перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ главъ и отмѣтимъ самыя существенныя измѣненія въ ихъ конструкціи и важнѣйшія добавленія.

Гл. I. Краткій очеркъ трудовъ по исторіи Византіи. Осталось прежнее подраздѣленіе на двѣ части: одна о трудахъ по византиновѣдѣнію въ Западной Европѣ, другая въ Россіи. Текстъ русскаго изданія вошелъ почти полностью въ англійское изданіе; выпущено только то, что имѣетъ спеціальный интересъ для русскаго читателя, напр., переводы на русскій языкъ, но онъ увеличенъ сообщеніями о новыхъ трудахъ по исторіи Византіи, напр., Bury, Diehl'a, The Cambridge Mediaeval History и др. Въ отдѣлѣ о Россіи включены добавленія о трудахъ Ѳ. И. и К. Н. Успенскихъ и самого В. Дополненъ списокъ періодическихъ изданій. Гл. II. Имперія со времени Константина Великаго до Юстиніана (съ IV-го вѣка до начала VI-го вѣка) — II и III главы русскаго изданія. Въ текстъ В. внесъ рядъ добавленій, какъ напр., о строительной дѣятельности Константина Великаго и его характеристикѣ, къ развитію въ его эпоху трехъ важнѣйшихъ христіанскихъ центровъ; расширенъ отдѣлъ о реформахъ Діоклетіана и Константина, подробнѣе упомянуто о значеніи эллинистическаго вліянія. Въ части, соотвѣтствующей III-ей главѣ, собраны въ особый отдѣлъ свѣдѣнія объ отдѣльныхъ государяхъ и большее вниманіе удѣлено хронологіи; сдѣланы дополненія въ текстѣ, какъ къ посѣщенію Юліаномъ Отступникомъ Антіохіи и Дафни, особый отдѣлъ о религіозной и національной проблемѣ въ V вѣкѣ, о персидско-византійскихъ отношеніяхъ, высшемъ об-

разованіи, налогахъ. Вполнѣ новымъ является прибавленіе (р. 145—59) о литературѣ, наукѣ, образованіи и искусствѣ со времени Константина Великаго до Юстиніана. В. останавливается на характеристикѣ развитія ихъ, находящагося въ зависимости отъ взаимоотношенія христіанства и античной культуры и протекающаго въ отдѣльныхъ культурныхъ центрахъ, какъ Каппадокія, Антіохія, Палестина, Африка, Александрія. Разсмотрѣвъ сначала христіанскую литературу и ея представителей, В. останавливается на языческой. Затѣмъ вкратцѣ говоритъ о IV—V вѣкахъ въ искусствѣ, какъ времени формированія византійскаго искусства. Глава заканчивается библіографіей, перечисляющей главнѣйшія изъ относящихся къ этому отдѣлу сочиненій. Глава III. Юстиніанъ Великій и его ближайшіе преемники (518—610) соотвѣтствуетъ IV-ой главѣ русскаго изданія; начало главы нѣсколько измѣнено. Слѣдуетъ отмѣтить изъ болѣе крупныхъ дополненій — о политикѣ Юстиніана по отношенію къ крупнымъ землевладѣльцамъ и борьбѣ съ ними, эпизодъ о почетѣ, оказанномъ византійскому послу на Цейлонѣ, изъ Козьмы Индикоплова. Глава заканчивается неимѣвшимся въ русскомъ изданіи отдѣломъ о византійской культурѣ между 518 и 610 годами, эпохи, оставившей богатое наслѣдство въ области науки и литературы. В. останавливается на литературѣ исторической, богословской, монастырской (аскетической), житіяхъ святыхъ и на отдѣльныхъ авторахъ. Затѣмъ переходитъ къ поэзіи, постановкѣ образованія и даетъ обзоръ строительной дѣятельности Юстиніана. Въ заключеніи В. подводитъ итоги дѣятельности Юстиніана — большинство предпріятій, за исключеніемъ созданія Св. Софіи и гражданскаго кодекса, не дало положительныхъ результатовъ. Гл. IV. Эпоха династіи Ираклія (610—717). Изъ важнѣйшихъ дополненій и измѣненій слѣдуетъ отмѣтить болѣе подробное разсужденіе о причинахъ отпаденія провинцій, м. пр. политика центральнаго правительства и недостатокъ военной организаціи; вставлено о положеніи христіанъ въ мусульманскихъ государствахъ на Востокѣ, о пято-шестомъ вселенскомъ соборѣ и взаимоотношеніяхъ Юстиніана II и папы; нѣсколько дополненъ отдѣлъ о ѳемахъ. Въ прибавленномъ къ главѣ отдѣлѣ о наукѣ и литературѣ разбираемаго періода В. говоритъ, что время съ 610 по 717 г. является самымъ темнымъ въ исторіи византійской литературы, останавливается на исторической литературѣ и церковныхъ поэтахъ. Въ области искусства В. отмѣчаетъ продолженіе традицій Юстиніана и вліяніе византійскаго искусства на востокъ и западъ. Гл. V. Иконоборческій періодъ (717—867) объединяетъ гл. VI и VII русскаго изданія. Сдѣланъ рядъ дополненій по исторіи византійско-арабскихъ отношеній, изъ нихъ важнѣйшія: легенда о Масламѣ и о походѣ на Константинополь, о Баттелъ Гази, расцвѣтѣ халифата при Валидѣ I, пріобрѣтеніи войной между ромеями и арабами характера священной, идеѣ кончины міра, о столкновеніяхъ съ арабами при Иринѣ. По внутренней исторіи и въ частности законодательству: о сомнѣніяхъ въ датѣ Еклоги въ новѣйшей литературѣ; пересматривается вопросъ о крестьянскомъ законѣ, о несостоятельности теоріи славянскаго происхожденія общиннаго землевладѣнія; привлечена новѣйшая литература, напр., труды W. Ashburner'a; дополненія къ морскому и военному закону. Нѣкоторыя добавленія сдѣланы В. также въ частяхъ, посвященныхъ организаціи ѳемъ и иконоборчеству. II-ая часть главы посвящена ближайшимъ преемникамъ исаврійскаго дома — времени Аморійской или Фригійской династіи. Добавлено о битвѣ при Посони и посланіи восточныхъ патріарховъ, написанномъ въ защиту иконъ. Въ дополненіи о состояніи образованія и литературы въ иконоборческій періодъ В. останавливается на лѣтописцахъ, затѣмъ переходитъ къ защитникамъ православія, задерживается на организаціи высшей школы цезаремъ Вардой и на дѣятельности Фотія. Особое вниманіе также удѣлено Іоанну Грамматику, Льву Мудрому и проблемѣ культурныхъ сношеній Византійской имперіи и халифата; вліянію иконоборчества на ходъ развитія византійскаго искусства. Глава VI. Македонская династія (867—1056) и смутное время (1056—81) соотвѣтствуетъ гл. VIII и IX русскаго изданія. Главѣ предпослано введеніе, объясняющее раздѣленіе эпохи Македонской династіи на два періода: 1) съ 867 до 1056 года — самаго блестящаго по отношенію къ политическому существованію имперіи, расцвѣта законодательства и отмѣченнаго духовнымъ прогрессомъ и 2) 1056—81 — эпоха дворцовыхъ интригъ. Добавленія сдѣланы въ области византійско-арабскихъ отношеній: о сношеніяхъ на почвѣ культурной враждующихъ сторонъ (переписка Николая Мистика съ эмиромъ Критскимъ, из-

21

вѣстія нѣкоторыхъ арабскихъ писателей — Якиты, Яхъи Антіохійскаго и др.), объ отношеніи Хакима къ христіанамъ и политикѣ Василія II. Въ области религіозной жизни В. внесъ также новое: объ отношеніи Льва VI-го къ Фотію, о значеніи раздѣленія церквей и о томъ, какъ этотъ фактъ былъ принятъ въ массахъ. Во II-ой части — эпохи дворцовыхъ интригъ почти нѣтъ измѣненій. Послѣдняя часть, посвященная наукѣ и литературѣ, значительно расширена; важнѣйшія добавленія о Генезіи, Ѳ. Дифинопатѣ и др. Особое вниманіе удѣлено также поэтамъ Іоанну Грамматику, Христофору Митиленскому и эпической поэмѣ о Дигенисѣ Акритѣ. Отдѣлъ кончается обозрѣніемъ византійскаго искусства въ IX—XII вв., переживающемъ свой II-ой золотой вѣкъ. Какъ и въ предыдущихъ главахъ приложена важнѣйшая библіографія.

Какъ ясно даже изъ бѣглаго пересмотра, В. внесъ рядъ очень цѣнныхъ дополненій въ свое превосходное пособіе по изученію исторіи Византіи, изъ которыхъ цѣлый рядъ относятся къ области особенно хорошо извѣстной В., какъ изслѣдователю византійско-арабскихъ отношеній. Особый интересъ представляютъ также отдѣлы, дающіе очерки по византійской культурѣ въ отдѣльныя эпохи и знакомящіе съ главнѣйшими литературными теченіями и писателями; небезынтересны также краткія обозрѣнія византійскаго искусства, нѣсколько проигрывающія отъ отсутствія иллюстрацій. Крайне желательно было бы приложеніе къ сочиненію географическихъ картъ, при помощи которыхъ легче разобраться въ запутанныхъ международныхъ столкновеніяхъ Ромейской имперіи. Цѣнна для желающихъ заниматься исторіей Византіи библіографія, которая охватываетъ и важнѣйшія новыя сочиненія. Ввиду этого предпочтительно пользоваться новымъ изданіемъ, хотя и старое далеко не утратило своей цѣнности и продолжаетъ сохранять свое значеніе. *М. А. Андреева.*

Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281—1290) publiés par G. I. **Brătianu**. Académie Roumaine. Etudes et recherches, II. Bucarest, 1927, стр. 375. G. I. **Brătianu**, Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929. Стр. 359.

Два года тому назадъ профессоръ Ясскаго университета G. I. Brătianu издалъ большое собраніе актовъ генуэзскихъ нотаріусовъ Перы и Кафы; акты эти относятся къ началу развитія генуэзскихъ колоній въ Черноморьѣ послѣ заключенія Нимфейскаго договора 1261 года. Издано полностью 333 такихъ акта (изъ нихъ 151 происхожденіемъ изъ Перы и 172 изъ Кафы) и 455 даны лишь въ краткомъ описаніи (180—изъ Перы, 275 изъ Кафы). Этому изданію проф. G. I. Brătianu предпослалъ описаніе печатаемыхъ имъ актовъ и изслѣдованіе ихъ съ точки зрѣнія исторіи права (стр. 13—71). Кромѣ того данъ „Опытъ словаря техническихъ словъ“ (стр. 6—11) и въ концѣ книги приложенъ указатель собственныхъ именъ и мѣстъ.

Акты даютъ богатый матеріалъ для исторіи организаціи генуэзскихъ колоній, въ особенности же для исторіи черноморской торговли въ концѣ XIII столѣтія. Интересны они также и для исторіи быта итальянскихъ поселенцевъ, такъ какъ акты эти пестрятъ упоминаніями различныхъ предметовъ домашняго обихода — завѣщаемыхъ, продаваемыхъ или покупаемыхъ колонистами.

Появившееся два года спустя изслѣдованіе проф. G. I. Brătianu по исторіи генуэзской торговли на Черномъ морѣ во второй половинѣ XIII-го вѣка покоится главнымъ образомъ на изданныхъ имъ упомянутыхъ актахъ и является до нѣкоторой степени обработкой ихъ.

Во введеніи (стр. 1—11) авторъ даетъ обзоръ литературы, изъ котораго видно его знакомство и съ русской научной литературой. Впрочемъ, къ сожалѣнію, автору осталось неизвѣстно такое важное для его темы изслѣдованіе какъ трудъ М. Ковалевскаго: „Къ ранней исторіи Азова“, напечатанный въ Трудахъ XIII-го Археологическаго Съѣзда.

I-ая глава I-ой части — „Торговля на Черномъ морѣ въ древности и въ раннее средневѣковьѣ“ (стр. 15—41) — не представляетъ большого интереса, такъ какъ является несамостоятельнымъ изслѣдованіемъ (а основаннымъ на трудахъ E. Minns'a, Ebert'a и М. И. Ростовцева) и не даетъ ничего новаго.

II-ая глава этой части (стр. 42—59) вводитъ читателя въ политическія и экономическія ситуаціи генуэзцевъ, которыя предшествовали договору генуэзцевъ съ имп. Михаиломъ Палеологомъ, открывшему имъ широкій доступъ въ Черное море. Здѣсь, между прочимъ, авторъ касается и извѣстнаго мѣста договора 1169 г. имп. Мануила Комнена о запрещеніи

генуэзцамъ посѣщать „τῆς Ῥωσίας καὶ τῶν Ματράχων", которыя проф. Братіану, слѣдуя мнѣнію итальянскаго ученаго C. Manfroni, объясняетъ какъ Черное и Азовское моря (стр. 50), игнорируя въ данномъ случаѣ русскую литературу по этому вопросу, склоняющуюся скорѣе видѣтъ въ „Россіи" и „Матархѣ" — „Русскій портъ" въ Азовскомъ морѣ и Тмутаракань (ср. напр. Ф. К. Брунъ, Черноморье, XI; О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи, Записки Имп. Новороссійск. Университета, т. XXVIII, стр. 271—2; Б. А. Загоровский, Очерк истории северного Причерноморья, ч. I, Одесса, 1922, с. 50, 60, 75—76).

III-ья глава, начинающая собою II-ую часть книги, разбираетъ водвореніе генуэзцевъ въ Константинополѣ и Перѣ, начиная съ середины XII в. (стр. 61—107), и затѣмъ останавливается на организаціи генуэзской колоніи въ Перѣ — какъ со стороны административной, такъ и торговой и бытовой; при этомъ авторъ привлекаетъ новыя данныя изъ изданныхъ имъ „Actes des notaires génois de Péra et de Caffa". Такая реконструкція организаціи самой большой генуэзской факторіи интересна не только сама по себѣ, но еще также и тѣмъ, что Пера и ея организація служили, повидимому, образцомъ для остальныхъ генуэзскихъ колоній на всемъ побережьѣ Чернаго моря и была въ значительной мѣрѣ прототипомъ для крымской Кафы, а можетъ быть и для Солхата.

IV-ая глава (стр. 108—154) рисуетъ генуэзскую торговлю въ предѣлахъ Византійской Имперіи, разбирая мѣры вѣса, монетныя системы, главныя направленія торговли и устанавливаетъ города, вовлеченные въ эту торговлю, разсматриваетъ организацію таможенъ Византіи и таможенныя пошлины, которыми облагались генуэзцы при торговлѣ въ Византіи. Жаль, что авторъ не остановился подробнѣе на предметахъ торговли генуэзцевъ и не далъ отдѣльно списка (какъ то напр. сдѣлалъ Heyd въ своей „Histoire de commerce du Levant au moyen âge") предметовъ торговли, проходившихъ черезъ руки генуэзцевъ, а ограничился лишь бѣглымъ и далеко не полнымъ перечнемъ на стр. 108—111.

V-ая глава (стр. 155—196) разсматриваетъ исторію генуэзской торговли въ Малой Азіи и восточной части Чернаго моря, прослѣживая появленіе итальянцевъ въ Малой Арменіи, Сивашѣ, Трапезундѣ, на Кавказѣ и въ Персіи. Проф. Братіану приходитъ къ выводу, что генуэзцы проникли на Анатолійскій полуостровъ *еще раньше Нимфейскаго договора*, которымъ былъ имъ открытъ путь черезъ Дарданеллы, и что это проникновеніе шло сухопутнымъ путемъ изъ залива Александретты, откуда генуэзцы, прокладывая себѣ пути въ Персію, постепенно обосновывались на малоазійскомъ полуостровѣ.

Поэтому, разсматривая въ VI-ой главѣ начало генуэзскихъ колоній въ Крыму (стр. 197—249), проф. Братіану считаетъ ихъ болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ южно-причерноморскія, и, въ частности, начало устройства итальянскихъ колоній въ Кафѣ и Солдайѣ (Судакѣ) ставитъ въ связь съ эмиграціей въ 1265 г. изъ Малой Азіи въ Крымъ иконійскаго султана Изеддина, хорошо знавшаго итальянцевъ въ своихъ прежнихъ владѣніяхъ (стр. 205—206). Далѣе, въ той же главѣ, слѣдуетъ описаніе Кафы и ея разнообразнаго населенія — но лишь въ національномъ разрѣзѣ; не дается, къ сожалѣнію, описанія колоніи съ точки зрѣнія профессіональной, хотя изданные самимъ проф. Братіану акты даютъ обильный и благодарный матеріалъ для подобнаго рода работы. Остается пожалѣть также, что авторъ, разбирая торговлю итальянскихъ колоній Крыма и сѣвернаго Причерноморья вообще, не привлекъ столь интереснаго источника, какъ Codex Cumanicus, содержащій такой богатый матерьялъ для исторіи торговли. Какъ и для Перы, проф. Братіану не даетъ, къ сожалѣнію, систематическаго перечня предметовъ торговли итальянскихъ колоній Крыма. Отсылка читателя къ „Supplément" Heyd'a (во второмъ томѣ его „Histoire de commerce du Levant au moyen âge", стр. 503 и слѣд.) въ данномъ случаѣ недостаточна, такъ какъ Heyd какъ разъ очень мало привлекъ матеріала для характеристики торговли въ сѣверномъ Причерноморьѣ, и матеріалъ этотъ, разбросанный у него на протяженіи сотенъ страницъ (томъ II-ой, стр. 156—215 и 563—711), очень труденъ для отыскиванія.

Послѣдняя VII-ая глава (стр. 250—287) трактуетъ исторію войны Генуи съ Венеціей (1293—1299 гг.), положившей конецъ исключительному преобладанію генуэзцевъ на Черномъ морѣ.

Въ *Приложеніяхъ* помѣщенъ экскурсъ о странѣ „Лакъ" (стр. 295—300 г.г.), направленный противъ точки зрѣнія тѣхъ ученыхъ, которые отождествляли это имя съ Валахами; авторъ доказываетъ, что подъ этимъ именемъ кроется земля Лезгинъ на Кавказѣ. Во вто-

ромъ приложеніи (стр. 301—326) опубликовываются новые документы, относящіеся къ исторіи торговли итальянцевъ на Черномъ морѣ въ 1274—1296 г.г.

Несмотря на перечисленные недостатки, книга проф. Братіану является большимъ и цѣннымъ вкладомъ въ изученіе причерноморской торговли въ средніе вѣка.

Д. Расовскій.

Ю. Д. Бруцкус. Письмо хазарского еврея от X века. Новые материалы по истории Южной России времен Игоря. Берлин. 1924 г.

Въ связи съ усиленнымъ интересомъ, возбуждаемымъ въ послѣднее время исторіей Хазаріи и ея вліяніемъ на древнюю Русь, большое вниманіе привлекъ къ себѣ хазарско-еврейскій Анонимъ X вѣка, по новому освѣщающій нѣкоторые моменты древне-русской исторіи. Авторъ настоящей статьи также пытался обслѣдовать этотъ интересный источникъ въ статьѣ, напечатанной въ Сборникѣ Русскаго Археологическаго Общества въ Королевствѣ С.Х.С., гдѣ данныя памятника датированы и интерпретированы иначе, чѣмъ это было сдѣлано П. К. Коковцевымъ, А. А. Васильевымъ и В. Н. Пархоменко. Къ сожалѣнію условія жизни въ глухой хорватской провинціи не дали мнѣ возможности ранѣе ознакомиться съ посвященнымъ тому же вопросу изслѣдованіемъ Ю. Д. Бруцкуса, изданнымъ въ Берлинѣ. Говорю „къ сожалѣнію", т. к. не измѣнивъ моего основного взгляда на содержаніе источника, знакомство съ работой г. Бруцкуса позволило бы мнѣ шире освѣтить затронутый вопросъ и тогда же остановиться на точкахъ нашего расхожденія. Но съ другой стороны предварительное незнакомство со статьей Ю. Д. Бруцкуса принесло мнѣ впослѣдствіи большую радость, когда я увидѣлъ, что мой главный выводъ о хронологіи данныхъ источника, противорѣчащій воззрѣнію, до сихъ поръ защищаемому авторитетными учеными (см. напр. A. A. Vasiliev. History of the byzantine empire. Vol. I. Madison 1928, стр. 390), совпалъ съ мнѣніемъ спеціалиста тюрколога-гебраиста. Послѣднее обстоятельство даетъ мнѣ смѣлость высказать нижеслѣдующія соображенія о работѣ г. Бруцкуса, остановившись на нѣкоторыхъ вопросахъ, гдѣ наши воззрѣнія расходятся.

Наши пути расходятся начиная съ болѣе точной датировки русско-византійско-хазарской войны, которую я датирую не 932—943 гг., а 943—944 гг. Моя датировка и послѣ ознакомленія съ аргументаціей г. Бруцкуса кажется мнѣ болѣе вѣроятной ввиду слѣдующихъ соображеній.

Гоненіе на евреевъ 932 года по всей вѣроятности было еще при хазарскомъ царѣ Ааронѣ, т. к. какъ разъ въ этомъ году была война Хазаръ съ Аланами, законченная тѣмъ же государемъ, тогда какъ Анонимъ говоритъ о гоненіи, происшедшемъ „во дни царя Іосифа" Поэтому естественнѣе поставить описанныя событія въ связь съ гоненіемъ 943 года, имѣвшимъ послѣдствіемъ массовое выселеніе евреевъ изъ Византіи въ Хазарію, о чемъ опредѣленно свидѣтельствуетъ Массуди: „И соединилось съ царемъ хазаръ много еврѣвъ, которые пришли къ нему изъ всѣхъ городовъ мусульманскихъ и изъ областей грековъ. И это случилось потому, что царь грековъ Романъ въ настоящее время, то есть въ 332-мъ году (943—944 г.) обращалъ въ христіанскую вѣру евреевъ, которые находились въ его царствѣ и силилъ ихъ на это". (Massoudi, Les prairies d'or. Ed. Barbier de Meynard. Paris 1861, vol. II, pp. 8—9). Кромѣ того трудно предположить, чтобы длительная 12-ти-лѣтняя война съ Хазарами не оставила слѣдовъ въ византійскихъ источникахъ, тогда какъ вполнѣ объяснима возможность молчанія источниковъ о существовавшихъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ столкновеніяхъ съ хазарами въ отдаленномъ Крыму, совпавшихъ съ важными событіями на восточныхъ границахъ и переворотами въ центрѣ. Да и самый источникъ не даетъ основанія для заключеній о столь длительной борьбѣ. Если Хазары осаждали Херсонъ въ 935-мъ году, — неужели имъ понадобилось пять лѣтъ, чтобы собраться съ силами и напасть на Игоря? Затѣмъ: трудно предполагать, чтобы по прошествіи семи лѣтъ удалось хазарамъ получить отъ русскихъ добычу, захваченную въ Самкарцѣ. Наконецъ: почему и гдѣ ждалъ Игорь еще три года послѣ погрома у Царьграда до похода въ Персію? Современникъ событій, — авторъ хазарскаго источника, прямо указываетъ, что русскій князь с р а з у ж е послѣ пораженія отъ грековъ, стыдясь вернуться въ отечество, ушелъ моремъ въ Персію. Все это заставляетъ предполагать значительно болѣе короткій промежутокъ времени — м. б. всего

нѣсколько мѣсяцевъ, втеченіи которыхъ быстро развернулись описанныя событія.

Датируя русско - византійско - хазарскую войну точно 943—944 годами, я пришелъ къ убѣжденію о невозможности отождествить *Хальгу съ Игоремъ, несмотря на хронологическую* одновременность ихъ походовъ противъ Византіи. 1) Современникъ—авторъ фрагмента, не могъ допустить неоднократной ошибки, называя Игоря именемъ Хальгу. 2) Въ періодъ между несчастнымъ походомъ 941-го года и грознымъ 944-го — врядъ ли бы Игорь сталъ для пользы Византіи нападать на Хазарію (943 г.). 3) Отъ греческаго огня флотъ Игоря пострадалъ въ 941-мъ, а не въ 944-мъ году. 4) Вернувшись на родину въ 944 году Игорь былъ убитъ Древлянами, а не уходилъ въ Персію, гдѣ по Анониму погибъ русскій князь. Добавимъ, что смерть русскаго князя въ Персіи подтверждаетъ и современный арабскій источникъ — Мискавейхи, — описывающій походъ Руси въ Табаристанъ (см. статью А. Флоровскаго въ Seminarium Kondakovianum I, стр. 175 и сл.). Наконецъ 5) — никоимъ образомъ къ кіевской Руси не можетъ быть отнесено сообщеніе о томъ, что послѣ неудачной войны съ Хазарами русскіе подпали подъ власть хазаръ. Однако, доказывая невозможность отождествленія войнъ Хальгу съ походами Игоря, я не отрицалъ возможности существованія между ними большой связи.

Но въ такомъ случаѣ пришлось искать другую — не-Кіевскую Русь, которая бы могла въ 943—944 г. вести тѣ войны, о которыхъ разсказываетъ еврейскій источникъ. Примыкая къ тому направленію исторической науки, которое считаетъ „основаніе русскаго государства“ въ Новгородѣ однимъ изъ эпизодовъ въ широкомъ процессѣ восточной норманнской колонизаціи, создавшей на территоріи теперешней Россіи цѣлый рядъ варяжскихъ княжествъ, существованіе которыхъ доказывается и намеками письменныхъ историческихъ свидѣтельствъ и данными археологіи (см. напр. статью проф. Брауна „Варяги на Руси“ въ 6—7 № Берлинскаго журнала „Беседа“), я пришелъ къ заключенію, что описываемую Анонимомъ Русь князя Хальгу нужно искать на Черноморьи, въ Тмутаракани, откуда многіе изслѣдователи выводили походы Руси въ Табаристанъ 912 и 943—944 годовъ и даже осаду Царьграда Руссами въ 860 году. Не имѣя возможности задерживаться на вопросѣ существованія въ IX—X вѣкѣ варяжскаго княжества въ Тмутаракани, позволю себѣ напомнить имена Эверса, Гедеонова, Щеглова, Куника, Иловайскаго, Голубинскаго, Васильевскаго, Гаркави, Грушевскаго, Пархоменко, Шахматова, посвятившихъ много труда доказательству существованія Черноморской Руси.

Препятствіемъ для моей гипотезы является лишь упоминаніе источникомъ хазарскаго города Самкарца, завоеваннаго княземъ Хальгу, т. к. до сихъ поръ большинство изслѣдователей считали это имя исторической формой Тмутаракани. Основаніе для отождествленія Тмутаракани съ Самкарцемъ дало свидѣтельство арабскаго писателя Ибнъ эль Факиха, помѣщающаго этотъ городъ около озера, вблизи Чернаго моря, а также слова хазарскаго царя Іосифа въ письмѣ къ Хаздаи, гдѣ Самкарцъ упомянутъ какъ мѣсто, находящееся между устьемъ Дона и Керченскимъ проливомъ. Мнѣ отождествленіе Самкарца съ Тмутараканью кажется абсолютно невѣроятнымъ. Имя Самк-рцъ въ трехъ независимыхъ другъ отъ друга источникахъ употреблено въ одной и той же формѣ, что совершенно исключаетъ вѣроятность случайнаго искаженія имени Тмутаракани въ форму Самкарцъ и заставляетъ предполагать въ послѣднемъ особый, отличный отъ Тмутаракани городъ. Кромѣ того интересно привести текстъ изъ письма царя Іосифа о Самкрцѣ: „Къ западу (лежали) Шаркель, Самкрц, Керц, Сугдан, Алус,“ и т. д. Очевидно, что городъ находился на западной сторонѣ Азовскаго моря, и никакъ не можетъ быть Тмутараканью, стоявшей на восточной сторонѣ Керченскаго пролива, и ужъ никакъ не помѣщавшейся между Саркеломъ и Керчью.

Поэтому я предположилъ въ названіи Самк-рц (Самк-рш, Самк-рй) осложненную форму имени К-рц (арабскій К-рх, персидскій К-рз, византійскій Κοϱίζος, древне-русскій Корчевъ), т. е. отождествилъ Самк-рц съ Керчью, считая Самкрцъ пригородомъ Керчи, имѣвшимъ преимущественно еврейское населеніе, въ отличіе отъ самой Керчи — стараго Киммерійскаго Босфора, населеннаго преимущественно греками (о чемъ говоритъ, напр., Ибнъ Русте). Поэтому царь Іосифъ и различаетъ эти два мѣста. Въ остальномъ всѣ географическія и политическія условія, съ которыми знакомятъ насъ источники, говорящіе о Самк-рцѣ, не противорѣчатъ отождествленію этого города съ Керчью.

Интереснѣйшія соображенія г. Бруцкуса о значеніи приставки „сам" въ именахъ хазарскихъ городовъ подкрѣпляетъ мое предположеніе. Такихъ именъ сохранилось довольно много: Самендеръ, Самбюртесъ, Самкіоръ, Самбатъ (Кіевъ), Самк-рцъ, м. б. и теперешній Самаркандъ. По хазарски — „сам" — обозначало „верхній" и часто употреблялось для обозначенія населеннаго мѣста. Такъ, напр., Самендеръ — значитъ городъ племени Ендеръ, Самкіоръ — городъ Кіорскаго перевала, Самбюртесъ — городъ племени бюртасовъ. Самбатъ объясняется г. Бруцкусомъ изъ словъ „сам" — верхній и „бат" — крѣпкій (тюрк.), т. е. значитъ „верхняя крѣпость" — Вышгородъ. Отсюда явствуетъ, что и Сам-к-рц — значитъ „верхняя Керчь" и вѣроятно это мѣсто было укрѣпленной частью города или укрѣпленіемъ, вродѣ Ени-Кале, рядомъ съ Керчью. Въ такомъ случаѣ легко понять, какимъ образомъ Тмутараканскій князь Хальгу могъ неожиданно напасть на этотъ хазарскій городъ, лежавшій противъ Тмутаракани на западномъ берегу Керченскаго пролива.

Такимъ образомъ, ставя въ связь данныя вышеупомянутыхъ источниковъ, я предложилъ слѣдующую попытку истолкованія событій, описываемыхъ Анонимомъ.

Гоненіе на евреевъ въ Византіи 943 г. вызвало еврейскую эмиграцію въ Хазарію и отвѣтное гоненіе на христіанъ, предпринятое царемъ Іосифомъ. Византійская дипломатія, никогда не упускавшая случая натравить своихъ сосѣдей другъ на друга, и на этотъ разъ нашла союзника между сосѣдями Хазаръ. Это было тѣмъ болѣе необходимо для Византіи, что ея войско сражалось въ это время на востокѣ, а кромѣ того она должна была быть готовой къ новой войнѣ съ Игоремъ, разбитымъ у Константинополя въ 941-мъ году. Нужно было во что бы то ни стало замутить отношенія между сосѣдями на сѣверномъ Черноморьи, дабы предотвратить возможность созданія тамъ враждебной коалиціи. Нужнаго союзника Византія нашла въ Таманской Руси. Князь Хальгу напалъ на Керчь и, ограбивъ городъ, вернулся въ Матраху. Въ отвѣтъ на это хазары ворвались въ византійскія крымскія области и опустошили ихъ, а затѣмъ напали на Хальгу (м. б. осадивъ Матраху), отняли у него захваченную въ Керчи добычу и принудили его прервать сношенія съ Византіей и обратить оружіе на прежнихъ союзниковъ. По всей вѣроятности нападеніе Хальгу на грековъ находилось въ связи съ походомъ Игоря 944-го года. Было ли это согласованное нападеніе на двухъ фронтахъ — въ Крыму и во Фракіи, или м. б. Таманскую Русь разумѣетъ лѣтопись подъ тѣми варягами, которые были наняты „изъ-за моря" — трудно сказать. Нападеніе не удалось — Греки разбили Хальгу. Въ то же время Игорь заключилъ съ Византіей миръ, обязавшись за Тмутараканскаго князя, что онъ не будетъ безпокоить Крымскіе города и, больше того, — будетъ оборонять отъ заазовскихъ кочевниковъ крымскія области (8-я и 11-я статьи договора). Попавъ въ невозможность продолжать войну съ греками и находясь въ затруднительномъ положеніи передъ хазарами, которые принуждали его къ войнѣ съ Византіей, азовскій русскій князь бросился на единственную, оставшуюся свободной, дорогу — въ Каспійское море, гдѣ, какъ извѣстно, задержался почти на цѣлый годъ, опустошая Азербайджанъ, и стараясь обосновать новое княжество въ Бердаа. Тамъ онъ и погибъ, а остатки его войска вернулись обратно. Ослабленное Таманское княжество снова подпало подъ верховную власть Хазаріи и, какъ ея вассальная область, существовало до 965 года, когда Святославъ, разоривъ Саркелъ на нижнемъ Донѣ, потѣснилъ Хазаръ къ Каспійскому морю и завладѣлъ Поазовьемъ.

Не скрываю, что и моя гипотеза страдаетъ большимъ недостаткомъ, оперируя съ гадательной величиной — Тмутараканской Русью, существованіе которой въ IX и первой половинѣ X вѣка до сихъ поръ оспаривается авторитетными учеными. Оно и понятно: до сихъ поръ не найдено ни одного источника, который бы ясно назвалъ Тамань IX—X в. — русской. Но если о Тамани мы не имѣемъ такихъ точныхъ данныхъ, то противъ присутствія Руси на Черноморьи въ IX вѣкѣ возражать трудно. Если же считать доказаннымъ существованіе норманнскихъ колоній въ Крыму (см. статью Шахматова „Варанголименъ и Россофаръ" въ Сборникѣ, посвященномъ Срезневскому, Л. 1924), то почему не допустить существованія варяжскаго центра на Тамани, гдѣ позднѣе видимъ сильное русское княжество, неизвѣстно когда и какимъ образомъ подпавшее подъ Кіевъ (см. аргументацію у Голубинскаго). Наконецъ, если ужъ такимъ невѣроятнымъ кажется предположеніе о существованіи на Тамани въ X вѣкѣ

независимаго отъ Кіева норманнскаго княжества, то наша гипотеза мирится и съ другими взглядами, высказанными по вопросу о Тмутаракани. Можно думать, что Тмутаракань еще при Олегѣ или въ первые годы правленія Игоря подпала подъ власть Кіева, и что тамъ сидѣлъ особый князь (вродѣ Полоцкаго Рогволода), полунезависимый вассалъ Игоря, почему этотъ послѣдній въ 941 году бѣжалъ отъ Царьграда на Киммерійскій Босфоръ. Тогда стали бы еще понятнѣе 8 и 11 §§ договора 945 года, предписывающіе русскому князю не безпокоить Корсунскую страну и беречь ее отъ нападеній заазовскихъ кочевниковъ.

Остановимся еще на отношеніи данныхъ Анонима къ событіямъ, описаннымъ въ запискѣ Готскаго топарха. Мнѣ также приходило въ голову связать эти данныя, но удержало соображеніе объ ихъ хронологическомъ несоотвѣтствіи. Какъ извѣстно, на основаніи астрономическихъ указаній „записки" удалось установить возможныя даты описанныхъ въ ней событій: 874—876, 903—905, 933—935, 964—966, 993—995. Нѣкоторые ученые исправляли эти даты на 961—63 и 991—995. Вестбергъ считаетъ возможными лишь 963 или 1080—82 г. Для связи съ данными Анонима пригодны изъ этихъ датъ лишь 933—935 г., для чего пришлось бы протянуть византійско-хазарско-русскую войну съ 932 до 943 года, что мнѣ представлялось невозможнымъ по приведеннымъ выше соображеніямъ. Поэтому я думаю, что факты, упоминаемые запиской Готскаго Топарха, не стоятъ въ связи съ русско-византійско-хазарскими столкновеніями 943—944 года, а если и имѣли мѣсто въ 933—935 г., то были однимъ изъ тѣхъ хазарскихъ походовъ въ Крымъ, о которыхъ упоминаетъ Порфирогенитъ.

Прибавимъ къ этому еще одно принципіальное возраженіе противъ распространеннаго методологическаго пріема при изученіи „туманныхъ" историческихъ эпохъ — подгонять данныя разныхъ источниковъ къ двумъ-тремъ случайно извѣстнымъ намъ фактамъ. Несомнѣнно — въ IX—X вѣкахъ, въ эпоху номадскихъ переселеній и норманнскихъ походовъ политическая жизнь сѣвернаго Черноморья была очень кипучей и разнообразной и если по счастливой случайности оказались освѣщенными нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ этого періода, то изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что въ промежуткахъ между ними царилъ безмятежный миръ. Конечно, необходимо стараться „объяснить неизвѣстное извѣстнымъ" — такъ, напр., вполнѣ понятно стараніе сблизить хронологически одновременные факты войны Игоря съ Византіей, византійско-хазарско-русскихъ столкновеній по Анониму, гоненія на евреевъ по Массуди и похода Руссовъ въ Табаристанъ. Но очень большой натяжкой представляется, напр., связываніе упомянутыхъ событій съ нападеніемъ Руси на Сурожъ. Вспомнимъ, что по житію русская осада случилась „мало лѣтъ" по смерти св. Стефана, умершаго въ концѣ VIII-го вѣка, что во время этого нападенія епископомъ сурожскимъ былъ Филаретъ — преемникъ св. Стефана, что многочисленныя детали житія указываютъ на его составленіе вскорѣ послѣ смерти святого, по всей вѣроятности около 842 года, и значительно большую вѣроятность представитъ гипотеза, относящая походъ князя Бравлина (м. б. дѣйствительно испорченное Варанга?) къ первой половинѣ IX-го вѣка. Почему не предположить, что это была именно одна изъ тѣхъ первыхъ волнъ, которая, прорвавшись на Черноморье, осѣла на его сѣверномъ берегу, *создавъ нѣсколько малыхъ центровъ* въ Крыму и обосновавшись на Тамани — „островѣ", подаренномъ хазарскимъ хаганомъ пришедшему въ его предѣлы Русу (по Мирхонду).

В. Мошинъ.

Копривница (Хорватія).

ОТЧЕТЪ

О РАБОТАХЪ СЕМИНАРІЯ ИМЕНИ Н. П. КОНДАКОВА

(SEMINARIUM KONDAKOVIANUM)

ЗА ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ (ПО 17 ФЕВРАЛЯ 1929 г.[1]).

Работы Семинарія имени Н. П. Кондакова за четвертый годъ его существованія явились продолженіемъ и расширеніемъ работъ предыдущаго года.

Семинаріемъ было устроено два публичныхъ засѣданія. Первое состоялось 14 ноября 1928 г. въ память десятилѣтія со дня смерти археолога и историка искусства, академика Якова Ивановича Смирнова († 10/23 октября 1918 г.). Засѣданіе происходило въ Большой Аудиторіи Философскаго Факультета Карлова Университета на Бржеговой улицѣ въ Прагѣ, подъ предсѣдательствомъ академика В. А. Францева, открывшаго засѣданіе вступительнымъ словомъ, въ которомъ онъ охарактеризовалъ работу Семинарія за послѣдній годъ; проф. А. П. Калитинскій прочелъ докладъ о покойномъ академикѣ Я. И. Смирновѣ. Д-ръ Н. М. Бѣляевъ сдѣлалъ докладъ на тему „Древнѣйшія русскія иконы", въ сопровожденіи свѣтовыхъ проэкцій. На засѣданіи присутствовалъ представитель министра иностранныхъ дѣлъ Чехословацкой Республики.

28 ноября 1928 г. состоялось второе публичное засѣданіе Семинарія въ томъ же помѣщеніи, посвященное памяти скончавшагося академика Ѳеодора Ивановича Успенскаго. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ проф. А. П. Калитинскаго, открывшаго собраніе краткимъ словомъ объ умершемъ академикѣ; профессоръ Карлова Университета, д-ръ Милошъ Вейнгартъ прочелъ докладъ „О научной дѣятельности Ѳ. И. Успенскаго съ точки зрѣнія славистики"[2]; пріѣхавшій на засѣданіе изъ Бреславля (Германія) приватъ-доцентъ Бреславльскаго Университета, д-ръ Г. А. Острогорскій прочелъ докладъ: „Ѳ. И. Успенскій, какъ историкъ Византіи" и профессоръ Карлова Университета Н. Л. Окуневъ — „Ѳ. И. Успенскій и Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ".

Семинарій, въ лицѣ проф. А. П. Калитинскаго, принималъ участіе въ Международномъ Съѣздѣ Народнаго Искусства (Congrès International des arts populaires), состоявшемся въ Прагѣ съ 7 по 13 октября 1928 года.

Семинарій за отчетный годъ посѣтили: проф. Пражскаго Университа Dr. J. Dobiáš, проф. въ École des Langues Orientales vivantes въ Парижѣ С. Г. Елисѣевъ, хранитель отдѣленія эпохи переселенія народовъ Мадьярскаго Національнаго Музея въ Будапештѣ Dr. N. Fettich, проф. въ Университетѣ Кіото (Японія) S. Umehara, проф. Берлинскаго Университета, д-ръ O. Wulff.

29 октября 1928 г. президентъ Чехословацкой Республики Т. Г. Масарикъ учредилъ при Семинаріи стипендіи для тѣхъ изъ неимущихъ русскихъ студентовъ Карлова Университета, которые избрали своею специіальностью русскую археологію, исторію искусствъ и близкія къ нимъ дисциплины. На эти стипендіи Семинаріемъ были приняты два студента Философскаго Факультета — Н. Е. Андреевъ и Е. И. Мельниковъ.

Въ отчетномъ году Семинарій, расширяя свою издательскую дѣятельность, предпринялъ изданіе двухъ новыхъ серій, въ осуществленіе поставленной имъ себѣ основной цѣли.

Лѣтомъ 1928 года Семинарій выпустилъ 1-ый номеръ серіи „ЗОГРАФИКА" (Памятники иконописи). Главной задачей предпринятой серіи является предоставленіе возможности изучать ма-

[1]) Отчетъ за предыдущій годъ (по 17 февраля 1928 г.) см. въ Seminarium Kondakovianum, Recueil d'études, II, 1928, стр. 377—379.

[2]) Напечатанъ въ I-омъ томѣ новаго чешскаго византологическаго журнала »Byzantinoslavica«, Praha 1929, стр. 165—181.

теріалъ, касающійся иконописи; поэтому особое вниманіе въ этой серіи обращено на воспроизведеніе памятниковъ; текстъ является пособіемъ для публикуемаго памятника и долженъ носить по большей части характеръ фактическій. Редактированіе этой серіи Семинарій поручилъ Н. М. Бѣляеву.

Первый номеръ серіи „Зографика" посвященъ Владимірской иконѣ Божіей Матери. Текстъ написанъ проф. А. И. Анисимовымъ. Одновременно съ русскимъ изданіемъ этой работы выпущено и англійское: „Our Lady of Vladimir by prof. A. J. Anisimov. Translated by Princess N. G. Yaschwill and T. N. Rodzianko. Prague, 1928.

Въ этомъ же году Семинарій приступилъ къ изданію капитальнаго сочиненія ак. Н. П. Кондакова: „Русская Икона". Изданіе задумано въ видѣ двухъ альбомовъ таблицъ и двухъ томовъ текста. Въ октябрѣ 1928 г. изданъ былъ I-ый альбомъ, воспроизводящій въ краскахъ 65 иконъ. Альбомъ этотъ посвященъ Семинаріемъ чешскому народу ко дню 10-илѣтія его освобожденія. Краткое описаніе иконъ I-го Альбома, составленное Н. М. Бѣляевымъ, издано на русскомъ, чешскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ.

Въ теченіе отчетнаго года въ Семинаріи состоялось 10 закрытыхъ засѣданій, на которыхъ прочитаны и обсуждены были слѣдующіе доклады и сдѣланы слѣдующія библіографическія сообщенія:

I. *Доклады* (въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ): Н. М. Бѣляевъ, 1) О мощехранительницахъ помѣщавшихся подъ престоломъ въ древне-христіанскихъ храмахъ (9. III. 28), см. настоящій Сборникъ, стр. 115—132; 2) Отчетъ о путешествіи съ 4 августа по 20 окт. 1928 г. въ Югославію для осмотра древнихъ сербскихъ церквей (23. XI. 28 и 30. XI. 28); С. Г. Елисѣевъ, Японія и ея мѣсто въ наукѣ о Дальнемъ Востокѣ (II. X. 28); П. Н. Савицкій, Культуры древней Евразіи (30. III. 28 и 6. IV. 28); В. В. Саханевъ, Культовые сюжеты въ русскомъ народномъ искусствѣ (9. XI. 28); Н. П. Толль, 1) Скиѳы и Гунны (23. III. 28, окончаніе доклада, начало котораго читалось въ предыдущемъ отчетномъ году 2. XII. 27. Отдѣльно издано подъ тѣмъ же заглавіемъ евразійскимъ книгоиздательствомъ въ Прагѣ въ 1928 г.); 2) Къ вопросу о скиѳскомъ вліяніи на минусинскую бронзовую культуру (7. XII. 28). Напечатано въ Eurasia Septentrionalis Antiqua, t. IV, Helsinki, 1929, стр. 183—188, по нѣмецки, подъ заглавіемъ „Bronzedolche der Sammlung Zichy."

II. *Библіографическія сообщенія* (въ алфавитномъ порядкѣ — латинскаго алфавита — авторовъ или заглавій сочиненій, которыя были предметомъ сообщеній): М. Васиħ, Жича и Лазарица, 1928 (Н. М. Бѣляевъ, 23. XI. 28); „Collection byzantine", publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé, T. I. Michel Psellos, „Chronographie", Paris 1926, T. II Correspondence de Nicéphore Grégoras, Paris 1927 (М. А. Андреева, 16. III. 28). A. Grabar, Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique, Paris, 1928 (Н. М. Бѣляевъ, 23. XI. 28); Р. Груjиħ, Откопавање св. Арханђела код. Призрена, Гласн. Скопског Научн. Друш. III, 1, 1928 (Н. М. Бѣляевъ, 23. XI. 28); L. Iakounina-Ivanova, Une trouvaille de l'âge de la Tène dans la Russie méridionale", Eurasia Septentrionalis Antiqua, I, 1927 (А. П. Калитинскій, 7. XII. 28); Милан Кашанин, Манастир Добрун; Бела црква Каранска — Старинар, IV, 1928 (Н. М. Бѣляевъ, 23. XI. 28); N. Okunev, Monumenta Artis Serbicae. I. Zagrebiae—Pragae, 1928 (Н. М. Бѣляевъ, 23. XI. 28); В. Петковиħ, Фрески XIII в. у манастиру Морачи, Vjesnik Hrv. Arch. XV (Н. М. Бѣляевъ, 23. XI. 28); В. Петковиħ, Једна српска сликарска школа XIV в., Гласн. Скопск. Научн. Друш. III, 1, 1928 (Н. М. Бѣляевъ, 23. XI. 28); Станаевиħ, Марковиħ, Бошковиħ, Манастир Манасiјa, Српски Споменици. V. 1928 (Н. М. Бѣляевъ, 23, XI. 28); Вопросы Реставрации I, Сборник Центральных Государственных Реставрационных Мастерских, под ред. Иг. Грабаря, Москва, 1926 (Н. М. Бѣляевъ, 16. III. 28).

Кромѣ отмѣченныхъ работъ занятія членовъ Семинарія выразились въ слѣдующемъ:

Г. А. Острогорскій 3 ноября 1928 г. получилъ званіе приватъ-доцента Бреславльскаго Университета и съ тѣхъ поръ при названномъ Университетѣ читалъ лекціи и велъ практическія занятія по исторіи Византіи. Опубликовалъ свою диссертацію на званіе приватъ-доцента: „Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites", Breslau, 1929.

Н. М. Бѣляевъ ѣздилъ съ 4 августа по 20 октября 1928 г. въ Югославію для осмотра древнихъ сербскихъ церквей, именно: группы церквей конца XIV — начала XV в. в. Манассія, Раваница, Каленичъ, Любостыня; Жичи; Студеницкой лавры; церквей апостоловъ Петра и Павла и Столпы св. Георгія въ городѣ Новомъ Базарѣ; церквей XIII в. въ Сопочанахъ и Милешевѣ; сербской патріаршіи въ г. Печъ; Дечанской лавры; ряда церквей въ гор. Призрѣнѣ и монастыря св. Архангела около Призрѣна; церквей и монастырей городовъ Прокупље и Куршумліе; церкви св. Георгія въ селѣ Старо-Нагоричино; ряда церквей въ селѣ Младо-Нагоричино; монастыря Матейчъ; въ районѣ Скопље: Маркова монастыря, монастыря св. Никиты въ селѣ Чучеръ, церкви и монастыря св. Архангеловъ въ с. Кучевиште, церкви въ с. Люботенъ, монастыря Матки и монастыря св. Пантелеймона въ Нерезъ; церквей св. Софіи, св. Климента, св. Іоанна Богослова, св. Димитрія, св. св. Константина и Елены, Св. Николая и Богородицы — въ гор. Охридѣ; монастыря св. Наума на Охридскомъ озерѣ. Изучалъ миніатюры славянскихъ рукописей Бѣлградской Народной библіотеки и римскую серебряную посуду Бѣлградскаго Народнаго Музея. Напечаталъ статью: Miniatury řeckého evangelia z roku 1232 (Миніатюры греческаго Евангелія 1232 года — докладъ, читанный на II Международномъ конгрессѣ византологовъ, въ Бѣлградѣ 14. IV. 1927 г.), въ сборникѣ: Z dějin východní Evropy a Slovanstva. Sborník věnovaný Jaroslavu Bidlovi, profesoru Karlovy University k šedesátým narozeninám. V Praze 1928, str. 100—106.

Н. П. Толль съ апрѣля по іюнь 1928 г. ѣздилъ въ Кёльнъ, Берлинъ, Парижъ и Брюссель для изученія коптскихъ и средневѣковыхъ тканей; въ январѣ 1929 г. ѣздилъ въ Будапештъ и Братиславу для занятій въ музеяхъ.

В. Н. Лосскій изучалъ творенія Діонисія Ареопагита и ихъ вліянія на средневѣковую схоластику на Западѣ; занимался надъ неизданными латинскими произведеніями Мейстера Экхарта, заключающихся въ манускриптномъ Cod. 21 библіотеки госпиталя св. Николая въ Bernkastel-Cues; просматривалъ въ рукописномъ отдѣлѣ Bibliothèque Nationale въ Парижѣ богословскіе и философскіе латинскіе манускрипты начала XIV в., связанные съ жизнью Парижскаго Университета въ эпоху пребыванія тамъ Мейстера Экхарта.

За отчетный годъ библіотека Семинарія увеличилась на 428 номеровъ и къ февралю 1929 г. общее число книгъ достигло 1086 экземпляровъ. Слѣдующія лица, учрежденія и печатные органы прислали въ библіотеку свои работы и изданія:

Д. Анастасиевић (Бѣлградъ), N. Bănescu (Cluj), G. Brătianu (Яссы), Е. Ф. Шмурло (Прага), R. Delbrueck, J. Ebersolt (Парижъ), N. Fettich (Будапештъ), А. В. Флоровскій (Прага), В. А. Францевъ (Прага), R. P. G. de Jerphanion (Римъ), I. Kostrzewski (Познань), М. Кашанинъ (Бѣлградъ), M. Lascaris (Салоники), G. Millet (Парижъ), L. Niederle (Прага), Н. Л. Окуневъ (Прага).

Analecta Bollandiana, Archaeologia Hungarica, Archeologiai Értesitő, Arta si Archeologia, Българския Археологически Институтъ, Byzantinisch-Neugrichische Jahrbücher, Römische Abteilung des Deutschen Archeologischen Institut, Dolgozatok a M. kir. Ferencz József Tudományegetem Archaeologiai Intézetéből, Echos d'Orient, Eurasia Septentrionalis Antiqua, Гласник Скопског Научног Друштва, Harvard University, Јужни Преглед, Moravský Archaeologický Klub, Musée Guimet, Mouseion, Украинскій Національный Музей во Львовѣ, Народни Музеј въ Бѣлградѣ, Orientalia Christiana, Památky archeologické, Przegląd Archeologiczny, Revue des études Slaves, Slavia, Slavia Occidentalis, „Старинар" Арх. Друштва въ Бѣлградѣ, The Christian East, Временникъ Общества друзей русской книги.

Денежныя пожертвованія поступили отъ: кн. Святополкъ-Четвертинской — 26.228 Kč; Президента Т. Г. Масарика — 20.000 Kč; Министерства Народнаго Просвѣщенія Чехо-Словацкой Республики — 4.950 Kč; Министерства Иностран. Дѣлъ Чехо-Словацкой Республики — 2000 Kč; отъ неизвѣстныхъ лицъ — 287 Kč; графини Коловратъ — 200 Kč. Всѣмъ жертвователямъ Семинарій приноситъ глубокую благодарность.

Директоръ Семинарія *А. П. Калитинскій.*

ОГЛАВЛЕНIЕ — TABLE DES MATIÈRES

Personalia:

Хроника. Chronique.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И ПРОПУСКИ

Страница:	Строка[1]:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
8	4 св.	слөжена	сложена
8	7 „	плохөго	плохого
10	6 „	не смотря	несмотря
19	7 сн.	концемъ	концомъ
55	6 св.	филубы	фибулы
59	11 „	филула	фибула
61	5 сн.	Εἰσὲ	Εἰσὶ
62	4 св.	органичиваются	ограничиваются
63	5 „	*клуглая*	*круглая*
78	1 „	на табл. XIV, 2	на табл. XIV, 1
80	14 сн.	mouvement	mouvements
78, 80, 82, 84, 86, 88, 90, 92, 94, 96	надъ текстомъ	М. Н. Бѣляевъ	Н. М. Бѣляевъ
83	14 сн.	ниже,	ниже),
83	12 „	имѣющее)	имѣющее,
83	11 „	I дру-	У дру-
88	29 „	Дли	Для
89	6 „	См. выше, прим.	См. выше, прим. 259
90	2 „	присоединялся	присоединился
94	8 „	M. H. d. k. k.	Mitth d. k. k.
96	15 „	(рис. 28).	(рис. 29).
97	3 „	не возможно	невозможно
107	16 „	Zuweilne	Zuweilen
109	16 сн.	(Taf. XII, 7)	(Taf. XIII, 7)
110	16 сн.	spätbyzantyscher	spätbyzantinischer
111	21 сн.	ikongraphischer	ikonographischer
117	31 сн.	переносяться	переносятся
119	рис. 2	a b	b a
125	9 сн.	Отстутствіе	Отсутствіе
126	19 сн.	основного юнаго	основного типа юнаго
132	22 сн.	Saint George	Saint Georges
149	15 св.	надлежатъ	подлежатъ
159	6 сн.	подъвигъшеся истиньніи	подъвигъшеся, истиньніи,
160	9 сн.	I. Сх—а	I Сх—а.
162	7 св.	чатаемъ	читаемъ.
164	1 сн.	патріарха	патріархата
164	1 сн.	въ слѣдъ	вслѣдъ
166	14 сн.	укразаннаго	указаннаго
189	9—10 сн.	и хвостъ. павлина	и хвостъ павлина
193	1 сн.	P. Hunfalry	P. Hunfalvy
194	14 св.	касающемся	касающейся
200	8 св.	сдѣдуетъ	слѣдуетъ
217	2 сн.	финскаго залива	Финскаго залива
238	4 св.	историческикъ	историческихъ

[1]) При счетѣ снизу принимаются во вниманіе и строки примѣчаній.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
239	16 сн.	большаго	большого
245	17 св.	существвованіе	существованіе
245	20 св.	подтверждютъ	подтверждаютъ
246	19 св.	шельда	Шельда
251	5 сн.	распространеной	распространенной
259	1 св.	описивающая	описывающая
277	15 св.	благодѣнствую	благоденствую
280	11 сн.	членамъ	членомъ
283	15 сн.	и свой	и создалъ свой
283	3 сн.	предмѣта	предмета
284	6 св.	оборвалясь	оборвалась
286	8 св.	самаго	самого
287	12 св.	независимостъ	независимость
289	8 сн.	представлена	предоставлена
296	прав. столб. 6 сн.	1930	1929
300	13 сн.	эфекты	эффекты
302	12 св.	напоминающія	напоминающихъ
302	13 св.	датируемыя	датируемыхъ